

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СЕМЕЙНЫЕ УЗЫ:

МОДЕЛИ ДЛЯ СБОРКИ

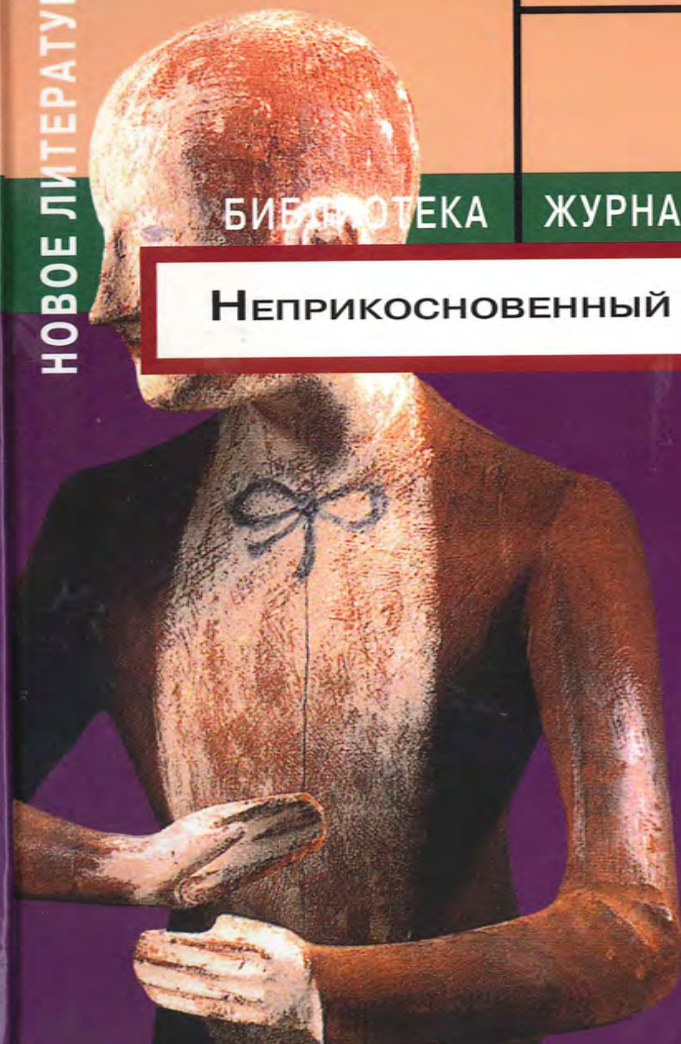
СБОРНИК
СТАТЕЙ
КНИГА

2

БИБЛИОТЕКА

ЖУРНАЛА

НЕПРИКОСНОВЕННЫЙ ЗАПАС

СЕМЕЙНЫЕ УЗЫ

Модели для сборки

Книга 2

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
МОСКВА • 2004

УДК 316.356.2(47)
ББК 60.561.5(2Рос)
С74

Дизайнер серии Д. Черногаев

Издание осуществлено
при финансовой поддержке
"Civic Education Project/SCOUT"

С74 Семейные узы: Модели для сборки: Сборник статей.
Кн. 2 /Сост. и редактор С. Ушакин. — М.: Новое литературное обозрение, 2004. — 520 с., ил.

Кого, как и зачем связывают семейные узы? Почему, несмотря на фундаментальные изменения социального строя, культурных традиций или принципов воспитания, логика родства остается востребованной и на уровне практических действий, и на уровне риторики? Что лежит в основе этой непреходящей тяги к поиску «родственных душ»? Анализируя изменения форм «семейного уклада», авторы сборника демонстрируют, как резкое отрицание нормативных моделей семейной жизни нередко сменяется в отечественной истории попытками вернуться к «исходным» традициям и устоям.

Во второй том вошли статьи, посвященные различным типам семейного воспитания детей, проблемам жизни семей мигрантов, а также политическим технологиям, основанным на использовании семейной риторики.

УДК 316.356.2(47)
ББК 60.561.5(2Рос)

ISBN 5-86793-282-6 (Кн. 2)
ISBN 5-86793-283-4

© С. Ушакин, сост., 2004
© Авторы, 2004
© Новое литературное обозрение, 2004

Содержание

V. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОЗА

<i>Линн Виссон.</i> Уроки воспитания Вани Смита: дети в российско-американских браках	9
<i>Элизабет Р. Мур, Александр Эткинд.</i> Утомленные солнцем, унесенные ветром: суррогатное материнство в двух культурах	32
<i>Лариса Лулякова.</i> «Чем мужика кормить, лучше ребенка воспитывать одной»: социальный портрет материнских семей	60
<i>Татьяна Снегирева, Алексей Подчиненов.</i> «Сын за отца не отвечает?»: комплекс безотцовщины в советской литературе	83
<i>Дмитрий Бычков.</i> Пространство (без) семьи	103
<i>Ребекка Кей.</i> «...Такие спортивные девчонки — как мальчики!»: о воспитании детей в постсоветской России	146

VI. ПОЛИТИКА ЧАСТНОГО

<i>Олег Рябов.</i> «Их нравы»: американская семья в зеркале советской пропаганды «холодной войны»	173
<i>Наталья Данилова.</i> Право матери солдата: инстинкт заботы или гражданский долг?	188
<i>Катерина Непомнящая.</i> Татьяна Толстая: текст семьи и семья в тексте	211
<i>Сюзан Гал, Гейл Клигмен.</i> Формы государств, формы «семьи»	226
<i>Татьяна Журженко.</i> Старая идеология новой семьи: демографический национализм России и Украины	268

<i>Галина Орлова.</i> Семь «Я» президента: призрак родства в российской политике 1990-х годов	297
<i>Кирило Лукеренко.</i> «Пожарная» организация власти: семейные кланы как принцип политической организации	324

VII. ЖИЗНЬ В ПУТИ

<i>Евгения Матханова, Наталья Матханова.</i> «Здесь моего семейства не брошу»: неравные браки и внебрачные дети декабристов	355
<i>Катарина Клингзайс.</i> Замужем, за австрийцем: женские идентификации в рассказах о миграции	384
<i>Елена Гапова.</i> Жены «русских» программистов, или Женщины, которые едут вслед за мужчинами	409
<i>Сергей Рязанцев.</i> Семьи вынужденных мигрантов: проблемы, стратегии и перспективы адаптации	432
Использованная литература	450
Избранная библиография: публикации 1990—2002 годов	485
Сведения об авторах	511

V

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОЗА

Линн Виссон

УРОКИ ВОСПИТАНИЯ ВАНИ СМИТА: ДЕТИ В РОССИЙСКО- АМЕРИКАНСКИХ БРАКАХ*

Около семи лет назад петербургский инженер Ирина Х. познакомилась, а потом вышла замуж за американца Роба, социального работника из Миннесоты, усыновившего двух ее детей от первого брака. Тринадцатилетний Миша и девятилетний Саша живут теперь в Америке и чувствуют себя здесь как дома. В семье они окружены заботами не только родной матери, но и неродного отца: он сердечно привязался к сыновьям своей русской супруги и уделяет им намного больше внимания, чем собственному ребенку от первой жены, живущему с матерью. Оба брата свободно говорят по-английски — как с отчимом, мало знакомым с русским языком, так и в школе, где они успешно учатся; мальчики перенимают некоторые привычки и нравы новых друзей, увлекаются компьютерами, электронными играми, спортом и т.п.

Быстрая американизация Миши и Саши, однако, озадачивает их мать. Встревоженная обликом молодежи сегодняшней Америки, Ирина не хотела бы, чтобы ее дети утратили родную культуру: когда Роба нет дома, она переходит с ними на русский язык. Сыновья, несмотря на свое вращение в американскую жизнь, и сами считают себя русскими. Знакомые ребята называют их Майком и Алексом, а они, представляясь, намеренно произносят свои имена так же, как до приезда в Америку. Во время Олимпийских игр они болеют за команду России и не упускают случая посмотреть телепередачи оттуда, даже в ущерб местным программам.

Конечно, сыновья Ирины еще дети, и с возрастом их культурные предпочтения, симпатии и привязанности будут определять-

* Пер. с англ. М. Муравьевой и Б. Раббота.

ся не только желанием матери. Но ее стремление сохранить в детях то, что было дано им воспитанием на родине, показывает, как формируется сознание ребенка в русско-американских семьях, количество которых неожиданно возросло с началом перестройки. Подобные семьи стали возможны как благодаря сотням русских, приезжающим в Соединенные Штаты по делам и в отпуск, так и благодаря американцам, отправляющимся работать в российские компании и другие организации. Кроме того, из-за экономических трудностей в России многие русские женщины, особенно матери маленьких детей, порой ищут лучшего будущего в браке с иностранцами. С помощью российских и американских брачных агентств число новых пар из обеих стран в последние годы непрерывно растет, несмотря на то что методы сбора информации о женихах и невестах пока далеки от совершенства.

...Нелегко, очень нелегко людям двух таких культур, как русская и американская, жить одной семьей, а появление ребенка обычно лишь усугубляет имеющиеся проблемы. В смешанных браках дети из «цветов» совместной жизни часто превращаются в «яблоко раздора». Различия в подходе обеих сторон к воспитанию своего потомства настолько значительны, что становятся причиной страстных споров, о которых мне рассказывали сами мужья и жены из русско-американских семей¹. В беседах со мной приняли участие родители, разные по возрасту, составу семьи и месту жительства. Все они в возрасте от 25 до 45 лет. Большая их часть находится сейчас в США, меньшая — в России. У некоторых американцев и русских были дети от предыдущих браков, у кого-то первый ребенок родился только во время совместной жизни. Но в каждом из этих случаев два человека, принадлежащие к различным мирам, встретившись, полюбив друг друга и решив основать семью, сталкивались в удивительно схожих конфликтах, связанных с воспитанием детей.

Искры от трения разнокультурных поверхностей вспыхивают еще до рождения ребенка. Обычно источником взаимопонимания становятся в первую очередь суеверия и предрассудки. В частности, многие российские мужья и жены, готовящиеся стать роди-

¹ Интервью на эту тему я начала проводить несколько лет тому назад во время работы над первым английским изданием своей книги о русско-американских браках. К концу 2001 года мною было опрошено около 300 мужей и жен из 150 смешанных пар. См.: Visson (2001) и русское издание: Виссон (1999).

телями, не разделяют того энтузиазма, с которым их американские супруги и друзья относятся к одному из старых обычаев своей страны. Речь идет о *baby shower*, что в переводе на русский язык означает «осыпание младенца подарками». Говоря попросту, это прием гостей в честь будущей роженицы, во время которого родственницы и подруги преподносят ей всевозможные вещи для ребенка. Но русские народные поверья не одобряют торжества в честь детей до их рождения, и покупка подарков откладывается до самого последнего момента из-за опасения, что таким образом можно сглазить безопасные и здоровые роды. В результате радость приближающегося события иногда омрачается плохим настроением или дурными предчувствиями одного из супругов: страдает обычно тот, кто менее упрям.

Другой спорный вопрос не традиция, а скорее мода. Сегодня в Штатах многие отцы хотят присутствовать при рождении своих детей, что кажется многим людям из России странным и едва ли не варварским обычаем. Когда американский муж одной беременной русской женщины сказал ей, что хочет быть вместе с ней в решающий момент и, возможно, даже снять процесс появления ребенка на свет кинокамерой, ее российские подружки советовали отказать ему. «Тяжелая и некрасивая сцена, — говорили они, — травмирует твоего мужа и может вызвать у него отвращение к женщинам». Иными словами, подобное зрелище может быть чревато половой слабостью и даже импотенцией. Роженица в конце концов пошла на компромисс со своим мужем. Стоя у изголовья хирургического стола, он держал ее за руку, но был отделен от врачей занавеской и не видел, что за ней происходит.

Выбор имени ребенка, являющийся как культурным, так и лингвистическим вопросом, оказывается, пожалуй, самым легким делом. Многие пары дают ребенку имя, одинаково традиционное для обоих языков: Анна, Наташа, Григорий (Грегори) или Александр. Елена Дроздова-Христонинос и ее американский муж Николас (оба работают в библиотечной системе ООН) решили, что если родится мальчик, то имя ему даст муж, если девочка — жена. Так появился Чарльз, или Чарлик для своих русских родственников.

Как только ребенок появляется на свет, сразу же встает вопрос о распределении родительских ролей. В то время как среди мужчин в Америке сейчас наблюдается растущее стремление принимать все большее участие в воспитании своих детей, подавляющее большинство российских мужчин по-прежнему считает, что повседневный уход за ребенком — это вообще «женская обязан-

ность». Парадоксально, но факт: мужчинам в этом отношении не перчат и женщины, у которых в России сложился устойчиво иронический взгляд на роль мужа в семье. «Многие русские женщины чувствуют, что их мужчины абсолютно некомпетентны в общении со своими детьми, поскольку они сами еще дети, безнадежно избалованные своими матерями», — говорит Эдуард², американец, живущий в Штатах с русской женой Ириной. С ним согласны и американки, связавшие свою жизнь с мужчинами из России: они чувствуют беспомощность мужей в домашних заботах о детях, что является источником постоянных разногласий в их семьях.

Привычка жить среди мужчин, бесполезных в семейном быту, мстит за себя русским женщинам по приезде в Америку. Здесь у них часто возникают трудности из-за того, что они не могут принять как нечто обычное желание своих американских мужей активно участвовать в уходе за ребенком. Алена Макеева, русская художница, живущая в Нью-Йорке, вспоминает, что, когда ее муж Дэвид Сикрест кормил их маленькую дочь Адель и менял ей подгузники, ее русские друзья говорили: «Ты его эксплуатируешь и заставляешь выполнять свою работу». Это, откровенно сказала она, вызывало в ней чувство вины до тех пор, пока она не научилась воспринимать помощь мужа как часть его семейных обязанностей.

Другим предметом частых и очень острых споров в смешанных парах является та роль, которую в их жизни играет русская бабушка. Какой супруг в Америке не обрадуется появлению родной и опытной женщины, готовой взять на себя заботу о новорожденном, экономя мужу и жене время на домашние хлопоты и расходы, связанные с яслями или нянями?! Сегодня и в России, и в США многие матери не могут позволить себе оставаться дома с ребенком, а если оба родителя работают, «бабуля» для них — просто спасение. Но времена, когда американская бабушка отдавала внукам все силы, ушли безвозвратно в прошлое: она чаще всего посвящает себя карьере, работе, путешествиям или какому-нибудь хобби. Порой она даже живет в другом городе, нежели ее сыновья или дочери. Да и сами молодые американцы, однажды покинув дом и став независимыми, не склонны поддерживать близкие связи со своими родителями.

Иное дело — Россия и русские традиции за рубежом. Поселившись в Штатах, российская супруга обычно настаивает на том,

² По просьбе этого и нескольких других респондентов, их фамилии не называются, а имена изменены. Все остальные имена и фамилии в очерке являются подлинными.

чтобы ее мать приезжала в гости на месяц-два, а еще лучше — навсегда. Если пара выбирает своим местом жительства Россию, вполне вероятно, что бабушка окажется где-то рядом. А ее присутствие сразу же бросает тень на отношения между супругами, хотя бы из-за телефонных разговоров. «Когда мы жили в Москве, — рассказывал мне американец Эдуард, — моя жена ежедневно звонила своей матери и часами разговаривала с ней. Я люблю свою мать, но, если бы я звонил ей каждый день, она бы решила, что у меня не все дома».

Российская бабушка не просто заботится о ребенке, но чаще всего считает себя обязанной отвечать и за многие другие семейные дела. Она не ограничивается тем, что выводит внука на прогулку, следит, чтобы он поспал днем, съел свою тарелку манной каши или выпил стакан молока с печеньем. Ее заботливые хлопоты избавляют родителей от беспокойства за порядок в доме, когда они на работе, а кроме того, освобождают их и от многих бытовых обязанностей, которые бабушка безропотно принимает на себя, чего, между прочим, никогда бы не сделала американская теща или свекровь. Чего еще желать мужу и жене от помощи извне при наличии ребенка?

Увы, очень многие американские супруги уже обнаружили, что русская бабушка является, используя кальку с английского, «слишком хорошим приобретением»: по прошествии некоторого времени ее присутствие в доме становится для них несколько обременительным.

Из-за сильных зимних морозов детей в России одевают гораздо теплее, чем в Америке. Глен Мэк, женатый на русской женщине, не мог забыть об одном случае, когда он в Техасе позволил своему ребенку поиграть на свежем воздухе около дома, не одев его «должным» образом. «Я сам вырос на улице в Арканзасе, — сказал он. — Как-то раз в феврале мать моей жены Асели увидела нашу четырехлетнюю Дашу босиком и без рубашки, игравшую со мной в саду со шлангом, — а в Техасе, где мы живем, зимой бывает плюс 20 градусов. Я думал, что у моей тещи начнется сердечный приступ прямо на месте».

По мнению многих американцев, пробывших несколько лет вместе со своими супругами в России, боязнь холодов и ветра принимает здесь форму мании, которой больше всего страдают пожилые люди. Тереза Ярошевич, американка, преподающая английский язык в Москве, не могла забыть маленького эпизода из своей жизни. Это было в жаркий и душный августовский день, когда она — на восьмом месяце беременности — решила посидеть на веранде дачи, принадлежавшей родителям ее мужа Александра, на-

деяться хоть там немного освежиться на ветерке. Через несколько минут к ней прибежали свекровь и золовка с толстым свитером и одеялами. Они долго и настойчиво убеждали ее в том, что любой сквозняк может серьезно повредить ребенку. «Некоторые люди, — комментирует Тереза, — говорят, что основной религией в России является православие. Думаю, что это — сквозняк. Зловещий Сквозняк. И люди абсолютно фанатично верят в него».

Суровый климат и антисанитарное состояние многих общественных мест в России с давних пор заставляли родителей принимать меры всякого рода, чтобы защитить своих чад от холодов. Они заставляют их носить зимой не кепку, а шапку-ушанку (дабы не отморозить уши), не ходить босиком (возможность подхватить всевозможные инфекции) или не пить холодную воду (прямой путь к ангине). Эти опасения, вполне разумные для России, иногда вызывают недоумение у американских родителей, выросших в совершенно иных климатических условиях, где вольности по части одежды и не слишком строгая гигиена представляют собой просто небольшие радости детства.

Неосведомленность русских бабушек в отношении разницы между Америкой и Россией и негибкость их мышления проявляет себя даже тогда, когда дело касается самых индивидуальных и переменчивых величин в физиологии ребенка. Разве, к примеру, существует определенный возраст для всех детей, когда их нужно приучать проситься в туалет? Оказывается, существует, если верить маме Елены Дроздовой-Христоникос. Потрясенная тем, что американские детишки, которые уже самостоятельно ходят, не приучены садиться на горшочек даже в двухлетнем возрасте, она в полтора года перестала надевать Чарлику памперсы. Столь жесткий график, может быть, и имел смысл в советскую эру, когда в ваннх коммунальных квартир пахло сохнувшими подгузниками, но в современном Нью-Йорке это кажется вопиющим анахронизмом.

Разумеется, как одевать ребенка и когда отучать его от памперсов — небольшие проблемы, о которых любой из супругов в смешанной паре может мирно договориться со своей русской тещей или свекровью. Но за этими проблемами стоят две совершенно противоположные педагогические концепции и идеологии. В нынешней Америке большинство образованных граждан разделяет мнение доктора Бенджамина Спока³ о необходимости бережно относиться

³ Известный американский врач-педиатр и педагог. Его книга «Ребенок и уход за ним» (1946) стала настольным пособием многих поколений американских матерей.

к природе ребенка и, по возможности, избегать принуждения в процессе воспитания. Эта точка зрения под стать духу демократической системы США, несовместимому с любым радикальным вмешательством государства в естественное развитие общества, ограничениями свободы личности, ее независимости и т.п.

В Советском Союзе высшим педагогическим авторитетом долгие годы был Антон Макаренко. Но его взгляды сложились в ходе управления колониями для беспризорников, где дети воспитывались на принципах жесткой коллективной дисциплины, принудительного труда и целой системы суровых наказаний. Основанные на вере в возможность сделать человека лучше силой, эти принципы, как и вся советская идеология, не согласуются с американским подходом к воспитанию, поэтому приверженцу Макаренко и поклоннику Спока, оказавшимся в одной семье, трудно растить общего ребенка без конфликтов. А в их вспышках образуются уже не искры, а вольтова дуга.

Чтобы найти разумное решение для того или иного конкретного вопроса о детях, от родителей в смешанной паре требуется в первую очередь взаимная уступчивость, которой обычно не хватает в силу унаследованной ментальности даже 30—40-летних русских людей. Я имею в виду категоричность и нетерпимость к инакомыслию, которые по эстафете поколений передаются советскими бабушками и дедушками своим детям и порой вызывают в русско-американских семьях разрушительный эффект. «Не помню случая, чтобы отец моего ребенка сказал: “Может быть, я не прав”, и не верю, что когда-нибудь скажет, — призналась в разговоре со мной молодая американка. И тоном глубокого разочарования, граничащего с отчаянием, добавила: — Я просто не знаю, как мне быть дальше».

В интервью о своих семьях американские жены часто жаловались мне на то, что русская бабушка когда-то избаловала их мужей, ставших теперь отцами, и при этом превратила их в упрямых мальчиков. На первом месте в списке причин этого упрямства стоит характерная для русских свекровей склонность к однозначному заключению в любом споре с детьми: «Я права, а ты нет». Но дело не только в личном воздействии той или иной матери на своих сыновей. Другая причина их упрямства в смешанных семьях заключается, на мой взгляд, в живучих остатках того советского стиля мышления, который был своеобразным гибридом самоуверенности высших авторитетов марксизма с ксенофобией, свойственной русскому национализму. Как старшие поколения людей

в СССР, так и молодежь приучались в годы «холодной войны» думать, что их взгляды на воспитание детей — самые верные, что европейские и американские идеи в этой области, привносимые космополитами, не подходят России и что рецепты отечественной педагогики универсальны и потому не могут устареть.

С другой стороны, американские супруги, нашедшие свою половину в России, прекрасно сознают, как глубоко российские бабушки преданы своим семьям, и не перестают восхищаться их теплотой и заботливостью. У многих смешанных пар вообще нет своей бабушки, но если они живут в крупных городах США, то стараются найти среди русских эмигрантов пожилую няню, которая смогла бы обеспечить уход за ребенком. «Наша бабушка угощает леденцами всех детей в городке, и они все обожают ее», — говорит Лен Хенриксон о своей теще, которая живет с ними в маленьком Oregonском городке Розбург. На вопрос, хочет ли он и его русская жена Елена, чтобы ее мать оставалась дома в России, ответ и американской и российской стороны был единодушным и громким: «Нет». И «нет» не просто потому, что бабушка освободила их от многих домашних обязанностей.

И мужа и жены, которых мне довелось опрашивать, считают, что российские бабушки играют исключительно важную роль в воспитании детей, обучая их русскому языку, культуре и традициям и, по словам одной американки, распространяя на них «всеобъемлющую любовь, на которую русские так щедры». Откровенно говоря, мне было трудно не согласиться с этим мнением, в особенности о любви. Хотя часть американских мужей считает, что педагогические взгляды их тещ из России во многом старомодны и вдали от родины явно неуместны, никто из моих респондентов не отрицал, что бабушкино воспитание по силе и значимости своих последствий для внуков не идет ни в какое сравнение с холодным и сдержанным англосаксонским этосом. На фоне рационального и прагматичного подхода американцев к воспитанию детей абсолютная, демонстративная и всепрощающая любовь, свойственная российским бабушкам и дедушкам, является чрезвычайно важным вкладом в эмоциональное развитие ребенка и незаменима для формирования его уверенности в себе, чувства собственного достоинства.

Если пара живет в России, плюсы и минусы вмешательства бабушки в семейные дела проявляются, с точки зрения американских супругов, гораздо ярче. Тещи и свекрови, а также другие родственники мужа или жены с российской стороны, подключивши-

еся к процессу воспитания, полностью берут в свои руки бразды правления. Обеспечивая ребенку хороший уход, русская бабушка никогда не спрашивает его родителей, хотят ли они ее помощи, в чем именно и в какой мере. В глазах любого американца такая бабушка выглядит несколько настырной и бесцеремонной. «Я по-настоящему была встревожена тем, что мать Игоря в самом деле принимает как должное то, что она будет заботиться о нашем сыне Адаме, — рассказывает Хелен, молодая американка, ставшая из-за мужа москвичкой. — Никаких разговоров о том, чтобы нанять няню, и быть не могло: само собой разумелось, что воспитание ребенка является правом, дарованным бабушке Богом, и ее обязанностью».

Американцам, поселившимся в России, но воспитанным в духе независимости и индивидуализма, трудно смириться с российским духом коллективизма и общинности, когда в твои личные дела вмешиваются родня, друзья, а то и соседи или прохожие. Люди, выросшие в советской артельной атмосфере, делают это часто из хороших побуждений. Но благими намерениями вымощена дорога в ад. Стремление бабушек и дедушек предопределять методы воспитания внуков вызывает недовольство даже у русских родителей. У американцев это переходит в скрытое негодование, а иногда и в открытый протест.

Довольно неприятный осадок оставляет стремление русских бабушек давать непрошенные советы матери и отцу ребенка, критиковать их за непедагогичность. «Я часто чувствую, что плыву против течения», — говорит Эллен, администратор американской юридической организации в Москве, вышедшая замуж за русского журналиста.

Мой русский муж разделяет мои взгляды на воспитание, но их очень часто оспаривают его родители. Я пытаюсь вырастить Анну, нашу дочь, как можно более независимой и свободомыслящей, так как считаю, что именно эти ценности помогут ей в будущей жизни. Они же думают, что всегда знают все лучше, беспрестанно критикуют меня за то, что Аня не так одета, что у нее не та стрижка, не те туфли. У них нет никакого уважения ко вкусам и взглядам других. Они не принимают во внимание, что мы с мужем являемся ее родителями и у нас есть свое собственное мнение по поводу того, как ее воспитывать.

Тереза испытывала очень похожие чувства из-за категорических наставлений ее родственников. «Я глубоко люблю и уважаю своих российских свекра и свекровь, но мои культурные ожидания заклю-

чаются в том, что они меня, мать, будут поддерживать. Сплошной поток их советов кажется мне критикой», — рассказывала американка, в словах которой мне слышалось еще одно существенное различие между двумя культурами. Для американцев «совет» означает мнение или предположение, следовать или не следовать которому решает сам человек, а люди из русской родни Терезы чаще всего чувствовали себя оскорбленными, когда иностранная супруга их сына отказывалась принять во внимание их «совет».

Несколько американских матерей, живущих в России, отмечали, что им приходилось выслушивать критические советы не только от родственников мужа, но и от совершенно посторонних людей. Тереза рассказывает:

Я уж и не припомню, сколько раз люди на улице говорили о том, что «кенгуру», в котором я ношу своего сына, сделает его инвалидом. Если он счастлив, чувствует себя комфортно и не плачет, значит, все в порядке. Мне кажется, я могу принимать собственные решения, во всяком случае по поводу своего ребенка, и обходиться без комментариев десяти миллионов москвичей!

Большая часть непрошенных советов приходится обычно на раннюю стадию развития ребенка. Многие американские супруги отмечали, что их российские родственники неизменно настаивали на необходимости строгого режима ухода за младенцем. Не говоря уже о неуклонном выполнении жесткого расписания купаний, время кормления и отправки в постель с точностью до минут соблюдалось даже в тех случаях, когда ребенок не был голоден или ему требовался, по крайней мере, час, чтобы успокоиться и уснуть. Американские родители обычно считают, что все у малышей должно идти своим чередом. «Когда Ян впервые захотел сесть, для меня это было нормальным, — рассказывает Тереза. — Но мои российские родственники не переставали говорить, что я не должна позволять ему этого делать, иначе он вырастет горбатым. Я хочу, чтобы он рос своими собственными темпами, следуя процессу естественного развития».

Не менее злосчастной в межкультурных парах, живущих в России, является и привычка потакать ребенку. Еще не так давно в состоятельных и хорошо образованных семьях, например в Москве и Санкт-Петербурге, бабушка и весь дом существовали только ради удовлетворения желаний единственного ребенка, и он рос маленьким царьком. В советские времена, как пошутил один американский путешественник, страной фактически управляли не

партийные бюрократы, а розовощекие маленькие детишки, закутанные в свои зимние комбинезончики. И, конечно, с американской точки зрения эти «маленькие деспоты» слишком опекались. «Я предпочла бы, чтобы сын считал себя моим помощником на кухне, — сказала Хелен, — а мой муж хочет видеть его закутанным в дюжину одежек и правильно сидящим на диване».

«Я не собираюсь брать Яна на руки всякий раз, когда он плачет, — настоятельно подчеркивала Тереза, — потому что он начнет вопить, когда чего-нибудь захочет». Каждый крик мальчика заставляет ее русских родственников мчаться, чтобы взять его на руки и обнять с криками: «Ой, ой, бедный малютка!» И слишком часто, когда ребенок просит леденец, а американская мать, следящая за питанием, потреблением сахара и уровнем холестерина, говорит «нет!», бабушка тайно подсовывает ему конфетку, ибо ее эмоции выше разума.

Эти же культурные различия еще более рельефно проявляются в отношении к детским болезням. Американцы предпочитают не обращать слишком большого внимания на заболевшего ребенка, в особенности если у него всего лишь обычная простуда, и стараются как можно скорее вернуть его к нормальному образу жизни. «Когда ребенок, получив насморк, каждый раз не ходит в школу, он, естественно, становится маленьким домашним тираном, — говорит Тереза. — Русские же традиционно нянчатся с больными».

Во многих российско-американских семьях педагогические проблемы усложняются из-за того, что в них, наряду с совместно нажитым потомством, есть дети от предыдущих браков, которые воспитывались в условиях другой страны. Больше того, в целом ряде семей растут только «привозные» дети, а у них возможностей приспособиться значительно меньше, чем у тех, кто здесь родился и вырос. Подходы и требования к таким детям приходится варьировать, особенно на первой фазе обустройства в новой стране.

Ребенок русской женщины, оказавшись первый раз в Америке, находится далеко от дома, где, как часто бывает, он привык к любящим бабушке и дедушке. Если же он не понимает английского языка, то может испытывать страх перед чужим домом, непривычной едой и непонятным человеком, которому мама посвящает времени больше, чем собственным сыну или дочери. Можно ли помочь таким детям в адаптации к новой стране и новой семье? Наверное, можно, если не прибегать к принуждению, каким бы спасительным это ни казалось отчиму, зашедшему в тупик в поисках средств воздействия на незнакомую человеческую природу.

Сформировавшись как личность со своими убеждениями, ребенок возмущенно реагирует на всякую попытку навязать ему ценности и порядки, чуждые системе воспитания, в которой он воспитан.

Первый крупный шаг в адаптации — это школа. Но для русских детей, которые плохо или совсем не владеют английским, учиться совсем не легко. Татьяна Бартрум, приехавшая к мужу в Орегон со своим одиннадцатилетним сыном Александром, рассказывает: «Мой Алекс все время плакал, потому что в России он был отличником, а здесь получал только тройки и двойки». Но как только Алекс выучил язык и его перевели в школу получше, слезы прекратились. Действительно, как это очень часто случается с русскими детьми, он не только стал отлично учиться, но и превзошел своих американских одноклассников по многим предметам.

Одна из причин успеха таких детей, как Алекс, которую почти единодушно называют и американские и русские родители, заключается в превосходстве российской образовательной системы. «В российской школе было гораздо труднее учиться», — отмечает Надежда, учитель английского языка из Екатеринбурга. Там у ее дочери Кати в пятом классе было 16 предметов, недорогое обучение игре на фортепиано, бесплатные уроки танцев и музыкальная школа пять раз в неделю. Наде эхом вторят другие русские родители. Они жалуются на то, что в Штатах уроки музыки и танцев стоят дорого, а местные школы явно недооценивают те культурные мероприятия, которые типичны для российской школы: учителя не водят ребят на экскурсии, в оперу, на балет, в музеи и детские театры.

Пробелы в американском начальном и среднем образовании создают своеобразную косвенную причину для огорчения супругов в смешанных парах. Российские жены в Америке, памятуя о своем собственном детстве на родине, где их матери и отцы помогали им выполнять домашние задания, стараются делать то же самое для своих детей, но часто сталкиваются с непреодолимыми трудностями из-за базовых различий в школьной программе и методах обучения. Кроме того, они огорчаются, видя, как мало времени их мужья уделяют занятиям своих сыновей и дочерей. Американских родителей, которые убеждены в том, что «ребенок должен сам делать свою работу», в свою очередь, ошеломляет, как много времени и сил их российские супруги тратят на домашние задания детей. В довершение этого едва ли не все русские отцы и матери в Штатах очень расстраиваются, видя, как их дети часами сидят у телевизора только потому, что им мало задано на дом.

Как всегда при наличии «импортного» ребенка, больше всего раздражения и конфликтов вызывают явно чужеродные черты его поведения. Американскому родителю, например, очень не нравятся те принципы, которые его русский пасынок привозит с родины и которые не соответствуют местному образу жизни. В первую очередь сюда относится убеждение некоторых детей в том, что они — даже в подростковом возрасте — не должны и палец о палец ударять для семейного хозяйства. Именно это обнаружил Гаррис Сасман, когда его жена Светлана прибыла в Штаты в 1995 году со своим сыном Левой. Мальчику было тогда 13 лет. «В России, — рассказывает Сасман, — бабушка и дедушка Левы всегда готовили, убирали, ходили за покупками, короче, заботились обо всем. Ему понадобилось некоторое время, чтобы понять, кому и что в семье делать и что он также должен принимать участие в работе по дому».

Хотя воспитание приезжего ребенка может быть более сложным, чем воспитание собственного, рожденного в своей стране, американские мужья, как правило, хорошо понимают, насколько важно для них находить правильные решения в таких ситуациях. Трудные экономические условия в России заставляют многих женщин с детьми начать с помощью Интернета или брачных агентств поиски мужа за границей. Во многих случаях ключевым элементом в их решении принять предложение из-за океана является забота о будущем своего ребенка. «Если бы не сын Ваня, — говорит Эдуард, — я сомневаюсь, чтобы Ирина когда-либо задумалась о поиске мужа за границей. И если бы она почувствовала, что я буду ему плохим отцом, уверен, она бы оставила меня».

Довольно резко отличаются русские и американцы и в своих представлениях о том, когда ребенку полагается жить отдельно. Первые из них держат свое чадо при себе как можно дольше, пытаются защитить его от реальных и воображаемых опасностей, подстерегающих в жизни всякого молодого человека. В этом отношении родители из России наиболее полно демонстрируют глубоко укоренившиеся там традиции общины. «Я считаю, что русским свойственно жить коллективно в большей степени, чем американцам», — говорит Эдуард.

Я сужу об этом, глядя на родственников моей жены, а также на многие другие русские семьи. По сравнению с американскими семьями, они поразительно сплочены. В США ты можешь с успехом жить и самостоятельно. Я начал самостоятельную жизнь, когда мне было 19, и с тех пор независим. Русские же все полагаются друг на друга.

Восхищаясь этим духом артельности, супруги из США, однако, не закрывают глаза и на его последствия. Как говорили мне американцы, многие трудности российской жизни — например, проблемы с жильем, которые часто заставляют многих взрослых и женатых детей в России жить со своими родителями, — обостряют чувство взаимной зависимости. А это, в свою очередь, рождает негативные явления, подобно специфическому типу русского мужчины, надолго остающегося «привязанным к маминной юбке». Даже после 30 лет он часто не способен быть самостоятельным в роли отца и мужа.

С российской точки зрения американское отношение к детям в семье может показаться бесчувственным. Так, большая свобода действий, которую многие родители в Штатах дают своему ребенку-подростку и которая приводит его подчас к беде, представляется российским гражданам (и часто не без основания, особенно когда они читают о перестрелках в американских школах) результатом эгоистичной беспечности в отношении к своему потомству. Эллен вспоминает очень эмоциональный момент, когда ее русский свекор в день своего рождения произнес тост за детей. Он сказал: «В России, конечно, много плохого, но мы, по крайней мере, не выгоняем наших детей из дома, когда им исполняется восемнадцать, как это делают американцы».

Любой, кто жил в Америке, знает, что многие тамошние родители с горечью думают о том дне, когда им придется расстаться со своим ребенком. Но они понимают абсолютную необходимость для самих детей вовремя выйти из-под родительской опеки. Американские родители стараются воспитать ребенка так, чтобы он мог сам отвечать за себя. Во главу угла они ставят независимость и стараются внушить ее своим детям с раннего возраста. «Суть нашего воспитания заключается в том, чтобы помочь ребенку стать самостоятельно функционирующим гражданином, который попадет в относительно безопасное общество, где у него есть реальное будущее, — говорит Бен, переводчик по юридическим и коммерческим делам, который жил в России вместе со своей женой Никой до того, как они переехали в Калифорнию. — Для русских безопасность ассоциируется с домом, в котором семья и дети защищены от опасностей внешнего мира. Поэтому они не хотят вытаскивать детей из родительского гнезда, а наоборот, держат их там как можно дольше».

Делая упор на воспитании независимости, американцы считают, что ее достижение возможно при наличии у ребенка своего

собственного пространства, своих друзей, собственного образа жизни. «Я думаю, — говорит Эллен, — что не нужно все время оберегать ребенка от жизненных трудностей, иначе он никогда не сможет защищать себя сам». И чтобы подтвердить свою мысль, она вспомнила о случае, когда ей пришлось столкнуться, так сказать, в полевых условиях России с совершенно противоположным взглядом на воспитание.

Чтобы купить своей пятилетней дочке наряд к Рождеству, она отправилась с ней в московский «Детский мир», и, отобрав несколько платяев подходящего размера, спросила девочку, какое из них ей больше нравится. В этот момент стоявшая рядом пожилая русская женщина вклинилась в разговор: она никогда не видела, чтобы мать спрашивала ребенка о его предпочтениях в одежде. «В мое время, — категорически объявила она, — у нас не было выбора. Наши матери покупали то, что нравилось им, и мы носили эту одежду». Эллен объяснила, что она пытается научить свою дочь, как делать выбор, развить у нее чувство собственного вкуса. Покупать то, что нравится только ей, матери, значит возвращаться к тем временам, когда идеи ежедневно и повсеместно навязывались людям, а те, в свою очередь, вдалбливали эти идеи другим. «Ну, все это очень интересно, — заключила после длительной дискуссии пожилая дама, догадавшись, что Эллен — иностранка. — Я об этом подумаю».

Несколько иной смысл имеют дискуссии в смешанных семьях, когда дело касается будущего маленьких девочек. В результате исключительно сильного влияния феминизма в США за последние несколько десятилетий родители там все больше и больше воспитывают девочек «на равных» с мальчиками, в то время как российские родители более озабочены тем, чтобы сделать их женственными и хорошими хозяйками. Русская мать обычно старается изо всех сил, чтобы ее дочь с детства хорошо одевалась, выглядела красивой и умела готовить. Правда, эти старания принимают иногда крайние формы. Один из американцев жаловался мне, что его русская жена хочет воспитать их дочь скорее фарфоровой куклой, нежели «разумным человеком».

Что касается дисциплины, то к ней больше привержены российские родители. Как показали мои расспросы, девочки и мальчики от ранних браков российских супругов, переехав в Америку, в общем ведут себя лучше, чем местные дети. Татьяна Бартрум вспоминает: «Мой американский муж Смитти, впервые встретив моего сына, был очень удивлен тем, что Алекс встал, чтобы попривет-

ветствовать его, что он был аккуратно одет и что в его комнате всегда был порядок». О том же самом, но в другой ситуации, говорит и Елена Дроздова-Христоникос. Навещая с мужем своих родственников в России, она чаще, чем он, следит за тем, чтобы Чарлик не мешал пассажирам в самолете.

А как быть, если дети ведут себя плохо? Как российский, так и американский отец или мать могут иногда шлепнуть свое чадо, но на этом сходство между ними кончается. Когда ребенок спрашивает, почему ему не следует делать то, что он делает, российский родитель очень часто резко отвечает: «Потому что я так сказал(а)», в то время как американцы обычно стремятся к рациональному убеждению везде, где это только возможно, и часто пускаются даже в слишком длительные объяснения. «В Америке мы обычно берем тайм-аут, когда дети ведут себя плохо», — говорит Гленн Мэк. Его мнение поддержала в беседе со мной и другая американка, у которой русский муж. «Когда мой ребенок приближается к горячей плите, — рассказывала она, — наша бабушка шлепает его по руке и пронзительно кричит “Нет, нельзя!” Я же пытаюсь объяснить ему, что он причинит себе боль, потому что плита горячая».

Одной из самых характерных черт жизни смешанных семей являются компромиссы, которые поначалу рождаются в сравнительно легких случаях. Например, поведение мальчика, размахивающего ножом, вызывает у русской мамы резкий окрик, но, взглянув на своего американского мужа, она заставляет себя спокойно и ясно объяснить ребенку, почему нельзя так делать. В ходе совместной жизни представители обеих сторон постепенно приходят к согласию даже в принципах. Например, и русские и американцы довольно единодушны в применении таких обычных и более современных методов наказания, как запрещение смотреть телевизор, играть в компьютерные игры или пользоваться игровыми приставками (Nintendo).

Многие русско-американские пары расходятся в вопросе о деньгах. В России родители обычно дают детям в рублях столько, сколько им может понадобиться на завтраки в школе, транспорт или другие мелкие расходы. «Но никто здесь, — говорит Елена Хенриксон, — никогда не даст ребенку денег за выполнение домашних обязанностей». Однако в Америке капитализм начинается дома. Сначала приезжающих сюда российских родителей шокирует даже мысль о выплате денег своему ребенку за то, что, по их мнению, является его нормальной семейной обязанностью. Правда, со временем многие из них поддаются давлению своих амери-

канских супругов и детей. «Сначала я думала, что мой сын должен подстригать траву на нашем участке без всякой платы, потому что все члены семьи должны это делать, — говорит Татьяна. — Но сад у нас очень большой, а сын был очень маленьким. Так, подумала я, а почему бы и нет? И мальчик тоже остался доволен».

С точки зрения американцев, плата ребенку за работу по дому является не чем иным, как средством научить его с раннего возраста экономности и бережливости. Но для таких людей, как Таня, принять это средство значило бы пойти против своего представления о семье как о дружном коллективе родных людей, где отношения между ними должны быть бескорыстными. По приезде в США целый ряд женщин из России оказывается перед соблазном опробовать западный опыт, в частности денежное стимулирование, в домашней педагогике. Охотно идя на уступки своим мужьям поначалу, эти русские жены, однако, довольно скоро убеждаются в неэффективности своих усилий из-за общей атмосферы американского общества. В отношении бережливости это общество двойственно и противоречиво: с одной стороны, здесь учат ребенка с младых ногтей ценить деньги, а с другой — подают ему пример расточительности, с легкостью выбрасывая на свалку почти новую одежду, мебель и другие вещи.

В Советской России, где люди испытывали постоянную нехватку хорошей одежды, разнообразной еды и многого другого, жизнь учила детей обращаться со своими вещами бережно. Америка в этом отношении являет собой явную противоположность. «Когда американские дети ломают свои игрушки, — говорит Елена Хенриксон, — они ожидают, что получат новые». Лена рассказывала, что ее дочь Соня, родившаяся от первого брака в России, всегда заботится о своей одежде, а родная дочь ее американского мужа может разбрасывать все свои вещи и ставить обувь на кровать. «Американцы все выкидывают, включая еду, — подытожила она свои наблюдения. — Но если ваша страна голодала во время войны, вы никогда не станете этого делать».

Другой причиной разногласий в межкультурных семьях является стремление американского родителя обеспечить своему ребенку подросткового возраста какую-нибудь работу вне дома — по совместительству или на лето: разносить газеты, работать официантом в ресторане, клерком в офисе и т.п. На протяжении десятилетий это было обычным делом в Штатах. Но многие русские не сразу свыкаются с тем, что их сын или дочь могут работать вне дома. В Советском Союзе дети никогда этого не делали, по край-

ней мере до тех пор, пока они учились в школе, так как труд подростков до 16 лет был запрещен законом. Поэтому поначалу у Татьяны Бартрум вызвала недоумение идея мужа о том, чтобы ее сын подрабатывал после школьных занятий. «Смитти сказал мне, что, когда он был в возрасте моего сына, он работал каждый день после школы и по выходным». Некоторое время она противилась предложению мужа, но постепенно свыклась с новой ситуацией:

Теперь Алекс имеет свои собственные деньги. И отныне он гораздо менее застенчив, чем был когда-то. Контакты с покупателями во время работы в JC Penney (большая сеть американских универмагов и аптек. — Л. В.) сделали его гораздо более общительным.

Как в обычных, так и в смешанных семьях решение вопросов о детях всегда зависит не только от родителей, но и от самого ребенка, его возраста и характера. Гаррис Сасман, писатель и консультант по межкультурным коммуникациям, познакомился со своей женой Светланой в 1994 году, когда ее сыну Леве от первого мужа было около 14 лет. Это было в Санкт-Петербурге, где Гаррис выступал на конференции по разрешению конфликтных ситуаций, а Светлана была координатором группы переводчиков. Оба они теперь работают в США: он по-прежнему занят своими темами, а она преподает русский язык в Кембридже, штат Массачусетс. После женитьбы на Светлане у Гарриса установились с Левой очень хорошие отношения:

Мы сказали ему, что он может взять любую фамилию, какую пожелает: его родного отца, его матери или мою. И нам было очень приятно, когда он в конце концов решил принять мою фамилию. Он зовет меня Гаррисом, но меня это никак не задевает. Мне важно, не как он меня называет, а то, что он чувствует в отношении меня. Самое главное, что мы ладим.

Но пришел день, когда в семье Сасманов возник вопрос о деньгах для сына. «Светлана, кажется, думала, что мы должны платить за все предпринимаемые Левой шаги, в частности за его уроки игры на пианино и скрипке, которые стоили довольно дорого, а я считал, что он должен сам зарабатывать деньги, чтобы покрывать хотя бы часть своих расходов». Это, как понял Гаррис, было абсолютно новой концепцией для его жены и пасынка. «Но спустя некоторое время, — подчеркнул он с чувством удовлетворения, — Лева сам решил, что лучше иметь собственные деньги, чем постоянно просить меня купить ему что-либо».

Как показывает опыт совместной жизни Сасманов, дружеские отношения складываются у родителей не только между собой, но и с детьми одного из них от предыдущего брака. За последнее десятилетие возникло немало удачных и благополучных русско-американских брачных союзов, где успешно воспитываются родные и биологически неродные дети, представленные в самых разных комбинациях. В доме Ники и Бена Френчей живет его восемнадцатилетняя американская дочь Мария, двенадцатилетняя дочь Ники — двуязычная и двукультурная Саша, и «совместное произведение» родителей — пятилетняя Лиза, рожденная в России, но теперь, как говорит Ника, ставшая «монокультурной американкой». Семью Хенриконов кроме бабушки составляют сам Лен, инженер-консультант, его жена Елена, бывший инженер-математик, двенадцатилетняя Анна (дочь Лена), пятнадцатилетняя Соня (дочь Елены) и пятилетний сын Джейк (Яша) от брака Лена с Еленой. Три очень разных ребенка — выросшая на ферме Анна, городская девочка Соня и Джейк, характер которого пока еще не сформировался, — отлично уживаются под одной крышей.

Самым большим барьером, который приходится преодолевать всем членам семьи даже в наиболее гармоничных российско-американских парах, является, конечно, разница в языке и культурном наследии. Хотя за границей вопрос об этом возникает едва ли не перед всеми эмигрантами, в кросскультурных семьях он становится особенно острым и для взрослых, и для детей.

Абсолютное большинство смешанных пар обычно склоняется к компромиссу: каждый родитель должен говорить с ребенком на своем родном языке. Но этот компромисс остается в силе до тех пор, пока дети не начинают ходить в школу, где они обычно оказываются в языковой среде страны, в которой живут. В Америке ребенок, желая быть «таким, как все», очень часто отказывается говорить по-русски. В свою очередь, американские супруги, живущие в России, сетуют на то, что после нескольких лет учебы в школе их дети теряют способность правильно говорить или писать по-английски. Вынужденный разговаривать со своим ребенком на другом языке, если тот отказывается от родного языка одного из своих родителей, иностранный супруг — русский в Америке или американец в России — начинает чувствовать себя уязвленным. Это подчас становится горьким испытанием, которое родителям удается перенести ценой большого и искусного труда. Чтобы воспитать ребенка подлинно двукультурным и двуязычным, им приходится идти на значительные затраты времени и энергии: посто-

янно следить за тем, чтобы он имел представление о жизни в обеих странах, и учился читать, писать и говорить так же, как их граждане. В парах, с которыми я познакомилась, неоценимую помощь отцам и матерям оказывали детские книжки, аудио- и видеозаписи. Та же цель, пусть даже не в первую очередь, достигается и при помощи долговременных визитов бабушек и дедушек, а также летних каникул на родине одного из супругов, во время которых дети могут играть и общаться со своими сверстниками.

Маленькая Аня, дочь американки Джоан, живущей со своим мужем в Москве, постоянно говорит со своим отцом, няней и школьными друзьями по-русски. Джоан уже давно обнаружила, что ее дочери, с которой она всегда разговаривает по-английски, становится все труднее понимать бабушку и бабушку из США. Тереза и Александр, наоборот, уверены в том, что бабушка их сына Яна, его няня и русские друзья помогут ему свободно овладеть русским языком. Сами они говорят с мальчиком дома по-английски, но им нравится воспитывать его в Москве. «Я думаю, здесь дети лучше развиваются, — говорит Александр, — потому что здесь меньше таких материальных искушений, как новомодная модель кроссовок *Nike* или электронные игрушки. Здесь дети все еще читают книги!»

Родительское желание научить русскому языку ребенка, живущего в Штатах, не всегда легко реализовать. Но иногда это желание осуществляется стихийно. У Аннет и ее российского мужа Ильи Зарипова растет четырехлетняя дочь Таня. «Мне кажется, что Таня должна знать российское наследие своего отца», — говорит Аннет. Сама она, как и пятнадцатилетняя Стефани, ее дочь от первого брака, по-русски не говорит. Но Илья выступает во флоридском цирке, где почти все артисты — из России, и все они говорят с маленькой Таней на своем родном языке.

Конечно, — говорит Аннет, — у нас бывают забавные ситуации. Временами Таня злится на меня за то, что я не читаю ей русские книги, а когда я пытаюсь ее причесывать, она кричит на языке отца: «Нельзя!» Иногда я в шутку говорю, что мы с мужем родили этого ребенка для того, чтобы иметь в доме своего переводчика.

Другие американцы сами подключаются к обучению своих детей русскому языку. Наиболее активен в этом отношении Глен Мэк, который познакомился со своей русской женой Асель в Москве, где она работала фоторедактором в агентстве «Новости Пресс», а он — в журнале «Тайм». Сегодня они вместе с дочкой

Дарьей и с сыном Гришей живут в Остине, где он занимает должность директора образовательных программ в местной кулинарной академии, ведущей обмена поварами со странами, входившими в СССР. Асель работает переводчиком, и оба супруга говорят дома друг с другом и с детьми только по-русски.

Чтобы навестить родных и друзей в России, Асель каждое лето отправляется туда со своей дочерью. «После возвращения в Штаты Даша в первые дни всегда молчалива, — рассказывает Асель. — Но затем она сама предлагает: «Давайте говорить по-английски, ведь на этом языке говорит Барни»⁴. Ее бабушка в России, когда-то боявшаяся того, что она не сможет общаться со своей внучкой, давно убедилась в обратном: одаренный двуязычный ребенок одинаково любит как русскую икру, так и американскую арахисовую пасту.

Анна Ракитянская, библиограф-славист из университета Остина, и ее муж Курт Уолхайзер, профессор-славист того же университета, также говорят со своим четырехлетним сыном Дэниэлом (Данилой) только по-русски. Да еще и заваливают его детскими книжками, пленками и видеозаписями на русском языке. «Когда сын рассказывает нам о том, что случилось в детском саду, — говорит Анна, — а я спрашиваю его о деталях, он иногда отвечает по-английски. Чтобы поддержать его русский на хорошем уровне, нам приходится тратить много времени и интенсивно работать. Как только мы забываем об этом, его английский начинает брать верх». Но ее ребенок совершенно четко различает оба языка. Лежа однажды в постели и пытаясь заснуть, Данила услышал лай собак на улице и спокойно заметил, что «некоторые собаки лают по-английски, а другие по-русски».

Противоположная ситуация возникает в тех семьях, где американский муж не говорит на русском языке и не заботится о том, чтобы привить его детям. В этих случаях даже привезенный из России ребенок, начиная ходить в школу, постепенно забывает свой русский и, таким образом, лишает свою мать радости говорить с ним на родном языке. Она, естественно, в той или иной степени чувствует себя одиноко. «У нас дома только собака говорит по-русски», — сказала мне одна из таких женщин с горькой усмешкой.

После нескольких лет жизни в Штатах Елена Хенриксон обнаружила, что ее родная дочь, двенадцатилетняя Соня, стала гово-

⁴ Барни — лиловый динозавр. В Америке это очень популярный персонаж детских книжек и телевизионных программ.

рить по-английски даже тогда, когда они оставались наедине. Всякий раз матери приходилось возвращать ребенка к родной речи. Теперь обе они постоянно читают русские книги рожденному в Америке маленькому Джейку (Яше), стремясь обучить его русскому языку еще до того, как он заговорит по-английски. Спутниковая тарелка, которую семья приобрела для того, чтобы дать возможность не говорящей по-английски бабушке смотреть русскоязычные телепрограммы, оказалась не менее полезной и для детей, порой очень эффективно снимая ржавчину с их русского языка. Как и в других межкультурных семьях, Елена установила жесткое правило не говорить по-русски при Лене, ее американском муже, считая, что «невежливо говорить на незнакомом языке в присутствии того, кто этого языка не понимает».

Елена Дроздова-Христонинос говорит со своим Чарликом на родном языке, а ее муж — на английском, и в результате мальчик хорошо владеет обоими языками. Но Чарлик, или Чарли, отлично сознает, что русский — это язык для дома, а английский — для внешнего мира. Когда однажды в нью-йоркском автобусе русскоговорящая женщина в его присутствии заговорила с Еленой, мальчик, не привыкший говорить на языке матери в обществе посторонних, замолчал. «Конечно, он вырос здесь, с американским менталитетом, — говорит Елена. — Мы ездим в Россию каждое лето, что очень важно для его связи с русской землей и культурой».

Иногда для закрепления «связи с русской землей и культурой» родители вынуждены мириться даже с чувством отчуждения, временами возникающего у их детей. Лева, сын Светланы Сасман, родился в России и свободно владеет своим родным языком, но во время поездок в Москву он несколько раз попадал в неловкое положение. Его бывшие друзья ловили его на новых сленговых выражениях и называли «американцем». Но незнание нерусских жаргонных словечек было только поводом для насмешек над его необычной манерой держаться. «Сначала я не знал, что было “американского” в том, как я себя вел, — рассказывал он, — а затем до меня дошло — то, как я шел: выпрямившись, глядя прямо перед собой, лицом к миру».

Но степень неприязни к иностранцам в России — величина непостоянная: она заметно пошла на убыль в последнее десятилетие, по крайней мере, в деловом мире. Это хорошо понимают и родители из США, работающие и воспитывающие детей на родине своих русских супругов. Постоянно живущая в Москве американка Эллен, та, что спорила с посторонней женщиной по пово-

ду выбора одежды для своей маленькой дочери, рассматривает ее воспитание в России как хорошую возможность для расширения кругозора девочки. «Я думаю, что становление Анны в атмосфере разных культур сделает ее умней и интересней в будущем, — говорит Эллен. — Она привыкает к тому, что люди могут не соглашаться между собой, видит, что каждая культура имеет свои положительные и отрицательные черты, и берет лучшее».

Воспитание двуязычного и двукультурного ребенка — нелегкое, но очень увлекательное и важное дело, за которое сейчас с энтузиазмом принимается все большее число российско-американских пар. Многие из них уже добились немалых успехов, другие ожидают хороших результатов или колеблются в их оценке, но все они смотрят на будущее своих детей с явным оптимизмом. «Мы сталкиваемся с большими проблемами, но благодаря этому становимся сильнее», — говорит американка Тереза, по мужу Ярошевич, и в ее словах чувствуется уверенность в правильности выбора одновременно лично важной и общественно значимой цели. Когда дети в ее и в других смешанных семьях повзрослеют, они наверняка поймут, насколько ценным для их профессиональной деятельности и личного общения является знание русской и американской культур. Вместе с тем органическая смесь этих культур в каждом, кто был воспитан совместными усилиями супругов из России и Америки, станет самым надежным материалом в фундаменте отношений между двумя странами.

Элизабет Р. Мур, Александр Эткинд

УТОМЛЕННЫЕ СОЛНЦЕМ, УНЕСЕННЫЕ ВЕТРОМ: СУРРОГАТНОЕ МАТЕРИНСТВО В ДВУХ КУЛЬТУРАХ

Среди множества институтов ранней социализации, которые известны исторической антропологии, один, очень известный, не подвергался сравнительному анализу. Это — русские няни и их аналог на американском Юге, *mammies*. Хотя они редко удостоивались внимания историков и не сравнивались между собой, культурная память обоих обществ богата воспоминаниями о них. Очевидно, что такого рода суррогатные родители — кормилицы, дядьки, воспитательницы, наставники и пр. — существовали во множестве исторических обществ; но похоже, что только в России (и других славянских странах) и в Америке они приобрели статус достопримечательности национального значения¹.

Наряду с вопросами о том, какое влияние оказывали няни на детей и родителей и какие функции выполняли няни в своих обществах, важны и вопросы о том, как формировались позднейшие — реальные или мифические — представления о нянях и какие функции эти представления выполняли в обществах. В настоящей статье коротко, но в разных перспективах — сравнительной, психоаналитической и историографической — рассматриваются сходства и различия между институтами суррогатного материнства в России и США, а также между механизмами культурной памяти об этих институтах.

¹ Например, в фундаментальном исследовании, выполненном на французском материале, няни практически не упоминаются. См.: Арьес (1998).

Раса и сословие

Исторические сравнения между Россией и Америкой, ныне обретающие определенную популярность, обычно сосредотачивались на более общих явлениях: параллелях в развитии, практиках и отмене рабовладения в обеих странах (Kolchin 1987; Ruttenburg 1992; Миронов 1999; Peterson 2000); сходстве геополитической категории фронтьера (Bassin 1993); контрастных отношениях с европейской традицией и сходных ощущениях белого пятна, культурного вакуума внутри собственной территории (Эткинд 2001, гл. 1). Подобные сравнения создают фон, необходимый для сопоставления таких более частных, но не менее интересных явлений, как няни. Это были женщины подневольного труда, которые, как правило, являлись частной собственностью своих владельцев. Нянь и *mammies* можно было бы назвать профессионалками, если бы в этих случаях вообще можно было говорить о профессиях. Они по службе выполняли интимные, эмоциональные, индивидуализированные роли, заменяя родительскую любовь, предоставляя ласку и воспитание — блага, которые так же не поддаются профессионализации, как и всякие другие виды любви. Няня — профессионал в деле воспитания, подобно проститутке в деле секса. Но уподобить няню проститутке можно, лишь учитывая существенную разницу, которая и подлежит исследованию. Если суррогатная любовь всегда подлежала моральному осуждению, то суррогатное родительство нет, а иногда даже прославлялось и воспевалось.

Социальная дистанция между нянями и их хозяевами была огромной. Это была самая большая дистанция, которая только существовала в обоих обществах. В Америке разница рас, в России — разница сословий. Соответствующей была и культурная разница. Хозяева, то есть родители подопечного ребенка, принадлежали к культурной элите своих обществ. Они были грамотны и начитанны, имели систематическое образование, жили в домах классической архитектуры и сознательно подражали античным рабовладельцам. Отцы служили своим государствам в качестве офицеров, чиновников, деятелей местного самоуправления, товаропроизводителей и налогоплательщиков. Матери управляли домашним хозяйством, дирижируя немалым персоналом, работавшим в доме и на плантациях, читали французские романы, вели коммерческие дела и светскую жизнь. Родители стремились воспитать своих детей достойными членами того общества, к которому принадлежали сами. Для этого им надо было дать наилучшее образование сооб-

разно имеющимся средствам. Но в обоих обществах о детях высших классов долго, часто вплоть до пубертата, заботились женщины из низших классов.

Рабовладельческие общества Нового времени характеризовались легитимным насилием господ в отношении рабов и, соответственно, предельно большими различиями между доходами наиболее и наименее обеспеченных групп. Сама возможность подмены родительства формировалась этими экономико-правовыми механизмами. Вне экономического принуждения существование института нянь может быть оправдано лишь наличием очень больших различий между доходами. В рабовладельческих обществах важнейшим фактом жизни няни или *mammies* являлась ее несвобода. Няни и *mammies* равным образом находились в статусе рабынь, не имевших права на выбор занятий, неправоеспособных к контрактным отношениям, подверженных законным телесным наказаниям.

Однако жизненные условия дворовых обычно бывали лучше, чем у аграрных рабов (в России — барщинных или оброчных крестьян). Вероятно, эта разница была меньше среди черных рабов, которые обычно жили, как и домовые слуги, в непосредственной близости от господского дома. Многочисленные дворовые были в непрерывном общении с господами, в то время как в русских поместьях многие крестьяне вели собственные хозяйства, отдавая господину положенный оброк и более с ним не пересекаясь. Такая ситуация усиливала разницу между дворовыми и аграрными рабами. Не угодившие своим господам горничные, повара, кучера или няни могли подвергнуться выссылке «в деревню» или «на плантацию», что воспринималось крепостными как худшее из наказаний.

В сообществах рабов были свои иерархии. Не приходится сомневаться в том, что такой род занятий, как уход за господскими детьми, имел сравнительно высокий статус, обеспечивал высокий уровень жизни и нечто вроде личной неприкосновенности. Он приближал к господам, но защищал от обычных злоупотреблений. В силу личного характера взаимоотношений с господскими детьми наказание или смена няни оказывались более затруднительными, чем наказание и смена прачки или кучера. В этом отношении со статусом няни мог сравниться лишь статус приказчика (а также тех, кто был вовлечен в морально предосудительные занятия, связанные с сексуальным обслуживанием господ). Несомненно, няни и *mammies* имели сильную мотивацию к тому, чтобы играть свои роли хорошо, т.е. в соответствии с представлениями господ

и в пределах собственных возможностей. Многие наблюдатели крепостного права констатировали, что «моральное разложение» дворовых — результат несвободы и, как полагали критики, тлетворного общения с господами — было более высоким, чем у пахотных крестьян.

В Америке нянями были чернокожие рабыни; различие рас определяло все прочие виды различий между *mammies* и их хозяевами. В крепостной России отсутствовали расовые различия, имевшие определяющее значение на американском Юге. Нянями были крепостные крестьянки, отделенные от своих хозяев юридической, экономической, социальной и культурной дистанциями.

Гипотеза, следующая из сопоставления двух рабовладельческих обществ Нового времени, состоит в том, что раса не имела того уникального конституирующего значения, которое ей часто придают. В американском случае многие поколения межрасовых контактов создали цветовой спектр такой пестроты и сложности, что уже накануне Гражданской войны с ним не могли справиться ни юридические, ни обыденные системы категоризаций. По мере того как «раса» становилась культурным, а не биологическим признаком, увеличивалось значение других — помимо цвета кожи — признаков «расы». Для различения между господами и рабами нужны стабильные маркеры, и если цвет кожи не выполнял такую функцию, то ее могли выполнять признаки, созданные не природой, а культурой.

В сравнительной перспективе мы видим, что функции расы в России до определенного времени успешно замещались сословием как правовым институтом². Сословная принадлежность определяла габитусы как совокупности культурно-телесных маркеров, являвшихся одновременно и признаками, и следствиями правового статуса. Это одежда, способ бритья, форма прически, фонетика речи, выбор словаря, способ передвижения и многое другое³. Параллельно развивались и более сложные конструкции идентичности, формулировавшиеся в морально-психологических терминах. Доминирующие группы описывали расовую/сословную идентичность раба/крепостного в таких терминах, как «лень» и «трудо-

² О сословиях в России см.: Грегори Л. Фриз (2000); об аналогии между сословиями и расами см.: Эткинд (2002).

³ В послепетровской России особое значение для маркировки сословий имела борода: бритое лицо отличало дворянина от крестьянина, мещанина и священника. Для женщин определяющее значение имели иные признаки габитуса, взятые в их совокупности: головной убор, платье, прическа, косметика, манера говорить и двигаться.

любие», «невинность» и «хитрость», «простота» и «интуитивность», «развратность» или «асексуальность» и, наконец, «близость» к природе, к животным, к земле, к святости.

Как в любых других случаях, уверенность в социальном порядке обеспечивалась стабильностью социальных классификаций и соответственно надежностью индивидуальных идентификаций. Наоборот, чувство растущей неустойчивости классификаций порождало социальную тревогу. Расовые различия с большей легкостью воспринимались как природные и вечные — данные, а не созданные; отсутствие таких различий, как цвет кожи, который нельзя смыть или сбрить, порождало большую тревогу в российском случае в сравнении с американским. Но и борода играла свою роль. Историю русского народничества, прошедшую под бакунинским лозунгом «Нам надо не учить народ, нам надо учиться у народа», можно проследить по росту бород среди мужчин высших классов во второй половине XIX века. Легко предположить, что классификационная тревога была выше в отношении женщин, которых природа или император не снабдили столь однозначным маркером, как борода. Соответственно более жесткими были регуляции других параметров габитуса, таких как одежда, манеры, мода, речь. Насколько отличными были образы жизни дворянки и крестьянки, их финансовые состояния, культурные миры, идейные воззрения, круги чтения, сексуальные нормы и т.д. — настолько же, или еще более, различными были их тела, голоса и лица.

Пропать и мосты

Несмотря на удаленность дворян от народа и плантаторов от рабов, их жизненные миры систематически пересекались в нескольких планах. *Во-первых*, это местная экономика, в которой подневольный труд более или менее плотно контролировался хозяевами. Естественно, чем богаче хозяин и чем больше у него рабов, тем выше социальная пирамида, тем больше прослойка, отделявшая хозяина от рабов и состоявшая из надсмотрщиков и управляющих, подневольных или вольных. Управление экономическим хозяйством воспринималось как мужское дело. Хотя хозяйки и в России, и в Америке часто играли большую роль в экономическом управлении, такие ситуации считались нарушением гендерного порядка.

Во-вторых, это домашнее хозяйство, где работа более или менее многочисленного персонала, мужского и женского — горнич-

ных, кухарок, прачек, садовников, портных и т.д., — в основном направлялась женщинами. В обеих рабовладельческих культурах крепостные/рабы подразделялись на две категории — пахотных крестьян/полевые рабы (*field slaves*) и дворовых/домашние рабы (*domestic slaves*). Русский и американский опыт существенно отличались друг от друга. Владения русских помещиков были на порядок более населенными, чем владения американских рабовладельцев; соответственно на порядок меньше людей работало в доме. Количество домашних слуг южного плантатора исчислялось единицами или — у самых богатых — десятками; количество дворовых у помещика — десятками и сотнями. По общему мнению, разделяемому в обеих культурах, интенсивность личного (бытового, культурного, сексуального и т.д.) взаимодействия между хозяевами и домашними слугами была существенно выше, чем интенсивность такого общения между хозяевами и аграрными работниками.

В-третьих, это воспитание детей. Особенностью двух рабовладельческих обществ Нового времени было то, что рабам доверялась функция ранней социализации господ. Это определяет парадоксальность существования нянь и *nannies*, которое противоречит современным представлениям о воспитании и господстве. Именно в тех обществах, которые создавали самые значительные культурные различия, воспитание господ доверялось рабыням.

Современная наука верит, что ранняя социализация есть важнейший механизм передачи культурной традиции. Габитус формируется с детства. Дети — родители взрослых. Более глубокие, сущностно важные формы поведения формируются в более раннем возрасте. Руссо, Фрейд, Бурдьё и другие творцы современного знания о человеке выводили черты взрослого из особенностей его детства, более или менее раннего. Эта мудрость, однако, проблематизируется обоими рассматриваемыми случаями. В свете современного понимания детства, тот факт, что в рабовладельческих обществах Нового времени рабыни осуществляли раннюю социализацию господ, может означать, что:

- 1) современная презумпция культурной значимости ранней социализации неверна (по крайней мере, для этих обществ) и что важные процессы формирования гражданина и господина начинаются с подросткового возраста: идея культурной нейтральности детства, которой педагогические практики придерживались вплоть до начала буржуазной эпохи⁴;

⁴ Эта позиция близка к концепции Арьеса (1998).

- 2) самые глубокие культурные ценности в обоих обществах были связаны не с социальными и расовыми иерархиями, которым учили господ в пубертате, но с чувствами любви и расово-классового союза: консервативно-сентиментальная идея, характерная для идеологов этих обществ;
- 3) рассматриваемые механизмы ранней социализации были дисфункциональны и, соответственно, внесли свой вклад в саморазрушение и гибель обществ, в которых они были приняты (идея связи между нянями и революциями, кажется, пока еще не высказывалась).

В соответствии с идеей культурной нейтральности детства функции нянь и *mammies* формулировались в биологических терминах — как поддержание здоровья, сытости и безопасности ребенка. В одних случаях няни и *mammies* сами были кормилицами, что требовало наличия у них собственного ребенка того же возраста, что и их подопечный. В других случаях — в России, похоже, это бывало чаще — роли кормилицы и няни последовательно обеспечивались разными женщинами. Но кормление питомца никогда не было единственной задачей этих заместительниц матерей; дисциплинирование ребенка тоже было их миссией. Как мы увидим, наряду с оральным удовлетворением и обучением анальной дисциплине няни были ответственны и за предотвращение генитальных грехов, начиная с мастурбации. По сути, все функции, исполнение которых классический психоанализ буржуазной эпохи возлагал на родителей, в рабовладельческих культурах Нового времени выполнялись не родителями, а нянями. С одной стороны, это наблюдение обогащает наше понимание того, как работали механизмы социализации в обществах, которые непосредственно предшествовали современным. С другой стороны, оно ограничивает или уточняет способы применения психоанализа к несовременным, некапиталистическим или не вполне капиталистическим обществам. В силу полного отсутствия образования суррогатные матери могли передать своим питомцам исключительно свою собственную, т.е. народную, культуру. Благополучно выведя ребенка из «культурно нейтрального» детства, няни и *mammies* передавали его другим институтам социализации.

Мальчиков передавали под наблюдение мужчин-«дядек» примерно в том возрасте, в котором мы сегодня отдаем детей в школу. С этого момента начинался этап воспитания, который можно считать собственно «социализацией», т.е. приобщение к специфическим ценностям своего общества. Так, герой «Капитанской дочки» под надзором «дядьки» научился русской грамоте и еще «мог

очень здраво судить о свойствах борзого кобеля», но начиная с 12 лет учил иностранные языки и науки с помощью французского парикмахера. Как это и описано Пушкиным, русские «дядьки» следовали за няньками и предшествовали учителям, на которых возлагались более специальные функции и которые часто были иностранцами.

В дворянской России «дядьки» были систематически развитым институтом мужской социализации; на американском Юге взрослые черные мужчины иногда выполняли сходную роль, которая, однако, была необязательной. В подростковом возрасте мальчиков отсылали в специализированные военные или гражданские учебные заведения или прямо на службу. Девочки обучались в домашних условиях, иногда с помощью профессиональных учителей, приезжих из заграницы или из столиц. Переменной величиной было участие господ в воспитании собственных детей. В одних семьях няни и «дядьки» были на ролях технических помощников, в других семьях дети видели своих биологических родителей несколько раз в жизни. Так российская и американская рабовладельческие культуры воспроизводили свои элиты.

Когда дети вырастали, няни оставались в доме и тихо старели, пользуясь доверием и покровительством господских дочерей и, вероятно, не подозревая о романтической тоске, которую вдалеке от них испытывали господские сыновья. В психологическом плане понятно и законосообразно, что, выполняя свои профессиональные роли, няни и «дядьки» рождали в своих малолетних питомцах глубокие, страстные и долгоживущие чувства. Эти чувства к суррогатным родителям можно вполне строгим способом определить с помощью психоаналитического понятия переноса (*transference*).

Как известно, понятие «перенос» обозначает особенный комплекс чувств, который пациент испытывает в отношении своего терапевта. По мнению основателя психоанализа и поколений его последователей, на эти чувства «переносятся» более ранние переживания, которые сформировались в раннем детстве в отношении родителей. Психоаналитик вызывает «перенос» не в силу своего желания или каких-либо методов, но благодаря самой профессиональной роли, частично возвращающей пациента в зависимое, детское положение. Так же и няни вызывали любовь и — после расставания с ними — тоску не в силу своих особых качеств, но в силу возраста их питомцев и своей профессиональной роли. В психоанализе взрослого человека перенос осуществляется от биологического родителя на его профессионального заместителя. В слу-

чае нянь и *tammies* перенос осуществлялся от самых первых, пре- и постнатальных отношений к матери на предоставленный ребенку живой суррогат — кормилицу и няню.

Эмоциональная сфера дворянина и рабовладельца формировалась в этих трансферентных, собственно культурных отношениях с нянями и дядьками больше, чем в первичных, биологических отношениях с матерями и отцами. Профессиональная и монополярная опека нянь была более эффективной, чем контроль занятых своими делами и несогласных друг с другом родителей⁵. Разумеется, участие последних в воспитании детей оказывало свое влияние на этот процесс. Степень этого влияния определялась временем, которое дети и родители проводили друг с другом и при этом отдельно от нянек. Во многих случаях дети (особенно дочери) мало знали матерей в детстве, но сближались с родителями по мере созревания. На этой фазе «перенос» приобретал обратный характер. Те чувства, которые первично сформировались в отношении нянь, вторично обращались на матерей, а затем, уже третично, на половых партнеров.

Этимология подтверждает эти отношения не хуже психоанализа: английское *tammy* очевидно происходит от *tama*, но русское *няня*, которое кажется ни на что не похожим, симметрично *дядьке*. Словарь дает два этимологических ряда для слова *няня* (Фасмер 1987, 3:94). Один восходит к болгарскому *няня*, что означает «сестра матери». Другой восходит к финскому *näppi*, что значит «сосок (груди)». Хотя русское слово *няня* более специфично, чем американское *tammy*, и русский и американский термин, используемый для обозначения суррогатных матерей, отличается большей спецификой по сравнению с понятиями для обозначения суррогатных отцов, которых и в России, и в Америке называли *дядя/uncle*. Наверное, развитие особых словообразований отражает большую древность соответствующих практик.

Сближение суррогатного и реального материнства, очевидное в этих этимологиях, отражало лишь точку зрения ребенка, который употреблял эти ласковые слова. С точки зрения взрослых, самым важным механизмом социализации в этих аристократических обществах было наследование статуса и имущества, которое, по

⁵ Ср. с воспоминаниями Андрея Белого о его четырехлетнем возрасте, когда он на время остался без няни: «Я уже без всякой защиты: нет няни, нет бонны; есть родители; и они разрывают меня пополам; страх и страдание переполняют меня» (Белый 1989, 184).

возможности, точно соответствовало биологическому родительству, но никак не отражало педагогические практики и культурные влияния. Различие между мамами и нянями, между отцами и «дядьками» было столь же велико, как различие между расами в одном обществе и между сословиями — в другом. Однако детское восприятие не всегда следовало за взрослым.

Добрые старушки

В контексте психоаналитической теории нелегко объяснить, что происходило с эдиповым комплексом, когда целое сословие мужчин получало свой первичный опыт не с биологической, а с суррогатной матерью, которая обычно не была сексуально или символически связана с биологическим отцом. Старчески бесполой, няня лишена как эротической привлекательности матери, так и отцовского либидо, стимулирующего рост и вызывающего к соревнованию. Она может только одно, но делает это надежно и эффективно: приобщить ребенка к ценностям традиционной культуры. Кого хотеть, от кого освобождаться, за кого и с кем бороться мальчику, окруженному неотступной няниной опекой и ее же старческой плотью? Эрик Эриксон в своей психобиографии Максима Горького обобщил это явление как «диффузию материнства», которая предохраняет ребенка от «исключительности материнской фиксации» и дает ему целый репертуар суррогатных образов — нянь, бабушек, теток, соседок и пр. Это делает мир «более надежным домом, так как материнство не зависит в этом случае от уязвимых человеческих отношений, но разлито в самой атмосфере» (Erikson 1950, 325). С другой стороны, когда материнство не индивидуализировано, отцовства вовсе не существует; если степени материнства разлиты в атмосфере, то отцовство — не более чем символ.

Все изложенное выше русскому читателю знакомо по Пушкину, а американскому — по Фолкнеру; приведем еще и примеры из Фрейда. У Пушкина мы почти неизменно видим его молодых героев в сопровождении суррогатных родителей. Социальное благополучие героев и героинь зависит от их отношений с родителями, но их эмоциональная жизнь развивается иначе; на нее влияют не родители, но няни и «дядьки». В «Онегине» Татьяна делится своими чувствами только с няней; она появляется в тексте именно тогда, когда «тоска любви Татьяну гонит». Кто знает, к какому из

способов утоления желания прибегла бы в ту ночь Татьяна; но, похоже, она до сих пор спит в своей комнате одна. «Что, Таня, что с тобой?» — заботливо спрашивает няня. Она всегда поучала и продолжает поучать исключительно на фольклорном материале «старинных былей, небылиц / про злых духов и про девиц». Эта вампирская тема в ее применении к Онегину — самая актуальная для Татьяны. Британская готическая литература, с помощью которой она переживает свою влюбленность, отлично ложилась на русские народные небылицы; но если для нас более понятна первая, для Татьяны — и, вероятно, ее создателя — все было наоборот. Именно сказочными, воспринятыми в детстве образцами определялся позднейший интерес к мотивам и формам высокой культуры. Ирония истории заключается в том, что сами эти народные «примитивы» часто оказывались репликами высоких жанров.

Татьяна доверяет няне, но ей хочется жизненных, а не символических примеров любви. На ее прямой вопрос следует знаменитый ответ: «И полно, Таня! В эти лета / Мы не слыхали про любовь», — терапевтическая ошибка, уводящая от проблемы и не помогающая Татьяне. Няне приходится сменить дискурсивные методы на магические; но крещение девушки «дряхлой рукой» помогает еще меньше. Татьяна просит оставить ее наедине с ее любовью, но старушка остается рядом, — олицетворение неусыпного контроля, которому подвергались дворянские дети.

Татьяна, рассказывает нам всеведущий автор, была «русская душою, сама не зная почему». Ответ дан читателю: душу Татьяны, в отличие от тела, создала няня. Следуя обычаям «простонародной старины» и «совету няни», Татьяна даже собиралась ворожить в баньке, чтобы заполучить Онегина магическими средствами. Но это уж слишком, признается автор; такому испытанию он не подвергнет ни героиню, ни читателя. Взамен Татьяна видит свой сон, и его она толкует не с помощью няни, но с помощью книги. Замещение ритуала сном, а сна интерпретацией — процессы, характерные для истории религии и для лечения истерии. На наших глазах Татьяна освобождается от няниного контроля («Что нужды мне в твоём уме?») и, более того, сама использует няню как слепой инструмент своего желания. Неграмотная няня передает Онегину любовное письмо своей воспитанницы: сюжетная насмешка над своеобразным институтом, столь интересующим автора. Но в последнем монологе Татьяна вновь вспомнит свою няню.

Сходная ситуация складывается и в ином гендерном контексте — между великовозрастным Гриневым и его «дядькой». Саве-

лыч — это бывший псарь, которому в случае плохого поведения Гринева грозит опасность стать свинопасом. Сопровождая Гринева, заботясь о его здоровье, одежде и деньгах, хитростью или силой ограждая его от излишеств молодости, называя его «дитем» и неустанно укоряя, Савельич участвует почти в каждой сцене «Капитанской дочки». Его ведет здравый смысл и народная мудрость; он то спасает Гринева жизнь, то подвергает ее еще большей опасности. Он больше похож на Санчо Пансу, чем Гринева на Дон Кихота. Несмотря на то что в обоих пушкинских исследованиях того, что делало русских дворян обоюбого пола «русскими душой», воспитанники предстают практически взрослыми, их суррогатные родители действуют в полную силу. Вряд ли такой порядок был характерен для многих; скорее, мы имеем дело с гиперболами, предназначенными показать предмет в развернутом, вполне проявленном виде.

К такому преувеличению или, по крайней мере, смещению Пушкин прибегает и в литературной истории собственной жизни и соответственно собственной няни. В известных стихах Пушкин воспел няню, Арину Родионовну Яковлеву, которая, впрочем, воспитывала его сестру. Стихи оживали в воспоминаниях близких и слуг. По воспоминаниям кучера, взрослый Пушкин звал Арину Родионовну «мамой», объясняя: «не то мать, что родила, а то мать, что своим молоком вскормила» (Парфенов 1998, 1:434).

Историкам известно, что до 12 лет Пушкин имел другую «мамку», Ульяну Яковлеву; но поэт, как, впрочем, и его кучер, имеет право на вымысел. С Ариной Родионовной поэт сблизился, будучи уже взрослым и, следовательно, осуществляя вполне свободный выбор партнера по общению. В стихах, посвященных няне, поэт строил систематический ряд тропов, подчеркивающих ее асексуальность и одновременно рассказывающих о ней как о единственной подруге: что бы ни думал читатель о развлечениях автора, невинность «доброй старушки» работала в виде минуса приёма. Пушкин умолчал о своем «дядьке», Никите Козлове, который был неразлучен со своим господином с детства, сопровождал его во всех странствиях, наверное, не раз спасал его, как Савельич, и в конце концов положил в могилу.

За прошедшие без малого два века биографы не уставали рассказывать, какую огромную роль играли сказки и песни Арины Родионовны в творчестве Пушкина. Но стоит помнить и об обратной стороне дела: популярность «высокой», дворянской поэзии спускалась «вниз», в переднюю и девичью. В доме «процветала

поэзия до такой степени, что и в передней Пушкиных поклонялись музе доморощенные стихотворцы из многочисленной дворни обоего пола»; в пример приводят пушкинского «дядьку», который «состряпал нечто вроде баллады, переделанной им из сказок», и запечатлел ее в «безграмотной рукописи» с картинками⁶. Культурная гибридизация шла в обе стороны — сверху вниз в отношениях Александра Пушкина с Козловым, снизу вверх в отношениях Александра Пушкина с Яковлевой. Народническая память русской культурной истории запечатлела движение только в одну сторону.

В самом подробном психологическом исследовании русского дворянина из имеющихся в наличии — клинической истории Сергея Панкеева, написанной Зигмундом Фрейдом, — няне придано первостепенное значение⁷. В раннем детстве Сергея, как оно показано Фрейдом, няня совмещала функции матери и отца. Сергей демонстрирует мастурбацию няне, а она в ответ говорит ему, что у мальчиков, которые так делают, на этом месте возникает рана. Няня рассказывает ему сказки, а он защищает няню от других домашних, которые называют ее ведьмой. Сам он с удовольствием мучит няню и именно ей сообщает, что никогда не женится. Фрейд более интересуется ролью родителей, но она скорее пассивна: мальчик наблюдает постельную сцену в их спальне, разговаривает же с ним, насколько нам известно от Фрейда, в основном его няня. После этого понятно, что «все девушки, в которых он впоследствии влюблялся, были также прислугой» (Фрейд 1991, 190). Ранние контакты определяли выбор сексуального объекта, и если у многих американских южан предметом их подлинной страсти оказывались девушки «низшей» расы, то у многих русских дворян — девушки низшего сословия.

Фрейд вполне признает влияние русских сказок, которые ему пересказывал Панкеев, на его психосексуальное развитие. В пересказе Фрейда они выглядят как известные ему немецкие, он узнает их и не затрудняется в интерпретации. Действительно, «народные сказки» запечатлели многовековую гибридизацию культур — западных и восточных, примитивных и профессиональных. Братья Гримм, записавшие их в Пруссии, изучали местные славянские племена и дружили с этнографами, путешествовавшими в Россию

⁶ Свидетельство Л.Н. Павлищева, цитирующего слова своей матери, сестры поэта (цит. по: Вересаев 1993, 1: 48).

⁷ На русском языке см.: Фрейд (1991, 179—269) и Гардинер (1996); анализ см.: Эткинд (1993, гл. 3).

(в частности, с самым плодовитым из них, Августом фон Гакстгаузеном). Из их сборников, получивших сказочную популярность в русских переводах, эти сюжеты спускались в глубь народной жизни, чтобы смешаться там с местными преданиями и возродиться в устах новых поколений нянь, а потом еще раз под пером их воспитанников.

Основатель психоанализа с большим удовольствием вдавался в интерпретации этих сказок потому, что у него была собственная славянская няня — Тереза Виттек, чешка и католичка, воспитывавшая его почти до трех лет. Фрейд рассказывал об этой пожилой, уродливой, умной крестьянке: она «очень много рассказывала мне о Боге и аде». В отношениях с няней, а не с матерью Фрейд видел «первичную причину» своего невроза, и ее он благодарил столь же высокими словами, как — на другом культурном языке — делал это Пушкин: она

дала мне высокое мнение о моих собственных способностях... Если я преуспел в разрешении моей истерии, я должен благодарить память этой старой женщины, которая обеспечила меня в столь раннем возрасте средствами жизни и выживания. Вы знаете, как старая привязанность прорывается снова (Freud 1954, 219—220).

Няня регулярно водила мальчика в церковь. В конце концов она была изгнана из дома за воровство, но некоторые исследователи предполагают, что ее подозревали в намерении подвергнуть маленького Зигмунда тайному крещению. Позднее «старая привязанность» к няне или к институту нянь выразилась в том, что у Анны Фрейд в Вене тоже была няня-католичка⁸.

В отношении Панкеева, однако, Фрейд был склонен к более сильным предположениям, чем констатация очевидного в данном случае факта, что няня как объект первого сексуального выбора была важнее матери. Согласно «анализу одного детского невроза», угрозы няни и пассивность родителей вели пациента к латентному гомосексуализму, вытеснение которого сделало его параноиком. Не вдаваясь в обсуждение универсальной справедливости таких спекуляций, приведем еще одно, современное им подтвер-

⁸ Из биографов Фрейда более всего интересовался этой няней Paul C. Vitz (1988, ch. 1). Он предполагает, что няне удалось-таки подвергнуть Фрейда тайному крещению, и производит имя Анна, данное любимой дочери, от искаженного «няня». Более умеренную трактовку отношений няни Терезы и маленького Зигмунда см., например: Gay (1998, 6—7).

ждение: портрет Сергея Дягилева работы Льва Бакста, великолепный образ того же предреволюционного поколения. Знаменитый импресарио, космополит и гомосексуалист, открывший Европе великолепные вымышленные танцы русского народа, на этом портрете помещен не среди рукоплещущего зала или порхающих танцовщиков. Рядом с ним, мощным и парадно одетым, в углу — его сморщенная няня.

Родство кровное и молочное

Романтизация *tammy* и *няни* в американской и русской культурах накладывалась на экономическую и сексуальную эксплуатацию, обычную для обществ, столь стратифицированных в сословных, расовых и гендерных измерениях. Няни предоставляли десексуализированный образ всеприемлющей матери, близкой к природе, почве и мудрости. Такой образ контрастировал с гиперсексуализированным образом бабы или негритянки, чьи легендарные сексуальные аппетиты служили оправданием куда более тривиальных действий их владельцев. Такой образ нянь был полезен и биологическим матерям их детей: они освобождались от кормления грудью и прозаической возни с малышами, чтобы с большей готовностью исполнять роли организаторов аристократического досуга и трансцендентных образцов христианской чистоты. Десексуализация основывалась на различии между собственно няней, чьи моральные добродетели и воспитательные умения обеспечивались более всего возрастом, и кормилицей, которая должна была быть молодой, цветущей матерью с полной грудью, достаточной для того, чтобы питать помещичьих и заодно собственных детей. И с точки зрения самих подраставших недорослей, няни воплощали контраст между материнской чистотой, строгостью и утешением — и легкодоступной девичьей, где удовлетворение гарантировалось, если только не прерывалось нянями.

Американская *tammy* чаще всего соединяла обе эти роли. Хотя в литературе и фильмах она чаще всего изображалась полной женщиной среднего возраста или старше, лишенной сексуальной привлекательности, смутные воспоминания, сохранившиеся в мемуарах белых южан, содержат постоянные ссылки на «suckling at Mammy's breast». Очевидно, что *tammy*, способная к лактации, была достаточно молода и сексуально активна, чтобы иметь собственных детей. Кормящая *tammy* в любом случае предполагает

сексуальные лейтмотивы, которые были в основе семейного роман(с)а многих плантаторских хозяйств. Как и в русском случае, такая триангуляция фрейдовского эдипова комплекса влияла на психосексуальное развитие белых южан, на культуру Юга, столь высоко ценящую образ *tammy*, и в целом — на американскую культуру, которая впитала этот образ и использовала для целей, подлежащих анализу.

Самый очевидный вопрос: какое влияние оказывали отношения белых детей с их *mammies* на их сексуальность в целом и на отношения к черным женщинам в частности? Сексуальные осложнения в отношениях между белым и черным населением Америки возникли уже в колониальную эпоху. В начале XVII века расовое смешение (*miscegenation*) наказывалось как серьезное преступление (см.: Winthrop Jordan 1995). Двумя столетиями позже ситуация на плантациях стала более сложной. Хозяйки плантаций часто находили у молодых рабов физические черты, напоминавшие им мужей.

Интересно, что в своих тревогах по поводу сексуального поведения мужей и сыновей в отношении черных красоток, которые, несомненно, были предметами их внимания, плантаторши разделяли некоторые мнения своих заядлых противников — северных аболиционистов. Обвинение плантаторов в аморальности и расовом смешении было одним из аргументов, долго использовавшимся аболиционистами. Многие из них полагали, что на Юге белые дети с малых лет были «испорчены общением в негритянских кухнях» (White 1999, 45), — аргумент, который вряд ли можно было бы услышать от русских сторонников освобождения крестьян. В ответ белые южане заявляли, что благодаря такому общению высокие моральные стандарты хозяев оказывали благотворное влияние на домашних рабов. В контексте этих расистско-морализаторских дебатов, занявших не одно десятилетие, репрезентация черной *tammy* как сексуально нейтральной, нежеланной и нежелательной противостояла не только подозрениям о сексуальной эксплуатации черных женщин, но и более важным для белых на Севере и на Юге тревогам по поводу сексуального «загрязнения» белых мужчин их контактами с черными женщинами.

В постфрейдовском мире, конечно, настаивать на бесполости фигуры суррогатной матери значит лишь воспроизводить эдиповскую динамику, содержащуюся во множестве отчетов белых южан о том, с каким удовольствием они сосали черные груди своих *mammies*. В своем исследовании семейной жизни на Юге в начале

XX века Артур Калхун подтвердил, что белые младенцы часто имели черных кормилиц, и предположил, что этот ранний контакт объяснял особенное расположение южных джентльменов к черным любовницам (Calhoun 1917—1919, 2:285).

Порочный, в разных смыслах этого слова, круг сексуальности был важным, но имплицитным элементом рабовладельческой системы. Черные женщины сексуально эксплуатировались владельцами, обвинялись в распущенности и разврате, десексуализировались в качестве рабочих рук на поле и по дому, фетишизировались в образе *tamtu* и вновь становились сексуальными объектами для тех белых, чьи самые ранние пристрастия были направлены на их черных воспитательниц. В отношении русских нянь следует, вероятно, подозревать сходную динамику; на нее намекает даже Пушкин в подцензурном «Онегине». Няня Татьяна была выдана замуж в 13 лет и, конечно, не слыхала про любовь; но потом, живя в девичьей, она стала «востра» и тогда, «бывало, слово барской воли...»; к удовольствию цензуры, Татьяна не дала няне закончить этот рассказ. По-своему его закончил столетие спустя Фрейд, объяснивший пристрастия молодого Панкеева, склонного заводить только с прислугой никогда не удовлетворяющие его романы, особенностями нянинного воспитания.

В русской историографии совместная сексуальная жизнь дворянства и крестьянства исследована существенно хуже, чем одновременно и сходная с ней жизнь американского Юга. В этом отношении продуктивную роль сравнительных исследований можно уподобить скорее спортивной эстафете, чем гонке за лидером: далеко не случайно, одни темы оказались лучше разработаны по одну, другие — по другую сторону океана. Соответственно, более развитые и/или более изученные аспекты одной культуры (например, романтизация народа в России или сексуальная динамика на американском Юге) могут служить образцами для исследования другой культуры, в которой эти аспекты менее известны.

Количество незаконнорожденных детей, переполнявших российские сословия до и после освобождения крестьян, свидетельствует о том же, о чем говорит количество американских мулатов. Вот одна из множества историй такого рода. Отец писателя Федора Сологуба родился от сожительства богатого черниговского помещика с его дворовой. Когда девушка забеременела, ее выдали замуж за крепостного, а сына барин отдал в лакеи, и Кузьма служил собственному отцу. Потом он сбежал, а когда вернулся через два года, был, по обычаю, встречен поркой. Рассказывая все это

будущему писателю, его бабушка вспоминала: «Кузьма Афанасьевич был человек необыкновенно мягкого, доброго характера, изыщен... Сразу заметно было, что он не из простых мужиков» (Черносвитова 1997, 228—229). Так рассказывали о *miscegenation* и в дельте Миссисипи. Рабовладельческая культура натурализовала сословные различия так же, как и расовые; в не очень последовательных построениях сословной и расовой генетики доброта сына выявляла его происхождение от жестокого барина.

По-видимому, здесь правомерно говорить об идеологии, утверждающей интересы расового/сословного господства путем многоступенчатой системы отрицаний и приписываний. К «пристежкам» — понятию, введенному в критику идеологии Славоем Жижекком (1999) — в данном случае надо добавить «растяжки». Дистанции между расами/сословиями растягивались с тем, чтобы направлять и оправдывать отношения власти. При этом, однако, огромная пропасть между социальными группами, созданная идеологической машиной, повседневно и «незаметно» преодолевалась в постели плантатора и в колыбели его детей. В данном случае машина сексуальности действовала против машины идеологии, которая сосредотачивала главные свои усилия на слепом отрицании одних элементов сексуальности, романтическом превознесении других ее элементов и параноидальной бдительности в отношении третьих.

И патриархальные дворяне, и белые южане защищали свою социальную систему, конструируя разные версии идеологии, акцентирующей понятие семьи, уподобляющей общество семье и редуцирующей все прочие отношения к семейным. В своей работе о женщинах южных плантаций Элизабет Фокс-Дженовезе отдала должное этой настойчивости:

Самая позитивная из интерпретаций плантаторского хозяйства содержится в метафоре «моя семья, белая и черная», которая схватывает важное, хоть часто и иллюзорное, представление об органическом сообществе (Fox—Genovese 1988, 100).

Фигура черной кормилицы и идея молочного родства играли определяющую роль во всех этих конструкциях. Плантаторы признавали и демонстрировали молочное родство с рабами, обеспеченное нянями; отрицали кровное родство с ними, порожденное собственной сексуальностью, и, проецируя собственные влечения, параноидально преследовали чернокожих мужчин за сексуальные «домогательства». В этом — суть многослойных отноше-

ний между сексуальностью, родством и властью, концентрировавшихся вокруг *mammies*. Возвышенные образы родства надстраивались над тривиальной реальностью секса, который скрывался, среди прочего, с помощью этих самых образов. Фиктивное родство подставлялось вместо действительного родства, прикрывавшегося собственными метафорами.

В замечательной книге «Рабство и социальная смерть» Орландо Паттерсон определил различия между двумя типами систем фиктивного (приписанного) родства. В «адаптивной» системе родства новый член принимается в сообщество с намерением «подлинной ассимиляции» и получает все привилегии и обязательства, соответствующие приписанному статусу, тогда как в «квазифилиальной» системе язык родства одновременно выражает и скрывает отношения власти (Patterson 1982, 63).

Роль *tammy* была как раз такой приписанной, фиктивной степенью родства, и нет оснований сомневаться в том, что эта квазиматеринская роль скрывала и выражала вполне реальные отношения власти. Однако многие белые южане вспоминали свои отношения с *tammy* как аутентичные. По наблюдениям Юджина Дженовезе, южные рабовладельцы испытали «ужасающий момент истины» сразу после войны, когда черные «члены семьи» предстали перед ними в шокирующе новом свете (Genovese 1974, 97). Осознание того, что огромные черно-белые семьи, соединенные множеством кровных, молочных и психологических связей, на самом деле сплывались насильем, составляющим самую основу их совместной жизни, держались рабством, а не родством, было разрушительным для идентичности белых южан. Подобные мотивы стоит искать и в пореформенной русской литературе.

Памятники няням

Среди многих примеров того, как на Юге поклонялись странной фигуре *tammy*, одним из самых впечатляющих является Мемориальный институт черных нянь (*Black Mammy Memorial Institute*), основанный в 1910 году в Афинах (Джорджия) белыми южанами как учебный центр «домашних искусств» для молодых афроамериканских мужчин и женщин. Мемориальная ассоциация черных нянь (*Black Mammy Memorial Association*) опубликовала следующую декларацию:

Нами создано движение с целью воздвигнуть памятник в честь «старых черных южных нянь» («*Old Black Mammies of the South*») в форме мемориального индустриального здания в Афинах, Джорджия. Это будет не холодный, бессловесный камень, но живой памятник, в котором сыновья и дочери этих выдающихся представительниц Юга будут обучаться искусствам и ремеслам, сделавшись «старую черную *Mammy*» столь ценимой и почитаемой южанами. Это мемориал, в котором новые поколения мужчин и женщин будут учиться работать — любить свою работу, выходить в мир и там работать и любить; где они услышат истории старых черных южанок; где будут обучать хороших матерей и хозяек для ваших домов; где дела будут говорить громче слов. Афины дали \$2000 и землю. А у вас была старая черная *tammy*? (Patton 1980, 149—155)

Через два года ДеБойз написал статью против намерения белых южан воздвигнуть памятник черной *tammy* в Вашингтоне. Его статья разоблачала сентиментальный образ того, что он назвал «извращением материнства». Он выражал надежду, что черная *tammy* «исчезла из американской жизни», потому что была не настоящей, а «подставной матерью» (Stavney 1998, 538).

Некоторые феминистские исследования 1960—1970-х годов пытались переосмыслить пассивную роль черных нянь, полагая, что они вместе с другими белыми и черными женщинами на плантации сообща испытывали гнет белых мужчин и были объединены своим протестом, взаимным сочувствием и узами «сестринства». В исторической реальности подтверждения идеям такого «сестринства», вызванного потребностями самого феминистского движения, однако, не найдено. Работа Элизабет Фокс-Дженовезе показала, что хозяйки плантаций редко выказывали солидарность с черными рабынями. На деле «женский расизм выражался в более уродливых и злых формах, чем мужской» (Fox—Genovese 1974, 349). Идентичность хозяек строилась на основе сексуального или властного соперничества с черными женщинами, будь то молоденькая «окторун» (девушка с восьмой долей африканской крови) или черная старуха-няня. Образ *tammy* в глазах белых южан и их северных оппонентов был более утешителен, чем сексуальные образы молодых светлокожих рабынь, чье генетическое наследство свидетельствовало о пренебрежении расистами ими же установленными табу на смешение рас, до последних десятилетий определявшее расовую и гендерную систему Юга.

В литературе, созданной после Гражданской войны, и в фильмах XX века фигура *tammy* стала почти стандартной. Мемуары белых южан полны сентиментальных воспоминаний об их любви

мых нянях, подобно тогда же написанным мемуарам русских помещиков, чиновников и интеллигентов⁹. Но самой знаменитой *татту* в американской культуре стал, несомненно, персонаж Маргарет Митчелл в «Унесенных ветром». В своей знаменитой роли верной слуги Скарлетт О'Хары *татту* становится хранилищем и памятником традиционным южным ценностям. В одной из первых сцен, когда *татту* старается затянуть — буквально и метафорически — корсет Скарлетт, Митчелл рассказывает о педагогической и дисциплинарной роли *татту*, какой она виделась белым южанам:

Что может делать молодая мисс и чего она не может делать, было разделено в сознании *татту* так же, как белое и черное; компромиссов она не знала. Суэлен и Карин с доверием внимали ее предостережениям, они были будто послушная глина в ее сильных руках. Потребовалась немалая борьба, чтобы научить Скарлетт тому, что большая часть ее природных импульсов недостойна леди. Победы над Скарлетт, с трудом достигнутые *татту*, требовали коварства, непостижимо для белого человека (Mitchell 1996, 76—77)¹⁰.

На деле осуществляемая *татту* культурная трансмиссия основывалась не столько на ее земной мудрости, сколько на представлении о том, чем юная южанка *не* должна заниматься и кем она *не* должна стать. Само описание «сильных рук» и «коварства» *татту* контрастирует с тем, что она пытается создать из Скарлетт. И Скарлетт оказывается больше похожей на сильную *татту*, чем на свою изящную и сдержанную мать. Никто из собственно южных героинь этого романа не переживет перехода в новый мир, который их вынудила совершить Гражданская война. Единственный женский характер, способный выдержать жесткие нравы послевоенной Америки наряду с самой Скарлетт, — это характер ее *татту*.

Эдмунд Морган в своей классической книге «Американское рабство, американская свобода» предположил, что сама концепция свободы, на которой основывались идеалы и документы американской революции, родилась из опыта африканского рабства в Северной Америке (Morgan 1975). Когда отцы-основатели — многие из которых были рабовладельцами — говорили, что не хо-

⁹ Короткий обзор русской мемуарной литературы о нянях, доведенный до начала XIX века, см.: Пушкарева (1997, 200—201).

¹⁰ Анализ образа Скарлетт как представляющего амбивалентность Митчелл в отношении исторического перехода от Старого Юга к новым порядкам см.: Fox—Genovese (1981).

тят быть рабами, это не была метафора: они точно знали, что это значит. Вероятно, над сходными аргументами предстоит поработать и историкам русской революции. Основываясь на теории Моргана, мы предполагаем, что миф о *татту* — это странная витальность, его расцвет после Гражданской войны и его сохранение вплоть до Движения за гражданские права — проистекал из психо-культурной роли, которую играла черная няня как подлинная мать белой Америки.

Матту, чья огромная грудь накормила так много голодных белых американцев, вновь предлагала себя для возрождения нации, перенесшей саморазрушительную внутреннюю войну. Северяне и южане могли объединиться в фантазии о черной *татту*, которая была щедрой, любвеобильной и, что самое главное, знала свое место. *Матту* продолжала играть материнскую роль для белой Америки в то время, когда урбанизация, индустриализация и более всего иммиграция заставляли страну, по словам Генри Адамса, переходить с медленным, сельским, сентиментальным прошлым, *татту* была объектом культурной ностальгии южан, к которой постепенно присоединялись северяне и недавние иммигранты¹¹. Признавая *татту* общей, хоть и суррогатной, матерью, северяне и иммигранты учились использовать в своем воображении те же механизмы фиктивного родства, которые довоенные южане использовали на практике. Теперь все они могли объединиться в общем процессе строительства «большой бело-черной семьи», какой стремилась вообразить себя Америка после Гражданской войны.

Черная няня стала частым персонажем в своеобразном жанре, появившемся в театре и кино в конце XIX века и особенно распространенном во времена Нового курса: это так называемый «black-face genre», представление, которое разыгрывалось белыми актерами, лица которых выкрашены в черный цвет. Майкл Рогин в отличном эссе, анализирующем популярность таких представлений в 1930-х, отметил, что такие фильмы, как «Джазовый певец» (1927) Ала Джонсона и «Унесенные ветром» (1939), помогали чужаку-иммигранту (в первом случае это был русский еврей, во втором — бедный ирландец) утвердить себя в качестве белого американца благодаря тому, что ставили его в контрастные отношения с чернокожими (Rogin 1994, 1). Хетти МакДаниел в 1939 году стала пер-

¹¹ Интересное обсуждение фигуры *татту* в фильмах см.: Stripps (1993) и Vogle (2001). Культурная память о черных нянях обсуждается в Goings (1994), Turner (1994).

вой афроамериканской актрисой, удостоенной Оскара; она играла *tammy* в «Унесенных ветром». Премия была данью ее актерским способностям и признанием Голливудом таланта его черных актеров, но также и свидетельством американской потребности в *tammy* в год всеобщего разочарования — продолжавшейся депрессии, начинавшейся войны в Европе и, наконец, травмировавшего американских левых пакта между Сталиным и Гитлером. Классическая *tammy* эпохи Гражданской войны уверяла белую Америку в окончательности достигнутого единства, преемственности между старым миром и новым, их добродетельной белизне.

Последующим поколениям, испытавшим новые формы контроля, пришлось пересматривать старые образы «народных сказок» и «дряхлах голубок». Владимир Набоков, подвергший критике русскую народническую традицию в «Даре», в комментариях к «Онегину» объяснял по поводу няни:

Русских комментаторов слишком опьяняет идея «простой русской женщины из народа», которая рассказывает сказки (увы, почерпнутые из дешевых итальянских брошюр) «нашему народному поэту» (как будто истинный поэт может быть народным!) (Набоков 1998, 311).

Сказки, рассказанные Ариной Родионовной, не влияли на Пушкина. К тому же, объяснял Набоков, и сказки не были народными, и Арина Родионовна не была пушкинской няней.

Ревизии, сходной по направлению, но имевшей иные идеологические источники, подверглась и культурная память о *tammies*. Некоторые историки американского Юга стали критически относиться к достоверности историй о *tammies*, считая, что они были редкостью, не имели всеобщего распространения на плантациях Юга и составляли нечто вроде «белого мифа» (Clinton 1982, 201). Другие, однако, полагают, что отрицание исторической реальности *tammy* является не более, чем упражнением в полемике со стороны радикальных феминисток. Когда спорный, но серьезный новеллист и критик Ишмаэл Рид был обвинен в том, что воспроизвел миф о нянях в одном из своих романов, он ответил, что *tammies* не существуют лишь для феминисток, на самом же деле они «появлялись везде, где поселялись колонисты» (Reed 1987, 10). В увлекательном исследовании кормления грудью среди белых женщин высших классов рабовладельческого Юга утверждается, что кормилицы были широко распространены и представляли собой явление, на которое иностранцы и гости с Севера смотрели с изумлением (McMillen 1995).

Ближайшую параллель, конечно, составляли русские кормилицы, о которых вряд ли слышали на американском Юге. В руководстве по воспитанию детей, имевшем хождение в России, говорилось, что молоко молодых крестьянок очень здорово для дворянских детей: оно дает им «моральную чистоту», утверждал доктор Спок 1840-х годов (цит. по: Figes 2001, 125). Натурализация сословных различий здесь проводилась с той же последовательностью, что и в расистском дискурсе белых южан. В обоих случаях преувеличение всех мыслимых дистанций между сословиями/расами вело к парадоксальному морально-педагогическому выводу: телесное общение этих столь разных представителей человеческого рода полезно для здоровья и морали.

Американские дебаты по поводу распространенности *tammies* сосредоточены на довоенной эпохе. Такой выдающийся критик белой мифологии, как Уильям З. Б. ДеБойз, без оговорок утверждал, что белые дети «были вскормлены грудями черных женщин» (DuBois 1924, 65). В недавних работах историки Джон Блассингейм и Юджин Дженовезе подчеркивали определяющее влияние *tammies* на белых, среди которых они жили и работали (Blassingame 1972, 167; Genovese 1974, 355—358). В отношении периода после Гражданской войны и эмансипации нет ни спора, ни сомнений, что афроамериканские женщины действительно были важным элементом воспитательных практик белого населения на американском Юге. Нет таких сомнений и в отношении российских нянь пореформенной эпохи. Каким бы ни был домашний труд женщин на Юге после Гражданской войны и в России, приближавшейся к революции, необходимость в изобретении *tammy*, реальном или воображаемом, выявляет сложные и интересные отношения между расовой идентичностью, воспитательными практиками и сексуальной динамикой. В Америке этот комплекс отношений продолжал вдохновлять культуру американского Юга (и ее восприятие на Севере и в Европе) вплоть до Движения за гражданские права, развернувшегося в 1960-х годах.

В постсоветской России, далекой во времени и пространстве, но переживавшей сходные чувства национальной катастрофы, доказанной вины и смутно предчувствуемой ностальгии, вновь стали смотреть фильм «Унесенные ветром». Не раз показанный по телевизионным каналам, он стал одним из самых популярных фильмов за всю богатую историю русских увлечений Голливудом. Михаил Горбачев говорил о нем как о своем любимом фильме. Никита Михалков сослался на старый голливудский шедевр са-

ним названием своего фильма, тоже показывающего прелесть и ужас ушедшей эпохи: «Утомленные солнцем». Но в постсоветской версии травмы, реконструкции и ностальгии образ няни интересным образом отсутствует. Ее не обсуждают в прессе, ей не ставят памятников, и новейшие пушкинисты более не упоминают Арину Родионовну в своих сочинениях¹². Возможно, она еще займет свое место крупной, хотя и несколько аморфной, планеты при солнце русской поэзии. Можно предположить, что создание подобной материнской фигуры, всеприемлющей и всепрощающей, станет если не симптомом национального оздоровления, то идеологическим приемом в поиске такового.

Пока же сентиментальные иллюзии, базирующиеся на идее о том, что помещики и крестьяне — одна семья, в которой насилие играло незначительную роль по сравнению с взаимной любовью господ и рабов, продолжают вдохновлять некоторых исследователей. В недавней книге Орландо Файджеса можно прочитать, что господа по обе стороны океана веками говорили о своих черных и белых рабах. Няни, кормилицы и горничные, пишет британский историк, составляли в помещичьем доме «касту», отделенную от других крепостных «неистойвой преданностью» к своим хозяевам, которые отвечали «добротой и уважением». В общем, безо всякой критической мысли сообщает историк, эти крепостные женщины становились «частью семьи» своего владельца (Figs 2001, 123).

Статья, опубликованная в «Journal of Negro History» через два года после появления «Унесенных ветром», с восторгом и без всякого скептицизма рассказывает о том, что мы бы отнесли, вероятно, к патологически искаженным семейным отношениям. Джесси Паркхерст писал:

Отношения между «черной *tammy*» и детьми ее владельца были самыми интимными из всех ее личных связей... В детстве будущие хозяйин и хозяйка формировали привязанность к своей «черной *tammy*», которую они сохраняли в течение всей жизни (Parkhurst 1938, 360).

Со сходным воодушевлением Паркхерст писал о том, что няня любила детей своих хозяев больше, чем собственных, и что дети хозяев в свои ранние годы «едва ли» знали разницу между няней и матерью. Со своей стороны, подростки дети часто заботились о

¹² По комментариям к «Онегину», которые переписывались с ходом десятилетий, легко проследить, как менялось отношение к пушкинской няне: от восторженно-многословного до недоверчиво-снихождительного.

tammy больше, чем о собственной матери (Parkhurst 1938, 361). Даже если эти описания и были в отдельных случаях исторически правдивыми, их использование по отношению к обществам, известным зловещей историей расовой/сословной сегрегации и экономической/сексуальной эксплуатации, не перестает поражать.

Прощание с няней

Современный историк Дебора Грей Уайт заключает, что в южном воображении *tammy* представала как персонификация идеального раба и идеальной женщины, как символ домашнего очага и вершина добродетельной традиции рабовладения, как центральный элемент идеи о том, что американский Юг был совершенно организованным обществом (White 1999, 58; Rushdy 1993, 385). На пике разочарования в таком устройстве, такой традиции и таком воображении самый авторитетный из афроамериканских интеллектуалов начала XX века, социолог и историк У. З. Б. ДеБойз употреблял самые сильные из доступных метафор. Уподобляя черную няню оклеветанному Христу и используя его имя во множественном числе, ДеБойз писал:

Mammy — один из самых жалких христов этого мира. Няня была не более чем воплощенной скорбью, распятой крестными муками ее собственных детей, оставленных в пренебрежении ради детей ее хозяев, которые покупали и продавали ее, как покупают и продают скот (Genovese 1974, 356).

Уильям Фолкнер, родившийся почти на столетие позже Пушкина, приписывал своей *tammy* Callie примерно такую же роль, что и романтический русский поэт. Уроженец Миссисипи, в своем творчестве Фолкнер показал не только то, как отношения власти маскируются фальшивой риторикой родства, но и тот парадоксальный факт, что под лицемерным патернализмом лежали действительные, хоть и тщательно скрываемые, сексуальные и родственные отношения белых и черных. В романе «Авессалом! Авессалом!», опубликованном в том же 1936 году, что и «Унесенные ветром», секреты трагической истории семьи Сутпен известны черной слуге Клити (Клитемнестра), которая, подобно греческой героине, участвует в неизбежной гибели своего дома. Клити, однако, была не только *tammy* для этой семьи, но и дочь Томаса Сутпена и — соответственно — сводной сестрой его белым

детям, которых она воспитывала. Единственный персонаж, который переживет падение расистского «дома», тоже является потомком его хозяина от связи с черной женщиной. Фолкнер показывает то, чего не показала Митчелл, — сексуальную реальность, скрывавшуюся за южным культом семьи, и всегда исчезающую границу между историей и мифом.

Миф *tamtu* служил средством для самоутверждения белых в собственной белизне, которая в многорасовом патриархальном обществе постоянно ставилась под сомнение желанием белых мужчин, обращенным к более или менее черным женщинам — продуктам и предметам этого желания. Как следует и из поэзии Пушкина, и из прозы Фолкнера, миф и реальность *tamtu* не должны противопоставляться друг другу, к чему обычно стремятся исторические исследования; на деле они являются искаженными, косыми тенями друг друга или, используя другую метафору, частями более общей мозаики, которую, может быть, дано сложить лишь воображению потомков.

Бесчисленные воспоминания о сосании няниной груди были мифами очищения и возрождения, в которых грехи расового господства и расового смешения искупались асексуальной, по-детски невинной интимностью с *tamtu*, — американским обрядом перехода к первоначальной чистоте. В выразительном, хоть и бессознательном рассказе о такой связи, основополагающей для американской нации, тот же южанин, который предлагал возвести монумент Черной *Mammy* в Вашингтоне, рассказывал об отношениях между Томасом Джефферсоном (который находился в длительной связи с собственной рабыней, сводной сестрой своей жены) и его *tamtu*:

ее влияние не могло не чувствоваться в самих правительственных кругах, когда она держала руку, которой написана Декларация независимости, и качала этого рожденного в лесах Демосфена, разжегшего пожар Революции (цит. по: Jessie W. Parkhurst 1938, 354).

Суррогатное родительство было жизнеспособным средством ранней социализации лишь в рабовладельческих обществах. Как массовое явление няни не намного пережили эпоху освобождения — в России 1861 года, в Америке 1865-го. В Советской России, впрочем, няням суждена была долгая жизнь, но этой истории сейчас мы касаться не будем. В демократических обществах суррогатное родительство неэффективно как экономически, так и психологически. С уменьшением различий между доходами содержание нянь

становится все более дорогостоящим делом. Если заработок каждого из родителей лишь несколько выше среднего уровня, а заработок няни — лишь несколько меньше его, этот институт обречен на умирание. На смену ему приходят другие, более эффективные институты, такие как отпуска по уходу за ребенком, детский сад, снижение школьного возраста, выравнивание гендерных различий и т.д.

Более интересны культурно-психологические причины вымирания нянь. Их функция состояла в межпоколенной трансляции традиционной культуры, а в современном обществе это контрпродуктивно. Смягчая и заглушая культурные девиации родителей, няня заставляла каждое поколение начинать свой поиск сначала — с нулевой точки искусственно остановленной традиции, будь то традиция афроамериканских рабов или русских крестьян. Няня была культурным медиатором, необходимым для Старого порядка, но не пережившим его разрушения.

Рабовладельческие общества растягивали дистанции между сословиями или расами, но были основаны на повседневном взаимодействии между ними в производственных, сексуальных и других жизненно важных процессах. Не переходя границ, господа и рабы должны были понимать друг друга. Для того чтобы господа понимали рабов, им служили няни (для того чтобы рабы понимали господ, пришлось создавать школы). Структурная граница между крестьянским и дворянским мирами воспроизводилась тем драматическим разрывом, который переживал ребенок, когда переходил из детства в юность — из-под теплой няниной опеки в жестокую группу сверстников и учителей. Институт нянь создавал цикличность культурной трансмиссии. Каждое поколение в своем познании и владении миром двигалось на шаг вперед; следующее за ним поколение начинало с того же, что и предыдущее, с уровня нянь и «дядек». В буржуазном обществе, ориентированном на линейный прогресс, этот рецидив рабовладельческой цикличности был неприемлем. Не в силу своих личных особенностей, но в силу самого их культурного устройства няни воспитывали архаические добродетели смирения и спокойствия, а не капиталистические добродетели экономического достижения и культурного поиска. «Вовсе не университеты вырастили настоящего русского человека, а добрые безграмотные няни», — констатировал патриархально настроенный автор начала XX века Василий Розанов (1990, 184). С его выбором согласились бы ценители Старого порядка по обе стороны океана.

Лариса Лунякова

«ЧЕМ МУЖИКА КОРМИТЬ, ЛУЧШЕ РЕБЕНКА ВОСПИТЫВАТЬ ОДНОЙ»: СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ МАТЕРИНСКИХ СЕМЕЙ

В России, как и во многих развитых странах, семья как социокультурный институт переживает глубокие изменения, которые проявляются прежде всего в снижении числа браков; падении рождаемости и уменьшении детности семьи; росте числа разводов и формировании семей раздельно живущих супругов; повышении числа незарегистрированных браков и доли внебрачных рождений, обуславливающих увеличение количества неполных семей.

Преобладающим типом семьи сегодняшней России остается супружеская пара с одним, реже с двумя и более детьми. Другой, весьма распространенный тип составляют так называемые неполные семьи¹. За основание для социально-демографической идентификации «неполной семьи» принимается ситуация, при которой вследствие различных причин воспитание и уход за ребенком/детьми осуществляет один родитель. Основными факторами формирования неполных семей, как известно, являются разводы, не компенсируемые последующим вступлением в брак, или раздельное (по разным обстоятельствам) проживание супругов; овдовения из-за преждевременной смерти одного из родителей ребенка/детей; внебрачные рождения при условии одиночества родителя. Поскольку в подавляющем большинстве случаев единственным родителем и кормильцем в семье остается мать, часто такие семьи называют «материнскими».

¹ По оценкам микропереписи 1994 года, каждая пятая семья с детьми до 18 лет была неполной (т.е. 20% всех семей с детьми). См. Указ Президента РФ от 14 сентября 1995 г. № 942. Национальный план действий в интересах детей. П. 3.2. / Собрание законодательств Российской Федерации. М., 1995.

Установить истинное число материнских семей непросто. В состав официальных статистических данных не входят фактические (т.е. без юридической регистрации брака) семьи и, наоборот, оформленные юридически, но реально распавшиеся семьи с детьми. В случае внебрачных рождений «установленное отцовство»² может быть зафиксировано в момент регистрации ребенка, но в действительности отец может не принимать никакого участия в его содержании и воспитании. С другой стороны, некоторые одинокие матери впоследствии выходят замуж, но в актах записи гражданского состояния статус их детей не меняется (за исключением фактов усыновления/удочерения), и они продолжают считаться внебрачными детьми.

Общий объем неполных семей на конкретный период можно оценить по числу зафиксированных распавшихся семей с детьми в органах ЗАГС (разведенные) и по спискам получателей «увеличенных» детских пособий (внебрачные) и пенсий на детей по потере кормильца (вдовьи семьи) в органах социальной защиты населения.

В последние несколько лет расторжение браков в целом по стране каждый год приводило к образованию 310—350 тыс. неполных семей (*Данные Госкомстата 2000*, 82; *Демографический ежегодник 1999*, 128). Только в Москве в результате разводов ежегодно 22—23 тыс. детей до 18 лет оставались без одного из родителей (Ищук 2001, 23—24).

При современном уровне смертности каждый пятый ребенок еще до совершеннолетия может стать сиротой; при этом вероятность смерти отца более чем в четыре раза превышает вероятность смерти матери (круглых сирот очень немного). Так, в 1998 году среди умерших в трудоспособном возрасте мужчины составили 81% (*О положении семей...* 1998, 17; Антонова 1999, 7). Таким образом, вдовство — чаще также удел женщин. На 1 января 2000 года в органах социальной защиты Российской Федерации на учете состояло 1,9 млн детей без одного или обоих кормильцев, в Москве — 98,4 тыс. таких детей (*Мониторинг...* 1999, 9; *О положении детей...* 2000, 9).

И наконец, внебрачные рождения. В целом по России за период с 1990 по 1999 год доля внебрачных рождений в общем числе

² В соответствии со ст. 51 (п. 2, 3) Семейного кодекса Российской Федерации (1995) различают две категории записей внебрачных рождений: 1) рождения, зарегистрированные по совместному заявлению лиц, не состоящих между собой в браке (установленное отцовство); 2) рождения, зарегистрированные по заявлению матери, не состоящей в браке.

родившихся возросла почти в два раза, с 14,6% до 27,9%, в ряде регионов — до 40% и выше; в 2000 году число родившихся вне зарегистрированного брака составило 354,3 тыс., или 28,0% (*Мониторинг...* 1999, 8; Захаров, Иванова 2001).

Демографические тенденции в России таковы, что возглавляемые женщинами неполные семьи будут формироваться и в дальнейшем. При существующей динамике показателей разводов супругов с детьми, уровне смертности и росте рождений вне брака доля детей, которые проведут часть своей жизни в семье с одним родителем, достигает 63,3% (цит. по: Римашевская и др. 1999, 161).

Проблема семей одиноких матерей в нашей стране сама по себе не нова, но расширение причин и источников образования таких семей на фоне современной демографической и социально-экономической ситуации в России делают их проблемы более сложными и требуют всестороннего изучения и освещения. Помимо того, что они несут постоянную психологическую нагрузку, совмещая производственную и родительскую роли, результаты эмпирических исследований и гендерного анализа изменений социально-экономического положения россиянок в период реформ свидетельствуют о том, что семьи одиноких матерей составляют существенную долю среди бедных и самых бедных (*Россия — 1999...* 2000, 162—166, 241—250). Но повседневные нужды и потребности этих семей не воспринимаются как серьезная государственная проблема и не стоят в ряду первоочередных задач.

Специальные, посвященные семьям одиноких матерей³ исследования, проведенные в последние годы в различных городах и регионах России, немногочисленны⁴. Между тем с учетом современных реалий в развитии института семьи и многообразия существующих семейных укладов изучение этой проблемы весьма актуально, в частности — для научного обоснования государственной политики в отношении семьи и при разработке различных вариантов эффективной социальной поддержки наиболее уязвимых семей.

³ Термин «семьи одиноких матерей» понимается в широком социальном контексте и придерживается его международной интерпретации: *lone/single mother family* с уточнением фактического брачного статуса женщины-матери — *lone unmarried, divorced or widowed mother* — одинокая незамужняя/внебрачная, разведенная или овдовевшая мать. Подробнее см.: Lewis 1997.

⁴ См.: Гурко 1992, Гурко 1999, Лунякова 1998, Лунякова 2001, Михеева 1998, Киблицкая 1999.

* * *

Сложившаяся к концу 1980-х — началу 1990-х годов довольно развитая система пособий и льгот гражданам, имеющим детей, в совокупности с разветвленной социальной инфраструктурой (в том числе детских учреждений, бытовых услуг, досуга и т.п.), предоставляла женщине возможность самостоятельно справляться с материнскими, семейными и профессиональными нагрузками. По мнению начальника Управления социального обеспечения г. Рыбинска, высказанному в интервью автору статьи в декабре 1999 года,

именно в то время многие женщины-матери почувствовали поддержку государства. Каждая из них поверила, что государство поможет и никогда не оставит ее без работы, а ребенка — без средств к существованию. Они знали, что два раза в месяц будут получать зарплату, что можно планировать и заранее рассчитать, как прожить. Если бы даже денег не хватало, никто никуда бы не пошел и не искал подработок. В основном были решены проблемы с жильем. Некоторые женщины решили, что они практически могут и без мужчин прожить. Им был нужен мужчина только как донор, чтобы родить ребенка для себя. Было постановление об оказании помощи и предоставлении льгот семьям с детьми как на федеральном, так и на местном уровне. Мы из городского бюджета устанавливали дополнительные виды материальной поддержки, делали больше, чем было предусмотрено обязательными нормативными актами. Поэтому одинокие женщины-матери надеялись, что и дальше все будет нормально. Но неожиданно этой помощи не стало.

Какие же кардинальные изменения в отношении семьи, в том числе и неполной, произошли за истекшие 10—12 лет? Рыночная экономика открыла всем российским гражданам свободу выбора деятельности, предоставив им широкий спектр жизненных ориентаций и возможность для формирования материальной достатка и благополучия семей. В частности, официальный статус и широкое распространение получило совместительство (занятость на нескольких рабочих местах), активизировалась неформальная занятость. Но предлагаемые обществом способы адаптации к новым условиям и преодоления бедности в целом оказались неприемлемыми или недоступными одиноким женщинам с детьми.

В настоящее время в государственной политике помощи семьям с детьми наблюдается тенденция «искоренения социального иждивенчества», перекалывания всех забот о детях и о семье на саму семью. Эти изменения особенно сильно отразились на положении неполных семей: острота проблем обусловлена резким пе-

реходом от привычного (пусть и весьма скромного), налаженного стиля жизни к ситуации неопределенности и полной социальной незащищенности. По результатам обследований разных типов домохозяйств, «неполные семьи по доле бедных опережают все другие типы семей», причем на фоне углубляющегося социального неравенства «их положение становится все хуже и хуже»⁵.

Социологическое обследование уровня и образа жизни одиноких матерей (в том числе родивших вне брака, разведенных и овдовевших), проведенное автором в 1999—2000 годах в Москве и Рыбинске⁶, выявило внутри исследуемой референтной группы большой разброс и дифференциацию индивидуальных денежных доходов работающих женщин-матерей и среднедушевых доходов их семей, ощутимую разницу доходов в зависимости от генезиса неполной семьи и отставание по уровню материальной обеспеченности в аналогичных подгруппах обследованной совокупности в провинциальном городе от семей московской выборки (см.: Луныкова 2002; Луныкова 2001; Луныкова 2000).

Результаты обследования не подтвердили прямой зависимости благосостояния неполных семей от уровня образования возглавлявших их матерей — это условие необходимое, но не достаточное. Несмотря на то что 70% респонденток обследованной совокупности имели среднее специальное или высшее образование, все же преобладающее большинство опрошенных занимало низкооплачиваемые должности в бюджетных организациях или на государственных предприятиях. Лишь немногие сумели реализовать свой профессионально-образовательный потенциал.

⁵ См. подробнее: *Россия — 1997* (1998, 184—205); *Россия — 1998* (1999, 178—186); *Россия — 1999* (2000, 162—165, 245—250).

⁶ В публикации использованы материалы эмпирического исследования «Семьи одиноких матерей: стратегии выживания в период социальных трансформаций в России», проведенного при поддержке института «Открытое общество» (OSI—RSS № 284/1999). Для формирования списка респондентов применялся целевой, теоретический тип выборки, который репрезентирует не генеральную совокупность, а изучаемый феномен.

Полевые работы проводились в городе Рыбинске Ярославской области и Москве. С помощью анкет (строго анонимно) было опрошено 205 человек в возрасте от 19 до 60 лет: 105 — в Рыбинске и 100 — в Москве. Затем были взяты 25 углубленных интервью, во время которых респондентки (при минимальном участии интервьюера) в свободной форме рассказывали о своей жизни: респонденткам было предложено определить собственные ориентации, намерения и интересы в сфере брака и семьи, оценить уровень и качество жизни их семей, отношение к действующим мерам государственной семейной политики, ценностные ориентации и представления о собственном будущем и будущем своих детей.

Результаты исследования свидетельствуют, что независимо от брачного статуса одиноких матерей и города, в котором проводился опрос, самой дефицитной ценностью был *материальный достаток* — почти для 90% опрошенных в Рыбинске и 80% — в Москве. Все другие ценности⁷ с большим отрывом отставали от *дефицита достатка* и по значимости выстраивались по-разному для различных типов неполных семей Рыбинска и Москвы. Для рыбчанок второй по важности ценностью оказалась *высокооплачиваемая работа*, и к ней примыкала *уверенность в завтрашнем дне*; *здоровье* было на пятом, а *недостаток времени на воспитание ребенка* — на шестом месте.

Для москвичек вторая по рангу дефицитная ценность — *уверенность в завтрашнем дне*, а третья — *недостаток времени на воспитание ребенка*. Таким образом, судя по полученным данным, в первую тройку наиболее важных ценностей для всех респонденток вошли *материальный достаток* и *уверенность в завтрашнем дне*. В ходе опроса все женщины отмечали нарушение и невыполнение законодательно закрепленных за ними и их детьми социальных гарантий и элементарных прав, но игнорировали опцию *дефицита соблюдения социальных гарантий*. Заботы о хлебе насущном и ориентация женщин, возглавляющих материнские семьи, на цели выживания привели к вытеснению дефицита прав человека на периферию их сознания.

Настоящая работа представляет собой попытку на основе субъективных ощущений и индивидуальных представлений одиноких матерей об основных жизненных ценностях рассмотреть их «социальный портрет». К сожалению, рамки статьи не позволяют воспроизвести полностью конкретные ситуации и жизненные истории, собранные в ходе обследования.

Анализ интервью

Один из важнейших аспектов исследования касался совмещения одинокими матерями семейных и профессиональных ролей. В ря-

⁷ На вопрос «Чего больше всего не хватает Вам и Вашей семье?» респонденткам было предложено выбрать три из девяти вариантов ответа: материального достатка, высокооплачиваемой работы, уверенности в завтрашнем дне, времени на воспитание ребенка, жилья, здоровья, возможности отдохнуть, соблюдения социальных гарантий, уверенности в себе.

де европейских стран система социальных выплат, материальной помощи и гарантий полностью обеспечивает функционирование семьи, и одинокие матери могут заниматься только воспитанием детей (т.е. быть только матерью). В России кроме решения воспитательных и бытовых проблем, одинокая мать не может не зарабатывать на жизнь себе и своим детям (за исключением особых ситуаций), т.е. вынуждена совмещать производственную и родительскую роли.

Конфликт «работа — семья»

Социально-демографический статус исследуемой референтной группы женщин заведомо ограничивает возможности профессиональной карьеры большинства из них. Сочетание одинокими матерями роли «добытчика» и родителя в реальной жизни трудноосуществимо и далеко от их утопических представлений о возможности совмещения работы с материнскими обязанностями. Роль основного и зачастую единственного кормильца, повышенная ответственность за ребенка, боязнь «упустить его» вынуждают их отказываться от «денежной работы» и «риска изменить жизнь к лучшему» и заставляют выбирать работу с «небольшим заработком и уверенностью в завтрашнем дне».

Одна из респонденток-москвичек в начале 90-х годов, когда ее ребенок был совсем маленький, имела собственное дело и «делала большие деньги». По ее словам,

коммерция засасывает по самые уши. Надо было просто оставить семью, дом и полностью заниматься только добычей денег. Я почувствовала, что могу упустить ребенка. Надо было что-то выбрать. Я выбрала ребенка, хотя это было в ущерб моему заработку. Тем не менее... Без меня он бы не учился: и покормить, и из школы встретить — надо было элементарно заниматься домом. Вообще я считаю, что женщина должна остановиться где-то на золотой середине. Бизнес и ребенок — это практически совместить невозможно, как и многое другое... (*незамужняя одинокая мать, в/о, сын-школьник 14 лет, Москва*).

Поиски «лучшей» работы нередко заканчивались для одиноких матерей разочарованием, так как работодатели отказывали им в приеме на работу:

Встречают все-таки по одежке. Потом смотрят образование, и чтобы семьей не была обременена. Без этого можешь никуда не соваться. Ты

полностью должна принадлежать работе. Как только увидят, что у меня двое детей, а один ребенок маленький, значит, будет болеть, а кто за меня сидеть будет? Вот и приходится довольствоваться тем, что есть (вдова, в/о, два сына 15 лет и 6 лет, Москва).

Самозанятость до сих пор не поощряется и даже вызывает агрессию со стороны местных охранительных органов:

Пережила сверхдискриминацию, когда решила попробовать себя в самозанятости. Приходили из милиции, проверяли, чем я занимаюсь, обвиняли в том, что я не хочу работать на государство, угрожали наказанием. Требовали обязательного трудоустройства в короткий срок, или, по их словам, у меня будут большие неприятности с нашими органами. Видимо, наши органы еще не совсем перестроились (*незамужняя одинокая мать, два сына: 7 лет, инвалид с детства — ДЦП, и 4,5 года, Москва*).

В некоторых неполных материнских семьях профессиональная деятельность женщин имела положительную динамику с взрослением детей, но, по мнению многих респонденток, воспитывающих ребенка самостоятельно (без помощи родственников и близких), конфликт «работа — семья» наиболее остро проявляется в возрасте детей от 7 до 15 лет, когда они подвержены разного рода внешним воздействиям. Чтобы уберечь детей от «вредных» привычек и дурного влияния, одни матери пытаются «от и до» расписать день своих детей, другие стремятся «привязать» ребенка к себе:

Трудно сделать так, чтобы ребенок вырос с нетравмированной психикой, чтобы не ощущал себя ущербным среди своих сверстников. Попробуйте противостоять наводнившему сейчас потребительский рынок полному ассортименту соблазнов... (*незамужняя мать, в/о, сын-школьник 15 лет, Москва*).

Как известно, состояние материально-имущественного положения семьи формируется под воздействием многих факторов, в том числе — в зависимости от возможности найти как «хорошую» работу, так и дополнительные заработки. В этом контексте важное значение приобретают особенности развития конкретной территории, размер города и его промышленно-отраслевая ориентация. Поэтому москвички находятся в лучшем, если не сказать — привилегированном, положении: столица предоставляет более широкий спектр для самореализации и высокооплачиваемой работы и больше шансов для выбора разных видов деятельности. Рыбинск — город маленький, и возможности поиска приработков для мате-

рей—глав неполных семей ограничены, а престижных вакансий тем более нет.

Зависимость от параметров города наглядно иллюстрирует вовлеченность в дополнительную занятость: в Москве подработки декларировала каждая третья респондентка, в Рыбинске — одна из десяти. При этом мнение, что дополнительной трудовой деятельностью занимаются одинокие матери, которым в уходе за детьми помогают родственники, не подтвердилось.

Дополнительная занятость во многом определялась не столько профессиональными, образовательными или адаптивными качествами респонденток, сколько ситуативными обстоятельствами и возможностью выбора именно такой линии поведения. Как правило, это была работа не по специальности, по договоренности и без официального оформления у частных лиц (бытовые и персональные услуги); крайне редко юридически оформленное совмещение:

...Работаю на предприятии не по специальности. Моя-то теперь никому не нужна, даже говорить не хочу. Рано начинаем и рано заканчиваем, поэтому я имею возможность подрабатывать — нанялась экономкой к вдовцу, три раза в неделю. Рядом с домом, это удобно. Платит, конечно, прилично, но ведь это до тех пор, пока у него у самого дела идут хорошо. Этот заработок ненадежный... Всегда что-то находила, даже уборщицей, мыла подъезд в богатом доме. Когда дочка была совсем маленькая, я ее с собой брала... *(разведенная одинокая мать, ср. спец. обр., сын 15 и дочь 12 лет, Москва)*.

...Когда находилась в так называемом оплачиваемом отпуске по уходу за ребенком, так этих выплат, которые мне давали на работе не хватало, как говорится, на молоко. Так что? Я пошла в ЖЭК, устроилась, мне дали участок, и я долбила лед. Так и перебивались *(незамужняя одинокая мать, ср. обр., сын-школьник 10 лет, Москва)*.

Мои нынешние доходы временные, устроилась по контракту, а там, где книжка моя трудовая лежит, там ничего не платят. Кончится договор — кончатся и заработки. Что потом — увидим *(разведенная одинокая мать, в/о, дочь 9 лет, Рыбинск)*.

Шью, вяжу. Мне, во-первых, это очень нравится, во-вторых — это ведь мой основной доход... *(разведенная, ср. спец. обр., две дочери старше 18 лет, три сына 11, 13 и 15 лет, Москва)*.

По комментарию одной респондентки, «нет проблем зарабатывать на кусок хлеба, непрестижных работ — навалом, но ведь хочется и себя немного уважать».

Отношение к деньгам

Таким образом, если выпадала возможность заработать, то респондентки предпочитали ее использовать: «Если есть шабашки, их нужно отрабатывать сейчас, пока платят. Деньги — это как грибы: если они есть сейчас, их нужно собирать. Потом неизвестно, что будет» *(разведенная мать, в/о, дочь 9 лет, Рыбинск)*.

Примечательно, что на вопрос о самоидентификации ни у одной из опрошенных ее основная функция в семье не ассоциировалась с образом добытчика и ролью кормильца (даже в полных семьях трансформация института семьи проявляется в утрате мужчинами традиционной роли главы семьи и кормильца). Только несколько респонденток связали свое поведение с поиском и добычей средств к существованию:

Последние месяцы я уходила на заработки с утра, приходила в 12 ночи. Утром вставала и опять бежала. Вот сегодня успела борщ сварить, потому что завтра с утра опять бегу. Некогда элементарных вещей дома сделать. Перегружена добычей. Работа сама не приходит, я, конечно, ищу работу. Бывает, что разрываюсь на несколько частей *(незамужняя одинокая мать, в/о, сын-школьник 15 лет, Москва)*.

Деньги, их роль и значение воспринимаются как возможность «заткнуть образовавшиеся дыры». Несмотря на дефицит денег, никто из опрошенных не представлял «их добывание» как самоцель и относился к ним только как к источнику существования и удовлетворения насущных потребностей:

Что для меня деньги? Средство, чтобы есть, средство для существования. Я не представляю деньги ни как цель, ни как инструмент для достижения какой-либо цели. Деньги нужны, чтобы решать проблемы жизненные: штаны купить сыну, из куртки вырос, башмаки через три месяца надо новые. Вот такое отношение к деньгам. Они нужны для того, чтобы хотя бы быть не раздетым и, конечно, что-то есть *(незамужняя одинокая мать, в/о, сын-школьник 15 лет, Москва)*.

Многие респондентки стараются «абстрагироваться от денег» и научились радоваться жизни такой, какая она есть:

Конечно, бывают ситуации, когда надо накопить, чтобы что-то купить. Не надо заикливаться ни в коем случае. Деньги — это наше самое большое зло в жизни: без них нельзя, но когда они становятся целью — это ужас *(незамужняя одинокая мать, в/о, сын-школьник 13 лет, Москва)*.

Побудительные мотивы поиска дополнительных доходов обусловлены возникновением проблем:

Если я захотела отправить ребенка в Таганрог в прошлом году, я работала — у меня была цель — и отправила. Он поступал в Академию водного транспорта и прежде не видел моря. Обязательно нужно это было сделать (*разведенная одинокая мать, ср. спец. обр., две дочери старше 18 лет, три сына 11, 13 и 15 лет, Москва*).

Образование детей как ресурс выхода из бедности

Будущее детей беспокоит всех матерей. Малоимущими, материнскими семьями образование рассматривается как стратегически важная сфера человеческой жизни — многие видят возможность выхода из бедности в получении профессионального образования, но его коммерциализация и отсутствие средств «блокирует» осуществление этих надежд:

Мне так хочется, чтобы мои дети стали хорошими людьми, чтобы чего-нибудь закончили, может институт. Я сейчас Вовке говорю, чтобы он учился хорошо. Он учится хорошо. Ну куда вот дворником-то? Без образования никуда не возьмут. Конечно, хотела его в будущем... Как говорится, сама не кончила, у меня ничего не было, хоть они бы. Трудно теперь. Это раньше было, иди куда хочешь учиться: на вечернее или что, а сейчас все платное у нас (*незамужняя одинокая мать, проф. обр., дочь 26 лет, сын 13 лет, Рыбинск*).

Последние годы актуальность проблем образования резко возросла. Учиться и получать высшее образование стало престижно, но очень дорого. Сами дети ждут помощи со стороны своих матерей. По результатам исследования, проведенного О. Здравомысловой и И. Шурыгиной, в современном российском обществе уровень обеспеченности и достатка семьи отражается на социализации детей: чем выше материальное положение родителей, тем больше помощи ожидают от них дети. При этом очень большую роль играет образование матери (Здравомыслова, Шурыгина 1999).

Имеющие высшее образование одинокие матери оценивали его получение неоднозначно: некоторые считали, что это — родительские амбиции, другие — человеческий потенциал.

Мама моя думала о том, что она сделает все, чтобы я (дочь) получила образование и не повторила ее судьбу. Мама считала образование

критерием, спасением от жизненных трудностей. Учеба — это особая среда, которая должна была уберечь меня от ее судьбы. Я училась легко и очень хорошо. Мама думала, что, раз есть способности, они должны быть приложены к знаниям... Обязательно ли нужно дать ребенку образование? Ребенок должен себя хорошо чувствовать, комфортно, а каким путем это достигается, я ответить не могу. Обязательно ли высшее образование? Я не уверена в этом. Для самочувствия это не нужно. Хотя все мои друзья и близкие знакомые, они сплошь все образованные люди. Есть неустроенные образованные, есть благополучные необразованные и наоборот (*разведенная одинокая мать, в/о, дочь 9 лет, Рыбинск*).

Оглядываясь на свой жизненный опыт, одна из респонденток рассматривала вуз как среду, в которой формируется будущая личность, а учебу как занятость ребенка:

Может быть, подспудно я хочу, чтобы он учился. Высшее образование — оно как бы и мне ничего не дало. После школы не было какой-то направленности, цели — все идут, и ты идешь. Относительно ребенка, конечно, хотелось бы, чтобы он был занят, прежде всего, все-таки учился. А что он в результате этого получит, какое образование, это совершенно неизвестно. Я боюсь, что он мало себе представляет, что он хочет. Я рассматриваю процесс образования как некую занятость, ну и потенциал, конечно. Но по опыту то, что мы изучаем, как правило, нам не приговораются для высоких целей. Но это опять же зависит от того, что во мне — надо мне это или нет, мое это или не мое. Меня больше всего институт прельщает тем, что сын будет в определенной среде. Не на улице, а в другом круге общения. А сейчас, если он не поступит в институт, тогда где он и что? Это самое страшное, о чем иногда думаешь и что предотвратить невозможно (*незамужняя одинокая мать, в/о, сын-школьник 15 лет, Москва*).

Полноценное родительство или одинокое материнство?

Суждения опрошенных одиноких матерей о воспитании детей в «полной» или «неполной семье» соответствовали их брачному статусу. Преобладающее большинство женщин, родивших детей вне брака, считало, что они в состоянии самостоятельно создать нормальные условия для жизни и воспитания ребенка:

Я никогда не слышала, чтобы сына называли безотцовщиной. Лично для меня — это не оскорбление, это мой собственный выбор, и как он со стороны кем-то расценивается — это не мой вопрос. У нас неполная семья, и сын больше от этого страдает, чем я. Почему? Потому что

он сталкивается с детьми, у которых есть отец (*незамужняя одинокая мать, в/о, сын-школьник 10 лет, Москва*).

Овдовевшие матери, имевшие опыт «традиционно-патриархатной» семейной жизни, отрицали возможность полноценного развития детей без мужа. По мнению разведенных матерей, поведение ребенка, воспитание и формирование его личности не определяется «полнотой» семьи и наличием отца, так как их бывшие мужья практически не выполняли своих родительских обязанностей.

Вместе с тем респондентки отмечали «важную роль мужчины в воспитании ребенка»: «В действительности если мужчины в семье нет, то мать как-то справляется, только и всего...» В случаях, когда одинокая мать с ребенком/детьми жила в семье своих родителей или другими родственниками, отсутствие отца компенсировалось постоянным общением с лицами мужского пола:

У сына есть мужское общение, дефицита мужского в семье нет. Он называет папой своего крестного, мужа моей сестры. Он для него и дядя Валера, и папа. Он регулярно приезжает и помогает мне по мужской линии (*незамужняя одинокая мать, в/о, сын 6 лет, Рыбинск*).

В иных неполных семьях отсутствие отца рождает сложные отношения «мать — ребенок»:

У сына большая на меня обида за то, что у него нет отца. Есть такое. У нас очень сложные взаимоотношения, и мне кажется, что из-за этого. Мужчина в воспитании ребенка нужен. Потому что мальчику важнее бывает отец, чем мать, а когда мать основное время тратит на добычу средств к существованию, то у нее, у матери, как у загнанной лошади, не остается сил на элементарное общение с ребенком. Может быть, присутствие мужчины — уже помощь, я не знаю, я не жила полной семьей с ребенком (*разведенная одинокая мать, спец. ср. обр., сын-школьник 13 лет, Москва*).

Качественные оценки разведенными и овдовевшими респондентками фактической обстановки и ситуации в нынешней «неполной», по сравнению с условиями жизни в их ранее «полной» семье, были следующие: преобладающее большинство (72,5%) вдовых матерей констатировало негативные изменения, однако каждая десятая признала, что ситуация в семье улучшилась. Напротив, более чем у половины (56,3%) разведенных жизнь и «атмосфера» в семье улучшились — «стало больше времени для себя и детей», «в доме стало спокойнее», «нет конфликтов из-за распределения ролей»; у 15,5% — ситуация в доме и семье осталась без изменений.

Каковы же мнения одиноких матерей различного брачного статуса о ценности брака, семьи и ее роли в жизни женщины и воспитании детей? Отражают ли их суждения и жизненная практика современные тенденции в трансформации института семьи?

Преобладающее большинство опрошенных одиноких матерей высказались за традиционный брак: «Семья наша, конечно, неполная. По христианским законам семья — это всегда отец, мать и какое-то количество детей». Однако каждая шестая мать внебрачного ребенка, каждая восьмая овдовевшая и одна из девяти разведенных ответили, что «зарегистрированный брак — это старомодно».

Законный брак: за и против

До сих пор в общественном мнении живет стереотипное представление о том, что «фундаментальной основой» успешной жизненной стратегии женщины является «семейная жизнь с достойным человеком» (иными словами, традиционная полная семья) (Арутюнян 1999, 72), а в результате повторных браков материальное положение семей с детьми значительно улучшается (Фести, Прокофьева 1997). Именно поэтому респонденткам было предложено ответить на вопрос об их желании создать полную семью и по возможности объяснить свой выбор.

Ответы всей совокупности опрошенных матерей на вопрос о желании и причинах изменить/сохранить свое «гражданское состояние» распределились следующим образом: 17,1% респонденток затруднились ответить, 37,5% хотели бы вступить в брак, 45,4% высказали нежелание ни сейчас, ни в будущем создать полную семью. При этом «традиционным семейным образом жизни» не собирались обременять себя 52,5% внебрачных, 38,0% разведенных и 47,5% овдовевших одиноких матерей.

«Сознательно одинокие» матери выросли в неполных семьях и имели опыт жизни в родительской семье без мужчин или были воспитаны «в ненависти к мужчинам»:

Мама как бы внушала мне, что ничего хорошего ждать от них нельзя. Все они предатели, подлецы, изменники. Она формировала во мне антисемейные чувства. Она говорила только об учебе и о том, что никто мне не поможет, кроме себя самой. Моя девочка, по-видимому, повторит мою судьбу. Почему? Я это чувствую, будто судьба меня ведет за плечи (*разведенная одинокая мать, в/о, дочь 9 лет, Рыбинск*).

В обследованной совокупности неполных материнских семей феномен одинокого материнства в четырех случаях воспроизвел себя в новом поколении.

Основания, препятствующие вступлению в брак или повторный брак, для разных подгрупп одиноких матерей различны. Среди основных причин безбрачные и разведенные матери назвали безответственность и ненадежность современных мужчин⁸, «потерю личной свободы и независимости», «дополнительную физическую и даже материальную нагрузку»⁹, «эгоизм мужчин»; вдовы — невозможностью равнозначной замены бывшего мужа и отца детям.

Родительство в неполных семьях всецело можно приравнять к одинокому материнству, «особенно в России, когда при наличии огромного числа мужчин, не способных просто даже себя прокормить, женщина окончательно стала лошадкой...».

Половина респонденток не стремится искать опору в муже, создавать полную семью и выбирает статус неполной семьи:

...Наверно, надо или очень любить человека и идти на все, или быть просто озабоченной этим, чтобы соглашаться на все и поступать в ущерб своему благополучию. Потом, ребенок, конечно, как они будут контактировать? Потом, лучший кусок, кому подсунуть? Как к этому отнесется муж? Конечно, сын для меня будет на первом месте. Не знаю, любой ли мужчина сможет это воспринимать. Да и нет необходимости, во всяком случае, острой необходимости. У меня есть мужчина, которого я могу позвать прибить карниз, починить что-то. Мне легче накормить его обедом, поворковать и т.д., он любит побеседовать за чашкой чая. Я не смогу терпеть его бесконечно, я не представляю просто себе этого... Замуж? — Нет, однозначно нет (*незамужняя мать, в/о, сын-школьник 13 лет, Москва*).

Таким образом, кардинально менять жизнь свою и своих детей эти одинокие матери считают шагом ненужным.

⁸ «Сейчас в основном мужчины такие, чтобы их накормили, а не они, вымирают настоящие мужчины, нет таких, которые могут помочь. По телевизору смотришь фильмы, смешно делается, ребенка не может поделить» (неоднократно повторяющийся ответ в разных интервью).

⁹ «Мужчин путных не найдешь, все смотрят, где бы только сорвать. С одной поживет, с другой, может, она меня накормит или чего. Чем мужика кормить, лучше ребенка воспитывать одной» (неоднократно повторяющийся ответ в разных интервью).

Правовая защита семьи, материнства и детства

Социальный портрет одиноких матерей и их семей будет недостаточно полным без краткой характеристики правовых норм, направленных на социальную защиту семьи, материнства и детства. основополагающие нормы сформулированы в ст. 25 Всеобщей декларации прав человека:

- (1) Каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи...
- (2) Материнство и младенчество дают право на особое попечение и помощь. Все дети, родившиеся в браке или вне брака, должны пользоваться одинаковой социальной защитой (*Международные конвенции... 1998, 14—16*).

Там же в ст. 16.3 говорится: «Семья является естественной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства». Эти, ставшие постулатами, статьи Всеобщей декларации прав человека закреплены в Конституции РФ (ст. 38).

Для смягчения и преодоления последствий социально-экономического кризиса в нашем обществе, а также предоставления помощи и определенных гарантий жизнеобеспечения детей и семье президентом России был утвержден ряд законов и долговременных программ. Однако практически все они остались благим намерением.

Пореформенная Россия не только гарантировала новой Конституцией 1993 года защиту материнства и детства, но и унаследовала все основные прежние социальные обязательства: в ней сохранено всеобщее право на бесплатную медицинскую помощь и общедоступное дошкольное, среднее общее и специальное, а также высшее на конкурсной основе образование, право на жилье и социальную защиту. Тенденции негативных изменений в этих социальных сферах для бедных неполных семей вполне очевидны: всеобщая платность любых видов услуг делает специальное профессиональное и высшее образование для детей этих семей труднодоступным, а квалифицированное медицинское обслуживание, отдых и досуг практически неосуществимыми.

Огромной проблемой для одиноких матерей оказалась не только хроническая бедность. Снижение стартовых возможностей де-

тей из бедных неполных семей грозит падением интеллектуального потенциала и воспроизводством еще более глубокой бедности в новых поколениях. Поэтому без социального патернализма и материальной поддержки по отношению к нуждающимся семьям, возглавляемым одинокими женщинами, решить проблему бедности невозможно, так как сами эти семьи не смогут адаптироваться к новым экономическим условиям.

В какой степени материальная поддержка государства в настоящее время помогает одиноким матерям воспитывать детей, находящимся на их попечении, и осуществлять уход за ними?

Социальные ежемесячные пособия семьям с детьми. До 1 января 2001 года ежемесячные пособия семьям с детьми выплачивались за счет средств бюджетов субъектов Российской Федерации и зависели от их экономического потенциала. Несмотря на то что по своему размеру детские пособия носят чисто символический характер¹⁰, в течение 1996—2000 годов вследствие дефицитов бюджетов всех уровней в большинстве субъектов РФ задолженность по этому виду пособий постоянно нарастала. Общая задолженность по их выплате по стране составляла на 1 января 1996 года — 2,3 млрд деноминированных рублей, а 1 марта 2000 года она достигла 30 млрд рублей¹¹. Отсутствие достаточных средств привело к тому, что в 1996—1998 годах субъекты РФ принимали свои нормативные акты, в соответствии с которыми право на указанные пособия имели лишь некоторые категории семей с детьми, что являлось нарушением ст. 38 Конституции Российской Федерации в части государственной защиты материнства, детства и семьи. И таких субъектов РФ было немало.

Так, в Рыбинске в течение четырех лет, начиная с 1996 года, денежные пособия внебрачным матерям выплачивались два-три раза в год, а остальные семьи не получали детские пособия совсем. При крайне низких и нерегулярных зарплатах одинокие матери, единственные кормильцы своих семей, нередко рассматривали

¹⁰ Ежемесячное пособие на ребенка до достижения им возраста 16 лет (на учащегося общеобразовательного учреждения — до окончания им обучения, но не более чем до достижения им возраста 18 лет) — 70% МРОТ, на детей одиноких матерей — 140%, на детей, родители которых уклоняются от уплаты алиментов, а также на детей военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, — 105% МРОТ (ФЗ-№162 от 30.12.1996 г.).

¹¹ См.: Постановления Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации. Собрание законодательства Российской Федерации. 1999, 2000.

эти пособия как средство к существованию, хотя их размер составлял на здорового внебрачного ребенка 116 руб. 88 коп., а на ребенка разведенной матери — 58 руб. 44 коп. Массовые обращения в суд положительных результатов не дали. Ответ был один: «Денег нет». С точки зрения финансового обеспечения социальных программ эти годы можно считать наиболее неблагоприятными. Реализация федеральных льгот осуществлялась только семьям с детьми-инвалидами и многодетным семьям. Регулярная выплата пособий на детей возобновилась с 1 января 2000 года.

В столице денежные выплаты на детей производились бесперебойно из городского бюджета в соответствии с действующим федеральным законодательством. Кроме того, постановлением правительства Москвы с 1 января 2000 года были установлены ежемесячные компенсационные выплаты некоторым категориям семей, в том числе на детей незамужних одиноких матерей. С 1 января 2001 года они стали получать по 240 руб.

Алименты на детей в случае развода родителей могут быть взысканы судом в установленном порядке либо предусмотрены договоренностью между бывшими супругами. По результатам обследования 1999—2000 годов из числа разведенных матерей, обратившихся в суд, алименты в Москве получали 65%, а в г. Рыбинске — половина. При опросе не получавшие алиментов женщины подтверждали это справками судебного пристава. По большей части бывшие мужья скрывались или уклонялись от своих обязанностей. Чтобы добиться получения гарантированных законом увеличенных пособий (105% минимального размера оплаты труда), необходимо добыть различные справки и документы и доказать органам социальной защиты, что никаких частных денежных поступлений в семью нет. В случае получения алиментов их размеры были ничтожны. Менее трети разведенных одиноких матерей указали алименты в числе регулярных составляющих семейного бюджета, но ни одна не оценила их как существенную добавку, а тем более — как источник доходов.

Овдовевшие матери получают на ребенка/детей *пенсию по потере кормильца*. С учетом размера социального минимума для конкретного субъекта федерации в г. Рыбинске она составляла в 1999 году в среднем 304 руб., в 2001-м — 500 руб.; в Москве этот вид пенсии с учетом компенсационных выплат вырос с 500 руб. в сентябре 1999 года до 1350 руб. в конце 2001-го. Следует заметить, что около 30% вдов с детьми, вошедших в совокупную выборку, предпочли не работать, и они также получали пенсию по случаю

потери кормильца. Вдовы прибегают к такому выбору, когда заработная плата по их месту работы оказывается меньше или равна размеру этой пенсии (в настоящее время пенсия по потере кормильца не может быть меньше установленной на локальном уровне «социальной нормы»). Кроме того, эти семьи имеют льготы по оплате транспорта, а иногда и по оплате квартиры и коммунальных услуг.

Материнские семьи, имеющие детей-инвалидов, получают *пенсии на детей-инвалидов*, размеры и динамика которых в провинциальном городе и столице совпадают с пенсиями по потере кормильца. Эти семьи выживают, благодаря пенсии и предоставляемым им льготам. К ним относятся: скидка не ниже 50% с квартирной платы (в домах государственного, муниципального и общественного жилищного фонда) и оплаты коммунальных услуг (независимо от принадлежности жилищного фонда); право детям-инвалидам, их родителям, опекунам или попечителям, осуществляющим уход за детьми-инвалидами, бесплатного проезда на всех видах транспорта общего пользования городского и пригородного сообщения; детям-инвалидам предоставляется право бесплатного проезда один раз в год к месту лечения и обратно, если законодательством Российской Федерации не установлены более льготные условия (указанные льготы распространяются на лицо, сопровождающее ребенка-инвалида); бесплатное одноразовое питание учащихся 1—4-х классов и бесплатное двухразовое питание (эта льгота распространяется также на учащихся из социально незащищенных семей); предусмотренные перечнем бесплатные лекарства.

На сегодняшний день незамужние и разведенные одинокие матери не имеют никаких льгот и привилегий, за исключением скидок при оплате детских дошкольных учреждений и бесплатных обедов в школе.

Ограниченность государственных финансовых ресурсов и значительная дифференциация населения по уровню материального благосостояния обусловили введение и усиление принципа так называемой адресности в предоставлении помощи по признаку нуждаемости. Объективным показателем для определения права и размеров социальных пособий был установлен прожиточный минимум в субъекте федерации¹². По сути, процедура предоставления и выплата пособий осуществляются не по обращениям и признаку

¹² Правовая основа для определения и учета прожиточного минимума в РФ введена Федеральным законом «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» от 24 октября 1997 года.

нуждаемости, с учетом глубины бедности и остроты проблем, а, как и раньше, конкретным категориям семей или гражданам по принципу их принадлежности к определенной социальной группе.

Законодательную систему государственной социальной защиты, льгот и гарантий вряд ли можно расценивать как материальную поддержку граждан с детьми. Кроме того, в ходе опроса обнаружались абсурдные ситуации, в которых материальное обеспечение детей «нормальных» одиноких матерей было намного ниже, чем «социальных сирот» — детей «непутевых родителей»¹³. Практически эти дети находятся на государственном обеспечении, поскольку опекуны получают на них пособие, назначаемое из расчета средней стоимости содержания ребенка в интернатном учреждении плюс компенсационные выплаты на приобретение одежды. По утвержденному правительством Москвы плану мероприятий по улучшению положения детей в Москве на 2001 год (*Вестник мэрии Москвы* 2001) предполагались следующие затраты: на детей, растущих в семье — на здорового ребенка от 170 до 240 руб./мес., на ребенка-инвалида в возрасте до 18 лет до «социальной нормы» — 970 руб./мес.; на ребенка — социального сироту, растущего в опекунской семье, — до 2000—2500 руб./мес.

Об ответственности государства за благосостояние материнских семей

Большинству одиноких матерей приписывают психологию государственного патернализма и иждивенчества. Между тем результаты опроса показывают, что среди матерей внебрачных детей, чей материальный достаток не может обеспечить даже самые насущные потребности их семей, доля тех, кто хотел бы переложить «основную ответственность за благополучие их семей на государство», не превысила 8%. «Никогда не рассчитывали на помощь государства» и «ответственность за благосостояние своих семей» взяли на себя 37,5% внебрачных и 21% разведенных матерей:

¹³ Негативной тенденцией последних лет становится социальное сиротство. Кризис родительства, обусловленный асоциальными формами поведения в быту, насилием и отказом от родительства, приводит к увеличению числа детей, оставшихся без попечения родителей. Растет число лиц, лишенных родительских прав (особенно среди матерей). Часть детей воспитывается родственниками-опекунами.

Жить невозможно на те деньги, которые платит государство. А детские — это вообще слезы. Я на эту тему не думаю, право государство или не право. Государство никогда ничего не делало для своих граждан — это мое глубокое убеждение. Биться головой, какой президент плохой или еще кто-то плохой, кто-то ворует — мне это не нужно мусолить, это трата энергии. Лучше свою энергию направлять действительно на какое-то дело (*незамужняя одинокая мать, в/о, сын-школьник 15 лет, Москва*).

40% опрошенных вдов, каждая третья разведенная и каждая четвертая незамужняя мать считали, что «государство должно создавать и предоставлять благоприятные условия для совмещения работы с воспитанием ребенка»:

Если человек привык к тому, что ему дают, он будет ждать, чтобы ему дали, и будет просить. Каждый должен помогать себе сам, но нужно помочь найти себя в чем-нибудь, а дальше человек должен все делать сам. За кого-то делать что-либо нельзя, потому что потом человек все равно будет мучиться. Ну, а женщинам без мужей нужно помогать бороться за себя, чтобы они и профессионально себя не потеряли и чтобы со своими детьми сами занимались (*разведенная мать, в/о, дочь 9 лет, Рыбинск*).

Треть опрошенных разведенных полагала, что ответственность и помощь должны исходить от отца ребенка, и государство должно понуждать их к этому. И все же значительная доля респондентов (42% матерей-одиночек и 40% вдов) считали, что «государство должно оказывать их семьям дополнительную материальную поддержку»:

Помощи от государства практически нет. Я — одинокая мать, ребенок маленький, привилегий в городе одиноким матерям нет, все на общих основаниях. Но дополнительная поддержка детям должна быть обязательно, в любом виде: продуктами, одеждой детской, летним отдыхом. Несколько лет не выплачивали детские пособия, но все должно быть компенсировано. Пусть погасят, а не говорят, что нет денег. Почему многодетным семьям все выплатили, плюс разные льготы. Кругом смотришь, на все есть деньги. Я нервничаю и борюсь не за себя, а за своего ребенка. За державу обидно (*незамужняя мать, в/о, сын 6 лет, Рыбинск*).

Материнские семьи, имеющие детей-инвалидов, подчас находятся по материальному обеспечению в самой критической ситуации, зависящей от реабилитационного потенциала ребенка. Обследованная совокупность включала около 20% неполных семей,

в которых росли дети с врожденными или приобретенными отклонениями в физическом или нервно-психическом развитии. При инвалидности, требующей постоянного ухода за больным, и если ребенок признан «необучаемым», женщина-мать не может работать ни при каких обстоятельствах, даже надомницей, и ей приходится «крутиться» на пенсию по инвалидности ребенка, включающую мизерную надбавку на уход за ним, плюс пособие одинокой матери. Поэтому им приходится искать дополнительную помощь в самых разных инстанциях:

В нашем государстве, если бы платили нормальную социальную пенсию, отнеслись с пониманием к проблемам семьи с больными детьми, мы могли бы жить безбедно и не ходить, не унижаться и не кланяться где только можно. Получается так, что постоянно нужно пробиывать стену головой. То, что нам положено, мы все имеем на бумаге. Но в органах соцзащиты нам объясняют, что «то, что написано на бумаге, еще не означает, что это приводится в исполнение». Наше правительство не может решить наш вопрос, не готово помогать нам; мы должны выживать сами (*незамужняя одинокая мать, два сына: 7 лет, инвалид с детства — ДЦП, и 4,5 лет, Москва*).

Заключение

Проблемы одинокого материнства зависят от возраста и зрелости самой женщины и причин отсутствия брачной пары. Право на родительство имеет гендерную специфику. Основная ответственность за принятие решения о рождении и дальнейшем воспитании ребенка традиционно лежит на матери. Дети — это показатель семейного образа жизни, определяющий социальную ценность родителей, в рассматриваемом контексте — матерей. В истории России целые поколения женщин—одиноких матерей жили, работали и поднимали детей без мужей в крайне неблагоприятных условиях. В их подсознании выработалось повышенное чувство ответственности, вера и опора только на свои собственные силы. Нарушение материнских прав неизбежно влечет за собой нарушение прав ребенка.

Для реализации неполными семьями функций социализации одинокие матери (независимо от их брачного статуса) и их дети нуждаются не только в различных видах материальной помощи, но и в социальном содействии. Выявление и исследование характера и степени нуждаемости, а не формальные признаки структу-

ры и генезиса этих семей необходимы для обоснования и разработки программ и способов социальной и иной помощи. Социальная норма должна распространяться на всех без исключения детей и рассчитываться, исходя из реальных потребностей детей в питании, одежде, жилище, лечении, образовании, отдыхе и других услугах в соответствии с международной Конвенцией о правах ребенка, ратифицированной Россией.

Объективно сложившаяся социальная, экономическая и демографическая ситуация в нашей стране способствует формированию материнских семей. На фоне роста беспризорности, социального сиротства и отказа от детей, обусловленных асоциальными формами поведения в быту и кризисом родительства, государство должно воспринимать семьи одиноких матерей как группу населения, от благополучия которой зависит и благополучие страны. Жизнедеятельность таких семей, практически всецело зависящая от личностного своеобразия и нередко ограниченных (в основном материальных) возможностей матери, влияет на социализацию детей. Для реализации неполными семьями функций социализации одинокие матери (независимо от их брачного статуса) и их дети нуждаются в социальном содействии, благожелательном общественном мнении и различных видах материальной помощи.

Татьяна Снегирева, Алексей Подчиненов

«СЫН ЗА ОТЦА НЕ ОТВЕЧАЕТ?»: КОМПЛЕКС БЕЗОТЦОВЩИНЫ В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Бывают такие времена, когда нужно выбирать между папой-мамой и революцией.

И. П. Румянцев — А. Т. Твардовскому.

Анализ некоторых социокультурных понятий позволяет лишний раз подтвердить гипотезу о единстве и дискретности русской литературы. Понятие «безотцовщины», так, как это принято воспринимать в литературе советской эпохи, в литературе классической, по сути дела, отсутствует. Начиная с *«Поучения»* Владимира Мономаха литература была озабочена проблемой духовной преемственности, духовного отцовства. В XIX веке утрата и обретение нравственного родства и взаимопонимания приобретает и социально-историческую, и религиозно-онтологическую перспективу. Достаточно вспомнить романы И. С. Тургенева, и в особенности Ф. М. Достоевского. Без осознания духовной близости с отцом (что актуализирует весь религиозно-этический комплекс: сострадание, милосердие, раскаяние, покаяние и т.д.) оказывается невозможным процесс самосознания и самопознания. Проблема отцовства и безотцовщины явно тяготеет к сакральным отношениям Бога-Отца и Бога-Сына. Даже намеренное игнорирование этой ситуации (в произведениях писателей-демократов) не переводит ее в иную плоскость.

В силу того что движение национальной жизни в XX веке в России происходило путем катастроф и сломов, резких изменений в рамках жизни одного поколения, русская литература сконцентрировала свое внимание на «мысли семейной» в весьма своеобразном аспекте. Для уточнения необычности ситуации и в жизни, и в литературе советской эпохи есть смысл обратиться к работе Маргарет Мид *«Культура и мир детства»*, предлагающей оригинальную типологию культур с точки зрения преемственности поколений.

Американская исследовательница выделяет три типа культуры: *постфигуративная, конфигуративная и префигуративная*. В *пост-*

фигуративной культуре «каждое изменение протекает настолько медленно и незаметно, что деды, держа в руках новорожденных внуков, не могут представить для них никакого иного будущего, отличного от их собственного прошлого» (Мид 1988, 322). *Конфигуративная* — это культура, в которой «преобладающей моделью поведения для людей, принадлежащих к данному обществу, оказывается поведение их современников» (Мид 1988, 343). В *префигуративной* культуре взрослые учатся у молодых: «Еще совсем недавно старшие могли говорить: “Послушай, я был молодым, а ты никогда не был старым”. Но сегодня молодые могут им ответить: “Ты никогда не был молодым в мире, где молод я, и никогда им не будешь”» (Мид 1988, 360—361). Американский этнограф, выделяя три типа культур, основывается на традиции характера взаимоотношений между поколениями в рамках разных национальных культур, но не исключает возможности перехода одного типа в другой. Так, с ее точки зрения, в традиционно *конфигуративной* американской культуре все явственней заметны элементы культуры *префигуративной*: «Старшее поколение никогда не увидит в жизни молодых людей своего беспрецедентного опыта. Этот разрыв между поколениями нов, он глобален и всеобщ» (Мид 1988, 343).

М. Мид специально останавливается на анализе целого веера причин, провоцирующих смену типа культур, среди которых называет русские и России XX века:

Конфигурация начинается там, где наступает кризис *постфигуративной* системы. Этот кризис может возникнуть разными путями: как следствие катастрофы, уничтожающей почти все население, но в особенности старших, играющих самую существенную роль в руководстве данным обществом (гибель «отцов» в революции, Гражданской войне, в годы массовых репрессий, раскулачивания и Великой Отечественной войны. — Т. С., А. П.)... в результате обращения в новую веру, когда новообращенные взрослые пытаются воспитать своих детей в духе новых идеалов, не осознанных ими ни в детском, ни в юношеском возрасте, или же в итоге мер, сознательно осуществленных какой-нибудь революцией, утверждающей себя введением новых и иных стилей жизни для молодежи (в случае с Россией, революция, по точной мысли Н. Бердяева, и явилась введением новой веры — коммунистической, заменяющей веру христианскую. — Т. С., А. П.) (Мид 1988, 343).

Итак, в случае преобладания *префигуративной* культуры в обществе с безусловностью намечается конфликт между поколения-

ми в целом и между художественными поколениями в том числе. Причем если в *конфигуративной* культуре, по сравнению с культурой *постфигуративной*, все меньшую социальную и психологическую роль играет институт бабушек и дедушек, то в *префигуративной* фактически редуцируется институт отцовства. В принципе весь XX век в России можно рассматривать как век *префигуративной* культуры, но — и в этом видится национальная драматическая специфичность ее развития, — по крайней мере, трижды *префигуративная* ситуация в исторической судьбе России и, как следствие, в литературе становилась доминантной, знаковой, переворачивала, казалось бы, только-только устоявшиеся нравственные и эстетические нормы. Поэтому применительно к российской культуре есть смысл говорить о существовании *префигуративных циклов*, сменяющих друг друга.

Первый раз «распад времен» возник в результате революции и Гражданской войны. В литературу пришло поколение художников, «делающих» ее в 1920—1950-е годы. Здесь была совершена попытка подмены кровного отцовства государственным. Феномен Павлика Морозова — крайний, а потому весьма показательный случай: значимость его даже не в поступке ребенка, а в канонизации его обществом. В 30-е годы утверждается примат государственного над индивидуальным, законность растворения «я» в «мы», что, в частности, проявляет себя в строгой иерархии принадлежности человека сначала — обществу, а уж потом — родным.

Второй раз *префигуративная* ситуация актуализируется в результате массовых репрессий 30-х и Великой Отечественной войны. Это поколение «оттепели» и позднего шестидесятилетия — середина 1960-х — 1970-е годы.

Третья *префигуративная* ситуация («ты никогда не был молодым в мире, где молод я») складывается на наших глазах и является следствием крупных изменений в обществе, начавшихся в середине 1980-х годов. Постсоветская эпоха создает новый тип отношений «отцов и детей», который выражается в постоянном эмоциональном восклицании: «Они совсем другие!» Отсутствие диалога между поколениями, столкнувшимися на грани веков («я их не понимаю» — реплика старших, «они меня не понимают» — реплика младших), очевидно. В этой статье мы ограничимся анализом двух первых *префигуративных* циклов; анализ третьего — *постсоветского* — цикла в силу своей специфики в рамки данной статьи не входит.

Отец-учитель

В 1920—1950-е годы префигуративный конфликт, явившись основной сюжетных коллизий многих произведений, нередко носил трагический характер смертельного противоборства отца и сына. Один из ярчайших примеров — рассказ «Родинка» из «Донских рассказов» М. Шолохова. Уже в этом раннем произведении очевидны общегуманистические истоки позиции писателя. Во-первых, убийство сына совершается по отцовскому неведению, оно — результат трагического стечения обстоятельств, спровоцированных самой сутью Гражданской войны, когда «брат шел на брата», «отец на сына». Во-вторых, чрезвычайно важен момент узнавания/прозрения: отец осознает весь ужас случившегося по родимому «с голубиное яйцо» пятну. Родинка, родимый, родной — своя кровь, безусловный знак принадлежности к своему роду, корню, знак, который не может быть смыт даже кровью. Наконец, третье: гибель сына заставляет атамана в одно мгновение забыть о борьбе за ту идею, которая и привела его к убийству, заставляет понять отца, что его существование в этом мире уже бессмысленно:

Медленно, словно боясь разбудить, вверх лицом повернул холодеющую голову, руки измазал в крови, выползавшей изо рта широким бутристым валом, всмотрелся и только тогда плечи угловатые обнял неловко и сказал глухо:

— Сынок!.. Николушка!.. Родной!.. Кровинушка моя...

Чернея, крикнул:

— Да скажи же хоть слово!.. Как же это, а?

Упал, заглядывая в меркнувшие глаза; веки, кровью залитые, приподнимая, тряс безвольное, податливое тело... Но накрепко закусил Николка посинелый кончик языка, будто боялся проговориться о чем-то неизмеримо большем и важном.

К груди прижимая, поцеловал атаман стынущие руки сына и, стиснув зубами запотевшую сталь маузера, выстрелил себе в рот... (Шолохов 1982, 19)

В силу его особой тяжести литература использовала такой крайний вариант (убийство) разрыва связей поколений преимущественно только в 20-е годы («Всадники» Ю. Яновского, «Кон-армия» И. Бабеля). В пору внешней стабилизации новой государственности, появления оттенка ретроспективности в описании кровавых событий революции и Гражданской войны, а также обращения к повествованию о «строительстве нового общества» конфликт «отцы и дети» становился фоновым, периферийным.

Точнее, в 1930—1950-е годы происходит своеобразная подмена: отцом становится не отец по крови, но отец по идее — коллектив, общество, государство, вождь, «лейтенант Шмидт» как внутренне максимально абстрактное и одновременно внешне сугубо «именное», персонализированное воплощение новой революционной, позже — государственной, идеи.

В это время на авансцену легального литературного процесса выходит жанр, обретший в советскую эпоху новую жизнь, жанр «романа воспитания»: «Человек меняет кожу» Б. Ясенского, «Рожденные бурей» и «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Поднятая целина» М. Шолохова, «Педагогическая поэма» А. Макаренко. Не случайно в переводе названия шолоховского романа на монгольский язык — «Целина поднятых душ» — актуализируется момент изменения, «перепахивания» человека при новом типе жизнеустройства.

Элементы жанра романа воспитания сильны и в других произведениях этих лет: от «Разгрома» А. Фадеева, «Чапаева» Д. Фурманова до «Хождения по мукам» А. Толстого. Пафос большинства названных книг очевиден: перевоспитание человека в ходе революционного преобразования мира. Морозко из человека, способного на воровство, превращается в личность, способную пожертвовать собственной жизнью во имя спасения своих товарищей («Разгром»). Сброд малолетних преступников — в слаженный, продуктивно функционирующий коллектив детской колонии им. М. Горького («Педагогическая поэма» А. Макаренко). Стихийный бунтарь за справедливость — в дисциплинированного партийца, сумевшего преодолеть свой физический недуг ради стремления быть «полезным бойцом» нового общества («Как закалялась сталь» Н. Островского). Сомневающиеся и мечущиеся в революции Катя и Даша Булавины, Вадим Рошин и Иван Телегин волею автора в финале романа «Хождение по мукам» предстают людьми, обретшими смысл жизни, в общем порыве приветствующими ленинский план ГОЭЛРО.

Другим результатом «дьявольской подмены» кровного на государственное становится предложенная в советскую эпоху новая типология героев. Индивидуальное художественное наполнение типологии литературного героя XIX века было фактически сведено к простой схеме в официальной литературе XX века. Предложенная соцреалистической литературой типологическая парадигма выражалась формулами: Учитель = отец = человек, знающий как жить, человек, обладающий «передовым мировоззрением», и

Ученик = сын = человек, постигающий новую правду жизни. Фоном для этих двух фигур служила разветвленная система врагов, которой, пожалуй, не знала ни одна национальная литература (контрреволюционер, белогвардеец, кулак, подкулачник, буржуазный интеллигент, вредитель, отсталый директор завода, империалист, капиталист, наймит империализма, шпион, наконец, *враг народа и сын врага народа*).

Дуализм исходной формулы и объясняет своеобразную «парность» героев произведений социалистического реализма: рядом с образом Павла Корчагина непременно возникает образ Жухры, рядом с Морозко — Левинсона. Весьма часто в качестве Ученика выступает целый коллектив, вернее масса, толпа, превращающаяся под руководством коммуниста Кожуха («Железный поток» А. Серафимовича), коммунистов Давыдова, Разметного, Нагульного («Поднятая целина» М. Шолохова) в коллектив, сплоченный единой целью, единым мировоззрением, единой верой¹.

Андрею Платонову, который одновременно находился внутри социалистической мифологии и мучительно выламывался из нее, принадлежит совершенно особое слово в воплощении комплекса «безотцовщины». Он предлагает не столько сатирическое, сколько философское осмысление «разрыва связи времен», что реализуется в художественном космосе писателя и в предложенной им типологии героя, и в магистральном для него мотиве родства/одиночества.

Чисто внешне писатель работает в русле уже общепринятой схемы Учитель—Ученик, наполняя ее уникальным смыслом. Писатель предлагает, по крайней мере, три варианта образа героя-учителя, знающего, как жить по-новому: *фанатик от революции* (Чиклин, Пиюся из «Котлована», Копёнкин из «Чевенгура»), *карьерист от революции*, ее «боковая сила» («социалист» Сафронов из «Котлована», например) и *молодое поколение*, которое уже не имеет ни национальных корней, ни памяти, никакого «груза прошлого», ни отчего дома, ни даже памяти об отце и матери. Это поколение уже родившееся с новой верой, новым мировоззрением, новым пониманием предназначения человека на земле и пред-

¹ Однако необходимо отметить, что чуткая русская литература в своем неофициальном изводе не могла не отреагировать на далеко идущие для нации последствия ситуации «подмены». Достаточно вспомнить ее саркастическое пародирование в «Собачьем сердце» М. Булгакова: Швондер как представитель нового государства, берущий на себя миссию воспитания «нового человека» — Шарикова.

ставлением о счастье. В обрисовке данного типа героя (Чагатаев из повести «Джан», героиня «Песчаной учительницы», Саша Дванов из «Чевенгура», Москва Ивановна Честнова из романа «Счастливая Москва», третий сын из одноименного рассказа и т.д.) особенно очевидно проявилась не только внутренняя оппозиционность писателя, который шел по пути прощания с утопией, но и способность к трагическому пророчеству: поколение, предназначенное для создания совершенного государства, становится жертвой утопической и, следовательно, тупиковой идеи.

Столь же нетрадиционно смысловое содержание платоновских героев-учеников, которые должны в ходе революционного преобразования общества постигать истинность его новых законов. Это знаменитый «сокровенный человек» А. Платонова: Фома Пухов («Сокровенный человек»), Вошев («Котлован»), машинист Мальцев («В этом прекрасном и яростном мире»), усомнившийся Макар из одноименного рассказа. Это невежественные, тоскующие, бездомные, одинокие люди, столь любимые самим писателем, ибо они — сироты этого мира, потерявшие связь с ним, но все же надеющиеся на единство с людьми и жизнью. Им прежде всего важно осознать цель своего существования, своей жизни во взбаламученной и взорванной действительности. Платоновские герои, прислушиваясь к «веществу своего существования», напряженно ищут своего нелегкого счастья, не желая принимать готового из «радиорупора». Именно такому герою Платонов дает право произнести сокровенную фразу: «Без меня народ неполный», и в этом видится особый гуманизм писателя, который убежден в праве каждого человека на личностное самоопределение в этом мире.

А. Платонов, пожалуй, единственный писатель тех лет, который открыто перевел образ нового героя (и Учителя, и Ученика) из героического в трагический план. Москва Ивановна Честнова («Счастливая Москва») — один из самых парадоксальных образов литературы советской эпохи. Самоопределение героини — «Я не дочь, я сирота» — многократно поддерживается авторскими характеристиками: «с уснувшей душой, не помня ни людей, ни пространства», «одинокая и страшная», «пустая и усталая» (Платонов 1991, 51, 57, 60, 63). Внутренняя пустота, сиротство, бездомность, безбытность странным образом сочетаются с активной общественной жизнью героини; физическое уродство (Москва потеряла ногу в результате неудачного прыжка с парашютом) — с таинственной и безусловной сексуальностью (как точно подметил в частной беседе Ю. Нагибин, она не только советская Джоконда, но и советская Лолита).

По замыслу нового общества, Москва Честнова — представительница иного поколения, которому уже даровано «математически-безошибочное счастье» (Замятин 1989, 307), но героиня не только несчастна сама, но несет несчастье всем, кто ее окружает. Глобальная противоестественность «счастливой Москвы» во многом создает ту ауру «философского бешенства» (Бродский 1995, 4:51), которой отмечен этот роман А. Платонова.

СЫН — ЗА ОТЦА?

Шестидесятничество, принципиально отказавшееся от наиболее жестких идеологических доктрин советской государственности, поворачивает проблему «отцов и детей» своей стороной. Комплекс безотцовщины — одна из важнейших составляющих художественного сознания «оттепели», пронизавшая всю культуру шестидесятничества особой, болевой, порой безысходной интонацией. Вспомним знаменитую сцену кинофильма 60-х «Мне 20 лет», в которой происходит воображаемый разговор сына с отцом, погибшим на войне. Позволим себе объемную цитату, раскрывающую всю полноту чувств героя, не знавшего отца, но нуждающегося в его помощи и мудрости в определении бытийных координат жизни:

Дождь продолжал стучать в окно — монотонный и нескончаемый. Неожиданно несколько капель упали на газету.

Сергей вздрогнул.

Рядом оперлась рука в мокром обшлага солдатской шинели.

Сергей хотел встать, но солдат сказал ему:

— Сиди. — И сам сел.

[Сергей узнал отца]

— Ты меня хоть немного помнишь?

— Я думал, ты старше, — сказал Сергей... — Вы все такие были...

— Мы были такие, как вы, — сказал солдат.

— Хорошо, что ты пришел, — сказал Сергей.

Солдат внимательно посмотрел на него.

— Что с тобой? — вновь спросил он. — Ты можешь мне сказать?

— Да. Мне надо, чтобы ты мне многое объяснил.

— Что я могу тебе объяснить?

— Все. Я никому так не верю, как тебе. Понимаешь, мне надо с тобой посоветоваться. Мне сейчас так херово!

— Тише! — сказал солдат. — Ребят разбудишь.

Сергей оглянулся.

Вокруг него были не стены его комнаты, а длинные нары блиндажа, на которых вповалку спали солдаты — русые, черноголовые, стри-

женые, спали устало, но лица во сне у них были совсем молодые, а были даже и детские, еще не тронутые бритвой.

— Они живы? — спросил Сергей.

— Не знаю. Я могу показать только тех, кого убили раньше меня.

Вот его, и его, и этого ...

Спят солдаты, во сне спокойны их лица.

— Их всех убили утром, — говорит солдат. — Очень рано: часов в пять, в атаке.

— А ты? — сказал Сергей.

— Меня убили через день, тоже утром, тоже в атаке. Дождь с ночи был, осень.

— Страшно было? — спросил Сергей.

— Страшно.

Лица спящих солдат устали и спокойны.

— Ты знал, что тебя убило?

— Нет, я думал — выживу. А потом понял, что все, конец! Другие побежали дальше, вперед, я не знаю, кто добежал. — Они медленно подняли кружки.

Молчали, глядя друг другу в глаза.

— Я пью за тебя, — сказал солдат.

— А я за тебя.

Выпили. Сдвинули кружки.

— Я хотел бы тогда бежать рядом, — сказал Сергей.

— Не надо...

— А что надо?

— Жить.

— Да. А как? — сказал Сергей.

Солдат встал, оглянулся. Двое других ждали его у дверей блиндажа.

— Сколько тебе лет? — спросил солдат.

— Двадцать три.

— А мне двадцать один. Как я могу тебе советовать? (Хуциев, Шпаликов 1965, 139)

Такой же, исполненный напряженного драматизма внутренний диалог — и это становится потаенным сюжетом книги — ведет со своим отцом Ю. Трифонов в документальной повести «Отблеск костра». Те же вопросы о том, как жить, постоянно задает своему отцу Мальчик из «Белого парохода» Ч. Айтматова. Отцу и отцовскому клану посвящена мемуарная книга Б. Окуджавы «Несостоявшийся театр».

Только в одном случае безотцовщина не связывалась со своеобразным комплексом неполноценности — если отец погиб на войне.

Вдруг его впервые обожгла, заставила сжать зубы простая, ясная мысль. Никогда раньше не приходила она в голову. Здесь, на его ро-

дине, даже кладбище только женское. Он вдруг вспомнил, что в его родословной ни одного мужчины, нет на этом холме. <...> А может быть, придет и его черед? Идти дорогой мужских предков, к чужим неродимым холмам? (Белов 1978, 31—32) —

вопрошает, прозревая, герой рассказа В. Белова «На Росстанном холме». Гибель отца на войне — трагична, но и величественна одновременно, она наполняет сердце сына гордостью, дает ощущение устойчивости, значимости *своего* существования на земле.

Но в 60-е годы мотив безотцовщины сопрягается с неведомым до этого в отечественной литературе комплексом «виноватого без вины», стыда, тайны, предательства. Так сложилось в истории литературы советской эпохи, что многие ее творцы были сыновьями «без вины виноватых»: А. Твардовский, Ю. Трифонов, Ч. Айтматов, Б. Окуджава, Ф. Искандер, В. Аксенов. Образа отца, наставника, мудрого советчика, сопровождающего сына, «выпускающего» его в жизнь, нет в произведениях этих авторов (государство в этой роли было уже решительно отвергнуто). Но есть сильнейший мотив памяти об отце. Герой с особым, тайным грузом памяти буквально выброшен в этот мир и должен все решать сам, сам делать выбор, сообразуясь с интуитивными понятиями долга, совести, доброты. *Врожденные*, что подчеркивается почти всеми художниками, человеческие черты проходят испытание миром, который живет не по человеческим законам.

Названной коллизией движимы такие разные по своим художественным устремлениям произведения, как «исповедальная проза» «Юности» (В. Аксенов, А. Кузнецов, А. Гладилин), «Дом на набережной» Ю. Трифонова, «Дни и ночи Чика» Ф. Искандера, «Ранние журавли» Ч. Айтматова, «Последний поклон» В. Астафьева. Безусловно, высшей точкой этого ряда произведений стала повесть Ч. Айтматова «Белый пароход» с ее трагическим отказом от мира, в котором невозможна сказка с ее возвращением, через смерть, к своему отцу, к преданиям и душе своего родного народа.

Художественное осмысление комплекса безотцовщины, связи/разрыва с отчей семьей, домом, с одной стороны, дало яркое открытие шестидесятников — появление «мятущегося», «инфантильного» героя, героя с угнетенным, подчас раздвоенным сознанием, с другой — соотносимо с важнейшей художественной рефлексией второй половины XX века о разрушении естественно-го, нормального потока жизни.

В ходе одной из творческих встреч с читателями Ф. Искандер на вопрос, почему у него нет произведения, в котором наконец-то

встретились бы два его любимых героя — дядюшка Сандро и Чик, ведь они явно родственники, ответил, что боится это делать, поскольку не знает, кто кого перехитрит. Думается, в данном случае автор лукавит так же, как и его герои. Встреча Сандро и Чика на площадке одного текста невозможна, ибо они играют с социумом по разным правилам. Сандро — опираясь на трезвую мудрость нации, Чик — на наивно-реалистическую правоту детского сознания. Однако и того и другого социум частенько «переигрывает», заставляя поступать по своим правилам. Единственный, кто мог бы быть связующим звеном между любимыми героями писателя, это сумасшедший дядя Коля, отвечающий (вспомним формулу Довлатова) на абсурд жизни еще большим абсурдом: «В борьбе с абсурдом так и надо действовать. Реакция должна быть столь же абсурдной. А в идеале — полное помешательство» (Довлатов 1993, 3:157).

Прочерченное выше художественное осмысление проблемы преемственности поколений, связи/разрыва с отчей семьей, домом и, следовательно, национальными корнями стало одним из самых драматических сюжетов творчества Александра Твардовского, художника, занимающего особое место в культуре XX века, место поэта-государственника, чья судьба обычно не менее трагична, нежели поэта-еретика. Сложность нравственного самосознания поэта в определении его позиции при подходе к проблеме соотношения государственного и индивидуального, социального и личного обнаруживает себя в трансформации содержания одного из самых устойчивых мотивов его поэзии — мотива отцовства и безотцовщины.

Время пересчета

Сюжет разрыва семейных уз, родственных связей ради классовой идеи был ведом Твардовскому не из литературных сюжетов 1920—1930-х годов, но из сюжета собственной судьбы. В его жизни имел место разрыв с отцом, о котором очевидно свидетельствуют дневниковые записи семнадцатилетнего поэта: «На что только я не согласен, чтобы только выйти из проклятого семейства, в котором природа заставила меня появиться...»; «С наступлением весны тебя заберут к кузнецу. Будешь ты долгими весенними днями размахивать кувалдой, наламывая до боли руки, терзаясь, слушая и глядя на отца ...»; «Мне тяжело его видеть, невыносимо разговари-

вать. С ним мне придется работать все лето с глазу на глаз» (*Литературное наследство* 1983, 93: 359).

Конфликт с отцом, Трифоном Гордеевичем, был, видимо, одной из первых личных драм поэта, пронесенных им через всю жизнь и заставивших как-то с горечью заметить: «Юности своей я не люблю». В юности же особенно болезненным ощущалось скептическое отношение отца к поэтическим опытам сына, к его стремлению жить иной, чем он, Трифон Гордеевич, жизнью:

Отец... Обычно издеваясь надо мной, развертывая перспективы голодания и пьянства в моей будущности, он одному нашему дыряво-суконному родственнику хвастался: Это тысячное дело... Э! Он у меня будет денег стоить. Придет время, скажет только: «Сколько?..» (*Литературное наследство* 1983, 93:300).

Но было бы явным упрощением ранний уход поэта из родного дома связывать только с психологической несовместимостью отца и сына, парадоксально усиленной тем, что характер Твардовского, по свидетельствам знавших семью, удивительным образом сочетал в себе лирическую сентиментальность матери и жесткость отца.

Разрыв спровоцирован и идеологическим конфликтом, возникшим между «паном Твардовским» и его сыном, юным максималистом. В это время берет начало ложно-двойственное определение Твардовским своего происхождения, официально, как мы помним, выразившееся в том, что в автобиографии, изданной миллионными тиражами, он — «сын кузнеца», а в одном экземпляре учетной карточки коммуниста он — «сын кулака». С горьким сарказмом вспомнит Твардовский наставления секретаря Смоленского обкома партии И. П. Румянцева, «лучшего ученика тов. Сталина», впоследствии разоблаченного как «врага народа», а спустя десятилетия посмертно реабилитированного, — слова, сказанные молодому поэту в 1931 году: «Бывают такие времена, когда нужно выбирать между папой-мамой и революцией» (Твардовский 1992).

В «Сельскую хронику» и «Страну Муравию», с присущей им мажорной тональностью, не вписывается столь резкий конфликт «между папой-мамой и революцией». Напротив, в этих книгах нет и намека на биографическую драму поэта. Отношения «отец — сын» даны как идиллия взаимопонимания или отеческого напутствия:

Высоко, высоко ты поднялся,
Кто бы думал, сказал наперед:

Выше крыши отец не взбирался,
Сын по небу машину ведет.
(Твардовский 1976, 1:133)

Стремление «сомкнуть концы» в духе указаний заставляют поэта именно классовой принадлежностью объяснять в поэме «Страна Муравия» поступок кулака Бугрова, бросившего своего сына на произвол судьбы: «Пока ты спал да сны смотрел, / Сменял тебя отец». Классовым содержанием наполняется любовь к сыну коммуниста Фролова, рассказывающего о схватке с врагами колхозно-го строя:

Прощай, сынок. Расти большой.
Живи, сынок, учись,
И стой, родной, как батька твой,
За нашу власть и жизнь!
(Твардовский 1976, 1:296)

В 30-е годы Твардовским утверждается примат государственного над индивидуальным, законность растворения «я» в «мы», что, в частности, проявляет себя в строгой иерархии принадлежности человека сначала — обществу, а уж потом родным:

Мужеством, доблестью, силой
Будешь ты многих славней,
Сын моей родины милой,
Мой и подруги моей.
(Твардовский 1976, 1:197)

В первые месяцы войны в агитационно-плакатных стихотворениях мысль о причастности личности прежде всего к общей семье, о стертости кровных связей в пользу ощущения «капель литься массой» находит прозрачную и четкую реализацию в формуле: «Встают отцы и сыновья... Страна моя, семья моя...» (Твардовский 1976, 2:38).

Трагедия Отечественной войны оказалась важнейшим импульсом для существенной ломки мироощущения поэта. Со страниц «Фронтальной хроники» и «Василия Теркина» уходит столь важный для него конфликт «старое и новое», ослабевает критерий классовой принадлежности в оценке характеров и поступков героев. Мысль о принадлежности социалистической личности семье народов остается, но система образов, связанная с этим мотивом, приобретает иную, более человечную и естественную аранжировку, связанную с от-

крытым подключением народно-поэтической семантики: солдат — сын Отечества и Матери-земли. Многообразные вариации этой фольклорной метафоры в лирике и поэмах военных лет верены ситуативно и интонационно и несут особую эмоционально-психологическую нагрузку.

Так, читательское сознание и сегодня не сопротивляется полусутоливому, полусерьезному отождествлению генерала на передовой с отцом родным:

Обнялись они, мужчины,
Генерал-майор с бойцом, —
Генерал — с любимым сыном,
А боец — с родным отцом.
(Твардовский 1976, 2:241)

Однако во время войны не увидело свет стихотворение «Две строчки», написанное Твардовским в 1943 году. Опубликованные в 1969 году в «Новом мире» дневниковые записи «С Карельского перешейка» приоткрывают историю создания этого стихотворения, которое по праву можно признать одним из шедевров русской лирики XX века и в котором поэтом сформулировано его сущностное отношение к миру и людям. На тексте «С Карельского перешейка» лежит явственная печать конфликтности, внутренней противоречивости авторского сознания, свидетельство борьбы двух позиций: государственной установки «победы любой ценой» и нравственной уверенности в бесценности отдельной человеческой жизни. В дневниковых записях есть фрагменты, отмеченные «самоубеждающей» интонацией, попыткой «усвоить» правомерность первой установки:

Он (младший политрук. — Т. С., А. П.) так юношески здоров, этот молодой политрук, так восторжен и неутомим душевно, что каждый день войны для него — праздник. <...> Даже потери товарищей не угнетают его, потому что его не пугает мысль о собственной смерти или ранении. Он к этому готов и счастлив от сознания, что ему довелось быть там, где все так всерьез. Война вообще — для людей либо совсем еще молодых, не привязанных к жизни цепкими мелочами и прочим, либо для людей, переживших уже все искушения личного существования, стоящих духовно выше собственной физической данности, спокойных и равнодушных ко всему, кроме исхода данной операции, данной кампании (*Новый мир* 1969. № 2, 129).

Последняя фраза свидетельствует о смущенности автора, о некоем удивлении от готовности своего героя, видимо принадлежа-

щего к поколению «счастливой Москвы» (вспомним героиню романа А. Платонова), не задумываясь умереть самому и спокойно принять смерть своих товарищей.

О своем ощущении смерти Твардовский пишет по-другому:

Сжималось сердце при виде своих убитых. Причем особенно это грустно и больно, когда лежит боец в одиночку под своей шинелькой, лежит под каким-то кустом, на снегу. Где-то еще идут ему письма по полевой почте, а он лежит. Далеко уже ушла его часть, а он лежит. Есть уже другие герои, другие погибшие, и они лежат, и он лежит, но о нем уже реже вспоминают. Впоследствии я убедился, что в такой суровой войне необыкновенно легко забывается отдельный человек. Убит, и все... Все, все подчинено главной задаче — успеху, продвижению вперед. А если остановиться, вдуматься, ужаснуться, то сил для дальнейшей борьбы не нашлось бы (*Новый мир* 1969. № 2, 126).

Но миссия поэта как раз в том и состоит, чтобы «остановиться, вдуматься, ужаснуться», и на «большой» войне Твардовский это понял. Тоскливо-однообразное, безвозвратное — «лежит боец», «лежит под каким-то кустом», «а он лежит», «и они лежат, и он лежит» — свидетельствует о том, что это те самые строчки из «записной потертой книжки», которые содержательно и интонационно стали основой будущего стихотворения «Две строчки»:

Из записной потертой книжки
Две строчки о бойце-парнишке,
Что был в сороковом году
Убит в Финляндии на льду.
Лежало как-то неумело
По-детски маленькое тело.
Шинель ко льду мороз прижал,
Далеко шапка отлетела.
Казалось, мальчик не лежал,
А все еще бегом бежал,
Да лед за полу придержал...
Среди большой войны жестокой,
С чего, — ума не приложу, —
Мне жалко той судьбы далекой,
Как будто мертвый, одинокий,
Как будто это я лежу,
Примерзший, маленький, убитый
На той войне незначимой,
Забывтый, маленький лежу.
(Твардовский 1976, 2:121)

«Две строчки» — стихотворение, в котором, по-видимому, многое определилось и стало важным для самого поэта как в мировоззренческом, так и в собственно художественном смысле. Вызывающая неизысканность поэтических средств, подкрепленная некоторой «неправильностью» стиха, отсылающей к детски наивной простоте высказывания (так рифмовать могут и дети), призваны выполнить — и выполняют — невероятно сложную задачу: читатель вместе с автором должен пережить особую гамму чувств — ощутить чужую смерть чужого человека как свою собственную.

Одним из самых страшных последствий революции И. Бунин считал утрату восприимчивости к чужой гибели: «в этом и весь адский секрет большевиков — убить восприимчивость» (Бунин 1990, 72). Твардовский, воспитывавшийся в обществе, где «счет крови был уже открыт», где в принципе как бы не было выбора между «революцией = счастьем миллионов» и «папой-мамой», между правотой «мы» или «я», в годы войны понял цену, вернее — бесценность, единичной жизни, индивидуальной судьбы и «принял удар на себя»: «Как будто это я лежу».

Во «Фронтальной хронике» и «Книге про бойца» появляется новая для Твардовского система нравственных координат, с максимальной художественной силой реализованная в «Доме у дороги»: мысль о святости семейного очага, кровных родственных уз, посприание которых грозит гибелью всему существу на земле. Война раскрепостила поэтическое видение Твардовского, обратила его к устойчивым, непреходящим ценностям.

Семейная тема в интерпретации Твардовского 60-х годов несет на себе комплекс трагической вины за судьбы матери, отца, вины гражданской и сыновней. История семьи Твардовского, по справедливому замечанию Ф. Абрамова, когда-нибудь будет написана, «потому что эта семья — история нашего государства. В духовных взлетах, в его трагедиях, в богатстве индивидуальностей...» (Абрамов 1989, 259).

Любя А. Твардовского как поэта и как человека и пытаясь обозначить нити психико-социальной близости с ним, Ю. Трифонов выходит к размышлениям о комплексе нескольких поколений советских людей — комплексе безотцовщины. Сыновья теряли своих отцов на Гражданской, Отечественной войнах, теряли вели, что страшнее, были вынуждены отказываться от них в годы Великого перелома, репрессий 30-х годов. «И тут я впервые понял, — пишет Ю. Трифонов, — что то, что случилось с его отцом и что случилось

с моим, — части единого целого российской трагедии. Это связано, слитно, это по какому-то высшему счету *одно и то же* (выделено автором. — Т. С., А. П.)» (Трифонов 1989, 16).

Один из самых сильных, открыто личностных фрагментов «Записок соседа» — описание горя и раскаяния Твардовского:

Он говорил, как отец прощался, как его уводили... И в голосе его была открытая боль, что меня поразило, ведь он старше меня и разлука произошла давно, двадцать лет назад, а у меня тринадцать лет назад, но я думал об отце гораздо спокойней. Боли не было, засохла и очерствела рана. А он плакал.

— Наделали дел, бог ты мой! Старика, который всю жизнь трудился, — шептал еле слышно. — Помню его руки, рабочие, на столе — в масле, в мозолях...

О чем он плакал? О безвозвратном детстве? О судьбе старика, которого он любил? Или о своей собственной судьбе, столь разительно отличной от судьбы отца? С юных лет слава, признание, награды, и все за то, что в талантливых стихах воспел то самое, что стубило отца. Он плакал, не замечая меня, наверно, и забыл, что сажу рядом. А я подумал: мы оба дети репрессированных. И пусть он наверху, на Олимпе, а я внизу в жалкоте, но некая печать отверженности лежит на нас обоих. От этого вовсе не было горько, наоборот — было как-то покойно, тепло (Трифонов 1989, 16).

В поэме «По праву памяти» (1965—1969) А. Твардовский показал истоки, причины феномена безотцовщины, спровоцированного, по мнению автора, особой государственной политикой:

Сын — за отца? Не отвечает!
Аминь!
И как бы невдомек:
А вдруг тот сын (а не сынок!),
Права такие получая,
И за отца ответить мог?
Ответишь — пусть не из науки,
Пусть не с того зайдя конца,
А только, может, вспомнив руки,
Какие были у отца.

(Твардовский 1987, 194)

Мотив отцовства, попорченного предательством сына, создает особую, болевую интонацию поэмы «По праву памяти», в которой Твардовский с особой прямоотой осмысляет внутреннее состояние человеческой индивидуальности, развивающейся в рамках отвер-

девшего закона, конфликтное противостояние личности и силы режима. В поэме два центральных образа, две полярные точки отсчета, между которыми бьется живая мысль поэта, стремящегося «немую боль в слова облечь», — отец народов и отец родной.

Мотив «двойного отцовства» — государственного и кровного — наполняется драматическим, конфликтным смыслом уже в поэме «За далью — даль» (1950—1960). Решение образа Сталина сопровождается устойчивыми лейтмотивами лексического и интонационного характера. Это державный, одический, позже — псевдодический стиль, переходящий в открытую инвективу в «По праву памяти». Характерно лексическое поле сталинского образа: державная, иногда архаизированная лексика («грозный отец», «адресат всея Руси», «закон», «долг суровый», «ратное поле», «тризна» и т.д.), постепенно заменяющаяся теологической («Имеет имя божества», «И всем заведовал, как бог», «непреклонность отчей воли», «сомненья дух», «вершителю земной», «с легкостью неожиданной проклятье снял», «Сын — за отца? Не отвечает. Аминь!», «посетивший бог», «Все мимолетное, земное / Оставь — и будешь ты в раю», «Во имя собственных святынь», «И в душном скопище исходов — / Нет, не библейских, наших дней», «загробный сон» и т.д.).

Семантический ряд достаточно прозрачен: человек — закон — вождь — грозный отец (царь) — полубог — бог — недочеловек — вселенское зло, провоцирующее человека на уничтожение в себе самом всего святого:

Он говорил: иди за мною,
Оставь отца и мать свою,
Все мимолетное, земное
Оставь, и будешь ты в раю.
 Забудь, откуда вышел родом,
 И осознай, не прекословь:
 В ущерб любви к отцу народов —
 Любая прочая любовь.
И душу чувствами людскими
Не отягчай, себя падая,
И лжесвидетельствуй во имя,
И зверствуй именем вождя.
(Твардовский 1987, 197)

Прием градации и обилие императивов на сравнительно небольшой площадке текста (*иди, оставь, забудь, осознай, не прекословь, не отягчай, лжесвидетельствуй, зверствуй*) призваны создать ощущение непреложности закона, завораживающего долженствования свода новых заповедей, прямо и грубо попирающих христи-

анские. Здесь Твардовский иногда текстуально точен. В Библии сказано: почитай отца своего и мать свою. В тексте поэмы: «оставь отца и мать свою». Далее. Не произноси ложного свидетельства на ближнего своего — «лжесвидетельствуй», не убий — «зверствуй», не сотвори себе кумира — «иди за мной». Глас отца народов звучит в поэме как проповедь, но проповедь Сатаны.

Образ отца родного дан во всех характерологических подробностях народного быта и бытия: от «увертливого и малого» деревянного черенка крестьянской ложки до «скопа конского вагона, / Что вез куда-то за Урал». В отце подчеркивается его крестьянская и человеческая порода и природа. Для Твардовского важно все: и особый запах, который привозил отец, возвращаясь из города, и запечатленные в памяти на всю жизнь руки отца:

Те, что — со вздохом — как чужие,
Садясь к столу, он клал на стол.
Те руки, что своею волей —
Ни разогнуть, ни сжать в кулак,
Отдельных не было мозолей —
Сплошная.
Подлинно — к у л а к.
(Твардовский 1987, 195)

С горькой любовью пишет сын о слабостях отца, его «злой чудинке», «крутом норове», даже об ограниченности его сознания. Отринуть такого отца, значит отказаться от всего земного, составляющего суть жизни. В последней поэме Твардовский вскрывает гибельность для жизни пяти кратких слов «сын за отца не отвечает», некогда оброненных в кремлевском зале. Ибо отказ от кровного, земного, человеческого чреват не только утратой нравственных ценностей, накопленных народом веками, но и крахом самой государственности.

Мотив отцовства/безотцовщины, достаточно устойчивый в поэзии Твардовского, в каждый период его творчества наполняется особым содержанием, изменение которого точно передает движение от поэтической мысли, скованной рамками общественных стереотипов 1920—1950-х годов, к художественной свободе таланта, мужественно отринувшего своего «внутреннего редактора». Принципиальным является то, как Твардовский пытается разрешить трагическую коллизию «человеческое» — «государственное». Возникновение этого конфликта, как об этом уже говорилось, было, по мнению поэта, спровоцировано грубой исторической ошибкой, когда «идея Ленина» была подменена «делами Сталина»:

И грубо сдвоив имена,
Мы как одно их возглашали
И заносили на скрижали,
Как будто суть была одна.
(Твардовский 1987, 200)

Ошибка «сдвоения имен» и подмены сути поддерживалась не-
совершенством человеческой психики, недостатком твердости и
воли, слабостью массового сознания, в котором легко торжество-
вал столь понятный инстинкт самосохранения:

А страх, что всем у изголовья
Лихая ставила пора,
Нас обучил хранить безмолвье
Перед разгулом недобра.
(Твардовский 1987, 201)

Подчинение своей воли чужой, «верховой», отказ от самосто-
ятельности решений, по мысли Твардовского, в одном ряду отказа
от родного, семейного, домашнего. И, как это ни парадоксально
на первый взгляд, ослабляет не только личность, но и государство,
державу, ибо одну «верховную» волю, при отсутствии воли народ-
ной, легко заменить на иную, подчас с «противоположным» зна-
ком, и народ, превращенный в массу, толпу, пойдет за ней, так же
как предавшая отца, мать, дом, «переступившая» личность, по
логике Твардовского, способна предать и родину.

Подведем итоги. Возникающая в России XX века префигуратив-
ная ситуация каждый раз разрешалась по-своему. В рамках перво-
го цикла (1920—1950-е годы) конфликт «отцов и детей» первонач-
ально буквально переносился на поле брани и разрешался в
смертельной схватке. Но уже начиная с 30-х была предпринята
попытка внедрения «двойного отцовства» — кровное подменялось
государственным. В 1960—1980-е годы (второй префигуративный
цикл) литература занята рефлексией по поводу результатов отка-
за от кровного, родного, человеческого, отказа, который в значи-
тельной степени изменил психологический портрет нации и за-
вершился в конце концов крахом самой государственности. Особенности третьего, префигуративного цикла (1980—1990-е
годы), давшего России новое поколение художников, складываются
на наших глазах.

Дмитрий Бычков

ПРОСТРАНСТВО (БЕЗ) СЕМЬИ*

В июле 2002 года в Республике Коми директор школы-ин-
терната для сирот была осуждена за то, что наказывала
воспитанников, запирая их в приспособленном для этих
целей туалете (Палева 2002). В течение недели, пока шел
суд, обстоятельства этого дела широко освещались национальной
прессой и телевидением. Примечательно, что чем словоохотливей
журналисты и правозащитники обсуждали действия, совершен-
ные директором и ее коллегой—преподавателем труда, чем под-
робнее рассказывали о «шокирующих» условиях содержания в си-
ротском «карцере», о жестокости и лживости обвиняемых, тем ка-
тегоричнее становились заявления самих обвиняемых, которые,
признав совершенные поступки, тем не менее отстаивали «спра-
ведливость» своих действий в отношении воспитанников в сло-
жившихся обстоятельствах.

Республиканская правозащитная организация Сыктывкарский
«Мемориал» сообщает, что, когда один из судей в ходе процесса
предложил обвиняемым устроить подобную «комнату» для их соб-
ственных детей у себя дома, это вызвало у педагогов «легкое заме-
шательство». Как заявила в своем последнем слове на суде руко-
водитель интерната, на работе она старалась быть воспитанникам
«как мать»¹. Дискуссия стала выходить за рамки обсуждения соде-
янного конкретными работниками образования и затронула осно-

* Я хотел бы выразить признательность Сергею Ушакину за помощь в моей
работе с материалами исследования и текстом этой статьи.

¹ К сожалению, мне не удалось найти полный текст выступления на суде
директора интерната З. Булышевой, и ее слова я привожу по записи фраг-
мента судебного заседания, показанной в репортаже программы «Вести»
телеканала «Россия» 15 июля 2002 года.

вания педагогической и воспитательной деятельности как таковой. Упрекаемая в жестокости и бесчеловечности директор недоумевала:

Я не могу понять, за что меня судят? За то, что я девять лет кормила этих детей и приучала их к работе? За то, что ни одного дня они не оставались без куска хлеба, хотя могли бы уже пойти по миру с котомкой... Ко мне в 1999 году приезжали стажеры из Калифорнии посмотреть, как устроен у нас педагогический процесс. Они были в шоке! Восхищались, как в такой нищете вообще можно кормить детей и держать их в кулаке. Мы попали под струю перемен, демократических преобразований, когда все разом захотели отречься от старой системы. Им этот суд нужен как доказательство того, что с советским прошлым покончено. Только живем мы далеко от Кремля, и здесь все те же разруха и нищета, как и 10, и 20 лет назад (Юзик 2002).

В объяснениях директора смысл и значение ее служебных обязанностей, таким образом, приобретаются, благодаря наличию определенного — удаленного — места, способного задать нужную перспективу. Большое — т.е. достоинства того, «как устроен... педагогический процесс», — видится на расстоянии, в данном случае из Калифорнии. Кремль в этом смысле слишком близок для того, чтобы — подобно американским стажерам — «быть в шоке» и «восхищаться» жизнью школы-интерната. Ключевой деталью в построении оправдания, таким образом, становится пространство, и прежде всего его организация: именно с помощью пространственных характеристик становится возможным «смещение зрительной перспективы» с «видимого соотношения видимых людей» на соотношение самих «людей», о котором писал Ю. Тынянов (1976, 331—332)².

Интересно, что общественное обвинение, несмотря на противоположные цели, в своих доводах использовало сходную логику. Практически каждое сообщение СМИ о «деле директора Булышевой» содержало указание на маленький размер комнаты и низкую температуру воздуха в ней, а также на время, которое приходилось проводить в закрытом помещении воспитанникам. Журналистка «Комсомольской правды», приехавшая в интернат, отправляется в комнату, где удерживали воспитанников:

² То, что и родители и педагоги «кормят» и «приучают к работе» детей, благодаря пространственному смещению позволяет произвести «смысловую перепланировку» отношений между родителями и педагогами так, чтобы показать их тождественность.

— Где ваша тюрьма? — спрашиваю я первого встретившегося мне жителя детдома... Я очень хотела побывать там, постоять босыми ступнями на бетонном полу. Увы... Решетку сняли, дверь забили... (Юзик 2002)

Испытание границ «чужого» пространства, стремление в буквальном смысле устранить — за счет изменения физического местоположения — зазор между наблюдательным пунктом и объектом наблюдения является необходимым условием для вынесения собственных суждений о случившемся, для локализации своей (умозрительной) позиции. Точка зрения, пределы которой формируются занимаемой социальной или профессиональной позицией, материализует себя в пространстве, разделенном «решетками», «дверями» или «километрами».

Несмотря на то что оценки педагогов и их общественных обвинителей исходили из представлений, выработанных и существующих по разные стороны социального барьера, в обоих случаях эти представления сравнивались с отношениями в семье. *Профессиональные* действия руководителя интерната увязывались не с условиями ее деятельности и не со способами решения задач, возникающих в процессе этой деятельности, а с *личностными качествами* другой фигуры — матери. Модель семейных отношений, сформированная на основе определенного опыта («материнство»), переносилась на отношения и опыт, сформированные в условиях длительной или постоянной изоляции («сиротство»)³.

Рассмотренный пример, на мой взгляд, достаточно четко обозначил основных фигурантов данной статьи. Именно на анализе материалов семейных СМИ, педагогической публицистики и интервью с сиротами построена эта работа. Используя пять устных интервью, проведенных с двумя учащимися — воспитанниками учреждения начального профессионального образования Алтайского края для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, я хотел бы рассмотреть, какие условия создает и какие последствия имеет социальная практика и дискурсивная политика формирования и поддержания границ. Как проявляет себя их

³ Как точно отметил Леонид Мерзон, в российском обществе «судьба сироты, оказавшегося в приюте, считается устроенной и не вызывает беспокойства», что достигается путем нормализации «коллектива» и акцентирования законодателями материальных трудностей многочисленных приютов, позволяющего риторически уклониться от рассмотрения социальных и психологических последствий продолжительного воспитания в специализированных учреждениях (Мерзон).

результатирующая — периферийность — на индивидуальном и групповом уровне? В центре внимания статьи — попытка понять, какова специфика идентификации в условиях институционального воспитания у молодых людей, значительную часть своей жизни лишенных определенного социального — т.е. семейного — опыта, являющегося данностью для подавляющей части общества.

Человек в пространстве знака

Каким образом материалы интервью могут обеспечить доступ к анализу механизма взаимосвязи становления личности и тех жизненных обстоятельств, в которых оно происходит? Насколько самонаблюдение субъекта и его последующая артикуляция в ходе общения могут быть адекватным материалом для понимания как индивидуальных психологических особенностей, так и их социальной обусловленности?

В начале прошлого века в отечественном обществоведении была высказана важная методологическая идея о механизме соотношения «природы» личности и общества. В работе бахтинской группы «Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке», впервые опубликованной в 1929 году, было показано, что сама психика субъекта, индивидуальное сознание, их восприятие и объяснение принципиально возможны только в языке и на языке (Волошинов 2000).

Ключевым в доступе к представлению о субъектности как имеющей языковой, знаковый характер стало понимание «специфической природы знака», которая исходит из «необходимой связи значения со знаком»:

...значение принадлежит только знаку... Значение является выражением отношения знака как единичной действительности к другой действительности, им замещаемой, представляемой, изображаемой. Значение есть функция языка, поэтому и невозможно представить себе значение (являющееся чистым отношением, функцией) существующим вне знака, как какую-то особую, самостоятельную вещь... Поэтому, если переживание имеет значение... то оно должно быть дано на материале действительного, реального знака... *переживание не только может быть выражено при помощи знака... но помимо этого своего выражения во-вне (для других) переживание и для самого переживающего существует только в знаковом материале. И вне этого материала переживания как такового вовсе нет* (Волошинов 2000, 369—370. Курсив в оригинале. — Дм. Б.).

Само значение возникает в отношениях между людьми, получая в них свой «социальный характер». Знаки оформляются и дифференцируются, т.е. становятся знаковой структурой, во внешнем относительно индивида пространстве — т.е. среди других, в среде. Знак, таким образом, есть явление социальное, отдельному человеку внеположное.

Соотношение переживаемого и уже пережитого становится субъективно различимым — *индивидуальным значением* — именно путем заимствования знака, т.е. путем своей локализации в образе, слове, жесте. Знак как носитель значения, таким образом, призван не просто отображать и выражать содержание «субъективного», преломляя и искажая его. Благодаря материальности знака, связанное с ним индивидуальное значение способно стать реальностью для самого человека и объективно существующим феноменом для других.

Не менее важно, что предложенная категория «психического» избегает «причинно-следственных» тупиков при переходе от социологического построения личности к психологическому анализу. Ведь каждый знак как способ построения социальных отношений, как средство человеческого взаимодействия продолжает одновременно существовать в качестве посредника между выражением этих отношений и его восприятием, становясь тем самым частью знаково оформленного «Я».

Благодаря такому пониманию процесса становления идентичности, решается не только проблема соотношения «индивидуального» и «социального», обычно противопоставляемых друг другу: ни внутреннюю психику, ни внешние отношения невозможно воспринимать иначе как знак; они противостоят друг другу подобно тому, как один знак может противостоят другому. Принципиально, что и анализ, и сами объекты анализа существуют в *однородном* — знаковом — пространстве. Поскольку познание происходит в диалоге, представляющем собой общение посредством знаков, понимание другого возможно только как восприятие значения знака его «Я» в контексте знакового «Я» познающего. Исходным для анализа в таком случае является не наличие взаимоисключающей пары «природа вещей» — «природа понимания вещей», а соотнесение «познаваемой» знаковой структуры с *разноположенными* ей другими — например, «познающими» — знаковыми структурами. Или, словами Волошинова, «знак освещается только с помощью другого знака» (Волошинов 2000, 378).

Методически, таким образом, анализ личности представляет собой исследование характера и соотношения элементов структуры словесного самоописания субъектом своего самонаблюдения в понимаемых им знаках. Психологическая структура поэтому предстает в анализе как текстуальная структура, отображающая «живую» внутреннюю речь субъекта в известных и доступных ему языковых формах.

В свою очередь вопрос о конкретных формах и типах речевого общения, отражающих доступные субъекту способы выражения «Я», является ключевым для понимания условий «социальной ситуации» и «социальной атмосферы», в которых это общение складывается. И структурный анализ «репертуара речевых форм», задокументированных в слове и в словоупотреблении, призван показать, как именно индивидуальные способы их употребления обусловлены структурой отношений между членами группы, в которых они формируются и осуществляются, и специфическими условиями реализации этих отношений (Волошинов 2000, 363).

Зачастую теоретические построения, описывающие формирование личности, имплицитно включают в себя положение о том, что это формирование, особенно на его ранних стадиях, происходит через отношения в семье. Существующие модели идентичности, таким образом, в самом своем происхождении оказываются изначально увязанными с первичной структурой семейных отношений.

В рассматриваемом случае специфика полученного социального опыта и условий, в которых он приобретался — воспитание в специализированных учреждениях, — не позволяет утверждать, что семья является исходным, доминирующим или, что не менее важно, на каком-то этапе единственным источником моделей отношений, способных объяснить развитие «Я». Поэтому любой попытке соотнесения, соизмерения процессов формирования личности — т.е. процессов индивидуального усвоения и использования форм означивания — в условиях семьи и вне ее должно предшествовать изучение «собственной» структуры каждого из этих явлений. Изучение генеалогии явления, т.е. характера его связей с историческим прошлым, не может предшествовать описанию его нынешнего строения или происходить одновременно с ним. Как справедливо замечал Владимир Пропп, «изучение формальных закономерностей предопределяет изучение закономерностей исторических» (Пропп 2001, 17).

Вместе с тем «внутренняя» логика отношений не может быть понята вне контекста ее становления, определяемого существую-

щими формами практических отношений. Отчасти это уже было показано на примере построения публичного о(б)суждения воспитания сирот, логика которого базировалась на аргументах, которые, несмотря на «внешний» по отношению к предмету обсуждения характер, были более «близки» и обладали большей убедительностью для их авторов. Итогом подобного слияния логики «внутренних» отношений с «внешней», но *знакомой* практикой и стало *умозаключение* в одни контекстуальные рамки таких разноположенных друг другу объектов, как, например, *мать* и *как мать*.

Семья за рубежом: о роли пространства в организации отношений

Ситуация со школой-интернатом для сирот в Коми иллюстрирует не просто наличие как минимум двух конкурирующих точек зрения на роль и значение семьи и воспитания. Риторическое противостояние СМИ и педагогики выражает характер истории их отношений в обществе. Постструктуралистский анализ — если помнить положение о социальном характере значения знака/символа/слова, высказанное в «Марксизме и философии языка», — показал, что «речевые жанры» социальной группы или общественного института не просто выражают отношения с соперничающими группами и институтами. Сами эти формы и жанры, отражающие идеологию группы, — дискурсы — есть прежде всего «то, ради чего сражаются, то, чем сражаются, власть, которой стремятся завладеть» (Фуко 1996, 51). Задача удержания и воспроизводства доминирующего положения репертуара речевых форм — дискурсивных «режимов» — решается посредством институционализированных практик, в том числе таких, как педагогика и издательская деятельность (Фуко 1996, 55).

Безусловно, та или иная конфигурация представлений о семье и ее роли также находится в центре внимания идеологических сил и отражает историю их борьбы за право определять предназначение семьи для человека и общества⁴. Цель обращения к существующим семейным моделям, к дискурсивным способам их построения и удержания состоит в том, чтобы определить реальную и

⁴ Об использовании «семейной тематики» в политических целях см., например: Зидер 1997, 211—223.

потенциальную эффективность этих моделей и способов, их возможности и ограничения в формировании тех, кому эти модели, собственно, адресованы в качестве потенциального багажа индивидуальных репертуаров поведения.

Любопытно, что Антон Макаренко, отечественный пионер коллективного воспитания, в своих попытках проблематизировать отношения «индивид—семья» использовал модель, ненамного отличающуюся от практики пространственной изоляции интерната в Коми. Метод «воспитания коллективом», предложенный Макаренко, во многом определялся спецификой объекта и задач воспитательной деятельности⁵. В свою очередь, принципы воспитательной деятельности отличались от «общеупотребительной системы взглядов» как раз потому, что работа эта велась «не в обычной школе, а в особом учреждении» (Макаренко 1986, 4:346).

Первоначально у Макаренко речь шла о том, чтобы «вправить души» малолетних правонарушителей и детей, оставшихся без семьи, «сделать их востримыми в жизни» (Макаренко 1986, 4:323). Воспитание «востримости», очевидно, должно было строиться так, чтобы личность могла, во-первых, воспринимать и усваивать границы — т.е. современные ей символические формы отношений, — установленные обществом, и, во-вторых, вырабатывать способы индивидуальной деятельности в этих символических рамках. Задачей развития индивида, таким образом, становилось решение уже обозначенной выше проблемы соотношения доступных способов самовыражения с выработанными в обществе моделями поведения.

Однако вполне предсказуемо границы применения «особого» метода со временем вышли за пределы практической области, в которой они появились. «Автономность» колонии по отношению

⁵ Напомню, что в нашей стране представления о педагогических и воспитательных возможностях коллектива оформлялись на основе опыта, накопленного в 1920—1930-х годах системой институционального воспитания педагога А. Макаренко, который больше десяти лет руководил организованными им по поручению НКВД колониями для несовершеннолетних правонарушителей и беспризорников. Не имея собственной семьи, Макаренко на протяжении всего времени своей работы проживал вместе со своими воспитанниками в колониях. Он считал, что «единство коллектива», «трудовой метод» были специфическим средством, инструментом для решения «миниатюрной задачи», связанной с «характером того дела», которым занимались он и его коллеги в колонии (Макаренко 1986, 4: 346).

к другим социальным институтам и группам, доставшаяся ей «по случаю», стала восприниматься как самодостаточность, способная выступать в качестве точки отсчета для определения допустимых границ и возможностей:

Так вот теперь о самом главном, о семье. Семьи бывают хорошие, и семьи бывают плохие. Поручиться за то, что семья воспитает как следует, нельзя. Говорить, что семья может воспитывать как хочет, мы не можем (Макаренко 1986, 4: 304).

Будучи увязанной в своем содержании с задачами макаренковского педагогического проекта, семья стала выступать в виде не совсем удачного варианта основной организационной воспитательной модели — коллектива:

...не родителей нужно учить, а нужно детей в школе воспитывать так, чтобы они вносили нечто здоровое в семью. Я глубоко убежден, что государственная, да еще советская, школа и может учить, и должна уметь воздействовать на семью через ученика... В таком случае и родители сами собой начинают идти в ногу со школой (Макаренко 1986, 8: 102—103).

Вопрос о том, идет ли *уже* семья в одном направлении со школой и должна ли идти *всегда*, остается за скобками. Ключевое значение имеет синхронизация, подгон по времени — *идти в ногу* — семьи в колонну марширующих. Иными словами, семья в таком расположении, вне пространства, но во времени коллектива, лишалась собственного — «автономного» — воспитательного и — шире — психологического и социального смысла и значения.

Подобно педагогу из колонии, СМИ, пишущие о семье, также пытаются говорить о практике семейных отношений, используя собственный язык, выработанный и существующий вне рамок института семьи. Если для Макаренко в условиях изолированности от общества и семьи, принципиальным становится способность «семьи» соответствовать педагогической модели, выработанной в процессе практических отношений между воспитателями и воспитанниками колонии, то для массмедиа «семейные отношения» оказываются встроенными в репертуар речевых жанров основных потребителей этой печатной продукции.

Такие издания, как, например, «Семья и школа» или «Мир школы» претендуют на то, чтобы дать ответ на вопрос о том, что такое семья и семейные отношения сегодня с точки зрения родителей

разных поколений⁶. Однако для решения новых (риторических) задач и (символического) ответа на вызов времени в предлагаемых образах семьи используется уже известный прием. В основе доступных форм речевого общения с читателем о семье лежит пространственная метафора.

Семья подается путем географического противоположения, в ходе которого смысловое разграничение достигается за счет совмещения семейных границ с государственными. Семьи в такой подаче бывают «наши» и «зарубежные», и символическая (не)доступность тех или иных форм отношений оказывается здесь увязана с их (не)достигаемостью в пространстве. Для «внешнего» по отношению к семьям российских читателей мира характерна расщепленность, разьединенность на два непересекающихся пространства: праздного, «звездного» и — «земного», зачастую ужасающего. Рубрика «Панорама» «Семьи и школы» посвящена семейным «историям» иностранных знаменитостей прошлого и настоящего. В свою очередь, «Дети в мире», другая рубрика этого же журнала, состоит из фотографий, сделанных западными репортерами, как правило, в развивающихся странах Юга — в Африке, в Азии, где молодое поколение на снимках окружают бедность или война.

Неудивительно, что сходство в технологии изображения семьи журналистами и педагогами приводит к сопоставимым результатам: семьи за рубежом бывают тоже только «хорошими» или «плохими» в зависимости от того, удастся ли им уберечь человека от соблазнов или угроз, исходящих извне⁷.

⁶ «Семья и школа» — в недавнем прошлом популярный журнал, долгожитель среди специализированных семейных изданий — продолжает выходить и сегодня. Второй, «Мир школы», начал издаваться совсем недавно и является «продуктом» новых социально-экономических отношений. Его издатель и учредитель — рекламно-издательская группа, выпускающая целый ряд глянцевого журналов в России. Роль первого СМИ прежде, очевидно, была в том, чтобы выражать и отражать нормативную государственную идеологию относительно брака и семьи. Претензии же второго на роль участника построения образа семьи продиктованы тем, что «музыку заказывает» не государство, а частный капитал, заинтересованный в прибыли от рекламы товаров.

⁷ В рассказе «Панорамы» о судьбе поп-звезды Мадонны отчетливо показана «спасительная» роль семьи, благодаря которой лучше видны опасности и изъяны публичного мира. Это позволяет, в частности, героине, которая «повернулась спиной... к прошлой жизни», заявлять: «в глубине души я всегда была самой обыкновенной женщиной» (*Семья и школа*. 2001. № 1—2, 79). (Показавшись между сильной и обаятельной личностью, с одной стороны, и блестящей, но коварной светской карьерой, с другой, семья только так и способна проявить свою ценность.

Рубрика «Дети в мире»: «Мальчишки швыряют камни и провожают руганью патрули британских солдат. Это, правда, совсем еще несмышлениши. Те, что постарше, сами наряжаются в самодельную форму, которой гордятся, как настоящие солдаты. Вот заурядная картинка, уже десятки лет воспроизводящаяся один к одному на улицах Белфаста, столицы Ольстера» (*Семья и школа* 2000, № 7—8)

Рубрика «Дети в мире»: «Первая в Южной Африке деревня для больных СПИДом. Существующая на деньги жертвователей Воробьиная Радужная Деревня приютила около шестидесяти страдальцев (половина из них — дети-сироты), находящихся в терминальной стадии болезни. Для них деревня — последнее предсмертное пристанище» (*Семья и школа* 2002, № 9)

Какой видится в таком окружении отечественным журналам семья «у нас»?⁸ Показательный в прямом смысле слова вариант ответа предложен «Семьей и школой» в ее названии. Семья, как видно из начертания названия, — это *Я*. Семья как целое — это «я+я+...+я», сумма составляющих ее членов, эффект «сложения» «Я». Содержание отношений, параметры и условия, определяющие единство и крепость «уз» семьи, увязаны и целиком зависят от «нерасшифрованного» «Я», которое оказывается изначальным невопрошаемым пунктом. Качественные характеристики отношений являются производной от количества «Я», хотя характер влияния этого количества не прояснен: вместо обсуждения «плюсов» семейных отношений, привлекательности семьи для индивида в сравнении с другими формами отношений — арифметический знак сложения.

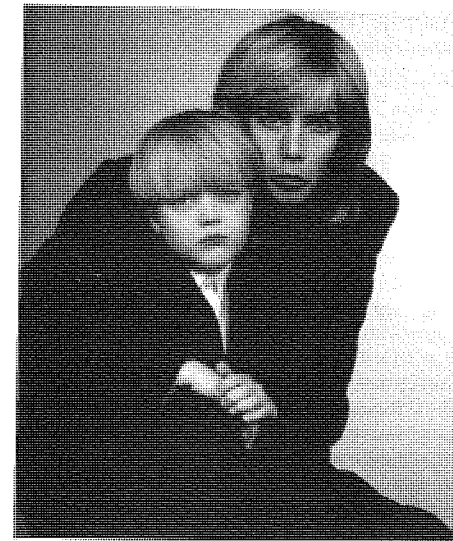
Эта подмена математической формулой описания сути семьи, ее определения и «формулировки» является, на мой взгляд, симптоматичной и демонстрирует усилие скрыть проблему в осмыслении семьи и родства, проблему адекватного отображения складывающихся форм и практик поведения в брачно-семейной сфере. Графология в данном случае призвана замаскировать несоответствие между логикой построения знака семьи и логикой складывающегося значения семейного общения, замаскировать несоответствие того, что говорится и показывается о семье, с тем, что происходит на практике.

Теоретик языкознания Фердинанд де Соссюр точно подметил, на чем основана эффективность такой стратегии. Чем хуже письмо (т.е. графическое отображение языка) справляется с делом выражения живой речи (т.е. многообразия индивидуальных реализаций языковых правил), тем сильнее тенденция опираться именно на него (Соссюр 1977, 68): «...графический образ слов поражает нас как нечто прочное и неизменное, более пригодное, нежели звук, для обеспечения единства языка во времени ...» (Соссюр 1977, 64).

⁸ Журнал «Мир школы», адресованный экономически преуспевающим людям России, «тем, кто думает о будущем детей», как видно из девиза на обложке, использует в качестве материала семейные биографии отечественных знаменитостей. Однако, даже когда у очередного героя нет семьи в привычном смысле, для материализации ее «полноценности» используется схема, уже знакомая по «Семье и школе»: «Сергей Зверев... достиг вершины искусства. Его талант парикмахера и стилиста признан на мировом уровне... Фанат своей работы, Зверев при этом — человек семейный, домашний. Он уверен, что именно семья дает ему силы для новых профессиональных достижений» (*Мир школы* 2002. № 2, 12).

Обложка журнала «Семья и школа»

Рубрика «Гостиная» (*Мир школы* 2002. №2)

Когда семья «не звучит», когда сказанное сегодня лишено возможности убедить в «родственности» прошлого семьи ее настоящему, тогда на помощь приходит «7я», делая связ(ност)ь очевидной хотя бы в таком виде. Убедительность «7я» как «семьи» достигается за счет того, что «письмо скрывает язык от взоров: оно его не одевает, а рядит» (Сосюр 1977, 68).

Несмотря на свою наглядность, предложенная «формула семьи» является показательным уходом, свидетельствующим о неудаче в попытке придумать или подобрать новые «формулы» для современной отечественной реальности семьи. Символическое умалчивание об изменениях современной российской семьи свидетельствует о неспособности прежнего языка адекватно репрезентировать реальность. Образы и схемы, обнаруживающие себя в описаниях недоступной семьи, безразличны нынешним потребителям, поскольку они «не присутствовали» при оформлении символической структуры (для) «той» реальности.

Жизнеспособность представленной семейной модели обеспечивается риторической эффективностью метафоры пространства: целостность и устойчивость восприятия обеспечивается за счет отделения и противопоставления того, что эту сложившуюся целостность может нарушить. Очевидно, что эти и подобные стратегии соподчинения и исключения есть не что иное, как (риторическая) борьба за (пере)распределение властных полномочий, в ходе которой сама возможность и способность определять и наименовывать⁹ является местом (символического) противостояния и сопротивления социальных институтов и групп (Фуко 1996, 51–52)¹⁰. Исключение позволяет добиваться сторонам очевидных им результатов в этой борьбе.

⁹ Например, в статье региональной газеты «Молодежь Севера», освещающей события в интернате, приведены слова молодого человека, наказанного директором: «Больше других пострадал семнадцатилетний девятиклассник Артем Шлейзе... Вспомним слова Артема...: “Было темно и холодно. Мне только вечером давали подушку, тонкий матрас и тонкое одеяло и забирали в 8 часов утра (давали вахтеры втайне, просовывая через решетку). Я спал так: у меня были пиджак и трико. Я укрывался пиджаком и спал на холодном полу. Потом я писал на стенах про Булышеву, что она варвар, что она плохая”» (Голосов 2002). Примечательно, что, несмотря на схожесть высказываний воспитанников и их защитников в адрес директора, в статье оценку случившемуся с учеником, определение того, что он испытывал, его роли как «пострадавшего» дает только сам автор публикации.

¹⁰ О приеме «исключения» и его «работе» подробнее см.: Выготский 1965, 135.

Однако рассмотренные трактовки семьи, претендующие на нормативное определение отношений между взрослым(и) и ребенком, оставляют открытым вопрос о судьбе «Я», исключенного противостоянием: о процессе идентификации молодых людей, воспитывающихся без семьи, об их собственной роли в этом процессе, о семейных моделях, задействованных в идентификации, а также об осмыслении ее результатов складывающейся личностью. В конечном счете ни одна из рассмотренных трактовок не позволяет ответить на вопрос о том, как могут складываться семейные практики у людей, чьи представления о потенциальных и реально существующих «родственниках» формируются вне практических отношений с ними.

За рубежом семьи

Поскольку речь пойдет о механизмах, с помощью которых оформляется «Я» в условиях реального отсутствия семейных отношений, то природа представлений о семье у этой группы, на мой взгляд, должна рассматриваться в связи с условиями, которые ограничивают и делают доступными определенные формы отношений и их репрезентации. Цель анализа интервью с воспитанниками поэтому состоит в том, чтобы, вычленив форму и структуру этих представлений, попытаться ответить на вопрос об их «генеалогии», попытаться понять, откуда они, так сказать, родом.

Собранные для анализа устные повествования представляют индивидуальные и коллективные «ситуации-истории» (Лакан 1998, 20), свидетельства собственной жизни в группе¹¹. Именно средства описания, способы собирания своей жизни и себя самого в логически упорядоченное целое, доступные индивиду в данной среде

¹¹ В ходе исследования, которое проводилось в училище в феврале—марте 2002 года, были собраны письменные и устные материалы. Среди них — 17 индивидуальных и 2 групповых интервью, каждое из которых продолжалось от 40 минут до полутора часов и по форме являлось неструктурированным. Ход разговора направлялся только общими биографическими («Расскажи мне о себе», «Как и почему ты оказался здесь?») или «ситуативными» (о текущих занятиях, делах, событиях в училище) вопросами в начале интервью, а в дальнейшем — просьбами детализировать и конкретизировать информацию о биографических событиях и особенно людях, упоминаемых самим собеседником.

и в данных социальных условиях, будут предметом дальнейшего обсуждения.

Выбранные для анализа тексты бесед хронологически были двумя первыми индивидуальными интервью в процессе исследования¹². Сергей (17 лет) и Николай (20 лет), первыми столкнувшись с исследователем, должны были принять на себя роль тех, кто говорит от имени группы о группе, представляя «официальную», «узаконенную» точку зрения на группу, на окружающий мир и на свое место в нем. По словам Бурдые, представление группой самой себя «от имени группы» характеризуется тем, что в нем «играет и выходит на сцену вся группа, конституируясь как зритель зримого представления» (Бурдые 2001, 212).

Вот пример из начала первого интервью с Сергеем, показывающий, «как группа желает видеть себя сама и представить другим» (Бурдые 2001, 214):

Любого из нас можно взять, мне кажется, ну, вот куда-нибудь бросить. Домашнего бросить и этого бросить. Куда-нибудь вообще, на произвол судьбы, и все. Вот мне кажется, выживет тот, кто беспризорником был. А домашний он не сможет выжить. Потому что он привык, что ему постоянно все родители предоставят, вот его оденут, накормят, он придет — у него уже что-то стоговлено. А вот мы, например... Я вот, например, даже не знал... мне вот сколько там было? Пять лет, вот. Даже вот пять, я даже не знал уже, [что такое] постель чистая вообще. Я ночевал в подвалах, везде, где можно было... Я вообще вот поражаюсь. Вот, домашние пацаны... даже не из училища, из города, отовсюду пацаны, вот... мне вот почему не нравятся, потому что говорят, вот... когда мы в спецшколе были, говорили, что мы не люди, а животные. Что у нас нет родителей, мы дураки и психи, и вообще... мы не люди. Вот так говорят. Почему-то нас не любят, и все постоянно что-то хотят предъявить (Сергей, Инт. 1)¹³.

Напомню, что, с позиции структурного анализа, повествование во время интервью — это переход от внутренней речи — т.е. субъективной реальности — к доступным внешним речевым формам. В момент повествования рассказчик решает композицион-

¹² Ко времени этого интервью семнадцатилетний Сергей провел 12 лет, а двадцатилетний Николай — 15 лет в воспитательных учреждениях. Сергей и Николай, как и большинство учащихся этого учебного заведения, имеют медико-социальный статус инвалида.

¹³ Здесь и далее ссылки на интервью приводятся по их порядковому номеру, отражающему хронологию их проведения.

ную проблему, «аранжируя» факты своей жизни в биографию, превращая внутреннее бытие во внешнее событие. Это осуществляется с помощью специальных композиционных приемов, которые «организуют изображение и, собственно говоря, делают его изображением, то есть придают ему с е м и о т и ч е с к и й характер», позволяя «обозначить границы», означить «рубеж между внешним... миром и внутренним миром...». (Успенский 2000, 229; 233. Разрядка в оригинале. — Дм.Б.)

Как именно конструируются границы в данном случае? Как и насколько они оформлены, скомпонованы в тексте для другого? Как они могут пролить свет на картину внешнего мира? Где проходит граница между «моим» и «чужим», «реальным» и «изображаемым», о которых говорит Успенский (Успенский 2000, 225)? Как именно и насколько реализуется ощущение естественности и неизбежности различать, отделять себя-для-себя от себя-для-другого?

Исходным условием для собственного взгляда на себя со стороны является отмеченное уже выше изменение физического местоположения, перемещение в пространстве («бросить куда-нибудь вообще», «когда мы в спецшколе были»). Находясь на значительном расстоянии от своего нынешнего местонахождения, рассказчик противопоставляет себя-«беспризорника» «домашним пацанам» с их опытом семейных отношений, недоступным для сироты. Только негативно отделив себя с помощью пространственной границы, группа как единое целое становится возможной.

Замечено, что обычно использование недоступного как противоположного и отрицательного при конструировании границ «мы» типично в ситуации, когда группе объективно не хватает позитивных принципов для само-дифференциации (Бурдые 2001, 376). «Мы» определяется не столько тем, какие «мы» и чем «мы» отличаемся, сколько тем, какие «они» и чего «у нас» нет. Целостность группы в настоящем устанавливается только благодаря внешнему отношению («они говорят») и не имеет оснований, произведенных самой группой. В этом смысле вопросительное удивление Сергея «почему нас не любят?» скорее отображает преломление актуальной проблемы поиска доступного положительного критерия для опровержения «внешней» оценки того, что «мы — не люди».

Пока же смысл себя и своей жизни реализуется с помощью идеи о тяжелых и трудных испытаниях (сейчас и в будущем), критерии тяжести и сложности которых не (могут быть) установлены: «взять и бросить куда-нибудь вообще». Поэтому «бросить на произвол судьбы» — необходимое условие, способное придать проек-

ции себя в будущее целесообразность и осмысленность. Жизнь требует преодоления, обстоятельства вынуждают бороться и сопротивляться — условия, представленные таким образом, позволяют говорить о своих достоинствах и способностях; позволяют трансформировать обстоятельства жизни («оставили родители», «стал непризорником») в личностные качества.

По сути, такая стратегия репрезентации основывается на уже знакомой логике последовательного исключения и противопоставления. Однако, как и прежде, ее использование не только мало чего добавляет в понимание чужой недоступной жизни, в чьих символических формах рассказчик стремится представить собственный опыт, но и оставляет нерешенным ключевой вопрос: какие внутренние причины, сформированные под влиянием такого опыта, обеспечивают подобное стремление как таковое? Иными словами, каким по характеру оказывается «Я», которое способно самовыражать себя в подобной форме? Какие психологические механизмы делают возможным построение и преодоление символических границ в процессе идентификации именно таким образом?

«Я» в зеркале сказки

Следующий пример истории Сергея о том, как он «в аварию попадал», показывает, как именно фабула житейских трудностей аранжируется в сюжет личной *самостоятельности*. Этот рассказ состоялся во время второго интервью с информантом, решение провести которое было принято после прочтения расшифровок первого интервью. Его структура была довольно рыхлой: направляющие биографические вопросы сопровождались односложными ответами; короткие предложения, состоящие часто из одного-двух слов, не складывались в упорядоченный рассказ о жизни с собственными линиями повествования:

С: ... Потом мы с матерью пошли в какую-то сауну, что ли, там, с этими, со всякими мужиками.

И: А ты с ней ходил?

С: На иномарке там какой-то были. Ну, как его звать, Витя*, что ли, в сауну *пошли* мы с ним вдвоем, какая-то машина подъехала, ну, друзья-друзья, а обо мне забыла и с ними *уехала*. И всё.

И: Тебе сколько, пять, да?

* Все имена, названия и даты, упоминаемые информантами, изменены.

С: Да, уже 5 лет было. А я даже свой день рождения ни разу не справлял... Новый год ни разу не справлял. Ну, последнее время, когда выросли, сестра, там, брат, все уже взрослые, справляли еще нормально. Ну, бросила она меня, там шататься начал...

И: ...ты прямо помнишь этот момент, когда она тебя бросила, да?

С: Да. Села и уехала просто, а про меня забыла. Я даже сам не понял где.

И: А ты остался.

С: *Остался*. Зима была. Ну вот, когда идти, не знаю куда идти.

И: А она что-нибудь *сказала*, когда садилась?

С: *Ничего не сказала*. Села да уехала.

И: Ну, а ты что-то *спрашивал* у нее, там?

С: *Я ее даже не успел спросить*. Они *хи-хи, ха-ха, там, со всякими друзьями, и мне не дает спросить*. Как. Как будто меня не было.

И: Ну а потом ты *не вернулся*, да?

С: Ну, а куда я *вернусь*, я не знаю, куда мне поехать.

И: То есть ты *не знал*?

С: Я вообще *не знал* этот весь город. Кого там знать-то? Ну, куда идти? Пошел в дом, в подъезде ночевал. Утром шарюсь.

И: Один?

С: Да, один. *Ходил-ходил-ходил-ходил*, чё ел, чё попало собирал, с земли, везде шарился. По подвалам потом ночевать стал. Потом со шпальной связался... (Сергей, Инт. 1. Курсив мой. — Дм.Б.).

Попытка развить сюжет об изменении своего социального положения в результате случившегося сводится к употреблению слов, означающих (пере)движение в *пространстве* — «ходил», «пошел», «шатался». Многократно повторенное «ходил» отражает стремление найти границу этого пространства, выход за которое во время изложения позволит воспринять его со стороны и увидеть свое место в нем. В отсутствие такой возможности, вопросы, казалось бы призванные помочь начать и направить разговор, выполняли нередко функцию тезауруса для собеседника, словами из которого он выстраивал свой ответ. И только переход в последующем слушателя на доступную для рассказчика позицию помогло, без видимого со стороны мотивированного перехода в ходе разговора, представить Сергею (и Николаю) историю из жизни, «готовую» к изложению¹⁴.

¹⁴ В интервью с Сергеем нарратив «как в аварию попадал» последовал после реплики информанта о его желании съездить отблагодарить воспитателей детского дома за то, что те «не дали нам умереть». Рассказ был «спровоцирован» уточняющим вопросом: «Были ли такие ситуации, когда кто-то действительно мог умереть?» Нарратив Николая «про бивень мамонта» и вовсе возник благодаря ассоциации вслед за шуткой подруги информанта о «зубах, которых нет».

Любопытно, что структура рассматриваемого дальше нарратива, т.е. специфические функции, которые выполняют его персонажи по отношению к герою, и их последовательность, в целом совпадает со сказочной структурой, предложенной Проппом. В рассказе Сергея об аварии на пути из дома сестры в свой интернат морфологические элементы по большей части представлены в порядке, описанном Проппом для волшебной сказки. Посмотрим на примере:

...потом сестра приехала, забрала меня [из больницы] домой, я там лето прожил, а вот уже выпускной этой группы 15-й, 9-й класс закончил, надо было ехать обратно в интернат, сюда... Я поехал 27 августа на автобусе. Мне сестра говорит, может, ты не поедешь сегодня, я говорю, нет, я поеду. Там у меня [...] был в Сосновку, ой, говорю, в Барнаул, в училище, ну, уговаривала-уговаривала, не езжай — не езжай, ну, я не знаю, ну, неохота было, [сестра хотела] чтоб еще на денек остался, на охоту чтоб съездил, открытие охоты. Ну, надо было (Сергей, Инт. 2).

В начале рассказа представлена исходная ситуация, которая является контрастным фоном благополучия для неожиданно случившегося в дальнейшем с героем несчастья; так указать, затишье перед бурей. Затем главное действующее лицо уезжает из семьи сестры — «отлучка» по Проппу (2001, 26)¹⁵, — которая обращается с настоятельной просьбой-предложением задержаться — «запрет», который здесь представлен в своей «ослабленной форме» — в форме «просьбы» (27). Поэтому отъезд Сергея не только объективная необходимость («надо было ехать обратно в интернат»), но и его личный отказ последовать совету («запрет нарушается» — 28).

Подошел к шоферу... ну, тут меня на машине довели до станции. Подошел к шоферу, ну чё, до Сосновки довезешь? Доеду, может, не доеду, даже сломаюсь. Ну, всё равно махнул, чтоб они [сестра с мужем] уезжали. Они стояли долго, в автобус сел, ну поехал, я им сказал, что бы ехали (Сергей, Инт. 2).

Приведенный диалог на автобусной станции еще раз возвращает к совету сестры и как бы усиливает его, повторяет предостережение от лица другого персонажа. Однако Сергей решает противодействовать обстоятельствам и принимает решение ехать («отправка» — 38).

Следующее за этой подготовительной частью описание последовавшей поломки автобуса, аварии, травмы главного действующего

¹⁵ Далее при ссылке на это издание указываются только страницы.

щего лица и его участия в спасении пассажиров представляют завязку повествования и его ход. Описанию полученных Сергеем во время аварии травм и самому моменту аварии уделяется большое внимание в рассказе («вред или ущерб» в форме «хищения» — 31). Пропп замечает, что телесные повреждения структурно представляют собой «хищение» — утрату, «потерю» физической целостности (32). Далее «герой испытывается» (39) — оказывает услугу пострадавшим и беспомощным, т.е., по Проппу, «объективно здесь имеется испытание, хотя субъективно оно не ощущается как таковое героем» (40):

Кто-то в обмороке, ну не в обмороке, а без сознания был. У меня тоже сильный... ногу подвихнул, ключицу, нос разбил, весь тоже в крови, во всякой, вот, в сметане и грязный. Голова у меня всё, пострадала, все равно... хромал, ногу почти за собой тащил... все равно, мало как-то о себе думал... кого, два мужика было, одни женщины, и мы их собирали вдвоем [с шофером]. Все равно как-то надо людям помогать, даже если ты в беде, всё равно другим надо помочь, если уж такая ситуация, такая. Помогали всем (Сергей, Инт. 2).

В развязке истории Сергею помогают добраться до интерната («путеводительство» — 48), где он «узнается по отметке, клейму» (57):

Приехали, там директор говорит, ты чё, ты чё дома-то был, а грязный? Да я в аварию [попал]. А чё случилось? Ну, я все рассказал (Сергей, Инт. 2).

Какую задачу решает привлеченная сказочная схема? Какие внутренние отношения такая структурная форма делает доступными для выражения? В самом начале рассказа есть элемент, который кажется лишним. Казалось бы, для того, чтобы обозначить наличную ситуацию, достаточно указать на повод отъезда, который и привел Сергея в злополучный автобус: нужно возвращаться в интернат, поскольку закончилось обучение в школе и предстоит распределение в одно из училищ. Однако вместо этого (или вместе с этим) появляется персонаж, который дает рассказчику возможность изменить начальную ситуацию и весь смысл истории.

Предложение сестры задержаться погостить вполне могло быть оправдано хотя бы долгой разлукой с братом: большую часть своей жизни оба проводят отдельно друг от друга и вот на какое-то время оказались вместе. Но — судя по развязке — в реальности рассказа просьба сестры оказывается пророческим советом-предостережением, а причиной произошедшего — отступление от него:

«потом, оказывается, я там [в интернате] еще 3 недели даже жил, не надо было мне туда ехать» (Сергей, Инт. 2).

Таким образом, история получает внутреннее развитие, благодаря словам сестры и отступлению от них автора. Сестра *как бы* очень не хотела того, что произойдет с братом вскоре, все дальнейшие перипетии — *как будто бы* испытание за то, что он ослушался, а заключение звучит как горькое сожаление. Фабульная линия сестры «тормозит» основную линию «и этим самым двигает сюжет» (Тынянов 1976, 341). «Сестра как в воду глядела!» — примерно такой смысл позволяет придать произошедшему использованный информантом прием. Тот смысл, который нужен рассказчику: вольно или невольно «показать» значимость и важность сестры и отношений с ней. Смысл этот выражен в тексте не столько словами и понятиями, сколько ситуацией, с помощью которой рассказчик «драматизирует мысль» (Фрейд 1999, 64).

Без сестры с ее предостережением ситуация, лежащая в основе рассказа информанта, — поехал в интернат, потому что думал, что может опоздать на распределение в училище для продолжения обучения, подвергся смертельному риску и опасности для жизни, а выяснилось, что все это напрасно, — оказалась бы трагической несурзаницей, укладывающейся в одну фразу Сергея: «Не надо было мне туда ехать». Именно благодаря наличию сестры структура «истории из жизни» получает свою завершенность и законченность: сестра придает ей подлинность и устойчивость. Выступая главным элементом этой конструкции, «сестра» дает рассказчику возможность, обзрев тяжелый опыт своей жизни, увидеть в нем смысл.

Видение это стало возможным с помощью композиционных приемов, характерных для сказа. Именно функции, которые выполняют действующие лица, были взяты Проппом в качестве константных конструктивных элементов волшебной сказки¹⁶. Сестра и все другие персонажи в рассказе призваны действовать — они «уговаривают», «помогают» герою, «доставляют» его, «спрашивают» о произошедшем с ним и т.п. Все они зависят от того, что делает герой и что происходит с ним. Все они существуют «как бы вполоборота», только с той стороны, с которой они видны герою (Выготский 1965, 371). У них нет *самобытности*, а только событие с героем, который выступает как мера их бытия.

¹⁶ «Под функцией, — пишет Пропп, — понимается поступок действующего лица, определенный с точки зрения его значимости для хода действия» (22).

Исследование сочетания функций в сказочном сюжете позволило Проппу установить, что последовательность этих функций развивается вокруг ситуации *разлада*, устранение которого и является конечной целью сказочного действия¹⁷. Расположение действий друг относительно друга во времени — их хронология — позволяют раскрыть психологию истории:

С: Я в больнице лежал... Потом очнулся... ну, я не понял, чё у меня тут такого [показывает на себе], кое-как, кое-кое-как забрался в коляску, кое-как на нее сел и поехал в туалет. Там зеркало, я перед зеркалом сел...

И: Посмотреть хотел?

С: Да, ну да, красные там пятна были. Посмотреть, чё с моим лицом там. Я испугался сильно, думал, ничего нет. Разбинтовал, там такая корочка была, лицо было наполовину... у меня брови не было вообще... У меня, вообще, сильно... ну, восстановили врачи... (Сергей, Инт. 2)

Как следует из рассказа, «угроза», которой подвергся рассказчик в истории об аварии и которой он мог бы избежать благодаря родственникам, — это возможность «потерять» восприятие своей (физической) целостности, ее знакомого образа, это страх не узнать себя самого. Жизненные обстоятельства истории «таят» опасность лишить человека существующего у него лица, изменение которого — разлад — можно обнаружить лишь благодаря внешнему миру — зеркалу.

Рассказ Николая о найденном в реке бивне мамонта представляет, по сути, развитие той же сюжетной линии о преодолении разлада:

...мы вот на пасеке были, ну, мы... и, короче, купались... Андрей в гости пришел и мы пошли... на речку. А там же раньше до нашей эры мамонты существовали... Вот, чё интересно, вот, я даже сначала не верил, думал, ну, на фиг, коряга какая-то, а там, короче, кость. Мы на эту кость вставали и прыгали. Мы даже не подразумевали, что это кость... Ну, и он [Андрей] приходит на пасеку, а это, а пчеловод... сидели просто, разговаривали, что выступ нашли... Дим, вот мы, слушай, вот, значит, про бивень... [пчеловод] говорит, что за выступ?... Сколько он лет там прожил в Заринске, но уже достаточно... Он го-

¹⁷ Сам Пропп считал, что говорить о причинах того, почему последовательность является универсальной, единой для сказочных сюжетов, «морфолог не имеет права», и лишь высказал осторожное предположение, что, в частности, общий источник этого может быть психологическим (98).

ворит, да я не знаю, что такое. А вообще-то, говорит, летом мальчишка тоже работал практикантом, пошел купаться и принес мне, говорит, вот такую косточку... ну, и он выносит нам эту кость, она уже водой размытая, это бивень молодого мамонта. Он такой закрученный, он вот такой вот [показывает]... «Ну, чей?» Я, такой, — «слона!» «Нет, мамонта». Да ну, на фиг. Такие, побежали сразу туда.... Ну, выступ, говорит, как дерево было. Он, такой, ну, и чё такое, мы говорим, не знаем, сейчас пойдем посмотрим. Ну, пошли мы тоже, начали эту гальку, типа гальку, гравий, в воде, ну, и давай его раскапывать... дергали хорошо с Андреем, всплыла просто, в воде-то она легкая, а когда вытащили на сушу, такая тяжелая показалась. Ну, и вот, мы ее принесли туда... Вот. Мы ее на песку отнесли с Андреем. Ну, и это, ему показали, он удивился и говорит: о-о-о, это, пойдете завтра дружно мамонта искать. Ну, и всё (Николай, Инт. 2).

Коряга, *скрытая* водой, не стала бы предметом восхищения и удивления, лишила бы рассказчика возможности увидеть ее *целиком*, если бы не другой — «пчеловод», — который рассказал, что это *на самом деле* бивень мамонта. Потенциальная возможность находки остаться неузнанной, т.е. не дать рассказчику «увидеть» ее «настоящее», была успешно ликвидирована посредством помощи взрослого, предложившего историю, в которой другая «эта кость» обладала значением, «недостающим» найденной «коряге какой-то». В истории Николая роль последовательности событий в организации выражения субъективного смысла произошедшего еще отчетливее: только хронологическая реконструкция позволяет различать сделанное и сказанное, пережитое и понятое героем.

На мой взгляд, несмотря на отличный друг от друга материал и его разное перспективное развертывание в сюжете, в обеих этих историях значащее «Я» существует в силу присутствия других; пространство выстраиваемой самости обретает черты благодаря другим. Сказ представляет собой тот, как пишет Волошинов, «действительный, реальный» знак извне, в структуре которого реализована доступная субъекту «необходимая связь» действительности переживаемого и действительности изображаемого.

Выстраивая свою историю через *отношения*, рассказчик тем самым, по выражению Клода Леви-Строса, «делает возможным особого рода переживание, при котором конфликты реализуются... в такой плоскости, которая способствует их беспрепятственному течению и разрешению» (Леви-Строс 1983, 176). Композиция *рассказа* позволяет автору сделать доступным и ему самому, и окружающим смысл произошедшего с ним. И «домашние пацаны», которым «все родители предоставят», в итоге важны как раз

потому, что на их фоне становится различимым тот, кто «не знал уже, [что такое] постель чистая», и «ночевал в подвалах».

Я доверяю другим не доверять

Подобно графическому образу, о котором говорил Соссюр, эффективность сказки заключается в том, что в ней изобразительные возможности превалируют над содержанием, обеспечивая таким образом единство переживания смысла с его разрешением в момент (вос)производства самого знака. Благодаря этому, *относительная идентичность*¹⁸, в основе которой лежит отношение к другому, имеет возможность, по Волошинову, «приютиться в знаке» сказа, найти в нем место для знака внутреннего «Я» субъекта. Вне рамок (заданной повествовательной структуры, в общении, построение «Я» не получает структурной связности и последовательности:

- С: ... А сейчас ни от кого добра не дождешься.
 И: Совсем ни от кого? Ни от одного человека?
 С: Ну, почему? Можно дожидаться добра, но оно уже не изменит твою жизнь.
 И: Не изменит?
 С: (Пауза.) Еще ни разу таких людей не встречал, чтобы кто-то мою жизнь изменил. (Пауза.)
 И: Но это от чего зависит, что никто не изменил твою жизнь?
 С: Не знаю. Все зависит... вся жизнь от меня зависит.
 И: То есть, твоя жизнь не изменилась потому, что ты не хотел, что ли, изменяться?
 С: Ну, почему?
 И: А как?
 С: (Пауза.) Ну, я-то... я-то и так изменился сам. Просто сам... (Пауза.) (Сергей, Инт. 3)

Когда в качестве новой фабулы для построения сюжета самостоятельности предлагается ситуация, отличная от той, что лежала в основе фабулы житейских трудностей, когда представляется возможность исходить не только из того, «как в аварию попадал», но и из того, что «можно дожидаться добра», «Я» лишается своей связи с внешним контекстом и находит точку опоры в самом себе

¹⁸ О концепции *относительной* идентичности (мужественности) см.: Ушакин 2002.

(«вся жизнь от меня зависит»). Те знаковые формы отношений, с которыми сталкивается индивид, не могут быть восприняты, быть «вместимыми» языку внутренней жизни — переживаниям. Круг замыкается — индивидуальное «Я» становится заложником усвоенной самодостаточности, начальной и конечной точкой происходящих и предстоящих изменений с человеком.

И: Чего бы тебе хотелось вообще?

С: В жизни? <...> спокойной жизни...

И: Ну, у тебя, вот, сейчас уже были такие моменты, когда тебе было спокойно?

С: Да, может любой быть... Просто обо всем забываю, и всё. Даже вот, тут сяду, тут бегают, там ходят... Я могу так сделать, даже если будут орать, бегать, носиться, я просто сяду и никого даже не слышу, что они орут, что не орут, мне без разницы, я не наблюдаю вообще ихние ришни, мне как-то по херу, да их нету! — я один сижу.

И: Ты говоришь «ихние ришни»?.. Как понять?

С: Ихние ришни. Ну что они здесь ходят-ходят-ходят. А мне по херу... (Сергей, Инт. 2)

«Я» субъекта само способно управлять и собой, и своей жизнью, и обстоятельствами вообще. Желания, направленные в будущее («спокойная жизнь»), вернее, условие их реализации, в итоге от самой жизни-то, оказывается, не зависит. Интересно, что, хотя трудности на пути к спокойствию проистекают из среды внешней по отношению к субъекту, способом их разрешения являются не действия, направленные на устранение этих преград, а *самоустранение* («я... никого даже не слышу... я не наблюдаю»). Реальные препятствия, таким образом, ликвидируются путем умозрительного их преодоления: для того чтобы получить то, что хочется, достаточно себе это представить. Иными словами, проблема разрешения актуального переживания сводится к тому, чтобы это разрешение *изобразить*: подыскать для себя образ, «наряд» из числа уже имеющихся, чтобы, по Соссюру, «скрыть от взоров» свое состояние. И главным условием этой фантазийной маскировки становится отличное от остальных местоположение в пространстве: «я тут сяду», когда «тут бегают, там ходят».

В случае, рассказанном Николаем, видно, *как* такая трансформация внешнего ограничивает восприятие другого и практические взаимоотношения с ним:

Я покупаю, допустим... привожу из дома денег... возьму привезу, вот, и я... я не один раз, вот... денег возьму... я никогда один в магазин не

иду. Ну, я тогда ходил еще один¹⁹, я постоянно возьму или Антона, или девчонку ... тоже со мной в детстве была, сейчас здесь она, и Лёню, вот, мы в магазин ходим. Пока все деньги не потратим — не успокоимся (смеется). Мне не жалко просто денег было. Но, с одной стороны... мне просто обидно то, что... вот делает сейчас Антон. У него деньги появляются, он просто меня... ну, ничего уже... ну и я тоже так просто перестал. Зачем я буду тратиться? В принципе я вообще, я деньгами не жадный. У меня вот сколько есть, если Наталья²⁰ надо, я ей даю постоянно (Николай, Инт. 2).

Развитие отношений ограничивается их способностью соответствовать уже сложившимся условиям: что бы другие ни делали, это «уже не изменит твою жизнь». Другой, для того чтобы поддержание отношений с ним было возможно, должен в буквальном смысле отражать в своем поведении знаки поведения, присущие (или приписываемые) собственному «Я». Тот, у кого «деньги появляются» сейчас, должен вести себя в соответствии с уже знакомой по собственному прошлому моделью: «мне не жалко просто денег было». Совмещение различных временных контекстов отношений («были в детстве» и «делает сейчас»), подгон во времени является и в этом случае неизбежным условием устойчивости восприятия и самих отношений, и себя в них. Другой для субъекта — это функция его собственного «Я», призванная это «Я» поддержать:

И: Так ты говоришь, никому доверять нельзя, так как же без доверия?

С: Да вот так. Я так живу. Я доверяю только одному человеку, и всё, подружке своей...

И: ...а ей доверяешь?

С: Да. Ей доверяю. Она мне доверяет. Здесь больше никому нельзя доверять. ...

И: [С подружкой] здесь познакомились?

С: Да.

И: Почему Ольга?

С: Ну, а кто еще?

И: Ну, я не знаю. ... Ну как вот получилось, что Ольга?

С: Да просто понравилась и все. ... Познакомились. Подружились (Сергей, Инт. 2).

Структура отношений субъекта с другим как функцией его «Я» — диадическая, симметричная («ей доверяю/она мне доверяет»). Этот другой был выбран, стал предпочтителен только в силу того,

¹⁹ Здесь: «ходил один» — не имел относительно постоянных отношений с девушкой. — Дм. Б.

²⁰ Подруга Николая. — Дм. Б.

что он не нарушает равновесия, усвоенного субъектом. Условием собственного доверия к другому является то, что этот другой — такой же, как и я, еще один я. Никакого непреодолимого внешнего, вне этой диады, критерия доверия/отношения этой автономной и автоматической структуре не требуется и не актуализируется — «не знаю, просто понравилась, и все». Такой другой — безопасное зеркало, гарантированно отображающее именно то, что ожидается, и способное уберечь от того, чтобы, глядя в него, «испугаться», что там «ничего нет».

Подобные представления о позиции, которую «Я» занимает по отношению к другому — он принадлежит ему, является частью его, живет через него и для него, являясь в конечном счете собственным продуктом для внутреннего употребления, — с реальностью соотносятся с трудом. В пространстве интерната воспитанники в своем жизнеобеспечении полностью зависимы от разнообразных других.

Как показывает психоанализ, восприятие другого через выполняемую им в данный момент функцию характерно, как правило, для ранних форм отношений субъекта с внешним миром. По мнению Мелани Кляйн, основоположницы психоаналитической школы объектных отношений, существенное различие в восприятии себя и в переживании отношения к другому для ребенка и взрослого заключается в том, что если для взрослого другой — это явление, существующее независимо, то для ребенка другой («объект») так или иначе связан с удовлетворением определенных потребностей самого ребенка. Для «Я» субъекта «объект»²¹ существует исключительно в силу своей функциональной значимости и только в границах опыта этого «Я».

Такой характер восприятия и выражения отношений, по мнению Кляйн, основывается на психическом механизме проективной идентификации (Кляйн 2001а, 437). Кляйн связывала формирование этого механизма с неспособностью субъекта разрешить проблему собственной неудовлетворенности в рамках уже известных причинно-следственных связей. Что может означать чужая непонятная речь на языке, недоступном для понимания субъекту?

²¹ Психические образы («объекты») объединяют разные переживания психики, и за ними «закрепляются» два разных отношения — как к объектам, один из которых «хороший» (удовлетворяющий), а другой — «плохой» (фрустрирующий). «Периодически повторяющиеся переживания удовлетворения и фрустрации» оказываются репрезентированы контрастными объектами, качественно отличающимися друг от друга психическими образами (Кляйн 2001b, 289).

И как такое значение можно распознать? Проективная идентификация схожа с отношением тождественности смысла сказанного и понятого, которое устанавливается попытками узнать в чужой речи знакомые слова родного языка. Идентификация и понимание изначально чужого опыта, происходящие таким образом, достигаются за счет приписывания постороннему знаку значения «своего» знака, доступного во внутреннем контексте.

Кляйн полагает, что эффективность проективной идентификации обнаруживает себя прежде всего в ситуации, когда такой «непонятной» речью для субъекта, в первую очередь для младенца, являются дискомфортные «ощущения», воспринимаемые как идущие «изнутри» (Кляйн 2001b, 288). «Соринка в чужом глазу» является примитивным, однако в некоторых случаях эффективным средством самозащиты, чтобы избежать угрозы обнаружения «бревна» в собственном глазу. Или — безопаснее принять, что я не понимаю речь другого не в силу того, что я могу расслышать, а потому, что другой невнятно говорит. Скрытым от человека в данном случае остается то, что в основе стремления обнаружить *вовне* мешающую жить «соринку» лежит сама внутренняя потребность искать. Предмет поиска и его будущий результат предварительно известны, недостаток как *внутренний разлад* уже существует. Установление находящегося *вовне* источника отрицательных качеств заставляет искать способы контролировать их влияние, поддерживать отчетность «внешнего» перед «Я»:

И: ...Ну и вообще, вы [с подругой] здесь на хорошем счету.

Н: Стараемся... Тут, видишь, еще и это... Я, в смысле, какой человек? Я могу поругаться, но могу сразу восстановить это все. Полностью. То есть отношения восстановить... жизнь какая идет трудная. На выживание. Тем более нам еще сложнее... ни с одной стороны поддержки нет. Пробивайся сам.

И: На кого рассчитываете или на что?

Н: На себя, только на себя. Не на кого рассчитывать (Николай, Инт. 1).

Противоречие между одновременным признанием того, что, с одной стороны, нынешние условия являются благоприятными, и, с другой стороны, того, что «жизнь идет трудная», снимается благодаря заявлению о том, что «ни с одной стороны поддержки нет» и что возможна опора «только на себя». В одном случае Сергей показательно демонстрирует основное назначение проективного механизма «Я», оказавшегося в затруднительной ситуации в поисках очередного недостатка:

И: Ну, Сереж, у тебя были случаи, когда ты на кого-то понадеялся, да, положился, а человек тебя подвел?..

С: ...опрокинул?

И: Опрокинул.

С: Нет, не было.

И: Почему ты тогда считаешь, что нельзя ни на кого положиться?

С: Ну не знаю, просто не доверяю, не могу доверять, я лучше сам. Чувствую, сейчас люди такие, хитрые такие, наглые, им лишь бы на себя нажать, на ком-то на другом отъехать, что... а, я тебе сначала хорошо, а потом, раз, поставят. Деньги ему, а ты гуляй. Ничего не будет. Всё, так что лучше сам. Сам все ты делаешь (Сергей, Инт. 2).

В последней реплике отчетливо виден негативный характер свойств, приписываемых другому и являющихся защитной реакцией «Я», т.е. когда *не знаю*, но *чувствую*, что *опрокинут*, хотя прежде этого *не было*. Кляйн полагала, что проекция помогает бороться с существующими неконтролируемыми, «плохими» аспектами идентичности, подрывающими устойчивость, целостность восприятия себя субъектом (Кляйн 2001b, 291—292). Указание на недостатки, находящиеся вовне, отвлекает внимание от тех проблем, которые исходят от собственного переживаемого «Я». Показательно, что «Я» буквально исчезает, пропадает из речи («не доверяю, не могу доверять») и возвращается вновь только в единственно возможном для него контексте, когда другой — это «ты сам».

Рассматривая ранний период становления субъектности, основанный на проективной идентификации, Кляйн высказывает важное замечание. С ее точки зрения, существенно, чтобы внешний мир субъекта, будучи расщепленным его проекцией на хорошую и плохую части, на два функциональных объекта, в итоге был воссоединен, слит воедино со всеми своими амбивалентными качествами (Кляйн 2001b, 294—296). Это изменение воспринимаемого субъектом контекста своего развития является необходимым условием для изменения самого «Я», создания возможности поддержания его целостности в разных реально существующих обстоятельствах.

Проективная идентификация — временное, переходное средство самоподдержания границ «Я» на этапе от детства к взрослости. Если ее доминирующая роль в эмоциональной жизни и отношениях субъекта не уравновешивается со временем развитием способности принимать новые обстоятельства, беря их в расчет в построении собственных отношений, проективное влияние на самочувствие «Я» становится все более проблематичным. Неспособность проекции принципиально решить стоящие перед субъектом задачи становится все более явной:

субъектом задачи становится все более явной:

С: Ну еще один пацан здесь есть, Женя, ну, ты его видел... Вот я ему доверяю, а он мне доверяет, ну мы с ним так нормально, он, я... и вот постоянно меня втягивает к злым вещам, ну, у меня такие бывают моменты, что вот убить кого-то или еще что-нибудь, зло кому-то причинить, так бывает у меня. Постоянно какие-то картинки рисую непонятные. Вот сядешь, чё-нибудь в голову войдет, какие-то черепа всякие, смерть... три шестерки откуда-то, ну, у меня это в гороскопе число три шестерки выпадает. Ну не знаю, я постоянно чё попало рисую, всякую смерть, черепа, скелет там, монстров всяких, плохое именно, плохое. Потом на красное тянет, кровь, кровь, еще что-нибудь... Ну я не знаю, вот такие самочувствия, убить кого-нибудь, что ли, или вообще зарезать так ножом, не знаю, откуда-то мне приходит всё это, ненависть какая-то ко всем людям, даже не знаю, от жизни, наверное, такой от собачьей, ну, это правда, как собаки живем. Я и вырос... как собака... как животное... психика, так психика у меня не нарушена, я так нормальный, не психую, просто у меня намерения какие-то плохие, но я стараюсь уйти от них, не думать, а они лезут в голову... Не к людям, а вообще, такое ощущение, как будто я убить могу, вообще, во мне зло просыпается откуда-то.

И: На самом деле ты никого не убивал?

С: Нет. На самом деле нет. (Пауза.)

И: Ну, а как быть?

С: А никак. Как есть.

И: Как есть, так и будет?

С: Да. Я стараюсь избегать этого, забыть.

И: Получается?

С: Получается. Иногда.

И: Получается иногда? А когда не получается?..

С: ...ухожу куда-нибудь.

И: Куда?

С: Да вон, куда-нибудь, где классы там покинутые, кто они, сады вот эти, башни. (Пауза.) ...Вся жизнь собачья. Все мы умрем. (Пауза.) Да и вообще, скоро война начнется, да, она уже началась.

И: В смысле, какая война?

С: Вторая мировая. Вторая. То есть третья. Сейчас все воюют.

И: Почему ты так думаешь?

С: Да я не знаю. Все грызутся друг с другом, как животные, одному не понравилось, одному не нравится, как ты дышишь, как ты стоишь... из-за денег, из-за всего. Неправильно. (Пауза.) (Сергей, Инт. 2)

Необходимость соотносить проективно установленную диаду, представляющую собой отношения между «мной» как «Я» и «то-

бой» как «еще одним “Я”», со структурой, в которой должен бы возникнуть еще один «не-я», другой «ты» («один пацан Женя»), ведет к конфликту. Попытка признать изменение контекста, в котором «я ему [другому] доверяю», ведет к вытеснению из нового символического пространства «каких-то плохих намерений», исходящих от «Я». Знаковая невстроенность «плохих намерений» в возникающий «доверительный» контекст, отличающийся от традиционной ситуации, в которой плохие качества субъекта происходят «от жизни, наверное, такой от собачьей», заставляет обращаться к поискам иного для себя местоположения — за пределами доступного физического пространства. Чтобы «уйти... не думать» о «таких самочувствиях», Сергей отправляется за несколько сот метров от училища, «где классы там покинутые». Стремление «избегать этого, забыть» обращает его в бегство в буквальном смысле — «ухожу куда-нибудь». Поиски места для себя оказываются неудачными: пространство с «садами» и «башнями» оказывается символически пустым.

Усилие, направленное на то, чтобы восполнить возникший разлад между новыми отношениями, собственными переживаниями и их прежним пониманием, ни к чему не приводит. Уход оказывается возвращением в прежнее (идентификационное) пространство, где «плохое» «Я» окружает симметричная ему «вся жизнь собачья», в которой «все грызутся друг с другом». Проекция как психологический механизм относительной идентичности, позволяющий субъекту в той или иной степени успешно строить отношения прежде, в новых, изменяющихся обстоятельствах оказывается не способным помочь молодому человеку осмыслить ни нынешнее значение прежних отношений, ни сами эти обстоятельства, ни свое место в них.

Рисунки (для) души: не выходя за линии

Едва ли не единственный способ, доступный субъекту для идентификации с пространством, данным извне, когда самовыражение в общении оказывается бегом на одном и том же (символическом) месте, — это использование наглядности образа, «поверхности» знака. Французская психоаналитик Юлия Кристева выделяет два способа означивания, доступных субъекту (Кристева 1998а). Один основан на правилах логики и грамматики лингвистических знаков, речи и именуется *символическим*; другой, который Кристева

называет *воображаемым*, базируется на процессах смещения и сгущения, задействованных в идентификационных стратегиях интроекции и проекции, и репрезентирует их на семиотическом — звук, ритм, цвет, мелодия — уровне.

Мне кажется существенным высказанное ранее замечание, что психоаналитическое различие двух разных способов производства смысла — смысла эмоций и влечений и лингвистического значения (Кристева 1998b) — и соответствующих им семиотического и символического способов отображения подчеркивает несовпадение, разрыв между значимым и артикулированным, пережитым и выраженным (Ушакин 2001).

В представленных выше историях в описании происходящего практически нет метафор (или выражений, отмечаемых метафорическими маркерами «как будто»). Когда требуется использовать *определение*, т.е. соотносить символические границы своего «Я» с границами, означенными *другим* слушателем, рассказчик прибегает к наглядному изображению, собственно, не к изображению, а к отображению («смотрю крики такие а-а-а, такой шум», «удар такой — фить», «зацепился там, на чё ногу ставишь, ножка такая, она мне штанину, ф-ф-фью ... по асфальту»)²². Индивидуальное смысловое звучание событию в речи придает звук.

Многие бывшие воспитанники детских домов, в том числе Сергей и Николай, рисуют. В этих рисунках зачастую единственный знакомый и доступный субъекту контекст, в котором образы деструктивного и ужасного существуют и где они «уместны», — это хаос войны. Образы эти являются заимствованными, чужими, как изображенная на рисунке фигура с пальцами-лезвиями руки Фредди Крюгера из культового фильма ужасов «Кошмар на улице Вязов», в плаще, темных очках и стрижкой Нео — персонажа Кеану Ривз из футуристической «Матрицы».

То, что не поддается означиванию в доступных формах слова, репрезентирует себя в контрастных графических образах. Сюжета в рисунке нет, вместо него — коллаж. Важные смысловые, сюжетные детали рисунка — это детали поверхности: внешность, одежда. Сама же история, сам контекст, его границы предзаданы, заимствованы и поэтому в воспроизведении не нуждаются. Художественные образы, репрезентирующие для «Я» его образы психические, не встроены в какую-либо собственную интерпретационную структуру («какие-то картинки рисую непонятные. Вот сядешь,

²² Сергей, Инт. 2.

чѐ-нибудь в голову войдет»), они расположены вне какого-либо реально существующего сюжета. Их значение — эффект сочетания в коллажном пространстве границ разных поверхностей.

Николай вспоминает показательный случай из того периода своей жизни, когда он вместе с другими воспитанниками детского дома учился читать. В этом эпизоде проявляет себя доступная для субъекта функция графического образа — в отличие от слова — устанавливать и выразить индивидуальное значение:

Н.: Потом в подготовительную [группу] перевели нас. Газеты лежали, а я... ну, «Комсомолка»... а я первый раз-то их увидел, думаю, что написано? Мне интересно, что там написано. Сажу вот так просто, делаю руки, как политик какой-то, представил себе, как будто читаю, а сам не знаю, что читаю (смеется). Настолько было интересно это.

И.: Но ты читать умел?

Н.: Нет, я плохо читал. Я читал плохо, потому что нас учили уже тогда в подготовительной, когда переводили сюда, в школу²³... Я даже не представлял... ну, просто взрослые читали... мне интересно было. Я картинки-то разбирал... интересно мне было, остальное не понимал. Раскраски вот, книги найдем в библиотеке, детские эти... Читали там чуть-чуть, но по буквам тоже. Но все равно, сложно было. Очень... я в основном брал раскраски. Да я... что-то мне так в голову ударило (смеется)... раскраски все раскрашивать. Ну, раскрашивал. Я мог целый день сидеть их и раскрашивать. Слоники тогда там, в цирке, циркачи всякие, клоуны. Вот, я старался за линии не выходить. У меня раскраски эти... до дыр... ну, карандашом разъедались. Вот. Настолько мне нравилось это все... (Николай, Инт. 2)

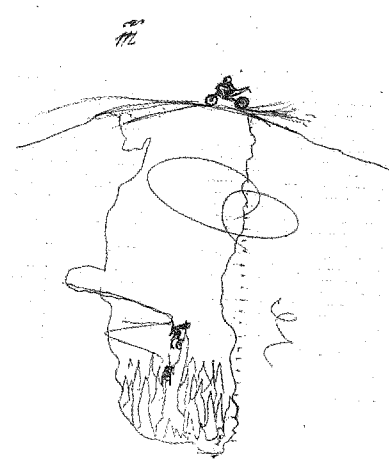
Усилия Николая, направленные на то, чтобы соотнести новый по смыслу знак-слово со значениями уже известных знаков, оказываются малопродуктивными. Несмотря на старания «представить», как соотносится чтение в качестве практической деятельности взрослых с доступными и понятными ребенку формами отношений, новый знак остается той чужой речью, которой Николай может только подражать, копируя ее внешнее выражение. Проявление нового знака («делаю руки, как политик какой-то») в соотношении с проявлением своего знака («раскраски раскрашивать») является, судя по всему, единственно возможным способом установить, что значит «читать». Рисунок-«раскраска», как зеркало, имеет собственные четкие контуры образа, в видимое пространство которого

²³ Информант имеет в виду школу-интернат в Барнауле, в которой он учился и проживал до поступления в училище. — Дм. Б.

Без названия. Рисунок Сергея.
(По моей просьбе к своим рисункам информант сделал подписи — название или комментарий. Этот рисунок остался без подписи. — Дм. Б.)

Авария.

Авария. Рисунок Сергея.
(Надпись на рисунке сделана автором. — Дм. Б.)

удобно вмещается свое (цветовое) значение. Идентификационная функция *картинки* доступна именно в силу наличия уже готового нарратива («слоники тогда там, в цирке, циркачи всякие, клоуны»), сконструированного за субъекта, которому остается только примерить чужие «границы» на себя.

Рисунок упавшего мотоциклиста представляет собой иллюстрацию Сергея к рассказу, предшествовавшему истории об аварии, однако смысл пережитого автором и отображенного рисунком разделены, существуют параллельно (ил. 6). Когда автор рассказывает через рисунок историю, он изображает ее последовательные события — скольжение мотоцикла на асфальте и его падение — в границах одного листа, в одном и том же физическом пространстве, ничем не разделенного (например, как это делается в комиксе).

Возвращаясь к вопросу о выражении рубежа между внешним миром и внутренним миром изображаемого, необходимого для придания ему «семиотического характера», можно заметить, что для автора рисунка восприятие границ между разными событиями жизни и соответствующими им переживаниями осуществляется через различение их последовательности во времени²⁴. Однако символизации этой последовательности не находится места в ограниченном краями листа бумаге пространстве. Его ограниченность, тем самым, не воспринимается как *условность* *определенного* момента времени, а выступает как постоянное *условие* его течения.²⁵ Этот рисунок живет только как графический образ, и символизировать субъективный смысл, передать отношение субъекта он не способен.

Использование готовых *картинок* и производство на их основе невербализуемых рисунков (вместо, допустим, лингвистического выражения), которое продемонстрировали информанты, во многом вызваны потребностью преодолеть трудности собственного воображения, артистическая, художественная, изобразительная функция которого повреждена (Кристева 1998а). В более широком плане эта проблема может быть предварительно обозначена как

²⁴ К *хронологии* постоянно обращаются информанты во время биографических повествований. В рассмотренном нарративе об аварии Сергей называет точную ее дату: «Я поехал 21 августа на автобусе». Эти события происходят после того, как информант съездил «домой», к сестре, где он «лето прожил».

²⁵ Как отмечает Томашевский, «для фабулы требуется не только временной признак, но и причинный... Чем слабее эта причинная связь, тем сильнее выступает связь чисто временная» (Томашевский 1996, 179).

трудность с созданием собственного нарратива, с воображением собственной повествовательной структуры, предполагающей наличие другого (знака), структуры, превращающей потребляемые извне образы в персонажей личной истории.

С точки зрения предложенного Кристевой различия воображаемого и символического неудача лингвистического способа самовыражения связана с отсутствием необходимых для него «психических предусловий» (Кристева 1998b). Речь идет прежде всего о семиотическом отображении границы образа (для) другого как потенциально доступного и возможного. Должна произойти интроекция его воображаемой позиции относительно «Я», которая уравнивала бы проективную идентификацию. Субъект должен испытывать доверие к этому еще не выраженному и невыражаемому — у Кристевой он «вырисовывается на подступах», — но уже воспринятому другому, чтобы впоследствии символически репрезентировать его как «ты».

Иными словами, внутренняя динамика развития, движение к субъектности, к самостоятельности представляют собой драму отношений субъекта между его «Я», внешним миром и другим. И, как в случае с любой драмой, условием ее воплощения является не только наличие того, кто является или готов стать ее «сценическим» — например, сказочным — действующим лицом. Для полноценного развития действия и настоящей «игры» «исполнителю» должны быть доступны, должны быть им воспринимаемы — негативно или позитивно — две позиции. Субъектность становится возможной тогда, когда драматическое развитие «Я» происходит перед лицом хотя бы одного зрителя, способного выразить свою реакцию, т.е. подтвердить наличие и происходящего действия, и действующего лица.

Обмен без обмана

Идентификационные рамки и их изменения, которые и определяются, и одновременно ограничиваются моделью отношений, уже доступных субъекту, проявляют себя в контексте настоящих и будущих отношений, прежде всего в оформлении семейных границ:

И: Ну тяжело же одному, без родителей?

С: Они мне ничего *не дали*.

И: Ну знаешь, ну, вот мне здесь говорили, когда я общался, что не надо опереться.

- С: Ну, на родителей опереться, чё они *дадут-то*, водку?
 И: Ну а кто из взрослых у тебя есть, на кого ты мог бы опереться?
 С: Сестра, муж ее, да и ни на кого не надо, сам. У меня есть руки, у меня есть ноги.
 И: А сам сможешь?
 С: Смогу. <...>
 И: Слушай, ну а ты как относишься к замужеству сестры? Ну то, что она вышла за этого?
 С: Нормальный мужик. Мне нравится.
 И: Вы общаетесь? Ты же едешь к сестре?
 С: Да. *Помогает*. Он мне мотоцикл даже *купил* <...> Потом «Жигули» мне свои *отдал*, «копейку» (Сергей, Инт. 2. Курсив мой. — Дм.Б.).

Функционализм является единственной доступной формой восприятия отношений, зеркально воспроизводящих отношения внутри. Возможность извлекать пользу («не дали», «помогает», «купил») становится означивающим отношений с родственниками. Знак семьи на этом основании получает специфические контуры, ограничиваясь признанием отношений с сестрой и ее мужем. Несмотря на практическую равноудаленность всех родственников в настоящем, именно доступное генеалогическое значение сестры становится критерием, на основе которого появляется «своя» семья. Сергей устанавливает ее границу безотносительно к тем реально существующим практическим отношениям, в которых он проводит большую часть своей жизни. Для него «взрослые есть», но они не там, где находится Сергей. Пустоты между умозрительно доступной родственной связью «брат—сестра» заполняются собственным смыслом посредством доступного для «Я» проективного механизма установления отношений с другими.

Пьер Бурдьё, анализируя семейные стратегии, отмечает, что практическое и признаваемое измерение отношений между членами одной семьи, т.е. переживание происходящего, с одной стороны, и его артикуляция — с другой, производится на основе диаметрально противоположных классифицирующих признаков. В кругу семьи, «для себя» — на «родном языке» — практически реализуется «иерархия полезности» того или иного ее члена (Бурдьё 2001, 323). «На людях», во «внешних» отношениях — в доступных вовне знаковых формах — проявляет себя сама принадлежность к семейному кругу и устанавливается так называемая «генеалогическая легитимность» (Бурдьё 2001, 327). Иными словами, статус родственника внутри семьи является значимым, когда он видим со стороны в процессе общения. Для чего принципиально важно наличие этой

другой стороны, (вос)приняв точку зрения которой, установив и усвоив зазор между «мы» и «они», отношения внутри группы получают для ее членов качество «семейных».

Повседневные практики отношений в семье, иначе, предоставляют субъекту модель отношений, которая оформляет его внутреннюю структуру на семиотическом — до-знаковом, до «знакомства» с другим(и) — уровне. Формирование же символической структуры, в которой эти отношения станут осмысленными для индивида, запускается с помощью внешнего знака.

Какими возможностями в реализации этого предусловия собственного полноценного развития располагает та группа, чье месторасположение объективно лишает ее контактов с остальным (символическим) миром, ограничивая тем самым производство самой группой позитивных значений для установления внутригрупповой дифференциации ее членов?

Анализ феномена обмена дарами в «Очерке о даре» французского антрополога Марселя Мосса представляет, на мой взгляд, любопытный пример практических отношений, предлагающих решение схожей проблемы в островных сообществах, родственные границы которых совпадают с границами их территории (Мосс 1996). Следствием такого расположения является ситуация, уже обозначенная выше: сообщество испытывает нехватку, проявляющуюся в том, что членам группы *значение* отношений друг с другом объективно недоступно, поскольку в пределах видимости их не с чем сравнивать; их отношения друг с другом оказываются в буквальном смысле *непосредственными*²⁶.

Мосс обратил внимание, что обмен дарами — например, украшениями — между отдельными племенами, лишенный, казалось бы, какого-либо прагматического, здравого смысла, является «социально-морфологическим феноменом» (Мосс 1996, 145), порождающим сами отношения и их структуру: необходимые движения между островами для того, чтобы делать и принимать дары, «приводят в движение общество в целом и все его институты» (Мосс 1996, 217). Непрерывающаяся циркуляция даров между племенами поддерживается правилом: дары не могут быть не приняты и не могут быть не возмещены. Правило исполняется группой в силу

²⁶ Как отмечает Мосс, члены одной семьи «не могут ни разъединиться, ни разграничить свои действия. Даже сами индивиды... не могут осознать, что им надо противопоставить себя друг другу и уметь отделить одни свои действия от других» (Мосс 1996, 133—134).

ценности циркуляции, обеспечивающей поддержание отношений, дающих символическое признание каждой отдельной группе.

Ключевой деталью сложившейся практики материального обмена, которая обеспечивает установление социальных границ группы и их восприятие ее членами, является, как отмечает Мосс, «срок» — «необходимо “время”, чтобы осуществить любую ответную поставку [дара]» (Мосс 1996, 139). После вручения дара его получатель должен не только держать при себе материальные обязательства, которыми он связан с другим, но и помнить — *держат в голове* — значение этой связи для него. Собственное социальное положение группы — *свой* символический вес — целиком определяется признанием постоянства временной зависимости от другого, пока им не принят ответный дар. Границы пространства отношений с другим воспринимаются группой и ее членами через их «темпорализацию» (Бурдьё 2001, 206), т.е. через организацию при помощи временных «рамок».

Обмен дарами — как символический обмен, обеспечивающий смену перемещением знака внимания, — создает историю жизни отдельной группы и ее символическое оформление. Этот процесс символизации и является для субъекта тем извне данным ему нарративом, отражающим значение для его группы отношений с недоступными другими, в которые ему предстоит включиться.

Любопытно, как в схожих обстоятельствах внешней изоляции педагог Макаренко решал проблему символического обмена. Для Макаренко выбор организационных средств деятельности определялся тем, что распространенная в других воспитательных учреждениях «упрощенная система комнатных коллективов просто бедна содержанием социальных моментов» (Макаренко 1986, 8: 139). Главное достоинство организационной структуры его колонии заключалось в том, что каждый воспитанник являлся членом нескольких *временных и относительно постоянных* групп — учебных, производственных, досуговых²⁷. Эта циркуляция статусов и позиций индивида давала возможность разными способами устанавливать внутри сообщества социальные границы и границы индивидуального «Я» по нескольким несовпадающим основаниям.

Однако, в отличие от бывших воспитанников детских домов, для колонистов, как и для их воспитателя, такая организация группы лишь воспроизводила тот порядок отношений, который был им символически доступен из прежнего семейного опыта. Утвер-

²⁷ Макаренко говорит о «сечении коллектива».

ждение, что семьи бывают плохие и хорошие, т.е. различие их по узнаваемым (поверхностным) характеристикам, возможно только при условии доступности значения семьи как *символической границы* между семейными и несемейными отношениями, границы, возникающей в контексте практического осуществления этих отношений. Когда границы эти способны выступать для субъекта внутренним основанием дифференциации, когда разделяемые ими пространства умозрительно достигаемы, тогда появляется возможность делать свою позицию — например, профессиональную — доступной для самовосприятия с «другой» точки зрения, будь то «Калифорния» или «Кремль».

Обмены вещами и одеждой, неофициально институционализированные в среде сирот-воспитанников закрытых образовательных учреждений, представляют форму социальных отношений, которая отражает попытку компенсировать для членов группы недостаток символических средств, обеспечивающих в ней воспроизводство целостности группы и границ индивидуального. Эта широко распространенная повседневная практика есть ритуал, коллективно выработанный знак, призванный помочь преодолеть и опровергнуть установленное практическое исключение из семьи и общества. Можно сказать, что практическое оформление периферии в данном случае состоялось прежде, чем личность оказалась готовой через отношения в семье воспринимать свою отдельность от ее членов, символически устанавливая границу между «моим», «нашим» и «чужим».

Обмены, «давания» и дары как коллективные эффекты сирот воспринимаются их наставниками по конечным целям — как потребление или владение. При этом не учитываются сами условия, так сказать, «для кого?» и «зачем?» этих отношений, сформированных в специфической среде. Тенденция видеть в этих обменах завладение на основе обмана оставляет в стороне те интересы и их удовлетворение, которые достигаются в процессе этих взаимодействий. Ведь воровство или заем предполагают установление и одинаковое практическое понимание границ своего/чужого, моего/нашего. Поэтому эти категории суть эффект и производные отношений, возникающих в определенных условиях между индивидом, семьей и обществом, и своего, «внеположного» им смысла не имеют. Применение подобных категорий к сиротам, к оценке и пониманию их внутригрупповых отношений, возможно только посредством проекции на группу тех самых отношений, которых у нее нет.

Для индивида, лишённого в условиях длительного институционального воспитания этих символических функций «практического родства» (Бурдые 2001, 325), усвоенная внутрigrупповая практическая функция полезности — когда *чужое* возможно только как «не мое» — оказывается единственно доступной позицией, формирующей взгляд на отношения с другими. При этом ее реализация не обладает возможностями для символического прироста, для расширения имеющейся символической структуры отношений, обеспечивающей разнообразие идентификационных и, как следствие, социальных возможностей. Суммирование в известной семейной формуле « $7я = я + я + \dots + я$ » ее членов в данном случае лишено всякого смысла, поскольку каждое «Я» в ней для субъекта — лишь проективное отражение его собственной позиции, и «сумма» социальных отношений в таком пространстве (без) семьи всегда равна «Я»: семья = Я.

И.: А вообще есть люди, которым ты благодарен, которых ты вспоминаешь часто, как говорят, важные для тебя?

Н.: (Пауза.) Есть.

И.: Кто, например?

Н.: Здесь?

И.: Вообще. Люди какие-то, о ком ты вспоминаешь, для тебя важные, да?

Н.: Ну, это мой первый учитель. Которая сейчас почти... ну, завучем, по учебной части... воспитательной части завуч. Вот. Первый учитель...

И.: ... А вот есть кто-то из мужчин, кого ты вспоминаешь, о ком ты думаешь, такой, важный для тебя человек? Который важное что-то для тебя сделал?

Н.: ... (Пауза.) (Николай, Инт. 1)

Вместо заключения

На примере анализа опыта молодых людей, большую часть жизни исключённых из общения с родственниками, в этой статье я попытался рассмотреть роль семьи как формы отношений в развитии личности и группы. Подобный контекст примечателен тем, что представления о семье у сирот формируются на основе модели отношений, сложившейся *вне* самого института семьи. Сходным образом и модель семьи, предлагаемая традиционной педагогикой и семейными СМИ, выстраивается с помощью знаковых средств, выработанных этими институтами в ходе *своей* — институциональной — практической деятельности в обществе.

Как я попытался показать, представляемые педагогами и СМИ сюжеты семейных отношений по большей части основываются на фабуле событий неизвестных и потому символически недоступных моим информантам. Предлагаемые истории жизни современной семьи, призванные продемонстрировать ее роль и значение, удалены во времени и/или пространстве от тех, чьей собственной семейной биографии еще предстоит состояться. Эти «знаки семьи», иными словами, являются результатом совмещения образов, призванных изначально репрезентировать разные по своему историческому и/или социальному характеру явления. Основанная на пространственных метафорах, такая стратегия изображения семьи призвана не столько прояснить ее современную суть, сколько компенсировать неспособность использовать прежние символические средства для придания семейным отношениям привлекательной формы.

Структурно схожими являются и попытки сирот выстраивать восприятие себя и своего социального положения через отрицание признания родителей и взрослых: знаковое оформление эти отношения получают благодаря их пространственной локализации *вовне*. Как показывает психоанализ, в основе такой идентификации лежит психологический механизм проекции. Получение нового опыта и формирование новых отношений в данном случае ограничиваются стремлением воспринимать их только через призму уже доступных и потому понятных правил, через поиск в поведении других узнаваемых черт собственной личности.

В отсутствии позитивной модели поведения, доступной *извне* и адекватной условиям существования и значимым потребностям развития, формы практических отношений сирот, складывающиеся *вне* официальных установлений, отражают актуальную проблему поиска «заместительных» по своей сути отношений, характерных для семьи. Обмены или совместные покупки позволяют практически реализовывать в группе «мифоритуальные деления», устанавливающие посредством символической манипуляции социальные границы между «я», «мы» и «они», которые обычно усваиваются в семейном общении. В условиях социального «исключения» подобные практические отношения *взаимообмена* являются едва ли не единственным способом оформления самой идентификации и ее результата — личности, принадлежащей семье; способом создания и оформления знаков, делающих себя и свои отношения зримыми.

Ребекка Кей

«...ТАКИЕ СПОРТИВНЫЕ ДЕВЧОНКИ — КАК МАЛЬЧИКИ!»: О ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ*

В первой половине 1990-х годов российское общество пережило серьезные изменения во всех сферах жизни. Не избежали перемен и отношения к женщинам и мужчинам как членам этого изменяющегося общества — в данном случае перемены сопровождались обширной дискуссией о необходимости развивать новые отношения между полами в постсоветском обществе, о новом понимании мужских и женских ролей и соответственно о воспитании нового поколения (так же как о перевоспитании нынешнего).

Аргументы и анализ, приведенные в данной статье, основаны на результатах качественного исследования российских средств массовой информации первой половины 1990-х годов и на материалах качественных интервью, проведенных в 1993—1996 годах. Главной целью этого исследовательского проекта являлось изучение ролей и деятельности низовых женских организаций в постсоветской России (Кау 2000).

Во время проведения исследования мною были собраны и проанализированы более 300 публикаций, касающихся женщин, их роли в обществе, в политической жизни, в сфере труда, в семейных отношениях и в отношениях с мужчинами¹. Первичный сбор этнографических данных проводился с августа 1995-го по февраль 1996 года — сначала преимущественно путем включенного наблю-

* Перевод с англ. М. Муравьевой.

¹ Основные средства массовой информации, взятые для анализа, представляют собой центральные газеты: «Известия», «Сегодня», «Аргументы и факты», «Независимая газета»; женские журналы: «Работница» и «Крестьянка»; газеты для молодежи и семейные газеты: «Московский комсомолец», «Комсомольская правда» и «Семья».

«...ТАКИЕ СПОРТИВНЫЕ ДЕВЧОНКИ — КАК МАЛЬЧИШКИ!»...

дения во время семинаров, собраний и встреч, организованных неформальными женскими организациями в Москве, Твери, Саратове и Тарусе (Калужская область). Эти группы не обязательно являлись «феминистскими» по своим взглядам; решающим фактором для включения в исследование той или иной организации являлось ее самоопределение в качестве *неформальной женской организации*. Я сознательно ограничила выборку организациями, чьи контакты с западными исследователями, учеными и активистами были минимальны; также я стремилась включить в выборку группы, которые бы различались по своему географическому местонахождению, целям и составу².

Члены этих организаций, а также женщины из контрольной группы (т.е. не являющиеся непосредственными участниками организаций) стали ядром группы респондентов, интервью с которыми и вошли в исследование. Эти женщины в большинстве своем горожанки, русские по национальности; во время исследования их возраст колебался между 20 и 60 годами; в профессиональном отношении респондентки представляют специалистов со средним специальным и высшим образованием, хотя на момент интервью многие из них занимались неквалифицированным или низкоквалифицированным трудом. Для целей данной статьи важным является также то, что подавляющее большинство респонденток матери (74%), а их значительная часть (31%) — матери-одиночки. Данная выборка, таким образом, не репрезентирует этническое, религиозное, социальное и культурное разнообразие населения Российской Федерации.

Первичные данные, собранные во время исследования, включают 116 анкет открытого типа и более 70 частично структурированных интервью, которые женщины согласились дать, щедро разделив со мной свое время, знания и мысли, а также надежды и страхи, связанные со многими проблемами. Вопросы воспитания,

² В данной работе используются материалы интервью с участниками организации матерей-одиночек «Только мама» и ассоциации женщин-авиаторов «Авиатриса» (Москва); феминистского объединения молодых женщин «Ступень», а также женщин, ищущих работу при агентстве по поиску рабочей силы «Клуб женских инициатив» (Тверь); с членами «Клуба деловых женщин», «Ассоциации женщин-юристов»; с группой пожилых женщин прокоммунистической ориентации «Достоинство»; с группой женщин, занимающихся творческими профессиями и политической деятельностью «Женская Лига Инициатива» (Саратов). В Тарусе во время исследования существовала единственная женская организация «Тарусское объединение женщин».

социализации, образования и заботы, касающиеся правильного формирования гендерных идентичностей у детей и подростков, во время интервью очень часто возникали либо спонтанно, либо в ответ на мои прямые вопросы. Однако следует отметить, что исследование не было изначально сфокусировано на изучении вопросов гендера и воспитания, и данная статья не претендует на изложение окончательного или типологического анализа. Скорее, ее цель — изложение некоторых экспериментальных выводов, сделанных на основе изучения определенной группы респонденток, в контексте более широкой дискуссии о гендерных отношениях в постсоветской российской прессе в рассматриваемый период.

Ключевой вопрос статьи связан с разнородным опытом матерей, которые растят своих детей в одиночестве, по сравнению с теми, кто воспитывает детей в полной родительской семье, а также с теми степенями свободы, осознание которых влияет на выбор воспитательных стратегий и моделей в постсоветской России.

Термин *гендер*, а не *пол* или *половые роли*, используется здесь сознательно. *Пол* связан с набором биологических отличий, определяемых различными хромосомными и гормональными моделями, физическими различиями, размером и структурой тела и большим количеством разного рода физических и сексуальных функций, связанных с процессом зачатия, вынашивания и рождения ребенка. *Гендер* же апеллирует к тому набору характеристик, норм и ролей, которые, хотя и могут быть представлены как определяемые «природой» или «биологией», в большинстве случаев определяются, развиваются и поддерживаются социальными и культурными процессами, включающими воспитание, образование, социализацию и то, как женщины и мужчины репрезентируются с помощью таких социальных институтов, как общественное мнение и средства массовой информации, через риторику и действия общественных деятелей, представителей государства, церкви и других ключевых социальных организаций. Ирина Калабихина описывает гендер как «социальный пол» и объясняет:

Социальный пол конструируется социальной практикой. Возникает система норм поведения индивидуумов, предписывающая выполнение определенных половых ролей. Для патриархатного общества существует устойчивая система понятий «мужских» и «женских» ролей, профессий, занятий и черт характера. При этом возникает определенный ряд представлений, что есть «мужское» и что — «женское», социальные функции распределяются между мужчинами и женщинами (Калабихина 1995, 15).

Перед тем как перейти к обсуждению взглядов на гендер и воспитание, высказанных женщинами, участвовавшими в исследовании начала 1990-х годов, я хотела бы кратко остановиться на том, как гендер (ре)конструировался в постсоветском российском обществе, чтобы понять современный и исторический контекст опыта моих респонденток.

«Вот вроде уравнили в правах. Но отношение к женщине осталось»

С конца 1980-х годов российские средства массовой информации, политики и общественные деятели уделяли большое внимание необходимости изменить представления о ролях и положении женщин и мужчин в российском обществе постсоветского периода, либо прямо, либо косвенно требуя восстановить жесткие и традиционные идеалы фемининности/маскулинности и «соответствующие» гендерные отношения, роли и идентичности. Комментируя данную тенденцию в конце 1995 года, Ольга Воронина из московского Центра гендерных исследований, например, отмечала:

В последние пять—семь лет наши массмедиа активно возрождают традиционные стереотипы так называемого «естественного предназначения женщины». Наряду с этим идет маскированная пропаганда порнографии. Обществу пытаются внушить, что женщина — это всего лишь постельная либо кухонная принадлежность (цит. по: Горяева 1995, 124—126).

Сопредседатель Ассоциации журналисток Ирина Юрна охарактеризовала это явление как сознательную политику государства, связанную с беспокойством, вызванным прагматическими экономическими соображениями:

Пока государству было выгодно, чтобы женщина работала, ее всячески привлекали к труду, платя при этом очень мало. Но когда возникла реальная конкуренция на рынке труда, призывы изменились полностью — «Женщину надо вернуть в семью!» (цит. по: Горяева 1995, 123).

Однако статьи в прессе, излагающие подобные взгляды, менее всего были склонны представлять данную точку зрения в исключительно прагматических терминах, предлагая вместо этого восстановление «естественного» баланса, нарушенного 70-летним

советским «равенством». Временами такая пропаганда за возрождение «традиционной русской женственности» появлялась в самых неожиданных местах. Например, опубликованное в 1993 году в газете «Рабочая трибуна» объявление о создании нового клуба «Деловая женщина» в Иванове использовало следующую риторику:

Издавна считалось, что русской женщине все по плечу. Она и «коня на скаку остановит», и «в горящую избу войдет», и секретарем райкома может заправлять не хуже мужчины. Вот только о личной жизни, об истинно женских началах в представительницах прекрасного пола мы как-то стыдливо умалчивали. ... Главная задача, которую ставит перед собой эта организация, — помочь представительницам прекрасного пола не только выжить в условиях экономического и социального хаоса, но и сохранить и развить богатые национальные традиции русских женщин (Чулихин, 1993).

Как и интерпретация Юрны, этот крен в подходе по отношению к женщине и ее положению в российском обществе не являлся исключительно новым в постсоветском пространстве. Следы такого подхода можно было обнаружить и до окончательного коллапса советской системы. Например, в своей книге «Перестройка: новое мышление для нашей страны и мира» Михаил Горбачев, отмечая особые права и нужды женщин, связанные с выполнением их материнской роли и роли домохозяйки, а также с их незаменимой функцией воспитателя подрастающего поколения, заключал, что общественные организации, политические и общественные лидеры должны объединить свои усилия, чтобы облегчить женщине возвращение к ее чисто женским обязанностям (Gorbachev 1987, 117).

Встревоженные такими предложениями, специалистки из Института изучения социальных и экономических проблем народонаселения Российской академии наук опубликовали в 1989 году статью, призывавшую к новому виду эгалитаризма для борьбы с последствиями эмансипации советского типа, с одной стороны, и для предупреждения об опасности преимущественно «патриархального» подхода при решении «женского вопроса» — с другой. Как писали исследовательницы, в обществе наметилась тенденция

связывать все негативные процессы с тем, что ориентация на работу женщины в общественном производстве как главную сферу жизнедеятельности разрушила материнский инстинкт, привела к тяжкому падению нравов, устоев семьи (Захарова, Посадская, Римашевская 1989, 57).

Согласно этим авторам, такие взгляды особенно были распространены «среди писателей, журналистов, пишущих на так называемые “женскую” и “моральную” темы», но также, «как видно из писем, поступающих в Комитет советских женщин, в редакции газет и журналов, к этому направлению фактически тяготеют и многие женщины, действительно задавленные “двойной нагрузкой”» (Захарова, Посадская, Римашевская 1989, 57).

В начале 1990-х годов стремление нового правительства Российской Федерации дистанцироваться от советского наследия проявилось и в виде отказа от политических — в том числе и гендерных — практик прошлого. Как с точки зрения российских, так и с точки зрения западных наблюдателей, «постсоветские» взгляды на положение мужчин и женщин часто представлялись и понимались как радикальный разрыв с прошлым, которое, в свою очередь, трактовалось как результат ложной эмансипации и равенства, имевших исключительно вредные последствия прежде всего для женщин. Известный кинокритик, например, отмечал:

Создавалась иллюзия реального равноправия женщин и мужчин. И делалось это отнюдь не для того, чтобы демократизировать общественную жизнь, уравнивать слабый пол в правах с сильным, а для того, чтобы как можно шире использовать женщин на тяжелых мужских работах, поскольку в силу отсутствия механизации труда мужского населения попросту не хватало. Так в России, единственной из европейских стран, образовался третий пол — «бабы», что-то среднее между «м» и «ж» («...я и баба и мужик, для товаров я кобел, для шоферов женский пол»). Сотни тысяч женщин навсегда разрушили свое здоровье, лишились возможности иметь детей из-за варварской эксплуатации (Богомолов, 1992).

Совершенно очевидно, что большинство советских идеологических обещаний и заявлений о равенстве ушли в прошлое. Однако тенденции к усилению дифференциации и апелляция к теориям «биологических различий» между полами, которые с новой силой проявились в постсоветской России, достаточно четко наметились уже в два последних десятилетия советского строя.

Даже в начале советской эпохи — в период наиболее радикальных перемен — идеологическая приверженность к гендерному равенству не была столь непоколебимой, как это может показаться. Главными приоритетами нового режима являлись классовое равенство, экономическая стабильность, промышленная развитость и сохранение мира. Там, где для достижения этих целей можно было эффективно использовать изменение гендерных ролей, они выдвигались

гались на первый план. Но самостоятельное изучение гендера считалось напрасной тратой драгоценного времени и энергии, которые с большей пользой можно было бы использовать на дело революции. В итоге многие традиционные взгляды на роли мужчин и женщин и убеждения о биологически заложенных и неизменных различиях в их характерах и способностях остались без критики.

С начала 1970-х годов в СССР начали активизироваться теории биологического детерминизма, получив в итоге официальный статус. До этого идеологические утверждения и педагогические теории, по крайней мере, пытались проводить строго эгалитарную линию, даже если практики и мнения были менее радикальными. В 1970-х и 1980-х годах педагоги и особенно демографы занялись активной популяризацией взглядов о ценности традиционных ролей и идентичностей в деле борьбы с падением рождаемости и различными симптомами социальной нестабильности. Эти проблемы нередко напрямую увязывали с вопросами о правильном воспитании мальчиков и девочек, о необходимости с малых лет прививать им правильную гендерную идентичность. Л. Губкович, например, пишет в статье «Родителям — о половом воспитании»:

Многие социологи, психологи, педагоги с тревогой констатируют, что в современном обществе имеется тенденция, которую вряд ли можно приветствовать. Это так называемая маскулинизация женщин и феминизация мужчин (Губкович 1977, 34).

В это же время в прессе стали появляться статьи, обсуждавшие проблемы современной семейной жизни и порицавшие высокий процент разводов, причиной которых якобы являлись неудачи супругов в адекватном исполнении своих гендерных ролей, соответственно — мужа и жены. Еженедельник «Неделя», например, вел «разговор на семейную тему на своих страницах более двух лет» («Сильный муж», «Слабая жена» — так ли это?, Неделя 1977, 10). В одной из основных статей, посвященных этому «разговору», роль мужчины виделась, например, так:

Звание кормильца семьи — звание и почетное, и ответственное — всегда помогало мужчине осознавать свою значимость, необходимость самым близким людям. Без этой роли он действительно теряет почву под ногами. Смушает такая ситуация мужей. Не очень-то устраивает и жен (Афанасьева 1977).

А в ответном письме читательницы роль женщины в семье была озвучена таким образом:

«...ТАКИЕ СПОРТИВНЫЕ ДЕВЧОНКИ — КАК МАЛЬЧИШКИ!»...

Именно женщины — ну кто, как не они — должны поддерживать огонь в очаге семейного счастья... Мужу намного приятнее, если его дома с работы будет встречать жена с доброй улыбкой и горячим вкусным обедом, нежели свехумная жена с диссертацией в руках и талоном в столовую (Неделя 1977, 10).

Подобно аргументам, которые появятся в 1990-х, данные взгляды апеллировали в основном к «естественным законам» и «должному балансу» гендерных отношений и ставили под вопрос целесообразность стремления к эмансипации женщин и к равенству полов.

Свою эмансипацию иные женщины понимают весьма своеобразно: похлестывать мужем, переложить на него все постряпушки-постирушки, сделать его нянкой малолетних детей, лишить даже совещательного голоса при решении любых семейных вопросов. Вот как далеко кое-где дело зашло! (Неделя 1977, 10)

Однако, какой бы «естественной» ни считалась маскулинность мужчин и фемининность женщин, сторонники данной позиции не все приписывали случайности или даже природе. Большое количество статей и учебников требовало от учителей и родителей *прививать* «правильную» гендерную идентичность детям в процессе воспитания. Так, автор указанной выше статьи «Родителям — о половом воспитании» четко объясняет, что «ребенка надо “программировать” на определенный стиль поведения — мальчика или девочки, и “программистами” здесь выступают прежде всего родители» (Губкович 1977, 34).

Несмотря на широкомасштабные перемены в понимании гендера в российском обществе, две важных нити преемственности связывают советский и постсоветский периоды. С одной стороны, несмотря на различные сдвиги и противоречащие теории и политические практики, идеологическая приверженность гендерному равенству, существовавшая на протяжении всего советского периода, продолжает надежно сохраняться и в постсоветский период, благодаря конституции 1993 года. С другой стороны, общие подходы и практики во многих сферах как советской, так и постсоветской жизни подгоняются под гораздо более традиционное понимание гендерных различий, соответствующих ролей и взаимоотношений между мужчинами и женщинами.

Так, исследование публикаций в средствах массовой информации, проведенное Ольгой Вороной в московском Центре гендерных исследований в 1992 году, обнаружило, что «традиционная

роль жены и матери восславляется», в то время как женщины, которые не смогли удовлетворительно исполнить данную роль, «часто описываются как изначально ответственные за все социальные проблемы». Телевизионная реклама представляет женщин «как молодых красивых потребительниц... или как необходимую принадлежность современных российских бизнесменов», а женское тело — как «выгодный товар» (Possadskaya 1993, 15).

Женщины, которых я проинтервьюировала в 1995—1996 годах, высказали ту же самую озабоченность, связанную с репрезентацией женщин в средствах массовой информации. Большинство с явным неприятием говорило об изображении женщины в виде сексуального объекта, но некоторые также обсуждали растущий акцент на домашних обязанностях женщин и их постепенном исключении из общественной и профессиональной жизни. В Саратове 32-летняя женщина, получившая образование учителя английского и немецкого языков, но работавшая координатором совместного предприятия, незамужняя и не имеющая детей, сформулировала свой взгляд на отношение СМИ к женщинам так:

Я думаю, [СМИ] относятся плохо очень [к женщинам]. Я думаю, что очень плохо. И все статьи, вот эти вот, про бедных, про долю женщин, только женщины пишут. Потому что они сами знают, что это такое. А средства массовой информации — это там, где в основном мужчины опять-таки. Но сейчас, мне кажется, может быть, много стало женщин в журналистике. Я не знаю... Но даже они — все опять такие женщины... Они опять попали под это влияние, которое там веками складывалось, когда некоторые говорят: «Да! А что женщине делать? Пусть она сидит на кухне там, и все!»

Еще одно мнение женщины, живущей в Твери, замужней, имеющей двоих детей и работающей директором частного вуза: «Говорят везде, по радио, по телевидению: женщина должна дома сидеть. И как бы ты постоянно... ну, вот я, например, испытываю на себе постоянный пресс». Рассматривая ту же проблему с противоположной точки зрения, лидер «Авиатрисы», организации женщин-авиаторов, сама в прошлом летчик-испытатель и авиаконструктор, отметила:

Я думаю, что недостаточно [объективно относятся к женщине в СМИ]. Не оценивают женщину, как она заслужила. Может, несколько какое-то такое принижение женщин наблюдается. Ну, допустим, я приведу пример наиболее мне близкий, в авиации. Ну, женщин, конечно, мало, и они все на виду. Если какой-то некто Иванов, скажем,

«...ТАКИЕ СПОРТИВНЫЕ ДЕВЧОНКИ — КАК МАЛЬЧИШКИ!»...

допустил ошибку. Ну, вот его и ругают: «Вот он такой-сякой!» Да? А если некто Иванова, женщина, допустила ошибку, то сразу — обобщение: «Ах, бабы! Это бабы!» Кто что спрашивает? «Баба» — и все! То есть ну и в обществе существует такое же отношение.

Подчеркивая долгую историю подобного отношения к публичным образам женщин, лидер «Авиатрисы» продолжала:

Тут отношение к женщине еще из той поры, из дореволюционной, когда она была вообще бесправна. Муж самый главный был в семье, и она сидела дома, а он работал. И отношение осталось все-таки такое. Вот вроде уравнили в правах. Но отношение к женщине осталось. Поэтому это изжить тоже будет очень тяжело.

Именно наличие этих противоречивых практик и взглядов на роль мужчин и женщин в обществе сыграло значительную роль в развитии дискурсов о важности дифференцированного воспитания детей в России в первой половине 1990-х годов.

«Природа всегда права»

Фундаменталистское понимание биологически детерминированных различий в характере, способностях, морали, ролях, обязанностях и стремлениях женщин и мужчин, как уже отмечалось, в первой половине 1990-х годов выдвинулось на первый план. Как и раньше, такая дифференциация оправдывалась как «естественная», а вес и практически неоспоримый статус ей придавался посредством апелляции к «законам природы»:

Так уж было задумано природой, что мужчина должен обеспечивать свою семью всем необходимым и защищать ее от внешних врагов, а жена — создать в доме уют, окружить супруга любовью и заботой и заниматься воспитанием детей. А, как известно, природа всегда права. И поэтому не стоит удивляться, когда она жестоко расправляется с теми, кто пытается сломать созданную ею и испытанную тысячелетиями человеческой цивилизации модель, когда мужчина в семье — кормилец, а женщина — хранительница домашнего очага (Мартынюк 1994).

Уверенность во врожденной природе такого положения вещей используется не только для того, чтобы укрепить существующие подходы к гендерным различиям как необходимым и одинаково присущим всем мужчинам и женщинам, но и для того, чтобы одновременно порвать и с советскими попытками по введению бо-

лее эгалитарных отношений, и с современными отклонениями от этой нормы, которые рассматриваются как «неестественные», «извращенные» и «нездоровые».

Например, во введении к своей статье об Ольге Кузенковой, чемпионке мира по бросанию молота, Валерия Миронова пишет: «По-моему, стремление нынешних представительниц прекрасной половины проникнуть во все без исключения считавшиеся не так давно заповедно-мужскими сферы заходит чересчур уж далеко» (Миронова 1995, 22). Изначальная оценка меняется под воздействием следующих факторов:

на деле-то женское метание молота выглядит куда эстетичнее мужского. Да и сама Оля, вопреки распространенному стереотипу, оказалась высокой, грациозной блондинкой, чья привлекательная внешность никак не вязалась с цифрами 68 метров 16 сантиметров. Более того, Оля хорошо готовит, а ее любимой одеждой является мини-юбка (Миронова 1995, 22).

В основе такого понимания различий между мужчинами и женщинами как врожденных и неотъемлемых лежит общая изначальная уверенность в их естественной противоположности. Это, в свою очередь, позволяет определенным образом дифференцировать женские и мужские потребности и желания и, таким образом, соответствующие роли, права и модели поведения, допустимые для женщин и мужчин.

Когда в начале 1990-х дебаты по поводу необходимости «возрождения» «естественных» различий и «возврата» к «настоящим» гендерным ролям в средствах массовой информации набрали силу, стало принято относиться к женщинам и мужчинам как к членам двух фундаментально различных, противоположных полов. В дискуссиях слова «мужчины» и «женщины» регулярно подменялись фразами «представители сильного пола», «представительницы слабого пола» или «представительницы прекрасного пола», демонстрирующими определенные установки и взгляды на характеристики, определяющие сущность противоположности полов³.

Разумеется, эти дискуссии о «законах природы» и естественной гендерной дифференциации — как и сходные дискуссии 1970-х годов — просто пропагандой идей не ограничивались, позволяя природе делать свое дело. Как и раньше, в постсоветских дебатах упор делается на необходимость активно формировать соответ-

³ Более подробный анализ такого рода репрезентаций гендера и пола и их влияния на самопознание и самоидентификацию женщин см.: Кау 1997.

ствующую гендерную идентичность у детей: детям и подросткам должен быть предоставлен широкий круг соответствующих стимулов и ролевых моделей, их надо активно — а где нужно и насильно — подталкивать к участию в деятельности, специфичной для того или иного гендера. Родители должны быть постоянно начеку по поводу любых отклонений или проявлений неадекватных сигналов.

Важность укрепления гендерных различий посредством воспитания и соответственно опасение неудач в этом деле отмечались многими женщинами, проинтервьюированными в 1995—1996 годах. Например, геолог из исследовательского института в Саратове, мать двоих взрослых детей, сказала:

Я думаю, что коррекция какая-то обязательно должна быть. Потому что вот эти ценности, несмотря на, скажем, генетическую, наверное, предрасположенность и биологическую такую вот программу, мужскую и женскую, все-таки мы растем в среде, где есть определенные ценности. Да? И если мы не будем постоянно напоминать о том, что хорошо и что плохо, я думаю, очень легко сбиться с пути. И мы будем иметь вот этих феминизированных мальчиков и, наоборот, мужественных чересчур девочек. Я думаю, что обществу это не нужно!

В данных обстоятельствах вряд ли удивительно то, что многие матери, проинтервьюированные в 1995—1996 годах, описывали ощущение огромного давления и чувство ответственности за то, чтобы итогом воспитания стала правильная гендерная идентичность их детей. Это беспокойство усугублялось дискуссиями в средствах массовой информации и (псевдо)академических кругах, объектом жесткой критики в которых становились «неправильные» поведение и идентичность, берущие свои истоки в неадекватной воспитательной роли родителей. Например, некто «Доктор», пишущий для популярного молодежного журнала «Пульс», дал следующий ответ на письмо матери, озабоченной неадекватной гендерной идентичностью своего сына, проявляющейся в отсутствии интереса к поиску жены:

Есть такое понятие — «сын эмансипированной женщины». Возможно, ваша роль в семье настолько велика и вы с детства настолько подавляли инициативу сына, что он теперь не может идентифицировать себя с мужской ролью (Анонимки для нашего доктора 1993).

Подчеркивая первостепенную важность роли матери и хозяйки («хранительницы домашнего очага»), дискурсы биологических

отличий, озвученные в российской прессе начала 1990-х годов, с парадоксальной настойчивостью одновременно порицают *женское «доминирование»* в сфере образования и воспитания, обращая внимание на недостаток соответствующей мужской ролевой модели для решения проблем мальчиков и мужчин в становлении своей «естественной» мужской идентичности. По словам психотерапевта, проинтервьюированного популярной газетой «Московский комсомолец», многие психологические проблемы и проблемы личных отношений, имеющиеся у взрослых мужчин, вызваны тем фактом, что «ведь с рождения он воспитывался в женской субкультуре: врач в поликлинике — женщина, нянечка в яслях — тоже» (Л. Е. 1993).

Как мы увидим чуть ниже, жесткие установки такого рода особенно сильно сказываются на матерях-одиночках, растящих сыновей. Например, мать-одиночка, проинтервьюированная в Москве в 1995 году (также растящая и дочь), отмечала абсолютную необходимость для мальчика иметь отца в качестве мужской ролевой модели:

Женщина воспитывает соответственно мальчика — чаще всего инфантильный, чаще всего ребенок до старости, всю жизнь его опекает. Очень редко женщина может воспитать полноценного мужчину. Ему не с кого брать пример просто-напросто. Либо он знает папу, тоже достаточно часто и пьющего, и бьющего, и ругающего всех. И соответственно мальчик таким и будет, даже если очень хорошая мама. Очень добрая. Все равно мальчик будет брать пример с отца. Либо его воспитывает женщина. Какая бы она ни была замечательная, как бы она все прекрасно ни понимала и ни делала, он все равно скорее всего будет чувствовать себя ущемленным в этой жизни. Быть нормальной мужчиной, в общем, у него не получится.

Несмотря на частоту, с которой подобные утверждения и точки зрения выносились на обсуждение в средствах массовой информации, академических и политических дискуссиях, говорить о наличии единой идеологии или универсального дискурса в постсоветской России пока не приходится. Именно поэтому дискуссии такого рода не могут претендовать на влияние сходных дискуссий времен советской власти. Отсутствие централизованного контроля над средствами массовой информации и общественным дискурсом и соответствующих институтов, способных подогнать поведение и мышление граждан под единые трафаретные рамки, не позволяет постсоветскому государству сформировать однородные ценности и установки. Более того, либерально-демократические принципы, предложенные в виде основы для раз-

вития постсоветского общества, требуют приверженности индивидуальной свободе выбора и социальной диверсификации. Эти принципы, в совокупности с приверженностью законодательной системы принципу равных прав и возможностей, предоставляют тем, кто не способен или не желает соответствовать жестким требованиям современных подходов к гендерным ролям и различиям, прочную основу для оправдания своего потенциально «подрывного» поведения.

«Сына я воспитываю иначе...»

В ходе интервью 1995—1996 годов я обнаружила, что именно те женщины, которые на своем собственном опыте испытали негативные последствия жесткого стремления к «адекватным» гендерным ролям, часто бросали им вызов в воспитании своих собственных детей. Несколько женщин говорили о необходимости обучать мальчиков быть хорошими мужьями, имея в виду приобщение их к тем обязанностям и умениям, которые составляют традиционно «женскую» сферу, наравне с теми, которые считаются присущими мужской сфере. Для некоторых женщин позиции такого рода базировались на убеждении в том, что считать такие домашние обязанности, как стирка, уборка, приготовление еды, изначально женскими неправильно. Как утверждали респондентки, такое разделение обязанностей на самом деле имеет социальное происхождение, и жизнь и взаимоотношения мужчины и женщины только улучшатся, если эти обязанности будут выполняться вместе. За мужняя женщина тридцати лет, мать двоих детей, работающая аналитиком пенсионного фонда, сформулировала это так:

Сейчас, на данном этапе, отличия ролевые, несомненно, существуют, но вопрос в том: это природные? Это заложено в нас? Либо это обществом выработано? Потому что когда начинаешь размышлять над ролевым разделением мужчин и женщин, то получается, что многие, многие, многие ролевые разделения обусловлены обществом. Они обусловлены воспитанием. Хотя, если природа предназначила для нас роль матери, роль кормилицы, это вовсе не значит, что она предназначила для нас роль прачки, уборщицы и прочее, и прочее... Если взять, например, мальчика, маленького мальчика, и так воспитывать его, как девочку, он тоже будет мыть посуду.

Во время группового интервью с женщинами-преподавательницами и административными работниками Московского института

экономики и предпринимательства дискуссия о неравном распределении домашних обязанностей между женами и мужьями быстро перешла к вопросу о воспитании. Описывая проблемы, вызванные попыткой осуществить равное разделение домашних обязанностей в своей семье, одна участница объяснила нежелание своего мужа выполнять такие обязанности скорее его воспитанием, нежели какой-либо внутренней мужской неспособностью или естественным отвращением к данной работе:

Когда я сказала мужу: «Милый мой, носки, нижнее свое белье, это все в твоих руках». А он: «А у меня мама все стирает». Я говорю: «Вот и носи маме. — Говорю: Я это делать не буду». Ну, у меня муж, конечно, со временем привык это делать сам. Ну вот! Но это не принято!

Воспитание мужа этой женщины пришлось на последние годы советского периода, когда подобное разделение ролей и дифференциации в воспитании («а у меня мама все стирает») получили официальную поддержку и поощрение. Более того, советская эгалитарная идеология и практика всегда были более или менее бессиловыми в своих попытках реформировать частную сферу семьи и особенно разделение домашних обязанностей. В итоге «постсоветские» подходы и дискурсы якобы опирались на глубоко устоявшиеся взгляды и формы поведения, практиковавшиеся многими семьями на протяжении нескольких поколений.

Совершенно очевидно, что такая ситуация представляет серьезные препятствия для индивида или группы, пытающихся бросить вызов данным нормам. Опыт нескольких участниц интервью показал, что попытки пошатнуть устоявшиеся нормы могут привести к весьма серьезным конфликтам, в том числе и внутри семьи. Похожие рассказы о сопротивлении, как со стороны мужчин, так и со стороны других родственников и знакомых, можно было услышать от большинства женщин, которые поставили под сомнение стереотипные формы разделения труда внутри своих семей или отвергли нормы, принятые в воспитании детей.

Для ряда информанток убежденность в важности выбранной стратегии и целеустремленность оказались сильнее сопротивления оппозиции. Большинство этих женщин оправдывали свою позицию уверениями в том, что они воспитывали своих сыновей с целью подготовки «к семейной жизни», «ради моей невестки», ставя, таким образом, под сомнение укоренившиеся взгляды на то, что единственно возможная роль для мужчины в семейной сфере — это роль добытчика. При этом одна из респонденток, успешный уче-

ный, руководящая вместе со своим мужем частным вузом, мать двоих детей подросткового возраста, также говорила о тех преимуществах, которые приобретет ее сын как самостоятельный и независимый человек в результате обучения «традиционным женским» навыкам:

Значит, сына в связи с тем, что у меня проблема и я знаю, что это не я виновата, а воспитание мужа, — сына я воспитываю иначе... Вот он у меня большой чистюля, такой чистоплотный мальчик... И вот он начал уже где-то два года назад полностью себя обстирывать... Отец на это как отреагировал? «Ты что из него хочешь воспитать? Дамского угодника? Подкаблучника?» Я говорю: «Хочу из него воспитать свободного мужчину. Чтобы он не зависел от женщины, постирает она ему рубашку или нет. Чтобы он знал, где рубашка лежит и где лежит носок чистый. И он уже сам этот процесс контролировал».

Воспитание сына в соответствии с «нетрадиционной» гендерной моделью в итоге может не только сделать из мужчины «хорошего мужа», но и стать важным условием подготовки молодого человека к независимой, самодостаточной жизни, вне зависимости от того, будет ли он женат и будут ли у него дети. Для этой женщины — и многих других, ей подобных, — борьба с гендерными стереотипами в воспитании являлась принципом, который она применяла и при воспитании своей дочери:

Женщина, которая социально активна и самодостаточна... она больше влияния оказывает на своих детей. Потому что я вижу просто по своей семье... Когда у нас росла дочь, когда папа говорил какие-то вещи, я, будто как женщина, должна сидеть и молчать. Но я с ним не согласна. Я и говорила: «Лена, — когда он говорил что-то дочери, я говорю, — ты понимаешь, папа, в общем-то, по-своему, может быть, прав. Но я лично считаю, у меня, в общем-то, другая точка зрения». Я говорю, вот то-то, то-то и то-то. Как бы постоянно при ее воспитании присутствовали два мнения. Я смотрю, как это повлияло на ее, вообще, развитие. Я думаю, только положительно.

Судя по этой ситуации, можно было бы предположить, что — в отсутствие мужей с их негативной реакцией на самостоятельное мнение жен — женщины, растящие своих детей одни, будут иметь больше свободы действий. Однако на практике ситуация складывается несколько иначе. В интервью матери-одиночки часто говорили мне о том, что в обществе к их поведению присматриваются более тщательно, вынуждая, таким образом, соблюдать определенные нормы. Часто такие мнения сопровождались выражениями

чувства вины и страха за то, что разрыв отношений с отцами их детей нанес большой вред воспитанию детей и их будущей жизни, что, в свою очередь, провоцировало крайне настороженную реакцию по отношению к любым воспитательным «экспериментам».

В отличие от матерей, воспитывающих своих детей в одиночестве, замужние матери, воспитывавшие детей в полной семье, были менее озабочены тем, чтобы развивать их гендерную идентичность в соответствии с принятыми нормами. При этом, об «отклонениях от нормы» чаще всего отзывались как о случайных или несущественных, нежели как о намеренных и сознательных попытках ниспровержения гендерных стереотипов. Респондентка, которая отказалась от своей собственной карьеры летчика-испытателя из-за того, что ее муж был переведен из г. Горького в Москву, объясняла различия в воспитании своих двух дочерей и их младшего брата прежде всего этим изменением в семейных обстоятельствах. Однако терминология, использованная в интервью, была основана на концепции гендерно-детерминированного воспитания:

У нас как раз девочек мы воспитывали, как мальчиков, а мальчика, значит, поскольку я стала больше дома находиться, то я больше его... вот он у нас сам готовит, например... он умеет готовить, он сам себе может поесть приготовить, а ему еще только 13 лет. А он уже это делает года четыре. А девочки, когда не было мальчика... папа у нас спортсмен, ему хотелось на лыжах покататься, поплавать. И он брал их с собой. Они у нас с такой высокой горы летели, что у меня дыхание захватило! То есть он их воспитывал в таком спортивном стиле. Они, значит, вот обе прыгали с парашютами, одна и другая. Они катаются на виндсерфинге обе. Я вот не умею, а они умеют. Они катаются на велосипедах, на лыжах, то есть такие спортивные девчонки — как мальчики!

С одной стороны, кажется, что эта мать не видит каких-либо проблем в гендерной инверсии в воспитании своих детей. С другой стороны, у нее есть четкое представление как о том, что в каждом конкретном случае считалось бы «гендерно подходящим» воспитанием, так и осознание того, что соответствовать этой норме она не могла. Такое осознание строгой предписанности и требований, утверждаемых доминирующим дискурсом о гендере, в сочетании с воспитанием, которое этим предписаниям и требованиям очевидно не соответствует, обычно характерно для женщин, не испытывающих недостатка в чувстве собственной уверенности как в обществе в целом, так и в своих личных взаимоотношениях и

«...ТАКИЕ СПОРТИВНЫЕ ДЕВЧОНКИ — КАК МАЛЬЧИШКИ!»...

семейном окружении. Для тех женщин, чей социальный статус находится под постоянной угрозой осуждения, подобное откровенное «пренебрежение» условностями может оказаться недостижимым.

«Я гирыки ему куплю, чтобы он вырос,
ну как, мальчиком...»

Вполне ясным представляется то, что необходимость подчиняться нормам и ценностям, предписанным дискурсами о «правильном воспитании» мальчиков и девочек, была наиболее резко прочувствована женщинами, испытывающими опасение в «неадекватности» гендерного баланса в рамках их домохозяйства. Прежде всего это касается одиноких матерей, растящих сыновей. Тревога этих женщин дополнялась и общественными дебатами в российских средствах массовой информации, сосредоточившихся на проблеме опекунских прав отцов (Леонов 1995), и проблемами в воспитании, связанными с отсутствием у детей мужской ролевой модели (вследствие развода или рождения вне брака). Типичным примером может служить недавняя публикация в журнале «Сельская новь» о матери-одиночке, воспитывающей своего сына и падчерицу. Как объясняет героиня статьи, ее сын умер молодым, потому что стал алкоголиком:

И я вот думаю: может, и не погиб, если бы рос рядом с любящим, заботливым отцом. Мальчика все-таки должен воспитывать мужчина. Даже не словом, не ремнем, а примером. В моей семье не оказалось такого мужчины (Матвеева 2002, 33).

Все проинтервьюированные в 1995—1996 годах матери-одиночки, имеющие сыновей, выразили серьезное сомнение насчет своей способности воспитать из своих мальчиков «настоящих мужчин» в том числе и из-за отсутствия у сыновей мужской ролевой модели. Опасения вызывали не столько потенциальные последствия, которые могут появиться во взрослой жизни сыновей, сколько собственная «неспособность» женщин «привить» своим детям «мужские навыки» и квалифицированно проследить за развитием здоровых «мужских» характеристик и качеств. Так, врач, воспитывающая в одиночку двух дочерей и сына, говорила о своем опасении, что своего сына она воспитывала больше «как девочку», нежели «как мальчика»:

Дать Леше мужское воспитание я стараюсь. Я беру его на лыжах кататься. Но тем не менее я постоянно смотрю, чтобы горлышко было закрыто, то есть женские какие-то черты все равно остаются. Ну, стараюсь. Я гирьки ему куплю, чтобы он вырос, ну как, мальчиком... Но это... все равно это все искусственно, это не то.

Подобно женщинам, процитированным выше, эта мать рассматривает спорт как форму «мужского воспитания». Однако в данном случае спорт сам по себе недостаточен, и мальчику нужен отец или, по крайней мере, мужчина, чтобы воспитание спортом произвело необходимый эффект. В отличие от случая с летчицей, менее нормативные гендерно-ролевые модели воспитания здесь вызывают определенную тревогу. В интервью врач продолжала объяснять, что привила своему сыну такие домашние навыки, как умение стирать и готовить. Показательно, что если для респондентов, процитированных ранее, такой нестандартный подход к воспитанию детей рассматривался как позитивный и даже желаемый шаг на пути формирования их самостоятельности и независимости, то в данном интервью те же самые усилия характеризовались как «неадекватно женственный» уклон.

Попыткой противостоять «неадекватности» стало стремление этого врача воспитать в сыне более «подходящие мужские» качества, что в итоге поставило под угрозу целостность другого комплекса гендерных норм, в данном случае связанных с ее собственным поведением. Работа с сыном по починке приборов воспринималась как «неподходящее поведение» для женщины. В итоге конфликт между собственной идентичностью и нормами воспитания, сформированными строгими требованиями гендерно подходящего поведения, вылился в безвыходную ситуацию:

Ну, полки вот мы с ним делаем, стулья мы с ним ремонтируем. Обидно, но мы с ним ремонтируем вдвоем. Так — хорошо, но это противоестественно. Когда я беру молоток в руки, ну, я это делаю ради сына... Это должен отец делать — держать молоток.

Сходную озабоченность выражали и другие женщины, находившиеся в сходном положении, вне зависимости от их истинных способностей и часто более гибкого подхода к гендерным ролям в других сферах своей жизни. Например, вдова с двумя сыновьями, личная жизнь которой была посвящена испытанию реактивных самолетов — профессия, которой она смогла заниматься, только пройдя и победив огромное количество гендерных ограничений и дискриминационных практик, — была тем не менее убеждена в соб-

«...ТАКИЕ СПОРТИВНЫЕ ДЕВЧОНКИ — КАК МАЛЬЧИШКИ!»...

ственной неспособности обучить своих сыновей базовым навыкам самостоятельности. Несмотря ни на собственную жизнь, ни на реальные домашние обстоятельства, она продолжала настаивать на этой точке зрения. Спустя несколько минут после того, как она рассказала мне о том, что вместе со своим старшим сыном смастерила великолепные деревянные скамейки, на которых мы сидели у нее на кухне, бывшая летчица продолжала:

Я же не смогу стругать-пилить. Я ведь теоретически знаю, как это надо, потому что сейчас много мне приходится делать. Я даже чиню мальчишкины игрушки, научилась там. И вот отвалится где-то, я и прибить могу. Ну, а вот хорошо сделать полку, хорошо сделать шкафчик — у меня просто не хватает сил. Конечно, это уже мужская работа. Я вот хочу, чтобы дети бы научились этому. Они так пытаются мне помогать...

Эти утверждения показывают, что мощному — «корректирующему» — влиянию традиционных дискурсов о гендере подвержены даже те женщины, чей успешный личный опыт наглядно демонстрирует расхождение их карьеры и жизни с нормативными моделями гендерного поведения.

«Он не понимает, как мама, когда ребенка надо кормить...»

Озабоченность, связанная с возможным несоответствием жестким нормам «мужского» и «женского» поведения, как отмечалось, во многом является продуктом вполне конкретных дебатов, связанных с проблематикой полового воспитания. В 1970-х и начале 1980-х годов для советских педагогов и социальных психологов было характерно стремление свести суть многих социальных и экономических проблем к «потере маскулинности», испытываемой советскими мужчинами. Обсуждая этот вопрос в 1977 году, социолог Игорь Кон, например, писал:

Женщина все чаще становится фактически главой семьи. Традиционные черты «мужского» характера во многом связаны с подражанием мальчика отцу. Усиление женского влияния в семье плюс преобладание женского персонала на любой педагогической работе... создают реальную перспективу изменения «мужского» характера, его, так сказать, феминизацию (цит. по: Губкович 1977, 36).

Постсоветские дискуссии на эту тему не стали исключением; так же, как пару десятилетий назад, много внимания уделялось традиционному преобладанию женщин среди учителей и воспитателей и среди тех, на ком лежала ответственность за воспитание детей дома (Л. Е. 1993). Эхом дискуссии о пагубном влиянии отсутствия мужской ролевой модели дома может служить следующий отрывок из интервью с разведенной матерью двоих детей, работающей психологом в реабилитационном центре для малолетних правонарушителей, а до этого — воспитательницей детского сада:

Воспитанием детей заниматься должны не только матери, но и отцы. Ведь вот когда в семье разнополые дети, в основном девочки тянутся к матери, а мальчики, сыновья, тянутся больше к отцу. Потому что у них возникает очень много вопросов как по мужской линии, так и по женской. И мать порой не может объяснить молодому человеку, будущему юноше, те проблемы, которые должен мальчик знать. И поэтому вот в этих, хотя бы в этих, вопросах ребенок должен быть с отцом. И научить его мужским обязанностям, мужской работе по дому, по семье, ну и вообще.

В контексте тезиса о «кризисе мужественности» именно недостаток адекватной и сбалансированной мужской идентичности у самих российских мужчин рассматривается как основная причина появления, например, таких нежелательных симптомов, как апатия и безразличие к обеспечению собственных семей в условиях экономической нестабильности и неспособность относиться к женщинам как должно. Это последнее, как предполагается, выражается либо в нездоровой застенчивости, либо в грубости, неблагоприятном и, еще хуже, жестоком поведении.

Подобный контекст ведет к появлению традиционных негативных стереотипов в представлениях о российских мужчинах, их супружеских и отцовских способностях и качествах, как, например, следует из этого письма читательницы в газету «Семья»:

Сейчас какую книгу или газету ни читай, все об одном твердят: мужчины наши, мол, бедные, работой и комплексами умученные, никто их не любит и не понимает. А потому нам, в лучших традициях русских женщин, надо мужчин опекать и всячески подбадривать. Вранье все это! Вообще они не бедные и не несчастные, только прикидываются, чтобы им работать поменьше да на жену побольше сваливать (Темина 2000).

Стереотипами, в свою очередь, объясняются и причины поиска мужей за границей:

Наши мужчины не знают, чего хотят, купить женщине цветы они не сочтут нужным, а в интимных отношениях — жуткие эгоисты. Воспринимают женщину как обслуживающий персонал — прачку, кухарку. Если у нас жертвенные женщины не редкость, то среди моих соотечественников трудно найти мужчину, который способен быть настоящим главой семьи (Деева 1992).

В контексте дебатов о недостаточном участии мужчины в семейной жизни вообще и в воспитании и первичном образовании ребенка в частности, однако, часто остается незамеченным, что в основе такой ситуации лежат именно те самые гендерные дискурсы, благодаря которым уход и забота о детях ассоциируются исключительно с женщинами. Так, в исследовании, посвященном использованию мужчинами равного права на отпуск по уходу за ребенком и на пособия, полученного после соответствующих изменений в семейном праве в 1992 году, признается, что

препятствием к реализации этого закона стали социально-ролевые стереотипы, введшиеся в наше общество. Массового стремления отцов немедленно использовать эту счастлившую возможность воспитывать собственных детей не замечено по сей день. Образ мужчины, оставившего на время работу и стирающего пеленки, пока чаще вызывает не уважение, а насмешки (Нуркова 1994).

Это скрытое противоречие отразилось и в определенной двусмысленности в утверждениях женщин по поводу ролей, которые мужчина должен или может исполнять как отец. Несколько респонденток заявили, что они поддерживают идею равного участия в воспитании ребенка, часто подкрепляя эти утверждения явными апелляциями к необходимости гендерного баланса в подходах к воспитанию и важности как мужских, так и женских ролевых моделей для маленьких детей.

Однако при обсуждении практических аспектов воспитания женщины часто не могут выйти из лабиринта, вызванного стремлением определить, *какую именно* часть работы по уходу за младенцами и маленькими детьми стоит считать «маскулиной». Например, одна респондентка, с решимостью заявив о том, что «нельзя ребенка воспитывать одному, или мужчиной или женщиной. Нельзя! Ну, ведь природа не такая. Это будет опять перекося», тут же пришла к противоположному выводу: «Мужчина просто не способен воспитывать детей. То есть у него “по-своему”, нужно это терпением каким-то, а у него этого нет!»

Вдова, мать взрослой дочери, бывший инженер-авиатор, теперь находящаяся на пенсии, продемонстрировала сходную логику. Сначала прозвучал тезис о том, что родители должны воспитывать детей вместе:

Когда в семье появляется ребенок, если папа берет его на руки маленького, если он за ним убирает пеленочки, то между ними возникает такая связь, что потом уже он этого ребенка любит всю жизнь. А если его не допускать к нему... Если я, например, скажу: «Не надо! Не трогай! Ты не знаешь как. Я знаю как. Я сама!» Ну, то между ними связь эта обрвется, он к этому ребенку уже не может так сильно привязаться.

Однако, несмотря на понимание всей важности активного участия мужчины в воспитании маленького ребенка, бывшая инженер-авиатор тут же принялась настаивать, что именно мать должна сидеть с ребенком дома, так как

он не понимает, как мама, может быть, когда ребенка надо кормить, как-то. Мать, наверное, чувствует. Как-то это заложено природой. Все-таки она чувствует, когда у ребенка меняется его состояние, что ему надо сделать и так далее.

Убежденность в необходимости участия мужчины в воспитании своего ребенка, таким образом, нейтрализуется не менее сильной убежденностью в том, что мать знает лучше, как это сделать, в силу, видимо, «врожденного» материнского инстинкта. Решения этой головоломки вряд ли можно ожидать в ближайшем будущем.

Выводы

То, что в первой половине 1990-х годов стало возможно успешное сосуществование противоречивых взглядов по поводу гендера в официальных заявлениях и дискурсах и в утверждениях и мнениях конкретных женщин, по крайней мере, частично связано с советским наследием, помогшим утвердить такой двухфокусный взгляд на гендерное равенство и гендерные различия. Открыто отвергнутая постсоветской риторикой, подобная фактическая преемственность тем не менее связывает воедино многие идеалы и роли, утверждаемые «новыми» дискурсами, с широко распространенными практиками и ценностями.

В свою очередь, популярность «постсоветских» взглядов, трактующих гендерные различия как сущностные и неотъемлемые, во

многим поддерживалась заявлением о том, что они воплощают отказ от «советских» традиций и политики равенства. В контексте раннего постсоветского общества начала 1990-х годов подобная оппозиция по отношению к недавнему прошлому была гораздо эффективнее попыток сохранить позитивные элементы старого.

«Естественность» гендерных различий пропагандируется уже больше двух поколений, и «необходимость» таких различий подчеркивается дискуссиями о личных и социальных проблемах, якобы возникающих в результате неправильного развития гендерной идентичности. Таким образом, вопрос о гендерных различиях связывается с воспитанием детей, и ответственность за «правильное» развитие гендерной идентичности у детей ложится, в первую очередь, на родителей.

Делая упор на преемственности, которая связывает постсоветские подходы и практики с советским прошлым, не следует, однако, забывать и о том, что освобождение от идеологического контроля над обществом, который существовал на протяжении советского периода, дало в итоге конкретным людям и их семьям гораздо больше возможностей в реализации более гибких подходов к гендеру и воспитанию. Однако, как свидетельствовали интервью, даже те, кто на практике следовали «нетрадиционным» гендерным моделям, чувствовали потребность защитить необходимость соответствия ожиданиям и нормам адекватного гендерного воспитания, утверждаемым средствами массовой информации, академическими и политическими дискурсами.

Жесткие традиционные взгляды на гендер, которые в первой половине 1990-х годов так сильно насаждались, только подтверждают мнение о том, что уход за детьми и работа по дому являются делом, присущим лишь женщинам, независимо от противоречивых опасений о негативных последствиях для детей, особенно мальчиков, недостаточного мужского участия в воспитании. Подобное состояние дел влияет отрицательно как на мужчин, чьи отцовские возможности оказываются ограниченными, так и на женщин, боящихся собственной неспособности «правильно» воспитать своих детей в одиночку.

Каждая проинтервьюированная мною женщина полностью осознавала, какими должны быть нормы гендерного воспитания; многие из них боялись «нарушить» слишком многие «правила» сразу. В итоге женщины, которые воспринимали свое положение как особенно уязвимое для критики и возможных обвинений в неправильном воспитании детей, чаще всего настаивали на теоре-

тической поддержке традиционных взглядов, несмотря на их несовпадение с собственной жизнью и/или карьерой. В целом такая позиция была характерна для одиноких матерей, в особенности для тех, кто воспитывал в одиночку сыновей. Необходимость осуществления хозяйственной работы по дому, собственный опыт жизни независимой и самостоятельной женщины и — по крайней мере, для некоторых из них — их личные убеждения делали реализацию традиционных норм на практике в лучшем случае проблематичной, в худшем — невозможной.

Замужние матери, которые чувствовали себя более уверенно в отношении собственного семейного статуса, были, как правило, более свободны как в своих оценках опыта, не подходящего под общие нормы, так и в собственной готовности экспериментировать с отклоняющимися от нормы практиками. Подобное отношение резко контрастирует с мнениями многих матерей-одиночек, чья неуверенность в собственной способности воспитать своих детей «правильно» нередко толкала их на путь воспроизводства дискурсов, фактически обесценивающих реалии их собственного опыта.

Таким образом, устойчивое социальное положение женщины способствовало формированию критического отношения к тем установкам и дискурсам, которые они считали неудобными или неприемлемыми; при этом те же самые дискурсы оказывали более сильный негативный эффект на женщин, чье положение и так уже являлось уязвимым.

VI

ПОЛИТИКА ЧАСТНОГО

Олег Рябов

«ИХ ПРАВЫ»: АМЕРИКАНСКАЯ СЕМЬЯ В ЗЕРКАЛЕ СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

— Не того в жизни боишься ты, Анна Григорьевна.
— А я и не боюсь. Чего мне бояться? Не в лесу живем и не в Америке.
— А что, в Америке страшно?
— Страшно. А то бы не писали.

Из диалога героев фильма
«Три тополя на Плющихе»¹

«Отец — подлец. Мамка — хамка. Племянница — пьяница. Брат — дегенерат» — так портретируется «светская американская семья» в одном из выпусков советского сатирического журнала «Крокодил» за 1949 год². Подобные характеристики не были редкостью в пропаганде «холодной войны»; рубрика «Их нравы», существовавшая во многих периодических изданиях, была призвана иллюстрировать как противоположность «нашей» и «ненашей» морали, так и преимущества советского образа жизни. Такие характеристики представляют интерес в плане изучения технологий создания образа семьи Врага.

Гендер занимал заметное место в дискурсе «холодной войны», и в последнее время появился ряд работ, посвященных анализу взаимовлияния гендерного и национального дискурсов в коллективной идентичности американцев в этот период истории, а также исследованиям функций гендера в американских репрезентациях Советского Союза (Cohn 1993; Enloe 1993; Jeffords 1994; Clark 2000; Sharp 2000; De Hart 2001; Tickner 2001). В данной статье мы

¹ Режиссер Т. Лиознова (1968).

² Добавим, что рисунок сопровождается подзаголовком: «Судя по фильмам голливудских киносценаристов» (*Крокодил* 1949, № 22, 11).

бы хотели остановиться на проблеме репрезентаций американской семьи в советской пропаганде и на взаимосвязи этих репрезентаций с представлениями о гендерном порядке США и чертами образа Америки в целом.

Основными источниками стали журналы «Крокодил», «Работница» и «Семья и школа», а также пропагандистские брошюры о семье, относящиеся в целом к периоду «холодной войны», т.е. с середины 1940-х (окончание Второй мировой войны) до середины 1960-х годов (наступление «разрядки»). Апеллирующие к здравому смыслу «обычного советского человека», эти издания были обращены к массовой аудитории³ и могут рассматриваться как достаточно типичные для советской пропаганды этого периода.

Несколько слов о теоретических основах исследования. Гендерный дискурс как система репрезентаций, переплетаясь с другими видами дискурса (национальным, военным, политическим, межкультурным и др.), испытывает их влияние и, в свою очередь, определяет их (Cohn 1993, 228). Это обусловлено прежде всего тем, что, отделяя Своих от Чужих и определяя первое как норму и второе — как девиацию, гендер исполняет роль маркера, механизма включения/исключения, конструирующего символические границы между сообществами (Cohen 1985). Коллективная идентичность, будучи отношением между Своими и Чужими, существует как процесс конкуренции различных дискурсов, соревнующихся между собой за определение «наших» и «ненаших» и, соответственно, за определение нормы и девиации. Свои, таким образом, противопоставляются не только «внешним Чужим», но и «внутренним Чужим». Чужими могут быть внутренние аутсайдеры, которые также исключаются из «коллективного тела»: для того чтобы установить и поддерживать социальный порядок, необходимо провести четкую границу между теми, кто этот порядок признает, и теми, кто его нарушает (Harle 2000, 10). Процесс создания, поддержания и корректировки социального порядка, следовательно, предполагает продуцирование иерархий и асимметрий внутри социума: одни модели поведения признаются эталонными, другие же подвергаются маргинализации или вовсе выносятся за пределы Своего. Подобный эталон будет определяться различными нормами; важное место среди них занимают нормы гендерные. Таким образом, при помощи гендера утверждаются и подтверждаются отношения иерархии и контроля.

³ Например, тираж «Крокодила» в 1964 году составил 2 000 000 экз., «Работницы» в 1966 году — 10 100 000, «Семья и школа» в 1949 году — 50 000 экз.

Светская американская семья (судя по фильмам голливудских киносценаристов). Е. Щеглов (*Крокодил* 1949. № 22, 11)

Крайним случаем Чужих является Враг. Мы разделяем точку зрения, согласно которой образ Врага определяется не только реальными качествами соперничающей стороны, но и теми функциями, которые обуславливают редукцию и референцию составляющих его черт (Aho 1994): поддерживать идентичность социального субъекта, во-первых, и способствовать победе над Врагом, во-вторых. Враг должен порождать чувство опасности, вызывать убежденность в моральной правоте Своих и неправоте — Чужих. Гнев, отвращение, безжалостность — еще один «кластер» чувств, который призван вызывать образ Врага; это предполагает использование такого пропагандистского приема, как дегуманизация Врага. Наконец, Враг должен быть достаточно слаб, чтобы Своих не покидала уверенность в неизбежности конечной победы (Aho 1994; Frank 1967; Harle 2000; Keen 1986; Rieber, Kelly 1991).

«Зримые черты коммунизма»

Сначала нам представляется уместным отметить, как в академическом дискурсе США проблематизируется гендерный порядок советского общества. Как известно, «холодная война» воспринималась по обе стороны «железного занавеса» не только как борьба двух социально-политических систем, но и как дуэль двух сверхдержав, СССР и США. Разделение мира между двумя полюсами продуцировало ма-
нихейское мироощущение, в котором каждый являлся Врагом № 1

для другого⁴. Сама идентичность Америки с середины 40-х годов в значительной степени определялась ее ролью последнего оплота в борьбе с «мировым злом»: противостояние коммунистической России рассматривалось как главная историческая миссия (Sharp 2000, 73). Предотвращение порчи и разрушения незыблемых устоев человеческого сообщества, спасение мира от «империи зла» — эти аспекты борьбы с СССР придавали ей почти религиозный характер (Hartle 2000, 92). Ответ на вопрос «Что есть Америка?», таким образом, зависел от репрезентаций Советского Союза; конструкция тотальной инаковости коммунизма одновременно представляла собой создание идеализированного образа самих Соединенных Штатов (Sharp 2000, 29).

Американский образ СССР конструировался из нескольких источников. Прежде всего тот унаследовал черты Врага №1 Америки. В образе коллективного «Я» американцев важнейшее место занимает их приверженность свободе, и образ Врага №1 наделяется такими чертами, как «деспотизм», «склонность к рабству», «тоталитаризм» — будь то Япония в период Второй, а Германия — Первой мировых войн или Англия времен Войны за независимость (Kennedy 1997, 355). Другим элементом стал антикоммунизм с его богатыми традициями. Наконец, еще одной составляющей явился традиционный образ России и русскости в западной культуре (Рябов 2001). Дискурсивная формация, репрезентирующая Россию как «радикально Иное» Запада, может быть обозначена как *Russianism* и рассмотрена как форма ориентализма (Said 1978). В исследованиях неоднократно отмечалось, что дискурсивные практики ориентализма активно использовались в пропаганде «холодной войны», представляющей СССР в качестве наследника восточных деспотий и страны неизбежного варварства (Wolff 1994, 3; Said 1978, 26; Malia 1999, 69). Советскость при этом фактически отождествлялась с русскостью, а коммунизм портретировался как идеология русская по самой своей сути (Sharp 2000, 86, 134).

Оппозиция «естественное/противоестественное» была едва ли не главной дихотомией антикоммунистического дискурса; противоестественность рассматривалась как искажение человеческой природы (и — нередко — нарушение законов, установленных Всевышним) (Sharp 2000, 42—46). Одной из главных инвектив в адрес коммунистов являлись обвинения в стремлении разрушить естественный порядок взаимоотношения полов; это отразилось и в репрезентациях семьи коммунистического проекта.

⁴ Американцы и русские изображались в пропаганде США настолько противоположными, что даже их биологические характеристики считались различными (Sharp 2000, 133—134).

Характеристика коммунизма как гендерной девиации имеет глубокие исторические корни. Как известно, еще в «Манифесте коммунистической партии» классики были вынуждены парировать обвинения в том, что коммунисты якобы выступают за отмену моногамной семьи и обобществление женщин (Ющенко 1980, 121—122). В мифологии «коммунистического заговора» свое место заняла идея, согласно которой одним из приемов, позволяющих Москве вербовать сторонников среди молодых людей, являлась пропаганда сексуальной вседозволенности (Sharp 2000, 102—103). Впрочем, девиантность гендерного порядка Врага №1 могла изображаться и иначе. Например, сакраментальное «У нас секса нет» широко использовалось и используется в антикоммунистическом дискурсе для репрезентаций Советской системы (и коммунистической идеологии в целом) не только как социальной, но и сексуальной девиации (Riabova, Riabov 2002). Любопытно, что тема «отсутствия секса» в СССР обыгрывалась и в американском антикоммунизме; так, одна из статей в «Ридерс дайджест» за 1982 год была озаглавлена «Top Secret: Is There Sex in Russia?» (Sharp 2000, 133).

Таким образом, доктрина сдерживания, сыгравшая цементирующую роль в идеологии «холодной войны», манифестировалась и через сдерживание коммунистических попыток извратить природу человека в сфере отношений между мужчинами и женщинами (De Hart 2001, 127). В одной из первых работ, посвященных проблеме гендерных аспектов «холодной войны», ее автор Синтия Энлоэ подчеркивает, что помимо соперничества сверхдержав та представляла собой множество поединков за определение маскулинности и фемининности (Enloe 1993, 18—19). В этой перспективе кукла Барби, олицетворяющая ценности американской семьи, может рассматриваться как оружие «холодной войны» (De Hart 2001, 127), подобно, скажем, межконтинентальным ракетам. Образы советских мужественности и женственности изображались как девиантные (Sharp 2000, 101, 119). Еще вышедший в конце 30-х фильм «Ниночка» с Гретой Гарбо в главной роли строился вокруг шаржированного изображения советской маскулинности, противопоставленной маскулинности западной, благодаря которой партийный функционер Нина Якушева и смогла снова стать «нормальной женщиной». Согласно исследованию Джоанн Шарп, в образах советских женщин подчеркивались как трудолюбие и покорность, так и отсутствие грации и «кокетства» (Sharp 2000, 101).

Обвинения в адрес советской системы базировались и на утверждении, что социализм, нарушая должные отношения между полами, порождает в мужчине инфантильность; основа маскулинности —

частная собственность и сопутствующие ей независимость, ответственность, самостоятельность. Коммунизм ассоциируется с феминизацией; в свою очередь, воины «холодной войны» репрезентируются как эталон маскулинности (Tickner 2001, 55; Clark, 2000). Доминирующая американская маскулинность в качестве необходимого элемента включала в себя антикоммунизм, причем, например, «охота на ведьм» сенатора Дж. Маккарти ассоциировалась с борьбой не только против американского коммунизма, но и против зачастую связываемых с ним гомосексуализма и других типов поведения, не укладывающихся в понятия среднего класса о респектабельности (De Hart 2001, 128; Meyerowitz 2001, 115; Tickner 2001, 55).

Помимо традиционных канонов мужественности и женственности преимущества гендерного порядка свободного мира была призвана продемонстрировать традиционная форма отношений между полами. Доктрина сдерживания была артикулирована при помощи образа белой американской семьи среднего класса, состоящей из мужчины-добытчика и жены-домохозяйки. Такая семья портретировалась как безопасное, защищенное место в опасном ядерном мире, воплощая ценности американского образа жизни: свободу, право на частную жизнь, консьюмеризм (Tickner 2001, 55).

«Американские людоеды»

В советской идентичности образ «капиталистического окружения» всегда играл важную роль. Пропаганда строилась на контрасте Своих и Чужих; последние олицетворяли прошлое, реакцию, историческую обреченность, войну, эксплуатацию, бесчеловечность⁵. Пропагандистский лексикон эпохи был насыщен речевыми формулами типа «их мораль», «их смена», «их нравы»⁶ — предполага-

⁵ «На страницах газет постоянно соседствовали статьи типа “Зримые черты коммунизма” и “Американские людоеды”» (Фатеев 1999, 106).

⁶ См. ил. (*Работница* 1965, № 1, 17).

лось, что советский читатель прекрасно понимает, о чьей морали и нравах идет речь. Главным Чужим в годы «холодной войны» стал американский империализм⁷. Его критика, прошедшая в своем развитии ряд этапов (Shirayev, Zubok 2000), особенно активизировалась после появления «Плана мероприятий по усилению антиамериканской пропаганды на ближайшее время» (апрель—май 1949) (Фатеев 1999, 221). В репрезентациях американского империализма советские пропагандисты активно использовали традиции изображения Врага № 1 предыдущей эпохи, германского фашизма⁸, помещая нового Врага в привычную и понятную систему нравственно-политических координат⁹.

Следует заметить, что особенности советской идеологии с ее приоритетом классового над национальным обуславливали портретирование американского народа как жертвы реакции и создание образов «хороших американцев»¹⁰. Наконец, важной чертой пропаганды стала идея связи Внешних и Внутренних Чужих (Bonnell 1997, 191; Harle 2000, 106).

Эти черты пропаганды проявляли себя в картинах американской семьи. Критика американской семьи унаследовала, вероятно, черты антизападного дискурса русской идеи, в котором семейный уклад славян, русских противопоставлялся «Западу» с его индивидуализмом и разобщенностью людей. Основным же источником этой критики явились традиции марксистского анализа буржуазной формы семейно-брачных отношений, берущие начало в «Происхождении семьи, частной собственности и государства». Ф. Энгельс

⁷ «Главная форма образа врага — американский империализм — олицетворяла все ужасы капитализма» (Фатеев 1999, 221). Любопытно, что «Европа» скорее представлялась в качестве своеобразного приза в соперничестве двух основных геополитических игроков, портретировалась как жертва и на страницах журнала «Крокодил» обычно изображалась в женском облике, скажем, в образе Марианны.

⁸ Например: «Американские людоеды идут по стопам гитлеровских разбойников» (Александров 1952, 125; См. также: Фатеев 1999, 65).

⁹ Аналогичные способы репрезентации Врага имели место и по ту сторону океана: «Интеллектуалы “холодной войны” связывали нового врага коммунизма со старым врагом фашизма, характеризую обоих в качестве разновидностей тоталитаризма» (Clark 2000, 37).

¹⁰ Например: «Мораль, господствующая ныне в Соединенных Штатах, чужда национальному духу американцев... Мы, советские люди, относимся с глубоким уважением к американскому народу... И мы знаем, что, несмотря на засилье реакции, американский народ не стоит в стороне от столбовой дороги прогрессивного развития человечества» (Васильев 1959, 64—65; см. также: Фатеев 1999, 113).

и его последователи признавали исторически прогрессивный характер буржуазной семьи и вместе с тем бичевали ее пороки: коммерческий характер брака, подчиненное положение женщины, разврат, порожденные неравенством полов; проституцию как «дополнение» к единобрачию и др. В пролетарской семье основоположники научного социализма видели зародыш будущего социалистического брака; лишь пролетарии, лишённые частной собственности, могут свободно, по любви, заключать браки.

Репрезентации американской семьи были неотъемлемой частью изображения советской семьи как «высшего исторического типа семьи» (Аншин 1956, 4). Довольно многочисленные пропагандистские брошюры и научные исследования, посвященные этому социальному институту в СССР, в качестве обязательного компонента содержали разделы о кризисе буржуазной семьи (например, Аншин 1956; Песин 1955; Светлов 1939). Референтом образа американской семьи выступал образ Своих, задавая соответствующие параметры описания и критерии сравнения; американская семья изображалась сквозь призму тех ценностей, которые были близки и понятны советской аудитории. Загнивание Запада имеет своим проявлением «гниение буржуазной семьи», которая разделяет общую судьбу частной собственности (Светлов 1939, 20). Многообразные проявления этого «гниения» выводились из основных пороков буржуазного общества — культа денег, индивидуализма, обнищания народных масс, бесправия людей труда, расизма, эксплуатации человека человеком, попрания человеческого достоинства, атмосферы страха, мракобесия, культа насилия и войны, человеконенавистничества.

Если советская семья основана на подлинно человеческих отношениях, освобожденных от гнета частной собственности и хищнической идеологии эксплуататорского общества, то между членами американской семьи нет никакой связи, кроме голого бессердечного чистогана, оскверняющего самые святые чувства (Королева 1980, 15)¹¹. Так, одна из книг под названием «Их мораль» начинается с повествования о том, как сын ради денег пошел на убийство собственной матери (Васильев 1959, 5—6).

Отсутствие человеческой теплоты определяется уже самими мотивами вступления в брак. Это не любовь: индивидуальные предпочтения не могут быть реализованы в американском обществе из-за социальных барьеров, брак там носит классовый харак-

¹¹ «Женщина в буржуазной семье заявляет: “Я буду любить того, кто за меня больше заплатит”» (Песин 1955, 7).

тер (Юркевич 1970, 8). Например, в рассказе В. Ардова «Опытные агенты» мистер Уоллуэй — «из некоей заморской страны» — беседует с двумя обыкновенными советскими мальчиками лет десяти-одиннадцати:

- Мама у меня на фабрике работает. Ну, работница...
- О! Иес, понимай. А папа у вас ест?
- Есть. Он офицер. Капитан.
- О! Так не ест возможно: офицер ест челоуек почтенный. Оно не может иметь жена-работниц.
- Это почему же? — с удивлением спросил голубоглазый мальчик. Так бывайт только пропаганда, — хитроумно улыбнувшись, заметил корреспондент.

Горькие реалии американского образа жизни не позволяют ему поверить и в то, что сестра одного из мальчиков, русская студентка, вышла замуж за казаха¹². В результате заморский гость приходит к выводу, что «ему не повезло, что он нарвался на двух опытных агентов советской пропаганды...» (*Крокодил* 1947, № 29, 8.).

Главным мотивом вступления американцев и американок в брак является коммерческий расчет (*Крокодил* 1964, № 7, 8; см. также: 1962, № 27, 3; 1962, № 9, 10)¹³; браки же по любви распространены в рабочем классе и в беднейших слоях интеллигенции (Юркевич 1970, 81). Помимо погони за богатым приданым корысть обнаруживает себя в других формах. Например, рисунок «Женихи поневоле» Г. Валька сопровождается следующим пояснением: «В США женатые призывники получают отсрочку от призыва в армию. Вместо того чтобы идти в казармы, американские юноши призывного возраста ринулись получать спасительные разрешения на брак» (*Крокодил* 1948, № 26, 2).

Образ несчастной любви и сомнительных мотивов вступления в брак дополнялся картиной дисгармоничных супружеских отношений¹⁴. Любовь отсутствует — в самом лучшем случае, это допол-

¹² Проблема этнических и расовых барьеров на пути любви в американском обществе, очевидно, хорошо знакома массовой аудитории после фильма Г. Александрова «Цирк», в 1950—1960-е годы активно эксплуатируется (например: *Работница*. 1966, № 8, 20; Юркевич 1970, 86).

¹³ На другом, коммунистическом, полюсе «семья укрепитя, семейные отношения окончательно очистятся от материальных расчетов, достигнут высокой чистоты и прочности» (Хрущев 1964, 159).

¹⁴ «Женщина в буржуазной семье становится во многих случаях сиделкой своего обесиленного развратом мужа... ибо деловой характер брака заставляет буржуа жениться в более позднем возрасте, чем рабочих и крестьян...» (Песин 1955, 10).

нение к браку-сделке (Фурман 1962, 9). То, что жен (иногда мужей) фактически покупают, порождает такой неприемлемый для советской морали феномен, как брачный контракт, демонстрирующий недоверие супругов друг к другу. Впрочем, брачные агентства и брачные объявления также интерпретируются как «яркое свидетельство коммерческого характера брака» (Аншин 1956, 7; см. также: Песин 1955, 9; *Крокодил* 1964, № 7, 8.) — в «режиме правды» антиамериканского дискурса отличное от советского репрезентировалось как девиантное.

Дисгармония супругов усугубляется неравноправием полов в браке (Песин 1955, 10). В одной из статей сообщается, что такие аспекты женского вопроса, как равная оплата за равный труд или бесплатное медицинское обслуживание матери и ребенка, не интересуют хваленую американскую демократию. Достижения же в сфере равенства полов представлены примерно так:

В штате Алабама мужу запрещается бить жену палкой, которая толще, чем его большой палец, а в штате Джорджия — ремнем, который уже одного дюйма. В штате Небраска мужу вообще запрещается бить жену, если только это «не заставляет ее совершать действие или действия, приносящие пользу ее здоровью» (*Крокодил* 1964, № 18, 12—13).

Семейное насилие выглядит обычным для заокеанского общества явлением. Материал под названием «Сборы обеспечены» информирует советского читателя, что снимается фильм под названием «Как убить собственную жену». Авторы сценария и режиссер уже сейчас уверены в финансовом успехе фильма «ввиду широкого интереса к теме» (*Крокодил* 1964, № 24, 7). А вот пример из рубрики «Анекдоты»:

Джон избил жену и тещу. Судья присуждает его к штрафу в 1020 долларов. «Не понимаю, почему такая странная сумма?» — удивляется подсудимый. «Тысяча — штраф, а двадцать долларов — это налог на развлечения, предусмотренный законом нашего штата» (*Крокодил* 1970, № 23, 14)¹⁵.

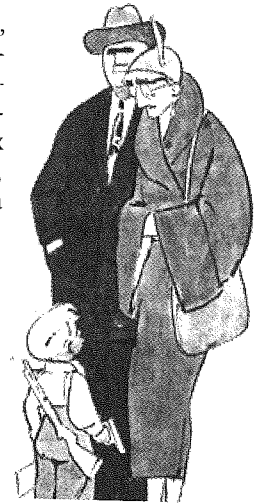
Дисгармоничный союз требует дополнения в виде пороков. Отсутствие любви гонит супругов на поиски удовольствий, поэтому буржуазный брак предполагает как супружескую неверность, так и проституцию (Фурман 1962, 9). Развращенность западного мира — тема, постоянно эксплуатируемая в антиамериканском

¹⁵ Разумеется, у анекдота свои законы жанра, но попытаемся представить, что этот анекдот начинался бы со слов: «Иван избил жену и тещу»...

дискурсе. Половая распущенность и мужчин и женщин¹⁶, сопровождаемая венерическими заболеваниями и всевозможными извращениями (Светлов 1939, 22—23; Песин 1955, 10—11; Королева 1980, 31), во многом порождена пропагандой секса, преследующей цель всеми способами отвлечь американцев от серьезных социальных проблем (Васильев 1959, 46)¹⁷.

Другой аспект репрезентаций американской семьи связан с отношениями между детьми и родителями, основная черта которых — полное отчуждение поколений, порожденное самой сущностью капиталистической системы. Забота о собственных интересах — основа американского общества — приглушает родительские чувства¹⁸. Дети отвечают тем же, воспринимая родителей как чужих, посторонних людей. Неудивительно, что, вырастая, дети не заботятся о престарелых родителях (например, в карикатуре М. Черемных «Заботливый сын» — *Крокодил* 1948, № 21, 12). Дружная буржуазная семья изображена на рисунке со следующим текстом: «Мама, дай твой пальчик, я с него отпечаток сниму! — Что за глупая игра! — Это не игра, а поручение ФБР» (*Крокодил* 1954, № 11, 8)¹⁹. Мысль об ответственности самих буржуазных родителей за такое воспитание, очевидно, призвано подчеркнуть название рисунка — «Доигрались».

Впрочем, и родители и дети часто изображаются скорее как жертвы американско-

¹⁶ «Нетрудовая сытая жизнь буржуазной женщины, скука, освобождение ее от всякого ухода за ребенком, чтение порнографической литературы, посещение театров и кино, также проникнутых эротикой, толкают буржуазную женщину на тайные любовные похождения, делают ее развращенной» (Светлов 1939, 22; см. также: Песин 1955, 11).

¹⁷ Кстати, на пропаганду секса и насилия в кино возлагалась ответственность и еще за одну проблему американской семьи — увеличение числа детей, рожденных вне брака (Васильев 1959, 45).

¹⁸ «Малодетность буржуазной семьи» свидетельствует о нежелании американцев заводить детей, что объясняется их заботой лишь о самих себе (Светлов 1939, 24); другое объяснение — неуверенность в завтрашнем дне (Юркевич 1970, 24).

¹⁹ Всевластие родителей приводит к тому, что дети жадуют смерти своих отцов и матерей (Фурман 1962, 10; см. также: Песин 1955, 19).

го общества. Оно устроено таким образом, что папы и мамы почти лишены возможности принимать участие в воспитании детей. Все стороны жизни в Америке находятся под контролем, и родители не в состоянии противостоять всемогущей пропагандистской машине империализма. «Раствление детей буржуазной культурой» являлось одной из тем арсенала бойцов идеологического фронта²⁰. Поэтому девиантность поведения американских детей, их склонность к насилию удивления у читателя не вызывают²¹ (здесь уместно вспомнить одну из киноновелл, «Вождь краснокожих», популярного в СССР фильма «Деловые люди» режиссера Л. Гайдая по рассказам О. Генри). Одним из основных виновников детской преступности называется американское кино. Рисунок под названием «Голливудское воспитание», например, сопровождается следующим диалогом американки и ее совсем юного сына: «Ко дню рождения, Джек, я подарю тебе часы. — Подари лучше револьвер, тогда часы я сам добуду» (*Крокодил* 1948, № 27, 2). В рассказе Л. Ленча «Детки» советский читатель знакомится с десятилетним мальчиком и девятилетней девочкой, которые терроризируют своих родственников. Виноваты их любимые фильмы: «Дочь-убийца», «Изверг», «Загадочный череп», «Семь виселиц», «Отравительница Пегги» и т.д. (*Крокодил* 1948, № 10, 4). Словом, образ жизни юных американцев заставляет вспомнить еще одно популярное в те годы пропагандистское клише «Два мира — два детства».

Показывая, что у американских империалистов нет будущего, советская пропаганда вместе с тем призывала не терять бдительность, демонстрируя, как Враг готовит себе смену. Так, многие

²⁰ К примеру: Чуковский 1949, 4; Бровченко 1954, 30; Корецкая 1963, 66—68. См. также ил. — Б. Лео «Еще об «американском образе жизни»» (*Крокодил* 1959, № 18, 16).

²¹ Так, сообщается, что 50% всех преступлений в США совершаются детьми (*Семья и школа* 1950, № 6, 3).

материалы «Крокодила» посвящены теме тлетворного влияния родителей на детей в США²²; на фотографии, названной «Их страна», изображены дети в форме «фашистской организации Ку-клукс-клан» с комментарием «Старые гангстеры и громилы готовят себе смену» (*Крокодил* 1949, № 6, 7)²³.

Как жертва американской системы портретируется пролетарская семья. Внешне представители трудовой Америки более похожи на советских мужчин и женщин, но их лица, как правило, полны отчаяния. Радость родительства у мужчин отравлена тем, что они не могут прокормить семью и, скажем, купить понравившуюся ребенку игрушку, у женщин — что дети лишены возможности получить образование²⁴. Еще большее сочувствие читателей при-

²² Эксплуататоры должны воспитывать эксплуататоров: «...весь строй жизни буржуазной семьи ведет к воспитанию у детей буржуазной морали: жажды наживы и стяжательства, эгоизма, презрения к труду и людям труда, ненависти и враждебности к борьбе народов за демократию, социализм и прогресс» (Фурман 1962, 11).

²³ Развитие этой темы можно увидеть на рисунке Е. Шукаева (*Крокодил* 1964, № 7, 12).

²⁴ Рисунки Л. Бродаты «Все для войны» (*Крокодил* 1951, № 9, 9) и «Ученые — свет, а неученые — Новый Свет» (*Крокодил* 1948, № 22, 1).

... Дети, это для структурной семьи
... Их мать, дочь или кто-то еще следуют им
... как паразиты!

званы пробудить изображения негритянских семей (например, рисунок М. Абрамова «Хижина дяди Сэма и хижина дяди Тома» (Абрамов 1982, 28).

Разумеется, в тех же журналах писали и о негативных явлениях семейной жизни советского общества: браках по расчету, безответственных родителях, неблагодарных детях. Однако изображение советских недостатков, в отличие от американских, всегда дополнялось положительными примерами — даже в сатирическом «Крокодиле». Кроме того, они интерпретировались в качестве пережитков прошлого, которые будут преодолены в скором времени. Само понимание негативных явлений как наследия предыдущей эпохи, как «родимых пятен» эксплуататорского общества заставляло искать параллели (а иногда и связь, духовную или даже политическую) между Внутренними и Внешними Чужими (и, кстати, трактовать пережитки в качестве одной из форм классовой борьбы — Светлов 1939, 17). Таким образом эта связь обозначена, например, в фельетоне Д. Беляева «Стиляга» (с многозначительным подзаголовком «из серии “Типы, уходящие в прошлое”»). Предмет гордости главного героя, поведение которого далеко выходит за рамки идеала советской маскулинности²⁵, — носки — были так ярки, что, по оценке автора фельетона, казалось, были сделаны из кусочков американского флага²⁶. Тема получает развитие в многочисленных карикатурах на «стиляг»; их преклонение перед Западом показано на рисунке А. Баженова.

Таким образом, репрезентации американской семьи явились одним из видов оружия «холодной войны». Гендер выполнял важную функцию в процессе инаковизации Соединенных Штатов в советской пропаганде: девиация социальная была представлена и как девиация гендерная. Репрезентации американской семьи стали одной из составляющих конструирования Врага.

Среди дискурсивных стратегий создания образа семейного порядка в обществе Чужих могут быть отмечены, во-первых, акцентирование

²⁵ «Мне лично плюнуть хочется» — такое негодование вызывает «стиляга» у одной из «нормальных советских девушек» (Крокодил 1949, № 7, 10).

²⁶ Случайно или нет, но тот же номер содержит обилие материалов, посвященных «борьбе с космополитами» — например, «Пигмеи и гиганты», «Сноб-космополит». В рассказе Л. Ленча «Случай с космополитом» описываются «критик Муттен, худой, жердеобразный мужчина, с длинной, похожей на пробочник шеей» и его жена Прозерпина Григорьевна, «пухляя томная дама» (Крокодил 1949, № 7, 8).

А. Баженов (Крокодил 1957, № 7, 14)

рование внимания на отличиях от Своих, причем эти отличия, вторых, были представлены как нечто ненормальное. Наконец, подчеркивание связи семейного неблагополучия американского общества с другими сторонами образа Америки преследовало цель продемонстрировать, что они отнюдь не случайны (в отличие от советских) и обусловлены самой сущностью капиталистической системы. Образ семьи был призван вызывать те же чувства, что и образ врага в целом: убежденность в исторической обреченности соперника, моральное негодование, уверенность в собственной правоте и нравственном превосходстве и — несмотря ни на что — чувство страха.

Наталья Данилова

ПРАВО МАТЕРИ СОЛДАТА: ИНСТИНКТ ЗАБОТЫ ИЛИ ГРАЖДАНСКИЙ ДОЛГ?

В России продолжается затянувшаяся эпоха реформирования институтов власти. Одним из институтов, переживающим бурную эпоху трансформаций, является армия. Изменение принципов комплектования армии, легализация права граждан на альтернативную службу обозначают новое качество отношений между армией, обществом и государством. В связи с этим общественные объединения «солдатских матерей» представляют интересный объект для социологического анализа, так как их деятельность затрагивает одновременно интересы семьи, роль матери и становление принципов правового государства и развития гражданского общества в России. Социологические основания деятельности организаций «солдатских матерей» как в рамках гендерной теории, так и теории военно-гражданских отношений и стали предметом научной рефлексии в представленной работе.

Эмпирическим материалом в этой статье служит деятельность организаций «солдатских матерей» Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Однако в строгом смысле место и объект исследования — это только толчок к дальнейшим размышлениям. Поэтому представленный материал скорее можно рассматривать в качестве развернутой аргументированной гипотезы, для доказательства которой, безусловно, требуются дальнейшие исследования. Данная тема только начинает привлекать внимание исследователей, и именно недостаток объяснительных моделей заставляет искать новые интерпретационные возможности.

По ходу статьи я пыталась придерживаться следующей логики. Для начала выделила два разных основания-значения, определяющих деятельность организаций «солдатских матерей», и обозна-

ПРАВО МАТЕРИ СОЛДАТА: ИНСТИНКТ ЗАБОТЫ ИЛИ...

чила их условно как «материнский» и «гражданский» подходы. Принцип их выделения заключается в разных способах обозначения статуса объекта деятельности организаций «солдатских матерей»: кем для них является призванный — солдатом? сыном? защитником Родины? гражданином? Что лежит в основе деятельности организаций «солдатских матерей»: право? гражданский долг? материнские чувства? Выделение значений осуществлялось на основе наблюдения, анализа программных документов организаций «солдатских матерей», интервью — бесед с лидерами и членами организаций¹.

Анализ выделенных подходов в статье развивается по двум проблемам: армия и отношение к войне. Сознательное ограничение анализа этими сферами объясняется их наибольшей проблематизированностью и актуальностью для российского общества.

История «солдатских матерей» в России

Существуют несколько версий истории создания организаций «солдатских матерей». Так, в своем исследовании Елена Здравомыслова выделяет 1987 год как ключевую дату создания Комитетов солдатских матерей (КСМ) (см. подробнее Здравомыслова 1999, 51—62). Тогда состоялся суд по делу Артураса Сакалаускаса, ставший дополнительным стимулом к реализации «методики поэтапной профилактики неуставных взаимоотношений» в армии. Получив большой резонанс благодаря публикации в «Ленинградской правде», дело Сакалаускаса о дезертирстве и убийстве им караула стимулировало бурную дискуссию в прессе по всей стране. В ходе обсуждения было установлено, что причиной убийства караула в состоянии психологического аффекта послужили неуставные отношения в армии. Инициатором создания Комитетов солдатских матерей выступило Министерство обороны: по всей стране при военкоматах стали создаваться аналогичные организации. Целью их было осуществление гражданского контроля над армией. Однако в полной мере реализации этой цели препятствовала

¹ Метод, используемый в данной статье, можно назвать «качественным анализом», дискурс-анализом, открытым-осевым кодированием. Суть метода заключается в выделении и анализе ключевых значений — кодов, описывающих изучаемое явление. Более подробно о методе см., например: Страусс, Корбин 2001; Семенова 1998 и др.

финансовая зависимость Комитетов от армии, которую они должны были контролировать.

Другую версию представляет правозащитница, сотрудница общества «Мемориал» Людмила Вахнина. Она считает, что «сильнейшим стимулом к объединению и активным действиям стал призыв в армию весной 1989 г. студентов первых курсов вузов» (Вахнина 2002, 16—18). Создание Комитета солдатских матерей, в который вошли представительницы Москвы, Киева, Вильнюса, Еревана, Челябинска, Петрозаводска и других городов, позволило вернуть 176 тысяч юношей «обратно на студенческую скамью».

Актуализации обсуждения проблем службы в армии способствовала затянувшаяся война в Афганистане 1979—1989 годов, а также изменение внутренней политической ситуации в стране в целом, связанное с наступлением эпохи гласности и перестройки. Обострение политической обстановки в обществе, коренное реформирование государства и появление возможностей для независимой общественной деятельности позволило приступить к организации независимых объединений «солдатских матерей». Одним из основных факторов стал закон «Об общественных объединениях», принятый Верховным Советом СССР от 9 октября 1990 года и действовавший до мая 1995-го. В этом Законе разрешительный порядок формирования общественных объединений был впервые заменен на регистрационный (Зеликова, Фомин 1996). В результате в качестве альтернативы «карманным» комитетам солдатских матерей при военкоматах стала формироваться параллельная структура независимых общественных объединений «солдатских матерей».

Следующим толчком к увеличению численности организаций «солдатских матерей» стали вооруженные конфликты в Чеченской Республике (1994—1996 гг. и 1999—2001 гг.). Привлечение призывников к участию в боевых действиях в Чечне и, как следствие, увеличение численности раненых, погибших, без вести пропавших в Чечне, при отсутствии или ограниченности официальной информации о ходе военных действий, послужили стимулом к объединению родителей участников военных действий в Чечне, родителей погибших и будущих призывников. Создание этих общественных объединений приходится на 1995—1996 годы.

Таким образом, можно выделить три основных фактора, стимулирующих создание организаций «солдатских матерей». Во-первых, это демократические преобразования в стране, которые привели к большей открытости политической системы, гласнос-

ти в обсуждении проблем армии; во-вторых, это законодательно закрепленные возможности для осуществления общественной деятельности граждан; наконец, в-третьих, это войны и вооруженные конфликты, к участию в которых привлекаются призывники, а также высокая степень насилия, травматизации и смертности в российской армии в мирное время.

За исключением зависимости формирования сектора общественных организаций «солдатских матерей» от специфики военных действий и ситуации в армии, развитие этого сектора общественных объединений укладывается в общую историю развития общественных объединений граждан в России (Беляева 1997). Как отмечают исследователи формирования сектора благотворительных организаций в России Ю. Зеликова и З. Фомин, регистрационный порядок формирования, хотя и был важным демократическим завоеванием, сразу же поставил общественные организации в очень трудное положение, поскольку полностью лишил их финансовой поддержки государства. Организации «солдатских матерей» по закону не имели льгот и поэтому должны были искать иные способы самообеспечения. Одной из стратегий являлось осуществление пропагандистской, просветительской деятельности организаций, публикация справочной информации, а также сотрудничество с западными правозащитными объединениями и фондами. Такую стратегию реализует общественная правозащитная организация «Солдатские матери Санкт-Петербурга». Финансовой основой их деятельности являются единоразовые отчисления спонсоров, платные справочные услуги для призывников и их родителей, юридические консультации, публикации справочных материалов о защите прав призывников и военнослужащих срочной службы.

Другой способ заключался в том, что организации не регистрировались как объединения «солдатских матерей», а присоединялись к организациям «родителей участников, инвалидов и погибших в войне в Афганистане». Эти организации стали частью Российского фонда инвалидов войны в Афганистане и в соответствии с полученными льготами пытались решить свои проблемы. Примером такой организации может служить Санкт-Петербургская организация инвалидов войны и членов семей погибших в республике Афганистан, образованная в 1990 году. Эти организации поддерживали с организациями «солдатских матерей» партнерские отношения.

На данный момент в России существует разветвленная сеть организаций «солдатских матерей», состоящая из комитетов «солдатских матерей» при военкоматах, независимых общественных

организаций «солдатских матерей», общественных правозащитных организаций «солдатских матерей». Все они пытаются наладить связь друг с другом и установить партнерские отношения. Однако чаще всего сеть организаций разорвана и децентрализована, а связи между организациями по большей части ограничены регионом их функционирования.

Сыновья и граждане

Как уже отмечалось, анализ основных кодов, обозначающих статус объекта деятельности организаций «солдатских матерей», позволил выделить два подхода: *материнский* и *гражданский*. Типология, разумеется, является условной; устанавливать историческую последовательность этих подходов в данном случае не стоит. Рассмотрим их подробно.

Материнский подход

Принадлежность к организации «солдатских матерей» во многом определяется объективным и символическим статусом материнства. Принцип «материнской заботы» о здоровье и будущем своих сыновей становится основным мотивом этого подхода. «Матери отвечают за своих сыновей», «матери — родительницы жизни...», «кто, как не мать, позаботится о своем сыне» — такими категориями определяют суть своей деятельности «солдатские матери». Категория «материнской заботы» в данном случае получает свое распространение на всех юношей, для которых служба в армии может стать актуальной проблемой. В итоге, благодаря такой позиции, вся структура общественных отношений рассматривается как воплощение структуры семьи, где матери заботятся о своих взрослых детях — сыновьях².

В теоретическом плане проблема взаимоотношений матерей и взрослых детей остается малоизученной. Для первоначального определения сути материнской заботы может быть использована психосоциальная теория Нэнси Ходоров (N. Chodorow) (Ходоров 2000, Чодороу 2000). В этой теории утверждается идея социальной

² Формирование патриархальной структуры отношений в российском контексте подкрепляется существованием устойчивых представлений о роли матери-родительницы в обществе (см.: Здравомыслова 1999, 60).

сконструированности феномена материнской заботы в ходе рождения и воспитания ребенка. В результате постоянного воспроизводства системы ожиданий, согласно которой считается, что «женщины по своей природе должны заботиться о детях всех возрастов, а также убежденности в том, что «материнские» качества женщины могут и должны проявляться в других сферах их деятельности» (Ходоров 2000, 162), в обществе утверждается феномен материнской заботы. Эта же система порождает «женщин, направляющих свою энергию на воспитание детей и заботу о детях, которые затем воспроизводят разделение труда по признаку пола в семьях, где женщина (как и прежде) осуществляет материнскую заботу» (Ходоров 2000, 163).

Положения психосоциальной теории Ходоров могут помочь объяснить происхождение и социальную заданность материнской заботы в обществе, но не позволяют объяснить феномен формирования общественного движения для выражения функции материнства по отношению к призывникам и солдатам. Поэтому для интерпретации феномена «солдатских матерей» положения теории Ходорова необходимо подкрепить как анализом социального и экономического распределения ролей в семье и в обществе, так и анализом положения армии в конкретный исторический период.

Так, например, развитие *движения* «солдатских матерей» в Соединенных Штатах Америки характеризовалось постепенным изменением состава участниц этого движения. Целью формирования первых организаций матерей призывников, появившихся в 1917 году — со времени начала призыва для участия в Первой мировой войне, — было преодоление ожидаемого сопротивления матерей к организации призыва на военную службу (De Volo 1998). В последующий период акценты несколько сместились. Как отмечает американская исследовательница Теда Скочпол, организации «солдатских матерей» стали состоять из женщин, чьи сыновья погибли или получили увечья в ходе военных действий (Skocpol 1992). Организация системы социальной поддержки «солдатским матерям» в период после Первой мировой войны фактически являлась следствием ограниченных возможностей женщин самостоятельно обеспечивать себя или своего сына, покаленного на войне. Гибель сына была смертью кормильца, который должен был бы обеспечивать своих родителей в старости.

Следует отметить, что в России армия призывного типа, построенная по принципу призыва на военную службу граждан, была возобновлена в 1937 году (Казаков, Сазонов 1999). Вследствие рас-

пространения призыва и постепенного снижения среднего возраста призывников в разных странах на протяжении XX века³ складывалась следующая ситуация. Снижение возрастных границ для призывников сопровождалось процессом повышения возраста социальной компетентности молодежи. К восемнадцати годам спектр экономических и социальных ресурсов, доступных молодому мужчине, для начала самостоятельной жизни оказался существенно ограничен, ставя молодого человека в зависимость от материальных и моральных ресурсов его родителей.

На фоне снижения возраста социальной ответственности и сложившегося призывного типа комплектования армии предсказуемым результатом такого процесса «омоложения» подавляющего состава военнослужащих в России становится существенное повышение роли родительской семьи для солдат срочной службы. В условиях слабости или полного отсутствия институтов, способных отстоять соблюдение прав граждан в российских вооруженных силах, семья — и мать в особенности — становится единственным источником материальной и правовой помощи для своего сына. Соответственно и общественные организации «солдатских матерей», декларируя заботу о жизни, здоровье, чести и достоинстве сыновей, призванных на службу в армию, прежде всего ориентируются на помощь родителям призывника. Они подчеркивают, что только семья при соответствующем знакомстве с законодательством может обеспечить полноценную защиту прав призывника⁴. С одной стороны, это акцентирование роли семьи свидетельствует о незрелости институтов защиты гражданских прав в современной России. С другой — публичное выражение «материнской заботы» как формы коллективного действия и обоснования защиты прав молодого человека способствует символической инфантилизации мужчин, отдающих дело защиты своих прав в руки матерей.

Гражданский подход

В рамках этого подхода организации матерей обозначают свою деятельность как форму «зарождающейся сферы гражданского

³ В России на данный момент границы призывного возраста определяются возрастом в 18—27 лет.

⁴ Сайты общественной правозащитной организации «Солдатские матери Санкт-Петербурга», <http://mothers.nm.ru/>, <http://www.soldiersmothers.spb.org>.

общества» в России. В этом контексте деятельность организаций «солдатских матерей» представляется в категориях защиты прав человека и гражданина. В полной мере такой подход реализует организация «Солдатские матери Санкт-Петербурга». В публичной риторике организации преобладают категории «гражданин», «человек», «защита прав человека» (Виленская, Полякова 1999, 160—169). З. М. Полякова (руководитель организации «Солдатские матери Санкт-Петербурга») в своей речи на Международном конгрессе организаций «солдатских матерей» под лозунгом «За жизнь и свободу» (1995, 25—26 февраля) отмечает:

Мы сталкиваемся вчера и сегодня с нарушением в ВС РФ прав наших детей на жизнь и здоровье, на честь и достоинство, с нарушением наших прав на информацию. Причины этого: низкое правосознание граждан, апатия общества, безответственность власти, отсутствие данных, позволяющих оценить действия власти и состояние ВС РФ... Мы не Комитет. *Наша цель — способствовать формированию гражданского общества и правового государства в России...* Мы пришли сюда, чтобы работать вместе с вами. Мы не собираемся просто что-то делать за вас. Это ваша ответственность — ответственность вашей семьи. Вы должны сами себе помочь защитить ваши неотъемлемые права. «Помоги себе с нашей помощью» — вот лозунг нашей организации (цит. по: Здравомыслова 1999, 61—62).

Правозащитная направленность, активная позиция организации, в отличие от матриархатной направленности комитетов, подчеркивается уже самим названием организации — общественная *правозащитная* организация. Организация сотрудничает с такими влиятельными российскими правозащитными объединениями, как международное, историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал», и западными правозащитными организациями и фондами. Развитие правовой культуры, проведение правового ликбеза среди населения рассматриваются как эффективный инструмент защиты прав призывника и военнослужащего срочной службы (см. подробнее: Здравомыслова 1999, Hinterhuber 1999).

Для представления своей позиции лидеры и члены организации в публичных выступлениях и официальной прессе стараются подчеркнуть именно гражданский статус проблемы, для решения которой созданы организации, отгесняя личные связи (мать—сын), интересы одной отдельно взятой семьи на второй план. Выбор этой позиции выражает попытку вывести проблему с микроуровня семейных отношений, т. е. с уровня родительской/материнской

заботы, на уровень общеправовой проблематики, когда ответственность за обеспечение жизни и здоровья индивида берет на себя закон. Организации «солдатских матерей» подчеркивают, что они выполняют прежде всего просветительскую и образовательную функции и действуют на основе права.

В данном случае происходит перенос акцентов с «женской», материнской морали, реализуемой в «материнском» подходе, в сторону «мужской» морали закона и права. Категории «женской» морали как заботы и ответственности и «мужской» морали, базирующейся на приоритете абстрактных понятий права и справедливости, заимствуются из теории жизненного цикла Кэрол Гиллиган (Гиллиган 2000).

Применение категорий права действительно позволяет сделать проблему призывников публичной и ввести ее в рамки дискурса гражданских прав. Однако использование только правовых значений не оставляет возможности для выражения личной заинтересованности семьи и матери в обеспечении прав ее сына. Возможно, именно безличность и абстрактность права, при общей низкой правовой компетентности подавляющего числа российских граждан, препятствует распространению данного подхода среди «солдатских матерей».

Поскольку ни один подход сам по себе не в состоянии обеспечить достижение намеченных целей, организации «солдатских матерей» предпочитают в разной степени сочетать оба подхода. «Гражданский» подход в большей степени используется в публичной сфере организациями, активно участвующими в правозащитном движении. Абстрактность правозащитной тематики компенсируется в приватном пространстве, когда для обоснования названия и смысла деятельности организаций «солдатских матерей» подчеркивается их «материнская» функция, забота о жизни и здоровье своих сыновей. В результате стратегия организаций, стремящихся сочетать оба подхода, характеризуется некоторой противоречивостью при одновременном использовании для обоснования своей деятельности разных кодов: гражданских прав в публичной сфере и материнской заботы — в приватной.

Иная ситуация складывается, когда организация следует принципам «материнского» подхода как на публичном, так и на приватном уровне. Эта позиция позволяет реализовать более последовательную и непротиворечивую позицию в обосновании деятельности организации. Однако эта же позиция ведет к тому, что формулировка проблем нарушения прав призывников и солдат оказы-

вается «замкнутой» дискурсивными возможностями отдельной семьи, не позволяющими «вывести» эти проблемы на государственный уровень.

Служба в армии: зло и благо

Акцент на том или ином подходе во многом определяет отношение организаций «солдатских матерей» к такой ключевой сфере их деятельности, как армия. В российском обществе в последние годы разгорелись бурные дискуссии о том, какой должна быть российская армия. Должна ли она стать профессиональной или продолжать комплектоваться на основе всеобщей воинской обязанности, по призыву? Возможна ли трансформация «почетной гражданской обязанности» в форму реализации права гражданина, способного выбрать наиболее приемлемый для него способ «возвращения» долга Родине⁵? В дискуссии об альтернативной службе активное участие принимают организации «солдатских матерей», которые предъявляют аргументы «за» и «против» альтернативной службы. Попробуем объяснить эти противоположные позиции с точки зрения представленных «материнского» и «гражданского» подходов.

«Армия нужна для всех мальчишек»

С точки зрения «материнского» подхода служба в армии рассматривается как *школа мужества*, необходимая для воспитания качеств «настоящего мужчины». Проиллюстрировать эту точку зрения можно отрывком из интервью одной из лидеров организации «Солдатская мать»:

...Я, я вообще считала, что... ну вот в наше время было такое понятие, что, если молодой человек не служил в армии, он даже не мужчина, с ним девчонки бы даже не встречались, вот. И вообще это, военная служба, это как бы *школа мужества*, просто любому мальчишке необходимо пройти ее. Тем более что сейчас много семей, в которых именно мамы одни воспитывают мальчишек, и поэтому еще армия необходима. Он действительно там *станет мужчиной*. У меня тоже так же, мы тоже так же рано расстались с мужем, когда сын пошел в школу в пер-

⁵ О военной службе в России как составляющей гражданского статуса индивида см. подробнее: Данилова 2002.

вый класс. И поэтому я даже не задумывалась о том, считала, что армия — это долг родине и отдать надо, святое дело, и он там будет действительно человеком, многое познает. Потому что мама никогда не сможет дать столько, сколько армия. Потом даже чувство дружбы, друзья, ответственности перед друзьями. Вообще на армию всегда возлагалась большая надежда. Да и вообще, чувство патриотизма еще у нас не убито. Да и он сам с желанием... Что действительно сам себя просто уважать перестал, если бы стал избегать армии (Иванова А. Б.)⁶.

В интервью представлено обоснование роли армии с точки зрения замены функции отца в воспитании юноши в неполных семьях. Информантка, мать-одиночка, воспитывающая двух сыновей, рассматривает армию как единственную возможность привить сыну качества «настоящего мужчины» и поэтому сама настаивала на службе. Следует отметить, что сын во время службы в армии получил серьезную травму и стал инвалидом III группы. Однако это не изменило отношения матери к армии как институту мужской социализации, который, естественно, нуждается в реформировании, но, тем не менее, является необходимым и даже обязательным для всех юношей:

...И вот потом после всех мытарств я выхожу на комитет «Солдатские матери Санкт-Петербурга». Там была Элла Михайловна Полякова⁷, которая... как раз у нас с ней разногласие в том, что она против вот этой армии, а наши матери (матери комитета Выборга) — они никогда не будут так. Они вот за нашу армию, за российскую, чтобы она такой, как была, может быть, и частично на альтернативной основе. Но всю армию такой, я считаю, нельзя делать. Я считаю, что армия нужна для всех мальчишек (Иванова А. Б.)⁸.

Примечательно, что представительницы этой организации отправили письмо с подписями матерей, родителей военнослужащих срочной службы, ветеранов и участников войн в Министерство обороны, изложив в нем свои аргументы против профессиональной армии и либерализации условий альтернативной службы.

⁶ Отрывок из интервью от 18 июня 2002 года с лидером организации «Солдатская мать» г. Выборга, матерью солдата, участвовавшего в боевых действиях в Чечне (1994—1996 гг.).

⁷ Имеется в виду общественная организация «Солдатские матери Санкт-Петербурга», председателем которой является Элла Михайловна Полякова.

⁸ Отрывок из интервью от 18 мая 2002 года с лидером организации «Солдатская мать» г. Выборга, матерью солдата, участвовавшего в боевых действиях в Чечне (1994—1996 гг.).

Источник всех проблем российской армии матери видят в недостаточном финансировании вооруженных сил и, главное, в недобросовестном выполнении офицерским составом своих обязанностей. В идеале армия видится как институт «воспитания» мужчин, в котором офицеры полностью выполняют свои обязанности и в полной мере несут ответственность за случаи неуставных отношений; в свою очередь солдаты в ходе службы имеют возможность получить ряд полезных профессиональных навыков (научиться водить машину, овладеть навыками ремонта оборудования и т.д.):

... Только армия должна дать гарантии о здоровье наших сыновей. Я мать и хочу быть спокойна за своего сына. Пусть он там научится полезным навыкам, может там машину водить, ремонтировать что-нибудь, ну я не знаю. Ведь все эти несправедливости в армии оттого, что офицеры не выполняют своих обязанностей. Если бы как-то все за этим следить и наказывать того, кто там за ребятами не следит, или того хуже — над ними же измывается, то в армии все будет хорошо. И такая армия нужна (Петрова Н. М.)⁹.

Представительницы «материнского» подхода не претендуют на полный контроль над ситуацией в вооруженных силах, речь скорее идет о значительном повышении степени ответственности армии за жизнь и здоровье их сыновей. Однако ясно, что, хотя снижение числа травм и количества потерь в армии в мирное время является одной из важнейших задач реформирования российских вооруженных сил, абсолютных гарантий жизни и здоровья ни одна армия дать не в состоянии. Потери и жертвы неизбежны в любых условиях.

Подобное сочетание восприятия армии как института мужской социализации с требованиями максимальной безопасности является, безусловно, противоречивым. Остроту этого исходного противоречия пока скрывает общее состояние российской армии, не способной обеспечить даже минимальных гарантий жизни и здоровья солдат.

Примером позитивного восприятия службы в армии в рамках «материнского» подхода может служить анализ отношения к армии матерей в Израиле. Так, исследовательница Р. Мазали, сама

⁹ Отрывок из интервью от 20 мая 2002 года с Петровой Н. М., членом организации «Солдатская мать», матерью солдата, участвовавшего в боевых действиях в Чечне (1994—1996 гг.).

активная участница антивоенного движения, отмечает, что формы выражения ее отрицательного отношения к армии и военным действиям изменились после поступления сына на службу. Служба сына в армии создала ситуацию, в которой позиция матери оказалась в конфликте со всем, что являлось важным и дорогим для сына и для большей части израильского общества. Ставя семейные отношения выше собственных политических принципов, для сохранения мира в семье мать выбрала стратегию «молчания» как формы поддержки сына (Mazali 1998, 282). Поддержка сына-солдата означает поддержку армии, оппозиция армии — предательство сына. В этой ситуации родители одновременно боятся и переживают за сына и отправляют его в армию (Mazali 1998, 284).

Позитивное отношение к военной службе матерей подкрепляется рассмотрением военной службы в рамках израильского общества как сущностного права юноши принадлежать к сообществу взрослых мужчин и защитников своих родителей. Вместе с тем положительное отношение к армии выражает также бессильность, вину, фатализм родителей, оказавшихся не в состоянии сформировать безопасное окружение и вынужденных полагаться на защиту своих детей. Таким образом, формирование позитивного отношения к армии как инструменту обеспечения национальной безопасности сначала становится составной частью общей социализации детей, а затем выступает закономерным регулятором отношений родителей к службе своих детей в армии. Сыновья-солдаты максимально жертвуют своей жизнью и здоровьем в процессе службы ради коллективного блага, которым пользуется семья, что, в свою очередь, обеспечивает поддержку и лояльность членов семьи к службе. Такая стратегия подчеркивает социальный контракт, который общество «заключает» с государством и армией (Mazali 1998, 276).

Это подробное описание ситуации в семьях израильских военных позволяет объяснить феномен формирования позитивного отношения к службе в армии для семей погибших солдат. То, что в рамках «гражданского» подхода интерпретируется как полное отсутствие гражданской сознательности матерей, здесь приобретает иную направленность. На мой взгляд, для матерей служба в армии становится последним и самым важным делом сына, за которое он отдал свою жизнь, — независимо от степени политической целесообразности подобного поступка; позитивное отношение к службе сына остается для матери единственным средством выражения любви к сыну.

«Не может армия реформировать сама себя»

Как уже отмечалось, основной категорией данного подхода является «право». Поэтому его представительницы настаивают на изменении статуса военной службы в России. Суть их предложений заключается в том, что на смену «воинской повинности» или воинской «обязанности» должно прийти «гражданское право», признающее за гражданином свободу выбора форм выполнения воинского долга. Следствием таких преобразований должно стать, во-первых, законодательно закрепленное право на альтернативную службу и, во-вторых, формирование в России профессиональной армии. Роль организаций «солдатских матерей» в этой ситуации состоит в осуществлении эффективного гражданского контроля за процессом реформирования армии. Как пишут З. М. Полякова и Е. Ю. Виленская,

не может армия реформировать сама себя, а для принятия решений в жизни гражданского общества военным не хватает компетенции. До тех пор пока армия не будет поставлена под эффективный гражданский контроль, нельзя надеяться на реальное изменение ситуации и обеспечение необходимого уровня безопасности как для общества, так и для самой армии (Виленская, Полякова 1999, 168).

Организации требуют внедрения программ по правам человека в образовательных учреждениях, реализации гражданского контроля над всем, что связано с армией, начиная от расходов общества на ее содержание и заканчивая бытовыми условиями жизни военнослужащих. Эта позиция организаций «солдатских матерей» совпадает с позицией других либерально ориентированных политических партий в России, таких как «Союз правых сил» и «Яблоко», которые отстаивают проекты формирования профессиональной армии и альтернативной службы.

Такая позиция «солдатских матерей» может быть проинтерпретирована с помощью модели реализации гражданского контроля над армией классика теории взаимоотношения между армией и обществом Самуэля Хантингтона (Huntington 1957). Согласно Хантингтону, эффективность функционирования армии и стабильности политического режима в обществе всецело зависит от формы гражданского контроля. *Объективный гражданский контроль* предполагает нейтральность и аполитичность армии, подчиненность ее государству и одновременно признание гражданскими властями автономности армии, ее права на экспертное знание

в области обеспечения национальной безопасности. *Субъективный гражданский контроль* заключается в подчиненности армии интересам различных политических сил и превращает армию в «зеркало политики»¹⁰. Этот тип контроля разрушает боеспособность армии и может угрожать демократическим принципам функционирования общества (Huntington 1957, 84—85).

В данной терминологии тип гражданского контроля, предлагаемый организациями «солдатских матерей», может быть отнесен скорее к *субъективному гражданскому контролю*, так как организации требуют полного подчинения армии гражданским властям. Если следовать Хантингтону, такой тип контроля не позволяет сформировать боеспособную и высокопрофессиональную армию, а напротив, рано или поздно будет порождать конфликты между армией и государством, с одной стороны, и институтами гражданского общества — с другой.

Недостаток такой позиции организаций «солдатских матерей» заключается в ее бескомпромиссности, ультимативности и неконструктивности по определению. Полное отрицание способности армии и государства к реформированию, акцент на нарушениях прав военнослужащих, дедовщине, насилии в армии препятствуют признанию самой возможности поиска конструктивного пути реформирования армии. На практике это ведет к тому, что организации «солдатских матерей» пытаются «спасти», «избавить» от службы в «самой ужасной в мире» российской армии всех граждан независимо от наличия у них объективных причин на прохождении службы. Тем самым эти организации фактически становятся «ширмой» для тех, кто по каким-либо причинам желает избавиться от службы любыми средствами, используя информацию, предоставленную организациями «солдатских матерей».

Подобная «непримиримая» позиция имеет и еще одно последствие: фокус на отрицательных сторонах службы, как правило, вызывает неприятие у тех, кто прошел службу в армии. Возможно, именно поэтому такие организации «солдатских матерей» занимают в большей степени призывниками и солдатами, которые испытывают унижения на службе в армии или являются дезертирами. Все те, кто смог закончить службу или кому армия дала возможность изменить свою жизнь, не находят у них места. Вполне воз-

¹⁰ «Зеркало политики» — термин введен С. Хантингтоном. Означает политизацию армии, ее подчиненность требованиям различных политических партий, классов и групп интересов.

можно, что именно в такой нетерпимости по отношению к армии некоторых организаций «солдатских матерей» и заключается причина внутреннего раскола этого движения.

Таким образом, «гражданский» и «материнский» подходы формируют принципиально разное отношение к военной службе и армии. В рамках «гражданского» подхода военная служба в армии и армия в целом оцениваются прежде всего с точки зрения нарушения прав человека. Организации «солдатских матерей» претендуют на реализацию гражданского контроля над всеми сферами функционирования армии (субъективный гражданский контроль), а также выступают за законодательное закрепление права на альтернативную службу и в перспективе за профессиональную армию. «Материнский» подход, напротив, утверждает необходимость военной службы, рассматривая ее как необходимый институт мужской социализации. Вместе с тем «материнский» подход требует таких условий реформирования вооруженных сил, которые также недостижимы в реальности. В этом смысле позиции «гражданского» и «материнского» подходов сближаются. Принципиальным отличием, однако, остается то, что в центре внимания «материнского» подхода находится взаимосвязь военной службы сына и отношений в семье, при которой реализация функции матери предполагает скорее поддержку сына и, следовательно, позитивное отношение к армии, чем ее осуждение.

Война: виновен или нет?

В этой части мы попробуем разобраться, наверное, с самой болезненной темой для «солдатских матерей» — темой войны и отношения к «живым и погибшим» солдатам — участникам войн. Следует отметить, что в данном случае имеются в виду участники «современных» войн и боевых действий, которые велись Советским Союзом и Россией в конце XX века, а именно война в Афганистане (1979—1989 гг.) и «борьба с вооруженными формированиями» в Чеченской Республике (1994—1996 гг. и 1999—2000 гг.). В публичном дискурсе чаще всего эти события описываются как войны, хотя официально ни одно таковыми признано не было. Жаркие дискуссии об участии солдат-сыновей в этих войнах, как правило, перерастают в ожесточенные споры по поводу принципов комплектования Российской армии и войны как таковой. В этих спорах сторонников разных точек зрения по поводу войны смешива-

ется и личный опыт, и религиозные ценности, и моральные принципы, и боль утраты и материнской любви к сыну-солдату.

«Мы учили своих детей любить Родину...»

На первый взгляд, позицию матерей по поводу ведения войны можно выразить как предельно отрицательную. Однако при более пристальном анализе ситуация не так однозначна.

Яркая иллюстрация «материнского» подхода, протестующего против «гражданско-правового» отношения к войне, представлена в заключении книги С. Алексиевич «Цинковые мальчики», где приводятся стенограммы судебных заседаний. Эта книга написана в жанре документальной прозы и представляет собой отрывки из интервью участников и родственников погибших в войне в Афганистане. После опубликования книги ряд информантов подали на автора книги в суд.

Матери погибших солдат были одними из наиболее активных обвинителей. На суде они сидели с портретами своих сыновей, на которых были наколоты их ордена и медали. Приведем некоторые из обвинений матерей.

— Мы — матери. Мы хотим сказать. Мы все будем говорить. Погубили наших детей... Потом деньги себе на этом зарабатывают... А наши дети в могилах. Мы отомстим за наших детей, чтобы они могли спокойно в земле лежать...

— Будь ты проклят! Пусть тебя белая горячка возьмет. Сделали из наших детей убийц...

— Мы защищаем честь своих погибших детей. Верните им честь! Верните им Родину! Развалили страну...

— Это вы сделали наших детей убийцами. Это вы написали эту жуткую книгу... теперь не хотят делать в школах музеи памяти наших детей, сняли их фотографии. А они там такие молодые, такие красивые. Разве у убийц бывают такие лица? Мы учили своих детей любить Родину... Зачем она написала, что они там убивали? За доллары написала... А мы — нищие... Цветов на могилу сыновьям не на что купить... (Алексиевич 1996, 268—271).

— Вы говорите, что я должна ненавидеть государство, партию... А я горжусь своим сыном! Он погиб как боевой офицер. Его все товарищи любили. Я люблю государство, в котором мы жили, СССР, потому что за него погиб мой сын. А вас ненавижу! Мне не нужна ваша страшная правда. Она мне не нужна!! Слышите?! (Е. Платина) (Алексиевич 1996, 259)

— ... И в Афганистан он поехал, потому что он был честный человек. Он дал военную присягу. Раз нужно, он поехал. Я воспитала прекрасных сыновей. Ему приказали, он поехал, он был офицер. А Алексиевич хочет доказать, что я мать-убийца. И мой сын там убивал. Что выходит? Я его туда послала? И дала ему в руки оружие? Мы, матери, виноваты, что там была война? Что там убивали, грабили, курили наркотики? (из стенограммы судебного заседания 29 ноября 1993 г., истец И. С. Головнева) (Алексиевич 1996, 261—265)¹¹

В данном случае матери выступили против того, что их погибшие сыновья оказались представленными в виде «убийц» и «преступников», а они сами — в виде непосредственных виновниц преступлений, совершенных сыновьями. Разумеется, эти аргументы можно объяснить любовью к своим погибшим детям, стремлением идеализировать прошлое и нежеланием признать горькую правду. Однако аргументы матерей имеют и более глубокую причину, связанную с тем, что участие в боевых действиях не исчерпывается исключительно проблематикой моральной ответственности; наряду с ней существовали и существуют разнообразные политические и социальные условия, которые определяют действия людей в конкретных обстоятельствах.

В рамках «материнского» подхода война становится точкой пересечения социально-политических условий функционирования общества и личного опыта индивида. «Материнский» подход указывает на то, что именно общество и государство легитимизируют систему гражданского долга, военной службы и ведение войны и создают систему, в которой право принятия решений принадлежит отдельным политическим лидерам. Поэтому обвинение солдат—участников событий должно следовать только за обвинениями лиц, принимавших данное политическое решение, и «молчаливого» общества.

Воспроизводство ценностей нации и государственности в риторике «материнства» может объясняться и тем, что матери оказываются частью инструмента политической и военной мобилизации. В этом случае на политическом уровне происходит экстраполяция функций отдельной матери на мать «всеобщую», «универсальную», заботящуюся о жизни и здоровье нации, как о жизни и здоровье своего ребенка. Материнство, таким образом, становится элемен-

¹¹ Головнева И. С. — лидер одной из первых и крупнейших общественных объединений солдатских матерей в Белоруссии, мать погибшего в 1986 году старшего лейтенанта Ю. Головнева.

том государственной политики, обеспечивающей существование армии и ведение войны. Это объяснение предложила исследовательница организаций «солдатских матерей» в Америке Л. де Воло (De Volo 1998). Несмотря на то что матери как часть всего общества являются носителями идеологических штампов, их материнская позиция позволяет им отмечать *относительность* права, зависящего от изменчивой политической ситуации в стране. Представительницы «материнского» подхода указывают на разницу в степени ответственности солдата, участвующего в боевых действиях, и политика, принимающего решения, соответственно — на необходимость оценки выполнения воинского долга солдатами-сыновьями независимо от политических условий, в которых это произошло.

«Сама мысль об убийстве стала нормальной...»

Право как основная категория «гражданского» подхода соответствующим образом влияет и на выбор позиции по отношению к такому сложному с правовой точки зрения явлению, как война. В данном случае право становится *моральной* категорией, позволяющей определить степень обоснованности войны в целом или действий отдельных военнослужащих в частности. На мой взгляд, именно такое «моральное» право и формирует отношение к войне у организаций «солдатских матерей».

Для обоснования своей позиции организации «солдатских матерей» используют два аргумента: один аргумент выражает полное отрицание войны и насилия, а другой — настаивает на частичном, необходимом насилии в оправданных с моральной точки зрения случаях. Подобное сочетание представляет собой попытку адаптировать к современным условиям одновременно принципы пацифизма и теории «справедливой войны».

Иллюстрацией пацифистской позиции может служить точка зрения одной из самых известных правозащитниц и писательниц Светланы Алексиевич. Она не принадлежала к движению «солдатских матерей», однако ее мнение как нельзя лучше отражает позицию ряда организаций «солдатских матерей», для которых критерием «морального права» служит признание абсолютной ценности человеческой жизни и отрицание каких-либо условий, оправдывающих насилие над ней:

...Нам внушили с детства, заложили в генах любовь к человеку с ружьем. Мы выросли словно бы на войне, даже те, кто родился через

несколько десятилетий после нее... Так много написано книг о войне, так много изготовлено человеческими руками и умом оружия, что сама мысль об убийстве стала нормальной... Невозможно у мужчин безнаказанно забрать эту самую любимую игрушку... самую дорогую игрушку — войну. Но я ненавижу войну и саму мысль о том, что один человек имеет право на жизнь другого человека (Алексиевич 1996, 294).

Однако очевидно, что абсолютное неприятие насилия и войны невозможно на данный момент в современном мире и остается по-прежнему далеким проектом будущего. Возможно, поэтому абсолютные принципы пацифизма плавно преобразуются в принципы морально оправданного насилия, имеющего свои истоки в теории «справедливых войн», согласно которой решение о необходимости и способах ведения войны принимается на основе системы моральных правил, легитимизирующих применение насилия в некоторых морально оправданных случаях¹² (Walzer 1977; Holmes 1989; Коппиртерс и др. 2002).

В этом случае позиция «солдатских матерей» по отношению к войне и ее участникам построена на признании приоритета морального и юридического права, закрепленного в Уставе ООН и ратифицированного Российской Федерацией. Война в Афганистане стала первой в числе «несправедливых». С начала войны 1994 года КМС России распространил серию антивоенных заявлений, затем организовывал самостоятельно или в содружестве с другими организациями митинги, пикеты, собрания, посылал в органы власти заявления и обращения, собирал тысячи подписей против войны. Международный конгресс «За жизнь и свободу», проведенный 25–26 февраля 1995 года КСМ России с участием организаций из 44 городов 38 субъектов Федерации, принял обращение, заканчивающееся словами: «Не отдадим сыновей на преступную войну». Женщины — представительницы организаций «солдатских матерей» организовали «Поезд мира» для возвращения своих сыновей из Чечни. Участникам поездки удалось добиться своей цели — возвращения своих детей. В результате поездки было сделано заявление о том, что «в Чечне не защищаются национальные интересы России. Любая война безнравственна» (Вахнина 2002,

¹² Принципы теории «справедливой войны» воплощены в современном международном гуманитарном праве — «праве войны», согласно которому регулируются вопросы принятия решения о войне и мире и способах ведения войны.

16—18). Организация «Солдатские матери Санкт-Петербурга» как в первую, так и во вторую чеченскую кампанию также активно выступала против военных действий в Чечне, используя аргумент незаконности, отсутствия правовых оснований для ведения военных действий, участия в них призывников, а также неприемлемости войны как таковой.

Смещение пацифистских и морально нагруженных принципов справедливости войны и международного права определяет отношение к войне и к солдатам—участникам войн. Хотя теоретически с точки зрения пацифизма ответственность за участие в войне несут в равной мере и политики, принимавшие решение о войне, и общество, молчаливо согласившееся с фактом начала боевых действий, и солдаты, непосредственно участвовавшие в войне, однако именно солдаты обычно становятся основными виновниками событий как непосредственные исполнители насилия. Эта «исходная» вина солдат усугубляется в случае применения насилия в условиях «несправедливой», «преступной» войны. Солдаты становятся субъектами, которые могли не выполнять «несправедливый» приказ и отказаться участвовать в «несправедливой» войне. Их правовая несознательность и пассивность рассматривается как дополнительное доказательство их виновности. В меньшей степени виновными оказываются солдаты-призывники, поскольку статус «жертвы» армии и войны служит оправданием их действий.

Как уже отмечалось, реализация «гражданского подхода» на практике демонстрирует его основные недостатки: категоричность и абстрактность утверждений препятствуют их воплощению в жизнь; обвинения в неприемлемости «убийства» вступают в противоречие с самими принципами армии и войны; нейтральность юридических принципов морально оправданного права не учитывает отношений между людьми. В результате позиция, представляющая собой смешение абсолютизированных принципов права и пацифизма, игнорирует как структурные условия функционирования общества, права и распределения ответственности по вопросам войны и мира, так и структуры межличностных связей. Она только обличает, обвиняет и требует покаяния. И в то же время именно этот «гражданский» подход стимулирует в публичном пространстве дискуссию об обоснованности военных действий и смысле гибели тысяч солдат и офицеров. Возможно, максимализм «гражданской» позиции является необходимым условием для того, чтобы взорвать, расшевелить российское общество, медленно движущееся к осознанию принципов гражданского права.

Заключение

В этой статье я попыталась проанализировать феномен «солдатских матерей» сквозь призму более широкой теоретической и социальной схемы, которая определяет взаимоотношения между армией и обществом. Выделенные «материнский» и «гражданский», или — точнее — «правовой», подходы стали инструментом анализа этой проблемы. При использовании этих моделей мне хотелось показать разнообразие позиций «солдатских матерей», выделить принципиально разные основания их действий и аргументов, показать слабые и сильные стороны каждого из подходов.

На данный момент в России движение «солдатских матерей» совмещает в себе в разной степени все представленные характеристики: патриархальные представления об армии, базирующиеся на признании традиционного распределения ролей между женщинами и мужчинами в обществе, и принципы правового, демократического общества, защищающего права человека. Так, «материнский» подход, определяющий армию как основной инструмент социализации «настоящего» мужчины и одновременно как институт, который должен предоставить абсолютные гарантии, не учитывает условий функционирования армии в современном мире и настаивает на воспитании инфантильных индивидов, которым отказывается в способности самостоятельно решать свою судьбу. Вместе с тем «материнский» подход позволяет включить в сферу отношений между армией и обществом поле межличностных связей в семье, подчеркнуть значимость отношений между матерью и ребенком. Не осуждая и не требуя покаяния, этот подход прежде всего прощает и принимает солдат-сыновей, давая возможность выразить благодарность солдатам, отдавшим свои жизни при выполнении воинского долга. Именно этот акцент на важности утраченной жизни позволяет сторонникам «материнского» подхода требовать ответа от лиц, непосредственно принимающих решения о войне.

Использованию альтернативного «гражданского» подхода препятствует несовершенство законодательной базы, общая низкая правовая культура и институциональная ограниченность обеспечения прав граждан, а также демонстративная эмоциональная нейтральность, абстрактность принципов, определяющих статус семьи и характер отношений между матерями и детьми. Обличительная позиция, бескомпромиссность в проблемах реформирования вооруженных сил, обвинения всех и вся за грехи и преступления

ния, многие из которых действительно обоснованны, не привлекают, а, напротив, отталкивают часть солдат и их родственников от таких организаций.

Традиционализм и бурные демократические преобразования соседствуют в современном российском обществе, и феномен «солдатских матерей» служит тому хорошим подтверждением. Появившийся в последние десятилетия правозащитный — «гражданский» — подход начинает постепенно играть основную роль в деятельности общественных объединений. Однако, возможно, путь России, как это ни банально звучит, заключается в том, чтобы, адаптировав принципы демократического общества, сохранить значимость и внимательное отношение к личности отдельного человека, тонкой сети отношений между родителями и детьми, сохранить уважение к армии и воинскому долгу.

Катерина Непомнящая

ТАТЬЯНА ТОЛСТАЯ: ТЕКСТ СЕМЬИ И СЕМЬЯ В ТЕКСТЕ

ГЕНЕАЛОГИЯ, ГЕНДЕР
И РИТОРИКА РОДОСЛОВНОЙ*

Я не могу выбирать себе родственников, но как художник я могу выбирать себе «предков».

Ральф Эллисон

В генетику? Безусловно, верю. Более того, я верю только в генетику.

Татьяна Толстая

Если говорить простыми словами, то в этой статье речь пойдет о том, как семьи влияют на тексты и как они сами становятся текстами. Я буду говорить о сходствах, а чаще о несовпадениях между текстом биографической родословной автора, текстом его литературной родословной и изображением семьи в его произведениях. В качестве объекта для исследования я возьму Татьяну Толстую, чья жизнь, творчество и окружение являются собой пример особенно выразительного сплетения тех сил, которые текстуализируют русскую культуру и, следовательно, движут ею.

В предисловии к одной из своих последних публикаций Толстая рассматривает литературу как дело сугубо семейное, как нечто, напоминающее надомный промысел. Опубликовав свои эссе в одном томе с рассказами своей сестры Наталии, Толстая комментирует это собрание текстов под названием «Сестры» следующим образом:

Наша книга — отклик на происходящее вокруг. Мои эссе — это нечто среднее между прозой и журналистикой. Мы два совершенно самостоятельных автора. И тем более любопытно, что, когда наши писания попали под одну обложку, выявилась перекличка слов, манер, тем. Но между нами нет никакой литературной связи, только семейная. Легкое безумие этого проекта имеет полный смысл. Суперобложку по моей просьбе делал мой сын. И, в общем, вы наблюдаете семейный подряд. (*Вечерний клуб* 3 сентября 1998 г.)

* Перевод с англ. Вл. Непомнящего.

Толстая происходит, возможно, из самой знаменитой литературной семьи России. Дальняя родственница Льва Толстого, она приходится внучкой Алексею Толстому, «красному графу», который в сталинские годы за свои монументальные исторические эпопеи в духе социалистического реализма в числе нескольких советских писателей заслужил официальный титул «живого классика». (Само название «Сестры», очевидно, заимствовано у первой части самого знаменитого романа Алексея Толстого «Хождение по мукам».) Бабушка Толстой, Наталия Крандиевская, была поэтессой и дочерью писательницы Анастасии Крандиевской¹. Литературная родословная Толстой, таким образом, буквально начинается дома, в семье. Вот как она отзывается о роли своих предков:

Я много читала Алексея Толстого и поэзию бабушки и поэтому видела, как они переживали период формирования собственного стиля... Я видела, как они жили. Поэтому, когда, скажем, у меня спрашивают, правда ли, что на меня повлияла знаменитость моих предков... Она на меня никак не повлияла. Наоборот, я чувствовала их как бы изнутри — живых людей перед чистым листом бумаги².

Более того, Толстая настаивает на том, что кровное родство служит определяющим фактором литературного стиля: «Близкие по генетике и разные по духу люди при создании текста употребляют одинаковые синтаксические конструкции» (*Вечерняя Москва* 23 августа 2001 г.). И далее:

Все свое детство я считала, что Алексей Толстой — сволочь паршивая. Дело в том, что он очень некрасиво разводился с моей бабушкой. А вот когда читаю его произведения, я чувствую свои собственные интонации. Видимо, они у меня генетически унаследованы (*Вечерняя Москва* 25 января 2001 г.).

¹ Несмотря на антифеминистские заявления Толстой (она не хочет, чтобы ее произведения относили к так называемой «женской прозе», и считает, что женщине больше подходит роль редактора, ученого или критика, а не писателя), ее литературные предки по женской линии ей явно важны. В настоящее время она пишет роман о своей бабушке. О высказываниях Толстой по поводу женской прозы, упомянутых выше, см.: *Московские новости*, 22 февраля 1987 г. Об агрессивных нападениях Толстой на феминизм см.: *Moscow News*, no. 38 (1989), 13, а также *New York Review of Books* 31 May 1990, 3—7.

² Цит. по переводу стенограммы моего неопубликованного интервью с Толстой в феврале 1990 года в Москве. В дальнейшем — «интервью 1990 года с автором».

Хотя в процессе формирования литературного голоса Толстой ее предки были «живыми» примерами для подражания, тем не менее с точки зрения места, которое она сама отводит своему творчеству в русской литературной традиции, эти люди, как правило, служили отрицательными примерами жизни, полной неудач и сложностей, с которыми сталкивается русский писатель на пересечении традиции и политики. Свою бабушку и прабабушку Толстая считает писателями, отставшими от времени, писателями-реалистами во времена, когда реализм, уже «убитый» Чеховым, заменили различные проявления модернизма:

Такие писатели, как мать Алексея Толстого или мать бабушки Крандиевской, они были последними реалистическими писателями с маленьким талантом, очень маленьким, и они совершенно были не в состоянии справиться с новым временем, которое требовало новых путей выражения (интервью 1990 года с автором).

Своего деда Татьяна Толстая называет «дрессированным попугом», отмечая, что он служил своеобразной витриной для Сталина и принес свой талант в жертву социалистическому реализму³. Неудивительно, что Толстая — вторя афоризму Ральфа Эллисона, процитированному в эпиграфе к данной статье, — создает собственную литературную родословную: «Из классиков — Булгаков,

³ Цитата по неопубликованной рукописи в переводе Джейми Гэмбрелл. На встрече с читателями, состоявшейся 18 апреля 1998 года в Москве, Толстая также назвала своего деда жертвой сталинизма. Об этой встрече писала эмигрантская газета «Панорама». Рассуждая об Алексее Толстом, Татьяна Толстая заявила, что считает необходимой публикацию всех его произведений во имя сохранения «наследственности» (*Панорама* 3—10 ноября 1989 г.). В интервью, данном Тамаре Алаговой и Нине Ефимовой, Толстая также говорит о своем «complicated attitude» («сложном отношении») к деду (*Интервью с Татьяной Толстой* 1993, 49). Свое глубокое знание жизни и творчества деда Толстая демонстрирует в работе об Алексее Толстом, напечатанной вскоре после публикации ее первого рассказа (Толстая 1983, 171—188).

Весьма любопытно отметить, что невысокая оценка Толстой литературного творчества своих деда и бабушек, которая считает их «слабыми» писателями, а также тот факт, что писательство пропустило поколение ее родителей, находят отражение в мотиве, наиболее выразительно звучащем в повестях Толстой «Петерс» и «Вышел месяц из тумана». Герои этих повестей осиротели или брошены родителями, и их воспитывают дед и бабка, чьи устаревшие и ограниченные ценности преследуют внуков в зрелом возрасте, не давая им возможности выразить себя сексуально и вербально.

Олеша, Платонов» (*Вечерняя Москва* 25 января 2001 г.)⁴. В то время как предки по крови изображаются твердокаменными материалистами, традиция, продолжателем которой считает себя Толстая, — чисто модернистская.

В своем первом интервью советской прессе в 1986 году Толстая в тех же самых выражениях бросила вызов официальному литературному истеблишменту, породив первый из ожесточенных споров вокруг ее журналистских заявлений как в России, так и на Западе. Утверждая, что она начала писать потому, что «читать надоело: то не нравится, это не нравится», Толстая продолжала в интервью:

Когда пишу, ни о каких традициях, конечно, не думаю. Но согласитесь, что нельзя писать сейчас так, как писали в девятнадцатом веке. А пишут. Откройте любой журнал — это же сплошной Боборыкин⁵. А критики удивляются, что скучно. И должно быть скучно, на то он и Боборыкин (*Литературная газета*, 23 июля 1986 г., 7).

Толстая, таким образом, бросает сразу два обвинения официально публикуемым писателям — с одной стороны, в следовании изжившей себя традиции, а с другой — прямо утверждая, что они ведут свою литературную родословную от второсортного писателя, одного из представителей этой традиции. В интервью 1987 года Толстая сделала еще одно взрывоопасное заявление, охарактеризовав роман «Все впереди» Василия Белова, ведущего писателя-русофила, как произведение женоненавистническое (*Московские новости* 22 февраля 1987 г., 10). Это заявление еще больше затянуло принятие Толстой в известное своим консерватизмом московское отделение Союза писателей, секретарем которого и был Бе-

⁴ Интересно, что это высказывание Толстой следует сразу же за ее рассуждениями о ее генетической связи с Алексеем Толстым, цитируемыми выше и взятыми из того же интервью.

⁵ Петр Дмитриевич Боборыкин (1836—1921) был плодовитым писателем, чье имя, как отмечает К. Николас Ли, стало синонимом второсортной литературы: «Боборыкин был весьма культурным человеком, полиглотом, лектором, учителем, литературным и театральным историком и критиком, фельетонистом, журналистом, мемуаристом, автором более чем 100 томов. Его неумеренная плодовитость нашла отражение в слове *боборыкать*, что означает «писать плохо на злободневные темы». На протяжении шести десятилетий в более чем тридцати пьесах, в нескольких десятках романов и бесчисленных рассказах описывал течения в русской социальной и интеллектуальной жизни. Главным образом его помнят как романиста» (Тетгас 1985, 57).

лов⁶. Оно же стало причиной острых нападок на Толстую в журнале «Наш современник», главном печатном органе писателей-деревенщиков.

В статье «С высоты своего кургана: несколько нравственных наблюдений в связи с одним литературным дебютом» Владимир Бушин формулирует свою диатрибу в адрес Толстой пусть и неявно, но в терминах законности ее литературной родословной. Хотя Бушин, утверждая, что он не собирается комментировать прозу Толстой, подвергает критике два ее интервью, очевидно, что это всего лишь полемический прием, использованный для того, чтобы поставить под сомнение литературные способности писательницы. В статье Бушина звучит скрытый вопрос: кто истинные наследники Пушкина? Другими словами, кто истинно русский, кто настоящий писатель и кто имеет право говорить публично, внушая свою точку зрения «многомиллионному читателю» (Бушин 1987, 184)⁷. Бушин весьма прозрачно намекает на то, что Толстая — отнюдь не законная наследница русской классической традиции. Законные наследники — это как раз те, кого она называет боборыкиными.

Свою полемику Бушин начинает с противопоставления биологической родословной Толстой национальному литературному наследию и в первом же предложении цитирует писательницу: «Куда ни посмотри, у меня одни литераторы в роду» (182). Намекая на то, что родиться в литературной семье — еще не значит стать писателем, Бушин так отзывается на указанные Толстой причины («то не нравится, это не нравится»), побудившие ее к литературному творчеству: «Пожалуй, мотив несколько странно-ватый, ибо и в современной и в классической литературе, как нашей, так и мировой, все-таки есть что почитать даже обладателям громких фамилий» (182).

Что касается оценки самого литературного творчества Толстой, то Бушин с явным скепсисом отзывается о том внимании, которое привлекли опубликованные к тому времени четырнадцать рассказов Толстой, — их-то Бушин и называет «курганом», с которого Толстая обозревает советскую литературу (182). Учитывая «комплиментарность» и «формулировки» по крайней мере нескольких критиков Толстой, Бушин с горечью заключает:

⁶ О роли писателей-русофилов в Союзе писателей см.: Nepomnyashchy (1994, 131—151).

⁷ Далее номера страниц этой статьи будут указаны в скобках.

Попробуй после этого не то что покритиковать, а даже хотя бы только не высказать интереса к любой публикации Т. Толстой, и тотчас... ее почитатели... объявят тебя той презренной личностью, которой не дорога культура слова, которая желала бы запретить в искусстве нестесненный полет фантазии. Да, да, немедленно угодишь в ретроградь, и притом не только литературные (183).

Таким образом, речь идет о самой природе гласности, об опасности допущения противоположных мнений в отечественную прессу, об опасности дарования престижа и власти, которыми пользуются слова, опубликованные официально, слова, которые их якобы не заслужили⁸. Бушина очень беспокоит, что такие массовые периодические издания, как «Литературная газета» и «Московские новости», бросились брать интервью у «дебютантки», у которой «еще нет хотя бы небольшой книжки, то есть весь творческий багаж человека легко уместится в дамском ридикюле», тогда как «легко назвать немало талантливых писателей, десятки лет работающих в литературе, которые за всю жизнь не удостоивались такой чести» (183). Толстая слишком молода, слишком легковесна (и слишком много в ней женского), чтобы удостоиться «чести» публикации своих слов. Более того, делая дерзкие заявления «с высоты своего кургана», она игнорирует авторитет и приоритет тех, кто пришел в литературу раньше нее:

Желая стать писателем, решив публично выступать с назиданием по столь непростому вопросу, как было прежде не задуматься над тем, что говаривали об этом другие, чей духовно-творческий багаж был пове-
сомей (183).

Носителем более веского «багажа», которого Бушин периодически цитирует в доказательство своих аргументов — цитирует, впрочем, довольно нелепо и невпопад — оказывается Пушкин. Как отмечает Бушин, на самом деле не генеалогия, а идеология

⁸ Так же как многие консервативные критики того времени, Бушин считает себя поборником гласности — и в одном месте своей статьи (185) в доказательство своих аргументов даже цитирует Горбачева, — но требует провести границу между клеветой и критикой, границу, которая встанет на защиту «принципа, утвердившегося в русской литературе со времен Белинского: “критика не есть брань, а брань не есть критика”» (185). Бушин обвиняет Толстую — которая, по его словам, «считает себя “борцом со старым”» (185) — в клевете на Белова и заодно в нарушении традиции Белинского. Весьма показательно, что Бушин сравнивает публикацию критики Толстой в адрес Белова с публикацией личных писем и советует не выносить мусор из избы.

определяет наследников Пушкина. Настоящими «соотечественниками и духовными наследниками Пушкина» являются молодые люди 1930-х годов, сочувствовавшие горю покоренных народов Испании, Китая, Чехословакии, Австрии и Польши (184). В своей критике Бушин доходит до утверждения, что, будь у Толстой такая возможность, она бы «переписала» пушкинского «Евгения Онегина», «Мертвые души» Гоголя и произведения своего «родного деда» (184).

Бушинская риторика, частое употребление таких штампов, как *народ и родной*, свидетельствуют о том, что в основе его гнева по поводу возможных попыток Толстой подорвать сложившиеся авторитеты лежит не только конфликт поколений — и, возможно, гендерный конфликт, — но и чувство «классовой ненависти»⁹. Массы, а не отпрыск элитной интеллигентской семьи — вот истинные преемники наследия Пушкина. Споря с утверждением Толстой о том, что без знания древнегреческой и римской культур невозможно понять Пушкина (а позднее в той же статье и с ее обвинением в «безграмотном патриотизме» поэта, который привел ложную этимологию слова *родина*), Бушин утверждает, что русскому человеку для понимания своего национального поэта вовсе не нужно знать литературу других народов:

Разумеется, Пушкин впитал в себя некие соки античности и прекрасно знал французский язык, как и французскую литературу, но, однако же, он — порождение русской жизни и русской культуры, он глубоко национален, его творчество неповторимо самобытно, совершенно самостоятельно и, конечно же, в целом понятно нам без обращения к Аристотелю или Вергилию (184).

Доказывая, что русскому человеку Пушкин понятен и без специальных знаний, настаивая на том, что преемником наследия Пушкина является народ, и споря с Толстой об «образованности», т.е. о том, кто имеет право наделять или лишать людей «морально-го статуса образованных людей» (184), Бушин словно возвращается к пролетарским нападкам на литературных «спецов» в 1920-е годы, ставя под сомнение претензии подозрительно космополитичной интеллектуальной элиты на приоритет в русской культуре. «Книги Распутина и Айтматова, Белова и Быкова, Астафьева и Градина, — утверждает Бушин, — отнюдь не “сплошной Боборыкин”»

⁹ В недавней диатрибе в адрес Толстой автор неоднократно называет ее «графиней», тем самым высмеивая поведение и ценности писательницы и ее якобы псевдоинтеллектуального и интеллигентского рода, в том числе и самого Льва Николаевича Толстого. См.: Андреев (2002).

(183). Наоборот, именно они — истинные наследники власти, которой наделена русская классическая традиция, укорененная в Пушкине. Они — и *народ*, от имени которого они якобы говорят, — вот настоящая семья Пушкина, русская национальная семья.

В своих нападках на Толстую Бушин обходит молчанием высказывания писательницы в интервью 1986 года о ее месте в литературной традиции. Вот как прокомментировала поведение критиков интервьюер Толстой С. Тарощина: «Как только в литературе появляется новое имя... тут же пытаются уложить его в некую, существующую схему присоединить к одной из традиций». В ответ на удивление Тарощиной по поводу попыток видеть в творчестве Толстой продолжение «традиции М. Булгакова в нашей литературе» (*Литературная газета* 23 июля 1986 г., 7) писательница заметила:

Да, я тоже удивилась. Продолжаю якобы традиции Булгакова, традиции Набокова, немецкой литературы (которая мне незнакома), А. Грина (которого не люблю), вообще традиции литературы двадцатых годов. Вот последнее, широко говоря, не лишено справедливости. Но дело здесь не в сознательном следовании традиции, а, на мой взгляд, вот в чем. В литературе девятнадцатого века, как кажется, заполнены все ячейки. Попробуйте придумать нового яркого писателя девятнадцатого века — затруднительно. Все места заняты — и партер, и галерка, и места за креслами. То же, с оговорками, можно сказать и о Серебряном веке русской литературы. Но Серебряный век — в основном поэзия. А вот проза двадцатых годов дает ощущение полупустого зала. Это принципиально новая проза — стиль, лексика, метафизика, синтаксис, сюжетостроение — все другое, все меняется, появляются сотни возможностей, и лишь малая часть их осуществляется. Вот к этой литературе, к этой только начавшей развиваться традиции у меня лежит сердце. Там, в развалинах этой недостроенной поэтики, могут таиться клады (*Литературная газета* 23 июля 1986 г., 7).

Рассуждая о своих родственниках и боборыкиных официальной советской литературы, Толстая утверждает, что традиция XIX века себя полностью изжила, заполнив все свободные места в ходе своего естественного развития, и что искусственное продолжение традиции — это в каком-то смысле ее фальсификация. Наоборот, литературу 1920-х годов Толстая безусловно рассматривает как традицию прерванную, задавленную социалистическим реализмом¹⁰.

¹⁰ В одном из интервью Толстая еще яснее изложила свою концепцию искусственно прерванной традиции: «В 20-е годы открытия росли, как грибы в грибной год. Но открывателей остановили, и никто не остался. Теперь мы откапываем эти открытия. Мы должны вернуться туда, где нашу литературу повернули в сторону» (*Московские новости* 1990, № 26, 14).

Слова, которыми Толстая дальше описывает свое понимание способов продолжения этой прерванной традиции, особенно красноречивы:

И как-то очень легко представить себе, что был в это время еще один писатель, о котором никто ничего не знает, который ни строчки не напечатал, а потом он умер, и все, кто знал его, тоже умерли, и дело его осталось несделанным. Считайте, что я за него (*Литературная газета* 23 июля 1986 г., 7).

Толстая, таким образом, видит свою роль в традиции как некоторую форму замещения утраченного, забытого, раньше времени лишённого голоса. Однако в этой формулировке есть, как мне кажется, некая фатальная неувязка, которая преследует прозу Толстой: мотивы разрыва целостности, провалов во времени и в памяти постоянно обнаруживают себя в ее персонажах и рассказчиках, предпринимающих отчаянные попытки восстановить прошлое и исправить допущенные ошибки. Образами своей прозы Толстая в неявной форме задается вопросами, которые, собственно, и определяют онтологию текста писательницы: возможно ли преодолеть шестьдесят лет исторического опыта и культурного забвения, разделивших ее и ее гипотетического предка, и не приведет ли замена безвозвратно утраченных вещей и людей к неизбежному разрыву?

Темы прерывности, лишения голоса, забвения и утраты красной нитью проходят через прозу Толстой. Ниже я бы хотела сосредоточить внимание на рассказе «Спи спокойно, сынок», который может служить наглядным примером интерпретации сталинской культуры и как разрыва в отечественной культуре, и как формы ее незаконного присвоения. Как мы увидим, идея семьи — этой метафорической основы национальной истории и ее разрушения — становится ключевой в рассказе.

«Спи спокойно, сынок» исследует последствия утраты истины (и повествования) о происхождении, исследует последствия генеалогической амнезии. Сергей, главный герой рассказа, «детдомовец, мальчик без имени, без отчества, без матери», осиротел во время войны:

Всё, всё придумали ему в детдоме: имя, фамилию, возраст. Детства не было, детство сгорело, разбомбленное на неведомой станции, чьи-то руки вытащили его из огня, бросили на землю, катали, шапкой били по голове, сбивая пламя... Не понимал, что шапкой-то и спасли, черной, вонючей, — шапка отбила память ... И сейчас, в середине семи-

десятих годов, у него, взрослого человека, ёкало сердце, когда проходил мимо магазина, где на полках круглились меховые шары. Остановившись, смотрел, преодолевая себя, напрягал память: кто я? откуда? чей я сын? Ведь была же мама, кто-то меня родил, любил, вез куда-то? (Толстая 2002, 94)¹¹

Шапка, которая преследует Сергея в страшных снах, становится метонимом его утраченной памяти, его утраченной родословной, его утраченного лица. Подобно невроту в «Das Unheimlichkeit» Фрейда, Сергей оказался в ловушке одного и того же сюжета и, утратив подлинную историю своего происхождения, постоянно восполняет этот пробел вымыслами. Одержимый сочинением вариантов одной и той же истории, Сергей находит себе подходящую партию в лице своей тещи, без устали повторяющей историю о том, как после войны у нее на рынке украли шубу. Примечательно, что именно с пересказа истории его тещи Марии Максимовны Толстая начинает свое повествование о Сергее. Оба героя не в состоянии ни пережить, ни забыть потери своего прошлого, и эта неспособность калечит их жизни.

Несоизмеримости двух утрат — каракулевой шубы и родителей — нельзя не удивиться. Но в рамках металитературных терминов этот очевидный диссонанс между тривиальным и существенным легко разрешим. За ответом не надо ходить далеко — сходную тему болезненной утраты верхней одежды можно найти в «Шинели» Гоголя. Аллюзия становится очевидной, когда Сергей, уставший от бесконечных пересказов своей тещи, обращаясь к жене, восклицает: «Да, но сколько же можно? Подумаешь, Акакий Акакиевич!» (99).

Это прямое упоминание имени жалкого, затравленного героя рассказа Гоголя в сочетании с противопоставлением шапки Сергея и шубы Марии Максимовны наводит на мысль о том, что в «Спи спокойно, сынок» Толстая обыгрывает еще одно из самых известных генеалогических высказываний в русской литературной традиции — приписываемое Достоевскому утверждение: «Все мы вышли из гоголевской “Шинели”». Толстая проблематизирует генеалогическое исследование русской литературы, ведущей родословную от Гоголя. Увязывая шапку Сергея с утратой памяти о предках, она задает серию вопросов — по чьей вине Мария Максимовна лишилась шубы? кто жертва? кто вор? — и тем самым за-

¹¹ Далее номера страниц этого издания будут указаны в скобках.

ставляет нас задуматься о сложной взаимосвязи между историей о шапке и историей о шубе (и шинели)¹².

В этом контексте неравнозначность двух историй становится еще более очевидной. Хотя обе они начинаются с утрат, ведущих к заменам, история Сергея — это действительно история утраты, тогда как история Марии Максимовны — это история о замене, хотя Мария Максимовна и истолковывает ее как утрату. Выясняется, что шуба, которая, как считает теща, по праву принадлежала ей, на самом деле была «украдена» ее мужем в качестве военного трофея во время службы военврачом в Германии. После войны Мария Максимовна, надев «выходную» шубу, отправляется со своей домработницей Паней на базар, чтобы купить себе шубу попроще. На рынке, во время примерки, она просит Паню подержать трофейную шубу, но кто-то вырывает ее из рук зазевавшейся девушки. «Краденая» вещь, таким образом, заменяется другой, вероятно тоже краденной, но уже худшего качества. Муж Марии Максимовны считает, что Паня — соучастница кражи, и отдает девушку под суд. Неграмотную Паню, не способную выступить в свою защиту, осуждают, и она исчезает «по ту сторону шубы» так же, как мать Сергея когда-то исчезла «по ту сторону шапки».

Подобно тому как «украденная» шуба сменяется предметом низшего качества, утраченные родители Сергея сменяются людьми, с которыми он сталкивается в «после-шапочной» жизни. Еще ребенком в детском доме он «находил» свою потерянную мать то в любимой учительнице, то в поварихе. Позднее, женившись и став членом семьи военврача Павла Антоновича, Сергей тайно предается фантазиям о том, что его мать — это Мария Максимовна, а женитьба на Леночке наконец-то дала ему возможность воссоздать утраченную семью: «Ровный, бесстрастный характер у Леночки, будто не жена ему, а сестра. Мать и сестра — о чем еще мечтать потерявшемуся мальчику?» (97). Но фантазии так и остаются фантазиями, и Сергей обрывает себя: «Чушь какая, не было у Марьи Максимовны пропавшего мальчика, только шуба у нее и пропала» (95). И все же, став домочадцем Павла Антоновича, он не расстается с мыслью о том, что, возможно, Павел Антонович и есть его отец:

¹² В связи с этим интересно отметить, что Войнович в рассказе «Шапка» пересказывает историю Акакия Акакиевича, сделав своего героя писателем и заменив соответствующий предмет одежды головным убором.

А вдруг Пал Антоныч — Сергеев отец? Вдруг у него, пожилого, была другая жена — еще до Марьи Максимовны? Вынырнуть из небытия, обрести прочную цепь предков — Павел Антонович, Антон Феликсович, Феликс Казимирович... Почему бы и нет? Вариант реальный... (98)

Избежав участи вора — возможно, благодаря стараниям матери «с той стороны, из-за шапки» (95), — Сергей не может примириться с кражей шубы Павлом Антоновичем. Устроив свой кабинет в бывшей комнате Пани, Сергей на этот раз «находит» свою мать именно в ее исчезнувшей фигуре, так и не дождавшейся возвращения сына домой. Здесь мы должны вспомнить, что, хотя между историей Сергея о шапке, которая произошла в начале войны, и послевоенной историей Марии Максимовны о шубе существует временной разрыв, случай с шапкой и изначальная — «трофейная» — кража шубы хронологически неявно совпадают. Кража, которую совершил Павел Антонович, и Сергеева утрата, его амнезия, оказываются взаимосвязаны. Фантазируя о Пани, Сергей ус-танавливает связь:

Я ее сын. Паня — моя мать, это решено, чтоб вы знали. А зачем он снял шубу с крючка? Эта шуба — Паниного мужа, это он должен был дойти, доползти, протянуть к крючку обгорелую руку — нет, не взял бы, побрезговал. А вы, ясновельможный пане, не побрезговали. А я женат на вашей дочери. Пал Антоныч мой отец. Иначе зачем он мучает меня пропавшей шубой... (100)

В результате причудливой логики Павел Антонович становится отцом Сергея именно потому, что он украл шубу.

В итоге Сергей действительно становится «наследником» дела покойного Павла Антоновича, который «в двадцатые—тридцатые годы боролся с чумой — и побеждал» (96). Как и в других рассказах Толстой, где все, связанное с медициной, окружено негативными ассоциациями¹³, профессия Павла Антоновича содержит определенную аллюзию на правительственные чистки — «борьба с чумой» — и преследования подозрительных личностей и групп в те годы. Войдя в семью Павла Антоновича и пользуясь плодами его трудов, Сергей становится его законным преемником:

Крепко взявшись за руки, цепь предков уходит вглубь, погружаясь в темный студень времени. Становись к нам, безымянный, присоеди-

¹³ См.: рассказы «Чистый лист», «Поэт и муза», «Охота на мамонта» и «Пламень небесный» (Толстая 2002).

няйся! Отъщи свое звено в цепи! Павел Антоныч, Антон Феликсович, Феликс Казимирович. Ты наш наследник, ты валялся на нашей кровати, любил Леночку, ты не моргнув глазом ел наши булочки — каждая изюминка в них вырвана нами у домашних, бродячих, чердачных; для тебя мы кашляли страшной мокротой, вздувались бубонами, для тебя заражали верблюдов, плевавших нам в лицо, — не отмарашься от нас. Мы построили тебе, безымянному, чистенькому, дом, очаг, кухню, коридор, спальню, закут, зажгли лампы и расставили книги. Мы наказали поднявших руку на наше имущество (100—101).

Лишенный своей настоящей родословной, Сергей принимает ее суррогат, так же, как когда-то принял новое имя в детском доме. Подмена, вызванная амнезией, достигает апогея в конце рассказа, когда Сергей «заменяет» Павла Антоновича («Сереза, как громко вы кричите! Вылитый Павел Антоныч» (101)), становясь отцом мальчика по имени Антоша.

Можно предположить, что, отвечая на утверждение Достоевского о гоголевской «Шинели», Толстая предьявляет иск официальной советской культуре, обвиняя ее — в лице Павла Антоновича — в «воровстве» гоголевской «Шинели», в «хищении» легитимизирующих мифов династической непрерывности русской классической литературы путем лишения памяти, разрушения культурной целостности.

В этом контексте суррогатная родословная, которую принимает Сергей, сменяя на посту Павла Антоновича, не кажется ни случайной, ни фантастической. «Казимир» наводит на мысль о Казимире Малевиче, представителе модернистской традиции, которую позднее присвоил социалистический реализм. Не менее значимое имя «Феликс» заставляет думать о Феликсе Дзержинском, первом главе ВЧК. В свою очередь, Павел Антонович — это, по сути дела, инверсия имени Антон Павлович (Чехов). Толстая, таким образом, по-видимому, увязывает радикальный артистический авангард с тоталитарным государством, которое в свою очередь «присвоило» Чехова, назначив его предвестником социалистического реализма.

Более того, и сам «безымянный» в генеалогической цепи, символизирующий разрыв в традиции, Сергей становится отцом Антоши — мальчика, чье имя наводит на мысль не столько о самом Чехове, сколько о его раннем псевдониме — Антоша Чехонте. Цепь обманов и подмен замыкается в конце рассказа:

Спи спокойно, сынок, уж ты-то ни в чем не повинен. Чумные кладбища засыпаны известью, степные маки навевают сладкие сны, вер-

блюды заперты в зоопарках, теплые листья шелестят над твоей головой — о чем? Не все ли тебе равно! (101)

Хотя Антоша ни в чем не виноват, его статус законного наследника незаконной родословной — или незаконного наследника законной родословной — остается двусмысленным. Положение, в котором оказался Сергей, это — пародия на положение Эдипа, а точнее, инверсия этого положения. Если Эдип, став жертвой чужого вымысла о своем происхождении, заменяет отца и вступает в кровосмесительную связь со своей матерью, то Сергей сам отвергает себя в кровосмесительные отношения с матерью/женой/дочерью, выдумывая свою родословную. И если раскрытие тайны происхождения Эдипа оказывается в состоянии лишь обнажить его трагедию, то восстановление подлинной родословной Сергея, его имени и происхождения могло бы возвестить восстановление естественного порядка. Но, увы, родословная и имя безвозвратно утрачены.

Как следует из рассказа, официальная советская культура во многом строилась на сокрытии пробелов: присвоив дореволюционное «реалистическое» наследие, сталинская культура и ее наследники замаскировали разрыв традиции и культурную амнезию ложной родословной. В этом свете произведения Толстой не столько восстанавливают утраченное прошлое, заполняя то, что Горбачев называл «белыми пятнами», сколько обнажают, реабилитируют и исследуют последствия возникновения этих пробелов.

Возвращая субъективность в литературу, Толстая вносит в нее разрыв между внутренним «Я» и внешним миром, между идеалами и разъедающим их течением времени, между памятью и утратой, между текстом и тем, что за ним стоит, между словом и объектом, отделенными друг от друга субъективностью. Главное же — последствием этих разрывов между словом и референтом, между именем и объектом становятся корыстные подмены, ставящие под угрозу саму возможность повествования о нации.

Рассказ Толстой, таким образом, обнажает те принципы, которые легли в основу генеалогической риторики и ее собственных публичных заявлений, и заявлений ее критиков и сторонников. Те самые принципы, которые вновь и вновь заставляют возвращаться к сложному переплетению кровного родства и метафоры, биологических и выдуманных родословных. Наличие «пробела» — недостающего звена в цепи предков, — отмеченного Толстой в рассказе «Спи спокойно, сынок», говорит и еще об одном — о разрыве

того, что Фердинанд де Соссюр называл «цепочкой означающих»¹⁴. В мифологии русской культуры, начиная с Пушкина, прародителя русской национальной традиции, задачей писателя было сохранение целостности языка как средства, связующего нацию. И разрыв генеалогии, который описывает Толстая, несет в себе угрозу русскому лингвистическому сообществу, готовя почву для замены старых, дискредитировавших себя генеалогических ценностей новыми.

Генеалогия, таким образом, как следует из неуклюжих нападок Бушина на Толстую, становится инструментом легитимации нации, инструментом, позволяющим определять границу национального сообщества. Несложно понять, почему семья Толстых, с ее сложным классовым и творческим наследием, и сама яркая фигура Татьяны Толстой стали камнем преткновения в спорах о легитимности русской национальной семьи. И вполне справедливо, что именно Татьяна Толстая стала самым красноречивым автором повествования о нации, повествования, ставшего рассказом о дедах и сестрах.

¹⁴ Таким образом, «разорванная» цепь родословной в рассказе Толстой мучительно напоминает троп «потерянного звена», отмечающего разрыв в культурной традиции, который переживали в Америке африканцы во времена рабства (см.: Gates 1988, 136).

Сюзан Гал, Гейл Клигмен

ФОРМЫ ГОСУДАРСТВ, ФОРМЫ «СЕМЬИ»*

Во время «холодной войны» обе стороны в своих политических установках делали упор на различие систем, устраняя таким образом возможность сравнительного подхода, способного показать параллели между западными государствами всеобщего благосостояния и коммунистическими системами. Прямые сравнения делались редко. При этом, по крайней мере в идеале, социалистические государства Центральной и Восточной Европы являлись формой «государства всеобщего благосостояния».

Относительная обеспеченность едой и жильем, полная занятость, высокие — по сравнению с другими странами — зарплаты для рабочих и обеспечение номинально бесплатного или дешевого здравоохранения, образования, ухода за детьми, материнскими льготами и культурными мероприятиями — все это могло бы служить основанием для того, чтобы рассматривать названные государства в качестве примера государства всеобщего благосостояния, если бы эти услуги были доступны каждому, а их количество и качество — адекватным. Структурные сходства с западными социальными государствами поражают. И хотя система социального обеспечения при социализме отличалась дефицитом, неэффективностью, несправедливостью и в некоторых случаях принуждением, недавние сокращение, реорганизация или ликвидация этой глубоко порочной системы социальной поддержки вызвали трудности в жизни большого количества людей. Быстрая и все более

* Данная статья является дополненной версией главы «Forms of states, forms of "family"» из книги Susan Gal and Gail Kligman *The Politics of gender after socialism* (Princeton: Princeton University Press, 2000). Пер. с англ. М. Муравьевой.

очевидная классовая дифференциация обострила положение наиболее уязвимых групп¹.

Реструктуризация социальной политики предпринимается всеми постсоциалистическими правительствами в условиях бюджетных и фискальных трудностей и сопровождается боязнью спровоцировать политическую нестабильность. Принципы неоллиберализма, предложенные влиятельными международными советниками и кредиторами типа Всемирного банка, Международного валютного фонда, Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР) и воспринятые большинством местных экспертов в регионе, стали в итоге одной из движущих сил в пересмотре форм и направлений социальной политики. Хотя при этом некоторые ученые не устали подчеркивать, что социальная политика или политические практики, регулирующие рынок рабочей силы, привели к безработице и что минимальное вмешательство государства, мобильная рабочая сила и подвижный рынок, награждающий победителей и наказывающий проигравших, до сего момента еще никогда не являлись объектами такого сильного влияния со стороны международных финансовых институтов.

Усилия государств Восточной и Центральной Европы, направленные на сокращение социальных затрат и на приватизацию социальных служб, — подобно западным социальным государствам в рамках Европейского Союза, на которые они стремятся походить, — активно поощрялись². Однако с 1989 года расходы постсоциалистических государств на социальные нужды сократились не так уж и значительно. В соответствии с отчетом Всемирного банка, часть валового национального продукта, потраченная в этих странах на социальное обеспечение, наоборот, увеличилась и до сих пор превышает аналогичные расходы в социальных госу-

¹ Работы Deacon (1992b) и Deacon and Szalai (1990) являются важными исключениями из большого количества сравнительной литературы, работа же Esping-Anderson (1996) представляет собой наиболее свежий пример. Многие доклады Всемирного банка и других институтов, которые мы цитируем далее, теперь полагаются на сравнения с западными государствами. Как Deacon (1992a) указывает в предисловии, первые сравнительные исследования Запада/Востока в основном концентрировались либо на негативных последствиях необузданной маркетизации общества, либо на крахе советского блока.

² См. у Molyneux (1994) обсуждение международного климата, с которым столкнулись новые государства Восточной и Центральной Европы. См. также: Standing (1996:230), где утверждается историческая беспрецедентность такого сильного иностранного вмешательства.

дарства Запады. Абсолютный показатель расходов на социальные услуги в Восточной и Центральной Европе значительно ниже западноевропейского, а высокий уровень на Востоке еще больше обесценивает потраченные средства.

В результате ухудшение качества социальных услуг произошло именно в тот момент, когда в этих услугах нуждались больше всего. Несмотря на сохранение в бюджете статей на социальные нужды и продолжение реализации ряда социальных программ, начатых при социализме, социальная сфера подверглась глубокому реформированию. Место выдаваемых ранее пособий заняли программы по безработице, помощи бедным и пенсионному обеспечению. Право принятия решений и ответственность за исполнение часто передаются центром местным или муниципальным органам. Все чаще и чаще государственные фонды передаются негосударственным, некоммерческим и даже частным организациям, способным предоставить необходимые услуги.

Если до 1989 года меры по борьбе с бедностью и предотвращению большой разницы в доходах были обусловлены прежде всего идеологическими соображениями, то новые программы адресованы тем, кто оказался за чертой бедности в силу видимого экономического неравенства, фактически появившегося после 1989 года³.

В отличие от социалистических государств изначально ситуация в государствах всеобщего благосостояния на Западе облегчалась более благоприятным политическим и экономическим контекстом. В послевоенный период, когда шло формирование социальных государств в Западной Европе, сильная экономическая экспансия государства сделала возможной мирное сосуществование относительно полной занятости и равного дохода. Однако сегодня идеал экономического равенства и гражданского участия, которые являлись движущей силой некоторых европейских социальных государств в послевоенную эпоху, кажется утопией. Отсутствует и стабильность в нуклеарной семье, на которой базировались многие планы строительства таких государств.

Кроме того, нет единства в понимании того, что именно представляет собой «всеобщее благосостояние». Странники одного

³ Большинство эмпирических данных об изменениях в социальном обеспечении в Центральной и Восточной Европе получены из работ экономистов-экспертов по социальному государству, оплаченных Всемирным банком. Эти эксперты сами указывают на неопределенность и лакуны в своих данных. Особенно, на наш взгляд, полезны следующие работы: Barг (1994), Milanovic (1998), Rutkowski (1996).

направления говорят, что «кризис государства всеобщего благосостояния» вызван, с одной стороны, ростом доли пожилых в составе населения и, с другой, растущей конкуренцией в области спроса и предложения заработной платы на глобально интегрированных рынках. Согласно этой точке зрения, выбор, стоящий перед политиками, сводится к следующему: либо дорогая система социального обеспечения, способная выровнять доходы, но дающая мало преимуществ для конкуренции на международных рынках и, таким образом, ведущая к безработице, либо — минимальное вмешательство государства в условиях высокой мобильности рабочей силы и свободного рынка, которые, стимулируя победителей и наказывая проигравших, способны в итоге избежать длительной безработицы и формирования зависимости различных групп населения от системы социальной поддержки.

Странники другой точки зрения, однако, утверждают, что эта проблема надуманна: меры по созданию социального обеспечения и институциональные структуры сильно варьируются. Сравнения между высокоиндустриализованными странами показывают, что нет необходимости искать компромисс между мобильной рабочей силой и конкуренцией, с одной стороны, и социальным обеспечением — с другой.

В ходе обсуждения иногда забывается, что политическая мотивация в вопросах социального обеспечения зачастую играет большую роль, чем показатели экономической эффективности. Политическая целесообразность, в свою очередь, осложняется моральными обязательствами, представлениями о справедливости, демографическими моделями и гендерными отношениями, которые исторически сложились в Центральной и Восточной Европе⁴.

Несмотря на большое разнообразие мер по социальному обеспечению и проектов их финансирования, разработанных и рекомендованных экспертами, возможности выбора невелики. Общественное мнение в целом поддерживает сохранение большинства пособий, которые существовали в коммунистическую эпоху; в свою очередь, опасаясь недовольства избирателей, лидеры также

⁴ Противопоставление эффективности и равенства долгое время доминировало в дебатах по поводу социальной политики. Об обсуждении «кризиса», его глобального распространения и нелиберального происхождения см.: Esping-Andersen (1996). На основе сравнительных данных, полученных в высокоразвитых странах, Blank (1994) делает вывод о том, что кризиса не было, и предполагает, что более широкая страхующая сеть не обязательно ведет к меньшей экономической подвижности.

неохотно идут на сокращение социальных пособий во времена экономических трудностей. Подобные действия политиков на Востоке — равно как и их западных коллег — подвергаются критике, причем подчеркивается, что недостаток фундаментальных изменений в расходах на социальные нужды угрожает перспективам экономического роста, который, по мнению многих, является единственным долговременным способом борьбы с растущей проблемой бедности⁵.

Разумеется, между странами существуют важные различия; верно и то, что направления социальной политики постоянно изменяются. В политических кругах социальная политика является предметом интенсивных переговоров и манипуляций: в нескольких странах конституционные суды уже втянуты в арбитражные процессы. В рамках данной статьи мы постараемся обозначить лишь некоторые базовые проблемы, надеясь вызвать последующую дискуссию. При этом, на наш взгляд, сравнение между Востоком и Западом сейчас является очевидно необходимым — как для того, чтобы сделать выводы на будущее, так и для того, чтобы понять прошлое.

Феминистская литература последнего десятилетия продемонстрировала важное понимание того, как государство — посредством политического влияния на домашнее разделение труда, доступ к наемному труду мужчин и женщин, уровни его вознаграждения и защиты, доступ к социальным пособиям — регулирует и даже конструирует гендерные отношения, включая и отношения в рамках семьи. Несмотря на то что феминистская мысль помогла понять нам многое о гендерных отношениях в период коммунизма и пост-

⁵ Необходим такой выбор, который имеет различные последствия как для различных групп населения, так и для объемов правительственных трат. Что делать с такими традиционными программами, как пенсионное обеспечение, пособия матерям и семьям, бесплатные услуги, а также с такими новыми программами, как помощь бедным, пособия по безработице, страхование и др.? Источниками обсуждаемого финансирования являются: государственный бюджет, фонды работодателя, взносы самого работника, некоммерческие и добровольные организации, частное страхование, вычеты из заработной платы или различные их комбинации. В данной главе мы основываемся на следующих выводах о текущем положении социальной политики в Центральной и Восточной Европе: Deacon (1992b), Deacon and Szalai (1990), Ferge (1998), Ferge and Kohlberg (1992), Kapstein and Mandelbaum (1997), Kornai, Haggard, and Kaufman (2000), Offe (1993), Pestoff (1995), отчеты Всемирного банка и отчеты о странах, указанных выше.

коммунизма, на первый взгляд, именно феминистская мысль оказывается менее всего полезной в этом регионе. По иронии судьбы, самым большим препятствием для концептуальной интеграции здесь является сильное расхождение общественных дискурсов по поводу государства и семьи на Востоке и Западе.

Число моделей, доступных для категоризации социальных государств, в западном научном и повседневном дискурсе постоянно растет. Среди ученых считается аксиомой как наличие различных видов государства, так и необходимость различных мер по социальному обеспечению, даже несмотря на практически монопольное господство неолиберальных идеалов в международных политических кругах последних двадцати лет.

Это положение целиком касается и феминистского анализа. В зависимости от политической перспективы или степени изученности ученые утверждают, что социальные государства являются или могут быть «доброжелательными по отношению к женщине». Несколько лет назад Хельга Хернс, например, предположила, что скандинавские демократии имеют потенциал стать обществом, благоприятно относящимся к женщинам, т.е. стать государствами в которых исчезнет необходимость делать жесткий выбор, принести большие жертвы, ограничивать возможности женщин (по сравнению с мужчинами) или создавать другие формы неравенства (например, между различными группами женщин). При необходимых исторических условиях, таким образом, существует возможность и вероятно, даже реальность «государственного феминизма». По мере обретения женщинами гражданских прав и возрастающего участия в политике государства могут сделать для себя возможной постановку феминистских целей, давая женщинам возможность стать важными, активными партнерами в делах, касающихся базовых ценностей и льгот⁶.

Другие исследователи, наоборот, называют государства всеобщего благосостояния «публичными патриархатами». Сильвия Уолби, например, доказывает, что, становясь зависимыми от такого госу-

⁶ Наиболее влиятельной типологией государств всеобщего благосостояния является типология Esping—Anderson (1990, в основе которой — работа Titmuss 1963). Феминистскую критику этой работы см.: Orloff (1993), соответствующие главы у Hobson (1994) и Sainsbury (1994). Общие подходы к гендерному аспекту государств всеобщего благосостояния, которые вдохновили и наш обзор, см.: Borchorst (1999), Orloff (1996), Pedersen (1993), Pateman (1988), Sainsbury (1996). См.: Hernes (1987), где дается определение государственного феминизма.

дарства, женщины просто меняют отношения подчинения с конкретными мужчинами в рамках домохозяйства на такие же отношения подчинения и эксплуатации, но с государственными бюрократиями. Британия в данном случае служит точкой отсчета. Как демонстрирует Уолби, такая «женская работа», как, например, приготовление пищи, уборка и забота о детях и т.п., была превращена в предмет потребления, и поэтому в патриархальных домохозяйствах не только женщины несут теперь ответственность за эти обязанности. Тем не менее подобная работа все еще осуществляется преимущественно низкооплачиваемыми женщинами, хотя и регулируется государством. Для женщин относительные преимущества одного вида зависимости над другим определяются конкретными формами контроля и уровнями надзора. Для Уолби это выбор из двух зол.

В свою очередь, Венди Браун на примере Америки идет дальше, утверждая, что государства имеют четыре «измерения» власти — законодательное, экономическое, бюрократическое, военное/привилегированное — и все они тем или иным способом неизбежно поддерживают привилегированное положение мужчин. Государства создают для женщин опасную систему зависимости, во многих областях ставя их в подчиненное положение лишенных власти субъектов. Это значительно снижает возможности формирования типа женских субъектностей, необходимых для политических действий. По этой причине феминистские движения должны только изредка — если вообще должны — искать помощи у государства. Попытки такого рода только усиливают мужской контроль и над женщинами, и над самим государством⁷.

Еще одна группа исследователей пытается избежать подобных крайностей и акцентирует свое внимание на том различии в гендерных отношениях, к которым привела политика разных государств и даже разных партий. Так, например, Бирте Сиим признает как прогосударственную, так и антигосударственную позицию, выводя их соответственно из скандинавского опыта (как оппозиции американскому и западноевропейскому опыту) и из социально-демократических (в противоположность либеральным и марксистским) политических взглядов.

Государства, несомненно, стали ключевым фактором влияния на жизнь женщин в Западной Европе во второй половине XX века —

⁷ Walby (1990) только обсуждает публичные патриархаты, но эссе Brown (1992) — это прямое осуждение взаимоотношений женщин и государства.

не только потому, что женщины являются основными потребителями государственных социальных услуг, но также и потому, что они составляют главную категорию лиц, получающих пособие от государства, и государственных служащих. При этом даже в Скандинавии — родине наиболее последовательных социальных государств, нацеленных на равноправие полов, — велика вероятность того, что формированием социальной политики, касающейся женщин, будут заниматься мужчины. Более того, и в этих государствах сохраняется поддержка привилегированного положения мужчин на рынке рабочей силы, а работа женщин по уходу за детьми остается недооцененной. Несмотря на все это, женщины играют важную роль как в экономической сфере — благодаря своей занятости, так и в политической — за счет использования своих гражданских прав. Современное социальное государство, утверждают Сиим и другие, имеет для женщин двойное значение: с одной стороны, такое государство дает им доступ к власти — в качестве работниц, матерей и граждан, — но, с другой стороны, это же государство вынуждает их подчиниться бюрократической публичной иерархии⁸.

В Центральной и Восточной Европе публичная дискуссия фокусируется на других аспектах: дебаты здесь в основном строятся на противопоставлении государства и рынка, на противопоставлении форм «общественной», «публичной» и форм «частной» поддержки социального обеспечения. В свете радикальной институциональной перестройки, начатой в 1989 году, это вряд ли удивительно. Однако эффектом такого резкого противопоставления государства и рынка стало сглаживание различий, которые существуют как между разными государствами, так и между различно регулируемые рынками. В Центральной и Восточной Европе наблюдается относительно слабый интерес к общественному обсуждению *различных* видов государственных мер и *различных* последствий проектов социального обеспечения, обусловленных исходным контекстом — будь то, допустим, консервативная или социал-демократическая интерпретация демократии, или разные модели гражданства, или разное видение роли, которую государство дол-

⁸ См.: Siim (1988). Edwards (1991) утверждает то же самое, используя как пример шведские политические дебаты, в которых активное женское политическое участие было признано и имело большой практический эффект. Gordon (1990) дает обзор этих дебатов, а Leira (1992) высказывает те же мысли, ссылаясь на специфику материнства.

жно играть в рамках глобальной экономической системы. Отсутствует здесь и критическая оценка участия неправительственных организаций в сфере социального обеспечения. Редко привлекается внимание и к гендерным последствиям решения о выборе той или иной политической практики⁹.

Как мы предполагаем, одной из причин, по которым общественные дискуссии практически полностью сконцентрировались на вопросе о способе разрешения противостояния рынка и государства для объединения продуктивного и репродуктивного труда, является роль семьи — как на практике, так и в дискурсе — в период драматической социетальной перестройки. Безусловно, наследие страха и недоверия к коммунистическому государству имеет глубокие корни, и его разделяют как либералы, так и почвенники. Для многих недоверие к государству выражается в стойкой аллергии на государственное регулирование любого вида. Но одновременно можно говорить и о наличии сильной ностальгии — особенно среди менее удачливых слоев населения — по стабильности, которая ощущалась в последние годы коммунистической эпохи. Хотя дискуссии о семье везде пронизаны идеологией, специфика подобных дебатов в Центральной и Восточной Европе создает поучительный контраст с дискуссиями, параллельно протекающими в западных странах.

В США неоконсервативные и центристские дискуссии уже несколько десятилетий делают упор на «кризис» семейной жизни. Заявляя, что семья «больна», они призывают людей, церкви, ме-

⁹ Те специалисты в регионе, которые критиковали социалистические системы социального обеспечения и предлагали различные варианты смешанных решений, потеряли доверие или стали использовать рыночные подходы. Иностранцы эксперты явно склоняются в сторону доминирования и престижа рыночного решения проблемы в регионе, хотя и они иногда предостерегают от слишком большого доверия к рыночным механизмам. Как заметил один венгерский комментатор, «местных аналитиков сразу же обвинят в ретроградстве и антирыночном поведении, если они будут высказывать подобные утверждения» (Ferge 1995:156). Greskovits (1998: chaps. 3, 4), анализируя политические дебаты в различных странах, показывает, что спектр мнений к 1990-м годам сузился так сильно, что неолиберальные позиции возобладали даже без прямого внешнего влияния. Как отмечалось многими исследователями, в различных странах аргументы в пользу рыночных механизмов в течение 1980-х годов имели большой вес потому, что они кодифицировали мнения, указывавшие не только на экономику, но и на стремление к демократической политике, которое не могло в то время обсуждаться открыто.

стные и федеральное правительства «вылечить» ее. Осуждая распад семьи, они клеймят все виды социальных проблем, которые, по их мнению, происходят из-за аморального отказа от «семейных ценностей»: рождение детей вне брака, рост гомосексуальности и безответственность мужчин, а также пагубные последствия второй волны феминизма.

Феминистки действительно настаивали на таком изменении семейных форм и отношений, которые позволили бы женщинам — наряду с получением работы — обрести автономность и избавиться от зависимости от конкретных мужчин. Однако какими бы ни были реальные причины новых семейных форм, неоконсерваторы в самом деле могут опереться на реальные статистические изменения, в том числе и рост разводов, упадок рождаемости, рост родителей-одиночек, и статистический упадок «идеального» в их понимании домохозяйства, состоящего из мужчины-добытчика, зависящей от него жены и двоих детей.

Сходные изменения в семье произошли и во многих частях Западной Европы. Например, в Швеции 63% всех домохозяйств состоит только из одного человека, а высокий уровень разводов в сочетании с относительно высокой рождаемостью приводит к тому, что половина детей рождается вне брака. Частично подобные изменения семьи стали возможными в связи с принятыми мерами социального обеспечения, так как компенсация доходов и поддержка родителей снизили важность «семейных форм». Но, несмотря на дебаты по поводу будущего социального государства и участия женщин в политике, продолжающиеся в Швеции, формы семьи, судя по всему, главными причинами беспокойности не являются¹⁰.

Семья в общественных дискурсах стран Центральной и Восточной Европы отличается от обеих моделей, описанных выше. Перед лицом огромных социальных изменений семья рассматривается обществом в целом как институт, способный обеспечить связь с прошлым. Семья сегодня идеализируется и женщинами и мужчинами точно так же, как в свое время в крестьянстве пытались романтически увидеть носителя всего «подлинного». Многие исследователи, например, говорят о том, что женщины оказались лучше приспособленными к постсоциалистическим изменениям

¹⁰ О статистике в США и дискурсе по поводу социальной политики, особенно ее исторических аспектах, см.: Skocpol (1992) и Gordon (1990). Шведскую статистику см. у Carlson (1990) and Esping-Andersen (1996).

потому, что их идентичность тесно связана с прочным фундаментом семьи, т.е. с тем, что остается привычным и знакомым даже во времена войн и всеобщих потрясений. Например, начавшийся в 1989 году резкий рост заболеваний и смертности мужчин, особенно по сравнению с такого же рода статистикой у женщин, объяснялся тем, что уровень стресса у женщин ниже благодаря неизменности их семейной роли. Суть подхода, видимо, заключается в том, что, несмотря на общественные перемены, личная жизнь остается неизменной. Во многом эти дискуссии повторяют уже известные положения марксизма и теории модернизации, которые точно так же связывали значимые социальные изменения в основном с публичной сферой или сферой общественного производства¹¹.

В то время как государство и другие социальные институты у большей части населения вызывают сомнение и подозрительность, семья становится объектом сакрализации. И не только в среде почвенников. Ностальгические воспоминания сегодня часто рисуют семью коммунистической эпохи как автономную единицу, неподвластную влиянию коррумпированного государства и политики. Частное домохозяйство продолжает восприниматься как надежный кров, под прикрытием которого люди могли жить честно, подлинно, значимо. И если в коммунистический период опасность казалась исходящей от навязчивости государства, то сегодня ее часто видят в неопределенности и ненадежности государственных действий, в незащищенности рынка и рабочего места. В итоге, несмотря на десятилетия глубоких изменений в составе домохозяйства в Центральной и Восточной Европе (огромный рост числа разводов и родителей-одиночек, сокращение рождаемости, уменьшение пособий по рождению и уходу за ребенком и т.п.), образ стабильной независимой семьи все еще не потерял своей актуальности¹².

Подобная идея восточноевропейской семьи — как изолированного островка, остающегося неизменным в море социальной нестабильности, — должна пониматься как дискурсивная конструкция, точно такой же продукт политической идеологии, как и американские неоконсервативные попытки видеть в изменяющихся формах

¹¹ См. дискуссию о причинах роста показателей заболеваний и смертности у Eberstadt (1993), Standing (1996), Watson (1995).

¹² См. у Goven (1993) and Lapidus (1978) обсуждение того, почему именно женщины становятся основным объектом критики. См. также содержательный обзор в работе Einhorn (1993). Изменения в статистике и семейных формах Центральной и Восточной Европы собраны у Mitchell (1992).

семейных и гендерных отношений причины всех социальных бед. Ирония заключается в том, что до 1989 года во многих странах Центральной и Восточной Европы взгляды коммунистической пропаганды на семью во многом совпадали со взглядами западных неоконсерваторов. Обе идеологии делали упор на том, что деградирующий капитализм и «феминизм» разрушили самую большую ценность — семью. Согласно официальной идеологии, семейные отношения при коммунизме были лучше капиталистических семейных отношений, что — опять-таки не без иронии — действительно совпадало с повседневным опытом людей. Ибо семья — частная, вторичная, теневая экономика — часто понималась как место, позволяющее скрыться, защититься от самого государства. Вспоминая сегодня антиполитический настрой социалистической эпохи, многие люди говорят о семье как о «месте сопротивления» коммунизму.

При наличии подобного дискурсивного контекста — в совокупности с фискальным давлением со стороны международных инвестиционных организаций по сокращению расходов — вряд ли кажется удивительным, что число политиков, способных увидеть в социальном обеспечении постсоциалистическое средство изменения семейной жизни или механизма создания равенства в гендерных отношениях внутри домохозяйства, крайне невелико. Пенсионные программы и пособия по безработице пользуются у политиков гораздо большим вниманием, нежели меры по поддержке родителей и детей¹³.

Понятно, что подобная версия семейной политики — не единственный способ концептуализации семьи в Восточной и Центральной Европе. Другой комплекс мнений и доказательств, применяемый некоторыми аналитиками как внутри, так и вне региона, утверждает альтернативное понимание «семьи» в социалистическую и постсоциалистическую эпоху. Согласно этим взглядам, «независимая» или «противостоящая государству» семейная экономика (вторичная, домашняя, частная) при социализме на самом деле паразитировала на государстве; а государство со своей стороны паразитически использовало эту форму семьи. Ча-

¹³ В Венгрии 1980-х годов можно было встретить проявления воинствующего феминизма, хотя там не было феминистского движения. В других странах, таких как Румыния, опасность капитализма была первоочередной темой для обсуждения. См. у Gedeon (1995), Offe (1993) and Szalai (1993—1996) примеры того, какие аспекты социальной политики обсуждались в регионе наиболее активно в середине 1990-х годов.

стное производство использовало ресурсы и время, отобранные у публичного сектора. Несоответствие публичного сектора, в свою очередь, фактически толкало людей на поиски иных источников дохода, способных обеспечить необходимые услуги и предметы потребления: строительство новых домов или ремонт машин, которыми государство обещало (но было не в состоянии) обеспечить население.

Формула «публичное-и-приватное» конституировала систему, в которой практики, считавшиеся публичными, находились в приватном контексте, а практики, считавшиеся приватными, — воспринимались как часть публичных; чередой подобных делений могла длиться до бесконечности. Таким образом, идеология оппозиции государства и семьи (оппозиция общественного и частного) и стремление видеть в семье воплощение чего-то подлинного и частного, столь широко распространенные в регионе, вступают в противоречие с гораздо более сложным комплектом практик, связывающих воедино семью, домохозяйство и государство.

Краткое сравнение социального обеспечения — наименее популярной и наименее героической страницы истории взаимоотношений семьи и государства — в Центральной и Восточной Европе с другими моделями социальных государств оказывается весьма иллюстративным. Коммунистические правительства брали на себя ответственность, по крайней мере в принципе, за обеспечение основных потребностей граждан с целью облегчения последствий экономического неравенства. Они сделали своей целью и источником как политической, так и моральной легитимности поддержание относительной справедливости в уровнях дохода. Более того, они, по крайней мере, планировали наделить женщин социальными правами, обеспечить их занятость, создать систему ухода за детьми и обобщить другие функции домохозяйства. И хотя ход исторического развития стран Центральной и Восточной Европы сильно отклоняется от тех траекторий развития, которым следовали социальные государства на Западе, тем не менее и этим странам тоже удалось построить своего рода (неудачное) социальное государство, если в качестве основного критерия брать классическое определение социального государства как стремящегося обеспечить основные потребности своего народа.

Многие современные модели, использующиеся для анализа социальных государств, однако, вступают в очевидные противоречия с моделью государственного социализма. Например, либеральные, корпоративные и социально-демократические идеалы

полагаются на «социальные сферы» (social arenas) рынка, семьи, государства и добровольческого сектора, которые различными путями и в разной степени производят достаточно отличные друг от друга структуры социального обеспечения. Эти структуры отражают иные установки по поводу целей системы социального обеспечения и ее влияния на распределение доходов и иерархию, особенно внутри семьи.

Как, например, заметил Госта Эспинг-Андерсен, в начале 1990-х годов США, возможно, являли собой лучший пример либеральной модели, в которой поощрялся рынок, а помощь оказывалась только тем, кто не мог удержаться в его рамках. Германия, наоборот, была хорошим примером корпоративистского государства всеобщего благосостояния, которое, сохраняя статусные различия, полагалось на традиционную семью; при необходимости, однако, государство было готово заменить собой рынок для оказания помощи нуждающимся. Швеция представляет собой универсалистское государство всеобщего благосостояния, которое базируется на социально-демократических принципах и в своем признании равенства между женщинами и мужчинами зашло, пожалуй, дальше всех. Государство в данном случае не только берет на себя покрытие расходов, вызванных провалами рыночной системы, но и выводит за пределы действия рыночных принципов услуги, необходимые для формирования и поддержания семьи¹⁴.

Коммунистические государства не удовлетворяют ни одной из этих моделей. На протяжении многих лет практические и политические соображения вытесняли любую продуманную и специфически коммунистическую социальную идеологию социального обеспечения. Изменения на рынке рабочей силы, а также всплески и падения рождаемости влияли на взгляды специалистов по планированию, принимавших решения о масштабах женской занятости, о продолжительности отпуска по беременности, родам и уходу за ребенком, о размерах пособий многодетным семьям. Более того, несмотря на сходные идеологические взгляды и политические системы, практики и политические последствия, касающи-

¹⁴ Esping-Andersen (1990) дает подробный анализ различий в политических практиках, последствиях и историческом развитии различных типов таких государств. См. также: Barbalet (1988), где дана показательная дискуссия о развитии социальных прав в противоположность политическим правам. Самым главным и значимым отличием здесь является разница между универсалистским государством и теми, чьи средства обеспечения сначала подвергаются испытанию и потому легко могут быть осуждены.

еся «социального обеспечения», сильно различались среди стран Центральной и Восточной Европы. Тем не менее это не остановило ряд исследователей от того, чтобы сгруппировать опыт коммунистических стран под общим названием «система социального обеспечения бюрократического коллективистского государства»¹⁵.

Мы не собираемся предлагать свою типологию, еще меньше нас волнуют вопросы соответствия различных стран выработанным критериям и схемам. Нашей целью является сравнительный анализ социалистических, постсоциалистических и западных систем социального обеспечения. Наиболее полезными для такого рода попытки являются пять сравнительных параметров, сформулированных в обширной феминистской литературе по типологии государств всеобщего благосостояния.

Первым таким параметром является относительная устойчивость идеала мужчины-добытчика или главного лица, обеспечивающего семью, в структуре и идеологии, которые стоят за отдельными политическими практиками социального государства. В своей важной сравнительной работе Эспинг-Андерсен и его коллеги пренебрегли описанием способов, с помощью которых государство может облегчить осуществление женских репродуктивных и домашних обязанностей. В рамках в целом полезной теоретической схемы этих авторов особое внимание уделено пенсиям и программам поддержания уровня дохода, социальным благам, используемым в большинстве случаев мужчиной-работником как конечным получателем. В свою очередь, вопросы об отпусках по уходу за ребенком и проблемы поддержки родительства остались неосвоенными. Даже при рассмотрении процесса декоммодификации — т.е. таких мер социального обеспечения, которые позволяют освободить их получателей от рыночной зависимости — исследования Эспинг-Андерсена обошли вниманием тот факт, что зависимость мужчин от рынка иногда равносильна получению бесплатных услуг, предоставляемых женщинами внутри своих семей. Признание этой точки зрения проливает свет на те установки о гендерных отношениях, из которых обычно исходят при более традиционном анализе социальной политики. Следствием такого подхода может стать, например, противопоставление консервативной, мужской политики Германии и Британии, поддер-

¹⁵ См. о практически противоположных политических мерах венгерских и румынских политиков у McIntyre (1985); см.: Deacon (1992b) о новых категориях.

живающей уровень семейных доходов, но не ставящей заботу о детях своей первоочередной задачей, политике скандинавских стран, где превалирующее большинство женщин имеет работу (часто это неполный рабочий день), а общественный уход за детьми — в доступном избытке¹⁶.

Данный параметр сравнения — относительная устойчивость идеологии добытчика — характерен и для государственного социализма. Коммунистические страны также взяли на себя идеологические обязательства по достижению гендерного равенства посредством обеспечения полной занятости для женщин и для мужчин. Все пособия были связаны с участием в наемном труде, что на практике сделало его обязательным. Для женщин это означало сокращение зависимости от конкретного мужчины и увеличение прямой зависимости от государства. Более того, выплата пособий носила универсальный характер — все матери получали субсидии вне зависимости от размера и реальности потребностей в данных выплатах. Правда, в некоторых странах пособия по материнству и другие связанные с ними выплаты увязывались с предыдущим доходом матери.

При попытке оценить социалистический период важно принимать во внимание не только идеологические взгляды, бытовавшие в разных странах, но также и последствия реальной политики. Несмотря на очевидную приверженность к гендерному равенству, политическая практика коммунистических государств практически полностью игнорировала противоречие между одновременным стимулированием рождаемости и требованием полного рабочего дня для женщин. Предлагаемые решения — типа пособий по материнству — в итоге создавали неблагоприятные условия для женщин-работниц; ставя их в уязвимое положение, государство тем самым лишь усиливало гендерную стратификацию заработной платы и занятости. Практически на протяжении всего коммунистического периода и практически во всех странах женщины постоянно зарабатывали на 30—40% меньше мужчин. В последние десятилетия коммунизма женщины практически отсутствовали в сфере управления, даже в тех секторах и профессиях (например, в сфере образования), где их было большинство.

¹⁶ Подход с точки зрения добытчика см. у Lewis and Astrom (1992), позднее он был детализирован у Lewis (1997). См. также реакции других ученых в специальном выпуске журнала «Social Politics» (4:3, 1997). Подобного рода критика была дана Hobson (1994) и другими учеными у Sainsbury (1994).

Таким образом, в отличие от скандинавской литературы, в данном случае вопросы признания и оценки женского труда и проблемы теоретического обоснования соотношения между оплачиваемой и неоплачиваемой работой не освещались. Политическая практика была нацелена на изменение поведения женщин, но не мужчин, и на протяжении всего коммунистического периода разделение труда между полами в рамках домохозяйства изменилось мало. Хотя женщины и становились наемными работниками в большом количестве и во многих странах, активно принимая участие во вторичном экономическом секторе, они также сохраняли за собой и основную ответственность за воспитание детей и работу по дому.

В постсоциалистический период политическая практика не всегда была связана с идеологией «добытчика», но и в этом случае она имела свои гендерные последствия, отразившиеся на значимости «ухода» и заботы. Основная часть пособий продолжает зависеть от занятости, что представляет серьезную проблему для женщин, диспропорционально широко представленных среди безработных в большинстве стран региона. Кроме того, благодаря новой политике в отношении к безработице, пособия часто индексируются по отношению к предыдущим заработкам и стажу работы, опять-таки ставя женщин в уязвимое положение. Сходным образом индексируются и пенсии — самая значительная статья расходов в текущих социальных бюджетах стран Центральной и Восточной Европы. Все еще является нормой более ранний возраст выхода на пенсию для женщин; женщины также «теряют» годы рабочего стажа из-за отпуска по уходу за ребенком. Таким образом, женщины-пенсионерки, как правило, испытывают большую опасность оказаться у черты бедности. Общая текущая пенсионная политика в сочетании с ее конкретными проявлениями, создающими неблагоприятные условия для женщин, достигла кризисных пропорций после 1989 года, когда стал поощряться досрочный уход на пенсию в целях уменьшения безработицы среди молодого поколения¹⁷.

Пособия по материнству и другие семейные пособия, выплачиваемые семьям наличными после рождения ребенка, представляют еще одну категорию субсидий. Созданные для поддержки детей во всех видах семей, они были универсальными по охвату и

¹⁷ О пенсиях и изменении в пенсионной политике в регионе см.: Fox (1994), Nelson (2000) and Andrews (1996).

последствиям и исходили из общей посылки о том, что забота о детях до некоторой степени является прямой обязанностью государства. Попытки отмены или ограничения данных пособий вызвали серьезную негативную реакцию среди населения. План экономики Бокроша, принятый в Венгрии в 1995 году, является красноречивым примером¹⁸. Наряду с введением платы за лечение и образование этот комплекс законов требовал и проверки степени нуждаемости в пособиях на детей и в связи с рождением ребенка. Введение этих мер оправдывалось дефицитом бюджета и сопровождалось пояснениями о том, что пособия должны предоставляться только тем, кто в них действительно нуждается. Но после того, как этот проект был опротестован в Конституционном суде, многие ограничения были сняты. Неолиберальная критика утверждала, что суд незаконно помешал экономической реформе: конституция ясно устанавливает, что Венгрия не является государством всеобщего благосостояния. При этом для удовлетворения широких слоев населения концепцию «материальной справедливости» суд использовал, чтобы поддержать многие из принятых ранее мер по социальному обеспечению. Сходные дискуссии прошли и в Польше, обнажая в целом появившиеся социальные разногласия с особой очевидностью¹⁹.

Говоря о более широком контексте, необходимо отметить отказ от государственных субсидий в такой и без того малооплачиваемой и перегруженной сфере, здравоохранение и услуги по уходу за маленькими детьми, — в пользу пособий по безработице и пенсионных выплат, которые в общем более выгодны мужчинам, нежели женщинам. Подобные меры оставляют открытым вопрос о том, кто будет делать работу по уходу за детьми, больными и престарелыми. Например, чешские политики, подобно венгерским и всем остальным, открыто встали на консервативную позицию «субсидиарности», утверждая, что государство должно создавать условия для хорошей жизни, но помогать только тогда, когда сама семья сделать этого не в состоянии. Следуя такой позиции, коммунистическую иллюзию о бесплатном уходе нужно было ликвидировать путем установления очевидной зависимости между выплатами в виде налогов и страховочных планов и тем, что людям

¹⁸ План получил свое название по имени министра финансов — Лайоша Бокроша (Lajos Bokros). — *Прим. пер.*

¹⁹ См.: Sajo (1996), где дается критика событий в Венгрии. Польские попытки ограничения социальных трат на семью обсуждаются у Rutkowski (1998) and Barr (1994).

возвращается в качестве поддержки. Теперь сами люди — с помощью заработка и сбережений — должны взять на себя «активную» ответственность за свою жизнь и благосостояние семьи и близких. Вновь, словно повторяя попытки коммунистов по созданию «нового человека», жители Востока Европы должны «ре-формировать» себя как нацию²⁰.

В данной риторике примечательна возрастающая роль семьи. Как только женщины теряют работу или вступают в неформальные или временные экономические связи, они, а не некая абстрактная семья, вероятнее всего, будут составлять большую часть нуждающихся в медицинском обслуживании, льготах по уходу за детьми и пенсионных выплатах. Ликвидация субсидий является попыткой облегчить формирование государственного бюджета и одновременно стимулировать приватизацию такого рода услуг. И действительно — уход за детьми, престарелыми и больными часто коммерциализируется по мере того, как сами женщины вступают в сферу мелкого предпринимательства, включающего такого рода услуги. Однако политическая практика, основанная на данных принципах, может легко декоммодифицировать (или, наоборот, приватизировать) сам женский труд — путем увеличения спроса на работу по уходу внутри тех семей, которые не в состоянии оплачивать приватизированные услуги.

В отличие от подобной политики предложения по выплате государственных пособий тем, кто ухаживает за престарелыми родственниками, представляет собой несколько необычную комбинацию принципов, позволяющую отойти в сторону от традиционной идеологии «кормилица» семьи. Такой план придал бы денежное выражение социальной работе, чего достаточно долго добиваются западные феминистки. Но в то же время — в силу своей очевидной гендерной специфики — такие меры привели бы к вымыванию женщин из числа тех, кто мог бы претендовать на более высокооплачиваемую работу. Вновь возрожденная идеология «кормилица семьи», судя по всему, не встречает противодействия своему распространению в регионе, хотя и может видоизменяться в зависимости от социального положения и поколения. Как свидетельствуют этнографические исследования, и мужчины и женщины в регионе начинают воспринимать жен-домохозяйек в качестве желаемых

²⁰ См. примеры такого рода планов: Svejnar (1995). Подобные примеры из других стран: Roxin and Háos (1995), Sipos (1994), Vinton (1993), Okolicsányi (1993).

емых символов мужественности представителей профессиональных групп или управленческого звена²¹.

Вторым параметром сравнения западных социальных государств и коммунистических/постсоциалистических стран являются показатели и формы женской занятости. Полезно вспомнить, что в западных социальных государствах, так же как и при государственном социализме, массовый приток женщин на рынок труда произошел после Второй мировой войны и был вызван расширением сектора услуг, особенно тех, которые составляли основу социального обеспечения. Причины расширения государственной сферы носили разный характер на Западе и на Востоке, и в науке не сложилось единого мнения по поводу причин, вызвавших послевоенный бум социальных государств.

Некоторые утверждают, что, по мере того как капиталистические отношения разрушали традиционные формы социального обеспечения, а рабочие приобретали навыки в организации и защите своих интересов, демократическая политика сделала возможным открытое выражение их требований, связанных с перераспределением доходов. В зависимости от теоретической установки пенсии, пособия по безработице и другие льготы могут рассматриваться, например, как способ облегчения классовых трений, как осуществление контроля и надзора за группами населения, которые могли поставить под угрозу интересы капиталистических и — шире — правящих элит. Либо эти меры могут трактоваться как расширение и в конечном итоге универсализация полного, социального гражданства. В качестве работников женщины были неиспользованным резервом рабочей силы, которую можно было бы задействовать в процессе расширения государственных услуг.

С другой стороны, женская занятость на Востоке Европы являлась одним из главных идеологических принципов государства. Поголовная занятость посредством централизованного контроля за производством (и воспроизводством), наряду с государственным обеспечением основных социальных льгот для всех граждан, составила основу социалистической стратегии модернизации, в то же время легитимируя государственный социализм как систему, которая позволяла рабочим войти в современность более справедливым и равноправным путем.

²¹ См. обсуждение проблемы «ухода за детьми и престарелыми» в западных государствах всеобщего благосостояния: Klijn and Ungerson (1997). Этнографические данные о государствах Центральной и Восточной Европы собраны у Gal and Kligman (2000).

Основным моментом для анализа данного параметра является тот факт, что только при коммунизме участие женщин в трудовых отношениях являлось принудительным. Многие специалисты утверждают, что занятость, диктуемая государством, не обязательно являлась признаком женской эмансипации. Женщины Центральной и Восточной Европы чувствовали себя перегруженными и разочарованными, поскольку для них занятость была обязательной повинностью, налагаемой государством. Неспособность удовлетворить повседневные потребности, особенно по уходу за детьми, порождала чувство вины. В свою очередь, на Западе женская занятость обычно увязывается с обретением женщинами чувства значимости и автономности, прежде всего потому, что женщины сами боролись за получение доступа к труду²².

Никто не отрицает принудительных аспектов коммунистических государств. И тем не менее мы считаем необходимым пересмотреть только что обозначенное принципиальное отличие. Не существует никаких прямых доказательств, подтверждающих стремление женщин на производство в 1950-х годах, когда политическая практика подобного рода получила широкое распространение. Как утверждает Жужа Ферге, основываясь на исторических данных, и на своем собственном опыте, реакция на участие женщин в производстве зависела, по крайней мере частично, от стадии жизненного пути конкретной женщины и ее политических взглядов на коммунистические идеалы, так же как и от экономического и социального окружения, в котором она начала свой путь в рабочие. Несмотря на определенное сопротивление, для одних женщин (особенно из бедных или рабочих семей) занятость уже давно являлась нормой, а для других (молодых и амбициозных) работа открывала новые перспективы.

За тезисом о принуждении также стоит допущение о естественном месте женщины в процессе воспроизводства населения: никто не спрашивает мужчину, хочет ли он «работать». Право мужчины на труд обычно рассматривается как освобождение от давления

²² Условия женской занятости на Западе и Востоке различались и в других отношениях. Даже в таких государствах всеобщего благосостояния, как Швеция, где работало 80% женщин, большинство из них работали неполный день или на полставки. В Центральной и Восточной Европе, где женская занятость была также высока (варьируясь от 50 до 80% в зависимости от страны), наоборот, полный рабочий день остается нормой, хотя женщины все больше переходят на неполную занятость, часто в дополнение к своей основной работе.

рыночной экономики. Опыт других социальных государств позволяет взглянуть на эту проблему иначе. Как показывает статистика, в 1970-х годах шведское правительство увязало родительские льготы с занятостью, разработав налоговое законодательство, стимулирующее семьи, имеющие двойной доход. Благодаря возникшим структурным ограничениям, женщины, решившие остаться дома, вне сферы оплачиваемого труда, оказались в неблагоприятной ситуации²³.

Проблему можно сформулировать шире: что означает «принуждение»? То есть как люди воспринимают определенные формы контроля со стороны государства и рынка и свои гражданские права в государстве всеобщего благосостояния? Проблематизация такого рода крупных аналитических концепций характерна для общего направления феминистских исследований о государстве всеобщего благосостояния. Сходная проблема поиска новых определений типична и для постсоциалистического периода. Например, женщины в Венгрии чаще, нежели мужчины, продолжают работать в плохо оплачиваемом государственном секторе. Однако низкая зарплата в таком случае подталкивает женщин к стратегии поиска многочисленных неформальных, непостоянных работ. Эти хорошо оплачиваемые работы позволяют иметь гибкий временной график, но не дают социального страхования и льгот. Поразительно в этом случае то, что в подобных стратегиях отражается преемственность со временами государственного социализма. Тогда «непостоянные» работы позволяли женщинам и их семьям путем самоэксплуатации удовлетворять свои потребительские запросы в условиях экономики постоянного дефицита. Несмотря на изменившиеся обстоятельства, сегодня женщины используют те же стратегии самоэксплуатации для выживания и удовлетворения своих потребностей и потребностей своих семей в условиях периферийного «развивающегося» капитализма. В свою очередь, эти стратегии отвечают и интересам частных фирм, обеспечивая их относительно дешевой рабочей силой.

Значимо то, что ранее необходимость данной стратегии воспринималась социальными акторами как последствие корруппи-

²³ Ferge (1997) дает обзор трудной проблемы принуждения. См. также: Szalai (2000) Daskalova (2000), Einhorn (1993), Petrova (1993). Lewis and Astrom (1992) дают анализ шведского примера, на который мы полагаемся в нашей статье. Оказывается, решение по рекрутированию женщин в рабочую силу мотивировалось частично желанием не допускать иммигрантов к занятости.

рованности и аморальности «системы», неспособной выполнять свои обещания. Повышенная занятость трактовалась как несправедливое принуждение. С 1989 года, однако, одновременная работа в нескольких местах стала восприниматься как индивидуальная проблема. Ее структурные и гендерные характеристики, которые можно было бы назвать рыночным принуждением, стали невидимыми. Для многих чувство незащищенности в области труда, так же как и во многих других областях, стало обыденной частью повседневной жизни. При этом подобная ситуация не воспринимается как следствие чьей-либо вины или как часть видимой системы, выступая не принуждением, а лишь необходимостью, с которой предприимчивые работники вынуждены считаться, чтобы выжить в постсоциалистическом, постфордистском мире. Мы настаиваем на реконтекстуализации и придании политического значения такого рода изменениям. Вопрос о том, что считается «принуждением» в каждый конкретный исторический момент, идет рука об руку с вопросом о том, что такое «выбор», и частично зависит как от перспектив, доступных тем, кто принимает решение, так и от дискурсов и политических обстоятельств.

Третий параметр сравнения западных социальных государств и коммунистических/ постсоциалистических стран касается изменяющихся и изменяемых оснований, на которых могут строиться обращения к государству. В своей влиятельной работе Фрейжер показала, что «потребности» конструируются и формируются, что они вступают в контраст с «правами», призванными служить юридически обоснованными требованиями, предъявляемыми государству. И те и другие создаются и модифицируются в ходе дискурсивных и политических конфликтов.

Требования социального обеспечения предоставляют еще один способ конструирования отношений между государством и его гражданами при помощи дискурса и политики. Сложившаяся практика помощи и выдачи пособий матерям, родителям, работникам или гражданам является ключевой для определения форм помощи, так же как ее более широких социальных последствий. Как уже неоднократно отмечалось, политические программы, да и целые режимы социального обеспечения, значительно отличаются историей, которая привела к формированию существующих ролей и отношений. В зависимости от ситуации опыт политических или философских дискуссий, законодательных процедур или, например, рабочих забастовок и соглашений между корпоративными группами может использоваться в качестве основания для

убедительных и действенных требований к государству. Вопрос о том, какая часть помощи, каким образом и в каком государственном институте подлежит выплате, также являлся предметом разногласий. Исторические обзоры показывают, как западные социальные государства использовали в своей социальной политике деление бедных на «заслуживающих» и «не заслуживающих» государственной помощи. Приоритетность детей, военных и инвалидов, женщин и мужчин как адресатов государственной помощи изменялась во времени. Помощь, понятая как возмещение затрат, которые получатель понес ранее либо в денежной форме, либо в виде оказания услуг, например, государству, рассматривается иначе по сравнению с помощью, не имеющей подобного активного участия получателя. Многие формы государственной помощи, обычно получаемые мужчинами — ветеранские выплаты, пенсионные льготы или компенсации по причине низких доходов, — в некоторых странах даже не рассматриваются в качестве «социальных».

Денежные пособия, не дифференцирующие получателей в рамках определенной группы, в истории западной социальной системы традиционно воспринимались более позитивно по сравнению с теми формами помощи, для получения которой получатели должны соответствовать определенным критериям минимального дохода или плохого состояния здоровья. Даже продолжительность программ влияла на характер их восприятия среди населения. Программы, нацеленные на решение краткосрочных проблем (например, безработицы), часто расцениваются иначе по сравнению с программами, направленными на долговременную борьбу с бедностью. Суммируя, можно заметить, что мотивация государственных затрат базируется не только на оценке экспертов-экономистов, но и на таких нравственных установках и политических целях, как, например: моральный аспект различий между большими и малыми доходами; необходимость поощрения рождаемости (пронатализм) с целью роста населения; приемлемость различных уровней безработицы, бедности и минимального размера оплаты труда; желательность женской занятости и т.п.²⁴

На протяжении большей части социалистического периода государственная помощь как таковая была гораздо менее видимой

²⁴ См.: Ваг (1994). Вопрос, который мы не рассматриваем здесь детально, это предел, до которого государство готово делить ответственность с добровольными, некоммерческими или неправительственными организациями (см.: Göting 1995; Szémán 1995; Hobson 1994; Barbalet 1988).

и более вездесущей по сравнению с вышеперечисленными формами помощи прежде всего потому, что она выступала в форме субсидий, призванных компенсировать относительно небольшую («сжатую») разницу в зарплатах. Занятость являлась конституционно защищенным «правом» на труд. Относительно дешевая еда, жилье и услуги не могли «требоваться», поскольку обычно воспринимались либо как сами собой полагающиеся, либо как «подарки» со стороны патерналистского государства. Зачастую доступность этих «подарков» определялась «связями» и взятками или же должна была сопровождаться неформальными бартерными соглашениями в теневой (вторичной) экономике. Именно поэтому эксперты региона до самого 1989 года подвергали социалистическую «социальную» систему настойчивой критике. Поскольку промышленная политика (работа, зарплаты) объединялась с социальной политикой, предприятия и профсоюзы выполняли роль и производственных, и снабженческих институтов. Социальные проблемы было трудно отделить от производственных, что, в свою очередь, не позволяло работающим установить взаимосвязь между льготами и своими собственными действиями и нуждами. Услуги распределялись, как правило, недемократическим и произвольным путем. Партийные комитеты или другие местные политические органы по своему усмотрению могли определять получателей, объемы и способы осуществления помощи, создавая при этом специфические, уникальные формы неравенства. Наконец, набор средств, с помощью которых можно было обратиться властей на социальные проблемы, игнорируемые или отрицаемые государством, был весьма ограничен. Существование бедности или безработицы не предполагалось, а потому и не влияло на формирование планов по улучшению существующих условий²⁵.

Нынешний период реструктуризации дает возможность увидеть, как по-новому конструируются и формулируются требования, предъявляемые к государству. Четкая линия на уход государства из системы социального обеспечения — наиболее очевидная при анализе конкретных случаев — позволяет лучше понять и объяснить возможности и ограничения таких требований.

Каталин Ковач и Моника Варади в подробном исследовании венгерского города продемонстрировали ситуацию, сложившуюся

²⁵ См. примеры ранней критики в регионе: Szalai (1991), Berdahl (1999), где обеспечивается этнографический материал стратификации в соответствии с системой «связей» в Восточной Германии; о ситуации в Румынии см. также Kligman (1998).

ся с женщинами — работницами консервного завода. Во времена социализма завод-патерналист обеспечивал большую часть жизненной инфраструктуры своих рабочих: работу, отдых, участие в политических делах, уход за детьми, продовольственное снабжение, парикмахерские и другие бытовые услуги, — заменяя как поддержку мужей, так и другие семейные связи. Биографические интервью показали, что женщины этого завода практически не имели никакой жизни вне производства. Приватизация завода привела к ликвидации большинства из этих услуг: иностранная компания, купившая консервный завод, отказалась от предыдущей социально ориентированной политики. В результате работницы оказались лишенными традиционных услуг, как и других ресурсов, включая человеческую поддержку, способных восполнить эту утрату. Их заработная плата была недостаточной для того, чтобы компенсировать потери, а конкуренция, сложившаяся по причине увольнений из-за временной приостановки производства, усилила социальные трения внутри завода. Родственники были озабочены своими собственными проблемами. Важно то, что меры по помощи безработным и бедным, которые были введены с целью борьбы с жесткими последствиями «переходного периода», не помогли этим женщинам. Они не являлись безработными и не подпадали под официальные критерии нищеты, т.е. у них отсутствовали основания, исходя из которых можно было бы требовать помощи от государства. Медленно скатываясь к черте бедности и отчаяния, работницы стали наглядными примером прямого наследия коммунизма, поощрявшего зависимость от государственного обеспечения и услуг, исчезновение которых постсоциалистическое «социальное обеспечение» восполнять не спешило.

Еще один пример демонстрирует путь эффективного формулирования требований. Джоана Гавен в своем исследовании показывает, как сочетание локальных дискурсов с распоряжениями международных кредитных учреждений было использовано в Венгрии при конструировании «потребностей», идентичностей и, таким образом, новых требований, связанных с программами отпусков по уходу за ребенком. Частично это было достигнуто благодаря определению категорий нуждающихся и ненуждающихся граждан и резонности различных форм государственных обязанностей по отношению к ним. Дебаты венгерского парламента по поводу отпусков по уходу за детьми в начале 1990-х годов проходили в обстановке, когда политические партии отстаивали свою легитимность, испытывая при этом озабоченность расширением прав

населения на выражение своего собственного мнения. Социальные программы установили различные категории льгот, прав и выплат для лиц разного социально-структурного положения и тем самым позволили дифференцировать политическую базу партий²⁶.

Парламентская дискуссия и итоговые меры соответствовали неолиберальным рекомендациям Всемирного банка. Все согласились с тем, что всеобщая выплата пособий матерям, практиковавшаяся на закате коммунистической эры, должна быть прекращена. Партии спорили скорее о том, кто именно должен стать получателем ограниченных ресурсов. Логика и терминология дебатов развивались в русле предыдущих дискуссий в венгерском парламенте, ключевыми моментами которых стал тезис о социальных различиях, а не предложения Всемирного банка. В то время как министр (социалист) отстаивал помощь бедным, популистская оппозиция выступала за прямую поддержку семей этнических венгров средних слоев, чтобы обеспечить национальную преемственность и предотвратить демографическую катастрофу. «Матери» присутствовали во всех дискуссиях вместе со своими «потребностями» и «правом» оставаться дома с детьми. «Женщины» и их право на труд или государственную поддержку ухода за детьми подозрительно отсутствовали. Сложившуюся ситуацию резко описала Гавен:

В данном случае была признана необходимость того, чтобы матери оставались дома с детьми... необходимость же (как для матерей, так и для детей) дополнительного вне-домашнего ухода за детьми — нет. С этой дискуссией переплелось признание потребности (или права?) мужчин — но не женщин — в автономии; признание заинтересованности нации в детях среднего класса; признание потребностей (и права) семей среднего класса на компенсацию и автономию (например, на выплату пособий наличными без проверки действительного уровня нуждаемости и без ограничений или контроля за тем, как эти пособия тратятся) и признание потребности «других» семей в дисциплине и контроле со стороны (Goven 2000).

Этот пример демонстрирует, как дискурсивно создается упрощенная система социального обеспечения неолиберального государства и как политика социального обеспечения порождает и укрепляет различные категории гражданства и привилегий.

В другом примере, взятом из постсоциалистического периода, изменения в структуре требований превратили воспроизводство (рождаемость) в механизм социального расслоения. Как мы отме-

²⁶ Подробнее см.: Goven 2000.

чали выше, при государственном социализме социальные программы, связанные с материнством, были всеобщими, т.е. относились ко всем женщинам, становившимся матерями. Социалистическая стратификация, таким образом, не базировалась на репродуктивных отношениях. Например, в условиях пронаталистской политики Чаушеску доступ к (нелегальным) абортам для верхушки румынской коммунистической партии был более реален, чем для многих других, хотя необходимые связи не гарантировали отсутствия возможного шантажа и обвинений. Но введение отпуска по уходу за ребенком, практиковавшееся в рамках этой пронаталистской политики, имело положительный эффект, поскольку в силу всеобщности не приводило к социальной стигматизации.

Программа экономии, практикуемая с 1989 года, однако, привела к дифференциации и неравенству в данной сфере. Например, в Венгрии этнические венгерки и цыганки из бедных слоев, традиционно опиравшиеся в своих требованиях к государству на престижность категории «мать», оказались под угрозой контроля со стороны социальных работников, заинтересованных в проверке не столько качества материнских навыков, сколько уровня материальных условий. В Восточной Германии, для того чтобы привлечь внимание работодателей, заинтересованных в «надежных» рабочих, не требующих пособий по рождению и уходу за ребенком, женщины предпочли стерилизацию. Таким образом, с помощью различных способов стратифицированное материнство оказалось институционализированным. Семьи, которые могут себе это позволить, забирают детей из государственных яслей и детских садов, испытывающих нехватку персонала по причине недостаточного бюджета и других трудностей. Одновременно просьбы об общественной поддержке, предъявляемые к государству, стигматизируются, ассоциируются с бедностью и плохими навыками; в свою очередь, частные дошкольные и образовательные учреждения набирают силу²⁷.

Описанные случаи вновь распространяющейся стратификации подвели нас к четвертому параметру сравнения между западной

²⁷ См. Naney (1997) о новом восприятии роли венгерских матерей. Kligman (1998) обсуждает способы, по которым стратифицируется репродуктивная система в Румынии посредством ограничений и абортов. Среди многочисленных исследований эффекта стратификации на репродукцию в Германии см.: Dölling, Hann, and Scholz (2000) и в Польше Zielińska (2000).

системой социального обеспечения и коммунистическими/ пост-социалистическими государствами. Давно замечено, что отличием социальных государств является способ регулирования имущественного неравенства и различий в доходах. Государства с «либеральной» или «корпоративной» системой социального обеспечения принимают и стимулируют неравенство в доходах, создавая систему социальной поддержки, стабилизирующую социальную иерархию. Только «социально-демократические» государства идеологически преданы идее относительного экономического эгалитаризма и на практике пытаются поощрять соответствующие политические программы.

Если коммунистические государства Восточной и Центральной Европы на своем начальном этапе избрали приверженность идее относительного равенства доходов, то в постсоциалистическую эпоху такой официальной приверженности не наблюдается: все виды экономического анализа региона показывают, что неравенство в доходах резко увеличилось, соперничая по показателям с Западной Европой. Однако эти отчеты не принимают во внимание тот вклад, который внес в данное расслоение процветающий сектор неформальной экономики. Например, в Польше увеличение разницы в доходах произошло в результате повышения зарплаты небольшой группе хорошо образованного меньшинства и нисходящей мобильности большинства, состоящего из тех, кто получил менее качественное образование.

Поскольку гендерные отношения являются ключевыми в восходящей или нисходящей социальной мобильности, постольку важно рассмотреть взаимосвязь гендера со стратификационными показателями в период постсоциалистических реформ. Несколько примеров проиллюстрируют то, как гендерные отношения регулируют и, таким образом, оформляют экономический процесс, результатом которого становятся новые формы семьи и новые виды гендерных отношений²⁸.

Женщины и мужчины Центральной и Восточной Европы сталкиваются с различными требованиями при устройстве на работу. Хотя оплачиваемый труд более не является обязательным, обычная работа всегда является видом полной занятости. Даже если бы женщины и предпочли уйти с работы для того, чтобы посвятить себя материнству — частично потому, что это кажется привилеги-

²⁸ В работе Rutkowski (1998) содержатся подробности о распределении доходов в Польше.

ей, которой женщины были лишены в социалистическую эпоху, — многие не могут себе этого позволить финансово. Две зарплаты существенны для поддержания большинства домохозяйств. Государственные учреждения по уходу за детьми стали редкостью, частные учреждения — очень дороги. Различные женские стратегии по совмещению непостоянного и неформального труда с обычной работой в государственном секторе — это ответ на трудности, вызванные постсоциалистической политикой государства.

Мужчины же, наоборот, более активно участвуют в полной занятости в растущем частном секторе со всеми вытекающими льготами. Поскольку в большинстве стран мужчины работают на нескольких работах менее часто, с 1989 года гендер стал ключом к стратификации, которая отделяет стабильную занятость от нестабильных, но часто высокодоходных возможностей. В этом отношении, как отмечает ряд венгерских исследователей, женщины находятся в более уязвимом положении. Однако, согласно исследованиям Юдит Шалаи, эта ситуация не столь однозначна: женщины, занятые на нескольких временных, разовых, субдоговорных и т.п. работах, имеют большую занятость и — часто — более высокий доход. Женщинам, которые не сумели встать на этот путь, грозит перспектива безработицы или нищеты, ведущая к еще более резкой гендерной поляризации. Свидетельства такой неформальной нерегулярной занятости можно найти по всему региону. Система льгот сама по себе частично ответственна за процесс экономической неформализации (economic informalization), который характерен для нынешней Восточной и Центральной Европы и проходит при активном участии самих работодателей. В Чешской Республике в 1990—1991 годах многие работодатели предпочитали нанимать только тех работников, которые имели разрешение на частную предпринимательскую деятельность, чтобы избежать социальных выплат. Большинство наблюдателей подозревают, что, хотя эта практика и была объявлена годом позже незаконной, она продолжает существовать в завуалированной и скрытой форме. Такие договоренности взаимовыгодны, поскольку позволяют работникам избежать уплаты налогов на заработную плату. Учитывая высокий уровень развития неформальной экономики в Польше до 1989 года, трудно себе представить, что такие практики исчезли без следа сегодня²⁹.

²⁹ В Польше именно мужчины больше всего втянуты в неформальную экономику (Fuszara 2000). См. также: Standing (1996).

Подобные свидетельства, как правило неполные, позволяют создать определенное впечатление о структурной ситуации, сложившейся среди женщин в условиях постсоциализма и представляющей резкий контраст с картиной гендерной стратификации в социальных государствах Запада. Эти свидетельства намечают траекторию формирования условий, ставящих женщин Центральной и Восточной Европы в уязвимое положение. Частично это является наследием коммунистического периода, частично же — результатом нынешней политики. На протяжении всего социалистического и постсоциалистического периодов заработная плата женщин была в целом ниже мужской. Домашние обязанности и услуги по уходу за детьми, приватизированные в условиях рыночной экономики, стали предметом гораздо меньшего общественного внимания по сравнению с временами государственного социализма. Женские стратегии выживания, несмотря на всю их созидательность и находчивость, отражают продолжающееся структурное неравенство на рынке труда. В результате складывается особый тип гендерных установок, основой которых не является ни женская зависимость от мужчины внутри домохозяйства — модель хотя и возможная для немногих, весьма успешных мужей, но в целом не достижимая для большинства, — ни зависимость от материального государственного социального обеспечения, доступного только сильно нуждающимся на основании «проверки потребностей». Скорее, в основе этих установок лежат попытки женщин сочетать различные элементы стратегий занятости с вынужденной зависимостью от тех крайностей рыночной экономики, которые возникают в ее наименее урегулированных областях и противостоять которым у женщин нет возможностей. Учитывая эти выводы, феминизация бедности в регионе заслуживает дальнейшего изучения.

Однако не все женщины в этих странах столь уязвимы. Стратификация доходов и социальная мобильность могут регулироваться гендером и гендерными отношениями и более сложным образом. Упомянувшееся выше этнографическое исследование небольшого венгерского города, предпринятое Ковач и Варади, содержит детальные примеры различных противоречивых траекторий женских жизненных путей. Они связаны с различающимися — появившимися в последнее время — идеями о надлежащей форме взаимоотношений между супругами. Эти взгляды основаны на иных образах «Я», маскулинности и фемининности и варьируются от модели мужчины-добытчика/женщины-потребительницы до идеала сотрудничества, «партнерства» между супругами, включая и в такую

его форму, как взаимная ненависть между мужчинами и женщинами, подразумевающую, что в воспитании детей без мужчин прежде всего заинтересованы сами женщины. Последняя разновидность лишь выдает обсуждавшийся выше гомогенизированный, идеологизированный взгляд на «семью», который получил распространение в регионе. Имплицитно все три формы предполагают наличие государственной помощи, а также пределы, в которых индивид может на эту помощь рассчитывать. Речь, таким образом, идет не столько о государственных программах, сколько о предоставлениях, из которых исходят социальные акторы в своем восприятии этих программ.

Гендерная идеология, которую задокументировали Ковач и Варади, сама по себе является эмблемой нарождающихся классовых различий. Модель добытчик/домохозяйка пользовалась наибольшей поддержкой только в самых элитных семьях города — в тех, где мужчины являлись руководителями вновь приватизированных компаний, или же в тех, где подчиненное положение женщины объяснялось строгой приверженностью религиозным верованиям. Жизнь богатых действительно могла соответствовать защищаемой ими модели семьи. Для других категорий защита подобной модели не сочеталась с их действиями на практике. Для этой страты идеология сама по себе демонстрировала принадлежность к элите.

С другой стороны, идеал супружеского «партнерства» был свойствен исключительно мобильным, продвигающимся вверх и крайне успешным женщинам-предпринимательницам. В отличие от обеих моделей, именно заводские работницы, которые в большинстве своем понимали, что жизнь без мужчин возможна и иногда даже предпочтительна, имели самые слабые эмоциональные связи со своими мужьями.

Поскольку исследование Ковач и Варади включало пять жизненных историй, мы знаем, что женщины-предпринимательницы отличались не только по своим взглядам, но и по своему поведению. Они разводились с мужчинами, чьи идеи о гендере, как они считали, несовместимы с их собственными ожиданиями и амбициями; они описывали повторяющиеся решения о разводе с мужьями, требующими от них, по словам женщин, подчиненной роли. Вопрос стоял не о равном разделении труда внутри домохозяйства или рынка труда: эти женщины, так же как и все другие женщины Восточной и Центральной Европы, сохраняя за собой первичные обязанности по выполнению домашней работы, уходу за детьми,

еще и работали вне дома. Скорее они отвергали мужей, способных оказать эмоциональную поддержку и небольшую практическую помощь, необходимые для реализации экономических амбиций своих жен. Без преувеличений можно сказать, что для данных женщин выбор супруга, который мог бы стать адекватным «партнером» — термин, используемый самими героинями, — являлся центральной и частично сознательной стратегией мобильности.

Сравнение этих венгерских предпринимательниц с работницами консервного завода, речь о которых шла выше, позволяет прояснить парадокс преемственности государственной политики социалистического периода. В то время как работницы завода полагались в практических делах на государственное предприятие и его социальное обеспечение, предпринимательницы мало сталкивались с институтами государственного социализма. Взамен они — часто с ранних лет — полагались на неформальную экономику. При этом обе категории женщин порождены социализмом; но если для работниц практическим наследием является зависимость, то для предпринимательниц — это государственная социалистическая идеология гендерного равенства и ее практические гарантии всеобщего образования и права на труд, давшие этим женщинам возможность думать о себе как о потенциально самодостаточных и в ряде случаев равных мужчинам³⁰.

Регулирование социальной мобильности с помощью гендерных отношений и гендерной идеологии не ограничивается только выбором супруга. Это регулирование включает также самовосприятие, использование телесности и представления о сексуальности. Здесь преемственность исчезает, и мы замечаем резкий разрыв с прошлым не только в практиках, но и в репрезентациях. Возможно, наиболее впечатляющим изменением являются тиражируемые средствами массовой информации образы успешной и, таким образом, господствующей мужественности и женственности. Став собственностью международных медиаконгломератов, местные журналы с трудом отличаются от традиционной издательской продукции этих компаний.

В своем исследовании польской прессы Мира Мароди и Анна Гиза-Полешук указывают на новый акцент на индивидуализации и сексуализации женственности в Польше. Ирен Доллинг отмечает параллельные процессы в Германии, Адриана Бабан — в Румынии,

³⁰ См. также: Szelenyi et al. (1988), где обсуждается роль семейного прошлого в формировании нового предпринимательского класса.

нии, а Красимира Даскалова — в Болгарии. Женщины, чье самосознание и самовосприятие были сконструированы вокруг образа «смелой жертвы» и чьи надежды на власть и успех были связаны с идеей самопожертвования семье, чувствуют себя глубоко униженными репрезентациями женщин, чья абсолютная ценность коренится в украшении и заботе о себе и своем теле. Пограничной чертой здесь служит возраст: как отмечают многие комментаторы, для более взрослых женщин самопожертвование ради других, ради коллектива (нации, региона), соответствующее социалистической (так же как и постсоциалистической националистической) форме женственности, может быть более привлекательным. Ощущение неудачи и разочарования более взрослых женщин сочетается с проблемами пассивной мужественности, ставшей партнером «смелой жертвы». В отличие от концепции активных граждан, обе эти модели основаны на иной концепции взаимоотношений государства и его народа.

Новый, сексуализированный индивидуализм также является деструктивным для самооценки женщин, проинтервьюированных Бабан, выросшей в Румынии времен Чаушеску. Политика запрещения абортов сформировала здесь презрительное отношение к собственному телу и страх перед сексуальностью. Сходное презрительное отношение к телу наблюдалось и в интервью, сделанных Ковач и Варади: работницы консервного завода назвали использование косметики предпринимательницами смешной и тщеславной. Для них этот вопрос имел моральный аспект и был связан с новым пониманием работы. Они утверждали, что не всякий может быть предпринимателем. Их самоощущение основывалось на простом и часто ручном труде, редко видимом и еще реже ценимом публикой.

Телесные практики и самовосприятие, пропагандируемые прессой, совпали с жизнью предпринимательниц и молодых жен богатых бизнесменов (trophy wives) в выборке Ковач и Варади. Именно предпринимательницы занимались фитнесом и ездили на курорты, посещали сауны и косметические салоны, чтобы совершенствовать свое тело и внешность. Однако если для домохозяйек это и являлось «работой», которую они предлагали в обмен на финансовую поддержку своих мужей, то предпринимательницы ухоженное тело понимали как часть деловой стратегии, уловку для повышения социальной мобильности, знак предпринимательского успеха.

В нашем обсуждении четвертого показателя сравнения, т.е. того, как социальные государства регулируют неравенство доходов, мы сконцентрировались в основном на этнографических при-

мерах, которые продемонстрировали, как в условиях усиливающихся неолиберальных государственных программ гендер становится механизмом, опосредующим процесс изменения социальной стратификации в Восточной и Центральной Европе. Нашей задачей являлось показать, как в новых обстоятельствах стратегии женщин (многочисленные работы, выбор супруга), так же как и их телесные практики, самоопределение и брачная идеология, повлияли на оформление экономического неравенства.

Еще один этнографический пример, взятый из длинного интервью, проведенного Сюзан Гал в Венгрии, позволяет ближе взглянуть на то, в какой зависимости планирование мужчин и женщин находится от их самовосприятия и гендерных отношений, тесно переплетенных с экономическими стратегиями и государственными льготами. Это интервью позволяет обратиться к **пятому** параметру сравнения гендерных дилемм западных социальных государств с коммунистическими/ постсоциалистическими обществами. Речь пойдет о «зависимости» и «автономности», ставших центральным объектом феминистского анализа социального государства³¹.

Будапештский журналист пятидесяти лет, давно находящийся в разводе со своей первой женой, пригласил свою новую возлюбленную сорока лет переехать в его трехкомнатную квартиру. Женщина согласилась, решив при этом сдать в аренду свою меньшую по размерам квартиру для получения дополнительного дохода, поскольку продолжала трудиться на плохо оплачиваемой, тупиковой, надуманной работе бухгалтера в одном из отделений Министерства здравоохранения. Паре удавалось сводить концы с концами благодаря двум зарплатам. Как следовало из интервью, ее любовь к готовке прекрасно сочеталась с его желанием плотно поесть, а незначительные требования, предъявляемые на работе, позволяли легко справляться со всеми домашними обязанностями. Разногласий по этому поводу в паре не возникало. Однако, когда газета журналиста была куплена крупным германским конгломератом, он получил новое пятилетнее назначение. Несмотря на новую удвоенную зарплату, уровень его дохода все еще отставал от доходов западных журналистов или новых богатых будапештских предпринимателей. Тем не менее такое положение дел заставило пару начать пересмотр распределения обязанностей. Женщина заявила, что хочет бросить свою работу, которую она

³¹ Полевые записи 1998 года Сюзан Гал.

всегда ненавидела, и стать «женой»-домохозяйкой. Однако об официальном браке речи не шло, поскольку, как следовало из интервью, это открыло бы государству путь для вмешательства в их личную жизнь. Журналист тем не менее пообещал выплачивать страховку любимой из своей зарплаты. Стоимость этого, как он ей объяснил, не превысит стоимость услуг домработницы. Друзья женщины по работе были потрясены, но по двум разным причинам. Старшие женщины, прожившие большую часть жизни до 1989 года, испытывали опасения. Они предостерегали ее от чрезмерной зависимости от мужчины, призывали не доверять ему решение вопросов своего финансового благополучия, обязательной медицинской страховки и пенсионных льгот. Более молодые прямо завидовали тому, что ей удалось «отхватить богатенького». Со своей же стороны, женщина объяснила, что жизнь дома избаловала ее, однако именно этого она так страстно и желала. Она посещала сауны и фитнес-клубы, после обеда ходила по магазинам. Все это позволяло ей с удвоенной энергией обеспечивать потребности возлюбленного так, как «он того заслуживал», за то, что был настоящим мужчиной. То, что она обслуживала его, по ее словам, позволяло ей чувствовать себя более женственной.

Он с энтузиазмом поддержал эту идею, полностью совпадавшую с тем, что он видел в буржуазных обществах во время своих многочисленных путешествий в Западную Европу в коммунистическую эпоху. Он открыто признался, что в его действиях существует некоторая доля подражания: жена, находящаяся дома, являлась показателем статуса, которого он так долго жаждал и вполне заслуживал. Знакомый с американскими гендерными дискуссиями, он подшучивал над собеседницей из Америки, говоря, что его женщина далека от того, чтобы соревноваться со своим мужчиной подобно отвратительным феминисткам. Но что произойдет, когда через несколько лет контракт закончится и зарплата понизится? В ходе интервью, слово за слово, стало понятно, что после продолжительного периода буржуазной жизни последовал период более скромный: у нее возникли планы заняться бухгалтерской деятельностью на дому, безо всякого разрешения, с достаточного реалистической надеждой встать на ноги к концу его пятилетнего назначения и начать самостоятельно оплачивать свою медицинскую страховку. Она рассмеялась, сказав, что планирует стать богатой к тому моменту, когда его зарплата понизится.

Традиционные исторические модели гендерных отношений, точно так же как в примерах Ковач и Варади, не способны адек-

ватно описать эмоциональные и экономические стратегии этой пары. Не подходит их ситуация и под текущие западные модели, которым они пытаются следовать. Не стремясь к обобщениям, на этом примере мы хотели бы лишь обратить внимание на сложность чувств, связанных с гендерными образами, — на неопределенность значения «жены, сидящей дома», на оговорки по поводу доверия между партнерами, на дилеммы по поводу «зависимости» и амбивалентное желание «автономности» от работы, государства, государственных льгот и супруга.

Как мы отметили выше, в феминистских исследованиях классическая либеральная модель зависимости женщины от конкретного мужчины внутри домохозяйства всегда служила контрастом для более прямой зависимости от государственного обеспечения, характеризующего социальные государства. Многие исследователи указывали на то, что отказ от обоих вариантов ставит женщину в зависимость от непредсказуемых рыночных механизмов. Здесь можно вспомнить также и о дискуссиях по поводу различной роли, которую играют женщины по отношению к государству в различных социальных программах. В социальных государствах Запады женщины являются не только клиентами и потребителями разного рода услуг, но также и работниками, гражданами и политиками; их деятельность в неправительственных и добровольных ассоциациях может смягчать формы зависимости. Зачастую наличие разногласий в программах различных институтов, как и само наличие несопадающих корпоративных групп (профсоюзы, политические партии), увязанных с разными ролями (клиент, политик, работник, избиратель), позволяет конкретным людям мобилизовать для своей защиты одну организацию против другой в частности и против государства в целом. Именно такое разнообразие ролей дало основания для того, чтобы говорить о потенциальной возможности для женщин балансировать зависимость от социального обеспечения с политическим активизмом. Возможно, получатели социальной помощи могут осознать общие интересы и использовать их в целях самоорганизации. Несмотря на то что, будучи работницами и клиентами, женщины все еще непропорционально высоко зависят от государства, как граждане и политики они тем не менее могут влиять на политический процесс подобно мужчинам.

Поэтому сегодняшние дискуссии, анализирующие разные роли и формы гражданских прав женщин в социальном государстве, не пытаются отрицать ни идею зависимости, ни повысить

значимость автономности. Более того, как отмечали Нэнси Фрейзер и Линда Гордон в своей исторической деконструкции «зависимости» (dependence), само понятие «зависимости» является концептуально сложным, включая в себя одновременно эмоциональный, политический и экономический элементы. «Зависимость» была заклеена позором в англосаксонских странах еще в XIX веке, полностью утратив свое раннее, более позитивное значение «работы за жалованье» (working for wages). Вместе с акцентом на индивидуализм и политические права независимость стала фактически неоспоримой позитивной ценностью. Использование таких понятий, как «зависимость», «автономность» и «выбор», в дискуссиях по поводу социального обеспечения — феминистками или другими исследователями — основывается на их историческом прошлом. Обнаружив источники и коннотации «зависимости» и «независимости», Фрейзер и Гордон отвергли использование обоих терминов и рекомендуют понятие «взаимозависимости» (interdependence) как средство признания неизбежности и позитивности социальной поддержки в повседневной жизни³².

Мы полагаем, что иное понимание, как и иная история «зависимости» — в дискурсе и на практике, — в Восточной и Центральной Европе может добавить еще один оттенок к данным феминистским дебатам. Как и на Западе, «зависимость» здесь также не являлась позитивным концептом. Борьба за независимость от той или иной империи в недавнем прошлом являлась ключевой темой — иногда подвергавшейся цензуре или умолчанию — национальных историографий. Критики коммунизма жаловались на зависимость от патерналистского государства и характеризовали население Восточной и Центральной Европы как «низведенное до состояния детства» — ввергнутое в состояние опеки, страха и пассивности. Гораздо важнее, что и отношения с государством были эффективно централизованы. В отличие от социальных государств на Западе, настроить различные части государственной машины друг против друга здесь было не так легко. В итоге за любым публичным актом неповиновения, жалобой или протестом социально разобщенных индивидов в обществе «одномерных» отношений с государством могло последовать наказание. Любой государственный орган мог нанести ответный удар не только по конкрет-

³² В дополнение к Fraser and Gordon (1994) см. также Siim (1988) об истории идеи зависимости. Orloff (1993) дает общую концепцию анализа социальных государств в условиях осуществления прав независимых граждан.

ному индивиду, но и по его семье и многочисленным родственникам, иногда способами, не имеющими никаких параллелей с изначальным нарушением.

Наказания за незаконные аборт в Румынии, скажем, могли выразиться в отказе (или угрозе отказа) принять в университет ребенка доктора, который осуществил аборт, — пример, который лишь еще раз подтверждает мысль о том, что семья при коммунизме служила скорее средством, с помощью которого осуществлялся контроль индивидов, а не способом достижения автономии. Более того, подобная «зависимость», одновременно и от семьи, и от государства, была негативной, будучи источником возможной опасности³³.

Судя по имеющимся примерам, «зависимость» продолжает оставаться исключительно размытой концепцией и в постсоциалистический период, провоцируя различные трактовки. Осуждение «зависимости» коммунистической эры сопровождается заметной ностальгией по материальной защищенности, по чувству «общины» и относительному равенству, которые якобы поощряла коммунистическая система. Даже спустя десятилетие после 1989 года опросы общественного мнения в Восточной и Центральной Европе продолжают показывать, что надежда на государственную поддержку является социально приемлемой. Действительно, в Европе в целом и в Центральной и Восточной Европе в особенности многие полагают, что обеспечение материального благосостояния народа является непосредственной задачей правительства. Угрозы ликвидации социальных льгот продолжают вызывать массовые протесты. В нынешнее трудное время, когда в некоторых частях региона пособия многодетным семьям составляют иногда треть семейного бюджета, многие ценят такую «зависимость»³⁴.

Как свидетельствуют этнографические примеры, людей раздражает не столько сама государственная поддержка, сколько условия, на которых она оказывалась или оказывается. Венгерские и цыганские матери и ранее полагались на свою способность мобилизовать различные подразделения государства для защиты своих собственных интересов внутри семьи и не хотят, чтобы значимость их материнской роли определялась уровнем «материальной

³³ См.: Kligman (1998) о сути аргументации.

³⁴ См., например, Ferge (1995), Rutkowski (1998) и Milanovic (1999), где можно найти результаты опросов. Мы благодарны Эве Фодор за привлечение нашего внимания к данным обзором по этому вопросу.

нужды». Венгерские работницы консервного завода отстаивали свое достоинство и право на труд, сопротивлялись попыткам привить им предпринимательские навыки. Женщины-предпринимательницы, в свою очередь, отвергли понятие женской независимости, требуя взамен активной поддержки и партнерства со стороны своих мужей. Подобно им, женщины Восточной Германии желали, чтобы государство обеспечило аборт и стерилизацию по низким ценам и по первому требованию, для того чтобы совмещение материнства и карьеры стало возможным.

С 1989 года альтернативы для женщин Восточной и Центральной Европы без особого энтузиазма характеризовались как выбор между все более усиливающимся, но еще незнакомым и ненадежным рынком и попытками целиком положиться на отдельных мужчин или мужское государство. Однако, судя по этнографическим материалам и обзорам, наиболее существенной культурной категорией становится все-таки понятие «баланса». Женские стратегии сегодня пытаются создать и сохранить множественные, дополняющие и уравновешивающие друг друга зависимости. Эти стратегии обеспечивают не «независимость» и даже не «выбор»; они скорее создают страхующую сеть ресурсов в ситуации, где чувство защищенности в окружающем мире в дефиците. Такое альтернативное понимание «зависимости» в повседневной жизни способно помочь более детальному анализу и западных социальных государств.

В нашей статье мы пытались доказать, что дихотомия между «государством» и «рынком», которая зачастую все еще определяет дискуссии в регионе, маскирует сложность их взаимосвязей. Существует множество типов «социальных» государств и множество видов взаимоотношений между рынком и государством, имеющих разные последствия для семей и гендерных отношений. В Восточной и Центральной Европе общественный дискурс, акцентирующий автономность и историческую стабильность «семьи», отвлекает внимание как от тех способов, с помощью которых менялась семья, так и от того влияния, которое изменившиеся обстоятельства оказывали на жизненные возможности домохозяйств, несмотря на картину видимой преемственности.

Это перекликается с тем, как американский общественный дискурс, озабоченный развалом семьи, игнорирует и появление новых форм домохозяйства, и то, как эти новые домохозяйства связаны с другими социальными изменениями. Несмотря на сходства в демографических тенденциях и мотивацию нападок на си-

стему социального обеспечения, общественные дебаты о семье имеют свою специфику в Восточной Европе, Западной Европе, Скандинавии и США.

В центре нашего сравнения западных социальных государств со странами Центральной и Восточной Европы — как в коммунистический, так и в посткоммунистический периоды — было пять параметров, по которым мы оценивали сходства и различия. В ряде случаев такое сравнение помогло прояснить культурные и дискурсивные процессы, посредством которых удалось достичь перемен.

1. Мы обсудили «идеологии добытчика», которые обретают особую важность, по крайней мере для определенной страны, в Восточной и Центральной Европе. Поскольку государственные субсидии на здравоохранение и образование сокращаются и сфера социальных услуг продолжает ухудшаться, ответственность за такие услуги с неизбежностью ложится на плечи самих семей. Для некоторых высокие зарплаты могут стать выходом из положения. Для других это означает декоммодификацию, т.е. вывод такой работы из поля рыночных отношений, и, таким образом, неоплачиваемый уход, осуществляемый женщинами в пределах домохозяйства, вне зависимости от стремления государственных политических программ способствовать продвижению идеологии добытчика. Речь также шла и о других способах, с помощью которых государственные программы стимулируют или ограничивают понимание мужской и женской «работы», тем самым оформляя разные возможности и обязанности.

2. Сравнения заявлений по поводу занятости женщин на Востоке и на Западе привело нас к анализу трансформации понятий «принуждение» и «выбор», а также — женского опыта, связанного с этими понятиями и меняющегося в зависимости от времени и социетального контекста. Подобная переоценка и реконтекстуализация понятий являются важными чертами постсоциализма.

3. Сходной реконцептуализации подверглись и основания, на которых традиционно базировались требования о помощи и поддержке от государства. Требования формируются в процессе конструирования новых идентичностей — достойных и недостойных граждан — и новых «потребностей». Подобное конструирование, таким образом, является частью более широкого процесса дискурсивной институционализации социальной дифференциации и неравенства в регионе.

4. Неравенство частично опосредуется гендером. Наши примеры свидетельствуют, что это относится не только к работницам,

лишенным доступа к услугам в процессе приватизации завода, на котором они работали, но также и к предпринимательницам, чей брачный выбор и формы потребления определяют и отображают формы новой восходящей мобильности. Такие меняющиеся жизненные обстоятельства, безусловно, меняют как сами отношения «зависимости» и «автономности», так и идеи, связанные с этими понятиями.

5. Зависимость и независимость от государства и рынка приобретают относительный характер благодаря многообразию связей, связывающих с государством и рынком разных людей и разные поколения. Например, уклонение от налогов, зависимость от получения детского пособия или отпуска по уходу за ребенком могут рассматриваться в качестве различных форм связи с государством или зависимости от него, но все они имеют также разные последствия для самовосприятия, мобилизации ресурсов и повседневных стратегий в жизни этих людей. Мы показали, как через такие связи значение и опыт зависимости в Восточной и Центральной Европе трансформируется и приобретает новые гендерные характеристики.

Сравнительный анализ социальных государств, предложенный в данной статье, позволил нам более отчетливо понять суть программ по социальному обеспечению, предпринятых в социалистических и постсоциалистических государствах. На наш взгляд, подобные сравнения достаточно сложны и все еще относительно редки, что частично объясняется разницей в положении «семьи» в популярной идеологии Востока и Запада. Типологизация, однако, не была нашей целью. Взамен мы предложили пять параметров сравнения, которое продемонстрировало, что социальные формы, возникающие в Восточной и Центральной Европе, не являются ни повторением более ранних исторических моделей, ни имитацией западных практик. Скорее, речь идет о новых отношениях между мужчинами, женщинами, рынками и государствами, возникших из борьбы вокруг идеалов и практик социального обеспечения.

Татьяна Журженко

СТАРАЯ ИДЕОЛОГИЯ НОВОЙ СЕМЬИ: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ РОССИИ И УКРАИНЫ

В большинстве посткоммунистических стран политические и экономические трансформации 90-х годов в той или иной степени сопровождались возрождением традиционалистских ценностей и серьезными изменениями в официальной идеологии семьи и семейной политики. Украина не стала в данном случае исключением. В средствах массовой информации, в политических и академических дискуссиях, даже в документах женского движения подчеркивается возрастание социальной значимости традиционных женских ролей жены и матери, возвращение мужчине экономической ответственности за обеспечение семьи, важная роль «традиционно крепкой» украинской семьи в процессах консолидации и возрождения нации, значение женской репродуктивной функции для усиления позиций украинского этноса. Возврат к традиционной семье рассматривается как одна из стратегий «обновления» общества и избавления от коммунистического тоталитарного наследия. При этом под «традиционной семьей» понимается нечто среднее между идеализированной украинской семьей досоветского прошлого и образцовой семьей американского среднего класса 1950-х годов. Идеализация «традиционной семьи» предполагает дистанцирование от коммунистического опыта и навязанного государством формального эгалитаризма, возврат к «естественным» гендерным ролям. В этой статье рассмотрена постсоветская идеология семьи и ее проявления в различных типах дискурса главным образом на примере Украины; сравнительный анализ позволяет сформулировать общие черты и особенности российского и украинского неотрадиционализма.

Постсоветский традиционализм

Первые признаки смены господствующей идеологии в отношении семьи, роли женщины в обществе и участия государства в процессах социального воспроизводства наметились в СССР в начале 1980-х годов. Неуклонное снижение рождаемости (особенно в европейской части страны) заставило правительство принять комплекс мер, нацеленных на расширение льгот работающим матерям, удлинение отпусков по уходу за ребенком. Новые льготы и пособия были направлены, в частности, на поощрение семьи к рождению третьего ребенка; такая политика неизбежно предполагала ограничение производственной нагрузки женщин в пользу семейных обязанностей. Журналисты, социологи и экономисты впервые публично поставили вопрос о чрезмерной перегруженности женщин, совмещающих семейную роль с производственной, о необходимости предоставления женщине свободы выбора между профессиональной карьерой и семьей. Одним из путей обеспечения этой свободы виделся переход от двухдоходной семьи к однодоходной, т.е. повышение заработной платы мужчины, с тем чтобы он мог выполнять роль «кормильца». Собственно, одним из аргументов в пользу экономических реформ было повышение доходов семей, которое облегчило бы женщинам двойное бремя производственной и бытовой нагрузки. Кроме того, в прессе и в социологической публицистике заговорили об отсутствии отца в семье, о кризисе маскулинности, о недостатках материнского воспитания, даже о матриархатности современной семьи. Эти изменения были не просто реакцией на официальную идеологию эгалитаризма и проявлением подспудных тенденций «ренессанса патриархата», и ранее присутствовавшего на уровне массового сознания. Они отражали кризис социалистического «государства благосостояния», завуалированное признание социальной неэффективности проводимой им семейной политики и попытки вернуть семье ее экономические полномочия и ответственность за воспитание детей.

С распадом советской системы и отказом от официальной коммунистической доктрины смена идеологии в отношении семьи приобрела радикальный характер. Советские достижения в области гендерного равенства утратили свою легитимность вместе с окончательным крахом коммунистического проекта. Как в России, так и на Украине феминизм практически не вышел за рамки элитарных интеллектуальных кругов и в качестве массовой идеологии оказался недостаточно влиятельным, чтобы обеспечить эту

легитимность на новой основе. Только часть женских организаций отдала приоритет гендерному равенству перед «защитой семьи». Пожалуй, заметным фактором модернизации гендерной идеологии в постсоветских обществах стали западные идеи демократии и прав человека, репрезентируемые в деятельности международных организаций и благотворительных фондов, в иницируемых Западом образовательных и научных проектах. Однако «антизападный» вектор массового сознания, особенно к концу 1990-х годов, оказался значительно сильнее. Практически единственным оправданием принципов гендерного эгалитаризма стала экономическая реальность: даже в период промышленного спада и роста безработицы женщины оставались важнейшим ресурсом рабочей силы, а для большинства семей их заработок был необходимым и часто решающим вкладом в домашний бюджет. Однако эта реальность обычно интерпретировалась как результат экономического кризиса или наследие коммунистической системы, как явление, нежелательное в принципе. По сути, постсоветский традиционализм (в его различных вариациях) стал господствующей формой гендерной идеологии в переходном обществе. Он находит проявление как в публичном, так и в академическом дискурсе и имеет ряд существенных характеристик, общих как для Украины, так и для России.

Во-первых, это абсолютизация семьи как одной из высших социальных ценностей, идеализация этого социального института как формы социальной связи между людьми, однозначное противопоставление семьи как социальной нормы девиантным «несемейным» формам организации жизни, «осколочным семьям». Приведем характерную цитату российских социологов А. И. Антонова и В. М. Медкова:

Нет ни одного индикатора социальной жизни, где бы члены счастливых семей не обнаруживали свое преимущество перед одиночками-холостяками, на которых распространяется почти вся социальная патология, весь негатив так называемой моральной статистики... Известно, что разводимость в семьях с несколькими детьми в несколько раз меньше, чем в двухдетных и однодетных семьях, и что, наоборот, в малодетных семьях вероятность заболеваний репродуктивной сферы выше, чем в семьях с тремя и более детьми. То же самое относится и к средней продолжительности жизни, причем если сравнивать продолжительность жизни мужчин и женщин без учета семейности, то и тогда большая идентификация женщины с ребенком и с семьей в силу ее функции материнства удлиняет срок жизни женщин в сравнении с мужчинами на несколько лет (Антонов и Медков 1996, 117).

Тем самым семья приобретает статус морального абсолюта: все, что исходит от семьи, по определению является позитивным, все негативные явления связаны с внешними воздействиями на семью со стороны общества и государства. Кризис семьи как социального института (снижение рождаемости и уменьшение количества заключаемых браков, рост числа разводов, распространение неполных семей и внебрачных форм сожительства) рассматривается с этой точки зрения как кризис всего общества и, более того, цивилизационный кризис. Возврат к семейным ценностям, семейному укладу, семейному воспитанию, семейному производству видится поэтому как магистральный путь решения проблем переходного общества.

Во-вторых, все формы постсоветского традиционализма характеризует резко негативное отношение к практике и результатам советской семейной и гендерной политики. Как пишет украинский социолог Ю. М. Якубова,

деформация функций семьи в последние десятилетия... лишение семьи частной собственности, средств производства и возможностей свободной реализации продукции..., пролетаризация населения... особенно сказались на воспитательной функции, что проявилось в отчуждении отцов и детей, национальном нигилизме, духовном обнищании молодежи, утрате высоких идеалов украинской семейной педагогики (Якубова 1998, 33).

По словам Ю. А. Гаспаряна, «причина нынешнего кризиса семьи — в систематическом, последовательном и целенаправленном отстранении семьи от воспитания детей с целью передачи их в руки общества, для формирования из них так называемого “нового” советского человека» (Гаспарян 1999, 8). Антонов и Медков делают акцент на «суперэтизации семьи»:

«естественный» процесс трансформации семьи, процесс «перехвата» ее социальных функций другими институтами, процесс вытягивания из семьи на арену рыночной экономики практически всех ее членов одного за другим был насильственно ускорен и стимулирован всей мощью тоталитарного государства... <более того> семейные функции «перехватывались» именно государством или его органами, а не какими-то иными социальными институтами (Антонов и Медков 1996, 242—243).

Разрушение государством экономической автономии семьи имело, по их мнению, нравственные последствия:

«совковость», о которой часто говорят, в большой мере сформирована тем иждивенчеством-потребительством, которое вырастает на почве наемничества, батрачества-холуйства и имитации вкалывания во внесемейном производстве, т.е. не на себя, а на нечто отчужденное. ...Монополизация государством народного хозяйства ставит всех членов семей... в положение просителей милостей у чиновников госучреждений (Антонов и Медков 1996, 140).

Разрушение моральной автономии семьи — замена семейной социализации внесемейной (Антонов и Медков 1996, 138) (в находящихся под контролем государства детских коллективах), — расщепление единого прежде авторитета матери и отца создало источник постоянных конфликтов, породило детскую преступность и другие молодежные проблемы.

В-третьих, постсоветский традиционализм характеризует фактическое сведение семьи к репродуктивной функции, к задачам деторождения и социализации детей. Отношения супругов рассматриваются как производная от их функции родительства, семья без детей некоторыми социологами даже не рассматривается как семья (а только как «семейная группа»). Естественно, что получившая широкое распространение малодетная (и в особенности однодетная) семья оценивается как крайне негативное явление как на макро-, так и на микроуровне. С точки зрения общества, это означает тревожную тенденцию к снижению рождаемости и депопуляцию. С точки зрения семьи — ухудшение возможностей воспитания ребенка:

массовая однодетность семьи, свидетельствующая об элиминировании стадии репродуктивного родительства и преобладании «контрацептивно-абортного» родительства, привязывает семейную социализацию к этапам взросления единственного ребенка и сводит ее к монополии наставничества родителей при отсутствии социализации в группе братьев-сестер (Антонов и Медков 1996, 123).

Соответственно предлагаемые меры по выходу из кризиса семьи сводятся если не к пропаганде многодетности, то к мерам, направленным на «повышение потребности в детях» (*Кризис семьи...* 1999, 50—57). В качестве социального идеала традиционалистами предлагается только один тип семьи: с двумя родителями и как минимум тремя-четырьмя детьми; используемые модернистами понятия альтернативной семьи, альтернативного брака ими решительно отвергаются.

В-четвертых, возрождение моральной и экономической автономии семьи, ее достоинства и высокого статуса в глазах общества требует, по мнению традиционалистов, восстановления и расширения ее производственной функции. Современная модель семьи связана с разделением дома и работы, с системой наемного труда и преобладанием потребительской функции. Даже в развитых странах это приводит к возрастанию зависимости семьи от рынка товаров и услуг и от поддержки государства. Утрачивается семейная целостность, связь между членами семьи, определяемая совместной деятельностью и общностью целей и делающая естественное неравенство по полу и возрасту оправданным. «Профессиональная занятость членов семьи вне дома превращает эти редуцированные семейные роли и потребности в “бремя”» (Антонов и Медков 1996, 135). В условиях социализма эти тенденции были усилены отменой частной собственности как базы семейного производства и наследования и резким возрастанием роли государства в экономике в целом, в сфере услуг и организации быта, в воспитании детей. Поэтому возвращение к семейному производству позволит семье не только избежать унижительной зависимости от государства и обеспечить себя необходимыми ресурсами, но и создаст условия для возрождения семейного авторитета и семейного воспитания.

В-пятых, не случайно в эпицентре традиционалистской критики советского опыта оказались гендерные отношения в семье, а точнее, нарушение «естественного» разделения ролей, обязанностей и полномочий. Вот как эмоционально описывает эту тенденцию Ю. А. Гаспарян:

Женщина-мать, массово вовлеченная в работу общественного производства, перестала дарить своему ребенку материнскую ласку, которая столь необходима в первые годы жизни, и, по существу, перестала быть ему матерью. Она покинула семейный очаг, поддержание которого изначально было ее долгом (Гаспарян 1999, 10).

«Мужчину это обрекало на постепенное освоение женских ролей: стирать, убирать и... брать “отпуск по уходу за ребенком”, и как результат — постепенная девальвация его значимости не только в семье, но и в обществе» (Гаспарян 1999, 61). По мнению Антонова и Медкова, первопричина этих негативных тенденций — индустриализация и вовлечение женщин в производство:

Взамен взаимно дополняющих друг друга ролей матери и отца в системе семейного производства, взамен единства родительского автори-

тета и единства родительского влияния на детей и подростков, занятость женщин, понижающая уровень оплаты труда мужчин, привела к конкуренции мужей и жен на рынке труда. Подобная конфликтность не могла не сказаться и на семейных отношениях отцов и матерей, что, собственно говоря, и является причиной роста разводов. Но форма этого конфликта была перенесена с проблем внесемейной занятости на проблемы распределения домашних обязанностей мужей и жен. В рамках нуклеарной семьи общий семейный авторитет был раздроблен на два родительских авторитета, находящихся в противостоянии. Более того, произошло снижение авторитета отца и усиление авторитета матери (Антонов и Медков 1996, 142).

Исчезновение мужских видов домашнего труда в условиях урбанизации привело к возрастанию роли и влияния женщины в семье (вплоть до «матриархата»), а государственные льготы работающим женщинам содействовали его закреплению. Таким образом, очевиден дисбаланс ролей и обязанностей мужчины и женщины в семье, связанный с нарушением основного принципа семейного единства — взаимодополняемости. Самой большой ошибкой, по мнению традиционалистов, является перенесение принципов «демократии» (равенство, права человека) на внутрисемейные отношения, принципиально предполагающие неравенство, связанное с полом и возрастом его членов, неравенство, которое снимается в понятии семьи как целостной и гармоничной общности.

Наконец, **в-шестых**, показательной является позиция традиционалистов в отношении семейной политики. В отличие от «модернистов», формулирующих подходы в семейной политике с позиций интересов личности (например, феминистки акцентируют внимание на обеспечении репродуктивных прав, расширяющих для женщин возможности выбора), традиционалисты определяют приоритеты семейной политики коллективными интересами семьи как недифференцируемой общности. Соответственно их отношение к проблеме репродуктивных прав колеблется от равнодушного к резко враждебному. При этом традиционалисты игнорируют разнообразие типов и моделей семьи, а также существование противоречивых интересов внутри нее. Критикуя суперэлитизм советской системы, они тем не менее отстаивают активную позицию государства в сфере семьи, рассматривая в качестве программы-максимум «просемейную реформу общества». По словам Антонова и Медкова, семейная политика — это политика, ориентированная на «возрождение семьи, семейного образа жизни, ут-

раченного на длительном историческом пути фамилистической культуры общества», «на изменение всего строя современной цивилизации, по существу антисемейной, враждебной семье, невосприимчивой к ее проблемам и болезням» (Антонов и Медков 1996, 246). Провозглашая принцип суверенности семьи («семья независима от государства и имеет право принимать любые решения, касающиеся ее жизни, совершенно самостоятельно», «право семьи на любой тип семейного поведения и на любой образ и стиль жизни») (Антонов и Медков 1996, 249), эти авторы одновременно настаивают на том, что государство должно защищать свои предпочтения в отношении типа и формы семьи. Семейная политика должна быть направлена на поддержку только одного социально желательного типа (семья из двух родителей и трех и более детей) и быть нейтральной по отношению к остальным.

Конечно, степень и формы проявления неотрадиционализма могут быть различными. Крайние традиционалисты пропагандируют многодетность и склоняются к силовым методам регулирования, вплоть до ограничения права на аборт. Более умеренные рассматривают семью как важнейший институт, обеспечивающий адаптацию индивида к деструктивным и стрессовым последствиям социальных трансформаций, а семейное производство — как важный ресурс повышения благосостояния населения. Этот второй, более прагматический подход также должен быть отнесен к традиционализму, хотя в данном случае семье отводится скорее вспомогательная, компенсационная функция. Он предполагает, явно или неявно, сохранение традиционного разделения гендерных ролей (от которого семьи вынуждены отказываться только в силу экономических обстоятельств), а также возвращение семье производственной и воспитательной функций в возможно большем объеме. В Польше неотрадиционалистская реакция проявилась в попытках ограничения права на аборт, в России яростная дискуссия завязалась по поводу целесообразности школьных курсов по сексуальному воспитанию.

По нашему мнению, постсоветский традиционализм представляет собой реакцию не только на социалистический опыт огосударствления семьи и принудительного эгалитаризма, но и на последствия модернизационных процессов в целом. Ренессанс традиционализма является поэтому неизбежным спутником поиска постсоветскими странами новых путей и моделей продолжения модернизации. Традиционалистская реакция на модернизацию общества, и в частности семейной сферы, по своим проявлениям

аналогична в капиталистических и социалистических, «западных» и «восточных» обществах.

Один из аргументов в пользу этого тезиса — существование «советского традиционализма». Еще в 1960—1970-е годы некоторые социологи и публицисты оценивали тенденции к снижению рождаемости и брачности, рост разводов и неполных семей как проявления «кризиса семьи». Не ставя под сомнение правильность советской семейной политики в целом, они подвергли критике эти тенденции скорее с моральных позиций. Так, например, А. Г. Харчев объяснял возрастание нестабильности браков нравственно-психологической неподготовленностью части молодежи к совместной жизни, снижением ответственности мужчин за судьбу создаваемой семьи, нежеланием супругов обзаводиться детьми (Харчев 1964). Этот морализаторский дискурс не затрагивал основ «коммунистического проекта», более того, нарастающий консерватизм в отношении семьи и брака органично вписался в официальную идеологию. Российский демограф А. Вишнеvский связывает это с культурными традициями общинного уклада, все еще господствующими в массовом сознании:

Запрет абoртов, ограничение разводов, непризнание незарегистрированных браков, повышенное внимание к «моральному облику» при назначении на ответственные должности, вмешательство «общественности» в семейные дела, преувеличенное целомудрие официального искусства и многое другое хорошо вписывалось в традиционную систему представлений об идеальной, «добропорядочной» по деревенским меркам XIX века семье и о методах социального контроля над нею (Вишнеvский 1998, 136).

«Советский традиционализм» отражал, таким образом, «догоняющий» характер и незавершенность процессов модернизации.

Второй аргумент — сравнение постсоветского традиционализма с идеологией *New Familialism*, получившей распространение в некоторых западных странах в 1980-е годы. В США его представители выступали с позиций коммунитаризма против утриванного либерального индивидуализма и его распространения на семейную сферу; в Великобритании *New Familialism* в значительной степени оказался направлен против социалистической идеологии и политики государства благосостояния. Однако главным оппонентом *New Familialism* на Западе были и остаются феминизм и женское движение. Именно их заслугой за последние десятилетия являются изменения отношений в семье в сторону большего ген-

дерного равенства, а также рост терпимости общества к нетрадиционным семьям. Как отмечает Ю. Градскова, сравнивая «новую идеологию семьи» в России и США, защитники семьи в обеих странах провозглашают необходимость возвращения к традиционной структуре семьи, повышения ее социального престижа, укрепления семейных уз и усиления родительской ответственности (Градскова 1997, 181—185). При этом нетрадиционная семья рассматривается как главный источник асоциального поведения молодежи. Сравнение показывает, что неотрадиционалистская реакция на последствия модернизации в семейной сфере развернулась параллельно в капиталистических и (пост)социалистических обществах и совпала не только по своим проявлениям, но и хронологически (с середины 1980-х годов). Однако, по мнению Градсковой, скорее всего, будут различия новой волны неотрадиционализма, скорее всего, будут различиями в России и США. «Наличие в общественном мнении Америки консенсуса в отношении базовых принципов свободы личности и мощных феминистских организаций, представляющих собой сильное политическое лобби, способствует тому, что *New Familialism* не произведет революционных изменений в повседневной жизни значительной части американцев» (Градскова 1997, 183), но в России эта идеология может привести к более глубоким и опасным последствиям. Являясь закономерной реакцией на тотальный контроль и вмешательство государства в жизнь семьи, *New Familialism* может привести к

максимальному обособлению частной жизни и минимизации общественного влияния на детей (вплоть до отказа посылать детей в школу и защиты исключительно домашнего воспитания) при полном отсутствии каких-либо попыток пересмотра традиционных гендерных стереотипов в отношении распределения домашней работы и воспитания детей (Градскова 1997, 184).

Таким образом, до некоторой степени ренессанс традиционализма является общей тенденцией стран, столкнувшихся с противоречивыми последствиями процессов модернизации. Однако постсоветский традиционализм как спутник «догоняющей модернизации» имеет и свои существенные особенности: он апеллирует не только к «традиции», но и к «Западу», роль которого весьма амбивалентна в построениях традиционалистов. С одной стороны, «возвращение к традиционной семье» видится как движение к нормальному цивилизованному обществу, возвращение к естественному порядку, нарушенному коммунистической политикой

разрушения семьи, с другой — издержки западного феминизма, либерализация секса и легитимация гомосексуальных отношений подвергаются суровой критике. Если первая позиция была характерна для традиционалистов в начале реформ, то вторая более распространена сегодня. Можно, пожалуй, сделать вывод, что в позициях постсоветского традиционализма произошел сдвиг от «антикоммунистической» к «антимодернистской» ориентации. То же касается и рынка: в начале реформ он рассматривался в русле общей «антикоммунистической» парадигмы как союзник семьи в процессе ее освобождения от диктата государства и обеспечения «экономической независимости». Для прорыночного традиционализма образцом для подражания была идеализированная западная семья, существующая в основном за счет независимых доходов ее главы. Позднее позиция традиционалистов стала в значительной степени «антирыночной» и критика оказалась обращена в основном против последствий рынка — социальной дифференциации и обнищания большинства семей, антисемейной направленности массовой культуры.

Возрастание влияния религии на массовое сознание, особенно очевидное в отношении семьи и брака, также является существенным фактором постсоветского традиционализма. Во многом это влияние является пока поверхностным и связано с возрождением церковных ритуалов венчания, крестин и пр. Насколько христианские ценности влияют на жизнь современной семьи, это вопрос, который требует специальных исследований. С одной стороны, секуляризация массового сознания, произошедшая за годы советской власти, вряд ли обратима. Однако сама православная религия (и официальная позиция церкви) является достаточно ортодоксальной в отношении проблем семьи, положения женщины и распределения гендерных ролей, она не испытала таких мощных модернизационных воздействий, как западное христианство. Большинство положений православной системы семейных ценностей (Форсова 1997) отвечает массовым стереотипам о мужнине-кормильце и женском терпении как основе семейного благополучия, широко распространенным, несмотря на наследие советского эгалитаризма. Однако возрастание роли религии в школьном и дошкольном воспитании может иметь в перспективе серьезные последствия, учитывая активную позицию представителей церкви и их союзников среди традиционалистов. Так, на всеукраинском конгрессе женщин в 1998 году прозвучали предложения о создании учебных программ, касающихся роли семьи в жизни чело-

века и общества на основе «сотрудничества с традиционными на Украине христианскими церквями» (*Жінка на порозі XXI...* 1998, 97). С определенной точки зрения пропаганду православных семейных ценностей можно рассматривать как позитивное явление для общества, оказавшегося в ценностном вакууме, однако нельзя не видеть в этом перспективу усиления морального осуждения любого поведения и стиля жизни, не вписывающегося в православную «норму». Как отмечает Ю. Градскова,

при отсутствии традиций и навыков развития гражданских ассоциаций, способных представлять интересы меньшинств (а именно к ним должны относиться матери-одиночки, разведенные и одинокие женщины, занимающиеся профессиональной деятельностью), женщины в целом будут испытывать более жесткий (как по сравнению с их прежним положением, так и по сравнению с мужчинами) моральный контроль со стороны общества (Градскова 1997, 184).

Однако было бы упрощением утверждать, что неотрадиционализм однозначно предполагает возвращение к патриархальной (или традиционной) модели семьи. Идеалом постсоветских традиционалистов является, скорее, некий гибрид традиционной и детоцентристской семьи (если использовать классификацию С. И. Голода). Восстановление традиционных гендерных ролей является не столько самоцелью, сколько средством для достижения другой цели: обеспечения деторождения и надлежащей социализации детей в рамках семьи. В условиях индустриального общества восстановление патриархальной семьи является утопией: модернизация, во-первых, превратила процесс социализации детей в самостоятельную и крайне важную функцию семьи, а во-вторых, сделала неизбежной внесемейную социализацию. Поэтому, призывая семью сосредоточиться на задачах деторождения и социализации, неотрадиционалисты утверждают, в сущности, детоцентристскую модель. Однако в своих требованиях преодоления малодетности они не учитывают ограничения, заложенные в самой этой модели: даже в развитых западных странах возрастание «цены ребенка» (в сущности, издержек социализации) стало важнейшим фактором сокращения рождаемости.

Именно поэтому перспективы неотрадиционализма оказываются ограниченными, с одной стороны, неадекватностью патриархальной модели для нужд современного общества, а с другой стороны — неоправданной идеализацией этой модели. Проведем еще одну параллель с западным неотрадиционализмом. Как пока-

зал З. Гидденс, ностальгия по традиционной семье, свойственная неоконсерваторам, не учитывает целого ряда обстоятельств: неполные семьи были довольно частым явлением и в XIX веке в силу не только разводов, но смерти супруга; отношения в семье не были столь индивидуализированы, в основе их лежали отношения родства и экономические соображения, семья основывалась на гендерном неравенстве и отсутствии прав у женщин и детей, двойном моральном стандарте и многодетности как норме (Giddens 1998, 91—92). По мнению З. Гидденса, правые критики, говорящие о традиционной семье, в действительности имеют в виду не традиционную семью, а переходное состояние семьи в послевоенный период — (идеализированную) семью 1950-х годов. Традиционная семья к этому моменту практически исчезла, но женщины еще не вышли на рынок труда в массовом масштабе, и гендерное неравенство оставалось значительным (Giddens 1998, 92). В нашем случае, учитывая историческую дистанцию, отделяющую идеализированную традиционную семью от современной, а также наследие «реального эгалитаризма» в постсоветских обществах, очевидно, что для реставрации традиционной семьи имеющихся социокультурных (и экономических) ресурсов явно недостаточно.

Неотрадиционализм России и Украины

Неотрадиционализм в бывших советских республиках приобретает сегодня особые оттенки, связанные с национальной, религиозной, геополитической спецификой. Он, безусловно, различается в России, в государствах Кавказа, в среднеазиатских республиках. Однако различия заметны и в отношении таких близких по своим культурным и религиозным традициям обществах, как Россия и Украина. Упрощая, можно было бы сказать, что российский неотрадиционалистский дискурс в большей мере определяется этатизмом и рационализмом, тогда как украинский — идеологией национализма и национальной мифологией.

Российские демографы и социологи традиционалистской ориентации обычно связывают «кризис семьи» с депопуляцией (уменьшением численности населения), т.е. кризис, с их точки зрения, проявляется главным образом в угнетении репродуктивной функции семьи. За разговорами о демографической катастрофе, крахе, опасности депопуляции отчетливо просматривается интерес государства, который отдельная личность или семья дол-

жны «осознать». «Мы должны просвещать население, убеждать, что самая высокая ценность — это человек, семья, дети», «добиться осознания значимости демографических процессов», «повысить престиж брачно-семейного образа жизни» — эти и подобные призывы звучали на заседании круглого стола по депопуляции (*Кризис семьи...* 1999). В рамках этого типа дискурса снижение численности населения означает ослабление государства и его геополитических позиций. Кризис семьи, депопуляция и ослабление позиций Российского государства оказываются связанными в одну причинно-следственную цепочку.

Так, О. Захарова и Л. Рыбаковский в статье «Геополитические аспекты депопуляции в России» (Захарова и Рыбаковский 1997) приводят две точки зрения на проблему депопуляции. Одна состоит в оценке депопуляции как достаточно нейтрального явления, возникновение которого представляет собой исключительно следствие объективного хода демографической эволюции. Она, по мнению авторов, рождена в недрах ООН и ориентирована на универсальные нужды стран, находящихся лишь на стадии демографического перехода. Такой подход в принципе не учитывает национально-государственных особенностей (историю, традиции, менталитет) и, в частности, «особенностей демографического развития России, а тем более ее статуса, геополитического положения и интересов в мире в настоящем и будущем» (Захарова и Рыбаковский 1997, 49). Сторонники второй позиции, с которой солидаризируются авторы статьи, рассматривают депопуляцию как «долгосрочный кризис, чреватый угрозой этим геополитическим интересам, и считают недопустимым сокращение численности населения как стратегической линии демографического развития страны» (Захарова и Рыбаковский 1997, 48). Водораздел между этими позициями, как пронизательно отмечают авторы, в самом критерии оценки существующих демографических тенденций. Во втором случае «в качестве такового выступает не большая или меньшая степень ответственности мировым тенденциям демографического перехода, а совокупность геополитических интересов конкретной страны, осуществление которых тесно связано с ее демографическим благополучием» (Захарова и Рыбаковский 1997, 49). Поскольку «важнейшей стратегической задачей России, вытекающей из ее геополитического положения, является поддержание и упрочение статуса великой державы, унаследованного от СССР» (Захарова и Рыбаковский 1997), она должна ориентироваться на динамику численности населения в странах аналогичного с ней

статуса (США, Великобритания, Франция, Китай), где в ближайшие десятилетия прогнозируется рост населения. По мнению авторов статьи, первоочередная задача возрождения экономического потенциала страны может быть решена при условии не только повышения качества, но и количественного роста населения. Другие геополитические приоритеты России — укрепление ее позиций в СНГ и в славянском мире — также во многом зависят от преодоления демографического кризиса.

Как подчеркивают авторы статьи, депопуляция — это этническая проблема, затрагивающая основную государствообразующий этнос — русских (хотя некоторые другие народы России имеют аналогичные показатели воспроизводства). Прирост этнических русских за последние годы обеспечивается их массовым миграционным притоком из ближнего зарубежья. Поэтому на фоне растущей концентрации русского этноса на территории России на постсоветском пространстве в целом численность русских сократилась, что, с точки зрения авторов, является фактором ослабления Российского государства. Растущая иммиграция из центральноазиатских и закавказских государств на фоне сокращения численности собственного населения «приведет к тому, что Россия в скором времени может оказаться перед лицом необратимых изменений этнического состава населения» (Захарова и Рыбаковский 1997, 51).

Ряд других факторов, по мнению авторов, связывает депопуляцию с государственными интересами России. Слабая заселенность и невозможность обеспечить достаточную плотность населения в приграничных районах обуславливает многочисленные территориальные претензии со стороны других государств на некоторые территории (Дальний Восток, Калининградская область). Кроме того, снижение рождаемости ведет к значительному сокращению численности призывных контингентов в условиях, когда Варшавский пакт перестал существовать, а НАТО усиленно приближается к границам России. И наконец, проблема внешнего долга, унаследованного от СССР и существенно возросшего за годы реформ, также оказывается непосредственно связанной с депопуляцией. «Депопуляция приведет к тому, что сумма задолженности в расчете на душу населения страны будет неуклонно возрастать, что ляжет тяжким бременем на плечи будущих поколений» (Захарова и Рыбаковский 1997, 53).

Этот пример, как представляется, весьма характерен для российского неотрадиционалистского дискурса. Тема «повышения рождаемости» любыми средствами в интересах государства осо-

бенно популярна среди правозэкстремистских политиков. Но этатистский традиционализм характерен и для левых, хотя их позиция отличается ориентацией на государственную поддержку семьи и сохранение общедоступной системы образования и здравоохранения. «Старые левые» и их социалистический проект уже не обладают сегодня той энергией модернизации, которая способствовала преобразованию сферы семейного воспроизводства и женской эмансипации в первые послереволюционные годы. Учитывая глубокий кризис социалистических идей и относительную слабость русского национализма, этатизм становится сегодня идеологией, оказывающей наибольшее влияние на семейную и гендерную политику государства.

На Украине неотрадиционализм принимает несколько иные формы: он тесно связан с националистической идеологией и реконструкцией соответствующих культурных мифов, обосновывающих уникальность украинской нации, а также служит ее самоидентификации в отношении как Запада, так и России. Семья является важнейшим элементом национальной мифологии, поэтому неотрадиционалистский дискурс строится здесь по иным правилам, чем в России. Акцентирование символической связи между Нацией и семьей играет в этом случае более важную роль, чем рационалистическая артикуляция интересов государства в «укреплении семьи». Хотя проблема депопуляции и обсуждается в работах украинских демографов, однако она редко увязывается с «кризисом семьи». Напротив, широко распространенным является утверждение, что украинскому народу присущи особые традиции семейности, особая семейная ментальность, что высокая брачность и рождаемость — это фундаментальные особенности украинского этноса. Утрата этих традиций — результат антinationальной политики советского государства (в интерпретации крайних националистов) либо следствие тяжелого экономического кризиса и резкого снижения уровня жизни семей (в интерпретации более умеренных). Украинские социологи, в отличие от российских, отмечают не кризис семьи, а, наоборот, высокий рейтинг семейных ценностей и семейного образа жизни среди приоритетных жизненных ориентиров. Как отмечалось в официальном ежегодном отчете о положении семей на Украине,

в условиях коренных изменений привычной социокультурной среды, конкурентных отношений на рынке труда и в профессиональной сфере возрастает потребность человека в семье, где можно получить эмо-

циональную поддержку и признание, совместными усилиями найти выход из экономических трудностей (*Про становище сімей...* 1999, 53).

И она обладает всем необходимым для выполнения этой роли: «украинской семье издавна присущи активность, творчество, взаимопомощь, сохранение национальных традиций, межличностный характер внутрисемейного общения» (*Про становище сімей...* 1999, 55). По словам украинского демографа Л. Чуйко, ««сбои» в адаптационном механизме брачности и структурные деформации этого процесса в кризисном социуме Украины не дают оснований для вывода о снижении ценности института брака и семьи в устоях жизни населения Украины. Тем более — об отмирании этих институтов в их традиционном понимании или отказе от них. Об этом свидетельствует наследственность украинской брачно-семейной ментальности, население Украины в подавляющем большинстве проживает семьями, созданными на основе юридически оформленного брака» (Чуйко 1997, 127).

Таким образом, украинские семьи находятся в сложных экономических условиях, но речь о «кризисе семьи» не идет. Или, другими словами, украинская Семья — такой же абсолют, как и украинская Нация. Поэтому решение проблем семьи увязывается с возрождением украинской нации и строительством независимого государства, и наоборот — возрождение нации начинается с семьи. Вот что пишет по этому поводу украинский социолог Ю. М. Якубова:

Украинская нация должна сохранить себя в семье. Дом, семья, труд, высокая духовная культура и гражданская зрелость украинского народа призваны обеспечить ему высокий уровень жизни, а Украине — независимость, экономическую и политическую стабильность, нерушимость границ (!) и высокий международный авторитет (!). Никто не построит для украинцев государства и не создаст материальных условий, если семья будет морально и материально дезорганизована. Семья должна стать основой и символом духовного и экономического возрождения, целью многогранной гуманистической деятельности украинского государства (Якубова 1998, 35).

Если именно в семье происходит передача детям национальных традиций, прививается любовь к родному языку и культуре, то ведущая роль в формировании национальной идентичности нового поколения принадлежит матери. В отличие от российского неотрегистранционалистского дискурса, где подчеркивается женская функция биологического воспроизводства нации, украинская женщина призвана обеспечить прежде всего ее символическое воспроизвод-

ство. И даже биологическая функция порождения жизни обретает особую символическую роль в украинском культурном контексте. Образ Украины — «пышнотелой крестьянки в венке», «живучей» и «плодовитой», — образ тела-земли, матери-природы, порождающей и питающей и человека, и животных, формируется, по мнению Ирины Грабовской, еще в XVI веке. «И на этом теле-земле вырастает другое тело — народ, который не способен взлелеять и сохранить собственную “голову”», т.е. элиту; «народ, который существует как трава из поколения в поколение» (Грабовская 2000, 102). Символ материнства как вечного возрождения жизни, физического сохранения нации, единственной надежды на выживание в условиях культурного и политического гнета отражает исторические реалии колониальной Украины, ее статус нации-жертвы, неспособной отстоять свою государственность. Сегодня фигура Матери символизирует духовную консолидацию общества вокруг «вечных» ценностей национальной культуры, традиций и языка, преемственность поколений, надежду на выживание и будущее нации.

Демография и национализм

Связь между политикой семьи, женской репродуктивной функцией и идеологией национализма на Украине может быть продемонстрирована на примере демографического дискурса. В западной феминистской литературе связь между национализмом и демографической политикой была проанализирована в работе Ниры Ювал-Дэвис «Гендер и нация» (Yuval-Davis 1997). Она выделяет три типа доминирующего дискурса, определяющего националистическую демографическую политику: дискурс, который может быть назван «народ как сила», евгенический дискурс и мальтузианский дискурс. Первый тип дискурса — «народ как сила» — определяет политику практически всех национальных государств и касается главным образом государствообразующей нации. В рамках этого типа дискурса будущее нации зависит от ее непрерывного количественного роста. В странах, основанных эмигрантами, определенная критическая масса населения считалась необходимой для создания нации (Австралия, Израиль), и государство поощряло эмиграцию (всегда на основе этнически- и расово-дифференцированного подхода). Однако в большинстве случаев ответственность за прирост населения возлагается на женщин «коренной»

национальности, государственная политика направлена на активизацию их репродуктивного поведения. Националистические правительства проводят, как правило, активную пронаталистскую политику. Примерами являются политика фашистской Германии, «демографическая гонка» израильтян и палестинцев, и совсем свежий пример — этнический конфликт в Косове.

Второй тип дискурса — евгенический — акцентирует внимание не на размерах нации, а на ее качестве. Конечно, беспокойство о качестве нации лежит в основе широкого круга политических подходов. Например, тревогой о снижении качества нации обосновывается необходимость совершенствования системы здравоохранения или улучшения питания детей. Однако евгенический дискурс связывает качество нации с селективным зачатием и деторождением, он предполагает вмешательство в репродуктивные процессы с целью появления на свет только «желательных для общества» детей. Наиболее типичным примером является принудительная стерилизация людей с ментальными дефектами, вызванными наследственными заболеваниями или алкоголизмом, но нередки случаи такого рода политики и на расовой или этнической основе. Современный евгенический дискурс оперирует понятиями «генофонда нации», «генетического потенциала», от которого зависит здоровье и будущее последующих поколений нации.

Наконец, третий тип дискурса — мальтузианский — связан с политикой ограничения рождаемости с целью снижения темпов прироста населения и наиболее характерен для развивающихся стран. Ограничение рождаемости рассматривается в некоторых из этих стран как основная стратегия решения экономических и социальных проблем. Однако мальтузианский дискурс часто работает на руку националистам в отношении этнических меньшинств: он служит рационализации опасений, связанных с неконтролируемым ростом их численности и нарушением сложившегося «этнического баланса» в государстве.

Неудивительно, что с провозглашением Украиной независимости и началом строительства национального государства началось переосмысление функций демографической науки и ее роли в обществе. Воссоздание демографической науки на Украине, свободной от наследия «советской демографии, ангажированной военно-экономическим тоталитаризмом», мыслится некоторыми авторами на новой ценностной основе «государственно-национального солидаризма» (Піскунов 1997, 60). Национальная форма демовоспроизводства является определяющей: «развитие нацио-

нальной солидарности украинцев станет активным фактором усиления межнациональной солидарности на просторах Украины» (Піскунов 1997, 63). Такой подход имплицитно определяет отношение украинской демографии к изменениям в этническом балансе населения, к иммиграции на Украину, к межнациональным бракам.

Так, одобрение демографов вызывает начавшееся в 1991—1993 годах изменение этнического баланса населения в пользу украинцев, даже несмотря на то что оно является, главным образом, результатом эмиграции из Украины представителей других национальностей. О. Чирков и И. Винниченко с удовлетворением отмечают:

Экономический кризис на Украине привел к одному позитивному результату — начавшемуся преобладанию численности русских эмигрантов над русскими иммигрантами. Начал снижаться и удельный вес белорусов. Продолжается уменьшение доли евреев, поляков, чехов, словаков, греков, караимов, крымчаков и других этнических меньшинств» (Чирков, Винниченко 2000, 120).

В соответствии с заключением авторов,

при условии сохранения существующей сегодня тенденции в будущем Украина будет двигаться к этнической структуре населения с большим количеством малочисленных (в сравнении с украинцами) меньшинств и одним большим, до 10% численности населения (русские). Такие изменения этнической структуры населения страны, безусловно, будут способствовать процессу национальной консолидации (Чирков, Винниченко 2000, 122).

В целом негативную оценку в рамках господствующего демографического дискурса получает иммиграция на Украину, которая включает репатриацию депортированных в советское время народов, а также беженцев и транзитных мигрантов из ближнего и дальнего зарубежья. Незарегистрированная иммиграция из стран Африки, Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока представляет особую угрозу для санитарно-эпидемиологической, криминогенной ситуации и даже для безопасности государства в целом. «Геополитическое положение Украины и “прозрачность” ее границ, особенно со странами СНГ, содействуют превращению ее в своеобразную “стартовую площадку” для мигрантов из стран “третьего мира”, которые пытаются нелегально перейти ее границу и попасть в Западную Европу, и “отстойник” для тех, кто после не-

удачных попыток оседает на территории Украины» (Левчук 1997, 17). Однако, по мнению автора, существует еще одна проблема: «Учитывая существующую депопуляцию, не скрывает ли в себе интенсивный процесс афро-азиатской иммиграции в отдаленной перспективе определенную опасность для самого существования украинского народа?»

Связь демографии с национальной мифологией видна также на примере оценки сложившегося демографического баланса между городом и селом. Демографическая ситуация в селе вызывает беспокойство специалистов не только в силу своей особой сложности, но еще и потому, что село играет особую роль в украинской национальной мифологии:

Именно село было базой воспроизводства украинского населения («людности»), а аграрный сектор — определяющий среди экономических структур нашей страны. Однако долгосрочная политика нашего государства исходила из преувеличенного значения городского образа жизни и недостаточного внимания к проблемам крестьянства. Вследствие неравноценности жизненных условий городского и сельского населения, неразвитости производственной и социальной инфраструктур в селе происходила интенсивная миграция сельских жителей в города, постепенно размывался традиционный украинский менталитет и утрачивал свое значение идеал многодетной сельской семьи (Левчук 1997, 8).

Согласно украинскому национальному мифу, именно село, сельское население, сельские семьи являются носителями аутентичной украинской идентичности, национальных традиций, религиозных ценностей, языка. Поэтому отток сельского населения в города, экономический кризис в сельском хозяйстве, социальный и культурный упадок села подорвали не только экономический и демографический, но тем самым и духовный потенциал украинской нации.

Дискурс, который Ювал-Дэвис назвала «народ как сила», является в украинской демографии доминирующим. Как и в России, снижение рождаемости и депопуляция рассматриваются как важнейшие проблемы, определяющие будущее нации. Экономические и социальные последствия депопуляции — это ухудшение ситуации на рынке труда, старение населения и возрастание нагрузки на пенсионную систему. Некоторые специалисты указывают, что главной целью политики в этой области должно стать не стимулирование рождаемости и повышение ее уровня, а «замедление даль-

нейшего падения интенсивности детородной деятельности населения Украины», «обеспечение хотя бы на минимальном уровне качества питания и содержания тех, кто рождается или уже родился» (Стешенко, Пискунов 1996, 22). Другие более категорично настаивают на «всемерном стимулировании населения к деторождению» (Пирожков, Лакіза-Сачук, Запатріна 1995, 30). Однако их объединяет общая исходная посылка: выживание нации и ее будущее процветание связаны с преодолением демографического кризиса и повышением рождаемости; оценки расходятся относительно имеющихся для этого возможностей и ресурсов.

Однако, как видно из приведенных примеров, на Украине дискурс «народ как сила» имеет и другую сторону. Речь идет не просто о снижении численности населения Украины, а о более серьезной угрозе — «национальном вырождении», «размывании» украинского этноса. Вырождение нации является результатом колониальной политики советского государства. «Массовое переселение русских и русскоязычных представителей других народов на Украину, языковая русификация украинцев, слабое развитие профессиональной украинской культуры, утрата украинцами в отдельных районах эндогамии, целенаправленная идеологическая обработка населения, особенно детей и молодежи, с откровенным очернением истории Украины и привитием украинскому юношеству комплексов неполноценности, отсталости, архаичности, бесперспективности и непрестижности всего украинского — все это подготовило подходящую почву для окончательного и бесповоротного обрусения в недалеком будущем» (Чирков, Вінниченко 2000, 119). Поэтому, несмотря на возрастание доли украинцев в этническом составе населения, ситуация в «этнодемографической сфере» остается критической: «украинская этничность продолжает утрачивать свой вес на Украине» (Чирков, Вінниченко 2000, 122).

Проявления евгенического дискурса также можно обнаружить в работах современных украинских демографов. Проблема «сохранения генофонда» украинской нации связана прежде всего со снижением показателей здоровья населения. «О ее актуальности свидетельствует повышение доли врожденной и наследственной патологии в структуре заболеваемости и смертности новорожденных, возрастание бесплодия, сокращение детородного контингента и общее старение населения» (Левчук 1997, 15). Рост алкоголизма, наркомании, распространение СПИДа и других социальных болезней приводит к ухудшению генетического потенциала и позволяет говорить о перспективах физического вырождения нации

(автор статьи ссылается на «мнение ученых», согласно которому популяция, генетически испорченная на 30%, обречена на вырождение). Однако «вырождение» связано также с интеллектуальным обеднением генофонда украинского народа. Поскольку преобладающим типом становится однодетная и бездетная семья, «с уменьшением общего количества новорожденных автоматически снижается вероятность рождения одаренных детей» (Левчук 1997, 15). Как следствие, рост рождаемости видится одним из основных способов решения проблемы не только количества, но качества населения.

Псевдонаучный евгенический дискурс, переносящий закономерности развития биологической популяции на человеческое общество, является частью идеологии национализма. Как с одобрением отмечает Н. Левчук,

еще в 20-х годах нынешнего столетия академик С. Рудницкий обосновал необходимость не только количественной... но и качественной политики, которая должна быть направлена на рождение «генетически здоровых и расово полноценных лиц» и должна была опираться на достижения национальной биологии (евгеники) (Левчук 1997, 15).

Согласно С. Рудницкому, «национальная биология и биологическая политика должны идти если не впереди национальной экономики и экономической политики, то хотя бы в паре, обладая равным весом и ценностью» (Левчук 1997, 15). По-видимому, националистический дискурс, рассматривающий нацию как единый организм, «здоровье» которого вызывает беспокойство, предполагает и его «лечение». Поэтому меры, продиктованные заботой о здоровье будущих поколений (развитие медико-генетических служб и системы генетического мониторинга, требования предварительного медицинского обследования пары, намеревающейся вступить в брак), отнюдь не являются политически нейтральными и могут быть использованы властью как средство контроля за «качеством» нации.

Мальтузианский дискурс на Украине в последнее время находит проявление в отношении крымских татар. В литературе все чаще выражается опасение по поводу возрастания их численности не только вследствие репатриации, но и в силу их активного репродуктивного поведения, обусловленного национальными и религиозными традициями. Высокая рождаемость в семьях крымских татар может привести в будущем к изменению этнического баланса в Крыму и на Украине в целом. Эти опасения подкрепля-

ются как высокой степенью заселенности Крыма и возрастающей антропогенной нагрузкой на окружающую среду, так и опасностью политической дестабилизации в регионе. Как пишет Н. Левчук,

возрастающая численность крымских татар и связанный с этим процесс постепенной этно-социальной модификации структуры населения Крыма будет влиять на динамику политической жизни в целом. От того, насколько удачными окажутся интеграция крымских татар в украинское общество, их социальная адаптация, зависит, какую электоральную нишу в перспективе они займут (Левчук 2000, 111).

Так или иначе, в современной демографической литературе воспроизводственная функция женщин, принадлежащих как к «коренной» национальности, так и к этническим и языковым меньшинствам, рассматривается не только с точки зрения роста численности населения, но и как фактор национальной консолидации украинского общества на этнической основе.

Женское движение и ренессанс неотрадиционализма

Женское движение на Украине, в отличие от российского, в первую очередь идентифицирует себя с задачами национального возрождения и создания независимого государства в качестве первой и необходимой предпосылки защиты женских прав и интересов. Его идеология в значительной степени проникнута идеями национализма и поэтому охотно использует рассмотренные выше схемы: семья как основа возрождения нации, решающая роль женщины в сохранении украинской культуры и воспроизводстве украинского этноса, в духовной консолидации общества. В итоге женское движение, как правило, видит свою роль в первую очередь в содействии национальной консолидации, а не в защите женских прав. По словам одной из делегатов Всеукраинского женского конгресса,

нормальное положение женщины возможно только в нормальном стабильном государстве. Поэтому все наши силы должны быть в первую очередь направлены на укрепление государственности Украины. Политическая неоднородность и расслоение украинского общества не содействуют государствообразующим процессам... Роль женщины в консолидации украинского общества могла бы быть решающей. И

если украинские женщины не способны объединиться вокруг национальной или государственной идеи, то, может быть, они объединятся вокруг идеи счастливой семьи, здоровья детей (*Жінка на порозі XXI...* 1998, 97).

Не случайно приобрело популярность оброненное кем-то выражение «гендерна злагода» (гендерное согласие, мир), оно подчеркивает установку на бесконфликтный характер женского движения, вернее, на отсутствие конфликтов между двумя «гендерами». Более важной задачей, с точки зрения многих представительниц женского движения, является совместное противостояние угрозе «национального вырождения», «исчезновения украинского этноса» или утраты государственной независимости. Поэтому «традиционно крепкая» украинская семья должна обеспечить национальную консолидацию, а не раскол по гендерному признаку.

Ориентация на семью и традиционные гендерные роли — первое, что обращает на себя внимание в материалах женских конференций и публикациях многих женских организаций. Так, на Всеукраинском конгрессе женщин в 1998 году одна из делегатов заявила:

Во все века на Украине считалось наибольшим грехом — убить ребенка в своей утробе, самой тяжелой Божьей карой — не иметь собственных детей, непрощаемой виной — бросить ребенка, забыть старых родителей, не уважать отца своих детей (*Жінка на порозі XXI...* 1998, 39—40).

Интересы женщины рассматриваются главным образом и прежде всего как интересы ее семьи, ее детей. Профессиональная самореализация, конечно, не отвергается в принципе, однако подразумевается ее подчиненный и производный от семьи и материнства статус. Вот еще один пример такого рода риторики:

Сама природа возложила на женщину ответственность за будущее человеческого рода. Рождение и воспитание детей — это высшая цель и смысл ее жизни. Может быть, поэтому женщина до определенного времени была равнодушна к политике, заботясь об уюте и согласии в семье. Но когда этим ценностям что-то угрожает, она должна стать активным участником политической жизни, поскольку ответственность за детей — это ответственность за общество, его настоящее и будущее (*Жінка на порозі XXI...* 1998, 36).

Согласно этой просемейной логике, профессиональная деятельность, участие в политике и в бизнесе хотя и по силам женщи-

не, однако имеют для нее смысл только «ради детей» (в узком смысле — ради благополучия собственной семьи, в широком — ради будущих поколений). Эти социальные роли оказываются производными от основной и изначальной роли — материнской, а альтруизм (в противоположность мужскому эгоизму) рассматривается как главный побудительный мотив социальной и политической активности.

Таким образом, представления о роли женщины не только в семье, но и вне ее строятся на основе традиционной дихотомии мужского и женского предназначения, обусловленного если не биологически, то социокультурно. По словам М. Драч, возглавляющей международную организацию «Жіноча громада», в современном обществе женщине предназначена особая и крайне важная функция — функция гуманизации социальных отношений:

Именно женщина в украинском обществе лучше всего подготовлена к исполнению гуманистической функции как благодаря национальной традиции (как берегиня семьи и жизни), так и благодаря социально-историческим реалиям (сегодня украинская женщина имеет значительно более высокий образовательный уровень, чем представители сильного пола) (*Жінка на порозі XXI...* 1998, 62).

Эти особенности женщины, хотя и названы социокультурными, в действительности являются производными от биологической функции материнства:

Женщины более гибкие, они легче адаптируются к проблемам и трудностям, связанным с особенностями переходного периода, отмеченного высоким уровнем криминализации. Поэтому они способны взять на себя бремя воспитания детей, формирования общественных ценностей и представлений о добре и зле как раз тогда, когда устоявшиеся демократические нормы и традиционные ценности исчерпали себя или оказались неэффективными в условиях жестокой конкуренции и борьбы за выживание (*Жінка на порозі XXI...* 1998, 62).

То, что украинское женское движение пытается ввести семейную проблематику в пространство политического дискурса, вполне закономерное явление. Сомнения вызывает скорее политический язык, который используется современным женским движением на Украине. Он практически не отличается от языка других политических партий, также активно использующих популистскую апелляцию к «интересам семьи» и «защите материнства». В своем нынешнем виде украинское женское движение рискует превратиться

в статиста, используемого в политической игре различными силами, которые умело манипулируют социальной неудовлетворенностью женской части населения. Примером может служить недавно созданный под патронатом жены президента Украины предвыборный блок «Женщины за будущее», для чего на местах активно использовался административный ресурс.

Идеология женского движения объединяет неотрадиционализм и неофамилизм с мифом о «сильной» украинской женщине, ее особой природе. Дискуссии об «украинском матриархате», «особом характере» украинских женщин и высоком социальном статусе материнства приобретают особое значение в контексте проблем и противоречий формирования национальной идентичности. В современном политическом дискурсе не случайно активно используется миф об украинском матриархате, в соответствии с которым в прошлом «женщины традиционно играли важные социальные и экономические роли и обладали “равенством в различии”» (Rubchak 1996, 315—316), но впоследствии это историческое преимущество украинской нации было утрачено, в том числе под влиянием российской колонизации. Посредством обращения к мифу о «матриархатном характере украинской культуры» украинские женщины репрезентируются как «другие», отличные от западных. Они преданы семье и привержены своим традиционным ролям жены и матери, но в случае необходимости способны взять на себя ответственность за судьбу нации, они не видят в мужчинах своих врагов и не заиклены на «эгоистических» женских интересах. Репрезентация украинской женщины, «сильной» по самой своей природе, исключает феминистский дискурс «дискриминации» и «защиты прав».

С другой стороны, украинская женщина представлена одновременно как «традиционно» более свободная в публичной и частной сфере, менее ограниченная патриархальными нормами и институтами по сравнению с российской женщиной. Таким образом, образ Украины как нации, «исторически» высоко оценивающей женщину, семью и материнство, противопоставляется «патриархальной» империалистической России. Следовательно, деколонизация украинской культуры и строительство независимого национального государства в первую очередь отвечает интересам женщин. Это создает, хотя и на иной, националистической основе, политический альянс женщины и государства, подобный тому, который лежал в основе советской гендерной политики. По словам Алены Пашко, главы Союза Украинок,

сегодня украинская женщина нуждается во внимании и всесторонней помощи со стороны государства, но и государство нуждается в серьезной помощи со стороны женщины-патриотки, которая всегда была воплощением духовности, моральности, свободолюбия, берегиней национального сознания и семейного очага (*Жінка на порозі XXI...* 1998, 114).

Конечно, дискурс «прав женщин», «дискриминации» и «насилия в отношении женщин» все больше проникает в современное женское движение и даже в государственную семейную политику. Важнейшим толчком к этому стала 4-я Всемирная конференция ООН по проблемам женщин, проходившая в 1995 году в Пекине. Она активизировала появление и развитие женских организаций, акцентирующих проблемы прав женщин и гендерного равенства, содействовала появлению нового «феминистского» политического языка. Кроме того, Украинское государство, связанное международными обязательствами, оказалось вынужденным проводить мониторинг социально-экономического и политического положения женщин, привлекать женские организации к сотрудничеству в области разработки соответствующих программ и подготовки национальных докладов и отчетов. В результате в 1997 году Кабинетом министров Украины был утвержден «Национальный план действий на 1997—2000 годы по улучшению положения женщин и повышению их роли в обществе». Значительным шагом вперед стало также признание важности гендерной экспертизы украинского законодательства. В марте 1999 года Верховной радой Украины была принята «Декларация об общих основах государственной политики Украины в отношении семьи и женщин». Декларируя приверженность принципу равноправия мужчин и женщин, ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и привлечения женщин к разработке и принятию экономических, политических, социальных и правовых решений на всех уровнях, Декларация в то же время подчеркивает приоритет статуса семьи и ее прав, необходимость ее укрепления, социальную значимость института материнства.

Как оказалось, неофамилизм в женском движении вполне способен ужиться с гендерной риторикой. В приветственной речи президента Л. Кучмы, обращенной к участникам Всеукраинского женского конгресса, отмечалось: «...от реализации задач (в области защиты прав и интересов женщин. — Т. Ж.) в значительной степени зависит вхождение Украины в семью демократических и цивилизованных стран» (*Жінка на порозі XXI...* 1998, 114). Инте-

грация Украины в европейское сообщество в качестве независимого национального государства, заимствование западных институтов рынка и демократии предполагает принятие хотя бы элементов современной либерально-демократической идеологии, в том числе «прав женщин». И гендерная риторика, и «укрепление семьи» подчинены в современном женском движении в лучшем случае задачам национального строительства, а в худшем — политической конъюнктуре и интересам правящей элиты.

Заключение

Таким образом, строительство национального государства, внедрение институтов демократии и свободного рынка неизбежно требуют изменения статуса семьи и ее социальной роли. Из социалистической «ячейки общества», выполняющей в основном функциональную роль, она превращается в символ национального возрождения, преемственности поколений, экономического и культурного процветания Украины. «Традиционно крепкая украинская семья» репрезентирует приверженность национальной традиции и ценностям солидарности, но также равенство, свободный выбор и уважение к правам человека, подтверждая оправданность исторического выбора в пользу независимости и демократии. На этом фоне возрастающее влияние дискурса «прав женщин» и гендерного равенства служит подтверждению европейского имиджа украинского государства и его открытости принципам «глобально-феминизма» Запада. В то же время эти принципы с легкостью инструментализируются в украинском контексте для обслуживания целей «национальной консолидации».

Галина Орлова

СЕМЬ «Я» ПРЕЗИДЕНТА: ПРИЗРАК РОДСТВА В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ 1990-Х ГОДОВ

...Миф — это слово, избранное историей.

Ролан Барт

И хотя сначала «регентом» называли Чубайса, затем — уже членами Семьи — Юмашева и Волошина, суть претензий не менялась. За спиной президента, мол, кто-то втихую действует.

Борис Ельцин

Недavno российские СМИ скупо сообщили о пополнении в семействе первого президента России. Появление на свет сына Татьяны Дьяченко и Валентина Юмашева естественным образом завершило эпоху метаморфоз одиозного означающего «семья Ельцина», доказав преимущество социально-биологических фактов над политическими артефактами. Из средоточия российской власти второй половины 1990-х «семья» вновь превратилась в «ячейку общества», структурированную отношениями кровного родства. Так выглядит эпилог истории о политическом использовании родственных отношений для объективации, идентификации и фальсификации отечественной власти в период правления Бориса Ельцина.

Не претендуя на роль официального историка «семьи» президента, автор статьи на основе корпуса печатных и электронных текстов российских СМИ¹ анализирует цепь дискурсивных транс-

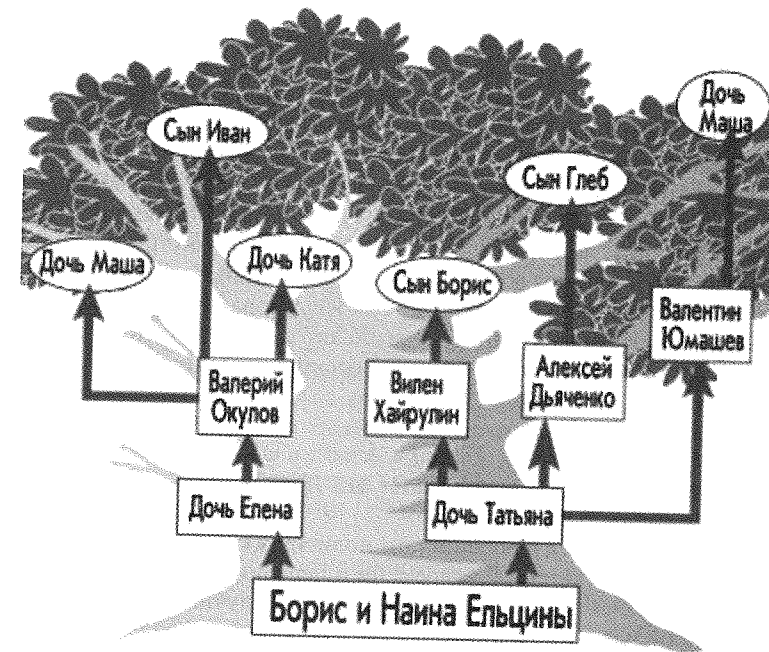
¹ Представления об относительном единстве российского политического дискурса определили концепцию подбора источников. В качестве главного критерия рассматривалось обращение средства массовой информации к теме политической семейственности вне зависимости от его политической ориентации (от «Стрингера» до «Коммерсанта-Ъ»), статуса издания (от «МК» до «Известий») или места издания (от «Оренбургской недели» до «АиФ»). Дополнительно были использованы мемуары Б. Ельцина (2000) и А. Коржакова (1997).

формаций, лежащих в основе превращения конструкта «семья» в базовую метафору российской власти. Политические метаморфозы семейственности берут начало в играх вокруг немощного президента и дряхлеющей государственности 1997—1998 годов, достигают кульминации в период избирательных баталий 1999—2000-го, переживают вторую молодость в первый год правления Путина, кажется, лишь для того, чтобы выйти в тираж и превратиться в факт недавней истории.

«Семья» как политический артефакт

Специфика ельцинской «семьи» не в последнюю очередь определяется ее транзитным положением между «большой семьей» и «семьей большого человека» — основными политическими формами родства, объективированными в отечественных дискурсивных практиках. С одной стороны, гражданско-правовая и политическая семьи первого президента России подчеркнута не совпадают, с другой — только участие ближайших родственников главы государства в деятельности неформального органа власти сделало возможным использование маркеров семейственности. От советской «большой семьи» кремлевское семейство постсоветской эпохи отличалось ограниченным кругом «структурных родственников», представляющих лишь политическую и экономическую элиту страны. «Семья» Ельцина не имела официального статуса; была лишена легально делегированной сакральности императорской фамилии; не могла выступать в качестве интимно-назидательно-эталона социализации, подобно семейству Ульяновых. В то же время в историях о кремлевской «семье» создавался отличный от записанного в Конституции образ средоточия власти и влияния, происходила персонализация российской политической сферы, конструировалась идентичность основных агентов отечественной политики и бизнеса. Почти по-строссовски квазисемейные связи складывались в матрицу для классификации политических артефактов и упорядочивания реальности власти.

Успех политического использования семейственности опирался на архаические модели социального поведения, актуализированные в ходе конструирования образа гражданско-правовой семьи Ельцина и самого президента во второй половине 1990-х, когда демократа-бунтаря и преобразователя России постепенно сменил «царь Борис». Неформальный стандарт патриархальных

Специфика ельцинской «семьи» не в последнюю очередь определяется ее транзитным положением между «большой семьей» и «семьей большого человека»

отношений, агентом которых со всей очевидностью и естественностью выступал Ельцин, был экстраполирован в сферу профессиональной политики и, по мысли велеречивого Максима Соколова, был на полную катушку использован для создания компрометирующих власть мифологем — мифа о «семье»:

Возделал он ее, в каждом своем слове, в каждом жесте, во всей своей повадке демонстрируя практически уже утраченное в нашем быту родовое начало, так хрестоматийно воспетое гр. Л. Н. Толстым (семья Ростовых в «Войне и мире»). Крестьянин Ельцин естественно и органично ощущал себя патриархом, властным, но любящим отцом своих подданных — и своих соработников... При такой нескрываемой атмосфере семейной теплоты можно воровать, а можно и не воровать — в воровстве все равно обвинят. Уж слишком нетипично, неформально и патриархально (*Огонек* 2000, № 40).

В сфере политической семейственности одновременное использование нескольких модификаций означющего (от ирони-

ческих кавычек до сакрализующей большой буквы, от персонализирующих — «ельцинская семья», и статусных — «президентская семья», маркеров — до обращения к топонимам власти — «кремлевская семья») указывает на выдающуюся аморфность, зыбкость и размытость означаемого. Эта размытость проступает и в нарративной структуре «семейного предания» — нет ясности относительно точки отсчета политической семейственности первого президента, как колоды карт, в поведенных СМИ историях тасуются действующие лица и исполнители, туманна внутрисемейная иерархия, запутанны вопросы совместного хозяйствования во власти, болезненно не определена тема наследования, замаскировано, но гипотетически многообразно авторство мифа. Каковы же функции этой множественности в российском политическом дискурсе второй половины 1990-х?

Рождение «семьи» из духа немощи

Сущность «семьи» в российском политическом дискурсе 1990-х определяется в категориях времени и персоналогии. Среди историй о «начале» наибольшую известность получил политический боевик об избирательной гонке-96 и коробке из-под ксерокса — новой исторической редакции ящика Пандоры, — откуда младшая дочь президента извлекла «семью»:

После задержания Лисовского и Евстафьева на проходной Белого дома с коробкой Таня всю ночь «обработывала» папу. Не давала ему спать. Утром злой на всю семью Ельцин подписал указ об увольнении Коржакова, Барсукова и Сосковца. С этого момента Таня превратилась в Татьяну Борисовну — «самого уволила» (*Stringer* 2000, № 7).

Отношения кровного родства отца и дочери на фоне метафизического противостояния группировок Коржакова—Сосковца и Березовского—Чубайса (поделивших между собой функции вредителя и волшебного помощника — в зависимости от интерпретации) в решающий момент обмениваются на отношения политические:

Миф «Семья» СМИ начали раскручивать в 1996 году, причем всплески раскрутки выпали на весну, когда Татьяна Дьяченко сенсационно вошла в предвыборный штаб отца, и на осень, после операции на сердце. Инициатором создания Семьи считают Татьяну Дьяченко. Первыми членами Семьи стали Чубайс, Березовский и Юмашев... Юмашев привел Семью Волошина, а БАБ — Абрамовича (<www.kotkon1.narod.ru>).

Слабость верховной власти объединяет электоральный и медицинский эпизоды. В обоих случаях поводом для возникновения корпоративности нового порядка становится политический дефицит — сначала отсутствие навыка организации избирательной кампании и нехватка средств, а потом — дефицит персонального участия Ельцина во власти. Однако только начало политической истории болезни, превратившей главу государства в фигуру отсутствия, по праву рассматривается как окончательный переход в состояние политической семейственности:

Ведь еще летом 96-го никто не мог представить, что администрация президента превратится из органа управления в обыкновенный семейный клуб по интересам... Президент из здорового басистого мужика, который голосом загонял уголовников под лавки, из эдакого демиурга превратился — через фазу болезни — в бодрого, хотя и болезненного капризного старичка. Поэтому роль дочери, которая может ему все объяснить как надо и убедить в том, в чем не мог бы убедить самый умный и логичный чиновник, по-прежнему остается важной (*Московский комсомолец* 30 января 1998).

Тексты, в которых конструируется такая семейственность — это истории о маскировке президентской немощи за счет расширения политического «я» главы государства, появления удачно поименованного журналистами «коллективного Бориса Николаевича». Организация, а главное, имитация президентских действий руководителем администрации, озвучивание речей невидимого для граждан первого больного страны пресс-секретарем и достоверная репрезентация нездорового папы здоровой дочерью — элементы нового типа политического участия с разделенной на всех идентичностью, своего рода политическое «плоть от плоти», которое невозможно описывать в функционально-прагматических терминах командной работы.

Истории об избирательно-клиническом рождении «семьи» существуют и в другой модификации — как повествование о власти зарвавшихся олигархов. Его жанровая специфика в зависимости от меры радикальности автора может быть определена в континууме от криминальной политической драмы о крушении российской государственности до мистического триллера о пришествии антихриста. Выборы и болезнь президента описываются не без криминальной риторики как этапы устранения «путающегося в ногах у интриганов» президента от управления страной и фазы приватизации верховной власти:

Однако сложилась ситуация, когда небольшой круг людей, впрочем, связанный с Ельциным не только родственными отношениями, фактически приватизировал власть президента и управлял страной от его имени, чаще всего используя должностное положение президента в своих грязных, коррумпированных интересах (В. Илюшин) (*Stringer* 2000, № 1).

Больной, неадекватный, в припадках страдания и бешенства президент, которым вертят несколько умных, беспощадных, очень богатых и враждебных России людей (*Завтра*, 5 августа 1997).

Концентрируя внимание на коррумпированности и нелегитимности власти, отлучении от нее президента, эти истории актуализируют мафиозное толкование «семьи». В них, как правило, используется конструкт «кремлевская семья», позволяющий окончательно сбросить немощного президента с политических счетов: «Сегодня в России нет даже такого понятия “президент”. Есть семья — Волошин, Березовский, Абрамович, Юмашев, Дьяченко» (*Йошкар-Ола* 1999, № 46).

Знаковая для эпохи семейственности «работа с документами» оказалась недостаточно сильным аргументом в пользу политической состоятельности президента. И уже в последних мемуарах Ельцина предпринимает очередную попытку расшатать медицинско-геронтологическую мифологию «семьи», доказывая право главы государства на самостоятельность и активность:

Работа, которую потом мои политические противники назовут влиянием на президента Семьи — вот так, с большой буквы, — на самом деле заключалась в моих встречах с главой администрации, его замами, советниками, обсуждении выработанных ими предложений и, наконец, принятии президентом окончательного решения. И дальше, после принятия, — железная, неукоснительная его реализация... По такой схеме я работал все последние годы (Ельцин 2000, 180).

Ретроспективный характер — неотъемлемая черта мемуаров, но та же самая ретроспективность может быть обнаружена и в большинстве аналитических и журналистских историй об электро-медицинском дебюте семейственности, предназначенных для актуального политического употребления. События 1996—1997 годов, проинтерпретированные как рождение «семьи», становятся объектом пристального внимания во второй половине 1998—2000, впрочем, как и истории о семейном характере администрации президента. А вот тенденция понимать президентскую семейственность как некую демоническую абстракцию оформи-

лась к 1999 году: «За последние месяцы пресса превратила понятие “Семья Бориса Ельцина” во что-то необъятное и почти нечеловеческое» (*Огонек* 2000, № 23). Основной акцент был сделан на политической метафизике — «семье» приписывается не только вся власть, но и вина за все происходящее в стране.

Телохранитель: семьянин & летописец

До 1998 года маркеры политических элит не позволяли фиксировать родство с президентом — «команда Чубайса», «семибанкирищина», «группа 13-ти», «люди Березовского». Даже человек, которому так часто приписывается если не авторство, то открытие ельцинской «семьи» — генерал Коржаков, — описывает старт политической активности дочери президента как переход от состояния «семейного» к «командному», при том, что она оказалась новичком с весьма ограниченными правами в клубе испорченных властью интеллектуалов. Той же точки зрения на статус Татьяны Дьяченко придерживается в 1997 году и «Независимая газета»: «Она, прежде всего, представитель чубайсовского клуба и уже во вторую очередь член семьи» (*Независимая газета* 13 марта 1997).

Семейственность в политике в этот период скорее связывается с эпохой Коржакова, домороженно-силовому правлению которого противопоставляется легальный и рациональный стиль будущих «молодых реформаторов». Так, о вышедшем из политической тени Юмашеве газета пишет как о человеке, обменявшем семейный статус на командный: «До этого он был членом большой президентской семьи с множеством чад и домочадцев и всеми любимым Александром Коржаковым» (*Независимая газета* 13 марта 1997). Год спустя этот шаг был реинтерпретирован сквозь призму политической семейственности.

Таким образом, вторая версия зарождения «семьи» отсылает нас к началу ельцинского правления. История построена на достоверности коммунального сосуществования президента и его охранника: вместе работали, вместе пуд соли съели, вместе рыбачили и играли в теннис, были соседями по дому на Осенней, дружили семьями: «Нашему появлению он искренне обрадовался — крепко обнял, похвалил цветы. Отношения между нами после всего пережитого стали почти родственными. Если я приходил к Борису Николаевичу домой, то вся семья бросалась целоваться» (Коржаков 1997, 45).

Безопасность политика, сосредоточенная в руках телохранителя, стала главным аргументом и инструментом теневого влияния Коржакова: доверяя себя человеку, с которым поддерживал теплые человеческие отношения (суровое братство, скрепленное клятвами и присягой), президент делегировал ему исключительные, хотя и нелегальные, полномочия.

Именно тогда я понял, что Коржаков окончательно присвоил себе функции и прокуратуры, и суда, и вообще всех правоохранительных органов — по его приказу люди в масках готовы были «положить лицом на асфальт» любого, кто не нравился главному охраннику, кто, по его мнению, нарушал некие, одному ему ведомые, правила игры (Ельцин 2000, 40).

Собственно, критическая масса этой «нелегалщины», по словам президента, и послужила официальным поводом для отставки: «С Александром Васильевичем я могу дружить хоть семьями — это мое личное дело. Но если хочет в большую политику — пусть идет не с черного хода, а с парадного» (*АиФ* 1996, № 26). Отставкой Коржаков был выброшен не только из власти, но и из семейства Бориса Николаевича, в которое он влился на излете своего могущества, став крестным отцом президентского внука.

В свою очередь, опальный член семьи, породив мемуары «Борис Ельцин: от рассвета до заката», сделал все, чтобы по праву считаться одним из инициаторов темы «семейственности» в российском политическом дискурсе. Семья, какой ее вспомнил бывший руководитель СБП, разительно не совпадала с теплым патриархально-архетипическим образом, запавшим в память народную после мифотворческого фильма Э. Рязанова. Ельцин выступал не столько патриархом, сколько деспотом, проявляющим чадолюбие по случаю («Ельцин всегда игнорировал жену и дочерей. Когда заболел, тогда действительно становился отцом и мужем»). Пирожки Наины Иосифовны выглядели призрачно на фоне профессиональной деятельности бригады поваров, младшая дочь президента алкала власти, а все вместе были порядком испорчены роскошью царского существования. Но главное, женщины первого семейства имели скверные привычки — своими капризами (устойчивая характеристика — «истеричный») вмешиваться в большую политику («Анатолий Кузнецов потом рассказал мне, что Наина Иосифовна и Татьяна всю ночь президента накручивали, требовали, чтобы он “мне врезал”») и поддавать под влияние олигархов-искусителей.

Активно используя миф о патриархальности семьи Ельцина, раскрутка которого пришлась на 1996—1997 годы, Коржаков вывернул наизнанку кровнородственные связи в первом семействе России, лишил ближайших родственников Ельцина естественных качеств семьянина (например, указал на циничное отношение к больному президенту жены и дочери во время избирательной гонки: «Танцуй, папа, танцуй!» — или же на дефицит материнских чувств²) и насытил понятие «семья президента» новыми смыслами. Близкие Ельцина, сохранив наименование «семья», были описаны как носители прежде всего политических амбиций, сил и корыстных интересов, а потому проинтерпретированы как паразитирующий на власти клан, решающий собственные проблемы за государственный счет: «Да и Ельцин все чаще при принятии решений исходил из потребностей семейного клана, а не государства». В генеральских мемуарах происходит реинтерпретация и приватизация конструкта «семья». После Коржакова уже не было нужды пояснять, чье именно семейство имеется в виду и как оценивать его действия:

По статистике в России сейчас проживает около 20 миллионов семей, но все это обычные семьи, пишущиеся с маленькой буквы, страдающие от кризиса и мечущиеся в поисках работы, пенсии и украденных банками денег. Но в последние пять лет в нашем отечестве появилась единственная ячейка общества, которую трогательно величают во всех СМИ только с большой буквы — «Семья» (<www.corruption.ru>). Конечно, сегодня в России, помимо традиционного понимания семьи как ячейки общества, под «семьей» понимаются родственники и друзья родственников экс-президента Ельцина (С. Бабурин. Цит. по: *Stringer* 2000, № 1).

Глава семьи — всегда папа. Один самый большой папа — Борис Ельцин — сегодня сидит в Москве. И возглавляет он не просто семью, а семью с большой буквы, то есть Семью (*Оренбургская неделя* 1990, № 50).

Эта посткоржаковская деформация поля значений и использование «семьи» в качестве имени собственного стали основанием для дальнейших дискурсивных манипуляций с президентским родством и источником пестрого политического мифотворчества.

И все же в 1997 году Коржаков трудился над созданием отрицательной идентичности реальной семьи президента — семейства

² «Равнодушие Татьяны к своему второму сыну коробило меня. Никакая политика не оправдывает мать, которой некогда заниматься крохотным человечком. Увы, в таких случаях я старомоден — лучше бы уж Таня стала нормальным “членом семьи”, а не “членом правительства”».

«в духе старосветских помещиков со множеством чад и домочадцев», о котором так полюбили говорить журналисты, — семьи без переносного смысла, правда, единственной в своем роде, что и должны были подчеркнуть кавычки и большие буквы. Политическое же удвоение семейственности — более поздний дискурсивный продукт. Скажем, осенью 2000-го, комментируя новые мемуары Ельцина, даже обладающий тренированной памятью генерал уже был не в состоянии провести различие между кровными родственниками президента и теми господами, чей «список надо начать с Березовского, Абрамовича и Мамута» (Коржаков 2000).

По иронии судьбы, задолго до появления генеральских мемуаров была предпринята попытка соорудить подобие семейственности из опального телохранителя и его товарищей по несчастью. Импровизация в трагически-пародийном духе возникла по мотивам высказывания А. Чубайса, который «назвал Олега Сосковца духовным отцом генералов Коржакова и Барсукова»:

Братья жили — не тужили,
Службу ратную служили,
Но неведомо когда
Приключилась беда:
Двух духовных сыновей
Президент убрал с очей
И духовного отца
Господина Сосковца.

(*АиФ* 1996, № 26)

«Семья» и политическое уродство: взгляд слева

Если духовное родство генерала со товарищи оказалось всего лишь политической шуткой, быстро вышедшей из употребления, то семейственность президента в руках его последовательных критиков стала эмблемой и универсальной моделью дефективного правления Ельцина. Например, еженедельник «Стрингер» соединяет две версии политической семейственности — генеральскую и дочерне-олигархическую. Авторы уходят от фиксации на начале семейственности — для них «семья» была изначальной данностью, политическим стилем ельцинской эпохи. Соседство монументальных схем политической субординации с их камерной, почти интимной маркировкой («семейный портрет», «семейное фото»,

«семейный бизнес») может быть рассмотрено как некий итог концептуализации политической семейственности:

«Семейный» портрет раннего периода правления Ельцина выглядел следующим образом. По левую руку от президента стоял Чубайс и возвращенные им олигархи: Гусинский, Смоленский, Потанин, Авен и Березовский. А по правую сгруппировались Коржаков, Сосковец, Бородин, Черномырдин и Барсуков. В 1996 году панорама «семейной» фотографии изменилась: Коржакова на правом фланге сменил Березовский. И хотя принципиально схема осталась прежней, рокировка имела колоссальные последствия и для «семьи», и для всей страны (*Stringer* 2001, 1).

Характерно, что в этом прагматичном списке отсутствует знаковая для семейного структурирования фигура — Татьяна Дьяченко. Политическое родство полностью вытесняет родство кровное, а понятие «семья» приобретает отчетливые криминальные коннотации, рассматривается как устойчивая система теневого управления государством («конвертация денег во власть»). Однако окончательное исключение настоящей родственницы из виртуального политического семейства было бы равносильно убийству метафоры, а вместе с ней и мифа (если только кровное родство не реинтерпретировалось в духе левых радикалов в «родство на народной крови», давая начало новому сюжету):

Россией правят подонки, тип этого правления напоминает «Коза ностру», «семью», где царствует порука на родстве, на крови, на страхе перед неизбежным возмездием... Сам же Шамиль вошел в предельную близость с «семьей», получил пост министра, спиртовые льготы — не как теннисист и тренер, а как родственник, член «семьи» (*Завтра* 16 сентября 1997).

Родственники поневоле: семейственность как идеологическая диверсия

1999 год и подготовка к парламентским выборам — еще одна система координат для возникновения семейственности. «Семейные» нарративы, в которых избрана данная точка отсчета, — это истории о создании и авторстве политического мифа, направленные на его деконструкцию. Здесь обязательный для прочих «семейных историй» эпизод «о слабости (или разнужданности) влас-

ти» был заменен описанием политических баталий («скандалов», «провокаций», «постановок», «наездов» etc.). «Семья» рассматривалась как виртуальный проект оппозиционных Кремлю политических сил, призванный окончательно дискредитировать власть Ельцина (версия Березовского):

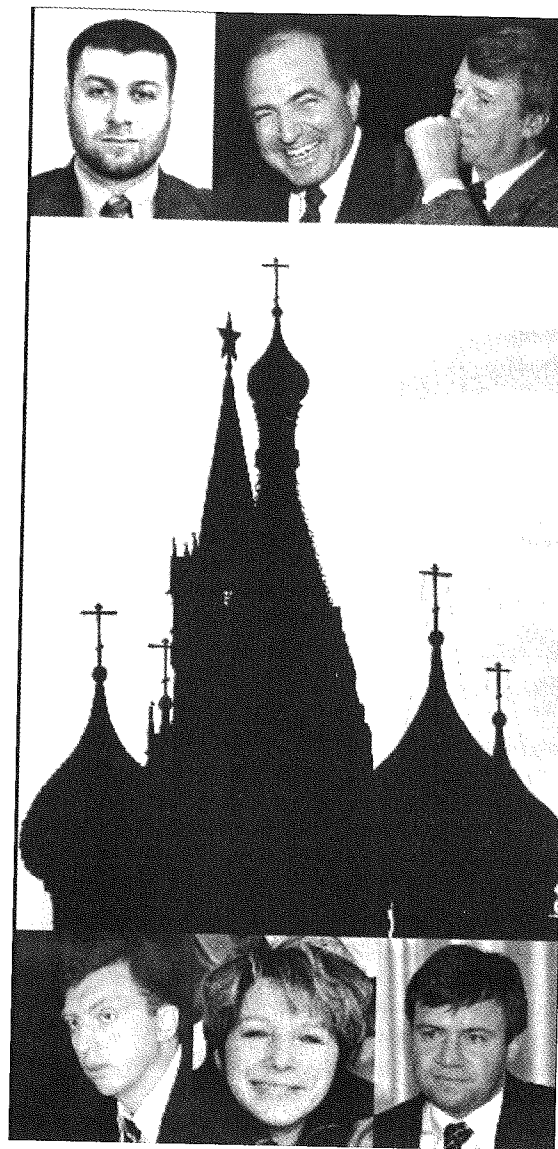
Не смог удержаться от комментария по этому поводу и Борис Березовский: «Я сам нахожусь под постоянным давлением и понимаю, что оно направлено не на меня, а на президента. Именно заказчики данной провокации изобрели термин “семья президента”, причислив к ней и меня. За этим скандалом стоит мэр Москвы Юрий Лужков и его окружение» (*Невское время* 1999, № 160).

Или же как масштабно задуманная месть медиамагната (версия Мамута):

Переломной была ситуация 1998 г.: допустим, в правительстве есть человек в той или иной степени к Гусинскому близкий: это Министр Связи. Министр из правительства уходит. Гусинский этим недоволен и отвечает тем, что придумывает «Семью» во главе с дочерью и варьируемым составом из пяти—семи «теневых кардиналов». Это тактика наезда... И Гусинский в каком-то смысле действительно гений — потому что сумел все это организовать... «Семья» — часть этой масштабной постановки. В ней мне отвели довольно значительную роль, спасибо. На самом деле я видел Ельцина один раз в жизни, в театре. А Малашенко, один из авторов «семейной» драмы, регулярно бывал у Ельцина дома после 1996 года, общался с родственниками президента, рассматривался как кандидат на одну из высших государственных должностей... (*Огонек* 2000, № 23).

В обоих случаях носителями идеи «виртуальной семейственности» и главными героями этих историй оказываются заказчики «мифа о Семье» и его исполнители — СМИ, а в роли рассказчика выступают те, кого молва причисляет к членам «семьи» президента. Сюжет основан на контрастном сопоставлении политической иллюзии и достоверной реальности («на самом деле»), а в основу самоапологии «родственников» положена частота непосредственной коммуникации с главой государства. В мемуарах Ельцина избран иной прием разоблачения семейного мифа:

А удар не замедлил последовать. От умного, интеллигентного телеканала — НТВ. В передаче «Итоги» обозреватель Евгений Киселев показал «схему президентской семьи». Эти фотографии на экране чем-то напомнили мне стенд «Их разыскивает милиция». Я такие стенды в Свердловске очень часто видел: на территории заводов, на автобус-

«Семья» президента — уникальное образование, где стираются различия между друзьями, родственниками и спонсорами

ных остановках, возле кинотеатров. Там красовались личности пьяниц, воров, убийц, насильников. Теперь «милиция» в лице НТВ «разыскивала» мою так называемую Семью: мою дочь, Волошина, Юмашева... (Ельцин 2000, 323).

Иллюзорность семейственности вкупе с несогласованностью и неправдоподобностью «семейного» нарратива в данном случае выводится из подтвержденной богатым жизненным опытом неадекватности идентификаций.

Интересно, что именно на 1999 год пришелся бум переноса моделей семейственности на региональный уровень («семья казанская», малая «кремлевская семья», обозначающая «небольшую сплоченную группу людей, построивших свой бизнес на особенностях юридического статуса самого южного муниципального образования области — города Сарова» — *Монитор* 17 июля 2000) или же на уровень СНГ («семья кыргызская», «семья казахская» — см. *Новая газета*, 25 мая 1998): «Аналоги “кремлевской камарильи”, “семьи” есть везде, и повсеместно они стали безраздельными хозяевами положения. Один из самых ярких примеров такого развития событий — положение в Кыргызстане» (*Новая газета* 13 декабря 1999). Впрочем, клановое правление в среднеазиатских государствах следует отличать от российской версии семейственности, имитирующей клановость при отсутствии жесткой структуры родства и наличии символической родни. Описывая случаи экстраполяции отношений родства в сферу российской политики, невозможно обойти вниманием серию детективных историй, рассказанных с всероссийским размахом, о «семье московской», историй, являющихся контрверсией в информационной войне «семьями»:

В последние дни наемный правдолюбец Березовского г-н С. Доренко, ведущий воскресной «аналитической» программы ОРТ, спасая кремлевскую «семью», «мочит», говоря словами «классово-близкого» премьера Путина, «семью» московскую (*Молния* 1999, № 22).

Наглядность, эмоциональная насыщенность и обращение к не критическим уровням восприятия делали семейную мифологию крайне привлекательной для конструирования достоверного в своей негативности образа власти. Однако расщепления конструкта «семья» в российском политическом дискурсе не произошло: место было прочно зарезервировано под ельцинскую фамилию.

Вариативность генеалогии «семьи» президента позволяла умножать версии власти, политической персонологии, причиннос-

ти и наконец легла в основу полиморфной реальности властных отношений, объективированной в политическом дискурсе 1990-х.

Власть родных

Изобличая КГБ в авторстве «семейного мифа», Е. Гайдар увидел одно из доказательств неэффективности этой разработки в постоянной ротации «родственников»: «Нет, не работало, тем более, что членов предполагаемой большой семьи меняли как неродных». Действительно, состав политической родни был не только чрезвычайно изменчив, но и с трудом поддавался фиксации. В российском политическом дискурсе «члены семьи» множились прямо пропорционально появлению новых версий порождения семейственности.

Так, в электорально-медицинских историях основанием для включения того или иного политического агента в состав «семьи» была непосредственная причастность президенту, положенная в основание делегированной политической идентичности. В эту «семью» входили Дьяченко, главы администрации (Юмашев и Волошин), пресс-секретарь (речь идет о Ястржембском — «придворном толкователе сновидений» — см.: Винокуров 1998) и еще раз Юмашев — в особом качестве мемуарного «alter-ego президента» (Винокуров 1998). Доступ к телу (физическому и политическому) в пределах «кагэбэшного» нарратива рассматривался как основной критерий власти и право на место в «семейной» иерархии: первые люди в государстве — это коммуникативные фильтры: Юмашев, который «отвечает за стол (какие бумаги на него лягут)» и Дьяченко, курирующая президентскую «душу (родная кровь!)» (*Московский комсомолец* 24 января 1998). Президент России, оказавшийся не в состоянии производить реальность своего существования в режиме публичной политики, разделил свое политическое бытие с другими. Созданный ими образ Ельцина, живущий относительно самостоятельной жизнью, был симулятивен по своей природе.

Назначение на должность советника по имиджу Татьяны Дьяченко лишь официально оформило ее статус хранительницы Ельцина-симулякра. Дело тут даже не в том, что «никто не сможет лучше поправить папе галстук», — просто дочь является весомым доказательством присутствия виртуального папы в реальности властных отношений. Интересно, что структурный статус Коржа-

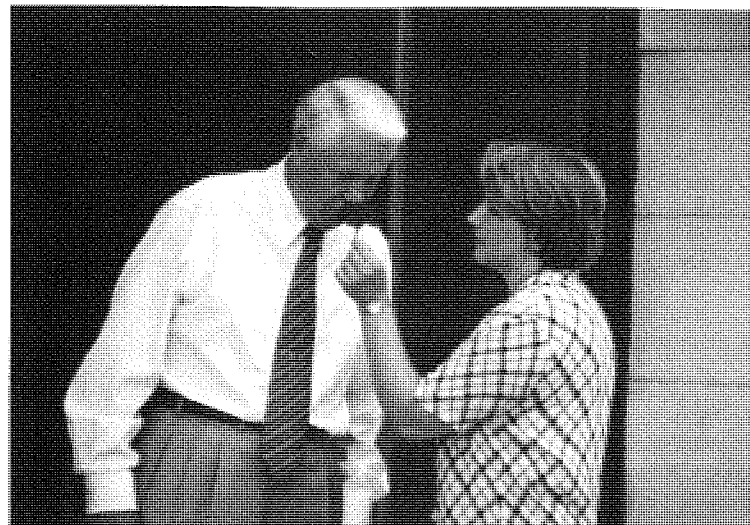
кова и Дьяченко, в общем-то, совпадал: в политическом семействе оба последовательно выступали в роли всемогущих хранителей талисмана российской власти. Только генерал охранял тело — весомый фактор ельцинской харизмы, а дочь берегла то, что от тела осталось, — призрачный образ. Не случайно в «семейных хрониках» подчеркивалась преемственность: «Взлет Татьяны Борисовны начался с момента отставки главы СБП Александра Коржакова».

Неудачным дополнением Татьяны в историях о «вечном возвращении» Ельцина (мифологическая компенсация медицинского сюжета) какое-то время был Борис Немцов — «инфант» и «наследник», — достоверность его маркировки покоилась на тождественности имени и подобию тела. Бесспорно, проект политической идентификации Татьяны оказался более успешным (но и более вызывающим): помимо «крови» она демонстрировала «папин характер» — обязательный элемент «семейных» историй этого типа, — что и позволяло довершить имитацию деятельного присутствия президента во власти посредством других. Кроме того, наличие ближайшей родственницы в политическом окружении президента сыграло определяющую роль в реструктурировании внутрикормандных отношений и перенесении на них моделей родства. Как выразился, например, Г. Попов: «“Семья” — это Татьяна Борисовна и ее окружение».

В последующих интерпретациях высокий структурный статус дочери стал прочитываться широко — как инициатива создания «семьи», исключительная степень теневого влияния и могущества, а ключевые воротилы политики и бизнеса были возведены в новый ранг — «личный друг Татьяны Дьяченко».

Родство спонсоров

«Семья» президента — уникальное образование, где стираются различия между друзьями и родственниками. Люди, известные в качестве «друзей дочери», в то же время описываются как первый эшелон родственников: «Первыми членами Семьи стали Чубайс, Березовский и Юмашев. Но Чубайс не вписался в выстраиваемые структуры и был отправлен в правительство» (<www.komkon1.narod.ru>). Второй эшелон (Абрамович, Волошин, Мамут etc.) тоже состоит сплошь из «друзей». Здесь сполна проявляется противоречивость квазиродственных идентификаций. Например, статус Романа Абрамовича оказывается предельно подвижен — от случая к случаю

Назначение на должность советника по имиджу Татьяны Дьяченко лишь официально оформило ее статус хранительницы Ельцина-симулякра

юный олигарх именуется то «известным членом “кремлевской семьи”», то ее «главным кассиром» («человеком, заступившим на пост № 1 при ельцинской семье»), то «другом дочери» — в результате чего устанавливается некая политическая тождественность между «родней», «друзьями» и «спонсорами». Сходная в своей непоследовательности стратегия маркировки наблюдается и в ходе политической идентификации Чубайса. Становится вполне очевидным, что квазиродственный статус конкретной политической персоны не имеет жесткой фиксации в семейной иерархии, а его подвижность отражает положение субъекта во власти — степень близости/отлученности, могущества/слабости, фавора/опалы. Плавающая конструкция политической семейственности позволяет в каждой новой интерпретации эффективно структурировать отношения власти и фиксировать перераспределение политического влияния.

Со всей очевидностью изменчивый статус политического семьянина проявляется в случае Бориса Березовского, вариативность родственных позиций которого просто впечатляет: ему приписываются роли от «отца семейства» (или «политического отца», «крестного отца») до человека, выведенного за пределы «семьи». Гла-

вой «семьи», персоной, структурирующей отношения власти, Борис Абрамович становится в рамках олигархического нарратива (что отражено в дополнительных маркерах семейственности — «семья Ельцина—Березовского»):

Обладающего огромным богатством и хорошими связями в политических кругах Березовского часто считают главой кремлевской «Семьи», которая пользуется решающим правом голоса и действует руками главы президентской администрации Александра Волошина и других официальных лиц (*Сложная кремлевская интрига 2000*).

Этот «отец семейства» без особого труда может быть проинтерпретирован как «крестный отец»:

То, что он все это время находился в руках так называемого «окружения», а другими словами «крестных отцов» российской организованной преступности типа Березовского и ему подобных, не секрет вообще ни для кого... А разве не та самая «молодежь» теперь всего лишь просто убрала всеми ненавидимого и порядком надоевшего Ельцина со своего пути, захватив, при этом абсолютную и безграничную власть в стране? (<www.socarchive.narod.ru> 17 января 2000).

В соответствии с логикой сюжета, место в этой «семейной» иерархии определяли деньги, конвертированные во власть, а не разделенная с президентом идентичность. И все же было одно обстоятельство, не позволяющее окончательно отождествить данную версию семейственности с мафиозным кланом. Это — естественная семья президента, на что вполне справедливо, а главное — авторитетно указывал генерал Коржаков: «Но нельзя представлять Березовского как единовластного правителя России. Кириенко появился не от БАБа. Он появился через семью с маленькой буквы, через президентского зятя...» (*Московский комсомолец* 22 апреля 1998).

Родственники Ельцина, как правило, присутствуют в истории о всевластии Березовского то как объект политического соблазна, то как свидетельство доступа на политический Олимп, то как посредники в коммуникативной системе «олигархи—президент».

Это присутствие никак не позволяет завершить мафиозную интерпретацию российской политической семейственности, впрочем, как и всякую другую. Одновременная актуализация нескольких интерпретативных кодов и незавершенность толкования — устойчивая дискурсивная характеристика «семьи», во многом определившая политическую эффективность данного мифа.

Что же до родственников-медиаторов в системе российской власти, то и здесь решающая роль отводится дочери президента. Другое дело, что в рамках олигархической версии статусная позиция Татьяны Дьяченко подчеркнута снижена и профанна: посредством инструментальных кодов ее участие в политической жизни нивелировано, сведено к функциям «передаточного механизма»:

Политиком стать Татьяне Борисовне так и не удалось. Олигархи просто наняли ее на четыре года в роли передаточного механизма. Все это время Таня старательно исполняла свои обязанности: вкладывала в уши папы мысли Березовского и Чубайса (*Stringer* 2000, № 7).

Технические метафоры позволяют учесть меру политической несамостоятельности младшей дочери президента и перераспределить символический капитал власти в пользу олигархов. Характерная деталь семейно-олигархических историй — неперенное «уху президента», метонимия интимной политической коммуникации в системе «олигархи—ближайшие родственники—президент».

«Семья»: реестр власти

Состав «семьи» интересен в качестве актуальной персонологии российской власти. Прежде всего обращает на себя внимание наличие узкого и широкого форматов семейственности. «Семья» в узком понимании объединяет ключевые персоны власти — тех, кто разделяет с президентом идентичность (Дьяченко, Волошин, Юмашев, etc.) или структурирует поле власти финансовыми инъекциями (Березовский, Гусинский, Мамут, Абрамович, Дерипаска etc.). Возможен смешанный вариант: «...«семья» Ельцина — это А. Волошин, В. Юмашев, Р. Абрамович, А. Мамут и Т. Дьяченко...» (*Новый компаньон* 2000, № 21). Бросается в глаза отсутствие устойчивого (иерархического) порядка перечисления, за исключением тех случаев, когда четко обозначен главный «семьянин» — будь то Дьяченко, Березовский или сам Ельцин. В зависимости от интерпретации президент может включаться в этот круг в качестве главы клана («Ельцин, кроме того, считал себя как бы главой, патриархом олигархической семьи. Не только семьи Ельциных в узком, но и в широком смысле слова» — ptv.ru, 25 января 2001), жертвы/объекта манипуляций («номинальный глава семьи») или же вообще исключаться из «семьи», а вместе с тем — из власти. Широкий семейный состав — это групповой портрет политических и экономических

элит на каком-то этапе или же в течение всего ельцинского правления. Он аморфен и едва ли поддается структурированию:

А кто вхож в это «окружение» под названием «семья»? А все те же молодые «реформаторы» типа Чубайса и Кириенко, все те же «министры» Аксененки и Лесины, все те же чинуши из президентской администрации типа Волошина и Шабдурасулова. То есть фактически управляла страной все это время и так одна «молодежь». Разве Тарпищевы, Чубайсы, Немцовы, Кириенки, Кохи, Аксененки, Бойки, Дьяченки, Степашины, Путины, Хакамады, Шойги, Березовские, Юмашевы, Ястржембские, Гусинские, Сысоевы, Шабдурасуловы, Коржаковы, Волошины, Абрамовичи, Лебедевы, Козловы и прочие, им подобные, — не молодежь? (<www.socarchive.narod.ru> 17 января 2000).

Здесь политически значимым является не место политика в «семейном» реестре, а сам факт внесения в него как показатель участия во власти. Первое, что бросается в глаза, так это гетерогенность «семьи»: к ней скопом отнесены силовики и олигархи, чиновники и депутаты, фигуры теневого влияния и публичные политики. Похоже, «семья», концентрируя в себе политическое влияние и финансовые рычаги давления, пронизывает все уровни власти и задает более устойчивую и гибкую квазиполитическую структуру по отношению к шаткой российской государственности эпохи позднего Ельцина. Из всех расширенных «семейных» списков самым известным, безусловно, является президентский вариант, оглашенный в последних мемуарах:

Подтверждаю. Действительно, за моей спиной стояла большая, крепкая, слаженная команда. И если кому-то этот термин «Семья» больше нравится, можно сказать и так: членами моей Семьи были и Чубайс, и Волошин, и Юмашев, и Джохан Поллыева, и Сергей Ястржембский, и Вячеслав Сурков, и Руслан Орехов, и Игорь Шабдурасулов, и Михаил Комиссар, и Александр Ослон, и Михаил Лесин, и Юрий Заполь, и Ксения Пономарева, и Константин Эрнст, и Олег Добродеев, и Сергей Зверев — пока работал в администрации, и Игорь Малашенко — в первые годы после выборов 96-го, и Алексей Громов, и Олег Сысуев, и Сергей Приходько, и Дмитрий Якушкин, и Андрей Шторх... (Ельцин 2000, 259).

Ельцинская версия «семьи» лишена размаха прочих интерпретаций, ограничена кругом сотрудников администрации президента и представителями медиаструктур. Прделанная при изготовлении этой версии работа по сужению понятия и отождествлению его с традиционной «командой президента» не вполне удалась, тогда как

политическое измерение семейственности в российском политическом дискурсе, напротив, стало еще более очевидным. Об этом можно судить по примечательным думским дебатам, развернувшимся вокруг закона о гарантиях бывшему президенту осенью 2000 года, и по стратегиям интерпретации этих событий в прессе:

Ссылаясь на мемуары Ельцина, в которых тот причислил к членам своей семьи Чубайса, Юмашева, Лесина, Суркова, Шабдурасулова и прочих... всерьез допытывался у Котенкова, следует ли законодателям понимать этот термин столь широко. Депутаты тем не менее потребовали на всякий случай конкретизировать в законе весь перечень родственников, которых следует относить к президентским семьям и на которых распространяются гарантии государственной охраны, медицинского и материального обеспечения. Дабы упомянутые в ельцинских мемуарах Юмашев, Чубайс и иже с ними не могли претендовать на льготную пенсию и президентскую дачу (*Сегодня* 30 ноября 2000).

Парадоксально, но именно в устах президента двойственность интерпретации упомянутой в законопроекте «семьи» окончательно превращается в дискурсивный штамп эпохи.

Возвращаясь к вопросу о составе политического семейства и его аморфной структуре, следует все же упомянуть о попытках описать внутрисемейную специализацию как разделение на «аппаратное и бизнес-окружение». Функции, приписываемые «семье», в российском политическом дискурсе соотнесены с позициями чиновников и олигархов во власти: курирование кадровой политики в исполнительной³ и законодательной ветвях власти⁴, лоббистская деятельность⁵, а главное, извлечение экономической выгоды из близости к власти⁶.

Помимо профессионально-функциональной дифференциации, позиции членов «семьи» различаются по степени активнос-

³ «Его называют главным менеджером по подборке и расстановке кадров степашинского правительства. Некоторые знатоки даже утверждают, что все новые назначенцы в обязательном порядке прошли через собеседование с Романом Аркадьевичем» (*Общая газета* 3 июня 1999).

⁴ «То, что «Единство» создано кремлевской «семьей», известно всем. Идея создания такого блока принадлежит Березовскому» (*Кузнецкий край* 1999, № 143).

⁵ «А главным семейным бизнесом всегда было лоббистское сопровождение деятельности ряда крупнейших российских компаний и сверхбогатых структур, контролируемых «друзьями Семьи»» (<www.grani.ru> 20 августа 2001).

⁶ «Власть — напомним — главный «семейный» бизнес» (*Stringer* 2000, № 7).

ти и самостоятельности во власти: активные игроки на поле политической семейственности в дискурсивных практиках обозначены как «друзья семьи» (или «личные друзья Татьяны Дьяченко»), «члены семьи», ключевые фигуры в экономическом обеспечении семьи («банкир семьи», «кошелек семьи» etc.), а их креатуры — как «люди» и «ставленники семьи». Политическая мощь главных членов «семьи» не зависит напрямую от их должностного положения: не занимающий никаких официальных должностей Березовский и экс-глава администрации президента Юмашев в 1999 году не только собирают многолюдные пресс-конференции и ведут себя как публичные политики, но и сохраняют в той или иной степени ресурсы политического влияния. Как правило, активные игроки находятся в тени («неофициальный участник политических отношений», «некоронованный король российской политической сцены», «мастер закулисных переговоров и негласной политики») и действуют посредством креатур, которые, в свою очередь, существуют в политике вполне легально и выполняют «распоряжения своего “теневого хозяина”». Они занимают ключевые посты, сосредотачивают в своих руках институционализированное политическое влияние, распоряжаются бюджетными средствами — и именно эти персоны маркируют поле власти:

Президентский клан, в быту известный как Семья, решил поставить возле каждого краника с деньгами своего человека. У семьи шкурные интересы... Тогда среди прочих семей она останется Главной Семейей (*Московский комсомолец* 3 июня 1999).

По словам американского официального представителя, этот список «членов Семьи и друзей» включает нового премьера Михаила Касьянова, главу МПС Николая Аксененко, главу Минатома Евгения Адамова, генерального прокурора Владимира Устинова и бывшего министра топлива и энергетики, а ныне специального представителя в Каспийском регионе Виктора Калюжного... (*Сложная кремлевская интрига* 2000).

Человек «семьи»: политическая идентичность

В то же время принадлежность к семье становится дискурсивным основанием для политической идентификации (например, «признанный ставленник семьи, человек Бориса Березовского» — о Рушайло). Понять, кто таков политик, в этом случае означает ра-

зобраться в том, кто его породил и провел во власть, кто обеспечил прикрытие и использует в качестве инструмента для достижения собственных целей. Политическое кредо, скажем, члена правительства и прогноз его действий производны от реконструированных «семейных» связей: «...министр топлива и энергетики Александр Гаврин, бывший, по мнению экспертов “человеком главного финансиста ‘семьи’ Романа Абрамовича”» (<www.nns.ru> 8 февраля 2001).

Реконструкция преследует двоякую цель: продемонстрировать опосредованное участие во власти теневого игрока и вернуть целостность власти, объединив ее гипотетическое средоточие (семью) и легальных политических агентов. В этой комбинации мифическое всевластие «семьи» и институциональная достоверность политических статусов оказываются взаимодополнительными. В приведенном выше примере тавро Абрамовича на политическом теле министра топлива и энергетики усиливает политический вес данного чиновника, и в то же время очевидность должностного существования Гаврина позволяет насытить реальностью декларации о силе и могуществе «семьи». Причастность «семье» президента оказывается мощным символическим ресурсом, позволяющим изменить и реструктурировать даже должностную субординацию, как, например, в случае с асимметрией политического влияния в паре Степашин—Аксененко:

Прямой ставленник «семьи» Николай Аксененко вне зависимости от того, останется ли он единственным первым зампредом или у него появится коллега, сосредоточит в своих руках решение всех оперативных вопросов... Наибольшие шансы стать вторым первым вице-премьером имеет нынешний глава администрации Александр Волошин, чья лояльность «семье» может конкурировать с аксеновской (*Коммерсантъ-Власть* 1999, № 20).

В российском политическом дискурсе «лояльность семье» называется одним из главных профессиональных навыков высокопоставленного чиновника и основой карьерного роста. В более генерализованной интерпретации лояльность может истолковываться предельно широко — как общий принцип структурирования российской власти («российская исполнительная власть, сформированная по единственному принципу — лояльность президентской “семье”...»).

Сильный политик или влиятельный чиновник автоматически соотносится с кремлевской семьей — как причастный или проти-

востоящий ей. Не последнюю роль в этом процессе играет специфика метафоры семейственности, в которой предельно обнажено противостояние своего и чужого, что активно используется в ходе конструирования политических отношений. В случае с «семьей» Ельцина наглядная достоверность различия покоится на очевидности кровнородственных связей президента, перенесенных в дальнейшем на более широкий контекст и положенных в основу политической идентификации:

Понятия «питерских» и «семейных» виртуальны. Потому как многое изменилось в стране за последние годы. Чубайс — он «питерский» или «семейный»? Экономист Илларионов родился в Ленинграде. Питерский, значит? Аксененко сибиряк. Замглавы ФСБ Заостровцев, которого относят к «питерским чекистам», москвич. Рушайло вообще тамбовский. Понятие «питерец», как и «семейный», приобретает скорее нарицательный смысл. Это не место рождения, а образ мысли и действий. Система опознания «свой—чужой» (*Известия* 27 ноября 2001).

Всякая новая политическая персона также должна быть позиционирована относительно политической семейственности, это становится залогом успешной и завершенной политической идентификации. В этом смысле показательны поиски семейного статуса для второго президента России:

Сын приступил к политическому отцеубийству. Путин хочет «замочить» Березовского как политического игрока, как неофициального участника высших политических игр, как некоронованного короля российской политической сцены... Такой же была и тактика Кремля в отношении Гусинского, которого можно назвать политическим, скажем, дядей Путина... «Отец», он же крестный отец кремлевской «Семьи», Березовский будет политически замучен и погребен (<www.kmnews.ru> 11 сентября 2000).

Политические действия начинают описываться в терминах семейных отношений («уход из семьи», «развод», «отцеубийство» etc.), что позволяет создать новые экспрессивно насыщенные и не критично воспринимаемые версии их интерпретации и идентификации (например, «Путин Ельцину больше не сын»). Экспансия моделей семейственности в сферу власти приводит к деформации политических практик, заострению внимания интерпретаторов на таких актуальных для всякой «ячейки общества» вопросах, как совместное ведение хозяйства, воспитание и проблема политического наследования: «Кремлевская семья, решая, подчеркнем, вовсе не государственные, а сугубо “домашние” проблемы, продолжает

воспитывать молодого преемника, дабы тот от “семейных” дел не отвлекался» (*Сегодня* 2000, № 129).

При такой постановке вопроса действия президента выводятся за пределы государственности, вопросы экономической политики — за пределы легальности, а механизмы передачи власти — за пределы рациональной легитимности.

Со второй половины 1999 года в российском политическом дискурсе трансформируется представление о критериях влиятельности персон власти — на смену принадлежности к политическому клану приходит способность политика самостоятельно выбирать или даже создавать группировку, с которой он собирается идентифицироваться (например, «питерскую команду»). Так, вопрос о политической состоятельности Путина решается в терминах «отрыва от семьи» и начала самостоятельного существования. Принципиально сходная стратегия интерпретации применена и к А. Волошину: «Волошин — сумел дистанцироваться от Березовского и даже “сменить семью”... Волошин смог выступить как сильный самостоятельный политик, сам выбирающий себе и хозяев и “семью”» (*Аналитика* 12 мая 2000).

«Семья» и российская власть

«Семья» в российском политическом дискурсе соотносится с властью, причем это соотношение родственно в своей неоднозначности и вариативности описанным выше семейным генеалогии и персонологии. В наиболее радикальном варианте «семья» президента напрямую отождествляется с государственной властью:

Получается, что «семья» вовсе даже и не клан. «Семья» — это взаимоотношения всех кланов и степень их приближенности к президенту. Иными словами, «семья» — это и система российской власти, и способ ее воспроизводства (*Stringer* 2000, № 12).

Семья настолько плотно срослась с властью, настолько глубоко проникла в экономику и финансы страны, что ее уход может обернуться катастрофой власти, экономики и финансов. И эта катастрофа станет ценой новой свободы. Но готовы ли мы платить эту цену? (*Собеседник* 1999, № 36).

В этом случае происходит генерализация и отрицательная сакрализация политической семейственности в ее мощи: «При Борисе Ельцине страной правила всемогущая кремлевская “семья”».

Состояние «семьи» становится мерилем состояния государственности, угрозы «семье» рассматриваются как бедствия национального масштаба, грозящие глобальным финансово-экономическим кризисом и кардинальными подвижками в идеологии:

Юмашев полагает, что излишняя самостоятельность спецслужб (имеются в виду потесненные позиции «семьи». — Г. О.) может привести к перераспределению финансовых потоков и экономического влияния, а также смене официальной идеологии, утверждает газета (*El Pais* 29 ноября 2001).

В эмблематичном политическом слогане эпохи («президент как гарант стабильности») место главы государства занимает «семья».

Второй вариант соотношения конструктов «государственная власть» и «семья» — их частичное пересечение — на этот раз приводит к расщеплению политического поля, разделению на настоящую («государственную») и фальсифицированную (клановую, «семейную») политику: «Однако, судя по всему, если в этом скандале элемент политики и имеется, то отнюдь не государственной, а “семейной”» (<www.deadline.ru> 12 июля 2000). При этом деятельность «семьи» интерпретируется однозначно — как ущербная и деструктивная для государственности: «И по всем классическим законам развития государственных клик кыргызская “семья” все чаще действует в ущерб интересам своей страны. Такова уж логика “семейной” жизни» (*Новая газета* 13 декабря 1999).

Наконец, существует интерпретация, согласно которой «семья» отождествляется с администрацией президента:

За годы правления Чубайса и Юмашева «семья» принизала своими связями и интересами всю структуру АП. Иными словами, аморфное и неформализованное образование использовало структуру АП в качестве скелета для собственной институализации и легитимации власти (*Stringer* 2000, № 12).

Думается, что категоричная интерпретация радикальных журналистов должна быть дополнена: «семья» и официальные институты власти в системе российской политики эпохи позднего Ельцина взаимно дополняют друг друга. Доступ к официальным политическим институтам позволяет канализировать влияние «семьи», а богатая мифологическая фактура альтернативного средоточия власти позволяет насытить безжизненную и деградирующую политическую инфраструктуру второй половины 1990-х не толь-

В политическом языке позднеельцинской эпохи альтернативной «семье» было не столько легитимное правление, сколько полное безвластие. А значит, «семья» в своих метаморфозах, завоевывая реальность российской власти, всякий раз удерживала эту власть на грани реального

ко новыми смыслами, но достоверностью архаических социальных отношений.

Кроме того, «семейная» версия политики может быть рассмотрена как альтернатива более жестко структурированной «системе сдержек и противовесов» эпохи раннего Ельцина: «Как будет существовать система власти, в которой нет ни сдержек, ни противовесов, а есть только несколько людей, имеющих влияние на Дьяченко» (*Коммерсантъ-Власть* 1999, № 22). Это обращение к очевидности и эффективности персональных контактов политической родни, прочности человеческих связей в эпоху радикальных политических дисфункций, бесспорно, выполняет компенсаторную функцию.

О «семье» мало кто говорил хорошо: это был негативный политический образ, актуализированный в дискурсивных практиках второй половины 90-х. Однако на фоне агонизирующих институтов государственности «семья» описывалась (даже радикальными критиками) как единственный в своем роде случай действующей и состоятельной власти, сконцентрировавшей в своих руках колоссальные ресурсы и возможности. В политическом языке позднеельцинской эпохи альтернативной «семье» было не столько легитимное правление, сколько полное безвластие. А значит, «семья» в своих метаморфозах, завоевывая реальность российской власти, всякий раз удерживала эту власть на грани реального.

Кирило Лукеренко

«ПОЖАРНАЯ» ОРГАНИЗАЦИЯ ВЛАСТИ: СЕМЕЙНЫЕ КЛАНЫ КАК ПРИНЦИП ПОЛИТИЧЕС- КОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Уже более пяти лет украинские политологи и журналисты, говоря о неформальных, выходящих за рамки государственного устройства группах, употребляют слово «клан»: поиск среди публикаций украинского Интернета, например, выдает 1197 статей, в которых содержится это слово. Из них 52 статьи посвящены друидам, Ку-клукс-клану и дворянским родам, все остальные — украинской политике¹. По некоторым оценкам, на Украине существуют 12—18 крупных политико-финансовых кланов национального масштаба (*Поступ* 2002, 4). Существование «клановости» в украинском обществе признают и сами политики: президент Леонид Кучма в одном из своих выступлений в Верховной раде в 2000 году заявил собравшимся в зале парламента самым влиятельным людям Украины, что «практически все более-менее привлекательные предприятия с ликвидной продукцией поделены по сферам влияния между кланами» (Кучма 2000, 468).

Клан можно определить как сосредоточие — или узел — власти в ее политическом, финансовом и бюрократическом измерениях². Кроме того, это группа, объединенная общим интересом. При ближайшем рассмотрении *клан* — это лишь эвфемизм, словечко

¹ Поиск 15 октября 2002 года // URL: www.meta-ukraine.com.

² Власть в данной статье берется как категориальное понятие, а не как синоним государственного правления. Власть тут определяется как перевод на русский язык английского понятия power: имеется в виду способность побуждать или принуждать к действию других или сохранять возможность действовать по собственной воле. В связи с определением слова «власть» интересен подход Мишеля Фуко во «Введении к истории сексуальности. Том I» (Фуко 1996, 191—197).

«ПОЖАРНАЯ» ОРГАНИЗАЦИЯ ВЛАСТИ: СЕМЕЙНЫЕ КЛАНЫ...

постсоветского новояза, призванное заменить «род» или «семью»: слово «семья» пахнет «семейственностью», а «род» — и того хуже — навевает какие-то смутные ассоциации с родоплеменным укладом и первобытнообщинным строем. «Клан» же звучит как-то по-западному, по-шотландски. Для уха среднестатистического украинца, познающего мир главным образом при посредничестве телевизора, слово «клан» скорее ассоциируется не с романами Вальтера Скотта, а с торговой маркой фантастического сериала «Горец».

Однако клан — это явление не только того же порядка, что и род или ельцинская *семья*, но и такого, как *братки*. Ибо в зыбкие времена в обществе, где доверие уничтожено, а семейные узы считаются естественной сутью отношений между людьми, нет выше доверия, чем доверие по принципу родства, кровного или искусственно созданного, нет выше чести, чем назвать человека брат(к)ом. Соответственно и в украинском политическом «новоязе» клан — это не только кровное родство. Конечно, и тут есть политики—родственники: *отец* и *сын* (Леонид и Андрей Деркачи), *жена* и *муж* (Сюзанна Станик и Вадим Долганов), *сводные братья* по отцу (Тарас и Андрей Чорновилы) и другие. Но клан — это шире, чем родство. Тут и общность интересов, и схожесть происхождения, и конечно же — географический признак, землячество.

Попытаемся выделить основные характеристики клана. Клан — это узлы власти, территориальные иерархии, сформированные на основе настоящего или выдуманного родства, т.е. ассоциированные с реальной или искусственной «семьей», в которой все знают друг друга по имени и в лицо. Зная по имени и в лицо предводителей кланов, можно составить себе представление о *политической географии* страны. Соответственно, лидерство национального масштаба выстраивается в ходе борьбы и компромиссов территориально-родовых групп: клан, правящий страной, правит прежде всего остальными кланами.

Конечно, все это напоминает вассальную систему, и иерархия власти тут подобна феодальной. *Феод*, экономическая основа рода, его прибыльное имение (приватизированные заводы, добыча полезных ископаемых или их транспортировка, сельскохозяйственное производство, освобождение от уплаты налогов или таможенных пошлин и т.д.) есть награда за заслуги перед родом, правящим в стране.

О параллелях российского общества 1990-х годов и западноевропейского феодализма IX—XII столетий писал в 1996 году соци-

олог Владимир Шлапентох в блестящей статье о приватизации и де-легализации социальной и политической жизни в России (Shlapentokh 1996). Применительно к *сегодняшней* России такие параллели имеют все меньше смысла, в украинском случае они пока еще уместны. В данной статье, используя материалы современной политической жизни Украины, мне бы хотелось продемонстрировать *межвременность* и *ограниченность* клана — и концепции, и политического института. Являясь, возможно, приемлемой формой организации и легитимации власти в переходные периоды, по мере стабилизации общества и государства клановость переходит из разряда действующих моделей в разряд исторических курьезов.

Аристотель, автор одного из первых в истории науки определенных семьи, не разделяет общество и государство, однако разграничивает власть в семье и власть в державе (Аристотель 1983, 4:376). Нам же предстоит рассмотреть семью, существующую *за счет и во имя* политических отношений. Здесь не просто тесно переплетены ежедневные заботы и участие в политической жизни — грубо говоря, отправка детей в школу и парламентские дебаты «о судьбах Родины» в распорядке дня политика занимают две соседние строчки. В центре внимания тут семья, члены которой зарабатывают на жизнь той или иной формой участия в политической жизни. Семья здесь — это не просто союз, возникший естественным образом для разрешения ежедневных проблем, но тесно связавший свои ежедневные проблемы с проблемами более широких объединений. Собственно семья, семья в узком смысле, интересна тут как стержень более обширного рода, как протоклан. В силу своего положения «политические семьи» более четко и чутко отражают общественные изменения. Члены этих семей — люди публичные, всегда на виду, даже в странах бывшего СССР с их традициями закрытости как политики, так и частной жизни. О политиках и их близких говорят, пишут, их «пиарят», компрометируют. Политики, о которых пойдет речь, разнятся как по политическому весу, так и по политической позиции: от диссидента до президента, от непримиримой оппозиции до центральной несущей политической системы. Различны ресурсы политиков и их позиции в социальных иерархиях. В описываемых семьях не совпадают возрастные группы, количество членов, формальность/неформальность семейных связей и т.д., но именно за этими семьями мы попытаемся разглядеть так часто упоминаемые кланы. На пересечении частной и общественной сфер жизни — четыре семьи: пропрезидентс-

кого политика Виктора Медведчука, оппозиционера, бывшего вице-преьера Юлии Тимошенко, умеренного либерала Виктора Ющенко и, наконец, — президента Украины Леонида Кучмы.

Обилие точек зрения и количество источников значительно упрощает поиски материалов для исследования. Фактическая часть статьи базируется главным образом на материалах украинских интернет-изданий и иных средств массовой информации (СМИ), имеющих свои собственные веб-сайты. В каждом случае анализу предшествует краткое изложение основных «семейных» данных, как правило, малоизвестных российскому читателю.

Патриарх: Виктор Медведчук

О Викторе Медведчуке журналисты пишут так:

Виктор Медведчук любит:

себя, дочь, футбол, властвовать, работать дома по ночам, таскать железо в спортзале, отдыхать на Кипре и в Монте-Карло, танцевать в паре, делать дорогие подарки, Кравчука, пунктуальность, ананасы, строго придерживаться плана, богатые и стильные интерьеры, светлые тона в одежде, правильно выстроенные фразы, крепкое словцо, розы.

Виктор Медведчук не любит:

проигрывать, критику, Ющенко, советы посторонних, попадать в неловкие ситуации, импровизировать, забывать обиды, необязательность, слабаков (Рахманин, Мостовая 2002, 16 марта).

Нередко журналисты в Медведчуке видят эдакого «мачо»:

У Медведчука ... в чести культ всего мужского. Мужчина должен уметь постоять за себя. Виктор Владимирович из тех мужчин, которые способны начать драку первыми и хоть раз да ответят, если силы противника ощутимо превосходят его собственные. Но благородство в драке — это не о Викторе Владимировиче. Если у вас выпадет из рук меч, он не даст вам времени его поднять. «Мужскость» Медведчука постоянно противопоставляется в эфире мягкотелости Ющенко (Рахманин, Мостовая 2002, 16 марта).

Виктор Медведчук, 48-летний глава президентской администрации, женат в третий раз. Первой его избранницей была юрист Марина. С ней он пробыл пять лет, с 1975 по 1980 год. Брак распался в год смерти его матери. На следующий год умирает его ин-

Виктор Медведчук и его вторая семья

валид-отец, участник украинского националистического подполья во времена Второй мировой войны. Виктор Медведчук создает новую семью, его избранницей становится Наталья Георгиевна, также юрист, и в 1982 году у них рождается дочь Ира. Ныне она студентка одного европейского университета (Бондаренко 2002).

О третьем браке Виктора Медведчука долгое время ходили слухи, но их подтверждения не появлялось несколько лет. Частично это можно объяснить и нежеланием самого политика делать свою частную жизнь предметом пересудов: долгое время его официальный веб-сайт подавал одну версию его семейной жизни — женат, дочь³.

³ См. URL: www.medvedchuk.org.ua.

Оксана Марченко

Оксана Марченко, молодая красавица-теледиктор, была известна украинской публике не только как ведущая новостей на малопопулярном государственном канале УТ-1. Перед новым 2002 годом в разгар избирательной кампании она появилась в телеэфире в образе Снегурочки, а роль Деда Мороза играл Виктор Медведчук, в то время глава Социал-демократической партии Украины (объединенной). По отзывам критически настроенной интеллигенции, видео было сделано достаточно неуклюже, но у зрителя складывалось впечатление, что Оксану Марченко и Виктора Медведчука объединяет нечто большее, чем просто традиционные отношения Снегурочки и Деда Мороза. Кроме того, госпожа Марченко была лицом предвыборной кампании СДПУ(о) — главным персонажем нескольких роликов, где она предстала то в образе медсестры, то крестьянки. Слоганом роликов было: «Нравится? Она — социал-демократка!»

Связь Виктора Медведчука и Оксаны Марченко так бы и осталась предметом слухов киевской политической тусовки, если бы в 2002 году в интервью мартовскому номеру украинского издания журнала «Cosmopolitan» Оксана Марченко не ответила на прямо поставленный вопрос:

Твой любимый — известный и серьезный человек, бывший вице-спикер парламента Виктор Медведчук. Как вы с ним познакомились?

Эта встреча была случайной. Он не был моим поклонником — он стал им... Для меня он был и останется мужчиной, который покорила меня с первого взгляда. Я уважаю его как личность, как профессионала, и я многому от него научилась и учусь. Рядом с ним мне не надо казаться сильнее, незачем бороться за лидерство, потому что лидер — он. И мне приятно, что рядом с ним я просто чувствую себя женщиной. Работа и личное в наших отношениях не сталкиваются. Для нас важно не то, кто чего достиг, а чувства (*Cosmopolitan* март 2002).

Кроме настоящей семьи у Виктора Медведчука есть и круг его товарищей и однодумцев, который сочувствующие журналисты нарекли «великолепной семеркой». В этот клан, сформированный из влиятельных друзей-киевлян в конце 1980-х — начале 1990-х годов, входят семеро мужчин.

Костяком группы являются Медведчук и его близкий друг — магнат Григорий Суркис. С именем Медведчука ассоциируется деятельность не только его адвокатской компании «Би.Ай.Ем», но и «Славутича», концерна, принадлежащего «семерке» (Бондаренко 2002; Рахманин, Мостовая 2002, 16 марта). Григорий Суркис и его младший брат Игорь причастны к денежной стороне успехов киевского футбольного клуба «Динамо». Суркис-младший также запомнился украинским журналистам по скандалу в середине 1990-х, связанному с дисквалификацией «Динамо», когда один судья-иностранец заявил, что Игорь Суркис предлагал ему в качестве взятки шубу. Несмотря на протесты руководства, «Динамо» тогда дисквалифицировали, однако срок дисквалификации сократили после ходатайства президента Леонида Кравчука.

С приходом к власти Леонида Кучмы группа продолжает развиваться, умело используя политические и массмедийные ресурсы для достижения экономических целей, в том числе и для скупки энергетических предприятий. Полученная таким образом прибыль помогает создавать партийные структуры СДПУ(о) на местах и используется при избирательных кампаниях.

* * *

Образ человека можно составить по портрету его близких. Своей любимой Виктор Медведчук пожелал видеть ту, которая рядом с ним не хочет бороться за лидерство, ту, которую он покорила, кто

у него учится, кто чувствует себя «просто женщиной» и с кем он ощущает себя мужчиной. Семья тут выглядит как частное продолжение политической власти: человек, стремящийся к вершине политической иерархии, подпускает к себе ту, которая способна поддерживать подобную иерархию и в семье.

Впрочем, личный культ силы, успеха и ответственности за себя, этот признак политической позиции правого фланга, резко расходится с политическими взглядами, исповедуемыми господином Медведчуком, — социал-демократией, идеологией «маленького человека». Политическая позиция здесь подобна готовой одежде в универмаге — ее выбирают, примеряют, платят, уносят домой и надевают при соответствующей okazji, а после — вешают в шкаф. Так иные патриархи в иные времена выбирали для Руси кем-то уже сконструированную религию.

Жесткость Медведчука, его показная «маскулинность», однако, не способствовали укреплению его социологического рейтинга в стране, уставшей от эпохальных перемен и пребывающей в умилении от идеологии бытового комфорта, идущей с Запада. Видимо, поэтому, пытаясь из педантичного Эла Гора слепить «своего парня» Джорджа Буша, пиар-помощники господина Медведчука посоветовали ему чаще улыбаться в кадре. На обновленном осенью 2002 года сайте СДПУ(о) Медведчук предстает добрым лысоватым малым, жмушим руки простым одесситам (днепропетровцам, черниговчанам и т.д.)⁴.

В семейной и общественной жизни Виктор Медведчук — лидер. Последние полтора десятка лет создали из него настоящего бойца, сильного, жесткого и жестокого деятеля неудобных времен. Впрочем, в отличие от частной жизни, в отношениях Медведчука с партнерами демонстрируется то, что принято называть «мужской дружбой»; эти отношения выставляются как связи скорее одноуровневого, нежели иерархического свойства. В то же время и там присутствует иерархия, в которой Виктор Медведчук и Григорий Суркис — первые среди равных.

Без узкого круга товарищей, «великолепной семерки», являющейся материальной опорой и стабилизирующей базой политической карьеры, в условиях постсоветского хаоса Виктор Медведчук не смог бы достичь нынешнего общественного положения и влияния. С другой стороны, его пропрезидентская политическая позиция является защитой бизнес-интересов группы.

⁴ См.: URL: www.sdpuo.com/rus/.

«Семерка» стала костяком формирующегося клана. Со временем к ней примкнули новые политики и деловые люди — например, экс-президент Леонид Кравчук, руководитель телеканала «Интер» Александр Зинченко. Впрочем, сотрудничество других окончилось или тихим разрывом, как это было в случае с экс-премьером Евгением Марчуком, или скандальным арестом — как это было с российским бизнесменом украинского происхождения Константином Григоришиным.

Насколько успешна клановая стратегия борьбы за власть в этом случае? На парламентских выборах 2002 года СДПУ(о), несмотря на впечатляющие денежные вливания, едва смогла пройти в Верховную раду. И только милость Леонида Кучмы (очевидно, рожденная из нужды) вернула Виктора Медведчука на одну из первых ролей в украинской политике. Когда игра идет по признанным всеми правилам, клановая политика проигрывает. Но борьба за власть на Украине все еще происходит в тени.

Опала: Юлия Тимошенко и ее семья

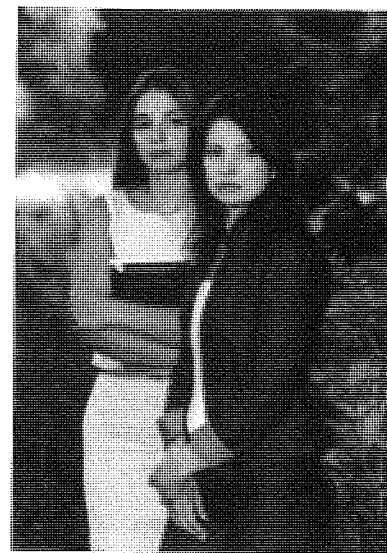
Сорокадвухлетняя Юлия Тимошенко считается одной из самых богатых и влиятельных женщин Украины⁵. Осведомленные журналисты рисуют такой портрет:

Юлия Тимошенко любит: маму, дочь, власть, философию, трудные математические задачи, сладости, хитрые бизнес-схемы, обувь на шпильках, деньги, морковный сок, театральную игру, преданных людей, патетические речи, кросс по утрам, разговоры о ее президентстве, внимательно слушать, делать по-своему, ставить нереальные задачи, решать их любым способом, одеваться по-богато, минимальный макияж.

Юлия Тимошенко не любит: сдаваться, признавать свои ошибки, использовать ненормативную лексику, сплетничать, Кучму, Лазаренко, Медведчука, бездействие, американский капитал, нитье, российский капитал, диету, разговоры о личной жизни (Рахманин, Мостовая 2002, 23 февраля).

В оппозицию Юлию Тимошенко привела в том числе и необходимость сохранить свое состояние. Выходец из Днепропетров-

⁵ В марте 2001 года 78% читателей интернет-издания *Корреспондент.net* назвали Юлию Тимошенко самой влиятельной женщиной Украины. В то время она как раз находилась в следственном изоляторе.

Юлия Тимошенко с дочерью

ска (как и президент Кучма), в 1995—1997 годах руководитель фирмы «Единые энергетические системы Украины» («ЕЭСУ») и бывший вице-премьер, занимавшаяся вопросами энергетического комплекса в правительстве Виктора Ющенко, Тимошенко со временем оказалась в немилости у президента и некоторых приближенных к нему людей. Против нее несколько раз возбуждались и закрывались уголовные дела — ей инкриминировались неуплата налогов, контрабанда валюты и газа, дача взяток. Юлия Владимировна даже некоторое время провела в камере киевского следственного изолятора — Лукьяновской тюрьмы.

Во времена своего вице-премьерствования госпожа Тимошенко поясняла повышенный интерес правоохранителей к себе своими реформами в энергетическом секторе (*Зеркало недели* 7 апреля 2001), позже она ссылается на свою политическую деятельность (*Financial Times* 14 March 2001). Юлия Тимошенко активно добивается отставки президента Кучмы, поговаривают, что за многими акциями оппозиции стоят ее деньги.

В августе 2000 года под арестом оказался ее муж Александр Тимошенко, в то время член правления корпорации «ЕЭСУ». На момент ареста мужа Юлия Тимошенко все еще была вице-премье-

ром. Через год господина Тимошенко освободили (*Українські Новини*, 21 августа 2000). Позже суд снял с него обвинения, закрыв уголовное дело (*Зеркало недели* 11 мая 2001). В политической деятельности Александр Тимошенко замечен не был. Вместе супругов видят весьма нечасто.

Как-то в интервью Юлия Тимошенко вспоминала, что и ее дочь-студентку Евгению пыталась допросить прокуратура. В результате Тимошенко-младшая несколько лет училась в Англии во избежание возможных дальнейших вопросов со стороны украинских правоохранителей.

1 июля 2002 года в Турции по просьбе украинских властей были задержаны ее свекор Геннадий Тимошенко, а также трое его коллег — все четверо входили в число бывших руководителей ЕЭСУ (*Українські Новини* 22 августа 2002). В конце октября того же года, после мучительных размышлений «выдавать — не выдавать», турецкие власти передали родственников Юлии Тимошенко киевским правоохранителям.

В конце 1980-х годов Геннадий Тимошенко занимал достаточно высокую должность и обладал соответствующими связями в Днепропетровске. Принадлежность к так называемому «днепропетровскому клану» в начале 1990-х обеспечила Юлии Тимошенко доступ к приватизации общественных ресурсов и сделала сказочно богатой. Днепропетровский клан (восходящий своими традициями еще к 1970-м годам, когда выходец из Днепропетровска Леонид Брежнев возглавлял КПСС) складывался из бюрократов, промышленников и сельскохозяйственных боссов Днепропетровска и области, объединенных не по принципу кровного родства, а через свои личные связи и знакомства. В свое время к клану причисляли Леонида Кучму и Павла Лазаренко, ныне пребывающего в американской тюрьме.

Временем триумфа днепропетровской группы стала середина 1990-х годов, когда Кучма был президентом, Лазаренко — премьер-министром, а многие другие «птенцы гнезда Днепропетрова» занимали высокие должности в Киеве. Журналисты как-то насчитали примерно двести «птенцов» на разных правительственных постах, в том числе пятьдесят пять — на высшем уровне (*Transition* 1997). В сравнении с днепропетровцами середины 1990-х клан Медведчука и Суркиса выглядит весьма скромно.

Впрочем, днепропетровский клан не был лишен своих интриг, связанных со стремлением Лазаренко отстранить от власти Кучму. Юлия Тимошенко была приближена к Лазаренко и после его по-

Юлия Тимошенко во время уличных политических акций осенью 2002 г.

ражения попала под удар. Однако она смогла оправиться, войдя в правительство Ющенко, после чего оказалась в опале вторично. Но если Лазаренко — под угрозой финансового и политического разгрома — предпочел скрыться за границей, где все равно был арестован по подозрению в отмывании денег, то Тимошенко, лично участвуя в акциях оппозиции, твердо заявила, что из страны не уедет.

* * *

Роль Юлии Тимошенко в украинской политике — не совсем обычна для постсоветского мира. Активность и успех в политике и бизнесе здесь обычно связаны с мужчинами. В списках самых влиятельных политиков России, например, женские имена встречаются нечасто: в августе 2002 года их было всего два, да и то не в начале рейтинга (*Коммерсантъ-Власть* 9 сентября 2002). Юлия Тимошенко своим авторитетом превосходит подавляющее большинство украинских политиков-мужчин и опережает всех политиков-женщин, в том числе и таких, как Наталья Витренко, известная на Украине как «Жириновский в юбке». Похоже, «второе пришествие» капитализма на Украину предоставило Юлии Тимошенко — посредством денег — возможность быть равноправной с мужчинами де-факто.

Влияние и состояние госпожи Тимошенко — это не формальная «женская квота» в управлении государством, подобная той,

что в советские времена, в 1980-е годы, выдвинула Валентину Шевченко на руководящие посты в украинских «партии и правительстве». Понятно, что нет в политическом образе Юлии Тимошенко и той «придворности», которую российская пресса связывает с образом вице-премьера Валентины Матвиенко, — в свою бытность украинским вице-премьером по энергетике Юлия Тимошенко неоднократно шла на открытый конфликт с Леонидом Кучмой. И, конечно, нельзя сравнить ее и с американскими женщинами во власти — Мадлен Олбрайт или Кондолизой Райс, — опытными карьеристками с профессорской рассудочностью и академическими представлениями о мире. Если подбирать аналогию, то политическая роль Тимошенко, быть может, больше всего напоминает перипетии политической судьбы пакистанской экс-премьера и политэмигрантки Беназир Бхутто. Однако, в отличие от Беназир Бхутто, в политику Тимошенко попала не по стопам мужа, а из-за деловой необходимости.

Юлия Тимошенко — из породы людей, выдвигаемых временами перемен, тех, кто пользуются ситуацией и кроют окружающую действительность в согласии со своими собственными идеями и в соответствии с изменяющейся ситуацией. У многих она вызывает восхищение умением управляться с деньгами, но, по отзывам посвященных, сама Юлия Тимошенко видит в деньгах не фетиш, а средство. Деньги для нее — раствор, которым она, как кирпичи, скрепляет людей в сложные конструкции. Похоже, что финансы — это для нее не цифры с нулями, а оппозиционные газеты и листовки, адвокаты на судебных процессах, парламентская фракция и многие другие атрибуты политической борьбы. Или, снова обращаясь к характеристике, отчеканенной журналистами «Зеркала недели», Тимошенко не боится остаться без денег, «она твердо верит, что ее главный капитал — голова» (Рахманин, Мостовая 23 февраля 2002).

Естественно, она не та, кто приносит себя в жертву семье; похоже, что семья должна разделять бремя ее устремлений. Именно семья дала Тимошенко путевку и в бизнес, и в широкий днепропетровский клан. Но политический и деловой путь Тимошенко показывает, что принадлежность к клану — это не только допуск к богатству, но и потенциальная опасность. Испытав на себе негативные последствия борьбы кланов, она стала поборницей открытой политической борьбы. Уже будучи вице-премьером, Юлия Тимошенко демонстративно пыталась показать, что руководствуется прозрачной деловой и политической логикой. Оказавшись в

оппозиции, Тимошенко исповедует патриотическо-капиталистические взгляды, атакуя кланы и сросшуюся с ними систему государственной власти.

Добрые люди: Виктор Ющенко и его семья

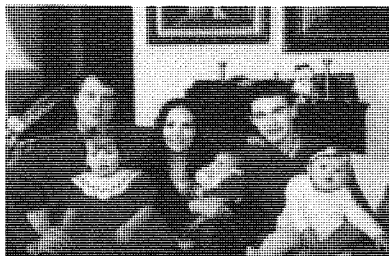
У 48-летнего экс-премьера Виктора Ющенко репутация не только отменного финансиста, но и человека морального, религиозного и семейного. Ющенко верят. Не только те, с кем ему доводилось сталкиваться в работе, не только журналисты, бравшие у него интервью, но и «люди с улицы».

Виктор Ющенко любит: пчел, людей, иконы, лещь, древнее казачье оружие, волынскую вышивку, трипольскую культуру, непонятные термины, дома из натурального дерева, здоровую народную кухню, устриц, целоваться. И еще он любит писать маслом картины, разводить кур, индюков и овец, заниматься гончарным и кузнечным делом, петь украинские песни, париться в бане, сложно изъясняться.

Виктор Ющенко не любит: снегурочку, рано вставать, поздно уходить с работы, Медведчука, уступать в споре равным, принимать окончательные решения, крайности, критику, модерн, украинофобов, русофилов, пьянство, советские праздники (Рахманин, Мостовая 16 февраля 2002).

Статный и фотогеничный Ющенко не умеет красиво говорить, но, когда говорит, в отличие от иных политиков, у слушателя не возникает мысли, что он врёт. Ющенко достаточно открыт для журналистов, даже иногда приглашает их к себе в загородный домик, устраивая там импровизированные пресс-конференции. По рассказам киевских журналистов, случалось, что экс-премьер во время рабочих поездок зарубежных делегаций по стране сам садился за руль машины и вез западного высокого гостя в украинскую глубинку. Его образ дополняют такие «домашние» и «семейные» черты, как коллекционирование предметов украинской старины, писание пейзажей и разведение пчел. Пасека Виктора Ющенко приобрела широкую известность и стала элементом политического фольклора.

У Виктора Ющенко четверо детей — двое взрослых от первого брака и еще двое младенцев — от второго. Он достаточно открыт в своей частной жизни, не делает из нее тайны, что не совсем типично для украинского политика. Когда в его бытность премьером тяже-

Виктор Ющенко — отец семейства

ло рожала его вторая жена Екатерина Чумаченко, Ющенко сообщил об этом журналистам, и роды переживала чуть ли не вся страна.

То, что вторая жена Виктора Ющенко является украинкой американского происхождения и бывшим американским госслужащим невысокого ранга, дает повод недругам обвинять его в активном сотрудничестве с американцами, с их точки зрения во вред Украине и России. 10 апреля 2001 года на российском канале ОРТ в эфир вышла передача «Однако», которую вел журналист Михаил Леонтьев. Зрителям была преподнесена версия о шпионской (в пользу США) деятельности Екатерины Чумаченко, жены Виктора Ющенко. После этого Чумаченко стала известной не только в узких кругах информированной прослойки общества, но и каждому, кто посмотрел передачу российского телевидения, с готовностью повторенную украинским телеканалом «Интер», принадлежащим политическим противникам экс-премьера. Один из киевских судов, куда обратилась Чумаченко, счел взгляды, изложенные Михаилом Леонтьевым, не соответствующими действительности и обязал его уплатить незначительную моральную компенсацию пострадавшей стороне (*Українські новини*, 6 февраля 2002).

Подводя итог «американской» составляющей семейного портрета Ющенко, трудно удержаться и не привести емкого высказывания «Зеркала Недели», изображающего диалог воображаемых противника и сторонника Ющенко:

— У него жена американка и шпионка ЦРУ.

— Так женился же, сюда привез, детей завел. Фильм «Цирк» видели? То-то. (Рахманин, Мостовая 2002, 16 февраля)⁶.

⁶ Сюжет советского довоенного фильма «Цирк» был построен вокруг американско-русского любовного романа.

Виктор Ющенко
и Катерина Чумаченко

Перед украинскими парламентскими выборами 2002 года частота и напор обвинений против Виктора Ющенко и его семьи увеличились. Как правило, такие обвинения звучали по телевизионным каналам, принадлежавшим политическим оппонентам экс-премьера, а также в Интернете. Наряду с американским происхождением Екатерины Чумаченко среди обвинений также упоминалось обучение Лины, дочери Виктора Ющенко от первого брака, в украинском университете за счет кредита из обанкротившегося банка «Украина», а также то, что старший брат Ющенко Петр проходил на выборах по одному партийному списку с бывшим премьер-министром⁷. Как писал, например, один из оппонентов Ющенко,

заметьте, в списках все чаще появляются родственники. Виктор Ющенко, не стеснясь, ставит в список своего брата... Но это еще полбеды. В списках все чаще появляются секретарши. Все это позволяет сделать вывод, что коррупция, «родоплеменные отношения» проявятся в следующем парламенте в большей мере, чем в нынешнем (*День* 2 марта 2002).

В ответ на подобные обвинения во время своих избирательных поездок Ющенко заявлял о недопустимости вмешивать семьи в политическую предвыборную схватку:

Политика не должна затрагивать детей и женщин, если политики — мужчины. <...> Некоторые господа ежедневно производят продукты

⁷ В результате оба брата Ющенко попали в число депутатов Верховной рады в 2002 году.

против моей семьи, детей и жены. Разве это не частная жизнь, которую нужно защищать? (*Українські новини* 20 марта 2002).

Назвать политическое окружение Ющенко кланом можно с трудом. Сюда входят не прижившиеся при дворе бизнесмены и политики — от либералов до националистов. Все они верят в себя и свои силы, но считают, что для самореализации им нужна общественная обстановка, в основе которой — закон, а не сиюминутные мнения отдельных людей.

* * *

Виктор Ющенко — один из самых популярных политиков Украины, уже по меньшей мере два года рейтинг его популярности остается недостижимым для других. Блок партий, поддерживавший Виктора Ющенко, набрал на парламентских выборах весной 2002 года наибольшее количество голосов избирателей. У него образ скромного бухгалтера — не диссидента и не номенклатурщика, а просто хорошего парня, добившегося всего своим собственным трудом.

О бывшем главе Национального банка (украинского Центробанка) говорят как о человеке, причастном к стабилизации гривны, после того как гиперинфляция на протяжении нескольких лет обесценивала сбережения миллионов украинцев. Стабильная гривна является своеобразной метафорой доверия к Виктору Ющенко, так как умение распоряжаться деньгами — завидное искусство в постсоветское время. Несмотря на стремление оппонентов, у Ющенко — устойчивая репутация не государственного деятеля, проворовавшегося при управлении общественными фондами, а человека, сумевшего приостановить невыплаты зарплат и пенсий.

Своим видом и своей биографией Ющенко словно отрицает зыбкость переходного периода: подчеркивая идею стабильности западного, демократического, образца, он пытается быть последовательным в своих привязанностях и действиях. Его предпочтения постепенным, эволюционным изменениям импонируют средне-статистическому украинцу, не готовому расстаться с синицей стабильности ради обещанного журавля процветания. Импонирует он и многим украинским журналистам, видящим в нем представителя «цивилизованного подхода» к отношениям прессы и государства, тем, кто все еще не забыл времена конца 1980-х — середины

1990-х, когда украинские СМИ имели свой собственный бесценный голос.

Не будет большим преувеличением утверждать, что кроме деловых качеств и естественной обаятельности в популярности Ющенко сыграл свою роль и его образ человека семейного, хозяйственного и внушающего доверие. И это несмотря на то, что, как и во многих случаях, вторая семья Ющенко фактически зафиксировала его новый общественный статус и вес, а первая — исчезла вместе с предыдущей эпохой.

Брак Виктора Ющенко и Екатерины Чумаченко воспринимается как еще одно проявление стабильности — на этот раз в виде мира американского достатка, той легендарной Америки, о которой подавляющее большинство украинцев знают из голливудских фильмов и телесериалов. Бухгалтер, ставший банкиром, Ющенко больше, чем кто бы то ни было, преуспел в приближении Украины к капиталистическим денежно-финансовым стандартам, являясь отчасти воплощением американской мечты по-украински: *self-made man*, человек, сам себя создавший, но при этом остающийся вне номенклатурной или постноменклатурной элиты.

Власть предрержащая: Леонид Кучма и его окружение

Сын погибшего в 1944 году фронтовика, Леонид Кучма был единственным членом семьи с высшим образованием и полностью сумел использовать все возможности карьерного успеха, обещанного крестьянскому классу советской идеологией. Получив специальность ракетного инженера, Кучма оказался на днепровском Южном машиностроительном заводе, который он позже и возглавил. Брат и сестра нынешнего президента Украины из крестьян превратились в рабочих, но так и не смогли вырваться за рамки своего социального уровня: проработав на северных российских шахтах, они умерли от профессиональных болезней в 1980-х годах. За свой карьерный успех Леонид Кучма нередко расплачивался частной жизнью: когда в 1986 году умерла Прасковья Тимофеевна Кучма, всю жизнь проработавшая в колхозе в Черниговской области, сын не смог приехать на ее похороны — был на испытаниях ракет на Байконуре (Луканов 1996, 10).

Юрий Луканов, киевский журналист, автор книги о Леониде Кучме, писал в 1996 году, что «президент и его жена представляют собой образцовую пару. Они вместе уже тридцать четвертый год. Он у нее первый муж, а она у него — первая жена» (Луканов 1996, 7). Супруга украинского президента Людмила Николаевна Кучма в интервью одной газете заявила, что они любят вместе петь, а сам Леонид Данилович играет на гитаре. Кроме того, на четырех сотках своей днепропетровской дачи в «допрезидентские» времена он с удовольствием занимался садом. Впрочем, среди слабостей президента Кучмы — и игра в преферанс, которая, как замечает тот же Юрий Луканов, «согласно с годами воспитанными в нас представлениями, ну никак не вяжется с имиджем добропорядочного семьянина» (Луканов 1996, 6—8).

Начиная с 12 апреля 1997 года украинский политический еженедельник «Зеркало недели» публикует так называемый «Парад космических тел» — схему или иерархию политического окружения украинского президента. В таких схемах место «солнца» занимает украинский президент, а его окружение представлено «планетами». За какие-нибудь пару лет конфигурации созвездий на этой «небесной карте» менялись не раз: восходили одни звезды, исчезали напрочь другие. В 2000 году журналистка «Зеркала недели» Юлия Мостовая отмечала в очередной публикации:

Вполне возможно, что для Леонида Кучмы первые годы президентства казались периодом первой любви. Любви с командой, которой он доверял. Никогда и никому Президент Украины Леонид Кучма не будет верить так, как верил Горбулину, Табачнику, Разумкову, Волкову. Тогда (Мостовая 2000)⁸.

Но доверие президента Кучмы исчезло, его товарищи не прошли испытаний бурными событиями украинской политической

⁸ Судьбы соратников Леонида Кучмы образца 1994 года сложились следующим образом: советник президента Александр Разумков отошел от него под давлением главы президентской администрации Дмитрия Табачника, а сам Табачник был изгнан после того, как его фигура приобрела одиозную окраску из-за приписываемых ему злоупотреблений властью. Товарищ Кучмы еще с днепропетровских времен Владимир Горбулин дистанцировался от него приблизительно в одно и то же время с выборами 1999 года, когда Леонид Кучма смог остаться при власти благодаря околизбирательным манипуляциям. Удивительно быстро обогатившийся и подозревавшийся бельгийскими правоохранителями в отмывании денег советник Александр Волков перестал быть доверенным лицом Кучмы уже к парламентским выборам 2002 года.

Леонид Кучма с семьей в театре

жизни. Через год Юлия Мостовая писала о трансформации президентского доверия следующее:

Пожалуй, самые сильные изменения за эти годы претерпели планеты, вращающиеся на ближайшей к Президенту орбите. Если не воспринимать выражение «иных уж нет, а те далече» буквально, то это как раз о них. Вместе с тем изменилось отношение самого Президента к понятию «близкое окружение». Его Леониду Кучме заменила семья (Мостовая 2001).

Как отмечала журналистка, Кучма избрал семью «потому, что своих не предадут и свои не предадут» (Мостовая 2001). После того как в ходе «кассетного скандала» 2000 года, обнародовавшего записи, якобы бы свидетельствовавшие о причастности Кучмы к убийству журналиста Гонгадзе, прослушка президентского кабинета стала очевидной, у Леонида Кучмы появились основания не доверять практически никому — ни сотрудникам своей администрации, ни секретным службам, ни силовикам, ни политическим союзникам.

Когда круг доверенных лиц президента стал практически совпадать с составом его семьи, родственники отнеслись к своей новой укрепившейся политической роли со всей серьезностью.

В семье президент нашел моральную, политическую, денежную и массмедийную поддержку.

Если о моральной поддержке, скорее всего, удастся прочесть лишь в будущих мемуарах членов семьи президента, то некоторые выводы о политической поддержке можно сделать уже сейчас. Родственники Кучмы и раньше играли значительную роль в его политической борьбе. Перед президентскими выборами 1999 года Людмила Кучма трудилась на ниве благотворительности, исполняя роль почетного президента Национального фонда социальной защиты «Украина — детям». К парламентским же выборам 2002 года она пыталась укрепить позиции мужа в Верховной раде, поддержав политический блок «Женщины за будущее», который, впрочем, не смог пройти в парламент. О политическом влиянии супруги президента в период перед выборами 2002 года свидетельствует и тот курьезный факт, что перед ее приездом в Харьков там были срочно заклеены рекламные «биг-борды» избирательного блока Виктора Ющенко, но оставлены плакаты пропрезидентского блока (*Українські новини* 25 февраля 2002).

Единственная дочь господина Кучмы Елена была до конца 1990-х годов замужем за Игорем Франчуком. Его отец Анатолий Франчук был одно время главой крымского правительства. Оба — народные депутаты Украины нескольких созывов (Луканов 1996 7). В середине 1990-х годов отец и сын Франчуки помогали Кучме укреплять влияние в нестабильном Крыму. Через несколько лет после рождения внука президента Романа Елена и Игорь решили расстаться, что, впрочем, не отразилось на политической приверженности Франчуков: по итогам парламентских выборов 2002 года они присоединились к пропрезидентским силам в Верховной раде.

К началу 2000-х годов Елена Леонидовна Франчук, не меняя фамилии, поменяла мужа. Ее новым избранником стал предприниматель Виктор Пинчук, один из самых состоятельных людей Восточной Европы, владелец трубных заводов, средств массовой информации и предприятий связи. В течение некоторого времени Елена Франчук работала заместителем директора по маркетингу компании мобильной связи «Киевстар» (*Українські новини* 20 ноября 2000), которая частично принадлежала господину Пинчуку.

Виктор Пинчук, принадлежащий к группе «олигархов», является человеком с реальными бизнес-интересами и желанием максимально использовать политические механизмы для содействия своим бизнес-проектам. Жизнь рядом с таким человеком не могла не оказать влияния на представления дочери Леонида Кучмы. Вот как это подает Юлия Мостовая:

Леонид и Людмила Кучма на встрече с президентом Индии
Абдул Каламом, октябрь 2002 года

Со временем его (Пинчука. — К. Л.) представления стала разделять и Елена Франчук, ранее никогда не стремившаяся к участию в политической жизни. Впрочем, это вполне объяснимо. Если ваш муж — водитель в таксопарке, то волей-неволей вы будете прекрасно осведомлены о том, как себя ведет начальник колонны и сколько автомобилей по бросовым ценам приватизировал главный бухгалтер на пару с директором парка. Более того, на все происходящее в этом парке вы будете смотреть глазами мужа (Мостовая 2001).

Елена Франчук — еще не Татьяна Дьяченко, непосредственно участвовавшая в управлении страной. Не похоже это и на деятельность дочери Жака Ширака, готовившей отцу избирательную кам-

панию. Но Елена стала звеном, связывающим президента и человека, помогающего ему своими денежными и массмедийными ресурсами.

Виктор Пинчук активно содействовал Леониду Кучме во время избирательной кампании 1999 года, референдума 2000 года и парламентских выборов 2002 года. Ему приписывают предоставление значительной части из 200 миллионов долларов, якобы израсходованных на переизбрание президента (Бондаренко 2002). Являющийся депутатом парламента, господин Пинчук укрепляет президентскую власть не только во время предвыборных кампаний, но и постоянно — через сеть контролируемых им средств массовой информации. Важность его роли была особенно очевидна, например, во время «кассетного скандала» 2000 года. В то время, когда большинство телевизионных каналов подвергались цензуре⁹, телевизионный канал *ICTV*, принадлежащий Виктору Пинчуку, имел возможность подавать информацию о развитии скандала первым, естественно, в том объеме и той направленности, которые были созвучны точке зрения Администрации президента. Сам Пинчук так объяснял роль своих массмедиа в украинском медиапространстве в то время:

СМИ, к которым я имел отношение, как могли, подсказывали гражданам Украины, что они думают по этому поводу. Я с ведущими канала (*ICTV*. — *К. Л.*) тогда беседовал и обсуждал, другие люди беседовали — мы советовались (Миселюк 2001).

Пинчук чрезвычайно редко встречается с журналистами, предпочитая оберегать от посторонних глаз свою частную жизнь, — едва ли не единственная встреча Виктора Пинчука с журналистами состоялась в преддверии парламентских выборов 2002 года. При разговоре магнат пару раз пытался убедить журналистов выключить диктофоны, чтобы сделать разговор более откровенным. Как сообщает одно издание, в ответ на вопрос «Часто вы встречаетесь с президентом Украины или общаетесь с ним по телефону?» Пинчук «перестал улыбаться, некоторое время настороженно молчал, а потом сказал корреспонденту: «Вы знаете, что этот человек — отец моей жены. Зачем вы задаете этот вопрос? Что вы нового хотите узнать для себя?» (Миселюк 2001).

Неудивительно, что не так уж много украинских граждан знают об этом влиятельном человеке: во время социопроса журналис-

⁹ Как утверждают в частных беседах украинские журналисты.

тов Интернет-издания *ForUm*, проведенного в марте 2001 года, никто из опрошенных киевлян не смог угадать, кто такой Пинчук, хотя все знали, кто такая Юлия Тимошенко (*Олигархи и общество* 2001). Конечно, с тех пор ситуация изменилась, но и в 2003 году Пинчук, состояние которого журналисты оценивают в 1,3 миллиарда долларов (Савицкий 2003), предпочитает быть в тени.

* * *

Семья Леонида Кучмы — это своего рода насмешка над утверждением Мишеля Фуко о том, что «отец в семье не есть представитель государя и государства; а эти последние не являются проекциями отца в другом масштабе» (Фуко 1996, 201). Здесь — власть главы семьи над его партнером и детьми сплетается в тугой узел с их собственной властью, изменяющейся с течением времени; сюда же присоединены властные отношения далеких и близких родственников и друзей; в свою очередь, эти властные отношения не просто вплетены в иерархии общества и государства, но являются несущими элементами конструкции властных отношений в объединении, к которому причисляются миллионы семей и отдельных людей.

Семья украинского президента представляется продуктом двух эпох. С одной стороны, поколение самого Леонида Даниловича сформировано партийной системой, временем, когда путь к власти пролегал через сложную лестницу общественных институтов. Во многом существование системы обеспечивалось наличием своеобразного стержня — номенклатуры, этого материализованного слежка с идеальных «стражников государства» Платона (Платон 1999), в своем служении обществу способных сочетать «моральную устойчивость» с жизнью «прекрасного семьянина». Поколение детей Кучмы — Елена Франчук и Виктор Пинчук — это люди нестабильного времени, в жизни которых понятие «прекрасный семьянин» прежде всего означает человека, способного обеспечить своих близких материально.

Насколько семейное окружение Леонида Кучмы походит на ельцинскую «семью»? Сходств немало, вплоть до некоторых деталей. И не только потому, что в обоих случаях посредниками между крупным капиталом и президентами являются их дочери. Борис Ельцин и Леонид Кучма принадлежат фактически к одному поколению советской номенклатуры. Взгляды этих двух людей, про-

живших большую часть своей жизни при совершенно другой системе власти, не могут не совпадать. Талантливые провинциалы, волею судеб и своих политических способностей оказавшиеся на самом вершине политического Олимпа двух самых больших постсоветских стран, они были поставлены перед проблемой поиска выхода из глубочайшего кризиса. В обоих случаях попытки реформ совершались на фоне коллапса законодательных и идеологических традиций, усиленного атрофией государственного аппарата. В обоих случаях способом разрешения задачи стала концентрация власти в одних руках, а ее итогом — возникновение «демократической монархии» (Шевцова, Клямкин 1998).

Сходно и другое — обеспечивать будущее своих детей Леонид Кучма и Борис Ельцин предоставили самим детям, и похоже, что в обоих случаях это будущее защищено. При монархическом устройстве члены монаршей фамилии могут рассчитывать на определенные дивиденды от своей принадлежности к короне. В условиях же «монархии» неформальной такими же неформальными являются привилегии.

Впрочем, здесь налицо не просто забота главы «семьи» о своих домочадцах, тут присутствует и ответная поддержка «семьи»: «семья» — не просто механизм поддержки патриарха, но и общественный институт, который он представляет наряду с государством. То, что политолог Лилия Шевцова писала о России, верно и для Украины:

Пожалуй, основное качество российской системы власти, которое объясняет наличие многих других, — это несовпадение между каркасом власти, ее организационной структурой и внутренним содержанием, реальными механизмами, в которых решающую роль играют теневые отношения. В связи с несовершенством президентского режима ... роль неформальных подстраховочных структур неизмеримо усиливается (Шевцова 1999).

Время смены иерархий

Более чем 70-летнее «бегство от капитализма» одной шестой части земной суши завершилось трансформациями конца 1980-х — начала 2000-х годов. Хотя значительной частью это были ненасильственные изменения, по насыщенности событиями и объему затронутых сторон жизни их можно сравнить только с революционными катаклизмами. Имеется в виду не только переход от уни-

фицированной советской политической системы к набору разнообразных политических режимов в постсоветских странах, не только символическое утверждение новых государственных образований и изменение законодательства, сколько изменение объектов и субъектов — а также принципов, каналов и средств — власти.

Властные отношения, являвшиеся своеобразным скелетом общественного устройства, десятилетиями и столетиями тщательно выстраиваемые иерархии исчезли: были уничтожены или рассыпались от случайного прикосновения. Претерпела изменения власть во всех ее измерениях: от государственных устоев до авторитета старших поколений над младшими. С течением времени на их месте начали возникать и появляться новые устои, отлаживаются новые иерархии, ибо власть не терпит вакуума и проникает во все сферы жизни; как пишет Мишель Фуко,

власть повсюду; не потому, что она все охватывает, но потому, что она отовсюду исходит. <...> Власть — это не некий институт или структура, не какая-то определенная сила, которой некто был бы наделен: это имя, которое дают сложной стратегической ситуации в данном обществе (Фуко 1996, 193).

Характеризуя изучаемый период, необходимо остановиться на *неопределенности* как его ключевой характеристике, а говоря о стержневой сути новых властных отношений, нужно вспомнить о *деньгах*.

Неопределенность, разумеется, присуща любому обществу. Но точно так же любое общество пытается заключить зверя неопределенности в рамки договоров, законов, традиций, общественных институтов. Минимизация общественной нестабильности традиционно выступает мерилем цивилизованности. Построение альтернативной капитализму системы было своеобразным бегством из чертога неопределенности, попыткой ухода от рыночной, денежной стихии. Революция, начатая перестройкой, успешно разрушила остатки изощренных словесных изобретений, сохранявших порядок в людских головах. В «Поколении «Пи»» Виктора Пелевина прекрасно видно, как исчезает идейный стержень эпохи:

С вечностью, которой Татарский решил посвятить свои труды и дни, тоже стало что-то происходить. Этому Татарский не мог понять совершенно. Ведь вечность — так, во всяком случае, он всегда думал — была чем-то неизменным, неразрушимым и никак не зависящим от скоротечных земных раскладов. <...> Оказалось, что это не совсем так. Оказалось, что вечность существовала только до тех пор, пока Татар-

ский искренне в нее верил, и нигде за пределами этой веры ее, в сущности, не было. <...> Вечность, в которую он раньше верил, могла существовать только на государственных дотациях — или, что то же самое, как нечто запрещенное государством (Пелевин 1999, 13—14).

В результате попыток найти большую стабильность в капиталистическом устройстве пелевинское ощущение присутствия вечности сменилось на вполне Гоббсову войну всех против всех (Гоббс 1965, 149—156). Вместо Левиафана общество стало напоминать расчлененный организм. На уровне страны это вылилось в «парад суверенитетов», на уровне отдельного человека — в апологию выживания: каждый полагался только на себя, или на своих близких, или на друзей.

В условиях подобных общественных перемен (смерти идеологий¹⁰, недееспособности законов, приоритета частных интересов и т.п.) клан «по умолчанию» стал суррогатной основой стабильности, единственным организующим принципом хоть какой-то общественной иерархии и приблизительного подобия порядка. В нашем примере в середине 1990-х годов на украинской сцене получили преимущество политики, сумевшие на кланы опереться. Не те, кто ставил на идею или предлагал варианты решения общественных проблем, а те, кто сначала заручился поддержкой группы, видел в своей деятельности четкие материальные интересы, а уже потом использовал политику как средство реализации этих интересов. Такие люди, как Виктор Медведчук, достигли своего статуса и веса не потому, что были популярны или пользовались доверием демоса, а потому, что смогли создать приватные островки относительной стабильности в мире тотальной изменчивости, сконструировать людской механизм, работающий на личных отношениях и действующий в условиях, когда общественные конструкции лежали в руинах.

Межклановая борьба, приведшая к укреплению одних и разрушению других групп, была опытом, выявившим уязвимые стороны клановости. Речь не только о зыбкости существования самого

¹⁰ Интересно мнение по этому поводу украинского политолога Дмитрия Выдрина: «...у нас нет и не может быть и полноценных идеологий — ни правой, ни центристской, ни даже левой. А то, что называют у нас идеологиями, это скорее политические маски, социальные клише, заимствованные либо из другого времени, либо из других стран, с помощью которых небольшие группы элит, участвующие в борьбе за власть, позиционируют себя на политическом рынке» (Выдрина 2002).

клана, хаосом порожденного и в хаосе исчезающего (как это было в случае с Тимошенко). Сомнения вызывает даже не зыбкость такой организации политической власти, она дискредитирует себя как источник прибыли в обществе, впитавшем в себя ценности новоиспеченного капитализма. Борьба кланов требует дополнительных трат, и удержание власти вызывает значительные расходы — на СМИ, избирательные кампании, издержки на содержание парламентских фракций, аналитиков, пиарщиков, частную систему безопасности, подкуп чиновников и т.д. Пытаясь достичь большей безопасности для себя, кланы (вспомним хотя бы «семью» Кучмы) пытаются подменить собой обнищавшее и малоэффективное государство, но эта дорогостоящая функция противоречит конечной цели клановой экономики — извлечению прибыли.

Вряд ли можно говорить и об ориентированности такой структуры политической организации в будущее. Клановость — это скорее признак периода, это — «пожарная» организация власти, рассчитанная на короткое время. Период украинской истории, когда власть вынуждена опираться на кровное родство, еще не прошел. Но обстоятельства, порождающие кланы, — общественная нестабильность, война всех против всех — постепенно сходят на нет. Азарт капитализма, требующий соответствующих условий для извлечения прибыли, постепенно подводит общество к формированию новых правил игры. В новых условиях преимущество популярности получают те, кто отказываются признать легитимность властных иерархий, построенных на временно вынужденной клановости, но признают организующий и созидательный властный потенциал денег. Такие политики, как Виктор Ющенко, строят общественные институты, больше, чем клановая система, приемлемые для преимущественного числа сограждан: ведь понять, предугадать и использовать себе во благо иерархию, построенную на денежном расчете, легче, чем своенравную и полную противоречий власть кланов.

Очищенные от коммунистических условностей, предопределенности и экономических и моральных табу, за короткий по историческим меркам период конца с 1980-х до начала 2000-х годов деньги предстали перед воспитанными нерыночным распределением бывшими советскими людьми в своем всеисилии. «Власть денег» определяется отчасти и неумением ими пользоваться, и неспособностью определять цену товара, и несознательным перенесением принципов денежных отношений в те сферы жизни, где их быть как раз и не должно. Отсутствие денег или их наличие со-

здают и разрушают семьи и влияют на смену поколений. Власть денег становится универсальной, проникая в семью и превращая ее из первичной ячейки общества, так сказать, в ячейку сейфа.

Власть — это всегда иерархия. Даже в демократическом обществе вряд ли можно говорить о политической власти, рожденной равенством граждан: за фасадом формальных властных отношений мы обнаруживаем скрытые подчинение и подчиненность — иерархии, выстроенные отношениями полов, поколений и возрастов, возникающие из взаимодействия кредитора и заемщика, из традиций или, например, из открытого бунта против них. С вторным приходом капитализма в страны бывшего СССР, в момент очередной — воспользуюсь выражением, отчеканенным Карлом Полани (Polanyi 1957), — «великой трансформации», власть денег, власть одалживающего над заемщиком стала сутью новой универсальной постсоветской иерархии, составляющей часть иерархии глобальной.

Пока что клановая власть на Украине достаточно сильна. И даже способна оказать сопротивление власти денег. Но сопротивление это разъедается изнутри — не только межклановой борьбой и борьбой личностей, но прежде всего частным интересом, сводящимся к получению прибыли. Кланы, одновременно сопротивляющиеся власти денег и делающие получение прибыли своей целью, обречены.

VII

ЖИЗНЬ В ПУТИ

Евгения Матханова, Наталья Матханова

«ЗДЕШНЕГО МОЕГО СЕМЕЙСТВА НЕ БРОШУ»: НЕРАВНЫЕ БРАКИ И ВНЕБРАЧНЫЕ ДЕТИ ДЕКАБРИСТОВ

В предлагаемой статье речь идет о семьях, которые сложились в Сибири в результате браков осужденных декабристов — ссыльных «государственных преступников» — с сибирячками. Мы рассмотрим сначала проблему преодоления социального и культурного неравенства между супругами в сибирских семьях декабристов, достижения взаимопонимания и взаимоуважения, а затем остановимся на положении детей, рожденных в сибирских семьях.

Сосланные в Сибирь декабристы различались по возрасту, происхождению, имущественному и семейному положению. Большая часть их прибыла в Сибирь совсем молодыми. Наряду с представителями знатных фамилий (Е. П. Оболенский, С. П. Трубецкой и др.) среди них было и немало выходцев из мелкопоместных или беспоместных дворян (Н. О. Мозгалеvский, А. Ф. Фролов, А. И. Тютчев и др.). Из 121 сосланного только 23 были женаты еще до Сибири (Павлюченко 1976, 28), лишь к 11 жены приехали в Сибирь, жены нескольких осужденных воспользовались предоставленным им правом на развод. Часть декабристов впервые женилась в Сибири, другие заключили здесь повторные браки, некоторые, утратив возможность общения с оставленными в России семьями, вступили с сибирячками в гражданские браки. Заключенные в Сибири союзы декабристов с их сибирскими женами были чаще всего основаны на взаимной сердечной склонности. Но нельзя не видеть и того, что само их появление диктовалось условиями ссылки, изоляции от привычной социальной и культурной среды, оторванностью от семей, оставленных в России. Выбор в сибирских заштатных городках был невелик, и это определяло появление неравных браков с дочерьми крестьян, мещан, мелких чиновников, священников.

Исследователи и мемуаристы отмечают, что сибирские браки, несмотря на неравенство в социальном положении и культурном уровне, почти всегда отличались прочностью и любовными отношениями. И в этом была заслуга не только декабристов с их высокой культурой, но и их сибирских подруг. М. М. Богданова, правнучка декабриста Н. О. Мозгалевского, в статье «Жены декабристов сибирячки» справедливо отметила, что их подвиг не менее значителен, чем подвиг жен, приехавших к мужьям из России. Он также «полон глубокого героизма», ибо эти женщины «променяли свою относительную свободу на тяжелый крест судьбы жены государственного преступника со всеми вытекающими отсюда последствиями бытового и юридического характера. Почти все они, за редким исключением, были действительно примерными подругами». Вместе с тем нельзя не признать, что эти женщины благодаря супружеству с людьми не только высокого образования, но особых, отмеченных в литературе моральных качеств резко меняли свой патриархальный быт, устаревшие представления о семейном укладе и особенно свой образовательный уровень. В большинстве своем совсем неграмотные или малограмотные, научившись читать и писать у своих мужей, они «быстро преодолевали свою темноту, осваивая не только элементарную грамоту, но и приобретая некоторые культурные навыки, соответствующие их новой роли и новому положению жены образованного ссыльного» (Богданова 1975, 242—243). Все мужья жен-сибирячек были неутомимыми и усердными учителями своих жен и нередко достигали немалых успехов.

Всего через год после своего водворения в с. Олонки Иркутской губернии декабрист В. Ф. Раевский женился на местной крестьянке Евдокии (Авдотье) Моисеевне Середкиной. Все, кто знал эту женщину, отзывались о ней в высшей степени похвально, отмечая ее ум и красоту. Чиновник по особым поручениям при генерал-губернаторе Восточной Сибири Б. В. Струве писал, что Раевский «был женат на простой олонской крестьянке, Авдотье Моисеевне, женщине со здравым умом и сибирским тактом, благодаря которому она, появляясь в обществе, не заставляла за себя краснеть своих дочерей...» (Струве, 1975, 186). Раевский сам обучал свою жену, причем не только грамоте и общим началам образования, но и французскому языку и светскому общению, так что «знакомые мужа принимали впоследствии [ее] за столичную даму» (Брегман, Федосеева 1983, 13). Авдотья Моисеевна была помощницей мужа во всех его делах, в том числе и в работе открытой им в Олонках школы.

Декабрист В. А. Бечаснов происходил из мелкопоместного рязанского дворянства, не имел ни знатных родственников, ни полезных связей. В юности он окончил лишь кадетский корпус, но затем пополнял свои знания, общаясь с товарищами в Читинском и Петровском казематах и усердно посещая так называемую «каторжную академию» декабристов. После отбытия каторжного срока В. А. Бечаснов был поселен в с. Смоленщине, в 8 верстах от Иркутска. В 1846 году он женился на 18-летней крестьянской девушке А. П. Кичигиной. Анна Пахомовна была совершенно неграмотна, В. А. Бечаснов сам взялся обучать свою жену. Он научил ее читать и писать, преподавал другие необходимые знания, а также научил французскому языку, так что впоследствии жена Бечаснова по-французски говорила свободно. Семья жила бедно, но счастливо. В своей Анне Пахомовне декабрист нашел преданную спутницу жизни, которая вместе с ним стойко переносила тяготы постоянной материальной нужды. Надо сказать, что В. А. Бечаснов вообще был неунывающим человеком, умел ко всему относиться с юмором, а в жене и детях души не чаял. С большой теплотой писал он о своей жене другу М. А. Бестужеву: «Свободное время всецело посвящаю чтению, сначала для самого себя, а потом все вчера — для жены» (Богданова 1975, 251).

Трагична была история женитьбы декабриста М. К. Кюхельбекера. Выйдя на поселение в г. Баргузин, он поселился в доме баргузинского мещанина Токарева, где познакомился с его сестрой Анной. У нее был незаконнорожденный ребенок, и родные грозили выгнать ее из дома. Кюхельбекеру приглянулась Анна, он взял ее под свою защиту, стал крестным отцом ее ребенка, а через некоторое время и женился на ней. Этот брак был признан церковью незаконным, поскольку Михаил Карлович был «кумом» своей жены. Священник, обвенчавший их, подвергся гонениям, а самого Кюхельбекера приговорили к высылке из Баргузина (Богданова 1975, 248). Но он не подчинился этому решению. Глубоко любивший свою супругу М. К. Кюхельбекер на распоряжении, присланном ему из Синода, написал: «Если меня разлучают с женою и детьми, то прошу записать меня в солдаты и послать под первую пулю, ибо мне жизнь не в жизнь» (Шмулевич 1985, 137). В конце концов после кратковременной высылки в с. Елань, губернские власти вынуждены были возвратить ссыльного к его семье и детям (Шмулевич 1985, 144). Анна Степановна была надежной спутницей в нелегкой жизни декабриста, образцовой матерью его 6 дочерей (первый ребенок умер). Грамоте ее учил В. К. Кюхельбекер,

так как Михаил Карлович был занят по хозяйству, — нелегко было прокормить такую большую семью.

Общие хозяйственные заботы, разнообразная деятельность декабриста — медицинская, педагогическая, помощь местному населению — все это сближало супругов. Анна Степановна, как и ее муж, пользовалась уважением и симпатией местных жителей. П. И. Першин-Каракарский вспоминал, что местные крестьяне обращались к М. К. Кюхельбекеру «за медицинской помощью, оказываемой всегда безвозмездно, разумеется, из собственного тошего кармана» (Першин-Каракарский 1975, 236). Часто после лечения, «наделив своих гостей лекарством, Михаил Карлович предлагал им и угощение». Гостеприимная, преданная мужу Анна Степановна «оказалась радушной хозяйкой и не гнушалась гостями из степных улусов долины Баргузина» (Першин-Каракарский 1975, 236).

Иной была семейная жизнь В. К. Кюхельбекера, брата Михаила Кюхельбекера. 9 октября Вильгельм Карлович известил мать, что собирается жениться на Д. И. Артемовой — молоденькой (р. в 1817) дочери баргузинского почтмейстера. Первое время, в период своего жениховства, В. К. Кюхельбекер идеализировал свою невесту и с присущей ему экзальтацией восторженно писал о ней Пушкину, что она в своем роде «очень хороша: черные глаза ее жгут душу; в лице что-то младенческое и вместе что-то страстное...» (Орлов 1951, 69). Свадьба состоялась 15 января 1837 года. Вскоре оказалось, что семейная жизнь Кюхельбекера была далеко не идеальной — не только из-за вечной нужды, но и из-за некультурности, мещанских повадок и сварливого нрава Дросиды Ивановны. Конечно, она была одарена здравым смыслом и по-своему любила мужа, старалась создать для него так нужное ему семейное гнездо, была заботливой матерью детям. Но в духовном отношении между супругами лежала пропасть. Привыкший жить напряженной интеллектуальной жизнью, Вильгельм Карлович не мог найти понимания в мещанских представлениях своей жены. Она была неграмотна и, видимо, с трудом поддавалась обучению. Кюхельбекер настойчиво и увлеченно занялся ее воспитанием, научил грамоте, но, очевидно, так и не сумел приобщить ее к своим духовным интересам. Вильгельм Карлович всеми средствами старался развить жену. В своем письме сестре он пишет:

Она охотница слушать сказки, а под видом сказок можно будет ей передать и кое-какие правила... при помощи Божьей она узнает от меня священную историю и учение евангельское — будет с нею покуда и этого. Утешает меня великая ее охота спрашивать о том, о

«ЗДЕШНЕГО МОЕГО СЕМЕЙСТВА НЕ БРОШУ»...

другом, о третьем: вопросы-то ее истинно младенческие, но они все-таки показывают охоту узнать кое-что (Орлов 1951, 71).

По всей видимости, характеристика, позднее данная ей И. И. Пушциным, была не так далека от правды: «Не могу сказать вам, чтоб его семейный быт убеждал в приятности супружества». Пушкин называл жену товарища «мужиковатой» и далее писал: «Выбор супружницы доказывает вкус и ловкость нашего чудака, и в Баргузине можно было найти что-нибудь хоть для глаз лучшее. Нрав ее необыкновенно тяжел, и симпатии между ними никакой» (Пушкин 1988, 200). Впрочем, Вильгельм Карлович всегда заступался за свою Дронюшку, отдавая должное ее преданности и любви к семье. В дальнейшем Дросида Ивановна проявила эти качества в период долгой и тяжелой болезни мужа. В письме сестре, написанном через два с лишним года после свадьбы, В. К. Кюхельбекер признается: «Влюбленным в жену я никогда не был: мои лета уж не те. Но я ее искренно и от всей души любил как помощницу в делах житейских и товарища на поприще земном. Теперь же она мне втрое милее как мать моего дитяти» (Орлов 1951, 77). Но были минуты, когда Вильгельм Карлович не мог не признать с горечью своей отчужденности с женой, взаимного непонимания. В своем дневнике в 1842 году он написал, очевидно адресуясь к сыну: «...научись из моего примера, не женись никогда на девушке, как бы ты ее ни любил, которая не в состоянии будет понимать тебя.» (Орлов 1951, 69).

Здоровье В. К. Кюхельбекера становилось все хуже: он заболел туберкулезом. После долгих хлопот о переводе в западные губернии он получил наконец разрешение переехать 22 марта 1845 года прибыл с семьей в Смоленскую слободу под Курганом. Здесь он оказался в кругу друзей — декабристов Басаргина, Анненкова, Щелина-Ростовского и др., а главное, смог довольно часто встречаться с лицейским другом Пушциным. Но материальная нужда одолевала семью, доходов не было никаких. Ко всему начала развиваться слепота, которая все прогрессировала. 11 октября 1845 года он пишет последнее собственноручное письмо, 4 ноября заносит последнюю запись в дневник (Орлов 1951, 85).

Дросида Ивановна безотлучно находилась при слепом муже, ухаживала за ним, проявляя доброту, преданность и самоотверженность. После долгих ходатайств В. К. Кюхельбекеру разрешили поехать на лечение в Тобольск, куда он отправляется 7 марта 1846 года в сопровождении Дросиды Ивановны. Он чувствует, что дни его сочтены, и в одном из предсмертных стихотворений — «Слепота» — упоминает о своей верной жене:

Все одето в ночь унылую,
все часы мои темны:
дал Господь жену мне милую,
но не вижу я жены.

(Богданова 1975, 250)

Дросида Ивановна оставалась с мужем до последнего его смертного часа. 11 августа 1846 года В. К. Кюхельбекер умер. В похоронах Дросиде Ивановне помогали товарищи мужа: Оболенский, Анненков, Вольф, Свистунов, Бобрищев-Пушкин на руках отнесли его на тобольское кладбище. Его дети Михаил и Юстина, которым мать не могла обеспечить соответствующего воспитания и образования, были отданы на воспитание сестре Вильгельма Карловича Юстине Карловне.

Сама Дросида Ивановна решила вернуться на родину в Баргузин. По пути она остановилась в Ялуторовске у друга В. К. Кюхельбекера И. И. Пущина, где прожила с 1846 по 1849 год. Очевидно, в это время Пущин изменил свое прежнее мнение о Дросиде Ивановне. Во всяком случае, в 1849 году она родила от Пущина сына, которому дали имя Иван и прозвище «Иван Великий». Он был оставлен у отца и воспитан им (Пущин 1988, 480). Дросида Ивановна уехала в Баргузин.

Декабрист Е. П. Оболенский женился на нянюшке дочери И. И. Пущина, вольноотпущенной крестьянке чиновника Блохина В. С. Барановой. Князя Оболенского — Рюриковича, образованнейшего человека — не смутила разница в социальном положении. «Жена моя не из высшего круга, но простая, безграмотная девица. Честно и бескорыстно искал я ее руки, и она отдала мне себя так же честно и бескорыстно», — писал о своей жене Е. П. Оболенский (Богданова 1975, 252—253). Но не так считали его товарищи. Особенно осуждал эту женитьбу ближайший друг Пущин, с которым Оболенский много лет жил в Ялуторовске «общей артелью». Пущин всячески отговаривал друга и неодобрительно называл его «запоздалым женихом», замечал: «Евгений нашел способ помолодеть», «Я не умею быть историографом пятидесятилетних женихов» (Пущин 1988, 214, 218) и т.д. Однако это не остановило Оболенского, и 6 февраля 1846 года свадьба состоялась. Супруги были счастливы. Варвара Самсоновна скоро не только стала вполне образованной женщиной, но приобрела светские манеры, отличалась скромностью и тактом.

После амнистии, когда супруги выехали в Калугу, Оболенский не без некоторой тревоги ждал, как встретит его аристократическая

родня незначительную Варвару Самсоновну. Но его опасения не оправдались — своим тактом, скромностью и сердечностью супруга завоевала всеобщие симпатии. Воспитанница декабриста М. И. Муравьева-Апостола Августа Созонович писала: «Слухи об Оболенских нас очень радуют. Вообразите, они все восхищаются Варварой Самсоновной. Они обворожены ее умом и наружностью. Как Евгений Петрович должен быть счастлив» (*Декабристы...* 1938, 209). Особенно подружилась Варвара Самсоновна с сестрой Е. П. Оболенского Натальей Петровной. Оболенский был благодарен сестре за любовь и внимание к его супруге. «Слава Богу, дорогой друг, — писал он сестре 15 января 1857 года, — ты поймешь, что и мне хорошо, а жене — отраднее найти в сестре друга и наставницу, не речью и не словом, но самую жизнь» (*Декабристы...* 1938, 229). Несмотря ни на что, брак князя Оболенского с бывшей крепостной крестьянкой оказался на редкость прочным и счастливым.

Несколько семей сложилось у декабристов, находившихся в ссылке в Минусинском округе. Казачки, крестьянки, дочери бедных священников считали за честь породниться с «несчастливыми», как называли ссыльных в Сибири, и каждая такая свадьба была праздником для всего села. Жители дарили молодоженам «на обзаведение» и помогали в хозяйственных заботах. Однако положение самих ссыльных было здесь довольно тяжелым. Средства к существованию декабристам приходилось добывать охотой, рыболовством, скудным земледелием и другими сельскохозяйственными промыслами, иногда, с разрешения начальства, винными и прочими подрядами. Преподавание ссыльными запрещалось, и если они и давали уроки местным детям, то делали это нелегально или полулегально.

В 1839 году в Минусинск был переведен Н. О. Мозгалевский. Еще в 1828 году, находясь в г. Нарыме Тобольской губернии, он женился на казачке Е. Л. Агеевой. В брачном свидетельстве значилось: «...в метрической книге г. Нарыма Крестовоздвиженской Церкви за тысяча восемьсот двадцать восьмой (1828) год о браке сочетавшихся... 2-го числа июля венчан несчастный Николай Осипов Мозгалевский с дочерью мещанина Лариона Агеева девицей Евдокией первым браком» (Л. Агеев записался в мещане) (Богданова 1952a, 96).

Жена Мозгалевского была, по отзывам минусинских жителей, женщиной хотя и малограмотной, но с большим природным умом и тактом. Муж постарался дать ей необходимое образование, но его ранняя смерть не позволила ему завершить его. У Мозгалев-

ских родилось 8 детей — 4 сына и 4 дочери. Семья жила очень бедно, родные не могли материально поддерживать Мозгалевского, и приходилось существовать на скудное казенное пособие. Правда, товарищи-декабристы помогали Мозгалевским, в особенности созданная еще в казематах «Малая артель».

Мозгалевский в Минусинске занимался земледелием, огородничеством и даже бахчеводством. Он вообще был большим тружеником, сам пахал и сеял, а жена во всем была ему верной помощницей. И детей своих Николай Осипович с ранних лет приучал к труду. Человек общительный и отзывчивый, он пользовался любовью и уважением жителей Минусинска, дружил с товарищами по ссылке: Беляевыми, Николаем Крюковым, Киреевым. Но тяжелая болезнь — чахотка — рано свела его в могилу. Он умер 14 июля 1844 года в возрасте 43 лет.

После Мозгалевского осталась большая семья. Материальное положение семьи Мозгалевского было бы совсем безвыходным, если б не помощь товарищей и энергия Авдотьи Ларионовны. Переведенные на Кавказ братья Беляевы передали вдове свое довольно налаженное хозяйство. А. Л. Мозгалевская проявляла неутомимое усердие к поддержанию своей семьи. Она не чуралась никакой работы: шила на людей, ходила к какой-то барыне «майорше» помогать ее кухарке, сдавала комнаты золотопромышленникам. В детях она сумела воспитать чувство уважения к памяти отца-декабриста.

В 1836 году в Минусинск на поселение прибыли братья Александр и Николай Крюковы. Н. А. Крюков завел довольно большое хозяйство, стал настоящим хлеборобом, часто общался с местными крестьянами, которые приезжали к нему из окрестных деревень за советом и помощью. Он был человеком высокой культуры, очень одаренным, интересовался философией, литературой, искусством, страстно любил музыку, отлично играл на скрипке. Эти таланты пригодились ему при воспитании детей. В Минусинске Н. А. Крюков женился на местной жительнице, вдове, полухакаске-полурусской М. Д. Сайлотовой. Необычайную историю этой женщины рассказал в своих воспоминаниях А. П. Беляев:

Наша кухарка, она же экономка, которая заведовала всем нашим хозяйством и бельем, была туземка, смешанной русской и татарской крови, сирота, воспитанная в доме священника и выданная замуж против воли за туземца, жившего в работниках у того же священника. Это была молодая женщина двадцати двух лет, очень хороша собой, умна и по своей честности, способностям и преданности была для нас с братом истинным кладом (Беляев 1990, 222—223).

Когда она овдовела, а Беляевы были переведены на Кавказ, на ней женился Н. А. Крюков. Он не оформил свой брак, так как не хотел, чтобы его дети носили клеймо детей «государственного преступника» (Косованов 1925, 121—122). В 1843 году у них родился сын Иван, а в 1845-м — Тимофей. Н. А. Крюков воспитывал и двух сыновей Марфы Дмитриевны от первого брака — Василия и Михаила. В 1852 году он все же решил обвенчаться с Марфой Дмитриевной, и с тех пор она стала именоваться Крюковой. Но так как дети родились до церковного брака, в метрической книге они значились как «приблудные» и носили фамилию первого мужа своей матери — Сайлотовы. В 1854 году Н. А. Крюков умер. Марфа Дмитриевна успела получить от мужа достаточно хорошее образование, он рано ввел ее в культурную среду и завещал по возможности дать настоящее образование всем сыновьям.

А. Ф. Фролов, бывший член Южного общества, после отбытия каторжных работ был отправлен в ссылку в Минусинский край, в с. Шушенское. Там он занялся хлебопашеством, коневодством, построил мельницу, развел большой огород. Из России он выписывал семена редких огородных культур и охотно делился всем этим с местными крестьянами, с которыми был в большой дружбе. В 1846 году Фролов женился на 26-летней дочери атамана Саянской казачьей станицы Е. Н. Макаровой.

Евдокия Николаевна была необыкновенной девушкой — настоящим сибирским самородком. Декабристы сразу обратили внимание на ее недюжинные умственные способности. Она довольно скоро стала «своей» в минусинской колонии декабристов, которые занимались ее образованием, развивали ее природные способности. Евдокией Николаевной, умницей и красавицей, увлекся А. Беляев, и некоторое время она считалась его невестой. Но свадьбе не суждено было состояться — Беляевых неожиданно перевели на Кавказ. После их отъезда Евдокии Николаевне сделал предложение А. Ф. Фролов и вскоре женился на ней.

Супруги как нельзя лучше подходили друг другу. Жена Фролова была ему, рачительному и умелому хозяину, неутомимой помощницей. В их доме все делалось своими руками, все было домашнее — и продукты и припасы, шилась вся необходимая одежда. А. Ф. Фролов продолжал заботиться и о дальнейшем развитии своей жены. У них родились два сына и дочь, которые воспитывались в таком же трудовом духе (Ватин-Быстрянский 1975, 130).

За несколько лет до Фролова в Шушенское был сослан П. И. Фаленберг, тоже бывший член Южного общества. В первые годы

полного одиночества его одолела тяжелая депрессия, усугубленная известием о вторичном замужестве оставленной в России жены. «Тоска и уныние, чтобы не сказать отчаяние, овладели им совершенно», — признавался Фаленберг (Фаленберг 1931, 229). Такое душевное состояние сохранялось вплоть до 1840 года, когда женился на дочери урядника А. Ф. Соколовой, простой, неграмотной, но доброй сибирячке. «Жена его была преданная и нежная подруга и вполне усладила его изгнанническую жизнь. Она скоро усвоила себе все образованные приемы и могла стать в уровень со своим мужем», — писал в своих воспоминаниях А. П. Беляев (Беляев 1990, 240). М. К. Юшневская сообщала И. И. Пущину, как успешно продвигается у П. И. Фаленберга дело обучения жены: «Фаленберга жена тоже читает уже по складам, скоро ко мне напишет» (Зейфман 1982, 125).

Женитьба, а затем появление детей вернули декабристу бодрость и энергию, но прибавили множество новых забот. Прежде всего семью одолевали материальные трудности. Жена происходила из бедной семьи, а сам Фаленберг, не получая никаких денег от родных, по словам декабриста А. П. Юшневого, женитьбой своей «сочетал две бедности» (Зейфман 1982, 122). А Юшневская общалась: «Финансовые его дела плохи, очень плохи, живет он, очень нуждаясь... но никогда не жалуется на свой недостаток и никаких просьб, чтоб ему помогали» (Зейфман 1982, 142).

В Шушенском не было школы, а между тем Фаленбергу приходилось думать об обучении своей жены и подрастающих детей. Помогли образованность и различные художественные таланты декабриста, а педагогическую науку приходилось постигать в процессе преподавания.

Чтобы одолеть материальные трудности, Фаленберг вместе со смотрителем поселений И. В. Кутузовым завел в Шушенском табачную плантацию: выращивал табак и делал сигары. Это требовало огромных трудов: «Работая с женою, а впоследствии и с детьми, как негр, без усталости, он мог удовлетворить ограниченные свои нужды» (Фаленберг 1931, 242). Но в 1851 году Фаленберга постигла беда: с разливом Енисея его табачная плантация была затоплена и уничтожена, пропал весь затраченный труд, а семья снова оказалась в тяжелом материальном кризисе. И тогда жители Минусинска, сложившись, собрали довольно значительную сумму денег и помогли хозяйству Фаленберга встать на ноги. «Это доказывает, — говорилось в официальном донесении о Фаленберге, — какой любовью и уважением он пользуется во всей округе» (Ватин-Быстрянский 1975, 130).

Хорошее отношение сибиряков к Фаленбергу обуславливалось и его человеческими качествами, что вынуждены были признать и официальные лица. В цитиrowавшемся выше донесении о Фаленберге подчеркивалось, что «простота, скромность, чистосердечие, душевная бодрость составляют отличительные черты его характера» (Ватин-Быстрянский 1975, 130).

Декабристы И. В. Аврамов и Н. Ф. Лисовский в 1828 году прибыли в ссылку в далекий Туруханск, куда и письма не всегда доходили. Все же им удалось сносно наладить свою жизнь. Несмотря на бедность, товарищи не оставляли их, они получали помощь от «Малой артели» и от состоятельных ссыльных — Волконских, Нарышкиных, Фонвизинных, да и сами трудились, не жалея сил. Завели кое-какое хозяйство, занимались промыслами. Декабристы привезли с собою много книг, продолжали заниматься самообразованием.

Но 17 сентября 1840 года случилось несчастье: из очередной поездки в Енисейск Аврамов не вернулся, — умер или был убит, это до сих пор неясно. Н. Ф. Лисовский остался один. А между тем в 1833 году он женился на дочери бедного протоиерея П. А. Петровой. У них родились дети — Надежда, Владимир и Алексей. Н. Ф. Лисовскому удалось добиться высочайшего разрешения «заниматься торговыми оборотами в Туруханском крае и ездить для покупки хлеба и других припасов в Енисейск» (Смирнов 1925). Во время одной из таких поездок в селении Толстый Нос он 7 января 1844 года скоропостижно скончался.

Энергичная вдова Лисовского сразу забила тревогу: она не поверила в естественную смерть мужа и не без основания стала утверждать о его насильственной смерти. Она заявляла, что местный заседатель Добрашов опоил ее мужа «горячими напитками» и довел до смерти. Все имущество Лисовского якобы из-за недостачи казенного вина на сумму в 10 тысяч руб. было конфисковано. Добрашов отобрал и у Платониды Алексеевны оставшиеся деньги, векселя, все продукты и даже одежду. «Туруханское местное начальство совокупно с здешним откупщиком Никитой Мясликовым нападают со всею своею силою, чтобы меня оставить в одной рубашке», — жаловалась вдова¹. В отчаянии она обращается за помощью и защитой к Его сиятельству графу А. Х. Бенкендорфу, умоляя заступиться за нее и расследовать преступление. Подлинный трагизм звучит в заключительных словах ее жалобы:

¹ ГАРФ. Ф. 109. III отд. I экзп. Оп. 1826 г. Д. 61. Ч. 94. Л. 35.

Извините, Ваше сиятельство, если я выразилась, быть может, слишком резко, но это не я говорю, а кричит плач вдовы и ее сирот и просит Милосердия и Правосудия. Неужели в нынешние времена народная поговорка должна оправдаться, что Господь Бог высок, а Белый царь далек! Не верю! Не верю! Я знаю, что мои и моих сирот слезы дойдут до милосердного и справедливого нашего Всемилостивейшего Монарха².

Но все было напрасно — ни шеф жандармов, ни тем более царь не откликнулись на горе вдовы, и она в буквальном смысле слова оказалась на грани полной нищеты с малыми детьми на руках. Все же после долгих хлопот и чиновничьей переписки ей удалось пристроить двоих детей. Старший сын Алексей в 1847 году был принят на казенный счет в пансион при Иркутской гимназии, а дочь Надежда — в Сиропитательный дом «вследствие поданного Иркутским 1 гильдии купцом Иваном Кокориным объявления о желании содержать ее там за свой счет»³.

Среди сибирских браков декабристов были и неудачные. Несчастливо складывалась семейная жизнь Н. В. Басаргина. Его первая жена умерла еще в 1824 году. После отбытия каторжных работ он был в 1835 г. направлен на поселение в г. Туринск и здесь вновь попытался наладить семейную жизнь. Его избранницей стала 18-летняя дочь поручика туринской инвалидной команды М. Е. Маврина, с которой он обвенчался 27 августа 1839 года. «Она его любит, уважает, а он надеется сделать счастье молодой своей жене», — писал И. И. Пущин Е. П. Оболенскому 23 октября 1839 года (Пущин 1988, 118). Но брак кончился драматическими событиями. В мае 1840 года после рождения первенца Александра, который скоро умер, Мария Елисеевна тяжело заболела. Басаргин выхлопотал перевод семьи в Курган, где рассчитывал улучшить свое довольно тяжелое материальное положение, добиться какой-нибудь казенной должности. Но несчастья преследовали его: умер второй сын Василий. Мария Елисеевна еще больше разболелась, а отношения супругов разладились. Этому способствовало и то, что Мария Елисеевна стала изменять мужу. М. М. Богданова пишет, что в архивном «сибирском» деле Басаргина находятся собственноручные письма его «преступной жены» и ее матери на высочайшее имя с просьбой о разрешении Марии Елисеевне оставить «мир» и удалиться в монастырь, чтобы «замолить тяжелый грех» супружеской

² Там же. Л. 36 об.

³ Там же. Л. 35.

неверности. В апреле 1844 года М. Е. Басаргина вместе с матерью отправилась в Екатеринбургский женский монастырь и, по-видимому, скоро умерла (Богданова 1975, 256). Басаргин тяжело переживал крушение второго своего брака, и лишь внимание, моральная поддержка товарищей помогли ему выйти из глубокой депрессии.

Только в 1847 года Басаргин нашел наконец женщину, которая составила счастье его дальнейшей жизни. Он женился на О. И. Медведевой (урожд. Менделеевой), сестре известного химика. Ольга Ивановна происходила из среды сибирской интеллигенции и стала Басаргину надежным и верным другом. Их супружество объединяли и любовь, и взаимопонимание. Да и материальное положение семьи улучшилось, так как Ольга Ивановна владела небольшим стекольным заводом, который приносил кое-какой доход. Детей у Басаргиных не было, и они взяли на воспитание дочь их товарища Н. О. Мозгалевского Поленьку, которая стала их приемной дочерью, а позднее выдали ее замуж за П. И. Менделеева.

Наряду с законными супружествами среди декабристов были довольно распространены и гражданские браки с жительницами Сибири. Некоторые ссыльные заводили новую, вторую семью и жили с невенчанными женами. В источниках имеется очень мало сведений об этих союзах, причем факты, которыми мы располагаем, касаются не столько гражданских жен, сколько детей, выросших в этих семьях. Что же касается жен, то в некоторых случаях невозможно установить не только их фамилии, происхождение, но даже подлинные имена.

Например, сохранились данные о близких отношениях Н. А. Бестужева с некоей буряткой Сабилаевой, возможно, служанкой в доме. Имя ее неизвестно. Она родила Николаю Александровичу двоих детей — Алексея и Екатерину, впоследствии усыновленных другом Бестужевых купцом Д. Д. Старцевым и носивших его фамилию (Даревская 1981).

В селенгинском доме ссыльного декабриста К. П. Торсона веда домашнее хозяйство Прасковья Кондратьева, о которой с большой похвалой отзывались Бестужевы. По их словам, она была «образцом славной работающей девушки». Прасковья Кондратьева стала гражданской женой Торсона. В 1841 году у них родилась дочь Елизавета, а поскольку брак не был зарегистрирован, их дочь получила отчество Петровна (по имени крестного отца) и фамилию Кондратьева (Шешин 1980, 173). С. В. Мироненко добавляет, что в литературе имеются сведения и о сыне Торсона — Петре (*Декабристы...* 1988, 178).

В. И. Штейнгейль оставил в России жену и малолетних детей — к моменту ареста их у него было восьмеро (Штейнгейль 1985, 486). В Ишиме в «безнадежности возврата» (по его выражению) у него появилась гражданская жена, вдова чиновника — имя ее осталось неизвестным. Н. В. Зейфман предполагает, что фамилия жены была Петрова — под этой фамилией сын Штейнгейля Андрей учился в тобольской гимназии (Зейфман 1985, 40).

Совсем мало известно о гражданском браке И. Б. Аврамова, сосланного в Туруханск. Сохранилось скупое упоминание, что он женился на местной казачке, от которой имел двух сыновей и дочь (*Декабристы...* 1988, 5).

А. Ф. Фурман также имел в Сибири гражданскую жену, воспитанницу коллежского регистратора, М. П. Щепкину. Он умер в 1835 году и все свое состояние оставил Марии Петровне и их трем детям.

А. И. Тютчев, член Общества соединенных славян, после отбытия каторжных работ был отправлен на поселение в с. Курагинское Енисейской губернии. Здесь Тютчев женился гражданским браком на дочери местного крестьянина А. П. Жибиновой. Жена происходила из неблагополучной семьи алкоголиков. И вся ее многочисленная родня, и сама она страдали частыми и продолжительными запоями. Попав в такое окружение, Алексей Иванович превратился в безвольного пьяницу, что и послужило причиной его преждевременной смерти в 1856 году. Между тем у супругов осталось пятеро детей (по сведениям С. В. Мироненко, четверо. См.: *Декабристы...* 1988, 181). Овдовев, Анна Петровна совсем опустилась и детей забросила.

О семье Тютчевых с большой тревогой не раз писал руководителю «Малой артели» И. И. Пущину И. В. Киреев. В 1857 году он сообщал: «Дети покойного А[лексея] И[вановича] остались, порусски сказать, — ни кола ни двора. После его смерти на присланные деньги от родных был куплен дом. Теперь родные ничего не помогают, и если бы не Ваше милостивое пособие, то не знаю, как бы они жили» (Богданова 1952а, 107). Так как вдове А. И. Тютчева нельзя было доверять деньги, руководители «Малой артели» решили посылать их Кирееву. О получении денег он извещает Пущину: «Назначенные Вами 100 р. серебром детям покойного А. И. Тютчева я передал в распоряжение княгини Костровой, которая по родству своему с покойным принимала всегда деятельное участие в нем и в семье его. После смерти А[лексея] И[вановича] откупили семейству домик, со всеми принадлежностями: коров и лошадей, так что Ваше пособие довершит их хозяйство» (Богданова 1952б,

127). Таким образом, над осиротевшим семейством товарища было установлено как бы коллективное опекунство. Руководители «Малой артели» были озабочены и будущим сирот Тютчева. Было решено из предназначенного им артельного пая «откладывать каждый год несколько для составления небольшого капитала», что опекуны на своем совете одобрили. Они постановили из каждой сотни рублей выдавать им только половину, причем по частям — «это удержит детей и мать в разумных пределах... Из этих 100 руб. отдавали бы ежегодно малую часть семейству на поддержание его хозяйства, а большую оставляли бы в запас, в случае необходимости поставить за него (т.е. за сына Тютчева. — *Е. М., Н. М.*), когда он попадет в рекрутскую очередь — рекрута» (Богданова 1952б, 128).

Больше всего сведений сохранилось о второй сибирской семье А. Ф. Бригена. В Сибирь он попал, будучи уже женатым, имея сына и трех дочерей. В сибирской ссылке Бриген вступил во вторую, гражданский, брак с крестьянкой д. Рябковой Курганского округа А. Т. Томниковой. У них родилось пятеро детей, из которых двое умерли в младенчестве. Хотя родные из России посылали ему кое-какие деньги, правда нерегулярно, ему пришлось хлопотать о предоставлении казенной службы. Он был канцелярским служителем 4-го разряда, позднее коллежским регистратором, заседателем Курганского суда. Жалованье было мизерное, и приходилось прибегать к побочным заработкам.

В силу своего характера А. Ф. Бриген не мог мириться со злоупотреблениями и произволом местных властей, которые наблюдал вокруг, и часто вступал в конфликты со своим начальством. Вследствие этого он подвергался гонениям и преследованиям со стороны губернского начальства и самого губернатора. Его довольно часто переводили из одного города в другой, из Кургана в Туринск и обратно. При переездах он брал с собою и семью, что нередко отражалось на здоровье детей. Сначала у него умерли два старших сына, а в 1855 году он едва не потерял младшего, семилетнего Николая, которого, тяжело больного, пришлось везти из Туринска в Курган (Тальская 1986, 54—57).

Говоря об отношениях ссыльных декабристов с сибирячками, нельзя обойти молчанием и случайные связи. Например, князь А. П. Барятинский сошелся с местной тобольской жительницей, о которой нам известно только имя — Розалия. В письме М. А. Фонвизина И. И. Пущину от 11 ноября 1841 года говорится, что «у Барятинского от Розалии родился сын, от которого мать отказалась формальным актом, и Барятинский не нарадуется на свое произ-

ведение» (Фонвизин 1979, 222). Впоследствии воспитанный отцом мальчик получил имя Петр Александрович Терпугов (Фонвизин 1979, 429).

Двое детей родились от внебрачных связей у И. И. Пущина. Пущин был благородный человек, любимец всего сибирского общества ссыльных декабристов, но имел сословные предубеждения в вопросах брака и семьи. К сибирским бракам своих товарищей он относился резко отрицательно и не раз высказывался по этому поводу. После женитьбы Н. В. Басаргина на Марии Мавриной он писал, что этот брак подтверждает его мысль о «ничтожестве сибирских супружеств и что «надо иметь большую храбрость или большое упрямство, чтобы тут находить счастье». А в другом месте — снова о браке Басаргина — писал, что «эта женитьба убеждает меня, что в Сибири лучше не венчаться» (Пущин 1988, 178, 174).

Уже говорилось, что Пущин не одобрял женитьбы В. К. Кюхельбекера на Дросиде Ивановне, которую презрительно называл «мужиковатой Дронюшкой». Он осуждал своего друга Е. П. Оболенского, взявшего в жены простую служанку. Сам Пущин и мысли не допускал о подобном союзе и писал откровенно Н. Д. Фонвизиной (своей будущей жене) 7 ноября 1841 года: «Благодарен вам, что вы, по крайней мере, хотите меня женить не здесь, а в России» (Пущин 1988, 178).

Но в его сибирской жизни были женщины, с которыми он был близок. На поселении в Туринске, где он провел три года, Пущин сошелся с молодой женщиной из бедной семьи. Имя ее не сохранилось, о браке с ней И. И. Пущин и не помышлял. Но когда родилась дочь Аннушка, Иван Иванович взял ее к себе, горячо к ней привязался, вырастил и воспитал ее. Сын Пущина и Дросиды Ивановны Кюхельбекер Иван тоже остался с отцом.

Почти все сибирские семьи ссыльных декабристов, во всяком случае законные, были многодетными. У М. К. Кюхельбекера было шестеро дочерей. Шестеро детей было и у члена Общества соединенных славян Ю. К. Люблинского, женившегося на казачке А. Д. Тюменцевой. У В. А. Бечаснова родилось семеро детей, из которых один умер. Н. О. Мозгалевский имел восьмерых детей. Многодетной была семья В. Ф. Раевского — в ней было девятеро детей. Устройство детей, которые по указу Николая I обращались в податное сословие государственных крестьян со всеми происходящими отсюда правовыми ограничениями и повинностями, являлось острой проблемой для декабристов.

Какими же возможностями располагали декабристы для изменения социального статуса своих детей? Одни имели полезные

связи, помощь родственников, пользовались влиянием на местное начальство, особенно высшее. У других не было ни знатных и богатых родственников, ни влиятельных заступников. Многие не имели собственных средств, а некоторым состоятельные родственники отказывали в помощи, порой даже завладев их имуществом, — так поступили сестры В. Ф. Раевского и брат А. П. Арбузова.

Единственным выходом повысить социальный статус дочерей декабристов представлялось удачное замужество, сыновьям же необходимо было достичь военных или гражданских чинов.

В. Ф. Раевский не имел средств к существованию и вынужден был «записаться» в государственные крестьяне. Но он все же сохранил немногие связи со своими бывшими однополчанами, а также друзьями молодости (И. П. Липранди, А. Ф. Вельтманом и др.). Раевский пользовался известным авторитетом у высшей администрации Восточной Сибири. Совсем другое положение было у декабристов В. А. Бечаснова или Ю. К. Люблинского, не имевших ни нужных знакомств в Европейской России, ни связей с сибирскими властями. Тяжелее всех приходилось ссыльным минусинской и енисейской колоний.

Между тем, чтобы найти «выгодную партию» для дочерей, нужно было обеспечить им хорошее образование и воспитание, привить светские манеры, свойственные дворянскому сословию. В Сибири в те годы существовало два женских учебных заведения, находившихся в Иркутске: Сиропитательный дом им. Е. Медведниковой и Девичий институт Восточной Сибири (институт благородных девиц). Сиропитательный дом представлял собой нечто вроде приюта для бедных девушек. В него принимали сирот — дочерей мещан, ремесленников, мелких торговцев — и преподавали им там главным образом основы ремесла и домоводства. Окончание Сиропитательного дома не могло изменить социального положения его выпускниц. В отличие от него Девичий институт, открытый в 1845 году, был привилегированным учреждением, обеспечивал довольно высокий для того времени уровень образования и воспитания. Кроме дворянок туда принимали только дочерей чиновников и офицеров, инородческих старшин и купцов 1-й гильдии. Дочерям пораженных в правах декабристов путь в него был затруднителен. Окончившие его девушки могли, даже не имея приданого, рассчитывать на выгодное замужество или на должности гувернанток, компаньенок, учительниц.

Не сумевшим поступить в привилегированное учебное заведение дочерям декабристов приходилось довольствоваться домаш-

ним образованием. И хотя порой оно мало чем уступало казенному, в общественном мнении казенное ценилось выше.

Хорошее домашнее образование получили старшие дочери Раевского Александра и Вера. Обе они были частыми гостями у Волконских и Трубецких, чьи дома в Иркутске были центрами притяжения светской молодежи и где можно было приобрести светские манеры. Все три дочери Раевского вполне удачно вышли замуж. Старшая, Александра, в 1848 году выбрала себе в мужа «молодого, образованного нравственного человека» (Раевский 1956, 156), по характеристике В. Ф. Раевского. Карл Осипович Бернатович был горным исправником, затем смотрителем Александровского винокуренного завода. Мужем Веры в 1850 году стал Федор Владимирович Ефимов, который служил в Чите прокурором Забайкальской области, а впоследствии дослужился до председателя губернского суда и члена Совета Главного управления Восточной Сибири. Младшая дочь Раевского Софья, единственная из троих, окончила Девичий институт, ее муж Прокопий Яковлевич Дьяченко занимал место начальника III отделения общего губернского енисейского управления (Раевский 1983, 495).

Замечательным качеством декабристского сообщества была забота о детях умерших или находившихся в тяжелой нужде товарищей. Когда в 1859 году скончался М. К. Кюхельбекер, у него осталось шесть дочерей-сирот. Две из них были при ходатайстве декабристов приняты в Девичий институт. Четырех в 1861 году удочерил родственник Кюхельбекера генерал Ф. В. Одынец⁴.

После кончины минусинского поселенца Н. О. Мозгалевского его семья очень бедствовала. Тогда его дочь Елену взяла на воспитание жена близкого к декабристам минусинского окружного начальника княгиня Кострова, а Полина Мозгалевская стала приемной дочерью декабриста Н. В. Басаргина.

Далеко не всем дочерям декабристов из сибирских семей удавалось найти себе такую партию, которая помогла бы им изменить свой социальный статус. Чаще всего мужьями этих девушек становились такие же бесправные или, во всяком случае, неимущие люди: казаки, крестьяне, мещане, мелкие торговцы, бедные священники и пр.

⁴ Ф. В. Одынец, муж двоюродной сестры Кюхельбекера, возбудил ходатайство об удочерении четырех его сирот в 1859 году, но только в декабре 1861 года пришло разрешение. К этому времени младшей, Анастасии, уже не было в живых. Прочим девочкам было позволено носить фамилию воспитателя без права наследования его родового имени (Шкерин 1998, 274).

Крайне неблагоприятно сложилась жизнь дочерей декабриста Ю. К. Люблинского — Христины, Эвфразии и Изабеллы. Они не только не нашли личного счастья, но оказались на грани полной нищеты. Выехав из Сибири в 1857 году, Люблинский после долгих и безуспешных скитаний и попыток найти где-нибудь пристанище и работу в 1872 году с семьей прибыл в Петербург. Но и здесь его ждала та же бедность. Оказавшись без всяких средств, дочери его мечутся в поисках хоть какого-нибудь заработка — им не на что жить и не на что содержать престарелых мать и отца (ему было уже 75 лет). Но куда бы они ни обращались, везде получали отказ. И тогда дочери Люблинского пишут отчаянное письмо-жалобу товарищу начальника III отделения Н. В. Левашову, умоляя его помочь им устроиться: «Нас не только никуда не принимают, но говорят, что вы дети Декабриста... и вот одно слово “Декабрист” лишает нас места, лишает нас возможности улучшить свою жизнь». В письме звучит не только просьба, но и возмущение «начальством», «которое простило преступника, не обеспечивши его дальнейшую жизнь»⁵. Ходатайство девушек не возымело тогда успеха, и старшая дочь Христина, просит о вспомоществовании на приобретение беложвейной машины. На эту просьбу «начальство» откликнулось, и было выдано 50 руб.⁶

Здесь нельзя не отметить, что к 1872 году, когда дочерям Люблинского отказывали от должности под предлогом, что они «дети Декабриста», бывшие «государственные преступники» были не только амнистированы, но со многих из них, в том числе и с Люблинского, был снят гласный полицейский надзор⁷. Между тем, не сумев устроиться в Петербурге, семья Люблинского (сам он умер в 1873 году) была вынуждена возвратиться в Сибирь. Здесь их ждала все та же трудовая, полная лишений жизнь. Изабелла Юлиановна вспоминала: «Шитьем белья занимались и мы с сестрой по приезде в Сибирь. Работали не только в городе, но и в деревнях, где учили грамоте крестьянских детей» (Кубалов 1925, 205).

Еще более серьезные трудности стояли перед декабристами в связи с необходимостью освободить своих сыновей из сословия государственных крестьян. Для этого требовалось определить сыновей на военную или гражданскую (чиновничью) службу. Но достичь нужной должности без окончания гимназии или кадетского

⁵ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1826 г. Д. 61. Ч. 91. Л. 99 об.

⁶ Там же. Л. 100.

⁷ ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. К. 38. Д. 6. Л. 319—320.

корпуса было трудно. Между тем и поступление в казенные учебные заведения для детей «государственных преступников» представляло задачу сверхсложную. Лишь немногим декабристам, имевшим связи, удавалось этого добиться. Так, сыновья В. Ф. Раевского — Юлий, Михаил, Александр и Валерьян — были приняты в Иркутскую гимназию, которую, правда, не окончили, но, по видимому, сдав экзамены за гимназический курс, смогли поступить на военную службу. Юлий и Михаил служили сначала в войсках на Дальнем Востоке, причем достигли офицерских чинов, а в начале 60-х годов были переведены отцом в Варшаву под командование брата старого сослуживца Раевского И. П. Липранди — генерала от инфантерии Павла Петровича Липранди. Служба их здесь проходила весьма успешно, они были повышены в должностях и удостоились даже наград (Раевский 1983, 494). Два других сына Раевского — Александр и Валерьян — после обучения в гимназии стали чиновниками.

Минусинским ссыльным А. Ф. Фролову и П. И. Фаленбергу удалось определить своих сыновей в Петербургский кадетский корпус. Но Ю. К. Люблинскому, прежде чем он смог добиться зачисления сыновей в Первый московский кадетский корпус, пришлось перенести много хлопот и унижений⁸. После смерти отца Михаил Люблинский вместе с матерью и двумя сестрами вернулся в Сибирь, а Зенон еще до этого отправился на службу в Амурскую область (Кубалов 1925, 204—205). Михаил прожил до 1907 года, перед смертью служил в Иркутском интендантстве (*Декабристы...* 1988, 109).

Необходимо подчеркнуть, что сыновья А. Ф. Фролова, П. И. Фаленберга и Ю. К. Люблинского поступали в кадетский корпус уже после амнистии, и им было легче преодолеть барьеры к достижению этой цели. Иное положение было детей у тех декабристов, которые пытались сделать это до амнистии, — они числились еще в податном сословии, для которого путь в учебные заведения был закрыт.

22 мая 1842 года минусинский поселенец декабрист Н. О. Мозгалевский обратился с ходатайством к Бенкендорфу о «помещении... детей в какие-либо казенные заведения для воспитания». На это Бенкендорф в отношении на имя енисейского губернатора предложил «приказать объявить просителю, что поскольку дети его... принадлежат к податному сословию, то... я не нахожу воз-

⁸ ГАРФ. Ф. 109. 1-я эксп. Оп. 1826 г. Д. 61. Ч. 91. Л. 26, 40, 61.

можным ходатайствовать об удовлетворении его просьбы». А после смерти Мозгалевского на повторную просьбу его вдовы ей было прямо разъяснено, что «милость, оказанная в 1841 г. детям преступников, рожденным от матерей-дворянок, последовавших за мужьями в Сибирь, не может относиться к детям Мозгалевской, ибо она мешанка и тамошняя» (Богданова 1952б, 109). Несколько лет спустя вопрос об устройстве сыновей Мозгалевского возник снова.

Когда сыновья овдовевшей жены Мозгалевского подросли, им выпала очередь идти в рекруты. Евдокия Ларионовна пришла в отчаяние: денег на «наемщика» взамен призванных в рекруты сыновей у нее не было.

Я столько перенесла горя, не дай Бог и врагу моему, детей растила трудами своими, наконец вырастила, авось, думаю, теперь отдохну; нет, дети на рекрутскую очередь попали; что я перенесла в это время, один Бог знает, у какого порога не стояла; наконец, золотопромышленники сжалились, дали на рекрута 1200 руб. Сер[ебром], и три сына за эти деньги четыре года служили из одного куска хлеба —

так писала вдова руководителю «Малой артели» И. И. Пушину (*Декабристы...* 1938, 276). Евдокия Ларионовна отлично понимала, как важно для ее сыновей не только избавиться от рекрутчины, но и устроиться на государственную службу, которая одна только могла вернуть им дворянское достоинство. В том же письме Пушину она писала: «Детей надо на службу определить, чтобы дворянство не потеряли» (*Декабристы...* 1938, 276).

Однако сыновья Мозгалевского — Павел, Валентин, Александр — так и не смогли поступить в какое-либо учебное заведение и сделать служебную карьеру. Они остались в Минусинском округе и занимались сельским хозяйством, службой в акцизе или у частных предпринимателей. И только младший сын Виктор, которого готовили к трудным экзаменам минусинские декабристы, уже после амнистии, в 1858 году, был принят в Первый кадетский корпус и впоследствии стал генерал-майором (Богданова 1952б, 118—119).

Дети, рожденные от союзов ссыльных декабристов с их невенчанными женами-сибирячками, пользовались у своих отцов не меньшим попечением и заботой, чем их законные дети. Как уже говорилось, у В. И. Штейнгейля в Сибири от гражданской жены было двое детей — Мария и Андрей. Жил В. И. Штейнгейль в сибирской ссылке в постоянной нужде: родные ему помогать не мог-

ли, казенное пособие составляло 114 руб. с небольшим, немного могла уделить ему и «Малая артель». А ведь ему приходилось еще содержать и сибирскую семью. Своих детей он старался устроить как можно лучше, и его удручало, что возможности его были ограничены, хотя он брался за любой приработок — всевозможные уроки, юридическую помощь всем, кто в этом нуждался, и т.д. И. И. Пушкину он писал 4 октября 1855 года: «Меня “терзает” положение моих детей: уж не о воспитании речь — о том, чем одеть, накормить. В виду нет занятия, которое давало бы хоть бедный, но верный кусок хлеба, пока силы не совсем иссякли» (Штейнгейль 1985, 356). Особенно мучило Штейнгейля социальное положение детей: «Закон осуждал их — на податное состояние! Это ужасно давило мое сердце» (Штейнгейль 1985, 394). В результате больших хлопот и унижений в 15 лет Андрей был зачислен вольным слушателем в Тобольскую гимназию под именем Петров, как не могущий представить свидетельства о своем звании (Штейнгейль 1985, 390).

Покинув Сибирь после амнистии, Штейнгейль взял с собою Андрея. Его сначала принял было на свое попечение барон А. Ф. Штакельберг, отвез в Лифляндию и поместил в Ревельский пансион, который готовил юношей к поступлению в Дерптский университет, причем Штакельберг оплачивал его содержание. В Ревеле Андрей выучился немецкому языку, приобрел некоторые общие знания, овладел хорошими манерами. Но потом обстоятельства у Штакельберга изменились, и он отказался в дальнейшем содержать Андрея. Между тем юноша своим поведением и успехами расположил к себе даже начальство пансиона: «А мальчик такой, что содержатель пансиона, добрый немец, вызывался ему, барону т.е., принять половину платежа на свой счет, только бы удержать его», — писал Штейнгейль Батенькову 24 января 1859 года (Штейнгейль 1985, 430). Но это не помогло, и пришлось Штейнгейлю увезти сына в Петербург. Здесь после долгих хлопот и денежных затрат Андрея все же удалось поместить сначала к помощнику инспектора петербургского Технологического института, а в 1861 году он был уже принят в Технологический институт. Одолеть плату за его обучение помогли товарищи, «Малая артель» и даже Общество для пособия нуждающимся литераторам.

Дочь Штейнгейль решил после амнистии оставить с матерью в Тобольске. В письме к И. А. Анненкову 5 марта 1857 года он объяснял это так: «Я не могу, я не имею права разлучать ее с ее бедной матерью, а ее судьба скорее устроится в Тобольске, чем здесь, где без денег сама красота ничего не стоит» (Штейнгейль 1985, 383).

Надо сказать, что Мария, как и ее брат, отличалась прекрасными нравственными качествами, обаянием и всюду вызывала к себе симпатию. Пока Анненковы оставались еще в Сибири, Маша стала любимицей Прасковьи Егоровны и подругой ее дочери Наташи. После их отъезда Мария снискала расположение начальницы Тобольского приюта О. А. Дометти, которая вскоре приняла ее на работу в приют в качестве учительницы вышивания с заработком в 120 руб. (Штейнгейль 1985, 455). Разумеется, отец продолжал содержать свою сибирскую семью.

В. И. Штейнгейль неустанно хлопотал о признании законными своих детей и присвоении им баронского титула. Он обратился к императору Александру II с прошением, в котором писал: «...я был бы в собственных глазах моих недостоин возвращенного мне баронского достоинства, если бы — готова совесть на “последний смотр”, забыл оставшихся и — мнимого стыда ради, не решился признать “своими” двоих детей моего несчастья» (Штейнгейль 1985, 390). Штейнгейль просил у царя разрешения дать сибирским детям его отчество, фамилию Бароновы и права личного потомственного дворянства. Прощение было удовлетворено, однако дети не были признаны законными и лишены права наследования. В 1875 году Андрей Баронов, тогда штатный смотритель Торопецкого уездного училища, ходатайствовал о предоставлении ему звания и фамилии его покойного отца, но ему было в этом отказано (Штейнгейль 1985, 564). Штейнгейль до последних дней своей жизни помнил и беспокоился о своих сибирских детях. Последние свои слова: «Прошу, не оставьте моего сына Андрея», — умирающий декабрист произнести уже не мог — он их написал (Зейфман 1985, 48).

А. Ф. Бриген, имея вторую семью в Сибири, не порывал связей со своей законной семьей, которая и не подозревала о его сибирском гражданском браке. Путем регулярной переписки он старался направлять воспитание детей, руководил их чтением. Занимался воспитанием и сибирских детей — Екатерины, Марии и Николая. Хотя главной заботой Бригена было обеспечить их материальное благополучие, он находил возможность заниматься обучением своих дочерей, и надо полагать, что они получили неплохое домашнее образование. Тем не менее, думая об их будущем, он спрашивает своего друга Е. П. Оболенского в письме от 16 сентября 1856 года «какого рода заведение в Нижнем, в коем воспитывается дочь Пушина, и возможно ли будет воспользоваться этим, чтобы поместить туда твою знакомую Машеньку» (Бриген 1986, 341) (Марии в это время было уже 12 лет. — *Е. М., Н. М.*).

Объявленная осенью 1856 года амнистия поставила перед Бригеном трудный выбор: вернуться ли в Россию, оставив в Кургане свою вторую семью, или же отказаться от возможности воспользоваться амнистией ради сохранения семьи сибирской. Положение усугублялось тем, что, предвидя предстоящую разлуку с мужем, Александра Тихоновна тяжело заболела, у нее начались припадки настоящего безумия — с такой матерью нечего было и думать поручить ей детей, а самому уехать. Впрочем, при всех колебаниях Бриген чувствовал свою ответственность перед сибирской семьей и не помышлял бросить ее. 19 августа 1856 года он писал другу Оболенскому: «Я скажу только то, что здешнего моего семейства не брошу на произвол судьбы» (Бриген 1986, 339). Не видя никакого выхода, первоначально Бриген хотел Николая увезти с собой, а 17-летнюю Екатерину и 12-летнюю Марию отдать на воспитание настоятельнице Туринского монастыря.

Когда его остававшиеся в России дети узнали о существовании у него второй, сибирской, семьи, то отнеслись к этому вполне благосклонно. Дочери наперебой стали приглашать Александра Федоровича с семейством к себе. Но новые события опять изменили его планы. Старшая дочь Екатерина, гостившая в доме свояка и доброго друга в Омске А. Л. Яковлева, была им выдана замуж за учителя Омского полубатальона кантонистов унтер-офицера А. Л. Кузнецова. 3 февраля 1857 года состоялось бракосочетание. В церковной метрической книге сохранилась следующая запись: «Невеста. Воспитанница заседателя Курганского окружного суда коллежского секретаря (дочь) барона фон дер Брыгена девица Екатерина Александровна» (Бриген 1986, 529). Любопытно отметить, что Екатерина значится в этом документе как «дочь», отчество указано «Александровна». Тем самым как бы признавалось ее законное положение, тогда как ее незаконнорожденное происхождение нигде не фигурировало. После этого младшая дочь Мария пожелала остаться в доме своей старшей сестры и впоследствии также удачно вышла замуж за учителя А. Федотова (*Декабристы...* 1988, 30).

12 июня 1857 года А. Ф. Бриген выехал из Кургана вместе с сыном Николаем, которому хотел дать образование в Петербурге. О дальнейшей судьбе Николая точных сведений нет. Мироненко предположил, что Николая после смерти его отца, возможно, взял на воспитание Н. И. Тургенев (*Декабристы...* 1988, 30).

Любимицей И. И. Пущина, предметом его самых нежных чувств была его дочь Аннушка. В обширной переписке Пущина нет, кажется, письма, в котором бы он не упоминал о ней, о ее

первых шагах, успехах и своей к ней привязанности. В письме к Я. Д. Казимирскому 17 июня 1846 года он пишет о четырехлетней дочери:

...она растет и теперь в полном смысле мой комендант. Лаской снискала мое повиновение. Мы живем с нею ладно, скоро надобно будет приняться полегоньку за учение: способности и память есть. Пусть еще побегает, в сентябре ей минет четыре года, тогда можно будет коротать зимние вечера (Пущин 1988, 215).

Каждое вынужденное расставание с Аннушкой приносит Пущину огорчение и озабоченность. Когда наступило время серьезной учебы, отец определяет ее в ланкастерскую школу И. Д. Якушкина, которого глубоко почитает как педагога. У Аннушки были способности к рисованию и музыке. К девочке был приглашен учитель для уроков музыки, и Пущин мечтал приобрести собственный инструмент. И тогда он просит брата Михаила и лицейского друга Ф. Ф. Матюшкина купить и прислать фортепиано. Просьба была выполнена, и инструмент, выбранный с помощью лицейского знатока музыки М. Л. Яковлева, прибыл в Ялуторовск. Радости И. И. Пущина не было предела: «Фортепиано в Сибири будет известно под именем лицейского; ... Аннушка вместе с музыкой будет на нем учиться знать и любить старый Лицей! Теперь она лучше прочтет нашу лицейскую песнь, которую знает наизусть», — писал Пущин другу Матюшкину 11 февраля 1853 года (Пущин 1988, 265). Над фортепиано повесили портрет старого лицеиста Ф. Ф. Матюшкина. Теперь в доме Пущина стали устраиваться музыкальные вечера, собиралась молодежь.

Как Пущин ни дорожил присутствием Аннушки в его доме, как ни старался не расставаться с нею, пришлось подумать о ее будущем социальном положении и поместить ее в казенное учебное заведение. Поэтому, когда Анне исполнилось 13 лет, отец решил отправить ее для продолжения образования в Нижегородский институт благородных девиц, директрисой которого была М. А. Дорохова, старый друг декабристов. Дорохова необыкновенно привязалась к Аннушке, которая заменила ей умершую дочь. В письме брату Николаю И. И. Пущин пересказывал слова Марии Александровны, что «это для нее благо, что этим я возвращу то, что она потеряла, лишившись единственной своей дочери» (Пущин 1988, 303). И. И. Пущин до конца своей жизни опекал свою дочь, заботился о ней, постоянно посещал Нижний Новгород, следил за ее успехами. Незадолго до своей кончины он пригласил Дорохову с

Аннушкой в имение Марьино, где коротал последние годы. Перед самой смертью он писал Нарышкину о своей радости — свидании с любимой дочерью: «С Аннушкой свиделся: это такая отрада, которую не берусь объяснить» (Пушин 1988, 384). Письмо было написано 29 марта 1859 года, а 5 апреля 1859-го И. И. Пушин скончался. Для своей незаконнорожденной дочери он сделал все, что только мог: воспитал ее, вырастил, дал приличное образование и, что не менее важно, отдал ей свою родительскую любовь.

Сын И. И. Пушина и Д. И. Кюхельбекер Иван родился 4 октября 1849 года. Отец забрал его к себе и стал воспитывать вместе с Аннушкой, которая была на 7 лет его старше. При рождении Иван был записан под фамилией Васильев — как крестник Николая Васильевича Басаргина — и именовался Иван Васильевич Васильев. Ваня, как и его сводная сестра, был определен в ланкастерскую школу Якушкина. После амнистии И. И. Пушин вместе с Ваней поселился в подмосковном имении Марьино. И первое, что сделал по возвращении из Сибири, — вместе с Ваней навестил могилу И. Д. Якушкина. 22 декабря 1857 года Пушин в письме к Трубецкому сообщал: «С Ваней я был на Пятницком кладбище. Помолились на могиле нашего друга Ивана Дмитриевича. Ваня был представителем Ялуторовской школы, созданной им» (Пушин 1988, 350).

Вскоре Пушин стал готовить Ваню к поступлению в известный частный пансион Циммермана. «Это заведение лучше во всех отношениях, и там он может остаться до самого университета», — писал своим братьям Иван Иванович 24 июля 1857 года (Пушин 1988, 342). Специально для знакомства с порядками в училище Циммермана жена Ивана Ивановича Наталья Дмитриевна посетила его и осталась довольна. Поступив в училище, Ваня все каникулы проводил в Марьино, где Пушин помогал ему пополнить образование, руководил его чтением. Чтобы определить социальный статус сына, И. И. Пушин в 1858 году добился, чтобы Ваню записали в новоторжские купцы 3-й гильдии (Пушин 1988, 355). В том же году Иван был усыновлен официально братом И. И. Пушина Николаем Ивановичем и сменил фамилию Васильев на Пушин.

Однако сам Иван Иванович не пожелал формально усыновить ни свою дочь, ни сына, за что друзья не раз упрекали его. Так, Е. П. Оболенский, поздравляя Ивана Ивановича с возвращением Ване фамилии Пушин, писал в письме от 29 марта 1858 года:

...эта перемена во всех отношениях удовлетворяет сердечным твоим требованиям, но со временем можно будет сделать еще более, и я

полагаю, что усыновление полное и безусловное, когда оно производится не в ущерб законных наследников, есть дело совершенно возможное и законное... Тогда и Аннушка, и твой Ваня могут быть тобою признаны и усвоены вполне... (*Декабристы...* 1988, 267)

Однако Пушин отказывался это сделать, находя при этом различные предлоги. Он отвечал Оболенскому в письме 23 апреля 1858 года:

Ты говоришь о полном усыновлении, — разумеется, это можно бы сделать, но я не хочу касаться этого, потому что надобно тут дело доводить до престола. Теперь все способы есть к поступлению в университет, следовательно, от Вани уже зависит шагать вперед. С помощью Божией это все уладится. Усвоить же себе и Аннушку и его никакою формальностию не могу больше, как теперь. Люблю их, сколько умею, и делаю, что могу. Следовательно, эта статья не требует никаких новых исканий, которые вообще сопряжены с большими неудобствами (Пушин 1988, 365).

И все же следует признать, что, хотя И. И. Пушин формально и не узаконил положение своих детей, рожденных вне брака, он сделал для них все, что должен был сделать самый преданный и любящий отец: вырастил, воспитал, дал образование, «вывел в люди». Аннушка в 1860 году вышла замуж за А. А. Палибина, Иван окончил университет и стал врачом.

Сыновья умершего декабриста Н. А. Крюкова, родившиеся до заключения его брака с М. Д. Сайлотовой, считались инородцами, были приписаны к кизильскому роду Аскизской степной думы и обязаны были вносить ясак. В 1854 году, после смерти мужа, его вдова, выполняя его завещание, решила дать сыновьям хорошее образование. Она добилась определения их сначала в Томскую гимназию, а затем хотела отправить в Московский университет. Но, поскольку братья считались инородцами, на их обучение требовалось особое разрешение Степной думы. Такое решение было принято 7 августа 1859 года. Но братьям не суждено было получить высшее образование. Еще студентом скончался в Москве Иван Сайлотов, а Тимофею, отличавшемуся слабым здоровьем, пришлось вернуться в Сибирь. И все же он не оставил своей мечты стать учителем.

В Красноярской гимназии он успешно сдал экзамены на звание учителя истории и географии уездных училищ. С 1872 года особым предписанием генерал-губернатора был назначен учителем Минусинского двухклассного уездного училища с одновре-

менным освобождением из числа инородцев Степной думы. На учительском поприще Сайлотов стал вводить демократические порядки в школьном деле, неизменно руководствуясь педагогическими принципами декабристов: отменил телесные наказания, расширил программу обучения, отстаивал всесословность школы, добиваясь приема в нее не только детей чиновников и купцов, но и простых хакасов. Будучи приверженцем наглядности обучения, Т. А. Сайлотов совершал с учениками далекие экспедиции за различными экспонатами, которые стали зародышем Минусинского музея. При школе была создана общедоступная библиотека. Сайлотов стал также инициатором женского образования: задолго до открытия в Минусинске женской прогимназии он добился создания при городском училище женского класса. Немалую роль сыграл он и в деятельности воскресной школы, которая способствовала распространению грамотности среди взрослого населения Минусинского округа. В связи с увеличением количества учащихся в Минусинском училище, которое вскоре преобразовалось в трехклассное, открытием женской прогимназии и воскресной школы Сайлотову было поручено выполнять функции инспектора городских училищ (*Сибирская советская энциклопедия* 1932, 308).

Гордостью Минусинска стал основанный в 1877 году при самом активном участии Сайлотова краеведческий музей. Организатором музея выступил выдающийся натуралист, ботаник, краевед Н. М. Мартыянов, правой рукой Мартыянова, его главным сотрудником был Сайлотов. Не случайно первым пристанищем музея стало городское училище, а первыми экспонатами — коллекции, собранные учениками училища совместно с Сайлотовым. В работе музея принимали участие минусинская интеллигенция и политические ссыльные — Ф. Кон, Д. Клеменц. Оба они отмечали большую роль в деятельности музея этого энтузиаста. Ф. Кон подчеркивал заслуги Сайлотова, «личными своими познаниями и трудом оказавшего Н. М[артыянову] громадную поддержку в момент зарождения и в первые, самые трудные годы существования музея» (Кон 1902, 73). За заслуги перед городом постановлением городской думы Сайлотов избран почетным гражданином города Минусинска (Косованов 1925, 74).

О судьбах детей рано умершего декабриста В. А. Бечаснова известно немного. Одну из младших его дочерей усилиями товарищей по ссылке удалось устроить в иркутский Девичий институт (*Иркутские губернские ведомости* 1858, № 12). Другая из его дочерей, Зинаида, вышла замуж за верхнеудинского мещанина Петра

Васильевича Гирченко. Надо полагать, что Петр Васильевич, по примеру своего тестя-декабриста, старался дать детям хорошее образование. Его сын Владимир Петрович впоследствии стал известным ученым. Он был одним из зачинателей исторической науки и архивного дела в Бурятии, известным краеведом, этнографом, бурятоведом, географом, оставившим после себя более 30 научных работ широчайшего диапазона.

Оставшиеся в Сибири дети и потомки декабристов внесли свой весомый вклад в изучение истории региона, и в частности, в зарождение сибирского декабриствоведения. Многие из них самими условиями сибирского существования были обречены на бедность, нищету, бесправие и по существу лишены привилегий дворянского сословия, не говоря уже об имущественных правах. Напомним, что им, как и их отцам, по амнистии было формально возвращено дворянство. Но если дети декабристов от жен-дворянок (Волконские, Трубецкие, Анненковы и др.) смогли и на деле оказаться в рядах привилегированного сословия, то дети жен-сибирячек, как правило, по своему реальному социальному положению влились в среду сибирских разночинцев, сыграв, благодаря кровным и бытовым связям с местным населением, особую роль в становлении сибирской интеллигенции (Даревская 1981, 132).

Катарина Клингзайс

ЗАМУЖЕМ, ЗА АВСТРИЙЦЕМ: ЖЕНСКИЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ В РАССКАЗАХ О МИГРАЦИИ

Настоящая статья была написана в рамках исследовательской работы, целью которой является изучение процессов идентификации в условиях миграции с помощью методов нарратологии и дискурсивного анализа. Работа строится на материалах интервью с русскоязычными жительницами Вены, собранных автором в 2000—2001 годах. С согласия респонденток интервью записывались на аудиокассеты и затем расшифровывались. Таким образом возник корпус текстов, доступных для дискурсивного анализа, т.е. для изучения актуализированных в этих рассказах элементов (нарративов, аргументаций, объяснений, общепринятых принципов и т.п.), посредством которых рассказчицы идентифицировали себя по социальной, национальной/этнической, гендерной осям.

В фокусе данной статьи находится, с одной стороны, гендерная и национальная/этническая специфика идентификационных процессов в условиях миграции, а с другой — особенности пересечения этих идентификационных процессов в рассказах мигранток¹. В первой части статьи излагаются теоретические и методоло-

¹ Данная статья является частью более широкого проекта по изучению субъекта в миграции, проводимого автором под руководством Ренаты Ратмайр, профессора, заведующей кафедрой славянских языков Венского экономического университета. Первый этап проекта — «Женские идентичности между культурами. Дискурсивный анализ автобиографических рассказов русских иммигранток Вены» — финансировался Научным фондом г. Вены (октябрь 2000 — сентябрь 2001 года), второй этап — «Странствующие мифы. Дискурсивные процессы в русских автобиографических рассказах о миграции» — был организован при финансовой поддержке Научного фонда Австрии, FWF, (проект P16107-G03, ноябрь 2002 — апрель 2004 года).

ЗАМУЖЕМ, ЗА АВСТРИЙЦЕМ: ЖЕНСКИЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ...

гические основы данной работы, вторая часть посвящена анализу трех конкретных примеров.

Дискурс и субъект

Использованные в данной статье концепты «субъективность», «идентичность» и «дискурс», как и представления об их взаимосвязи, восходят к именам таких теоретиков, как Луис Альтюссер, Мишель Фуко и Джудит Батлер. Работы этих авторов, посвященные теории субъектности, в значительной степени близки идеям, разработанным в свое время в текстах бахтинской школы. Ключевым моментом, объединяющим работы указанных теоретиков, является их интерес к диалектическим отношениям между *материальными условиями жизни людей и идеологиями*, в которых «диалектически преломляются» (Волошинов 1998, 315) эти условия. «Идеологический знак» — то, что позднее получит название «идеологии» у Альтюссера или «дискурса» у Фуко, — «создается в процессе социального общения организованного коллектива» (Волошинов 1998, 307), т.е. в процессе взаимодействия социальных групп с «разнонаправленными социальными интересами», вследствие чего «в каждом идеологическом знаке скрещиваются разнонаправленные акценты» (Волошинов 1998, 317). Дискурс, таким образом, с одной стороны, является *следствием общения* групп с несовпадающими интересами, а с другой стороны, сами эти интересы могут выражаться только в терминах *уже существующих* в обществе дискурсов.

Кроме того, работы этих авторов — начиная с Волошинова и заканчивая Батлер — отличает пристальное внимание к проблемам *взаимоотношения* идеологии и человеческого сознания, или — в более современных терминах — к проблемам взаимоотношения дискурсов и субъектов. Особое внимание эти теоретики субъектности уделяют критике механизмов, с помощью которых «господствующий класс стремится придать надклассовый вечный характер идеологическому знаку, [стремится] сделать его моноакцентным» (Волошинов 1998, 317). Как отмечал Волошинов,

сознание слагается и осуществляется в знаковом материале, созданном в процессе социального общения организованного коллектива. Индивидуальное сознание питается знаками, вырастает из них, отражает в себе их логику и их закономерность. Логика сознания есть логика идеологического общения, знакового взаимодействия коллектива <...> Индивидуальное сознание — не архитектор идеологической

надстройки, а только жилец, приютившийся в социальном здании идеологических знаков (Волошинов 1998, 306—307).

Хотя, выражая идею Волошинова в терминах Фуко и Батлер, субъекты и формируются дискурсом, именно эти самые субъекты в своей деятельности производят, воспроизводят, оспаривают общественные дискурсы, смещая привычно установившиеся акценты.

Такое смещение акцента, безусловно, наблюдается в гендерном дискурсе, где определенные выражения стали просто неприемлемыми и/или исчезли из обращения. Например, распространенное еще в 1970-х годах обращение *Fraulein* («барышня») по отношению к незамужней женщине всякого возраста, сегодня исчезло из речевых практик и большинством людей воспринимается как безнадежно устаревшее. Но это исчезновение знака тесно связано с *материальными* изменениями в гендерных отношениях, с борьбой феминистского движения за изменение правового статуса женщин в семье и в обществе, а также — по мере экономической независимости женщин — с изменением значения и статуса брака. Язык же в данной ситуации вновь продемонстрировал, как отмечал Волошинов, свою способность являться очень «чутким показателем социальных изменений» (Волошинов 1998, 312).

Именно подобное формирование субъектов в дискурсивной сфере, пронизанной властными отношениями, становится основным предметом анализа у Альтюссера, заинтересовавшегося работами Волошинова в 1960-х годах; в свою очередь, Мишель Фуко, студент Альтюссера, оказал немалое влияние на становление теоретической системы Джудит Батлер. При этом если для лингвиста Волошинова первостепенной являлась роль *слова*, т.е. дискурса, в формировании субъекта, то для Альтюссера характерно смещение акцента на роль *«идеологических аппаратов государства»* (полицию, систему образования и т.п.) в этом процессе (Althusser 1977). Позднее Фуко, работая с материалами институтов права, психиатрии и медицины, привлек внимание к *микрופизике власти*, проявляющейся в дискурсивной сфере (Foucault 1976). Наконец, философ и литературовед Батлер, используя теории психоанализа, разработанные З. Фрейдом и Ж. Лаканом, в своих работах опять выдвинула на первый план *роль языка* в процессе формирования субъективности в целом и ее гендерной составляющей в особенности (Butler 1990 и 1997).

Для Батлер «субъект», «лицо», «индивидуум» — это не синонимы. Субъект для нее — не индивид с определенными характеристиками, приобретенными в течение социализации, а дискурсив-

ный конструкт, который дает индивиду «возможность достигать и воспроизводить свою узнаваемость, которая является лингвистическим условием его существования и действия»². Так, например, наличие в языке слова «женщина» дает примерно половине носителей языка не только возможность «узнать себя» в качестве «женщины» в этом знаке, но также при помощи эпитетов, устойчиво связанных с этим знаком, сделать себя «узнаваемой» для других в рамках определенного дискурса в определенном географическом пространстве и в определенных исторических и социальных условиях³. Подобное «внешнее» и «внутреннее» узнавание себя в знаке закономерно ведет и к определенным действиям, допустимым и предпологаемым данным знаком.

Таким образом, *гендер* для Батлер — это «подвижный и контекстуальный феномен, обозначающий пункт слияния специфических культурных и исторических моделей отношений»⁴. То, что воспринимается как «Я» определенного гендера, национальности (этничности), класса или религии, возникает в процессе «распределения соответствующих качеств вдоль линий согласованности, сформированных культурой»⁵. Согласованность и последовательность личности, по мнению Батлер, являются не столько «логическими или аналитическими характеристиками личности», сколько «социально установленными и поддерживаемыми нормами узнаваемости»⁶.

Эти подходы к анализу взаимоотношений власти, дискурса и субъекта позволяют изучать феномен миграции в несколько иной перспективе. В отличие от социологических исследований, направленных прежде всего на выявление того, как субъекты ориентируются в определенных социальных и культурных условиях (на-

² «The subject is the linguistic occasion for the individual to achieve and reproduce intelligibility, the linguistic condition of its existence and agency» (Butler 1997, 11).

³ Например, «женщина — слаба, нежна, терпелива, готова страдать» или, наоборот, «женщина — сильна, компетентна, жизнеспособнее, чем мужчина» и т.п.

⁴ «A shifting and contextual phenomenon, [denoting] not a substantive being, but a relative point of convergence among culturally and historically specific sets of relations» (Butler 1990, 10).

⁵ «The appearance of an abiding substance or gendered self» [...] is «produced by the regulation of attributes along culturally established lines of coherence». (Butler 1990, 24)

⁶ «... the “coherence” and “continuity” of “the person” are not logical or analytical features of personhood, but, rather, socially instituted and maintained norms of intelligibility» (Butler 1990, 17).

пример, справляются с поиском жилья, устройством на работу и т.п.), в данном случае при анализе миграции в центре внимания оказываются процессы, происходящие с самим субъектом. Что именно делает из человека «мигранта»? И что это значит для его/ее «самовосприятия», его/ее субъективности? Почему «француженка или англичанка», как мы увидим в эмпирической части статьи, не являются мигрантками в том смысле, в каком являются мигрантками «русские»?

«Мигрант», таким образом, — это не признак человека, это *дискурсивный конструкт*, в котором пересекаются властные отношения общества — юридические, административные и бытовые. Однако этот конструкт может иметь вполне материальные последствия — как в виде разнообразных физических препятствий, так и в виде доступных моделей «самовосприятия» и «узнаваемости», соответственно ограничивающих спектр возможных действий. Анализ последствий дискурсов, формирующих субъективности моих респонденток, и является основной задачей настоящей работы.

Рассказ как способ изучения субъективности

Если сферой производства субъективности является общественный дискурс с его повествованиями (см.: Сандомирская 2001 и Mueller-Funk 2002), то изучение *автобиографий* может стать одним из эмпирических подходов, позволяющих понять специфику формирования субъективности. Ведь именно в автобиографических рассказах воспроизводятся и трансформируются общественные дискурсы, в них люди ссылаются на определенные дискурсы и оспаривают или опровергают другие. Соответственно рассказ о «самом себе» можно рассматривать как следствие выбора определенной субъектной позиции — какой бы временной она ни была — в пространстве существующих дискурсов.

Материалом исследования являются нарративные интервью с русскоязычными жительницами Вены, в разное время (1970—2000-е годы) и по разным причинам выехавшими из Советского Союза или СНГ. Интервью, как правило, длились полтора-два часа: в первой части респондентки рассказывали историю своей миграции, а по окончании рассказа отвечали на вопросы интервьюера, призванные уточнить или дополнить уже сказанное. Таким образом, роль интервьюера целенаправленно сводилась к минимуму: рассказчицы сами определяли спектр и последовательность

событий для своих автобиографий — факт, играющий важную роль с точки зрения процесса идентификации.

При проведении интервью использованы методы качественного социологического исследования, разработанные такими социологами, как Ансельм Л. Стросс (1994) и Ральф Бонзак (1999). При отборе респонденток я стремилась достичь как можно большего разнообразия в отношении возрастных характеристик, времени эмиграции, а также исходных тем⁷. Интервью велись на русском или немецком языке и, как уже отмечалось, с согласия респонденток, записывались на аудиокассеты для последующей расшифровки. На сегодня собрано десять интервью (планируемое количество — двадцать).

При анализе интервью помимо содержательной стороны интересующего меня вопроса (включая их идеологические измерения) я старалась учитывать нарративные и лингвистические особенности производства текста. Эта задача решалась с помощью использования взаимодополняющих инструментов *нарративного анализа*, предложенных Микэ Балом (1997), и методов лингвистически ориентированного *дискурсивного анализа*, сформулированных Норманом Фэрклофом (1989), — авторов, которых объединяет особый интерес к речевым механизмам воспроизводства и коммуникации идеологий.

Используя методологию Бала и Фэрклофа, восходящую к работам русских формалистов, я буду рассматривать нарративы мигранток на трех уровнях: на уровне *фабулы* (хронологии событий), на уровне *сюжета* (организации материала) и на уровне *текстуальной реализации сюжета/фабулы*. В основе такой структуры анализа лежит идея о том, что дискурсы/идеологии вписываются в текст повествования по-разному. На уровне *фабулы* автор делает определенный выбор из общего числа возможных (автобиографических) событий. На уровне *сюжета* происходит «фокусирование» («перспективирование») элементов фабулы с определенной «точки зрения», благодаря которому автор «управляет» восприятием читателя/слушателя и решает вопрос о том, какое значение придать

⁷ Согласно Строссу, из самых первых полученных данных исследователь должен формулировать первые гипотезы, на основе которых делается решение о выборе дальнейших респондентов с целью охвата как можно более разных аспектов заданной проблемы, которые могут и модифицировать первоначальные гипотезы. Стросс называет свой подход «theoretical sampling» (cp. Strauss 1994, 70).

фабуле⁸. И, наконец, на уровне *реализации текста* можно проследить особенности как употребления определенной лексики, метафоры, так и введение дополнительных тем при помощи разнообразных комментариев и описаний.

На собственно лингвистическом уровне, наряду с анализом лексики, через которую осуществляются социальные классификации («интеллигентные люди» vs. «простые официантки»), эмоциональные окраски и т.п., стоит рассмотреть и *синтаксические особенности* текста (например, присутствие пассивных конструкций, в которых исчезают действующие и ответственные лица), а также такие категорические *формулировки*, как «женщина должна...» или *обобщения* типа «русский мужчина» и т.п.

Целью подобного анализа собранного материала является не установление статистических закономерностей, а — как отмечает финский социолог культуры Перти Аласуутари (1995, 152) — «локальное объяснение». При таком подходе к материалу каждый отдельный случай (рассказ) рассматривается как *индивидуальный* пример возможных *типичных* ситуаций, что оправдывается социальным, трансиндивидуальным характером коммуникации и осмысления/значения. Несмотря на всю индивидуальность отдельных судеб, повествовательные модели, аргументы и комментарии, использованные для артикуляции, всегда имеют узнаваемый социальный характер.

Именно анализ этого *социального измерения* каждого автобиографического рассказа (и осмысления автором своего «Я» в этом рассказе) и является целью данной работы. Анализ, при котором «типичность» отдельного случая, рассмотренного в сети своих дискурсивных и социальных взаимоотношений, позволяет использовать каждый последующий случай для придания дополнительных штрихов общей картине, для усиления ее выразительности и информативности. Такие дополнения и усиления могут модифицировать объяснения на метауровне (связанном с вопросом о субъективности в условиях миграции), но они не в состоянии опровергнуть действительность предыдущих случаев. Отклонения и несовпадения говорят лишь о сложности и противоречивости социальных смыслов.

⁸ Например, «предоставляя слово» другому характеру действия в автобиографическом тексте, можно придать эффект объективности собственному поступку: «Моя соседка, она выслушала в тот период мои жалобы с сочувствием, она действительно очень меня понимала, и все. Она мне тогда сказала: “А почему вы не разойдетесь? Разойдитесь!”»

Три рассказа о браке

В этой части своей статьи я остановлюсь на анализе трех интервью с русскоязычными жительницами Вены. Специфика выбранных интервью состоит в том, что рассказ о браке с австрийцем играет здесь существенную роль в идентификации женщин. Хотя гендерная идентификация непременно имеет место в каждом интервью — и в каждом общении вообще, — стремление вывести ее на первый план наблюдается далеко не всегда. В семи из десяти интервью гендерные идентификации остаются скрытыми, т.е. не являются для рассказчиц сознательно употребляемым механизмом идентификации. В случаях, о которых пойдет речь ниже, гендерные идентификации приобрели отчетливое выражение, сплетаясь с «национальными» идентификациями рассказчиц.

*Русская женщина с грузинской кровью:
«Я, конечно, страдаю...»*

Тамара⁹ уехала еще из Советского Союза в середине 1980-х годов в возрасте около сорока лет вместе с австрийским мужем и ребенком. Ко времени проведения интервью она прожила в Вене более десяти лет.

Повествование Тамары о своем выезде из Советского Союза является переплетением двух аргументационных линий: в основе рассказанного поступка лежат две разные и трудно совместимые мотивации — желание иметь «нормальную» семейную жизнь с австрийским мужем, с одной стороны, и желание «бросить все это», т.е. Советский Союз, с другой:

В принципе я же отважилась, так сказать... я не отважилась на эмиграцию... [пауза] Я влюбилась.. [пауза] Я же вышла замуж... Не только влюбилась, так сказать, у нас ребенок родился уже там... Это у меня как-то, ну, просто не было другого выхода... другое... Так сказать, судьба сама распорядилась за меня... Ну, конечно, я не могу сказать, что там не сыграл вот этот, тот момент, именно момент такой психологической эмиграции, что не сыграл свою роль... Конечно... безусловно, сыграл... потому что... я безумно ненавидела тот режим... тот строй и устройство... и все...

Свою субъектную позицию, которую респондентка решила занять в обществе, следуя более или менее сознательному выбору,

⁹ Все имена — вымышленные.

т.е. свое самоопределение перед лицом женщины-интервьюера, она очерчивает в течение первых пятнадцати минут интервью. В рассказе о себе Тамара предстает как женщина благородного происхождения, антисоветски настроенная и симпатизирующая, хотя и, по ее собственным словам, не принадлежащая диссидентским кругам 1960—1970-х годов. Тезис о благородном происхождении, с одной стороны, может быть ретроспективной интерпретацией собственных антисоветских взглядов в контексте «дворянского возрождения» в России начала 1990-х годов; с другой стороны, эта характеристика является важным фактором идентичности респондентки в ее австрийском настоящем:

Я могу себе представить, что если б я тогда прочитала книгу Лотмана¹⁰... я бы просто заливалась бы слезами... я бы просто... Сейчас для меня это просто, так сказать, прошлое... А тогда это для меня это было, это было мое внутреннее настоящее... вот эта вот книга.... (К: Угу) Внутренне я жила вот в *том* мире... И все, что реалистически окружало меня... это был просто кошмар...

Ну в принципе я происхожу из очень такой семьи... у меня родословная уходит в четырнадцатое столетие... Семья наша была очень богатая и достаточно знатная... Я могу показать вам родословное дерево [*смеется*]... Ну вот... Ну, что ж... я думала... если нужно было принести вот такую жертву... разорение, так сказать, моей семьи... но если бы от этого хоть кому-то стало лучше... а ведь тут никому не стало лучше... всем стало только хуже... Ну, у меня ненависть, накапливалась, конечно, раздражение из-за этой грубости..., из-за того, что я не могла по-настоящему карьеру свою построить и сделать... поскольку я, когда я поступала, мне было семнадцать лет, когда я поступала в институт... Ну, такая... идеалистка я была, конечно, ужасно... я очень далека была от жизни от реальной; в общем-то, я реальности практически не видела, я видела только те картины, которые рисовало мне, так сказать, мое сознание... А я думала, что... ну, хорошо, может быть, я хоть что-то смогу в этом ужасном мире изменить...

Это «благородное происхождение» как элемент идентичности, — вне зависимости от того, порождено ли оно чтением Лотмана и различных публикаций в Интернете (из которых можно узнать свое родословное дерево) или берет свои корни в семейных преданиях, которые повлияли в свое время на молодую студентку, — и представления, связанные с этим «происхождением», отражаются в укладе жизни (*habitus*) рассказчицы, становясь существенным аспектом ее мигрантской идентичности.

¹⁰ См.: Лотман (1994).

Повествование, которое последовало за исходной сценой, описанной выше, оказалось трагическим. В середине 1980-х семья решила переселиться в Вену — родной город мужа. Благодаря переезду, по словам Тамары, реализовались надежды на другие условия жизни: она наслаждалась устроенностью быта и «вежливостью» людей в общественных местах, в магазинах и учреждениях. Хотя наслаждение это оказалось неоднозначным: радость респондентки омрачалась той скрытой враждебностью, с которой относились к ней как к иностранке:

Вот, и конечно, что меня здесь обаяло и привлекло в Вене, что меня тоже заставляло плакать, но уже совершенно другими слезами — слезами умиления и восторга, — это вот, эта вот удивительная вежливость. С другой стороны, конечно, я с самого начала видела и не обольщалась этой вежливостью; я и видела, что за этой вежливостью скрывается далеко не любовь, что это, ну, привычка, и даже наоборот... часто бывало такое, что я вижу, что вот эта вот женщина, она бы меня бы сейчас бы, вот эту аузлэндершу¹¹, лучше всего бы в порошок стерла... Но тем не менее она остается со мной вежливой... (К: Угу...) Я думала, ну, слава Богу, лучше б меня вежливо ненавидели, чем меня грубо, чем, как меня там грубо любили, так сказать [*смеется*] в кавычках...

Надежды Тамары на личную жизнь не сбылись: переезд превратился в многолетнее разочарование. Привезя свою семью в Вену, муж обеспечил ее хорошей квартирой, а потом бросил на произвол судьбы, скрывал от жены заработанные деньги, заключил без ее ведома страховочные контракты, в которые утекли большие суммы из семейных доходов, прятал от нее соответствующие полисы. Повествование завершилось тем, что — за несколько лет до интервью — пара разошлась.

Представления моей респондентки о семейной жизни значительно расходятся с рассказами о ее *реальной* жизни. Процитированное ниже мнение о «культурной задаче» жены необходимо, безусловно, воспринимать как с учетом его психологической функции объяснения и оправдания собственных поступков, так и в связи с конфликтными мотивациями переезда в Австрию, на которые сама рассказчица указывает в самом начале своего повествования («любовь» и «заманчивая роскошная Вена»). Несмотря на свой идеализированный характер, эти позиции являются важным элементом идентичности моей респондентки, позволяющей ей сохранять свое достоинство, находящееся под угрозой:

¹¹ От немецкого слова «Ausländerin» (иностранка).

Я, так сказать, задачу свою, жизненную, женскую, культурную задачу видела, как жены декабристов¹². Если бы, конечно, не в Вену, если бы, вот, он жил бы где-нибудь там, за полярным кругом, и так далее... я, наверно, еще с большим восторгом поехала бы туда, и наверно, даже с гораздо большим восторгом я бы поехала туда, чем в Вену... потому что там уже меня никто не мог упрекнуть, что я еду туда за какими-то благами...

При этом в своем рассказе Тамара прямо апеллирует к феминистскому дискурсу, с которым она сталкивается в Вене и который для нее в момент интервью воплощается в лице женщины-интервьюера:

Я с таким удивлением думала, да, конечно, да, я, конечно, страдаю, это все так... но это же не повод, чтобы расходиться [смеется]... Но это уже для ваших [обращаясь к женщине-интервьюеру], так сказать, феминистских размышлений [смеется] хороший материал [смеется]... Но никуда... никуда не денешься... это лежит, так сказать, в женщине... Если ты хочешь оставаться женщиной в какой-то степени, это все равно, это должно в тебе остаться...

Несмотря на то что респондентка в данной цитате (и ниже) противопоставляет себя — как «русскую женщину» — австрийской «феминистке» (в лице женщины-интервьюера), из ее формулировок вовсе не следует, что она настаивает на «русскости» своей позиции; напротив, она подчеркивает общечеловеческий, универсальный, хотя и мифологизированный¹³, характер своей ситуации. Сходным образом объясняется и мотивация мужа: ее муж нехорош не потому, что он — австриец, но потому, что он не соблюдает те нормы поведения, которые рассказчицей считаются общепринятыми нормами поведения мужа и жены в семейной жизни:

¹² По словам Елены Здравомысловой, в 1970-х годах в диссидентских кругах образ «жен декабристов» переживал возрождение, и женщины исполняли роль музы и возлюбленной, а также преданной жены, жертвующей собой ради презираемого, страдающего гения. Жены диссидентов печатали и распространяли рукописи и выступали хозяйками на собраниях мужей в своих квартирах (см.: Zdravomyslova 1999, 23—35).

¹³ Как отмечал Ролан Барт, формулировки типа «никуда не денешься», «женщина» (в смысле «все женщины»), указывая на претензии говорящего на универсальную правду, являются признаками идеологизированной речи или мифологизации. По мнению Барта, миф — это высказывание. Он определяется не предметом сообщения, а тем, как данное сообщение высказывается. Миф — это форма высказывания, задача которой состоит в том, чтобы конкретно-историческое и случайное казалось естественным и вечным (см.: Barthes 1964).

Значит, само собой разумеется, что я беру... раньше я отвечала только за себя, а сейчас я взяла на себя ответственность за семью. Я это сделала добровольно, я это сделала сознательно, значит, это тот груз, который я должна нести как можно более добросовестно. Это значит, что все, что у меня есть, это принадлежит семье. Другое дело, что в семье мы можем тоже внутри, так сказать, этого общего договора, мы можем тоже какие-то маленькие договоры заключать; давай сейчас распределим так, так и так... Вот это — сюда, такая сумма — сюда, такая сумма — сюда, а вот это... я желаю, чтоб это была своя личная сумма, так сказать, так?.. Очень хорошо. Нормально. (Ж: Угу...) Но это должен быть договор. (Ж: Да.) А не так, что одному принадлежит абсолютно... но, с другой стороны, я... русская женщина, с грузинской кровью, воспитанная в довольно патриархальных условиях... в довольно патриархальной семье... У нас всегда считалось так, что мужчина, конечно, глава семьи, мужчина решает, мужчина распоряжается, особенно в такой ситуации, когда я сейчас не зарабатываю денег... ээ... зарабатывает он, естественно, но... при всем при этом это общее, общая структура, она такая... но... Так или иначе, в общем-то, то, что я видела в жизни, как вот мой отец, например, он не считал, что деньги, которые он за... да.. Это он зарабатывал. Да. «Я зарабатывал». Да. «Я даю». Да. «Я кормлю вас». «Вот посмотрите, какой я хороший, какой...» Он это делал не то что с удовольствием, а он себе представить не мог, как можно по-другому. Он себе представить не мог...¹⁴

Вернемся еще раз к способам вербальной реализации, использованным в процитированном высказывании, к тому, как категории гендера и национальности/этничности пересекаются в рассказе Тамары. Сочетание характеристики «русская женщина с грузинской кровью» с описанием «довольно патриархальных условий, патриархальной семьи» можно воспринимать как элементы личного опыта семейной жизни рассказчицы, которые обусловили, в свою очередь, ее взгляды на семейные роли женщины и мужчины в целом. «Русскость» и «грузинская кровь» в данном случае служат символами конкретного опыта в конкретно описанных социальных и исторических условиях («мой отец, например, считал...»). Анализируя собственную социализацию в процитированном отрывке, Тамара пытается понять сама и дать понять мне свой семейный идеал.

При анализе употребления респонденткой местоимения «мы», «у нас», «нам», «наш», являющихся важными лингвистическими

¹⁴ Хотелось бы заметить, что эти представления о распределении ролей в семье почти в тех же словах автор данной статьи в свое время слышала от своей матери, родившейся в 1930-х гг. и проведшей почти всю жизнь в тирольской деревне.

указателями идентификации, возникает следующая картина: «мы» Тамары относятся: к *собственной семье* (с мужем и с ребенком), к *семье ее родителей*, к тем *советским людям*, которые вместе с ней страдали от советских условий жизни¹⁵, к *русской культуре* и к *сообществу русскоязычных людей*¹⁶, к человечеству в целом¹⁷, и, наконец, к *коллегам* на курсах немецкого языка в Вене. Надо заметить, что, хотя респондентка является гражданкой Австрии, на протяжении всего интервью «мы» ни разу не использовалось для описания сообщества австрийских или венских жителей. Зато подчас враждебную реакцию австрийцев на ее русский акцент респондентка объясняет так: «Если взять старшее поколение, пережившее войну, то для них мы все-таки победители... мы большой народ, нас не любят, нас боятся». Здесь мы имеем дело с распространенным механизмом идентификации с каким бы то ни было нелюбимым «мы», если против этого «мы» выступают «другие».

Надо, однако, отметить, что по сравнению с национальной/этнической принадлежностью социальная принадлежность в сознании Тамары играет более важную роль. Для репрезентации социальной принадлежности она использует следующие классификационные категории: «интеллигентные» vs. «недостаточно интеллигентные» люди; «богатые», «знатные», «состоятельные», «интеллигентка» vs. «прислуга», «официантки»; «женщина-врач» vs. «маленькая продавщица» и т.п.

Национальная принадлежность становится существенной только в тот момент, когда, по мнению рассказчицы, австрийцы подвергают сомнению ее *социальную* идентичность из-за ее русского акцента, ее статуса «ауслендерши». Например, в следующем отрывке дискурсивное переплетение гендерной, социальной и национальной идентичностей оказывается особенно очевидным. Рассказчица сообщает о случае недопустимых «фамильярностей» со стороны одного мужчины, причину которых она видит в своем русском происхождении:

¹⁵ «Наш быт», «мы боялись рот открыть», «когда я, как и все, страдала... вынуждена была терпеть все, что терпели мы...».

¹⁶ «Мы уже... по-русски это сразу понятно, что это такое [вынести из семьи], «я на мужа, так сказать, так, чисто по-русски... ведь здесь это не принято, у нас это очень принято, так сказать, свою семейную жизнь, свои душевные дела, интимные дела обсуждать с подругами...».

¹⁷ «Если б мы никогда никому не завидовали, то мы ничего и не добивались бы в жизни».

...как он себя со мной вел!.. Он похлопывал меня по плечу, он пытался меня... я первый раз в жизни его вижу... Он обнимал меня, так сказать, на кухне, как будто мы с ним уже [*ироничным тоном*] *старые, закадычные друзья*. Так не ведут себя с-с-с... так ведут себя с прислугой... похлопывать по плечу... слава Богу, не по попе... Нет. Этот, этот мужчина, он не к любой женщине так подойдет... Была бы это женщина, предположим... меня представили бы... предположим... я вот не «русская», там... которая вот так... а предположим, что меня вот представили бы... а... скажем, француженкой или англичанкой, или австрийкой, сказали бы, да? а... мало того, значит, еще бы сказали бы, что я миллионерша или состоятельная... Вы думаете, он подошел бы ко мне... он меня похлопывал бы по плечу?..

Объясняя наглое поведение австрийского мужчины своей русской «национальностью/ этничностью», Тамара, на мой взгляд, «отвечает» на те устойчивые дискурсивные конструкции, из-за которых в австрийском обществе «русские женщины» оказались увязанными с «легкой сексуальной доступностью» и «сомнительным социальным положением»¹⁸. Подобное сочетание негативных

¹⁸ С одной стороны, есть вполне серьезные издания, утверждающие, что, например, ежегодно в Западную Европу нелегально вывозят около 50 000 женщин из России (*Le Monde diplomatique* 1999, 4, 18–19); с другой стороны, благодаря «желтой» прессе в Австрии возникает довольно специфический образ «русской мигрантки». В качестве экспресс-анализа я просмотрела статьи в рубрике «Местная хроника» ежедневной газеты «Die Neue Kronenzeitung», которая в расчете на численность населения страны является газетой с наивысшим тиражом в мире. За период с 1 января 1999 года по 8 ноября 2001-го я обнаружила 12 статей/заметок, в которых речь идет о русских женщинах. В трех из них сообщается о задержании русской женщины полицией на основании нелегального пересечения австрийской границы, в одной — о новой жизни знаменитой в Вене русской бизнес-леди, которая пять лет назад, после длительного судебного дела в связи с нелегальными деловыми практиками была признана невиновной, а недавно вместе с любовником, бывшим полицейским, который в свое время производил розыск по ее делу, открыла шикарный ресторан в престижном районе Вены. Еще одна статья касается истории женщины, насильственно увезенной австрийскими фашистами в Австрию на принудительную работу; в другой статье русская женщина оказывается ни о чем не подозревающей женой австрийского грабителя банка. Кроме того, в хронике «русских женщин» можно узнать о русской цирковой артистке, о русской женщине, оказавшейся «профессиональным вором», о русской нарушительнице правил уличного движения, а также о прибытии в Вену знаменитой теннисистки Анны Курниковой, которая «в Вене покажет, что она умеет и — имеет». Картина дополняется образами русских мигранток в развлекательных программах немецкоязычного телевидения, где, по моим

представлений/ожиданий с определенной «национальностью/этничностью» или «культурой», по определению некоторых теоретиков, является расистским дискурсом¹⁹.

Тамара, русская интеллигентка «из благородной семьи», симпатизировавшая в свое время диссидентским кругам в СССР, женщина с традиционными представлениями о половых ролях в семье, в довольно элитарных категориях определяя свою позицию в социальной иерархии, не узнает себя в доступном/предложенном ей дискурсе. В свою очередь, и ее отказываются узнать в том виде, в котором она репрезентирует себя. Несмотря на то что описанный дискурс, воспроизведенный поведением австрийца, не оставляет Тамаре возможности для положительной идентификации, своим «окликом» (Althusser 1977, 140) он тем не менее локализует ее как «русскую женщину» с «соответствующими качествами», ставя под сомнение зыбкие основания ее мигрантской идентичности, постоянно сисящейся примирить две причины переезда в Вену.

Фрукты во фритюре: «странная история»

Одной из главных психологических функций рассказа Людмилы, женщины лет тридцати, является попытка оправдать отъезд с лю-

наблюдениям, русские женщины фигурируют, как правило, в роли барменши, танцовщицы стриптиза, проститутки с просроченными документами или убийцы собственного мужа (ср., например, популярный немецко-австрийский детективный сериал «Tatort» («Место преступления») или совместную телевизионную продукцию Швейцарии, Германии и Австрии 1999 года «Beresina oder Die letzten Tage der Schweiz» («Березина, или Последние дни Швейцарии»), сатиру на швейцарское общество, в которой молодая российская проститутка регулярно оказывает услуги склонному к разным перверсиям старому швейцарскому генералу, выпытывая при этом у него информацию, необходимую для выполнения заказа хитрой политической интригантки). К сожалению, систематического исследования тематики пока не имеется.

¹⁹ Роберт Майлз определяет расизм как такое идеологическое производство смысла, при котором социальная группа конструируется как обособленная и самовоспроизводящаяся. При этом данная идеология ссылается на реальные или воображаемые биологические признаки этой группы («этничность», «кровь» и т. п.), которые дискурсивно связываются с другими, отрицательно оцениваемыми, биологическими и/или культурными признаками. Следствием, а подчас и целью такой дискурсивной политики является отказ таким образом конструированным группам в правах, которыми пользуются другие группы того же общества (ср.: Miles, Robert 1991, 189—218).

бимой родины, где рассказчица была счастлива. Способная молодая преподавательница гуманитарных наук с научными амбициями, Людмила жила в крупном российском городе. Знакомые стали предлагать ей хорошую работу в Вене. В течение года Людмила отказывалась от настойчивых приглашений, но в 1996 году, вскоре после развода со своим русским мужем и очередной невыплаты зарплаты, когда «рухнуло все, что вообще могло рухнуть в России», молодая женщина со многими оговорками — «максимум на два года» — согласилась принять предложенную работу и переехать в Вену.

Новый город в рассказе Людмилы предстает в противоречивом виде. С одной стороны, это место, абсолютно несравнимое с ее родным городом: коллеги по учебе не интересуются книгами, кинематографом, не ходят на выставки, в 20—25 лет ведут себя по-детски. В то время как, по словам Людмилы,

мы в 25 лет — это совсем другое было, да?.. То есть мы были как военное поколение, скажем так... Как *вот* люди на войне, да? Когда была война, в 25 уже тоже не было девочек и мальчиков... Были взрослые люди.

Коллеги по работе показались ей тупыми: «Там было не о чем говорить... Они ничего не знали... Это было такое, вообще, такое серое царство... невероятно совершенно».

С другой стороны, это же место в глазах рассказчицы неожиданно для нее самой обнаруживает и свои достоинства: не только венский вариант немецкого языка оказывался положительным сюрпризом²⁰, но и с удивлением для себя она «успела даже полюбить Вену». «С удивлением» — потому что она «не ожидала, что [может] полюбить еще какой-либо город, кроме города Н».

В этом городе, уверенная в себе и в своей профессиональной компетентности, молодая женщина совершает ошибку. Не догадываясь об этом, Людмила выходит замуж за наркомана, который в конце их совместной жизни крадет все ее сбережения и золотые украшения. Данный период жизни ставит под серьезную угрозу уже сформулированную идентичность и требует ее соответствующей нарративной переработки в сюжет, способный восстановить пошатнувшуюся конструкцию идентичности рассказчицы. Напомним в этой связи высказывание Мюллера-Функа (Mueller-Funk

²⁰ «...он, может быть, не только таким “гав-гав-гав”, а ... может быть плавным... может иметь музыку, да?»

2002, 91), который справедливо заметил, что мы «рассказываем одну историю, чтобы избежать необходимости рассказать другую».

Рассказ о браке с австрийцем разворачивается под знаком «странной истории», в контексте постоянного ощущения «странности» и «необычности» новой среды, ощущения, которое не покидало Людмилу в течение ее первых месяцев жизни в Вене. Тема «странности», использованная рассказчицей, указывает на те интерпретационные проблемы, с которыми она столкнулась в «совсем другом мире» и которые, по моему мнению, призваны объяснить, почему умная молодая женщина, прожив восемь месяцев в одной квартире со своим будущим мужем, так и не поняла — или не захотела увидеть? — что он наркоман. Да, собственно, и сам «этот человек», с которым Людмила познакомилась спустя полгода после приезда в Вену, оказывается одним из звеньев цепи «постоянных сюрпризов» и «необычного». Подчеркивая, что «человек», почти два года являвшийся ее мужем, «настолько отличался от наших мужчин», Людмила лишь усиливает его «странность».

Рассказ о браке начинается со встречи на катке, за которой — на третий день знакомства — следует предложение. Людмила сначала отклоняет его как несерьезное и нравственно сомнительное: «Я говорю, это что, нормально? Ты... всех на третий раз спрашиваешь, когда они замуж...» Но молодому человеку удается убедить ее в том, что она — его судьба, так как он всю жизнь ждал именно ее. В следующей цитате Людмила рисует картину семейной идиллии, объясняя, в чем именно заключались «постоянные сюрпризы»:

То есть то, как он ухаживал за мной, да? Цветы там, я не знаю... какие-то мелочи, вот, проявления внимания... я такого не пере... никогда не знала. Я не знала, что мужчины могут так себя вести. Что они могут быть такими нежными, что они... что они могут... не... скажем, стыдиться того, что вот можно, там, целоваться на улице... или как-то вот проявлять знаки внимания друг к другу в обществе, а не только дома, когда никого нет. Да? (Ж: Угу.) Потому что мой муж, вот он был как бы... он был мужчина, да? Вот при друзьях н е л ь з я! Вот «нельзя» подойти просто так, начать там трепать там за волосы или там вот... Это будет унижать мужское достоинство, да? (Ж: Угу.) А здесь, оказывается, это мужское достоинство совсем не унижало... Восемь месяцев как бы каждый... сначала восемь месяцев, потом уже как бы, когда мы поженились, то же самое, каждые выходные, в субботу, он вставал где-то, я не знаю, во сколько часов он там вставал, с утра, он бежал в магазин, покупал мне свежие ягоды какие-то, да? Там, чернику, или малину, или клубнику, или что он там найдет, делал мне свежие ягоды со сбитыми сливками, потому что мне это очень нрави-

лось. Вот готовил какой-то завтрак немыслимый совершенно, то он там какие-то блины пек. Он постоянно что-то выдумывал. Какие-то фрукты он там überbacken²¹ вот во фритюре, еще что-то. Я поверить в это не могла. То есть, я поверить не могла, что... У нас не бывает такого. Понимаете?... <...> У нас не бывает, чтобы мужчина вспрыгнул ради женщины с утра и побежал в магазин, чтобы приготовить ей завтрак. Это, как бы... У нас это делают женщины. (Ж: Угу) У нас мужчины делают много других вещей, которые здесь, может быть, но как бы вот этого вот... Это было настолько приятно... ни разу не вызывал какого-то сомнения в чем-то, что как бы через восемь месяцев мы действительно поженились.

Удивляет Людмилу и то, что австрийские женщины и мужчины могут прожить совместно много лет, но так и не решиться на брак — ситуация, которую она прокомментировала так: «Или это тот человек, с которым ты останешься на всю жизнь, или это не тот человек. Тогда не надо с ним проводить девять лет».

Хотя основная психологическая задача процитированных наблюдений о «странности» и «необычности» заключается в стремлении оправдать ситуацию, при которой собственная ошибка, несмотря на то что логика рассказа рисует женщину, которая все нити своей жизни крепко держит в своих руках, стала возможной, эти наблюдения тем не менее указывают на дискурсы и практики, из которых формируется субъектность Людмилы и посредством которых, как мы увидим ниже, она утверждает свою «русскость».

За несколько месяцев до свадьбы молодой человек начинает «страшно худеть», а на озабоченные вопросы Людмилы отвечает, что это — печень; на все ее предложения сделать операцию молодой человек вновь и вновь отвечает ей: «Попозже». Вечером в день свадьбы молодая жена в ванной находит шприцы. Она грозит мужу срочным разводом, но тем не менее продолжает жить вместе с ним. Только после того как, воспользовавшись рождественской поездкой Людмилы в Россию, муж снял все ее деньги со сберегательной книжки и продал совместные свадебные подарки для того, чтобы купить наркотики, женщина уходит из общей квартиры.

В свете этого трагического финала «странный» австрийский вариант мужественности лишь усиливает характерные для поведения Людмилы акценты на различности русских и австрийских мужчин. Этот акцент приобретает особый смысл в связи с употреблением этой респонденткой местоимения «мы» («у нас»,

²¹ Запеченные.

«наш»). «Мы» используется ею практически исключительно в смысле «мы, русские»²², включая и «мы — русские женщины», «мы — русские молодые люди»²³, за исключением тех случаев, когда в состав «мы» входили австрийский муж и (русские и австрийские) работодатели.

Как и у Тамары, «мы» или «у нас» здесь никогда не употребляется в смысле «мы — жители Австрии» или «у нас, в Австрии», хотя Людмила тоже имеет австрийское гражданство. Любопытно, что при этом местоимение «мы» употребляется несколько раз в своеобразной версии «мы» и «наши мужчины», смысл которой колеблется от «мы, женщины из нашей компании, и наши мужья» до «русские женщины и русские мужчины вообще». Эта амбивалентность значения создает эффект «большого семейства», включающего в свой состав всех русских молодых женщин и мужчин, — эффект, который традиционно используется разнообразными «национально-патриотическими» идеологиями. Используя подобную дискурсивную стратегию, Людмила воспроизводит мифологическую гендерную модель с характерным для нее, как отмечал Роланд Барт, превращением конкретно-исторического и случайного в якобы естественное, неоспоримое и вечное:

Ну, вот, короче, все разрушилось [речь идет о кризисе 1996 года]... да, вот, у всех. А наши мужчины начали пить. Наши мальчики там — да? — они начали пить. Причем как, да? Это было *страшно* [пауза, рассказчица борется со слезами]. У нас чуть-чуть другое, может быть, отношение к мужчинам вообще. У нас другая позиция женщины в стране, да? В культуре, точнее, не в стране... <...> И у женщин другое отношение к мужчинам... вот мы не хотим эмансипации, знаете?.. Как бы сознательно не хотим. Потому что, *вот* это *вот*... этого тонкого, тонкого... тонкие — тонкие игры не хотим нарушать... Мы не смотрели на наших мужчин, которые, вот... плакать, естественно, не могут, да? Вот ну так, как *там* говорят; берут водку, *там*, уходят на кухню и запираются там, да? Чтобы *как бы* мы не видели... [плачет, длинная пауза]²⁴.

²² Означает ли это «мы» и «мы — советские люди», сказать трудно. Слово «советский» ни разу не употребляется в рассказе данной респондентки.

²³ «Мы» делали по две, по три поездки в год, походы, туризм это был или просто поездки по России... Мы хотели посмотреть Россию. Мы хотели сначала Россию нашу [посмотреть]».

²⁴ Сходную модель Людмила использует и в рассказе о своей работе менеджером по закупкам товаров в одной русской фирме: «То есть мы прекрасно же видим, что носят наши мужчины, что носят наши дети, что любим мы».

Акцентируя различие гендерных моделей, определяя одну из них как «русскую» и ассоциируя себя именно с ней, Людмила совершает сознательный акт идентификации перед австрийской женщиной-интервьюером, демонстрируя при этом способности успешно ориентироваться в австрийской среде (учится в австрийском вузе, имеет хорошую работу, имеет австрийских и русских друзей и т.п.).

И все-таки в контексте рассмотренных теорий формирования субъекта подобные акты идентификации далеко не всегда совершаются произвольно: выбор идентичности не тождествен процессу выбора товаров в супермаркете. Как свидетельствуют приведенные материалы, мигрантки используют для нарративной конструкции своих жизней прежде всего те дискурсы и практики, которые неразделимо связаны с историческими и социальными условиями, в которых они выросли и которые формировали их субъективности, а также те дискурсы, в которых они «оказались» в процессе своей миграции и которые подчас ставят под сомнение и дестабилизируют их идентичность. Восстанавливая при помощи риторических и нарративных механизмов целостность и непрерывность своей идентичности, люди конструируют автобиографические сюжеты, с которыми можно жить, преодолевая таким образом угрозу своей субъективности.

Как следует из теорий Фрейда и Лакана, процессы формирования субъекта структурируются не только сознанием, но и бессознательным, которое управляет эмоциями и желанием. В этом контексте приобретает смысл нижеследующее высказывание Людмилы о необходимости сохранить определенные гендерные ритуалы различий, вне которых «выбрать одного» становится невозможно:

Так вот, эмансипация, да? Она... она... не должна происходить во всех областях жизни... Вот мне кажется... вот найти вот эту тонкую грань, может быть, это есть самое важное. Потому что то, что мы добиваемся *вот* в нашей карьере, на работе, это само собой. Там... нет никаких разниц, да? Потому что там не надо брать в руки отвертки или *там* думать, как сейчас менять тут это самое... шины *вот* летние на зимние, да? Или *вот* какие-то там технические-бытовые проблемы. Мы в жизни должны оставаться в области, которые закреплены за женщиной и закреплены... которые закреплены за мужчиной. Потому что, если их не оставить, то не понятен смысл. Существование двух людей — зачем? Если я все и так могу, зачем? *Вот* чтобы мне там приятно провести вечер? Хорошо, тогда есть несколько людей, с которыми я приятно провожу вечер. Как из них выбрать одного *вот*... то есть...

После ухода красных:
«хочется наслаждаться жизнью»

С точки зрения дискурсов и практик якобы «русской» гендерной модели рассказ Анны, третьей респондентки, не противоречит уже рассмотренным случаям. Отличительным качеством этой автобиографии является специфическая субъектная позиция, с высоты которой Анна воспринимает эти дискурсы и практики.

Историю своей эмиграции из Советского Союза Анна, молодая женщина, которой во время проведения интервью (ноябрь 2000 года) было двадцать три года, рассказала за несколько минут. В 1991 году четырнадцатилетней она приехала в Австрию вместе со своими родителями и младшей сестрой из города К. на Дальнем Востоке России. Официально эта поездка считалась «отпуском», и, кроме бабушки, никто не знал, что семья планирует остаться в Австрии. Поездка с пятилетней сестрой, по словам рассказчицы, была утомительна: сначала летели из К. в Москву, потом поездом ехали на Украину, к другой бабушке, и, наконец, на машине — через Польшу в Вену. На польской границе их долго задерживали, маленькая сестра ничего не понимала, плакала и т.п. Но, когда они приехали в Вену, Анна — по ее словам — «немало изумлялась».

Оказалось, что «эмиграция» касается не столько самой Анны, сколько ее родителей. Ее же собственная история — это история «интеграции». Однако рассказ об этом возникает не как результат собственной инициативы, а в процессе диалога, в котором маленьким нарративам респондентки (Р) предшествуют вопросы интервьюера (И). Нужно заметить, что из десяти опрошенных Анна является единственной респонденткой, выразившей желание отвечать на вопросы на немецком языке; при этом ее немецкая речь имела четко выраженный австрийский диалектный акцент, характерный для провинциального города, в котором рассказчица сначала жила и в котором посещала женскую гимназию при женском монастыре²⁵.

И: То есть ты уже раньше знала немецкий язык? Ты в школе в России уже его учила?

²⁵ Выдержки из интервью переведены на русский язык автором. Анализ делается на основе немецкого оригинала.

Р: Нет. В России — нет. Значит, я сюда приехала в четырнадцать лет настоящим революционером; в первые три месяца вообще отказывалась учиться немецкому, говорила: «Нет, этому языку я не буду учиться», потому что... он меня просто не интересует, потому что... я все равно не хотела оставаться здесь. У меня были первые друзья в городе К. и... все там было так весело, и... [к интервьюеру] у тебя нет бумажного платочка?

И: Есть.

Р [сморкается]: Я как-то категорически отказалась тогда учиться немецкому языку...

И: Значит, ты вообще не хотела ехать сюда?

Р: Ну... в отпуск — да. Но остаться — ни в коем случае.

И далее:

Р: Я была революционером. Я — такая, я изменяться не стану! А потому что-то случилось, оказалось, что это мне только во вред, и тогда я поняла, что делать нечего, надо приспособиться.

И: М-м... А что случилось? С этим связано какое-то событие?

Р: Да-а, например, моя одна коллега, из моего класса... она сидела прямо за мной, и... это было еще в то время, когда я еще не так хорошо знала немецкий язык, но это я хорошо помню... я не понимала вопрос преподавателя, просто не понимала слова, а она меня сзади ударила по голове, то есть, ручкой своей довольно сильно по голове... ударила. Даже кожу поранила, приговаривая что-то в смысле, «посмотрим, какой толщины эта русская голова». Вот... точно не помню ее слова, а примерно так она сказала [смеется]. А это для меня было шоком, потому что тогда я наконец-то поняла, что они меня не признают, несмотря на весь мой прогресс, на огромный прогресс, который я сделала в немецком языке, который просто никто не видел.

Примерно через год после приезда рассказчица начала «чувствовать себя хорошо»: «Со временем все стало лучше. Когда более или менее справилась с языком, у меня проблем уже не было, отрицательных переживаний уже не было, кроме обычных женских ссор». Именно на фоне этих усилий быть такой, «как и все остальные», нужно воспринимать и нижеследующие высказывания респондентки о ее первом браке и о втором браке «без регистрации» с австрийцами. Вопрос гендерных отношений в этом интервью — в отличие от предыдущих — тематизируется не самой респонденткой, а мной, интервьюером:

И: А вы рано замуж вышли, да?

Р: Да, это была такая идея моей матери. Замужество. С моим первым мужем.

И: Да?

Р: Да, конечно, потому что... в этом не было необходимости. Она это слишком всерьез восприняла.

И: Понятно.

Р: Ведь... в России это просто так: познакомишься с человеком в семнадцать, выходишь замуж за него в восемнадцать, сразу появятся дети, и это так останется на всю жизнь.

И: А дети у тебя не появились?

Р: Нет [*смеется*], не появились. С этим я не тороплюсь. Если по желаниям матери, то у меня было бы, вероятно, уже пятеро, но я подумала: ну, хорошо, выйти замуж — пожалуйста, если ей так хочется. А детей — нет, это мое дело. А это было затеяно матерью очень ловко... [*Смеется*.] Это замужество. Мне кажется, если бы по моей воле, мы никогда не поженились бы. Просто у нас так было принято, и так как мать для меня является авторитетом, я не осмелилась противоречить ей. Я подумала, пусть будет, как она хочет, потом она все равно увидит, что из этого выйдет. А сейчас она сама об этом сожалеет.

И: Ну да!

Р [*смеясь*]: Да. Ну... а с теперешним другом мы имеем общую квартиру в Вене, и собаку. Она у меня осталась. Ребенок от первого брака. [*Обе смеются*.] Да, ее я взяла с собой, а от всего другого я отказалась, а собаку взяла с собой, потому что... она моя.

В этом небольшом нарративе и речи нет о каком-то святом, тайном взаимоотношении полов (русских или австрийских): первая половина рассказа описывает практику, знакомую Анне по ее собственному детству в России и, возможно, благодаря примеру ее родителей. Правда, эта практика репрезентируется как «русская». Соответственно решение пойти — против желания матери — на «брак без регистрации» в структуре данного повествования приобретает символическое значение победы над материнской волей в конфликте между поколениями и одновременно выступает в качестве оппозиции тому, «как было принято в России».

И все же рассказ Анны о ее опыте «интеграции», с характерными высказываниями типа «а потом я переехала в Вену учиться, как все», выдает сильное желание соответствовать «общепринятому» среди ее ровесниц и ровесников в Австрии. Однако, в отличие от предыдущих респонденток, потребность идентифицировать себя с определенной национальностью путем идентификации с той или иной гендерной моделью в данном случае не наблюдается. Даже в тех случаях, когда Анна отмечает, что «никогда не могла бы жить с русским мужчиной», она отзывается о русских клиентах, с которыми имеет дело на работе, как о «довольно остроумных, непри-

нужденных и крутых парнях». Речь в данном случае идет не столько о какой-то специфически русской мужественности, сколько об определенной практике, которая несовместима с ее собственными представлениями (которую она, однако, склонна распространять на «русских мужчин вообще»). На мой вопрос: «А почему нет?» — она отвечает своеобразно:

Я не знаю. Мы ссоримся, есть столько... вещей... на которые мои родители смотрят уже совсем по-другому, чем я; например, вопрос основания семьи... они не понимают, что хочется наслаждаться жизнью и что, скажем, двадцать четыре года — еще не поздно для рождения детей, или даже в тридцать лет еще не поздно... они это не признают. Но это не потому, что они такие консервативные, а потому, что они русские, потому что у нас так было принято.

Очевидно, респондентка ставит текстуальный знак равенства между дискурсом и практиками, знакомыми ей по жизни ее родителей, и теми дискурсом и практиками, которые стали ей известны в результате общения с мужчинами-коллегам по работе, которых она классифицирует как «нуворишей» и которые для нее репрезентируют «русских мужчин вообще».

Примечательно в этой связи и то, что эта Анна — единственная из десяти интервьюированных — в своем рассказе использует местоимение «мы» (и соответственно «у нас») попеременно и по отношению к России/русским, и по отношению к Австрии/австрийцам. Любопытно, что в тех случаях, когда «мы» и «у нас» относятся к России/русским, оно — за одним исключением — сочетается с глаголом в прошедшем времени²⁶, с помощью которого рассказчица — несознательно — формирует свое «прошлое мы». Для Анны в ее австрийском настоящем то, «как принято в России», уже не является ориентиром²⁷. Однако это не означает, что Анна не считает себя «русской», хотя бы — как она выражается — «по менталитету». Но артикуляция этого осознанного «мы» приобретает весьма специфическую форму: «Русские всегда бывают категоричными и прямыми, а мы просто такие и есть, а не другие. А австрийцы, наверно, умеют формулировать вещи чуть более дипломатично». Наглядным примером непроблематичности сосуществования австрийского «мы» Анны в настоящем с «мы» ее советского/русского про-

²⁶ «Нам как жителям бывшего концентрационного лагеря... ведь К. был построен политическими... заключенными... при Сталине и так далее и поэтому... нам предоставили множество льгот».

²⁷ Ср.: «Ведь... в России это просто так» и «Просто у нас так было принято».

шлого является следующее высказывание. Проводя параллель между, с одной стороны, приходом к власти в Австрии в феврале 2000 года коалиции из правой и ультраправой партий и, с другой стороны, концом Советского Союза, Анна объясняет мне: «Ведь это у нас сейчас в маленьком масштабе то же самое. После ухода красных [смеясь] нам придется за все заплатить. А примерно так и было у нас».

Этим переплетенным австро-русским «мы» Анна отличается и от Тамары, настоящее нарративное «мы» которой включает в себя «сообщество русскоязычных и представителей русской культуры», «человечество как таковое», но не Австрию или австрийцев, и от Людмилы, для которой «мы» ее настоящего — это «мы» мифологизированной «русскости».

Заключение

Хочу отметить, что среди моих друзей и знакомых есть несколько русско-австрийских пар — с детьми и без детей, — которые довольны и счастливы... Однако друзья и знакомые в круг моих респондентов не входят, а незнакомые счастливые респонденты мне пока не попадались. Процесс исследования открыт, и каждое новое интервью чем-то дополняет постепенно складывающуюся картину. Несмотря на всю свою неполноту — и принципиальную незавершенность — определенная обобщенная картина процессов субъективности и идентификации у русскоязычных мигранток в Вене все-таки возможна.

Например, образы «потенциальных» и «состоявшихся» мужей — и русских, и австрийских, — сконструированные в интервью с женщинами, как мне кажется, вряд ли позволят нам узнать о том, какими на самом деле являются «австрийские» или «русские мужья». Зато эти образы позволяют нам судить как о специфике дискурсов о гендерных отношениях, так и о тех механизмах, благодаря которым эти дискурсы становятся существенными при формировании идентичности русскоязычных жительниц Вены. «Преломляясь» как в зеркале, в рассказах женщин отражается не только лицо русского/советского общества. В такой же мере из этого зеркала смотрит на нас и лицо — подчас некрасивое — австрийского общества.

Елена Гапова

ЖЕНЫ «РУССКИХ» ПРОГРАММИСТОВ, ИЛИ ЖЕНЩИНЫ, КОТОРЫЕ ЕДУТ ВСЛЕД ЗА МУЖЧИНАМИ

Икру и все самое необходимое мы
покупаем в русском магазине.

Марина, жена программиста

Эта статья — попытка «связать конкретный опыт проживания в семье в различных точках времени и пространства с более крупными социальными структурами и процессами» (Муравьева 2001, 7) — посвящена реконфигурации домашних ролей и распределению власти в семьях «русских программистов» за рубежом. Она также затрагивает те «переговоры» относительно своего статуса, в которые неизбежно вступают такие семьи, пытаясь позиционировать себя в более широкой социальной общности чужой культуры. «Программистами» принято называть специалистов по информационным технологиям (ИТ), даже если они и не заняты собственно программированием («кодированием», на профессиональном жаргоне, хотя большинство занимается именно этим). «Русскими» на Западе считаются выходцы из бывшего СССР, независимо от национальности, к которой они сами себя относят, или «страны исхода».

Суть проблемы состоит в следующем. На рубеже тысячелетий ИТ превратились в тот «всеобщий золотой эквивалент», которым измеряется уровень развития, мощи и благосостояния государства. В США, например, существуют два главных показателя состояния экономики: общий индекс Dow-Jones и индекс NASDAQ, регистрирующий только колебания стоимости акций компаний, занимающихся информационными технологиями.

Несмотря на то что страны Запада являются безусловными лидерами по степени распространения ИТ как в бизнесе, так и в повседневной жизни, спрос на специалистов в этой сфере не может быть удовлетворен их собственными человеческими ресурсами.

Соответственно западные компании видят выход «в поиске талантов там, где инженеров больше, чем хороших рабочих мест» (Photonics Spectra 2000, 86). И политика благоприятствования въезду, и соответствующие визовые программы для специалистов по высоким технологиям в последние годы были одобрены правительствами Германии, Великобритании и других государств первого мира. Только в США хайтеки¹ прибывают по рабочей визе для квалифицированных специалистов (виза H-1B) в количестве 160 тысяч человек в год, в основном из Индии и Китая, хотя в последнее время стал весьма заметен приток из бывшего СССР. Это напрямую связано с развалом советского военно-промышленного комплекса — в прошлом основной сферы разработки и использования высоких технологий в нашей части света, хотя главной причиной миграции является «внекультурность» самой профессии, которая, не будучи привязана ни к какой конкретной культуре, может быть реализована где угодно.

Супруги (и дети) специалистов по новым технологиям получают на Западе формальный визовый статус «иждивенцев», *dependents* (т.е. «зависимых» в буквальном переводе), который не дает права на работу и подразумевает полную экономическую и социальную зависимость от партнера. Сегодня предполагается, что программистами должны быть в основном (достаточно молодые) мужчины, так как профессиональная миграция женатых мужчин социально приемлема, и они свободны — в социальном смысле — для передвижения по миру в гораздо большей степени, чем женщины.

Соответственно ожидается, что «партнеры» программистов следуют за ними, имея иждивенческий статус; и женщины гораздо охотнее, чем мужчины, идут на это, потому что их собственные профессии обычно оплачиваются гораздо хуже. В тех редких случаях (мне лично известны всего два), когда программистки привозили с собой мужей по иждивенческой визе, и тем приходилось оставаться дома и заниматься детьми, дело обычно заканчивалось либо возвращением всей семьи домой, либо разводом, после которого жена с детьми оставалась в Америке, а муж возвращался на родину.

Таким образом, для того чтобы весь «глобальный проект» ИТ, включающий перемещение большого количества специалистов, успешно работал, должны быть соблюдены некоторые «гендер-

¹ От «high-tech» — высокие технологии.

ные» условия. В этой связи уместно вспомнить, что ИТ, развиваясь как милитаризованная сфера (из которой женщины практически были вытеснены), и раньше в значительной степени опирались на соответствующую структуру семьи с традиционным распределением ролей (в дальних гарнизонах, на полигонах, в закрытых городах и т.п.).

«Жены программистов» как особая группа, сформировавшаяся в результате двух процессов — глобальной миграции и профессиональной сегрегации по признаку пола, — до сих пор были обойдены вниманием в исследованиях как по проблемам утечки мозгов, так и по феминизации бедности. Они ведь не являются ни собственно «мозгами», ни той феминизированной рабочей силой из стран третьего мира, в значительной мере обеспечивающей существование экономики бытовых услуг мира первого и состоящей по большей части из женщин-мигрантов. Теоретически «жены программистов» являются средним классом, формально же — «иждивенцами». Однако ни то ни другое определение не описывает ни внутреннего взаимодействия, ни процесса «переговоров» о распределении власти, которые имеют место в таких семьях.

Эта статья опирается на 13 частично структурированных интервью, которые я брала у специалистов по новым технологиям и у членов их семей (выходцев из Белоруссии, России и Украины) как в Америке, так и в Белоруссии, а также — в значительной степени — на включенное наблюдение. Именно личные наблюдения за субкультурой и повседневной жизнью этой среды помогли выделить проблемные области и явились ключевым моментом в выработке гипотез. Некоторые сведения были получены из интернетовских форумов, созданных и поддерживаемых программистами — выходцами из бывшего СССР для обсуждения проблем, связанных с миграционным опытом. Такие русскоязычные сайты «для своих» в последние годы во множестве появились в виртуальном пространстве Америки и Канады.

Вопросы интервью группировались вокруг больших тем: ИТ как «глобальный феномен» (основанный на взаимозависимости между различными регионами) и как «мир мужских смыслов», во-первых, и осмысление женщинами своего нынешнего положения в семье и за ее пределами, во-вторых. В этой статье я лишь курсивно буду касаться материалов, не относящихся непосредственно к семье, хотя все время помню о том, что структура семьи предопределена более крупным социальным процессом. Проинтервьюированным мною женщинам было «немного за тридцать», все они

до приезда в Америку работали, одна сама являлась специалисткой в области новых технологий, почти все с высшим образованием, ни одна не имела собственной значимой карьеры. Среди обстоятельств, которые заставляют делать определенный выбор, это последнее я рассматриваю как чрезвычайно важное: в семьях, где жены имеют собственную карьеру, научную степень (работники университетов, ученые), жизненные стратегии могут значительно отличаться от описанных.

Американский вариант

Визовая политика, не оставляющая жене приехавшего в Америку программиста какого-либо иного выбора, кроме как быть домохозяйкой, основана на представлении об определенной структуре семьи. Однако положение формально «неработающей» женщины, которую содержит муж, может иметь различные смыслы в разных социальных ситуациях.

Когда такая структура семьи возникает в условиях новой постсоветской социальной стратификации, она обычно связывается с представлением о «новых богатых» и воспринимается как показатель мужского статуса и успешной маскулинности. Очевидно, начало и самому этому процессу («возвращения» женщин домой), и его интерпретации («показатель зажиточности») было формально положено тогда, когда, озабоченное падением рождаемости, советское правительство увеличило оплачиваемые отпуска по уходу за ребенком до трех лет, а неоплачиваемые — до шести. Более всего, конечно, этот шаг может рассматриваться как косвенное признание осознания обществом той антропологической закономерности, что уровень биологического воспроизводства зависит от степени включенности женщин в «производство пищи» (работу вне дома, общественное производство — в зависимости от того, какое общество мы имеем в виду), так как «работа, выполняемая женщинами, должна быть совместима с беременностью и лактацией» (Хубер 2000, 84). Адаптируя этот вывод к нашему времени, можно сказать, что, так как у работающих женщин детей меньше — они делают в жизни иные выборы, — то более богатое общество всегда пытается «освободить» женщин для воспроизводства, отобрав у них возможность выбора.

С другой стороны, увеличение отпусков явилось свидетельством еще и того, что, став богаче, советское общество начало вос-

принимать ситуацию, при которой мужчины не имели системного превосходства над женщинами в обладании ресурсами (в какой-то степени имели, конечно, но в целом женщины зависели не от отдельных мужчин, а в гораздо большей степени от государства как «отца»), как «неудобную». Когда в самом начале перестройки Михаил Горбачев в качестве одной из перестроечных целей назвал освобождение женщин от двойной нагрузки (на работе и дома), чтобы они могли лучше исполнять материнские обязанности, он выражал именно эту общественную озабоченность. Характерно, что параллельными задачами были объявлены гласность и демократизация.

Освобождение от двойной нагрузки теоретически может быть осуществлено различными способами — например, использованием наемного труда других женщин для помощи по дому или возросшим участием мужчины в домашних делах. Последний вариант никогда серьезно не обсуждался: например, никогда не рассматривалась необходимость каких-то мер для того, чтобы мужчины действительно брали отпуск по уходу за ребенком. «Освобождение женщин» было эвфемизмом, необходимым для дискурсивного оправдания реконфигурации рынка труда (вытеснения оттуда женщин либо их перемещения на его низшие уровни) и публичной сферы вообще. Сетуй на потерю обществом «моральных ориентиров» и другие социальные недуги, газеты писали в начале 1990-х (и продолжают писать сейчас), что

с раннего детства из сознания девочек вытравливается представление о необходимости, об удовольствии, о прелести, наконец, о святости домашнего труда, труда на свою семью, на своих детей, на своего мужа, а значит, и на собственное счастье (*Літаратура і мастацтва* 13 лютага 1996).

Одновременно с тем, что женщины должны были увидеть себя прежде всего женами и матерями, мужчинам предстояло превратиться в кормильцев (а также хозяев и профессионалов). Постсоветское представление об успешной мужественности включает возможность содержать семью и иметь неработающую жену, которая занимается домом и детьми. Для реализации этого идеала необходимо не только, чтобы мужчина достаточно зарабатывал, но и чтобы женщина в принципе зарабатывала меньше (и, возможно, поэтому была согласна не зарабатывать вообще, рационально оценив свои шансы на рынке труда). Один из респондентов на вопрос о том, что стало с профессией жены (преподавательницы музыки)

в связи с переездом в Японию, а потом в США, ответил: «Я получил неплохую работу там, и это давало нам возможность так жить, чтобы Таня могла не работать» (Виктор). Как и Горбачев, он не задумывался о потенциальной возможности другой конфигурации семьи и считал «естественным» право женщины оставаться дома, хотя на самом деле это право во многом основано на том, что зарплата учительницы музыки несравнима с программистской.

Все вышесказанное означает не то, что в постперестроечное время таковыми стали большинство семейных сценариев (семейные конфигурации сейчас гораздо более разнообразны, чем, например, при социализме), а лишь то, что семейный идеал воображаемого западного среднего класса стал социально приемлемым и даже желанным и что общество озаботилось тем, чтобы значительная часть женщин была вытеснена (хотя бы временно) с рынка труда. Одна из респонденток, 33 лет, обосновала согласие ехать необходимостью «все равно сидеть дома с ребенком, хоть в той стране, хоть в этой»:

Когда все это дело обсуждалось, естественно, в расчет бралось, что работа у него будет интересная... то есть если бы не было Маши, если бы я ходила по-прежнему на работу, наверное, я по-другому бы как-то думала об этом. Поскольку я решила, что я все равно должна сидеть дома три года в декретном, то мне нетрудно было принять такое решение... впервые вопрос такой встал еще до того, как появилась Маша, и тогда разговоры, конечно, были совсем другие, потому что речь шла о том, что да, ему здесь работа, а я как бы при нем и мне... Ну это не очень интересно было для меня, потому что сидеть просто дома и ничего не делать — это трудно. Когда появилась Маша... вопрос решился проще из-за того, что тут я сижу сейчас с ребенком, и там я бы так же сидела дома (Лиля).

Как известно, «женщины часто сталкиваются с большими трудностями при согласовании семейной жизни с другими аспектами своей биографии» (Хорнунг 2002, 151) в связи как с «непреодолимыми обстоятельствами» (кормить грудью могут только женщины), так и социальными ожиданиями:

Вспоминая первый год ребенка, я просто не представляю себя вышедшей на работу. По многим причинам. Может, материнский инстинкт проснулся, может, еще что, но это была моя работа в тот период времени (Вика).

Однако кормление не длится три года (и более), женщины же «все равно» сидят дома, часто даже в тех случаях, когда — теорети-

чески — могли бы работать, например, имея специальность, связанную с новыми технологиями. Пол как социальный фактор процесса профессиональной сегрегации наиболее значим именно в начале карьеры: в связи с появлением ребенка молодые женщины уходят из профессии (сначала полагая, что временно) прежде, чем успевают достичь в ней стабильной позиции. По словам одной из респонденток, «потом ребенок, и все. Потом поезд ушел» (Таня). При первичном поступлении на работу самым важным фактором является образование (т.е. подтверждение наличия необходимых для выполнения работы знаний); женщины, оставшись однажды дома, не могут потом преодолеть структурные ограничения, т.к. рассматриваются уже как не имеющие необходимых знаний и квалификации. В некотором смысле они «теряют диплом»: «Ну вот я прихожу устраиваться. Меня спрашивают, где вы работали, какие проекты делали. Я говорю, что вот как бы нигде. Ну, понятно, что никто дальше разговаривать не хочет» (Таня).

Окружающие же нередко считают, что женщины просто не прилагают достаточных усилий для поиска работы. На вопрос о том, почему женщина, имеющая связанную с компьютером специальность, не работает (живут в одной из стран Восточной Европы, ребенку около трех лет), друг семьи дал «структурированный» ответ:

— Ей это не нужно. У нее муж есть. Шутка. Прикрывается ребенком. Хотя Саша (который находится на работе полный день. — Е. Г.) занимается ребенком не меньше времени. По крайней мере, в моем присутствии. Немного отстала от технологии, сложно конкурировать по срокам. На моей памяти это произошло при рождении ребенка. А сейчас обленилась и не берет себя в руки (Борис).

Здесь структурные причины (жена не имеет рабочей визы, занята ребенком, ее включенность в социальные сети информационного обмена, необходимые для получения работы и перемены визы, ограничена, объективно потеряла квалификацию и т.д.) заменены идеологическими: представлением, в целом характерным для бытового сознания мужской программистской среды, что ей это «не нужно» и «лень», т.е. женщина в принципе маркируется как «непродуктивная». Такое определение непосредственно связано с дискурсивным конструированием мужчины как кормильца; вместе с тем оно позволяет оправдать тот порядок вещей, который, давая преимущества в социальной жизни, действительно позволяет ему быть кормильцем.

Итак, «неработающая» жена обычно является «предметом гордости» и в определенной социальной среде рассматривается как свидетельство высокого статуса и финансового положения мужчины. Однако в семьях программистов или других квалифицированных специалистов за рубежом ситуация оказывается более сложной. До переезда и муж и жена работали или, по крайней мере, женщины имели профессию, в которую предполагали вернуться. Теперь же «профнепригодность» жены (и соответственно отсутствие рабочей визы) в другой культуре является причиной ее маргинального положения: она не работает «не от роскоши»:

Я не думаю, что женщины, которые приезжают сюда по Н4 (иждивенческой визе), претендуют на свою работу прошлую. Они приезжают сюда с мужьями, с детьми, именно для того, чтобы семья вместе была, а не чтобы тут миллионы какие-то заработать, и я думаю, что многих женщин устроила бы работа хоть какая, на неполный день, ну вот чтобы отвлечься от дома, чтобы помочь семье материально, ну вот чтобы не чувствовать себя как-то ущербной в этом обществе (Лиля).

Муж и жена хоть и составляют одну семью, индивидуальная социальная мобильность каждого из них в структурных условиях, определяемых визами, имеет разную направленность или, по крайней мере, разную значимость. Если мужской статус достаточно высок и стремится вверх — он профессионал в новой и престижной сфере, получает высокую зарплату, содержит семью («все на нем» и ответственность огромна) и репрезентирует ее в публичной сфере, то женская социальная мобильность «неоднозначна». Именно этот термин использует Рачел Парренас, автор объемного исследования, посвященного филиппинским женщинам, которые мигрируют в страны Запада в качестве домашней прислуги и которых она называет «слугами глобализации». Парренас говорит о противоречивой социальной мобильности этой группы (Parrenas 2001, 150). С одной стороны, происходит снижение социального (профессионального) статуса мигранток, так как на родине эти женщины, многие из которых имеют высшее образование, работали в школах и даже колледжах. С другой стороны, происходит «повышение финансового статуса», так как женщины, работающие нянями или сиделками (часто нелегально, о чем, впрочем, знает вся Америка и на чем в значительной мере держится американский вариант гендерного равенства), содержат оставшиеся на родине семьи.

Приблизительно такой же процесс — неоднозначной социальной мобильности вследствие преобразования профессионального

различия в статусное неравенство — характерен для семей программистов. Жены, конечно, не покидали свою страну в поисках лучшей доли в том смысле, в каком это верно для филиппинской домашней прислуги (или прислуги из бывшего СССР — группы, все более заметной на Западе). У них нет материальных проблем в смысле «а что мы будем есть завтра? Можем ли мы позволить себе сходить к зубному?». Однако к зубному врачу они ходят по страховому полису, на котором указана фамилия мужа, и, являясь «иждивенками», имеют финансовую стабильность именно и только как члены семей иностранных специалистов. Теоретически им незачем работать прислужкой в чужом доме, однако со временем почти все начинают (нелегально) подрабатывать едва ли не единственным доступным им способом: присматривая за детьми и стариками в американских или эмигрантских семьях, нанимаясь перед праздниками в магазины, т.е. выполняя работу, которую никогда не согласились бы делать на родине в качестве средства заработка:

Здесь я не пошла бы работать бэбиситтером, естественно... хотя никакую работу не считаю зазорной... но там для меня... любая работа была бы в тот момент интересна. Я бы рассматривала любой вариант (Лариса).

Женщины говорят, что «это все-таки какое-то занятие и лишние деньги — для себя и вообще» (Ира), т.е. рассматривают их как свой вклад в семейный бюджет. Обычно эта работа считается временной, преходящей, а самое главное, какой-то «внешней», не определяющей ни статуса, ни образа жизни семьи. Занимаясь ею, женщины ведут себя так, как если бы принадлежали к «интеллекции» (в американском случае — среднему классу, хотя это, конечно, разные понятия). Например, они ходят на выставки, т.е. делают то, чего обычно домашняя прислуга не делает и что ей «не положено по статусу». Ни в коем случае эти женщины не считают себя входящими в группу «прислуги» и, посредством использования отдельных элементов некоторого стиля жизни (которые могут себе позволить по причине высокой зарплаты мужа), стремятся утвердить привычный статус.

Подобное социальное расслоение в рамках одной семьи вообще характерно для эмигрантов интеллектуальных профессий. Многие из тех, кто выехал в свое время из СССР (как беженцы или по программе воссоединения семей, так как других возможностей тогда не существовало), столкнулись с тем, что только один из супругов (обычно муж, чья работа чаще бывает связана с техникой,

т.е. вненациональной сферой) сохранил специальность, в то время как жена «ищет какую-то работу», «что-то делает», «где-то работает». Иными словами, приспосабливается к ситуации, «переквалифицируясь» на занятие, которое не может быть определено как «интеллигентная профессия» в том смысле, как это понималось в советское время.

Неравенство (как позиция в социальной иерархии) есть «результат продолжающегося некоторое время взаимодействия между институциональным устройством и индивидуальной биографией» (Waggen 2002, 433). И многие бывшие научные работники, библиотекари, искусствоведы, экономисты почти наверняка оказываются, когда получают возможность легально работать, в магазинах, офисах или на социальной работе (все тот же уход за стариками и инвалидами).

Маргинальная социальная позиция женщин с иждивенческим статусом, даже если она не вполне осознаваема или, по крайней мере, не высказана как таковая (в ответ на прямой вопрос), так или иначе проговаривается, чаще всего «через деньги», как некий всеобщий отношенческий эквивалент. Одна из респонденток, теоретически не стесненная в деньгах (в разумных пределах), рассказывая, кто и как распоряжается финансами, сказала:

Здесь, конечно, почти все покупки оплачиваются Сергеем, карточкой... Мне он дает деньги наличными. У меня нету карточки... в принципе надобности особой нет (через несколько лет карточка была заведена. — *Е. Г.*), потому что крупных вещей я никаких не покупаю... сразу, когда я приехала, у меня была какая-то сумма довольно крупная своя... но она быстро истратилась... вылазки по магазинам в одиночку бывают крайне редко, намного реже, чем хотелось бы... и как нужно всякой женщине иногда потратить какую-то сумму! И в принципе я не считаю, что это какой-то недостаток женщины, то есть, как говорят, как можно судить о том, как женщина ведет хозяйство: женщина может потратить какую-то сумму денег, но это никак не отражается на бюджете, что-то купить, и муж, в общем, не заметит, что купила лишние чулки или какую-нибудь дребедень. Здесь получается, что каждую, простите, фигню нужно согласовывать, ты не просто это покупаешь, но каждый раз нужно как бы морально, ну, в глубине души отчитаться, что вот мне надо, я это покупаю... Сергей как-то сам дает деньги, то есть он никогда не спрашивает, сколько там у меня есть, осталось, что я там покупала, не покупала. То есть в принципе я не скажу, что я стеснена в деньгах, но... дело здесь еще, верно, не столько в деньгах, сколько в общем нашем положении... Мы вроде бы здесь свободны. А на самом деле мы очень зависимы (Лилия).

Деньги выступают символом независимости, с их помощью осуществляется связь с миром за пределами семьи, и респондентка ощущает и описывает свою ограниченность в возможностях социального действия как необходимость «отчитываться» за них (не важно, перед мужем или перед собой), т.е. свою подконтрольность (очевидно, мнимую) в попытках действовать самостоятельно, отстраненность от принятия решений.

Однако такое признание зависимости, которое может быть получено в рамках беседы один на один (когда интервью проводится приятельницей и имеет характер доверительной беседы), никогда не делается публично. Наоборот, «перед другими» эмиграция проговаривается как текст успеха. Например, в ответ на присланный на форум «Русская Оттава» вопрос: «Там жены без языка, работы, подружек, сплетен и прочих женских радостей не звереют?» — некая «Гаяля, жена Саши» пишет:

...Наши обычные «развлечения»: шопинги по модам, кулинария, выписывание косметики и проч. по каталогам, посещение кондитерских, гуляние с детьми на детских площадках, конечно, сплетни... У многих из нас свои (отдельно от мужа и детей) персональные компьютеры — чтение новостей из России по Интернету, переписка или болтовня в «аське», дизайн и интерьер квартир, мода...

Всем нам, конечно, здесь очень нравится, а детям и того больше. Никогда не скучаем (дома 70—100 ТВ-программ), под окнами бассейнов, погода и природа замечательные. И еще. Русские женщины по сравнению с канадками все писанные красавицы: и одеваются со вкусом, и фигурки изящные... Ну, просто как королевы здесь! Я забыла про сервис написать, так вот — стирки как таковой нет, все делают автоматы, пол мыть не надо — везде ковровые покрытия, сумки носить не приходится — все возят на тележках мужчины к машинам и т.д. Уловили? И последнее: одиноких наших мужчин здесь больше, чем одиноких женщин (те обычно не задерживаются), и первые часто маются в одиночестве, ищут свою половину среди русских девчонок и завидуют хорошим семейным парам белой завистью.

В этом культурном свидетельстве, которое высвечивает множество различных аспектов (пол / культурная идентичность / социальный статус / гендерные отношения / восприятие «другого» / цивилизационная компетентность), меня интересует только то, что касается дискурсивного выстраивания статуса. Вопрос не в том, является ли этот текст в сопоставлении с предыдущим правдой или ложью (очевидно, его вообще не стоит оценивать с точки зрения позитивистской достоверности). Важен «ритуал, повторяемый бес-

численными эмигрантами, посылавшими домой письма с целью впечатлить и убедить друзей и родственников — и, возможно, самих себя, — что жизнь их изменилась к лучшему» (Hoffman 1989, 116).

Если сопоставить эти две цитаты, очевидно, что одна и та же социальная ситуация (жизнь по иждивенческой визе) может быть представлена по-разному для различных адресатов, в зависимости от того, какие ее аспекты выделяются в этой связи как значимые и какова прагматическая цель высказывания. Иначе говоря, ситуация многозначна, и сказать, что женщины, оказавшиеся в положении формальных иждивенцев, полностью зависимы и не имеют голоса в доме (т.е. что они, используя американское выражение, «босы и беременны»), было бы примитивно с точки зрения понимания семейного взаимодействия, во-первых, и неверно фактически, во-вторых. В действительности «женщины могут осуществлять над мужчинами значительный контроль, даже если этот контроль служит тому, что большинство мужчин считают (неизвестно, насколько верно) своими кровными интересами» (Charman 1999, 165). Поэтому далее я попытаюсь проследить процесс отношений «переговоров» и выявить те локусы в конфигурации семьи, где мужская власть, возникающая вследствие преимуществ внешней социальной позиции, наиболее сильно подвергается сомнению либо полностью вытесняется.

Икра как самое необходимое

Мне известен случай, когда муж, получив работу в Германии, уехал туда на несколько месяцев раньше жены. Все это время он звонил домой и посылал отчаянные сообщения, суть которых сводилась к следующему: приезжай скорее, ради Бога, я ничего тут не знаю, что есть и что покупать, что делать и куда идти после работы и чем вообще заниматься. Речь идет о высококлассном и уважаемом специалисте (он не искал работу сам, а был приглашен немецкой компанией), снявшем удобную квартиру, получающем высокую зарплату и имеющем возможность обеспечить быт и досуг. Проблема состояла в том, что он этого делать *не умел* — «не умел» не в смысле того, что не знал, как поджарить яичницу, а не умел жить один, чем-то себя занимать, организовывать свободное время и вообще находить социальный смысл в жизни вне семьи. Он принадлежит к тому советскому поколению, у которого не существовало практики отдельного проживания «нормального»

мужчины (не пьяницы, не субъекта со странностями и не гея), т.е. автономного, независимого от семьи мужского субъекта, как не существовало в значительной мере разделения публичной и частной сфер (для обоих полов, но для мужчин в большей степени) и вообще частной жизни как способа жизни. Здравомыслова и Темкина в работе о кризисе советской маскулинности отмечают, что, основываясь на практиках мужской жизни (росте заболеваемости, несчастных случаев, самодеструктивных практиках — алкоголизме, курении, неумеренности в еде), общество «рассматривало мужчин этой когорты (советских. — Е. Г.) как неудачников...», как пассивных жертв собственной природы или структурных обстоятельств и что одной из мер для исправления ситуации должна была стать забота о них «любящих женщин», включающая запись к врачам, приготовление здоровой пищи и т.д. (Здравомыслова, Темкина 2002, 435). Иначе говоря, женский контроль над мужским повседневым поведением, структуризация и организация их жизни².

«Женская власть», т.е. осознание мужчинами своей зависимости от женского умения организовать повседневную жизнь и придать ей социальный смысл, становится очевидной в тот момент, когда заходит речь об отъезде. Практически все, с кем я разговаривала на эту тему, отмечали, что мужья отказывались ехать без семьи («заработать и вернуться» либо «поехать посмотреть, а потом мы приедем»), если такой вариант обсуждался. Те, кто все-таки вынужден был это сделать, стремились вызвать ее как можно скорее, обосновывая это разными причинами, часто потребностью в психологической близости:

У нас общение друг с другом все-таки очень много значит... У нас такие отношения... мы как бы друзья... большая часть моего общения приходится на Лену. И пока Лены не было... ну, может, тут еще дело в том, что так сложилось, что я снимал квартиру с парнем одним... и мы с ним как-то не... В общем, пока Лена не приехала, было очень тяжело (Антон).

Для некоторых пар предстоящий отъезд становится решающим событием или катализатором в вопросе заключения брака; иног-

² Гегемония семейной идентичности — феномен в значительной степени поколенческий: те, кто вырос и сформировался после социализма, ведут себя уже по-другому, и для них вопрос о том, чем себя занять, возникает значительно реже. Они уже знают, что можно слушать джаз, ходить в тренажерный зал и даже прыгать с парашютом.

да даже своего рода причиной брака, который в ином случае вообще вряд ли бы состоялся. Одна из респонденток рассказала:

Мы встречались девять лет, и я предлагала, чтобы мы поженились, несколько раз, но он все как-то не решался... У меня нет высшего образования, и его родители были против... отец особенно... Потом... он узнал, что едет в Америку, и это как-то ускорило процесс... естественно, ему не хочется одному ехать, потому что он осознает это, что он будет один и что... незнакомые люди кругом, неизвестная страна, что трудности определенные будут (Соня).

Отношение мужчины к браку изменилось в связи с боязнью одиночества и трудностей жизни в незнакомой стране, с невозможностью представить себя отдельным, автономным, а также неуверенностью в собственной «брачной стоимости» в условиях эмиграции. Я называю это поведение «лейтенантским», по аналогии с тем, как иногда оказываются связанными решение о браке и предстоящий отъезд для прохождения службы у выпускников военных училищ.

Нельзя считать, конечно, что эта связь всегда такова или что она существует во всех случаях; однако часть браков во все времена заключается непосредственно по причине осознания ценности услуг, которые предоставляет семья и которые необходимы, в том числе для успешного функционирования членов семьи за ее пределами. Во-первых, семья дает «смысл жизни»: ответ на вопрос «зачем зарабатывать деньги» известен и предопределен. Во-вторых, считается, что дом — это место, где сырые продукты и безделательные товары (утюги, сковородки и стиральные машины) превращаются в еду и предметы потребления; являясь одновременно гостиницей, рестораном, прачечной и детским садом, он необходим для воспроизводства (мужской) рабочей силы — для того, чтобы та, вобрав в себя домашнюю атмосферу, поев и выпавшись, на завтра вновь отправилась производить (Коллинз 2000, 131—133). Этот постулат, давно ставший общим местом феминистской теории и первоначально относившийся к эпохе классического капитализма, описывает семью как институт «присвоения» женского домашнего труда теперь уже в постиндустриальную эру, причем в среде, которая — теоретически — более всех близка к прекрасному новому миру светлого будущего, так как ежедневно занята на работе производством технического прогресса. От многих респондентов я слышала фразу: «Для того чтобы растить детей, нужны двое». Под этим подразумевалось, что обязанностей и за-

бот так много, что, только рационально распределив их между собой, только «обеспечив тыл», можно со всем справиться.

Ролевая конфигурация, которая назначает мужчине работу, а женщине дом, создается структурными обстоятельствами — визовыми статусами, а потому на время жизни в этих обстоятельствах неизбежна. Однако ее успешное функционирование все равно является результатом переговоров и требует легитимации. У домашней работы множество недостатков, главный же из них состоит в том, что она не обеспечивает доступа к социальной власти, деньгам или престижу, который выстраивается на внесемейных обменах. Как бы ни уважали в семье бабушку, которая вырастила и досмотрела внуков, ее «ценность» за пределами семьи выражается размером получаемой ею пенсии. Ни одна женщина, выполняя ежедневную домашнюю работу, очевидно, не формулирует свою цель так: «Займусь-ка я тем, что не приносит ни денег, ни славы». Делегирование определенных обязанностей некоторым членам семьи есть процесс социальный: ситуация должна быть сконструирована так, чтобы некоторое положение дел представлялось либо как «естественное», либо как обеспечивающее выполнение проекта наилучшим образом и чтобы те, кому делегирована «грязная»³ часть работы, не подвергали бы этот статус-кво сомнению.

Традиционно для обоснования того положения дел, при котором женщины занимаются домом в большей степени, чем мужчины, используются варианты идеи о женском предназначении: женщины «интересуются» домашними делами, они лучше умеют их делать, у них особая «энергетика», они «от природы» обладают усидчивостью и терпением, необходимым, чтобы накормить кашей ребенка, когда тот не хочет ее есть.

В социальной теории нет единой точки зрения, почему женщины действительно соглашаются заниматься домашней работой (сказать, что им это нравится, сегодня не решается уже никто); существует мнение, что женщины выполняют домашнюю работу, потому что на это не соглашается никто другой, чаще оказываясь в положении, не оставляющем выбора, имея меньше шансов на рынке труда и т.п. Достоверно известно, что всего один фактор коренным образом влияет на время, которое они затрачивают на ее выполнение. Это — работа вне дома. Все остальные факторы второ-

³ «Грязь», непрестижная работа является частью многих профессий, и «уборка» передается людям с более низким социальным статусом. Например, врач осматривает больного, а санитар обмывает (Chapman 1999).

степенны, и самым значимым из них оказываются (анти)эгалитарные настроения мужа: «... мужчины принимают участие в выполнении домашней работы, если они сами этого хотят» (Goldschrider 1991, 125). Для меня же более всего важно, как и почему этот ежедневный и непрестижный, несмотря на всю риторику святости материнства, формально неоплачиваемый труд, который по своей воле никто не хочет выполнять, может становиться способом достижения власти и повышения статуса.

Социолог семьи Тони Чэпмен утверждает, что домашняя работа позволяет женщинам достигнуть власти в семье в связи с двумя обстоятельствами. Прежде всего она дает интимное знание о членах семьи и об их привычках и возможность (скорее, теоретическую) отказать в предоставлении услуг и, таким образом, манипулировать поведением членов семьи (Chapman 172). Очевидно, самый первый «документированный» пример такого рода — знаменитая греческая «Лисистрата», в которой женщины решают отказывать мужьям в «предоставлении интимных услуг» до окончания ими всех войн.

Во-вторых, тот, кто выполняет, вернее, та, кто выполняет домашнюю работу, получает возможность устанавливать стандарты порядка, чистоты, привычек, образа жизни, потребления и т.д. для всех остальных, т.е. контролировать поведение членов семьи. Власть женщины над мужчиной, приобретаемая вследствие этого, является темой бесчисленных анекдотов, фильмов и литературных произведений. Ставший для (пост)советского общества классическим пример — капризная мама из серии мультфильмов про Простоквашино, которая именно на основании того, что она весь год обслуживает сына и мужа «как крестьянка крепостная», требует летом поездки на юг (в то время как «ее мужчины» хотят ехать в Простоквашино) и вообще «крутит ими как хочет».

У приехавших в Америку нет не только дома как изначальной данности, но нет и привычного пейзажа за его пределами, и другая модель организации пространства по-иному структурирует образ жизни и формы коллективности, чем это было на родине⁴:

У нас выйдешь, знаете, выйдешь, дети на улицах играют, все гудит, пойдешь в кафе куда-нибудь, то подругу встретишь по дороге... мы с подружками вышли, прошли, там старая часть, в кафе какое-нибудь зашли. У нас очень много кафе красивых, то кого-то встретишь... а тут

⁴ Этим замечанием я обязана Завену Баблюяну.

все сели в машины и разъехались, даже в субботу... на улице никого. Вышли как-то погулять — только шум от машин проезжающих — шумух... (Ира).

Отношения между мужем и женой также в значительной степени определяются общей ситуацией, в которой находится семья:

Практически большинство женщин приезжают сюда без прав. А умение водить машину становится жизненной необходимостью. И получается, что водить машину тебя учит муж... что осложняет отношения очень многим... и это становится еще одним таким унижением, которое ты переживаешь. Потому что ты не можешь нанять себе инструктора. Инструктор учит на какой-то прокатной машине... а здесь на своей... и очень многие мужья боятся, что ты машину разобьешь... и если бы я могла сказать, я заплачу, если там будет авария, только не ори на меня... (Лариса).

Создание дружеских сетей вне формальных структур (работы, учебы, двора в микрорайоне) затруднено:

Всего, что для жизни необходимо, здесь нету. Здесь для жизни... для жизни не только ж продукты необходимы... Нету достаточного общения... не то чтобы общение с людьми — на улице поговорить. Впрочем, такое, очевидно, случается, когда ты просто в другой город переезжаешь. Пока заводятся новые контакты. Где у нас контакты заводятся? Заводятся в садике, куда ходят твои дети, или там в школе, на работе, куда ты ходишь... хотя в этом, может, у нас немножко другой стиль жизни, чем здесь на рабочих местах, говорят, не очень дружеские отношения заводят... а здесь мы предоставлены сами себе, толчемся в этой вот своей среде... общения не хватает, ну и не то чтобы не хватает работы... ну вот... женщине нужно ходить куда-то в общество, чтобы не деградировать... (Лилия).

Стратегии женщин, оказавшихся перед необходимостью создания того, «что для жизни необходимо», определяются сложным взаимодействием таких факторов, как социальный статус, экономическое положение, «родная культура» с ее традициями, образование и профессия, место проживания, собственная семейная социализация и т.д. Воздействие некоторых из этих факторов будет, несомненно, приоритетным в той общей стратегии жизни, которую я намереваюсь далее описать, выделив в ней две части: воспроизводство и переизобретение родной культуры и «интенсивное материнство» (термин Шерон Хейз).

На новом месте у программистской семьи нет ничего готового в культурном плане. Создание дома как особого физического и

социального пространства, «весь процесс освоения (обживания) можно представить себе как постепенное преобразование окружения в среду, все более полную ассимиляцию в ней вещей, людей, частей ландшафта, а также воспоминаний, словесных оборотов, образов» (Высоковский 2002, 163). Дом подразумевает создание устойчивых и воспроизводящихся связей посредством установления общего для членов семьи стандарта ценностей, повседневных привычек, домашних обязанностей, ритуалов, но прежде всего потребления как процесса, «который может структурировать (изолировать или интегрировать) людей новым способом» (Восилюте 2002, 388).

Дом, созданный в соответствии с представлениями определенной культуры, предполагает приготовление выражено национальной еды (а не просто привычной), более всего являющейся метафорой родной культуры, покупку «наших» книг и кинофильмов, посещение «русской церкви» (большинство программистов дома в нее не ходили и вообще на эту тему не раздумывали), соблюдение традиционных праздников, т.е. того, что является демонстрацией принадлежности к некоторому «воображенному обществу», способом социальной идентификации и позиционирования. «Национальная культура» — это в определенном смысле фикция (или фантазия), и частью процесса ее конструирования является, в терминологии Эрика Хобсбаума, «изобретение традиции». Как указывает Хачиг Тололян, жители диаспоры в своем стремлении сохранить связь с некоторой первоначальной традицией «производят новые коллективные идентичности и подают старые даже тогда, когда более всего стремятся сохранить именно память и корни» (Tololyan 1996, 28).

В знакомой бывшей минской семье, оказавшейся в Америке, регулярно начали подавать блины с икрой или с семгой — сочетание, которого в Белоруссии «не существует», так как отсутствует традиция такого блюда. Икру едят горожане в ресторане на бутербродах, а блины — дома утром в воскресенье. Блины с икрой, о которых известно из классической литературы, блюдо из разряда «рябчиков» или ныне экзотических вальдшнепов из тургеневских «Записок охотника», сочетают в себе две вещи. Во-первых, это блюдо исключительно «национально»: икра связана с рускостью в популярном международном воображении и стоит в одном ряду с матрешкой, балалайкой и водкой. Во-вторых, посредством икры как «элитарной» (дорогой) еды собственная национальная принадлежность артикулируется через апелляцию к дворянству или образованному купечеству, т.е. некоему «высшему» классу как но-

сителю воображенной русской традиции. В первый раз блины с икрой в той семье приготовили тогда, когда решили произвести впечатление на приглашенных в гости американских соседей.

Если икру нельзя просто намазать на «интернациональный» бутерброд, а требуется потреблять на блинах, то пекущая их женщина «заведует» ритуалом, владеет сакральным знанием и занимает позицию жреца. Ритуалы, т.е. обладающие особой значимостью повторяющиеся практики, являются одними из самых важных цементирующих семью веществ; некоторые из них (свадьбы, похороны) одновременно с этим предполагают взаимодействие с внешним сообществом и сознательные усилия, направленные на включение семьи в более широкую общность (Doherty 1997, 5). Таким образом, женщина получает еще один ресурс в переговорах о власти: неся ответственность за организацию не только жизни в доме, но и в значительной степени повседневного статусного взаимодействия с другими, она получает власть в пределах этих сфер. Пример с блинами дает также представление о том, как выходцы из бывшего СССР, попадая в общую категорию «русские», начинают, в соответствии с ожиданиями окружающих, воспроизводить некую «обобщенную» русскую культуру, хотя дома они не считали себя к ней принадлежащими, или, скорее, культуру советскую (и подавать не белорусские драники, а икру). Обучая детей грамоте на родном языке, что делается во всех известных мне семьях, матери читают им не только про Ваньку Жукова и русалку на ветвях, но также и про 9 Мая и 8 Марта. Именно матери чувствуют себя ответственными за включение детей в пространство воображенной национальной культуры:

Ну, еще я лично занималась с ними русским языком. Я просто занималась как в школе, ежедневно. Мы проходили по учебникам русским. С Витей в основном проходили русский язык. Даша еще маленькая была, с ней буквы только. Ну, книги читали русские... (Наташа).
Наши дети знают, что они русские (Виталий).

Внутри сформированных женщинами дружеских сетей организовываются «русские» клубы для детей, изучается классическая литература, ставятся спектакли, разучиваются танцы; матросский танец советского октябрьского детства соседствует с «коробейниками», и ни один Новый год не обходится без ритуала «елочка, зажгись». Эта деятельность продолжается годами.

Стараясь передать детям свою культуру, родители одновременно озабочены и тем, чтобы успешно включить их в жизнь в другом

обществе, где, очевидно, стартовые условия для них менее благоприятны, обеспечить своими нынешними усилиями их будущий высокий статус, дать им *хорошее образование*. Представления о том, что именно родители должны дать и как это следует делать, формируются в сложном переплетении своего и чужого.

Прежде всего *хорошее*, в родительском понимании, *образование* включает некоторый набор того, что Бурдые называл «культурным капиталом» и что приобретается вместе со знанием классической музыки, походами в музеи и т.п. На Западе культурный капитал является признаком статуса, связанного с капиталом материальным (в оперу ходят состоятельные люди), и в тех американских семьях, где детей учат музыке, даже неработающие матери могут пользоваться помощью приходящей прислуги для еженедельной уборки дома. В семьях, характеризующихся неоднозначной социальной мобильностью, обучение детей музыке или рисованию (обычно через те же сети соотечественников, так как «свои», часто нелегально работающие учителя стоят дешевле) может сочетаться с тем, что мать сама подрабатывает где-то помощью по дому. Очевидно, для родителей уроки музыки есть нечто большее, чем просто обучение детей: это важная часть их собственного (в том числе национального) достоинства, их идентичности образованных людей, выходцев из «страны с великой культурой», где многое, и прежде всего школьное образование, «гораздо лучше, чем здесь». Во всяком случае, мнение о плохом американском школьном образовании является едва ли не общепринятым.

Я не предполагаю рассматривать, насколько это верно: для меня важно то, что «лучшее качество» нашего, «советского» школьного образования обычно связывается со знанием математики и естественнонаучных дисциплин (для их изучения также нанимают репетиторов «из своих»). В то же время никто из известных мне американцев незнанием своими детьми математики не озабочен: их обычно беспокоит, есть ли в школе хорошие спортивные секции, так как именно спортивные достижения могут быть наиболее вероятным способом получения стипендии в престижном университете. В бывшем же СССР репетиторов чаще всего нанимают для изучения языков. Иначе говоря, представление о том, что включается в хорошее образование и что родители должны детям «дать», культурно сконструировано.

Связь между «математикой» и успехом (обеспеченной жизнью, высоким социальным статусом), очевидно, следующая. В программистской среде принято считать, что «знание математики»

необходимо для правильного выбора профессии и вхождения в будущем в американскую профессиональную (программистскую, естественнонаучную) среду. Именно этот путь является для родителей образом успеха; для американцев он в гораздо большей степени связывается с работой в банке. Иначе говоря, «успех», хотя речь идет о совсем другой культуре, должен соответствовать представлениям и практическому опыту родителей, ищущих не только успешную стратегию для детей, но и подтверждение тому, что их собственный путь был верным.

Таким образом, семья и дружеская сеть принимают на себя значительные образовательные функции; объективно их исполнение возможно, только если кто-то (женщины, так как они не работают) будет «доставлять» детей к репетиторам, работать репетиторами, искать спортивные секции, шить костюмы для спектаклей и придумывать ритуал встречи Нового года, т.е. осуществлять то «интенсивное» (а иногда чрезвычайно интенсивное) материнство, которое все более оправдывается в западной педагогической литературе как вызванное естественными интересами ребенка.

Эта деятельность дает возможность произвести и ту идеологическую работу, которая необходима женщинам для «оправдания» ситуации, в которой они оказались. «Когда женщины остаются дома растить детей, они занимаются этим “интенсивно”, потому что эта стратегия позволяет «оправдать» тот факт, что они не зарабатывают», — пишет Шерон Хейз (Hays 1996, 154). Пытаясь оправдать свою «непродуктивность», женщины связывают ее прежде всего с обеспечением детских интересов:

Забота о ребенке является достаточно серьезной работой... нужно адаптировать ребенка; если он школьного возраста, надо там ходить с ним в школу, пока он там не начнет общаться с одноклассниками; каким-то образом помогать, и на это у многих уходит довольно много времени, и люди как бы чувствуют себя вовлеченными в какую-то там социальную жизнь (Лариса).

«Для себя» женщинам более всего надо рационализировать отказ от профессии, оправдав его «служением семье»:

Я поняла, что, если мы остаемся здесь, в этой стране, моя квалификация уходит. Этот горизонт все дальше, дальше. Ну что ж, сидеть и плакать, сожалеть? Ну, все равно ты не можешь себя тут реализовать, ну никак. Это невозможно... Я настолько ушла в семью, что даже получила интерес какой-то. Вот мне интересно быть мамой... быть же-

ной... Я понимаю, что я тоже нужна... помогаю детям готовиться по музыке.. Дашу вожу на балет. Мысленно себя ощущаю — как будто я работаю, как будто я там вместе с ними. Мне нравится, что дети связаны с искусством (Наташа).

Принадлежа к группе постсоветских женщин, которые «не мыслят себя без диплома и профессиональной занятости в силу как экономических, так и психологических причин» (Журженко 2001, 9), и оказавшись в прямо противоположной ситуации, многие испытывают нечто вроде «потери себя» и переживают чрезвычайно сильный стресс. Причина этого в понимании того, что общество, в котором они живут, несмотря на всю риторику святости материнства и на ту «власть», которой они обладают в связи с этим, не очень-то ценит их работу. Общественная значимость выполняемой работы считается пропорциональной материальному вознаграждению; не получая ничего в прямом смысле слова, многие опасаются показаться ленивыми, бездельными, непродуктивными, т.е. «потребительницами»:

Существует такая еще проблема. Ты не работаешь. Деньги, которые зарабатывает муж, они неплохие, но первое время, когда все надо покупать, когда нужно обживать, это тяжело. То есть денег все равно не хватает, по крайней мере так, чтобы что-то откладывать. И, например, идти и получать какое-то платное образование — ты чувствуешь себя очень некомфортно в такой ситуации: ты не зарабатываешь плюс ты учишься непонятно для чего, еще и платишь за это деньги... (Лариса).

Вся ситуация в целом оправдывается интересами ребенка: «Ну потом мы прежде всего беспокоились о собственных детях» (Виталий). Считается, что детям так лучше, что теперь родители (хотя матери гораздо больше, чем отцы) могут уделять им достаточно внимания, проводить с ними больше времени, дать им настоящее воспитание. И вот тут становится видимым следующее противоречие. Ставить свои интересы выше интересов детей для матерей социально неприемлемо, однако при любой возможности они идут работать или учиться: «Там бы все пошли работать нелегально, более-менее адаптировавшись... практически все» (Лариса).

Это противоречие на самом деле кажущееся. Необходимость в «оправдании» того, что повсеместно объявляется святым и самым главным на свете — свидетельство включенности материнской работы в определенную систему ценностей. Матери не ставят свои интересы выше детских, но они — как и все люди — стремятся повысить свой социальный статус, увеличить свою значимость.

В общей социальной ситуации своего бесправия матери достигают этого при помощи единственного ресурса, которым обладают — чрезвычайно интенсивной воспитательной деятельности (Haas 1996, 161), способной доказать, какими хорошими матерями они являются.

Та культурная логика, под воздействием которой «жены русских программистов» ведут себя так, а не иначе, всегда предполагает, что их деятельность носит «вспомогательный» характер (что опять же зависит от того, сколько они смогут получать, если выйдут на работу) и что женщины будут адаптировать ее к семейной ситуации и работе мужа, пытаясь таким образом быть как можно более полезными. Полагая, что их основная обязанность и священный долг состоит в воспитании детей, они в конце концов начинают считать справедливым и свое положение, и то, что их работа оплачивается ниже, и то, что их визовый статус вообще не предполагает оплачиваемой работы.

Ни жены, ни матери — несмотря на нашу убежденность в бескорыстности материнской любви — не исключены из общего социального порядка: они интенсивно работают на его воспроизводство, встраивая в него детей и подготавливая «рабочую смену» — будущих членов социальных иерархий. Живя в мире, где люди в конечном итоге оцениваются по деньгам, они также участвуют (вольно или невольно) в «гонке престижа» и, таким образом, являются важной «естественной» частью той институциональной организации, где, как было сказано выше, «все возят на тележках мужчины к машинам». Но даже те, кто управляет тележками, оказавшись вовлеченными в глобальную (компьютерную или любую другую) индустрию, не свободны в определении модели своей собственной семейной жизни.

Сергей Рязанцев

СЕМЬИ ВЫНУЖДЕННЫХ МИГРАНТОВ: ПРОБЛЕМЫ, СТРАТЕГИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ АДАПТАЦИИ

В начале 90-х годов на территории бывшего СССР вынужденная (стрессовая) миграция из районов военных действий и межэтнических конфликтов вышла на первый план, отгенив по значимости другие виды перемещений населения. Первоначально вынужденные переселения были связаны со спитакским землетрясением и событиями в Нагорном Карабахе. В дальнейшем число чрезвычайных факторов, вызывающих стрессовые миграции, увеличивается, расширяется и ареал таких территорий. Регионами исхода вынужденных мигрантов стали регионы и страны, в которых происходили межнациональные конфликты и военные действия. Это государства Закавказья, прежде всего Грузия (Южная Осетия и Абхазия) и Азербайджан, страны Средней Азии — Узбекистан, Таджикистан, Казахстан. Конфликты на Северном Кавказе — в Северной Осетии, Ингушетии и Чеченской Республике — также вызвали колоссальные миграции.

В силу своего географического положения Ставропольский край стал одним из регионов, который принял значительное количество вынужденных мигрантов. По официальным данным, на его территории расселились около 80 тыс. человек (более 30 тыс. семей), что составляет примерно 6,8% всех вынужденных мигрантов Российской Федерации. Согласно некоторым экспертным оценкам, это количество на порядок выше. Оно колеблется, по разным данным, от 220 тыс. до 500 тыс. человек (*Права человека в регионах...* 2000, 319). Максимальная цифра этого диапазона несколько завышена, минимальная — скорее близка к истине, поскольку действительно не каждый вынужденный переселенец по разным причинам обращался за помощью в миграционную службу, а следовательно, и за регистрацией.

В результате нашего исследования было установлено некоторое расхождение полученных данных с данными официальной статистики. Так, по сведениям миграционной службы, в Ставропольском крае на начало 1997 года было официально зарегистрировано около 58,6 тысячи вынужденных мигрантов, имевших статус вынужденного переселенца или беженца. Согласно данным социологического опроса, в миграционную службу обращались всего около 40% опрошенных вынужденных мигрантов. Это обстоятельство позволило предположить, что общее реальное их количество на Ставрополье в тот период было на порядок (примерно на 60%) выше и составляло около 120—150 тыс. человек.

Согласно официальным данным, большую часть — 49,6 тыс. (73%) — вынужденных мигрантов составляют переселенцы из Чеченской Республики, примерно 8,5% — выходцы из Казахстана, около 6,7% — из Азербайджана, 3,5% — из Грузии и 3,2% — из Узбекистана.

Следует также отметить, что в 1992 году была зафиксирована повышенная доля вынужденных мигрантов из регионов Закавказья (Грузии, Абхазии, Армении, Азербайджана и Нагорного Карабаха) в Предгорном районе (около 65% опрошенных семей). В 1997 году повышенная доля вынужденных мигрантов из Азербайджана установлена в Ставрополе (35%), из Армении — в Петровском районе (10%), из Таджикистана (40%) — в Георгиевске, из Казахстана — в Минераловодском районе (18% опрошенных семей). Подобная концентрация мигрантов, видимо, не случайна. С одной стороны, привлекательность отдельных регионов Ставропольского края (например, Кавказских Минеральных Вод) связана с благоприятными природно-климатическими условиями. С другой стороны, в расселении вынужденных мигрантов важную, а чаще всего решающую роль играли семейные и этнические связи — родственники давали первый приют, помогали «встать на ноги», найти работу.

Известно, что вынужденные мигранты составляют в настоящее время примерно 3% населения Ставропольского края. Многие из них нашли на территории Ставрополья новый дом и обрели вторую родину. Социально-экономическая и психологическая адаптация этих людей сопряжена с огромными трудностями. Пережив многие тяготы, они были вынуждены заново налаживать быт и устраивать свою жизнь. Но во многих случаях вынужденная миграция носила семейный характер, и семья становилась дополнительной опорой в стрессовой ситуации, зачастую помогая мигран-

там более успешно адаптироваться в местах нового проживания. Не случайно во главу угла нашего исследования мы поставили характер и проблемы социально-экономической адаптации семей вынужденных переселенцев, которые нашли убежище в Ставропольском крае в 1990-е годы.

Методика исследования

Основой настоящего исследования стали материалы социологического опроса, проведенного под руководством автора, а также материалы миграционной службы Ставропольского края, краевого комитета по статистике и местной прессы по проблеме вынужденной миграции.

Социологический опрос проводился на базе разработанной нами анкеты «Вынужденные мигранты». Анкета содержит три основных блока, в каждом примерно по тридцать вопросов. Первый блок позволил изучить социально-демографический состав опрошенных вынужденных мигрантов. Второй помог установить причины выезда с прежнего места жительства и миграции в пределы именно Ставропольского края, а также источники получения информации о возможности переселения в регион. Третий позволил определить динамику материального положения, уровень поддержки государственных структур, основные проблемы и перспективы адаптации вынужденных мигрантов на новом месте жительства.

Социологический опрос проводился в одиннадцати административных районах и трех городах (Ставрополе, Пятигорске и Георгиевске) Ставропольского края. Респонденты отбирались методом случайной выборки, общий объем которой составил 370 семей. Опрашивался один из совершеннолетних членов семьи, владеющий полной информацией о проблемах, связанных с причинами и механизмом миграции.

Опрос проходил в два этапа. Первый массив анкет был собран в 1992 году, а второй — в 1997 году, однако опрос не носил характер панельного исследования. При опросе семей вынужденных мигрантов в 1997 году преимущество отдавалось тем, кто прибыл на Ставрополье после проведения первого этапа опроса. Это, на наш взгляд, позволило более контрастно показать проблемы социально-экономической адаптации семей, возникшие спустя некоторое время после начала интенсивной миграции. Анализ результатов опроса проведен нами в сопоставлении этих двух массивов анкет.

Социально-демографический портрет семей вынужденных мигрантов

В результате исследования было установлено, что для многих семей мотивация решения о миграции была связана с экстремальностью ситуации в месте исхода. Так, в 1992 году около 40% семей выехали по причине начала боевых действий, примерно 55% — по причине межнациональной вражды. Согласно опросу 1997 года, 50—60% опрошенных семей выехали в связи с военными действиями. Перед многими семьями вынужденных мигрантов (примерно 85%) остро стояла проблема продажи жилья и вывоза имущества. Свидетельство одной беженки из Грозного:

Можно было еще в прошлом году выехать, когда не было войны, вывезти вещи и продать трехкомнатную квартиру — не решилась. Чеченцы давали за нее два миллиона (неденонмированных рублей. — С. Р.). Да как продашь за такие деньги, если ждать квартиру пришлось от родного профсоюза не одно десятилетие? В России на эти деньги и сарая не купишь... (Лупашко 1995, 2).

В Чеченской Республике были искусственно сбиты цены на оставляемое мигрантами жилье, продажа была зачастую невозможна из-за угроз со стороны боевиков. Достаточно большое количество опрошенных — около 40% — указали на сложности выезда: многие опасались (и часто небезосновательно) за свою и жизнь своих близких. Вот типичное свидетельство вынужденного переселенца из Чеченской республики:

Преступный мир в Чечне не дремал. Не выезжали добровольно из Грозного русские, армяне, ногайцы и другие национальности — их подталкивали к этому угрозами. За короткое время оказались скучпленными за бесценок целые подъезды многоэтажек, а то и полностью дома (Лупашко 1995, 2).

Все эти обстоятельства серьезно осложнили адаптацию в регионах вселения.

Весьма распространенными оказались сетевые стратегии расселения семей вынужденных мигрантов. В 1992 году примерно 65% семей приехали в населенные пункты или районы, в которых проживали их родственники и знакомые. Только 15% семей в различных районах Ставропольского края воспользовались информацией миграционной службы при поиске места жительства, а около 25% воспользовалась случайной информацией из различных

источников. К 1997 году ситуация мало изменилась: подавляющая доля (около 60%) вынужденных мигрантов расселилась в местах проживания родственников и знакомых, а около 35% опрошенных заявили, что поселились на основе случайной информации.

Вместе с тем в полном смысле подготовленными новые места проживания семей мигрантов, приехавших к родственникам, назвать вряд ли можно, поскольку до сих пор многие из них не приобрели собственного жилья, не смогли полностью восстановить свое социально-экономическое положение. Рассказывает пенсионерка А. Кузьмина из Грозного:

В Нефтекумск я приехала к старшей сестре. Поселилась в ее небольшой квартире еще в 1996 году вместе со средней сестрой и племянником. Так вот вчетвером и коротаем время, как на вокзале в ожидании поезда. Обещанных компенсаций не можем дожидаться, чтобы хотя бы частично улучшить жилищные условия (Лупашко 2000).

Однако говорить о наличии сетевых связей в миграционном поведении переселенцев это позволяет. Приведу еще несколько примеров. Из интервью с женщиной из Грозного, которая сейчас живет в Ставрополе:

Переезд моей семьи из Чечни происходил поэтапно. В конце 1980-х годов отец настоятельно рекомендовал мне поискать работу в Ставрополе, где живет мой старший брат. Брат помог устроиться на работу, первое время я жила в его квартире. Когда в Чечне начала обостряться криминальная ситуация, родители поспешили продать свою квартиру в Грозном и переехали в село Шпаковское (ныне город Михайловск. — С. Р.), где они сумели купить небольшой домик.

По ее словам, главным мотивом их переезда именно в Михайловск была необходимость поселиться как можно ближе к детям (в самом Ставрополе родителям помешали купить жилье только высокие цены).

Наличие сетевых стратегий в семьях мигрантов подтверждает также в своих исследованиях российский социолог В. Дятлов. Он приводит в пример историю одной ингушской семьи:

Мать семейства, оставив на родине мужа, многочисленных детей, устроенное и небедное хозяйство, приехала в Иркутск. Чтобы получить общежитие, а затем квартиру, долгое время работала штукатуром. «Подготовив площадку», одного за другим вызывает детей и племянников, всем дает неплохое и практичное образование (медицинское и экономическое). Некоторые из них вернулись, а некоторые осели в

Иркутске. Отец семейства, оставаясь на родине, обеспечивал «финансовые тылы» (Дятлов 1999, 116).

Зарубежный исследователь П. Стокер также говорит о наличии так называемых миграционных сетей. В частности, он отмечает, что в миграционных потоках велика роль мигрантов — «пионеров», которые

находят место, заботятся о документах и визах, способах миграции и стимулируют в дальнейшем весь процесс миграции, оказывая помощь и поддержку своим родственникам и односельчанам. Такого рода сеть строится медленно и часто болезненно, но она стала неотъемлемой чертой миграции (Стокер 1995, 40).

Целый ряд зарубежных ученых, проводивших эмпирические исследования среди трудовых мигрантов из Таиланда (Singhanetra-Renald 1992), корейских, филиппинских и мексиканских иммигрантов в США (Dumon 1989, Wilpert 1992), турецких рабочих в Германии (Martin 1991), отмечают важную роль родственных связей при выборе мигрантами места жительства.

Заслуживает внимания *возрастной состав* мигрантов. Согласно официальным данным, среди них около 52% приходится на людей трудоспособного возраста, примерно 23% — на пенсионеров и 25% — на детей. Однако наше исследование показало, что эти пропорции отличаются в географическом отношении¹. Скорее всего, семьи с людьми трудоспособного возраста стремились поселиться в городах или в непосредственной близости от них, поскольку там гораздо больше возможностей найти работу и источник дохода. Исследованием было установлено, что доля людей трудоспособного возраста в стрессовых миграционных потоках оказалась несколько ниже в сравнении с «нормальными» (связанными с социально-экономическими мотивами) миграционными потоками. Это лишний раз подтверждает предположение о том, что вынужденная миграция в большей степени, чем традиционные миграционные потоки, носит семейный характер.

Повышенная доля пенсионеров отмечалась в небольших городах и сельской местности, поскольку там дешевле жилье, можно получить землю, иметь приусадебный участок, держать подсобное

¹ В частности, повышенная доля трудоспособных мигрантов отмечалась в районах с более значительным миграционным приростом — Шпаковском (около 61%) и Предгорном (59%) районах; городах Ставрополе, Невинномысске и Пятигорске (примерно по 54%).

хозяйство. Также повышенная доля пенсионеров была отмечена в городах-курортах Кисловодске и Ессентуках, где каждый третий вынужденный мигрант — человек пенсионного возраста. Видимо, эти курортные города притягивают пенсионеров своим климатом, социальными условиями, инфраструктурой. 73-летняя В. М. Соколова, которая проживает в центре временного размещения в Степновском районе, свидетельствует: «В Ессентуках я получаю пенсию, там и присмотрю какое-нибудь жилье, чтобы спокойно дожить оставшиеся годы, там тихо, спокойно, есть все условия для жизни» (Лупашко 1999, 2).

Доля детей оказалась несколько повышенной в тех миграционных потоках, которые устремились в районы восточной части Ставрополя². Объяснение кроется в национальном составе мигрантов. Здесь весомая доля приходится на различные кавказские народы, для которых традиционны многодетные семьи. Значительная часть (около 70%) многодетных семей (от трех до семи детей) предпочла поселиться в сельской местности. По словам многих опрошенных, им там легче «прокормиться» за счет ведения подсобного хозяйства и своего приусадебного участка. Именно этот мотив для многих многодетных семей стал доминантным в определении нового места жительства.

Уровень образования вынужденных мигрантов, в сравнении с коренным населением, достаточно высок. Примерно 17% вынужденных мигрантов трудоспособного и пенсионного возраста имеют высшее образование, около 29% — среднее специальное и незаконченное высшее, 54% — среднее и неполное среднее образование. В то же время среди коренного населения Ставрополя высшее образование имеют только 11%, а среднее специальное образование — 46% людей этих возрастных групп. Таким образом, поток вынужденных мигрантов на Ставрополье можно назвать высокообразованным.

В сельской местности вполне закономерной, на наш взгляд, доля людей с высшим образованием оказалась пониженной среди вынужденных мигрантов: здесь она колеблется в диапазоне 8—14%. В то же время в районах с крупными городами или расположенных в непосредственной близости от них она существенно выше и составляет 19—26%.

Максимальной доля вынужденных мигрантов с высшим образованием оказалась в крупных городах — Кисловодске (42%), Ес-

² Курский район — 27%, Степновский — 29% и Нефтекумский — 26%.

сентуках (45%), Ставрополе (26%), Пятигорске (28%). Данные несоответствия доказывают, что образование могло влиять на характер расселения вынужденных мигрантов по типам поселений. Скорее всего, люди с более высоким уровнем образования чаще стремились поселиться в городской местности, что, на наш взгляд, тоже вполне закономерно.

Проблемы социально-экономической адаптации семей вынужденных мигрантов

Социологический опрос помог вскрыть целый ряд проблем, препятствующих процессу успешной социально-экономической адаптации вынужденных переселенцев к новому обществу. Среди них — низкий уровень доходов и сложное материальное положение, трудности с обеспечением питанием и одеждой. В 1992 году подобные лишения испытывали 40—50% семей переселенцев, в 1997-м — 60—70%. Трудности с получением прописки, возможностями строительства дома и получением (приобретением) жилья в 1992 году коснулись около 40—50% семей вынужденных мигрантов, а в 1997 году примерно 75—80%.

С 1992 по 1997 год существенно снизилась доля сумевших приобрести жилье (с 25—30% до 5—10%). Большинство семей, купивших жилье, смогли это сделать в сельской местности и малых городах и в основном за счет собственных сбережений, так как компенсации за утраченное жилье невелики, а очередь на их получение кажется бесконечной. Не все вынужденные переселенцы по различным причинам могут получить жилье. Значительные сложности возникли у многих семей из Чеченской Республики, поскольку в момент отъезда ими были утеряны необходимые документы.

Вместе с тем со стороны государства переселенцам оказывается значительная помощь. Удалось установить, что из всех вынужденных переселенцев, зарегистрировавшихся в миграционной службе, 90% были охвачены различными ее видами. К примеру, 33% респондентов было предоставлено бесплатное жилье, льготные или беспроцентные кредиты на строительство. Примерно 23% получили участки земли и строительные материалы для постройки дома. Около одной четверти семей был обеспечен проезд до нового места жительства, оказана помощь продуктами питания,

предоставлены медицинские услуги, были восстановлены документы, пособия и пенсии. С помощью государственных структур были трудоустроены люди в 13% семей.

Несмотря на то что в Ставропольском крае на всех уровнях говорилось о перегрузке учреждений образования, в 1992 году нами не было зафиксировано ни одного ответа вынужденных переселенцев, которые указали бы на проблемы с устройством детей в школы и детские сады. В 1997 году данные проблемы возникли перед 18% семей, в основном в крупных городах, и, по свидетельству опрошенных, они были тесно связаны с проблемами прописки (регистрации). При этом в условиях спада рождаемости, который отмечается в регионе, приток детей может спасти от сокращения некоторые сельские школы.

Многие семьи вынужденных переселенцев настроены достаточно пессимистично относительно собственных перспектив. Определенно положительно на вопрос о том, смогут ли они восстановить в скором будущем свое прежнее материальное положение, ответили только 10% опрошенных, причем были названы различные сроки от 2 до 20 лет. Однако параллельно с этим доля пессимистично настроенных переселенцев увеличивалась. В 1992 году примерно 20% опрошенных семей не верили, что смогут когда-либо вернуться к своему прежнему уровню материального обеспечения. В 1997 году таковых оказалось около 50%.

Одной из самых злободневных оказалась проблема трудоустройства. Более того, она имела тенденцию к обострению. Согласно нашим данным, в 1992 году около 17% вынужденных мигрантов трудоспособного возраста не могли найти работу. В 1997 году с проблемой трудоустройства столкнулось гораздо большее количество человек — примерно около 50% трудоспособных. На порядок сложнее было найти работу переселенцам в сельской местности и малых городах Ставрополья из-за ограниченных возможностей приложения труда³.

Большинство (около 80%) нашедших работу все же недовольны ею, главным образом по той причине, что она в основном не соответствует уровню их образования и квалификации. Часть мигрантов (3—8%) являются потенциальными безработными, поскольку имеют только временную и сезонную работу. С большими трудностями в поисках работы сталкиваются женщины (их доля

³ Например, в 1992 году в Левокумском районе не смогли трудоустроиться 77%, а в 1997-м — 90% трудоспособных из семей, попавших в выборку.

среди вынужденных мигрантов, ищущих работу, составила около 60%) и люди предпенсионного возраста (после 50 лет).

Весьма любопытно, что достаточно высокий уровень образования в сочетании со сложностями трудоустройства подталкивает наиболее активных людей к самозанятости и открытию своего дела. Установлено, что 75% мигрантов-предпринимателей заставил начать свой бизнес именно переезд на новое место жительства. Желание иметь собственное дело высказали подавляющее количество (65—80%) опрошенных респондентов. Аналогичные исследования по другим регионам России (Центральной России и Поволжью) отмечали меньшее число таковых — до 18% опрошенных (Витковская 1995, 9—12).

Однако реализовать на практике свой деловой потенциал в силу разных причин удалось далеко не всем. В 1992 году примерно 35—45% семей удалось открыть магазины, мастерские по ремонту и обслуживанию автомобилей, фермерские хозяйства, пекарни, стать индивидуальными предпринимателями — «челноками». К 1997 году количество таких людей из числа вынужденных мигрантов несколько сократилось, составив всего 10—22% в разных районах Ставрополья. Полагаем, что это связано с возросшей конкуренцией, увеличением бюрократических препятствий для малого бизнеса, отсутствием должной государственной политики. Из открывших свое дело 75% мигрантов сделали это за счет собственных средств, а 25% получили помощь от друзей, родственников, знакомых или воспользовались банковскими кредитами. Поддержка и развитие предпринимательской инициативы среди вынужденных переселенцев — наиболее реальный путь их социально-экономической адаптации в местах нового проживания. Это доказывает тот факт, что в 2000 году вынужденными мигрантами без какой-либо государственной или международной помощи было создано 14 успешных предприятий и организаций, в которых получили рабочие места более 140 вынужденных переселенцев (*Права человека в регионах...* 2000, 321). Эффективность этого пути социально-экономической адаптации осознали многие заинтересованные организации: миграционная служба, Управление верховного комиссара по делам беженцев, Датский совет по беженцам. Они проводят обширные программы по кредитованию семей вынужденных переселенцев на Ставрополье. К примеру, Датский совет по беженцам в 1999 году только в Изобильненском районе предоставил 15 семьям кредиты (от 8 до 25 тыс. рублей) на развитие животноводства, торговли, прудового хозяйства и пр.

В какой-то степени результирующим показателем социально-экономической адаптации вынужденных переселенцев на новом месте жительства являются миграционные планы и перспективы. За исследуемый период значительно увеличилась доля желающих выехать с территории Ставрополя: с 15% в 1992 году до 65% в 1997 году. Значительно усилились эмиграционные настроения вынужденных мигрантов. О желании эмигрировать в различные страны (преимущественно в США, Германию, Израиль, Турцию и пр.) в 1992 году заявили около 20%, в 1997-м — примерно 50% опрошенных. Однако желающие выехать сделали бы это при условии, что на новом месте им будут предоставлены жилье и работа. Это отражает скорее не реальные миграционные настроения, а лишь потенциал миграции, для реализации которого требуется целый комплекс факторов. Следует подчеркнуть, что между желанием мигрировать и реализацией подобных планов как таковых лежит значительная дистанция, поскольку материальное положение многих семей вынужденных переселенцев остается достаточно сложным.

Среднестатистическая модель семьи вынужденных переселенцев

На основе результатов проведенного исследования нами был составлен портрет среднестатистической семьи вынужденных переселенцев на Ставрополье, который позволил рельефно обрисовать стоящие перед ними наиболее актуальные проблемы. Он также позволяет судить о наиболее типичной стратегии социально-экономической адаптации семей, которые пытаются выжить в новых условиях, зачастую преодолевая огромные трудности.

В общей сложности семья состоит из четырех человек: глава семьи, жена, ребенок и престарелая мать. Глава семьи — русский мужчина в возрасте 40—45 лет. Приехал в Ставропольский край со своей семьей с территории Чеченской Республики в январе—феврале 1995 года — в период обострения военной обстановки, после начала боевых действий в Грозном. В Чечне не удалось продать квартиру, смогли взять лишь небольшое имущество — личные вещи, небольшие сбережения, поскольку было очень трудно вообще выехать.

На решение о выборе места жительства повлияли родственники, которые проживают в одном из районов в центральной части

Ставропольского края. Первоначально семья переселенцев разместилась у них в недостроенной части дома. Несмотря на острую нужду, сразу после прибытия не стали обращаться в миграционную службу, поскольку ближайшее отделение находится в районном центре, а траты на проезд для семьи достаточно велики. Кроме того, была практически утрачена вера в возможность получения помощи от государства.

На новом месте перед семьей возникла масса проблем. Наиболее важная — жилищная. Оставаясь у родственников, решили начать строить свой дом. Собственные средства отсутствовали, но помощь им как вынужденным переселенцам полагалась, поэтому решили обратиться в миграционную службу с просьбой о предоставлении беспроцентной ссуды на приобретение жилья. Поскольку у семьи не было соответствующих справок о потере жилья в Чеченской Республике, то пришлось пережить достаточно долгую бюрократическую волокиту. Наконец через полтора года были выделены деньги сроком на десять лет в размере 4,5 млн (неденонмированных) рублей, которых хватило только на покупку самых необходимых строительных материалов и закладку фундамента для небольшого дома.

Второй серьезной проблемой стало трудоустройство супругов. Несмотря на то что глава семьи имеет высшее техническое образование, поиски работы заняли пять месяцев. Ему удалось трудоустроиться не по специальности, а жена работу так и не нашла — пришлось обратиться в службу занятости за пособием.

Работа сторожем не очень устраивала с материальной и моральной точек зрения, поэтому переселенец рискнул открыть свое собственное дело — занялся торговлей промышленными товарами. При этом использовал свои средства и занял деньги у родственников. Первоначально дела шли не очень хорошо, так как необходимо было осваивать непривычный род деятельности и новую профессию «челнока», кроме того, в селе существовала высокая конкуренция со стороны местных торговцев, а также относительно ограниченная покупательная способность населения. Однако постепенно удалось расширить торговлю, появилась возможность и необходимость подключить к торговле жену. В настоящее время предприниматель осуществляет регулярные поездки за товарами в Пятигорск. Семья имеет небольшую, но стабильный источник дохода.

Особых проблем с устройством ребенка в школу не испытывали. В целом семья сумела относительно успешно обустроиться на новом месте жительства, однако с трудом верит, что сможет пол-

ностью восстановить свое прежнее материальное благосостояние. Если это и произойдет, то не ранее, чем через двадцать лет.

Стратегии адаптации семей вынужденных мигрантов

Основные разнообразные стратегии в процессе адаптации вынужденных мигрантов имеют активную и пассивную формы. Рассмотрим данную типологию на примерах.

1. Активная стратегия адаптации через различные виды предпринимательства

Вынужденных переселенцев, придерживающихся подобной стратегии адаптации, можно разделить (с достаточной долей условности) на две основные группы. Первая — «прирожденные» предприниматели, «неумные энтузиасты, постоянно генерирующие организационные проекты» (Радаев 1998, 111). Эти люди в связи с миграцией принципиально не изменили своей занятости и социального статуса.

Вторая категория — мигранты, для которых предпринимательство носит вынужденный характер. Мы солидарны с мнением В. Радаева, который считает, что «масса вынужденных предпринимателей подталкивается к этому роду деятельности стимулами негативного свойства» (Радаев 1998, 111). В данном случае подобным негативным стимулом выступает стрессовая миграция, потеря прежнего места работы, невозможность применить накопленный профессиональный опыт. Для многих предпринимателей — вынужденных мигрантов данный способ заработка не является постоянным занятием, и они надеются в будущем вернуться к основному виду деятельности.

Активная стратегия свойственна той части переселенцев, которые привыкли надеяться на свои собственные силы и средства, готовы искать возможности выживания в любых условиях. Чаще всего эти люди имеют жизненные установки, которые не позволяют им обращаться с протянутой рукой к государству, — они самостоятельно пытаются заработать себе на жизнь. Вне сомнения, такие переселенцы являются не только более «деятельными», но и в конечном итоге более приспособленными в местах нового проживания. Ин-

тересно, что среди мигрантов активной стратегии адаптации преобладают люди с диаметрально противоположными уровнями образования: с низким (они чаще всего не имеют возможности найти работу в других секторах) и с высшим или средним специальным образованием (их не устраивают имеющиеся вакансии на рынке труда).

Несколько наглядных примеров подобной стратегии адаптации. Женщина, русская беженка из Грозного, рассказывала:

Приехала на Ставрополье без мужа, с двумя несовершеннолетними детьми и родителями-пенсионерами. Имею среднее специальное образование, но с торговлей никогда не была связана. На сбережения купили небольшой дом. Для того чтобы прокормить семью, пришлось торговать на рынке реализатором. Затем поняла, что можно самостоятельно ездить за товаром в Пятигорск, это более выгодно. Имею небольшой, но стабильный доход, который позволяет мне не ходить с протянутой рукой.

Другой пример из опыта молодой армянской семьи — мигрантов из Баку:

Родители, которые тогда жили в Армении, помогли купить небольшой дом на Ставрополье — в селе Александровском. Муж начал заниматься разведением нутрий, продажей мяса, выделкой шкур. Бизнес достаточно успешен. Это позволяет мне (жене. — С. Р.) не работать. На Ставрополье мы живем хорошо — здесь у нас родилось два сына, мы построили большой дом, купили машину. Недавно перевезли родителей из Еревана — помогли им купить здесь дом.

Еще один пример. Вынужденный переселенец из Казахстана в 1996 году поселился в Изобильненском районе, в настоящее время возглавляет неправительственную организацию Фонд беженцев и переселенцев Ассоциации правоохранительных органов. В интервью местной газете он рассказывал, что «существует идея создания пчеловодческого предприятия. Бизнес-план на 16 рабочих мест уже составлен, деньги, начальный капитал есть, получено “добро” от Датского совета» (Евтушенко 1999, 3).

Многие населенные пункты и районы Ставрополья в последнее время пополнились достаточно квалифицированными, образованными и трудоспособными людьми из числа вынужденных переселенцев, которые в некоторых случаях показывали коренному населению пример трудолюбия. Все приведенные примеры разрушают достаточно устойчивый стереотип относительно вынужденных мигрантов как иждивенцев, которые только требуют от государства материальных благ.

2. Активная адаптация через получение нового или дополнительного образования

Данная стратегия свойственна достаточно мобильной в социальном отношении части вынужденных переселенцев молодого и среднего возраста, имеющих определенный (часто достаточно высокий) уровень образования, желающих восстановить или повысить собственный уровень жизни и дохода. Резко повышает эффективность адаптации таких переселенцев помощь общественных институтов. К примеру, подобный опыт был успешно реализован в Ставрополе в одном из вечерних лицеев, в котором при поддержке УВКБ ООН были открыты профессиональные курсы для вынужденных переселенцев и беженцев. Только в 2000 году переподготовку прошли 247 человек.

Две типичные истории. Тридцатилетний С. Соколов из Грозного: «В прошлом хореограф, после окончания курсов — повар. Собирается заняться маркетинговой разведкой (на курсах учили и этому), посмотреть, что предлагает рынок труда края». Самый молодой «курсант» — четырнадцатилетний Р. Морозов — беженец из Азербайджана: «Диплом оператора ЭВМ дает мне возможность искать место работы или выполнять какие-то работы на домашнем компьютере» (Прайсман 2000, 3).

3. Стратегия неактивной адаптации через поиск работы по основной профессии

Эта жизненная стратегия распространена среди групп переселенцев, отличающихся пониженной социальной мобильностью: прежде всего это люди предпенсионного возраста, ранее не работавшие женщины (домохозяйки), люди с большим стажем на одном месте работы, работники с низким уровнем образования. Зачастую вынужденные переселенцы либо неконкурентоспособны на рынке труда по своим возрастным или профессиональным характеристикам, либо не могут сменить отрасль занятости, вынуждены подолгу искать работу, которая соответствует их основной профессии. Большинство вынужденных переселенцев, имеющих статус безработного, относятся именно к этим категориям. Результативность процесса адаптации вынужденных переселенцев, придерживающихся подобной стратегии, на порядок ниже, чем предыдущих.

4. Пассивная адаптация через помощь и поддержку общественных институтов

К этой категории относятся прежде всего пенсионеры и инвалиды. В сходном положении оказались тысячи вынужденных переселенцев, которые нуждаются в социальной поддержке и защите. Люди полностью полагаются на помощь прежде всего государства. Многие из них рассчитывают получить жилье, пособия, пенсии, необходимые товары, питание, одежду. Эти люди очень неприспособлены, они довольствуются самым элементарным. Из интервью переселенцев-пенсионеров, проживающих в Степновском районе в центре временного размещения мигрантов: «Сколько нам той жизни осталось. Мы рады, что живем в тепле, имеем крышу над головой, питание. В день дают талон на десять рублей — на питание — немного, но на жизнь хватает. Иногда привозят гуманитарную помощь. Одним словом живем...» (Лупашко 1995, 2).

Роль общественных институтов в адаптации вынужденных мигрантов

Государственные структуры России и Ставропольского края способствуют решению проблем вынужденных переселенцев. В частности, приняты законы, регулирующие прием и обустройство мигрантов, многим из них предоставлены статус вынужденного переселенца и беженца и некоторые социальные гарантии, производятся выплаты за утраченное жилье и имущество в Чеченской Республике. Тем не менее, как видно из результатов социологического опроса, ситуация остается достаточно сложной.

Многие мигранты стали объединяться в инициативные группы и общественные организации для защиты своих прав и интересов. С ноября 1992 года в Ставропольском крае работают общественные организации вынужденных переселенцев из Чеченской Республики. Созданные организации в декабре 1997 года с помощью «Форума переселенческих организаций», Управления верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) и местных общественных организаций объединились в Ассоциацию переселенческих организаций «Солидарность». Сейчас в ее составе 56 городских, районных и сельских организаций. Они самостоятельно решают многие вопросы обустройства вынужденных переселен-

цев, напрямую сотрудничают с общественными российскими и зарубежными организациями. В настоящее время Ассоциация проводит работу по рационализации выделенных на обустройство переселенцев средств, оказывает информационную и правовую помощь. Поддерживаются тесные отношения с правительством и Миграционной службой Ставропольского края, с международными организациями — УВКБ ООН, Датским советом по беженцам, Международной организацией по миграции (МОМ).

В рамках подобного взаимодействия около 2 тыс. семей смогли получить компенсацию за утраченное жилье, 540 социально не защищенных семей — квартиры, 7,5 тыс. семей — ссуды на строительство и приобретение жилья, тысячи мигрантов — гуманитарную помощь. Более чем 120 гражданам была оказана адвокатская помощь, 360 мигрантам — медицинская помощь при реализации проекта «Консультационно-реабилитационный центр “Надежда”», примерно 180 детей из семей мигрантов отдохнули в детских лагерях. Кроме того, в Ставропольском крае с 1999 года выходит газета «Беженец», краевая студия телевидения совместно с УВКБ ООН регулярно готовит для эфира сюжеты о судьбах и повседневной жизни вынужденных переселенцев.

Вместе с тем сохраняются и определенные трудности. Закон «О статусе вынужденных переселенцев», принятый в 1993 году и скорректированный в 1995-м, не отвечает современным требованиям. Согласно данному документу, только в течение одного года гражданин обязан обратиться с ходатайством на получение статуса вынужденного переселенца. Как следует из нашего исследования, столь короткий срок в комплексе с отсутствием информации не позволил многим мигрантам, проживающим сейчас на Ставрополье, получить этот статус. Известно, что, согласно закону, статус вынужденного переселенца сохраняется только пять лет, что также небольшой срок, а помощь мизерна. В итоге человек, зачастую потерявший имущество и здоровье, не может за это время встать на ноги.

Особого внимания заслуживает постановление правительства РФ № 510 о компенсациях вынужденным переселенцам из Чеченской Республики за утраченное жилье и имущество. Это постановление лишило 80% бывших жителей Чеченской Республики — а ныне вынужденных переселенцев — возможности получить компенсацию, поскольку в нем были жестко оговорены сроки миграции, а не жизненная ситуация человека. В результате из 78 тыс. человек (30 тыс. семей), имеющих статус вынужденного пересе-

ленца, на очередь для получения жилья на Ставрополье встали только 18 тыс. человек (6,3 тыс. семей).

Абсолютно не удовлетворяет переселенческие организации постановление правительства России о выделении ссуд для приобретения и строительства жилья. В настоящее время на Ставрополье ссуда выдается в размере 10—20 тыс. рублей на одну семью, что связано с региональным коэффициентом, введенным Миграционной службой России. На эти деньги нельзя ни построить, ни купить нормальное жилье.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать несколько, на наш взгляд, важных выводов, касающихся проблем, стратегий и перспектив социально-экономической адаптации вынужденных мигрантов в местах нового проживания.

Во-первых, в процессе вынужденного переселения семья, родственные и социальные связи выступают в роли важного социального механизма материальной и моральной поддержки, позволяющего мигрантам более успешно адаптироваться в местах нового проживания. Вместе с тем государством этот ресурс социальных связей и поддержки используется не в полной мере.

Во-вторых, перед многими семьями вынужденных мигрантов стоит целый ряд злободневных проблем, требующих скорейшего решения и поддержки со стороны общественных институтов. Прежде всего это проблема прописки, жилья, трудоустройства, получения пенсий и пособий и многие другие. Несмотря на давность этих проблем, многие из них до сих пор не разрешены.

В-третьих, поток мигрантов оказался крайне неоднородным с позиции социально-экономических стратегий. В настоящее время в обществе доминирует представление о них как об иждивенцах, требующих помощи от государства и общественных организаций. На самом деле в социальной защите (в традиционном ее понимании) нуждается лишь небольшая доля вынужденных переселенцев. Для многих семей гораздо эффективнее была бы поддержка в открытии своего дела, реализации предпринимательского, профессионального и трудового потенциала, предоставление возможности получения дополнительного образования и новой профессии. Именно таким способом государство могло бы помочь многим семьям вынужденных переселенцев «встать на ноги» и успешно адаптироваться на новом месте жительства.

Использованная литература

- Абраменко Л., Тормозова Л., ред. (1959) *Беседы о домашнем хозяйстве*. — М.
- Абрамов М. (1982) *В «свободном мире»: Зарубежный калейдоскоп. Альбом*. — М.
- Абрамов Ф. (1989) Федор Абрамов об Александре Твардовском: (По материалам личного архива Ф. Абрамова) // *Творчество Александра Твардовского: Исследования и материалы*. — Л.
- Абрамский И. Р. (1977) *Смех сильных. О карикатурах «Крокодила»*. — М.
- Абэ К. (2000) *Женщина в песках. Чужое лицо*. — Ростов н/Д.
- Авлеев М. И. (1951) *Судебная медицина*. — М.
- Агафонова Т. (1959) Новые здания для новой школы // *Комсомольская правда*. — 18 янв. 1959
- Айвазян С. А. и др. (1985) *Прикладная статистика: Исследование зависимостей: Справ. изд.* — М.
- Айзенштат О. (1962) Неуважение к пластмассе // *Декоративное искусство*. — № 1.
- Акимова И., Ройтенберг О. (1956) Выставка молодых художников Москвы. Живопись // *Искусство*. — № 4.
- Акользина М. К. (2002) Солдатки г. Моршанска в первой половине XIX в. // Шербинин, ред. *Армия и общество...* — Тамбов
- Аксаков С. Т. (1966) Семейная хроника // Аксаков С. Т. *Собр. соч.: В 5 т.* — М. — Т. 1.
- Аксенов В. (1999) *Московская сага*. — М.
- Акутагава Рюноске (1974) *Новеллы*. — М.
- Александров В. А. (1966) *Сельская община в России*. — М.
- Алексиевич С. А. (1996) *Цинковые мальчики*. — М.
- Александров Г. (1952) Идеология американских империалистов — идеология людоедов // *Звериный облик американско-английского империализма*. — М. — С. 123—134.
- Андреев Л. (2002) Наркысь, или Как я познал русскую литературу // URL: <<http://fuga.ru/articles/2002/04/tolstava.htm>>
- Анненкова П. Е. (1977) *Воспоминания Полины Анненковой*. — Красноярск.
- Анненский И. Ф. (1990) *Стихотворения и трагедии*. — Л.
- Аннинский Л. (1991). *Шестидесятники и мы*. — М.
- Анонимки для нашего доктора (1993) // *Пульс*. — № 2.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Антокольская М. В. (1995) *Лекции по семейному праву*. — М.
- А. Н. Толстой о литературе. (1984) — М.
- Антонов А. (1980) *Социология рождаемости*. — М.
- Антонов А. И., Медков В. М. (1996) *Социология семьи*. — М.
- Антонов А. И., Сорокин С. А. (2000) *Судьба семьи в России XXI в.* — М.
- Антонова О. И. (1999) *Современная демографическая ситуация в Российской Федерации*. — М.
- Аншин З. Б. (1956) *Брак и семья в социалистическом обществе*. — Новосибирск.
- Арбатова М. (1997) *Меня зовут женщина*. — М.
- Аристотель (1983) *Политика* // Аристотель. *Сочинения: В 4 т.* — М. — Т. 4.
- Арутюнян М. Ю. (1999) Мужчины и женщины: образы и модели успеха // *Народонаселение*. — № 1.
- Арьес Ф. (1998) *Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке*. — Екатеринбург.
- Афанасьева Т. (1977) Мужчины дома // *Неделя*. — № 20.
- Базанов В. (1953) *Очерки декабристской литературы*. — М.
- Байбурун А. К. (1983) *Жилище в обрядах и представлениях восточных славян*. — Л.
- Балашов Д. М. и др. (1985) *Русская свадьба: свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшенинге и на Уфлюге (Тарногский район Вологодской области)*. — М.
- Бараулина Т. (1997) *Конструирование мужественности через ее проблематизацию в биографических нарративах*: Магистерская диссертация, Европейский университет. — СПб.
- Бараулина Т. (2002) *Моральное материнство и воспроизводство женского опыта* // Здравомыслова, Темкина, ред. *В поисках сексуальности...*
- Барсов Е. В. (1997) *Причитания Северного Края, собранные Е. В. Барсовым. Т. 2: Рекрутские и солдатские причитания*. — М.
- Басинский, Павел (2001) // *Топос: Литературно-философский журнал*. — № 10 // URL: <http://www.topos.ru/articles/011203_01.shtml>
- Баскакова М., Баскаков В. (2000) *Отверженные обществом. Социально-демографический портрет инвалидов труда* // *Независимая газета*. — 3 ноября 2000.
- Баяр О. (1956) *Сделаем квартиру удобной и уютной* // *Советская женщина*. — № 7.
- Баяр О., Блашкевич Р. Н. (1962) *Квартира и ее убранство*. — М.
- Бейтсон Г (2000) *Экология разума*. — М.
- Бек У. (2000) *Общество риска. На пути к другому модерну*. — М.
- Белинский В. Г. (1981) *Собр. соч.: В 9 т.* — М.
- Белкин А. И. (1976) *Мужчина или женщина или «человек без пола» // Здоровье человека и прогресс медицины*. — М.
- Белов В. (1978) *Гудят провода. Рассказы*. — М.
- Белый А. (1989) *На рубеже двух столетий*. — М.
- Беляев А. П. (1990) *Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном*. — Красноярск.
- Беляева Н. Ю., сост. (1997) *Общественные объединения и органы власти: правовая основа и опыт взаимодействия; Россия, Москва, Санкт-Петербург; Казахстан, Алматы, Украина, Одесса. Европейский опыт. Сборник*. — М.
- Берберова Н. (1997) *Чайковский: история одинокой жизни*. — СПб.
- Бердяев Н. А. (1991) *О рабстве и свободе человека (Опыт персоналистической философии)* // *Мир и Эрос: антология философских текстов о любви*. — М.

- Бестужев М. А. (1951) Мои тюрьмы // *Воспоминания Бестужевых* / Ред. М. К. Азадовского. — М.; Л.
- Бильшай В. (1959) Кто прав: Вл. Немцов или Е. Нилова? // *Литературная газета*. — 10 янв. 1959 г.
- Бильшай В. (1959) *Решение женского вопроса в СССР*. — М.
- Богданова М. А. (1975) Жены декабристов сибирячки // *В сердцах Отечества сынов*. — Иркутск.
- Богданова М. М. (1952а) Декабрист Н. О. Мозгалевский и его семья // *Енисей*. — 1952. — № 9.
- Богданова М. М. (1952б) Декабристы в Минусинской ссылке // *Декабристы в Сибири*. — Новосибирск.
- Богомолов А. (1992) Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик // *Московский комсомолец*. — 22 июля 1992.
- Бодрийяр Ж. (1994) О совращении // *Ad marginem'93. Ежегодник Лаборатории постклассических исследований Института философии РАН*. — М.
- Бодрийяр Ж. (1995) *Система вещей*. — М.
- Бондаренко К. (2002) Виктор Медведчук: пятый элемент // URL: <<http://www.for-ua.com/analit/2002/06/18/131207.html>>
- Бондарская Г. А. (1994) Внебрачная рождаемость в Российской Федерации // Тишков В., ред. *Женщина и свобода*. — М.
- Борман Р (1975) *Молодежь и любовь*. — М.
- Борушко В. (1960) Хорошие будут хозяйки // *Огонек*. — № 10.
- Бошко В. И. (1952) *Очерки советского семейного права*. — Киев.
- Брак и семья*. (1926) *Сборник статей и материалов*. — М.; Л.
- Брандт П. (1860) Женатые нижние чины // *Военный сборник*. — 1860. — № 12.
- Брегман А. А., Федосеева Е. П. (1983) Владимир Федосеевич Раевский в Сибири // *Раевский В. Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности*. — Иркутск. — Т. 2.
- Бриген А. Ф. (1986) *Письма, исторические сочинения*. — Иркутск.
- Бродский Вс. (2001) Кактус Улицкого // <URL: <<http://www.vesti.ru/20001/12/07/1007726333.html>>
- Бродский И. (1995) *Сочинения: В 4 т.* — СПб.
- Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. (1900) *Энциклопедический словарь Брокгауза Ф. А. и И. А. Ефрона*. — СПб.
- Брюно А. (1960) Ваша квартира // *Семья и школа*. — № 10.
- Булгаков М. А. (1988) *Романы*. — Минск.
- Бунин И. (1990) Окаянные дни // *Литература русского зарубежья: Антология: В 6 т.* — М. — Т. 1. — Кн. 2.
- Бурдые П. (2001) *Практический смысл*. — СПб.
- Бурдые П. (2002) *О телевидении и журналистике*. — М.
- Бусыгин Е. П. и др. (1986) *Сельская женщина в семейной и общественной жизни*. — Казань.
- Бухановский А. О., Андреев А. С. (1985) *Экстремальные состояния организма и неотложная медицинская помощь: тезисы докладов*. — Ростов-н/Д.
- Бухановский А. О. (1993) *Синдром отвергания пола: клиническая разновидность в тактике лечения и реадaptации. Вопросы клинического лечения и профилактики сексуальных расстройств*. — М.

- Бушин В. (1987) С высоты своего кургана: несколько нравственных наблюдений в связи с одним литературным дебютом // *Наш современник*. — № 8.
- Быт великорусских крестьян-землепашцев*. (1993) *Описание материалов этнографического бюро князя В. Н. Тенюшева (на примере Владимирской губернии)*. — СПб.
- Василевский Л. М. (1924) *Половое воспитание ребенка*. — М.; Л.
- Васильев О. С. (1959) *Их мораль*. — М.
- Васильченко Г., ред. (1977). *Общая сексопатология*. — М.
- Васильченко Г., ред. (1983). *Частная сексопатология*. — М. — Т. 1, 2.
- Ватин-Быстрянский В. А. (1975) Политическая ссылка в Минусинске // *В сердцах Отечества сынов*. — Иркутск.
- Вахнина Л. (2002). *Защитим сыновей // Армия от «А» до «Я». Информационный бюллетень № 25 Правления международного, историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал»*. — 2002 (май). — С. 16—18.
- Ведомости ВС СССР (1944) *Ведомости Верховного Совета СССР*. — 1944. — № 37.
- Версаев В. (1993) *Спутники Пушкина*. — М.
- Вестник мэрии Москвы*. (2001). — М. — № 7.
- Виленская Е. Ю., Полякова З. М. (1999) *Армия и права человека // Подольский С. А., ред. Права человека и армия. Реализация и защита прав военнослужащих, призывников, ветеранов и членов их семей: документы и рекомендации*. — СПб. — С. 160—169.
- Винокуров Г. (1998) «Миф о Президенте и его Семье: итоги телевизионного года» // *Русский журнал*. 19 янв. 1998. URL: <<http://www.russ.ru/journal/media/98-01-09/vinok.htm>>
- Виртшафтер З. К. (2002) *Социальные структуры: разночинцы в Российской империи*. — М.
- Виссон Л. (1999) *Чужие и близкие в русско-американских браках*. — М.
- Витковская Г. С. (1995) Вынужденные мигранты в России. Беда или благо? // *Человек и труд*. — 1995. — № 11.
- Вишневский А. (1998) *Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР*. — М.
- Вишневский А. Г., ред. (1999) *Население России 1998*. — М.
- Вишневский А. Г., ред. (2000) *Население России 1999*. — М.
- Вишневский А. Г., ред. (2001) *Население России 2000*. — М.
- Владимирский-Буланов М. Ф. (1915) *Обзор истории русского права*. — Пг.
- Владин В, Капустин Д. (1988). *Гармония брака*. — Кемерово.
- Военно-статистическое обозрение Российской империи (1851)*. — СПб. — Т. XIII, Ч. 1. Тамбовская губерния.
- Волков В. (1996) Концепция культурности, 1935—1938: сталинская цивилизация и повседневность сталинского времени // *Социологический журнал*. — № 1—2.
- Волков В., Калинин С., Пишелко А. (1992) *Сексуальные извращения у осужденных женщин: Уч. пособие*. — Домодедово.
- Волконская М. Н. (1977) *Записки М. Н. Волконской*. — М.
- Волошинов В. Н. (1998) Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке // М. М. Бахтин. *Тетралогия*. — М.
- Волошинов В. Н. (2000) Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке // Бахтин М. М. *Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи*. — М.

- Вольфсон С. Я. (1937) *Семья и брак в их историческом развитии*. — М.
- Ворожейкин Е. М. (1969) *Правовые основы брака и семьи*. — М.
- Воронов Н. (1962) Об искусстве, мещанстве и моде // *Семья и школа*. — № 3.
- Воронцов Д. В. (1999) *Социально-психологические характеристики межличностного общения и поведения мужчин с гомосексуальной идентичностью* / Автореф. дис. ... канд. психол. наук. — Ростов-на-Дону: РГУ.
- Восилоте А. (2002) Женщины и процесс потребления // Гапова, Усманова, ред. *Гендерные истории Восточной Европы...*
- Вульф А. (1961) Против недооценки домоводства // *Семья и школа*. — № 8.
- Выготский Л. С. (1965) *Психология искусства*. — М.
- Выдрин Д. (2002) Там, за горизонтом // *Зеркало Недели*. 29 марта — 5 апр. 2002.
- Высоковский А. (2002) Уют-не-герой // У. Брумфилд и Б. Рубл, ред. *Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история*. — М.
- Высоцкий Вл. (1993) *Мне есть что спать...* — Чебоксары.
- Галич А. (1989) *Возвращение*. — Л.
- Галич А. А. (1998) *Песни. Стихи. Поэмы. Киноповесть. Пьеса. Статьи*. — Екатеринбург.
- Гапова Е., Усманова А., ред. (2000) *Антология гендерной теории*. — Минск.
- Гардинер М., ред. (1996) *Человек-Волк и Зигмунд Фрейд. Сборник документов*. — Киев.
- Гаспаров М. Л. (1993) Поэтика «серебряного века» // *Русская поэзия «серебряного века». 1890—1917*. — М.
- Гаспарян Ю. А. (1999) *Семья на пороге XXI века: Социологические проблемы*. — СПб.
- Гегель Г. В. Ф. (1990) *Философия права*. — М.
- Генкин Д. М. и др. (1949) *История советского гражданского права. 1917—1947*. — М.
- Герцен А. И. (1954) *Собр. соч.: В 30 т.* — М.
- Герчук Ю. (1962) «Декоративная графика» // *Декоративное искусство*. — № 3.
- Герчук Ю. (1965) «Достоверность и правда» // *Творчество*. — № 10.
- Герчук Ю. (1991) «С точки зрения шестидесятника» // *Декоративное искусство СССР*. — № 7.
- Герштейн З. (1998) *Мемуары*. — СПб.
- Гиллилан К. (2000) Место женщины в жизненном цикле мужчины // Здравомыслова, Темкина, сост. *Хрестоматия феминистских текстов...*
- Гоббс Т. (1965) *Левиафан*. — М.
- Голод С. (1970) *Будущая семья: какова она? (Социально-нравственный аспект)*. — М.
- Голод С. (1970а) Социально-психологические и нравственные ценности семьи // *Молодая семья*. — М. — Вып. 18.
- Голод С. И. (1984) *Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты*. — Л.
- Голод С., ред. (1995) *Аннотированная библиография по социальным проблемам сексуальности (1960-е — первая половина 1990-х гг.)*. — СПб.
- Голод С. И. (1996) *XX век и тенденции сексуальных отношений в России*. — СПб.
- Голод С. И. (1998) *Семья и брак: историко-социологический анализ*. — СПб.
- Голод С. И., Кузнецова Л. В., сост. (2002) *Социальные проблемы сексуальности: Аннотированная библиография: 90-е годы XX столетия*. — СПб.

- Голосенко И. А., Голод С. И. (1998) *Социологические исследования проституции в России (История и современное состояние вопроса)*. — СПб.
- Голосов А. (2002) Карцер «психологической разгрузки» // *Молодежь Севера*. 18 июля 2002 // URL: <<http://www.komi.com/mc/arhiv/new010.htm>>.
- Голынкин-Вольфсон Дм. (2002) Окна во двор коммунального подсознания // *Искусство кино*. — № 11.
- Гордеев М. (1962) Против безвкусицы. Пошлость из анодированного алюминия // *Декоративное искусство*. — № 1.
- Городецкий С. М. (1984) *Жизнь неукротимая*. — М.
- Горяева Л. (1995) Айсберг под названием «феминизм» // *Космополитен*. — 1995. — № 11.
- Горяинов С. М. (1913) *Уставы о воинской повинности*. — СПб.
- Госсовет в департаменте государственной экономики* (1862). — СПб.
- Гофман И. (2000) *Представление себя другим в повседневной жизни*. — М.
- Грабовська І. (2000) Чи дового ще квилити чайці-небозі, або знов про жіночність України // *Сучасність*. — № 5.
- Градскова Ю. (1997) Новая идеология семьи и ее особенности в России // *Общественные науки и современность*. — № 2.
- Гражданские законы с разъяснением их по решениям Правительствующего Сената 1880*. — СПб. — Изд. 14. — 1880.
- Грайс Г. П. (1985) Логика и речевое общение // *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика*. — М.
- Гращенкова И. (1977) *Абрам Роом*. — М.
- Григорьев Г., Шкотов С. (1927) *Старый и новый быт*. — М.; Л.
- Гронас М. (2000) «Чистый взгляд» и практика: Пьер Бурдьё о культуре // *Новое литературное обозрение*. — № 45.
- Грушин Б. (1964) Слушается дело о разводе...: О так называемых также «легкомысленных браках» // *Молодая гвардия*. — № 7.
- Губкович Л. (1977) Мальчики и девочки. Родителям — о половом воспитании // *Семья и школа*. — № 7.
- Гуревич А. (1979) *Эдда и сага*. — М.
- Гурко Т. А. (1992) *Программа социальной работы с неполными семьями*. — М.
- Гурко Т. А. (1995) Трансформация института современной семьи // *СОЦИС*. — № 10.
- Гурко Т. А. (1999) Феномен современного отцовства // *Мужчина и женщина в современном мире: меняющиеся роли и образы*. — М. — Т. 1.
- Гюнтер Г. (2000) Тоталитарное искусство как синтез искусств // Добренко Е., ред. *Социалистический канон*. — СПб.
- Данилова Н. (2002) Феминистские размышления о гражданстве и военной службе в эпоху глобализации // *Гендерные исследования*. — № 7.
- Данные Госкомстата России (2000) // *Государственный доклад «О положении детей в Российской Федерации. 2000 год»*. — М.
- Даревская Е. М. (1981) А. Д. Старцев — сын Н. А. Бестужева // *Сибирь и декабристы*. — Иркутск. — Вып. 2.
- Деева Е. (1992) «Похищение Елены» // *Московский комсомолец*. — 31 марта 1992.

- Декабристы. (1938) *Летописи Государственного литературного музея*. — М. — Вып. 3.
- Декабристы. (1975) *Антология: В 2 т.* — Л. — Т. 1.
- Декабристы. (1988) *Биографический справочник* / Сост. С. В. Мироненко. — М.
- Демезер А., Дзюба М. Л. (1957) *Домоводство*. — М.
- Демографический ежегодник России. *Статистический сборник* (1999). — М.
- Директора Пажгинской коррекционной школы — интерната судят за создание «Комнаты психологической разгрузки». Ей грозит четыре года // *Сыктывкарский «Мемориал»*. URL: <<http://memorial.by.ru/new13.html>>.
- Дмитриева Н. (1960) *О прекрасном*. — М.
- Добрынкина Е. (1876) Бытовая жизнь крестьянки в Муромском уезде // *Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета*. — Владимир. — Т. 1. — Вып. 1.
- Довлатов С. (1993) *Собр. прозы: В 3 т.* — СПб.
- Домбровский Е. И. (1926) Дискуссия о браке и семье // *Революционная законность*. — № 9/10.
- Дондурей Д. (2002) «Экстремальное ТВ» // *Известия*. — 7 декабря 2002 г.
- Достоевский Ф. М. *Полн. собр. соч.: В 13 т.* — Л.
- Достоевский Ф. М. (1975) Подросток // *Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т.* — Л. — Т. 13.
- Дружинин Н. М. (1958) *Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева*. — М. — Т. 2.
- Дрыжакова Е. Н. (1999) *Герцен на Западе: В лабиринте надежд, славы и отречения*. — СПб.
- Дубровский А., ред. (1890) *Статистика российской империи. XIII. Проституция по обследованию 1 Августа 1889 г.* — СПб.
- Дятлов В. (1999) Кавказцы в Иркутске: конфликтотенная диаспора // Г. Витковская и А. Малашенко, ред. *Нетерпимость в России: старые и новые фобии*. — М.
- Евтушенко Н. (1999) Держи меня, соломинка, держи // *Ставропольские губернские ведомости*. — 27 авг. 1999.
- Егоров Б. Ф. (1996) Русские утопии // *Из истории русской культуры*. — М. — Т. V (XIX век).
- Ельцин Б. (2000) *Президентский марафон*. — М.
- Еникеева Д. (1997) *Сексуальная патология*. — М.
- Еремеев Я. М., Хмель И. В. (1999) Канонизация как фаза пушкинской нарративы // *Провинциальная ментальность России в прошлом, настоящем и будущем*. — Самара.
- Жеребкин С. ред. (2001) *Введения в гендерные исследования. Ч. 2. Хрестоматия*. — Харьков; СПб.
- Жвирблис И. (1962) «Дома с привидениями» // *Декоративное искусство*. — № 6.
- Жижек С. (1999) *Возвышенный объект идеологии*. — М.
- Жінка на порозі XXI століття: становище, проблеми, шляхи соціального розвитку. Збірник матеріалів Всеукраїнського конгресу жінок. (1998) 21—23 травня 1998 року. — Київ.
- Жириновский В., Юровицкий В. (1998) *Азбука секса. Очерки по сексуальной культуре в рыночном мире*. — М.
- Жирмунский В. М. (2001) Преодолевшие символизм // *Поэтика русской поэзии*. — СПб.

- Жирнова Г. В. (1980) *Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем*. — М.
- Жук О. (1998) *Русские амазонки: История лесбийской субкультуры в России: XX век*. — М.
- Жуков Н. (1954) Воспитание вкуса // *Новый мир*. — № 10.
- Журженко Т. (2001) *Социальное воспроизводство и гендерная политика в Украине*. — Харьков.
- Завалишин Д. И. (Б. г.) *Записки декабриста*. — СПб.
- Залкинд А. Б. (1924) *Революция и молодежь*. — М.
- Залкинд А. Б. (1930) *Половой вопрос*. — М.
- Замятин Е. (1989) *Избранное*. — М.
- Записки земского начальника Александра Новикова* (1899). — СПб.
- Захаров С., Иванова Е. (2001) Внебрачные дети // *Население и общество*. Информационный бюллетень Центра демографии и экологии человека ИПП РАН.
- Захарова Н., Посадская А., Римашевская Н. (1989) Как мы решаем женский вопрос // *Коммунист*. — № 4.
- Захарова О., Рыбаковский Л. (1997) Геополитические аспекты депопуляции в России // *Социологические исследования*. — № 6.
- Зейфман Н. В. (1982) Из переписки декабристов // *Записки Отдела рукописей ГБЛ*. — М. — Вып. 43.
- Зейфман Н. В. (1985) Декабрист Владимир Иванович Штейнгейль // *Штейнгейль В. И. Сочинения и письма*. — Иркутск. — Т. 1.
- Здравомыслова Е. А. (1999). От социальной проблемы к коллективному действию: правозащитная организация «Солдатские матери» // *Костюшев В. В., ред. Общественные движения в современной России: от социальной проблемы к коллективному действию*. — М.
- Здравомыслова Е., Темкина А., сост. (2000) *Хрестоматия феминистских текстов. Переводы*. — СПб.
- Здравомыслова Е., Темкина А., ред. (2002) *В поисках сексуальности. Сборник статей*. — СПб.
- Здравомыслова Е., Темкина А. (2002) Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе // *Ушакин, сост. О муже(Н)ственности...*
- Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. (2003) Советский этакратический гендерный порядок // *Пушкарева Н. Л., ред. Социальная история-2002. Гендерный выпуск*. — М.
- Здравомыслова О. М., Шурыгина И. И. (1999) Выжить или преуспеть: жизненные стратегии // *Народонаселение*. — № 3—4.
- Зеликова Ю., Фомин З. (1996). Проблемы становления благотворительного сектора в Санкт-Петербурге // *Благотворительные организации Санкт-Петербурга: Справочное издание*. — СПб.
- Зидер Р. (1997) *Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII — XX в.)* — М.
- Иванов А. И., Щербинин П. П., сост. П. (2001) *Женщина и война в поэзии и повседневноности Первой мировой войны 1914—1918 гг.* — Тамбов.
- Иванов Вяч. (1994) *Родное и вселенское*. — М.
- Иванов В., Топоров В. (1990) Род // *Мелетинский Е. М., гл. ред. Мифологический словарь*. — М.

- Иванова О. И. (1977) Воспоминания О. И. Ивановой // Анненкова, *Воспоминания Полины Анненковой...*
- Ильенков А. И. (2001) «Адольтер в сказках Пушкина: подтекст и сверхтекст» // Корона В. В., Созина Е. К., ред. *Архетипические структуры художественного сознания*. — Екатеринбург. — Вып. 2.
- Ильф И., Петров Е. (1990) *12 стульев. Золотой теленок*. — М.
- Имелинский К. (1986) *Сексология и сексопатология*. — М.
- Интервью с Татьяной Толстой (1993) // *World Literature Today*. — № 1. (Winter 1993).
- Ионин Л. (2000) *Социология культуры: путь в новое тысячелетие*. — М.
- Исаев Д. Д. (1991) Гомосексуализм и его этиологические модели // *Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева*. — № 2.
- Исаев Д. Д. (1994) Особенности половой идентичности у лиц с гомосексуальной направленностью влечения // *Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева*. — № 2.
- Исаев Д. Д. (1994) Система отношений к «значимым другим» у гетеро- и гомосексуальных мужчин // Кабанов М. М., ред. *Теория и практика медицинской психологии и психотерапии*. — СПб. — Т. 133.
- Исаев Д., Каган В. (1979) *Половое воспитание и гигиена пола у детей*. — Л.
- Ищук Л. И., сост. (2001) *Информационно-консультативный вестник по вопросам семьи и детства. Комитет по делам семьи и молодежи Правительства Москвы*. — М. — Вып. 7.
- К празднованию Международного юношеского дня (1937) // *Комсомольская правда*. — 19 нояб. 1937.
- Казаков Ю. П. (1977) *Во сне ты горько плакал*. — М.
- Казьмина О. Е., Пучков П. И. (1999) *Основы этнодемографии*. — М.
- Калабихина И. (1995) *Социальный пол и проблемы населения*. — М.
- Канторович А. Я. (1899) *Законы о женщинах (сборник всех постановлений действующего законодательства, относящихся до лиц женского пола)*. — СПб.
- Каплун М. (1929) Брачность населения РСФСР // *Статистическое обозрение*. — 1929. — Вып. 7.
- Карвасарский Б. Д., ред. (1999) *Психотерапевтическая энциклопедия*. — СПб.
- Каргополов А. (1958) Колхозницы обсуждают книгу «Домоводство» // *Семья и школа*. — № 1.
- Карева М. П. (1952) *Право и нравственность в социалистическом обществе*. — М.
- Карпущенко С. В., сост. (1999) *Быт русской армии XVIII — начала XX века*. — М.
- Кастельс М. (2000) *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*. — М.
- Каутский К. (1923) *Размножение и развитие в природе и обществе*. — М.
- Качанов Ю. Л., Шмагто Н. А. (1996) Базовая метафора в структуре социальной идентичности // *Социологические исследования*. — № 1.
- Кашкин Н. Н. (1912) *Родословные разведки* / Под ред. Б. П. Модзалевского. — СПб. — Т. 1.
- Келли Г. (2000) *Основы современной сексологии*. — СПб.
- Киблицкая М. (1999) *Исповеди одиноких матерей*. — М.
- Кларк К. (2002) *Советский роман: история как ритуал*. — Екатеринбург.
- Клейн Л. (2000) *Другая любовь*. — СПб.
- Клецин А. А. (1998) Социология семьи // Ядов В. А., ред. *Социология в России*. — М.

- Кляйн М. (2001а) Заметки о некоторых шизоидных механизмах // Кляйн, Айзекс, Райверс, Хайманн. *Развитие в психоанализе...*
- Кляйн М. (2001б) Некоторые теоретические выводы, касающиеся эмоциональной жизни младенца // Кляйн, Айзекс, Райверс, Хайманн. *Развитие в психоанализе...*
- Кляйн М., Айзекс С., Райверс Дж., Хайманн П. (2001) *Развитие в психоанализе* / Пер. с англ., сост. И. Романов. — М.
- Козлова Н. (1999) Согласие или общая игра (Методологические размышления о литературе и власти) // *Новое литературное обозрение*. — № 40.
- Коллинз Р. (2000) Введение в неочевидную социологию // Гапова, Усманова, ред. *Антология гендерной теории...*
- Коллонтай А. М. (1919) *Новая мораль и рабочий класс*. — М.
- Коллонтай А. М. (1923) Дорогу крылатому Эросу! (письмо трудящейся молодежи) // *Молодая гвардия*. — № 3.
- Коллонтай А. М. (1991) Революция быта // *Искусство кино*. — № 6.
- Кон И. (1966) Половая мораль в свете социологии // *Советская педагогика*. — № 12.
- Кон И. (1967) Половое созревание как социальная проблема // Кон И. *Социология личности*. — М.
- Кон И. (1970). Секс, общество, культура // *Иностранная литература*. — № 1.
- Кон И. (1997) *Сексуальная культура в России. Клубничка на березке*. — М.
- Кон И. (2002) Диагноз судьбы и судьба диагноза // URL: <<http://gay.ru/science/kon/index.htm>>
- Кон Ф. Я. (1902) *Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет*. — Казань.
- Кончаков Р. Б. (2001) *Демографическое поведение крестьянства Тамбовской губернии в XIX — начале XX в. Новые методы исследования*: Дис. ... канд. ист. наук. — Тамбов.
- Коптяева А. Н. (1950) *Иван Иванович*. — Чкаловское издательство.
- Корбен А. (2000) Ароматы частной жизни // *Новое литературное обозрение*. — № 43.
- Корешкая К. (1963) Педагогика ненависти // *Дошкольное воспитание*. — № 6.
- Коржаков А. (1997) *Борис Ельцин: от рассвета до заката*. — М.
- Коржаков А. (2000) Президентский марафон: от рассвета до заката // URL: <<http://www.stringer-agency.ru/020Gazeta/10006/015Article/Default.asp>>
- Королев Ю. А. (1968) *Соотношение правовых норм и моральных требований при регулировании брачно-семейных отношений в СССР*: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М.
- Королев Ю. (1978) *Брак и развод. Современные тенденции*. — М.
- Королева Т. В. (1980) *Семья и кризис моральных ценностей буржуазного общества (на материалах США)*. — Минск.
- Косованов А. И. (1925) Новые страницы из жизни минусинских декабристов // *Декабристы в Минусинском округе: Минусинский краеведческий музей*. — Минусинск.
- Котляревский (1879) Отверженные дети // *Дело*. — № 8.
- Кочетов Вс. (1970) *Журбины*. — Л.
- Кочелев В. А. (1999) «Онегина» воздушная громада... — СПб.
- Краснова З. (1960) Хороший вкус в убранстве жилья // *Семья и школа*. — № 1.

- Крафт-Эбинг Р. (1984) *Половая психопатия, с обращением особого внимания на извращение полового чувства*. — М.
- Кретчмер (1888) Воспоминания // *Исторический вестник*. — № 3—5.
- Кризис семьи и депопуляция в России («Круглый стол») // *Социологические исследования*. — 1999. — № 11.
- Кристева Ю. (1998а) Душа и образ // Найман, Суровцев. *Интенциональность и текстуальность...*
- Кристева Ю. (1998б) Ребенок с невысказанным смыслом // Найман, Суровцев. *Интенциональность и текстуальность...*
- Крокодил: Сатирический журнал*. 1946—1966.
- К статистике и казуистике болезней половых органов у крестьянок Кирсановского уезда* (1889). — Тамбов.
- Кубалов Б. Г. (1925) *Декабристы в Восточной Сибири*. — Иркутск.
- Кузина М. (2002) Семейно-бытовые ток-шоу. Как это делается и сколько стоит // *Известия*. — 19 окт. 2002 г.
- Кузнецова Г. Н. (1995) *Грасский дневник*. — М.
- Кулагина А. В., сост. (1999) Заветные частушки из собрания А. Д. Волкова. Ч. 1: Эротические частушки. — М.
- Куликовская Г. (1959) Проникающая в звезду // *Огонек*. — № 11.
- Куприн А. И. (1994) *Избранное*. — М.
- Куприн О. (1959) *Быт — не частное дело*. — М.
- Купченко В. (2000) *Жизнь Максимилиана Волошина*. — СПб.
- Курганов И. А. (1968) Женщины в семье // *Женщины и коммунизм*. — Нью-Йорк.
- Кучма Л. (2000) *Вірю в український народ*. — Київ.
- Кушнирук Ю., Щербаков А. (1982) *Популярно о сексологии*. — Киев.
- Кюхельбекер В. К. (1891) Дневник В. К. Кюхельбекера. Ч. 2 // *Русская старина*. — № 10.
- Лавров В. В. (1989) *Холодная осень: Иван Бунин в эмиграции (1920—1953)*. — М.
- Лайнер Л. (2001) *Веселая троица: Вицин, Моргунов, Никулин*. — М.
- Лакан Ж. (1998) *Семинары, Книга I: Работы Фрейда по технике психоанализа (1953/54)*. — М.
- Лаптенюк С. (1967) *Мораль и семья*. — Минск.
- Лауретис де Т. (2001) Американский Фрейд // Жеребкин С., ред. *Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия*. — Харьков; СПб.
- Л. Е. (1993) Обыкновенный матчизм. Кто виноват? // *Московский комсомолец*. — 20 авг. 1993.
- Лебина Н. Б., Шкаровский М. В. (1994) *Проституция в Петербурге*. — М.
- Лебина Н. (1999) *Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920/1930 годы*. — СПб.
- Леви-Строс К. (1983) *Структурная антропология*. — М.
- Левчук Н. (1997) Про дослідження механізму формування демографічної кризи в Україні // *Демографічні дослідження*. — Вип. 19.
- Левчук Н. (2000) Нас меншає. Що робити, аби було навпаки? // *Віче*. — 2000. — № 1.
- Ле Гофф Ж. (2002) *Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада*. — Екатеринбург.
- Ленин В. И. *Полн. собр. соч.* 5-е изд. — М.

- Ленин В. И. (1961) Письмо Инессе Арманд от 24 января 1915 г. // Ленин. *Полн. собр. соч.* — М. — Т. 49, 54—57.
- Леонов Н. (1995) Почему «плохих» пап больше? // *Аргументы и факты*. — № 46.
- Леонтьев Д. А. (1992) *Методика изучения ценностных ориентаций*. — М.
- Леонтьев К. (1993) Достоевский о русском дворянстве // Леонтьев К. *Избранное*. — М.
- Лермонтов М. Ю. (1962) *Собр. соч.: В 4 т.* — М.; Л.
- Лисовский В. Т. (1969) *Эскиз к портрету*. — М.
- Литературное наследство*. (1983). — М. — Т. 93.
- Литовская М. А. (2000) Женщина как переходящее красное знамя // *От кухарки до музы: женщина в культуре*. — Екатеринбург. — С. 65—73.
- Лотман Ю. М. (1988) *В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь*. — М.
- Лотман Ю. М. (1992) *Избранные статьи: В 3 т.* — Таллинн. — Т. 1.
- Лотман Ю. М. (1994) *Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начала XIX века)*. — СПб.
- Лоуренс Д. Р. (1991) *Клиническая фармакология*. — М.
- Лоуэн А. (1998) *Любовь и оргазм*. — М.
- Луканов Ю. (1996) *Третий Президент: политический портрет Леонида Кучмы*. — Київ.
- Луначарский А. В. (1927) *О быте*. — М.; Л.
- Луныкова Л. Г. (1998) Материнские семьи: соблюдение прав и гарантий // *Права женщин в России: исследование реальной практики их соблюдения и массового сознания*. — М. — Т. 1.
- Луныкова Л. Г. (2000) Положение неполных семей // *Россия—1999...*
- Луныкова Л. Г. (2001) О современном уровне жизни семей одиноких матерей // *СОЦИС*. — № 8.
- Луныкова Л. Г. (2002) Уровень жизни и материальная поддержка государством неполных семей // *Россия: 10 лет реформ. Социально-демографическая ситуация*. — М.
- Лупашко А. (1995) Убегающие от войны // *Ставропольская правда*. — № 28.
- Лупашко А. (1999) Унесенные войной // *Ставропольская правда*. — 23 апр. 1999.
- Лупашко А. (2000) Одних подарков мало... // *Ставропольская правда*. — 7 дек. 2000.
- Луппов И. А. (1963) Новым зданиям — новый интерьер // Матвеева Н. И., ред. *Искусство и быт*. — М.
- Львов Г. (1959) Остерегайтесь пошлости — боритесь за хороший вкус! // *Московский художник*. — № 10/11.
- Любимова Г. (1964) Рациональное оборудование квартир // *Декоративное искусство*. — № 6.
- Макаренко А. С. (1986а) *Педагогические сочинения: В 8 т.* / Сост. М. Д. Виноградова, А. А. Фролов. — М.
- Максимов С. (1871) *Сибирь и каторга. Ч. 2. Виноватые и обвиненные*. — СПб.
- Маркс К. (1961) Проект закона о разводе // Маркс, Энгельс. *Соч.* — М. — Т. 1.
- Маркс К., Энгельс Ф. (1964) Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.* — М. — Т. 4.
- Маркс К., Ф. Энгельс, В. И. Ленин о женском вопросе. (1978). — М.
- Мартынюк А. (1994) Муза путаны // *Семья*. — № 13.

- Матвеева В. (2002) Здравствуй, мама! // *Сельская новь*. — № 7.
- Материнская любовь (1955) // *Китайские и корейские сказки*. Обработка для детей Н. Ходза. — Л.
- Медкова М. (2002) Семья «звезд» шоу-бизнеса (контент-анализ материалов прессы) // *СОЦИС*. — № 3.
- Международные конвенции и декларации о правах женщин и детей*. (1998). — М.
- Меклина М. (2000) «Бабушка умерла» // *Литературный дневник*. — Сентябрь. URL: <<http://vavilon.ru/diary/000905.html>>
- Мемуары декабристов. Северное общество*. (1981). — М.
- Мемуары декабристов. Южное общество*. (1982). — М.
- Мерзон Л. Кому нужны сироты в России? // URL: <<http://demography.narod.ru/opinions/kids.html>>
- Мещеркина Е. (2002) Бытие мужского сознания: опыт реконструкции маскулинной идентичности среднего и рабочего класса // Ушакин, сост. *О муже(Н)ственности...*
- Мид М. (1988) *Культура и мир детства. Избр. произв.* — М.
- Миланов Н. О., Адамян Р. Т., Козлов Г. И. (1999) *Коррекция пола при транссексуализме*. — М.
- Милькович (1905) *Быт и верования татар Симбирской губернии в 1738 г.* — Казань.
- Миронов Б. (1999) *Социальная история России*. — СПб.
- Миронова В. (1995) Молот — это то, что надо женщине // *Семья*. — № 34.
- Миселюк А. (2001) Виктор Пинчук: Я смог бы задать Мельниченко несколько неприятных вопросов // URL: <www.rus.for-ua.com/analit/2001/12/09/181349.html>
- Мифы народов мира* (1988). — М.
- Михеева А. (1998) Дороги к семье, которые выбирают женщины (истории матерей внебрачных детей) // Барчунова Т. В., ред. *Полок пола*. — Новосибирск.
- Могутин Я. (1993) Предисловие // *Слезы на цветах. Сочинения Евгения Харитоновича. Книга 1*. — М.
- Мониторинг социально-экономического потенциала семей*. — М. — Вып. IV. (1999).
- Московичи С. (1995) Предпосылки объяснения в социальной психологии // *Социальная психология: саморефлексия маргинальности. Хрестоматия*. — М.
- Московичи С. (1996) *Век толп*. — М.
- Мосс М. (1996) *Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии*. — М.
- Мостовая Ю. (2000) Все. В небе голубом горит одна звезда // *Зеркало Недели*. — 2—8 сент. 2000.
- Мостовая Ю. (2001) О звездах, планетах и пыльных тропинках // *Зеркало Недели*. — 25 дек. 2001 — 11 янв. 2002.
- Морозова З. А. (2002) Военные в структуре населения торгово-промышленного села первой половины XIX в. (На примере с. Рассказово Тамбовской губернии) // Шербинин, ред. *Армия и общество...*
- Муравьева М. Г. (2001) История брака и семьи: западный опыт и отечественная историография // *Семья в ракурсе социального знания*. — Барнаул.
- Набоков В. (1998) *Комментарий к роману А. С. Пушкина «Владимир Онегин»*. — СПб.

- Назаров П. С. (1890) К этнографии башкир // *Этнографическое обозрение*. — № 2 (1).
- Найман Е. А., Суворцев В. А., ред. (1998) *Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века*. — Томск.
URL: <<http://www.PHILOSOPHY.ru/library/misc/intent/08kristeva.html>>.
- Народное хозяйство СССР в 1965 г.* (1966). — М.
- Нартова Н. (1999) Молодежная лесбийская субкультура в Санкт-Петербурге // Костюшев К., ред. *Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга*. — СПб.
- Наумова Н. Ф. (1989) Брак // Гвишиани Д. М., Лапин Н. И., ред. *Краткий словарь по социологии*. — М.
- Некрасов В. (1962) Эстамп в квартире // *Декоративное искусство*. — № 3.
- Немцев В. И. (1991) *Михаил Булгаков: становление романиста*. — Самара.
- Неупокоев В. И. (1987) *Государственные повинности крестьян Европейской России в конце XVIII — начале XIX века*. — М.
- Николс М. (2000) Теоретический контекст семейной психотерапии // Эйдемиллер З. Г., Александрова Н. В., Юстикис В., сост. *Семейная психотерапия. Хрестоматия*. — СПб.
- Никольская Е. (1958а) Благоустройство жилища // *Семья и школа*. — № 1.
- Никольская Е. (1958б) Уют и обстановка в доме // *Семья и школа*. — № 11.
- Никольский В. И. (1885) *Тамбовский уезд. Статистика населения и болезненности*. — Тамбов.
- Новиков А. (1899) *Записки земского начальника*. — СПб.
- Новиков М. (1999) Тайфуны с ласковыми именами // *Книжное обозрение «Ex libris III»*. — 21 янв. 1999.
- Новое в законодательстве о браке и семье*. (1979) — М.
- Нойберг Р. (1960) *Вопросы пола (книга для молодежи)*. — Фрунзе.
- Нойберг Р. (1967) *Новая книга о супружестве*. — М.
- Коппирерс Б., Фоушин Н., Апресян Р., ред. (2002) *Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры*. — М.
- Нуркова В. (1994) Папа стирает пеленки. И это нормально // *Дело*. — № 11.
- Оболенский Е. П. (1981) Воспоминания Е. П. Оболенского // *Мемуары декабристов. Северное общество...*
- Оксана Марченко: Красота — это такие глупости! // *Cosmopolitan* (украинское издание). — 2002. — Март.
- Олигархи и общество* // URL: <www.rus.for-ua.com/analit/2001/04/12/110806.html>
- Омельченко Е. (2002) «Изучая гомофобию: механизмы исключения «другой» сексуальности в провинциальной молодежной среде» // Здравомыслова, Темкина, ред. *В поисках сексуальности...*
- О пиве, бананах и секретаршах. Виктор Суслев: в украинской политике нет моральных преград // *День*. — Киев. — 2 марта 2002.
- О положении детей в Российской Федерации. 2000 год*. — М.
- О положении семей в Российской Федерации 1994—1996*. (1998). — М.
- О положении семей в Российской Федерации*. (1989). — М.
- Орлов В. Н. (1951) В. К. Кюхельбекер в крепостях и в ссылке: (новые материалы) // *Декабристы и их время: Материалы и сообщения*. — М., Л.

- Орлова Г. А. (1997) Исследование литературного дискурса и письменная личность // *Психологический вестник РГУ*. — Ростов н/Д. — Вып. 2. — Ч. 1.
- Основы социальной концепции Русской православной церкви (2000) *Информационный бюллетень. Отдел внешних церковных связей Московского патриархата*. — № 8.
- Осокина Е. А. (1998) *За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в годы индустриализации. 1927—1941*. — М.
- Павлюченко З. А. (1976) *В добровольном изгнании*. — М.
- Палева О. (2002) К 3,5 года лишения свободы условно приговорена директор Пажгинского дома-интерната Коми за издевательства над детьми // *Коми-Информ*. — 15 июля 2002 // URL: <<http://www.komiinform.ru>>.
- Парсонс Т. (1998) *Система современных обществ*. — М.
- Парфенов П. (1998) Рассказы о Пушкине, записанные К. А. Тимофеевым // *Пушкин в воспоминаниях современников*. — СПб.
- Пастернак Б. Л. (1998) *Доктор Живаго*. — Вильнюс.
- Пелевин В. (1999) *Generation «Пи»*. — М.
- Першин Караксарский П. И. (1975) Воспоминания о декабристах // *Дум высокое стремление*. — Иркутск.
- Песин Я. Е. (1955) *Семья в социалистическом обществе*. — Ташкент.
- Петровская И. (2002) Не сочтите, что это в бреду // *Известия*. — 21 сент. 2002.
- Пірожков С., Лакіза-Сачук Н., Запатріна І. (1995) *Україна в демографічному вимірі: минуле, сучасне, майбутнє*. — Київ.
- Пірожкова В. А. (1998) *Потерянное поколение. Воспоминания о детстве и юности*. — СПб.
- Писарев Д. И. (1981) Мотивы русской драмы // Писарев Д. И. *Литературная критика: В 3 т.* — Л. — Т. 1.
- Піскунов В. (1997) До характеристики сучасного стану суспільства в Україні як макроформи демореальності // *Демографічні дослідження*. — Вип. 19.
- Письма Н. А. Герцен к Гервегам (1958) Обзор Л. Р. Ланского // *Литературное наследство*. — М. — Т. 64.
- Пищикова Е. (2000) Люблю я Пушкину, но странную любовью // *Известия*. — 28 янв. 2000.
- Платон (1999) *Государство* // Платон. *Филеб, Государство, Тимей, Критий*. — М.
- Платонов А. (1991) Счастливая Москва // *Новый мир*. — № 9.
- Поджио А. В. (1989) *Записки, письма*. — Иркутск.
- Познанский А. (1993) *Самоубийство Чайковского. Миф и реальность*. — М.
- Поттер Дж. (1998) Дискурс-анализ как метод исследования естественно протекающей речи // *Иностранная психология*. — № 10.
- Права человека в регионах Российской Федерации (2000) // *Сборник докладов региональных правозащитных организаций о положении с правами человека в субъектах Российской Федерации за 1999 г.* — М.
- Прайсман Л. (2000) «Профессия как способ защиты» // *Ставропольская правда*. — 29 дек. 2000.
- Преображенский Е. А. (1923) *О морали и классовых нормах*. — М.; Л.
- Пропп В. Я. (1986) *Исторические корни волшебной сказки*. — Л.
- Пропп В. Я. (2001) *Морфология волшебной сказки*. — М.
- Про становище сімей в Україні* (1999). — Київ.

- Пушкарев А. М. (2002) А. М. Коллонтай и проблема «новой половой морали» (Обзор российских и зарубежных исследований) // Успенская В. И., ред. *А. М. Коллонтай: феминистка и революционерка*. — Тверь.
- Пушкарева Н. Л. (1995) Женщина, семья, сексуальная этика в православии и католицизме. Перспективы сравнительного подхода // *Этнографическое обозрение*. — № 3.
- Пушкарева Н. Л. (1997) *Частная жизнь русской женщины в доиндустриальной России: невеста, жена любовница*. — М.
- Пушкин А. С. (1986) *Соч.: В 3 т.* — М.
- Пушкин А. С. (1999) *Полн. собр. соч.* — М. — Т. 15.
- Пушкина О. (2001) *Женские истории Оксаны Пушкиной*. — М. — Вып. 1.
- Пушкина О. (2001) *Женские истории Оксаны Пушкиной*. — М. — Вып. 2.
- Пушкина О. (2002) *Женские истории Оксаны Пушкиной*. — М. — Вып. 1.
- Пушин И. И. (1988) *Записки о Пушкине. Письма*. — М.
- Пятигорский А. М. (1996) *Избранные труды*. — М.
- Работница: Общественно-политический журнал*. 1946—1966.
- Раевский В. Ф. (1956) Неизвестные письма В. Ф. Раевского (1827—1866) // Публ. и вступ. статья Ю. Г. Оксмана // *Литературное наследство*. — М. — Т. 60, кн. 1.
- Раевский В. Ф. (1983) *Материалы о жизни и революционной деятельности*. — Иркутск. — Т. 2.
- Раевич С. И. (1926) «Брачное и семейное право» // *Основы советского права*. — М.; Л.
- Радаев В. В. (1998) *Экономическая социология*. — М.
- Разумова И. (2001) *Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История*. — М.
- Раппопорт С. Х. (1962) *Творить мир по законам красоты*. — М.
- Рассел П. (1996) *100 кратких жизнеописаний геев и лесбиянок*. — М.
- Рахманин С., Мостовая Ю. (2002) Украина партийная. Ч. II: Наша Украина // *Зеркало Недели*. 16—22 февр. 2002.
- Рахманин С., Мостовая Ю. (2002) Украина партийная. Ч. III: Блок Юлии Тимошенко // *Зеркало Недели*. 23 февр. — 1 марта 2002.
- Рахманин С., Мостовая Ю. (2002) Украина партийная. Ч. VI: Социал-демократическая партия Украины (объединенная) // *Зеркало Недели*. 16—22 марта 2002.
- Ревель Ж. (1996) Микросторический анализ и конструирование социального // *Одиссей. Человек в истории*. — М.
- Рикер П. (1995) *Герменевтика. Этика. Политика*. — М.
- Рильке Р. М. (2000) *Записки Мальте Лауридса Бригге* / Пер. с нем. Е. Суриц. — СПб.
- Римашевская Н. и др. (1999) *Окно в русскую частную жизнь*. — М.
- Роговин В. З. (1970) Проблемы семьи и бытовой морали в советской социологии 20-х гг. // *Социальные исследования*. — М. — Вып. 4.
- Роговин В. З. (1972) Вопросы семьи и положения женщины в советской социологии 20-х гг. // *Динамика изменений положения женщины и семья*. — М.
- Розанов В. (1990). *Опавшие листья*. — М.
- Розанов В. В. (1991) Семья как религия // *Русский Эрос, или Философия любви в России*. — М.

- Розанов В. (1998) Люди лунного света // Розанов В. В. *Уединенное*. — М.
- Розен А. Е. (1984) *Записки декабриста*. Иркутск.
- Россия — 1997. *Социально-демографическая ситуация* (1998). — М.
- Россия — 1998. *Социально-демографическая ситуация* (1999). — М.
- Россия — 1999. *Социально-демографическая ситуация* (2000). — М.
- Роткирх, А. (2002) Советские культуры сексуальности // Здравомыслива, Темкина, ред. *В поисках сексуальности...*
- Рубин Г. (2001) Размышляя о поле: заметки о радикальной теории сексуальных политик // Жеребкин, ред. *Введение в гендерные исследования...*
- Руденко С. И. (1916) *Башкиры. Опыт этнологической монографии: В 2 т.* — Петроград.
- Рукавишников А. А. (1992) *Опросник межличностных отношений*. — Ярославль.
- Русский фольклор* (1981). Библ. указ. 1901—1916. — Л.
- Рюриков Ю. (1967) *Три влечения*. — М.
- Рюриков Ю. (1977). *Трудность счастья. Любовь и молодая семья*. — М.
- Рябов О. В. (2001) *Матушка-Русь: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историографии*. — М.
- Рязанов З. (1995) *Неподведенные итоги*. — М.
- Рясенцев В. А., ред. (1982) *Советское семейное право*. — М.
- Сабашникова М. (1990) Зеленая змея // *Вестник новой литературы*. — М. — Вып. 2.
- Сабилло И. И. (1994) *Солдатка*. — СПб.
- Савелов Л. М. (1908—1909) *Лекции по русской генеалогии, читанные в Московском археологическом институте. Второе полугодие*. — М.
- Савельев А. (1881) *Юридические отношения между супругами по законам и обычаям великорусского народа*. — Н. Новгород.
- Савицкий А. (2003) Миллиардер в России больше чем олигарх // *Независимая газета*. — 20 янв. 2003.
- Салтанова Р., Колчинская Н., ред. (1959) *Подруга*. — М.
- Салтыков А. (1954) О художественном качестве промышленных товаров // *Советская торговля*. — № 9.
- Салтыков А. (1959) *О художественном вкусе в быту*. — М.
- Самойлов Л. (1993) *Перевернутый мир*. — СПб.
- Сандомирская И. (2001) *Книга о родине. Опыт анализа дискурсивных практик*. Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 50. — Wien.
- Сборник разъяснений Верховного суда РСФСР*. (1935). — М.
- Сборник циркуляров и инструкций МВД*. (1854). — СПб. — Т. 1.
- Свердлов Г. М. (1941) О предмете и системе социалистического семейного права // *Советское государство и право*. — № 1.
- Свердлов Г. М. (1955) *Охрана интересов детей в советском семейном праве*. — М.
- Светлов В. И. (1939) *Брак и семья при социализме и капитализме*. — М.
- Светлова Н. (1959) Твой дом // *Огонек*. — № 3.
- Свод постановлений о солдатских детях* (1848). — СПб.
- Святощ А. (1974). *Женская сексопатология*. — М.
- Семенова В. В. (1998). *Качественные методы: введение в гуманистическую социологию*. — М.
- Семенова Л. Н. (1982) *Очерки истории быта и культурной жизни России, первая половина XVIII в.* — Л.

- Семья и школа*. 1946—1966.
- Семья сегодня* (1979). — М.
- Сердюченко В. (1996) Могикиане: Заметки о прозе «отцов» в постсоветской литературной ситуации // *Новый мир*. — № 3.
- Сердюченко В. (2002) Женское перо в современной русской литературе // *Дипломат*. — № 3 (83) // URL: <http://www.diplomat-cd.ru/index.html?0_16_20001-03_147>
- Серль Дж. Р. (1986) Косвенные речевые акты // *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов*. — М.
- Серова М. В. (2001) Об одном неучтенном «манифесте» акмеизма, или Версия Ахматовой // *Некалендарный XX век*. — Новгород.
- Сеченов И. М. (1947) *Избранные философские и психологические произведения*. — М.
- Сибирская советская энциклопедия*. (1932). — М — Т. 3.
- Сидякова Г. (1959) Уроки домоводства в школе // *Семья и школа*. — № 3.
- «Сильный муж», «слабая жена» так ли это? // *Неделя*. — 1977. — № 33.
- Синельников А. Б. (1992) Социально одобряемые причины развода в прошлом и настоящем // *СОЦИС*. — № 2.
- Скворцов С. (1927) Разврат ли это? // *Смена*. — № 8.
- Скрипилев Е. А. (1994) Семейное право // Скрипилев Е. А., ред. *Развитие русского права в первой половине XIX в.* — М.
- Скрипкин Ю., Марьясис Е. (1985) *Гигиена юноши*. — Минск.
- Славникова О. (1999) Недолет указывает на цель // *Урал*. — № 2.
- Сложная кремлевская интрига (2000) // *Восточно-Сибирская правда*. — 7 июня 2000 (перепечатка из *The Washington Post*).
- Смирнов В. (1925) Жизнь декабристов в Туруханске // *Сибирские огни*. — № 6.
- Соболев А. В. (2000) Вельможная каторга и ее артельное хозяйство // *Вопросы истории*. — № 2.
- Собрание законов СССР* (1936) — М.
- Собрание узаконений и распоряжений РСФСР* (1917) — М.
- Собрание узаконений и распоряжений РСФСР* (1920). — М.
- Собрание узаконений РСФСР* (1918). — М.
- Собрание узаконений РСФСР* (1926). — М.
- Соловьев Е. Т. (1900) Преступления и наказания по понятиям крестьян Поволжья // *Сборник народных юридических обычаев*. — СПб.
- Соловьев Н. Я. (1962) *Семья в советском обществе*. — М.
- Соссюр Ф. (1977) *Труды по языкознанию*. — М.
- Сорок лет советского права*. — Л. — Т. 2.
- Сорохтин Г. Н. (1927) Половое воспитание детей в плане марксистской педагогики // Симонов И. С., ред. *Половой вопрос в школе и в жизни*. — Л.
- Сочнева З. Г. (1988) *Казуистика в психиатрии*. — Рига.
- Социальная психология* (2001). Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М.
- Спасский Н. (1912) *Очерки по родинovedению. Казанская губерния*. — Казань.
- Справочная книжка, составленная офицером Генерального штаба Махотиным* (1881). — СПб.
- Слустя полвека: Народные рассказы о Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.* — Курган. — 1994.
- Старый и новый быт* (1923). — М.

- Стешенко В., Піскунов В. (1996) До питання про концепцію національної демографіки в Україні // *Демографічні дослідження*. — Вип. 18.
- Стокер П. (1995) *Работа иностранцев: Обзор международной миграции рабочей силы*. — М.
- Столетие Военного министерства. 1802—1902. (1902) Главный штаб. Исторический очерк*. — СПб. — Ч. 1, кн. 1.
- Столетие Военного министерства. 1802—1902. (1907)*. — СПб. — Ч. II, кн. 1, отд. 2.
- Столетие Военного министерства. 1802—1902. (1911) Военно-тюремные учреждения*. — СПб. — Т. XII, ч. III.
- Страусс А., Корбин Дж. (2001) *Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники*. — М.
- Струве Б. В. (1975) Декабристы и их семейства // *Дум высокое стремление*. — Иркутск.
- Струмилин С. (1960) Мысли о грядущем // *Октябрь*. — № 3.
- Студентам: Лекции (УМК): История отечественного государства и права* // URL: <http://www.distance.ru/4stud/umk/iogp/iogp23.html>
- Ступко А., Соколова С. (1981) *Тебе — мальчик, юноша*. — Киев.
- Суворова И. (1962) На уровне плохого рынка // *Декоративное искусство*. — № 6.
- Сухарев А. А. (1904) *Казанские татары (уезд Казанский). Опыт этнографического и медико-антропологического исследования*. — СПб.
- Тальская О. С. (1986) Александр Федорович Бриген // Бриген А. Ф. *Письма, исторические сочинения*. — Иркутск.
- Тараев М. (1960) Первый всероссийский съезд художников // *Декоративное искусство*. — № 9.
- Твардовский А. Т. (1976) *Собр. соч.: В 6 т.* — М.
- Твардовский А. (1987) По праву памяти // *Новый мир*. — № 3.
- Твардовский А. (1992) У меня как бы две биографии... / Публ. и коммент. Р. Романовой // *Литературная газета*. — 16 дек. 1992.
- Темина Л. (2000) Мужика хвалить, себе могилу рыть // *Семья*. — № 19.
- Тенишев В. (1908) *Административное положение русского крестьянина*. — СПб.
- Тимина С., Воронина О. (1998) Медя XX века: полемика, традиция, миф // *Санкт-Петербургский университет*. — 29 июня 1998. URL: <http://www.spbumag.nw.ru/97-98/no16-98/29.html>
- Тишков В., ред. (1994) *Женщина и свобода*. — М.
- Толстая Т. (1983) Клеем и ножницами // *Вопросы литературы*. — № 9.
- Толстая Т. (2002) *Река Оккервиль. Сборник рассказов*. — М.
- Толстой Л. Н. (1979) *Собр. соч.: В 22 т.* — М.
- Томашевский Б. В. (1996) *Теория литературы. Поэтика*. Учеб. пособие. — М.
- Томпсон Д. Л., Пристли Д. (1996) *Социология: Вводный курс*. — М.
- Топоров В. Н. (1997) Пространство и текст // Николаева Т. М., сост. *Из работ московского семиотического кружка*. — М.
- Трифонов Ю. В. (1975) *Московские повести*. — М.
- Трифонов Ю. (1989) Записки соседа // *Дружба народов*. — № 10.
- Трубецкой С. П. (Б. г.) *Записки князя С. П. Трубецкого*. — СПб.
- Трубина Е. Г. (1996) *Персональная идентичность как социально-философская проблема*: Автореф. дис. ... д-ра фил. наук. — Екатеринбург.
- Туровская, М. (1966) Шекспир и мы // *Да и нет*. — М.

- Туровская М. (1957) Да и нет // *Искусство кино*. — № 12.
- Тынянов Ю. Н. (1976) *Поэтика. История литературы. Кино*. — М.
- Тэсс Т. (1980) *Близко к сердцу*. — М.
- Українські Новини*, информационное агентство. — Киев // URL: www.ukranews.com
- Улицкая Л. (1996) *Медя и ее дети*. — М.
- Улицкая Л. (2001) *Веселье похороны*. — М.
- Улицкая Л. (2001) *Казус Кукоцкого*. — М.
- Ульянов И. И. (1914) Воин и русская женщина в обрядовых причитаниях наших северных губерний // *Живая старина*. — Пг. — Вып. 3—4.
- Урланис Б. Ц. (1963) *Рождаемость и продолжительность жизни в СССР*. — М.
- Успенский Б. А. (2000) *Поэтика композиции*. — СПб.
- Утехин И. (2001) *Очерки коммунального быта*. — М.
- Утехин И. (2003) Календарь закрывает этот лист // *Нева*. — № 3.
- Ушакин С. (2001) Загадки «русской души»: обзор монографий Е. Хеллберг-Хирн, Д. Ранкур-Лаферрье, Д. Песмен // *Социологический журнал*. — № 2.
- Ушакин С. (2002) «Человек рода он»: знаки отсутствия // Ушакин, сост. *О муже(Н)ственности...*
- Ушакин С., сост. (2002) *О муже(Н)ственности. Сборник статей*. — М.
- Фадеев А. А. (1976) *Разгром*. — М.
- Фаис О. Д. (1994) О брачно-сексуальных приоритетах представителей некоторых этнических групп населения Москвы на современном этапе // Тишков, ред. *Женщина и свобода...*
- Фаленберг П. И. (1931) *Из записок декабриста. Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов*. — М. — Т. 1.
- Фасмер М. (1987) *Этимологический словарь русского языка*. — М.
- Фатеев А. В. (1999) *Образ врага в советской пропаганде 1945—1954 гг.* — М.
- Фести П., Прокофьева Л. (1997) Алименты, пособия и доходы семей после развода // *Мир России*. — № 4.
- Флоренский П. (1992) *Детям моим. Воспоминания прошлых дней. Генеалогические исследования. Из соловецких писем. Завещание*. — М.
- Фонвизин М. А. (1979) *Сочинения и письма*. — Иркутск. — Т. 1.
- Форсова В. (1997) Православные семейные ценности // *СОЦИС*. — № 1.
- Фреде В. (2001) История коллективного разочарования: Дружба, нравственность и религиозность в дружеском кругу А. И. Герцена — Н. П. Огарева 1830—1840-х гг. // *Новое литературное обозрение*. — № 49.
- Фрейд З. (1991) Из истории одного детского невроза // Фрейд З. *Психоаналитические этюды*. — Минск.
- Фрейд З. (1999) *Толкование сновидений*. — СПб.
- Фриз Г. Л. (2000) Сословная парадигма и социальная история России // Дэвид-Фокс М., сост. *Американская русистика. Императорский период*. — Самара.
- Фролов А. Ф. (1882) Воспоминания А. Ф. Фролова // *Русская старина*. — № 6.
- Фромм З. (1991) *Бегство от свободы*. — М.
- Фуко М. (1996) *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет*. — М.
- Фукс К. (1844) *Казанские татары*. — Казань.
- Фурман Г. И. (1962) *Советская семья*. — М. Ц

- Хазанова В. Е. (1991) Архитектура в пору «оттепели» // Лебедева В. Е., ред. *От шестидесятых к восьмидесятым. Вопросы современной культуры*. — М.
- Харитонов Е. (1993) *Слезы на цветах. Книга 1: Под домашним арестом*. — М.
- Харчев А. Г. (1964) *Брак и семья в СССР. Опыт социологического исследования*. — М.
- Харчев А. (1968). *Быт и семья в социалистическом обществе*. — Л.
- Харчев А. (1979). *Брак и семья в СССР*. — М.
- Хмарук И. Н. (2000) *Социально-психологические корреляты выбора способа реагирования в ситуации измены супруга: Дисс. ... канд. психол. наук*. — Ростов-на-Дону: РГУ.
- Ходасевич В. А. (1997) *Собр. соч.: В 4 т.* — М.
- Ходоров Н. (2000) Психодинамика семьи // Здравомыслова, Темкина, сост. *Хрестоматия феминистских текстов...*
- Хорнунг З. (2002) Интерактивное конструирование гендера в браках во время Второй мировой войны в Австрии // Гапова, Усманова, ред. *Гендерные истории Восточной Европы...*
- Хрипкова А., Колесов Д. (1981) *Девочка — подросток — девушка: Пособие для учителей*. — М.
- Хрипкова А., Колесов Д. (1982) *Мальчик — подросток — юноша: Пособие для учителей*. — М.
- Хрущев Н. С. (1955) *О широком внедрении индустриальных методов, улучшении качества и снижении стоимости строительства*. — М.
- Хрущев Н. С. (1964) Из доклада о Программе Коммунистической Партии Советского Союза на XXII съезде КПСС. 18 октября 1961 г. // Хрущев Н. С. *О коммунистическом воспитании*. — М.
- Хубер Д. (2000) Теория гендерной стратификации // Гапова, Усманова, ред. *Антология гендерной теории...*
- Хуциев М., Шпаликов Г. (1965) *Мне 20 лет. Киносценарий*. — М.
- Чередниченко Т. (2002) Исповедальщина // *Искусство кино*. — № 9.
- Черейская М. (1959) Заметки о хорошем вкусе // Салтанова и Колчинская. *Подруга...*
- Черновситова О. В. (1997) Материалы к биографии Ф. Сологуба. // Павлова М., Лавров А., ред. *Неизданный Федор Сологуб*. — М.
- Черный Саша. (1960) *Стихотворения*. — Л.
- Чернышевский Н. Г. (1974) *Собр. соч.: В 5 т.* — М.
- Чирков О., Винниченко І. (2000) Етнодемографічний розвиток України: історія, сучасність, перспективи // *Сучасність*. — № 7—8.
- Чистов В. К. (1955) *Народная поэтесса И. А. Федосова*. — Петрозаводск.
- Чодороу Н. (2000) Воспроизводства материнства: психоанализ и социология пола (часть III. Половая идентификация и воспроизводство материнства) // Гапова, Усманова, ред. *Антология гендерной теории...*
- Чуйкина С. (2002) Быт неотделим от политики: формирование официальных и неофициальных норм «половой» морали в советском обществе 1930—1980-х годов // Здравомыслова, Темкина, ред. *В поисках сексуальности...*
- Чуйко Л. (1997) Застосування моделей спеціальних таблиць шлюбності у дослідженнях її структурної трансформації // *Демографічні дослідження*. — Вип. 19.
- Чуковский К. (1949) Растление американских детей // *Литературная газета*. — 1949. — № 83.
- Чулихин Н. (1993) Дамы приглашают дам // *Рабочая трибуна*. — 6 марта 1993.

- Чхартишвили Г. (1999) *Писатель и самоубийство*. — М.
- Цивьян Т. В. (1974) К семантике дома в балканских загадках // *Материалы Всесоюз. симпозиума по вторичным моделирующим системам*. — Тарту. — Вып. 1 (5).
- Шатин Ю. В. (2002) Три Анны. Нарратология русского адюльтера // Созина Е. К., ред. *Архитектурные структуры художественного сознания*. — Екатеринбург. — Вып. 3.
- Швейцер В. А. (1992) *Быт и бытие Марины Цветаевой*. — М.
- Шевцова Л. (1999) *Режим Бориса Ельцина*. — М.
- Шевцова Л., Клямкин И. (1998) Эта всеявная бессильная власть // *Независимая газета*. — 24 июня 1998.
- Шемякин А. (1996) Диалог с литературой или опасные связи // *Кинематограф оттепели*. — М.
- Шенле А. (1997) Теории функциональности: критический обзор // *Новое литературное обозрение*. — № 27.
- Шешин А. Б. (1980) *Декабрист К. П. Торсон*. — Улан-Удэ.
- Шишкевич М. (1927) Семья и брак в условиях нового быта // Семашко Н., ред. *Семья и брак в прошлом и настоящем*. — М.
- Шкерин В. А. (1998) *Генерал Глинка. Личность и эпоха*. — Екатеринбург.
- Шкловский В. Б. (1965) *За сорок лет*. — М.
- Шкуратов В. А. (1997) Культурные универсалии и персональное бытие человека // *Психологический вестник РГУ*. — Ростов н/Д. — Вып. 2. — Ч. 1.
- Шкуратов В. А., Федорова Е. Л. (1999) Множественная личность в науке и в истории // *Психологический вестник РГУ*. — Ростов н/Д. — Вып. 4.
- Шмулевич М. М. (1980) Историю Бурятии мы возведем... // *Байкал*. — № 1.
- Шмулевич М. М. (1985) Михаил Кюхельбекер и баргузинский священник Федор Миронов // *Памяти декабристов*. — Иркутск.
- Шолохов М. (1982) *Донские рассказы*. — М.
- Шолохов М. А. (1988) *Тихий Дон: Роман в четырех книгах*. — Ростов н/Д.
- Штейнгейль В. И. (1985) *Сочинения и письма*. — Иркутск. — Т. 1.
- Шепаньский Я. (1969) *Элементарные понятия социологии*. — М.
- Шербинин П. П. (2000) Военное сословие в социальной структуре российского общества в середине XIX в. (на материалах Тамбовской губернии) // *Население и территория Центрального Черноземья и Запада России в прошлом и настоящем*. — Воронеж.
- Шербинин П. П., отв. ред. (2001а) *От мужских и женских к гендерным исследованиям: Материалы междунар. научн. конференции 20 апреля 2001 г.* — Тамбов.
- Шербинин П. П. (2001б) Проституция, армия, сифилис в российской обществуности в XIX — начале XX в. // Шербинин, сост. *От мужских и женских к гендерным...*
- Шербинин П. (2001в) Повседневность солдатских жен в России в XIX в. // Шербинин, сост. *От мужских и женских к гендерным...*
- Шербинин П. (2001г) Гендерные аспекты патриотических движений в периоды войн XIX — начала XX в. (женский патриотизм военной эпохи как социокультурное явление) // Тишкин Г. А. (сост., отв. ред.) *Российские женщины и европейская культура: Материалы V конф.* — СПб.
- Шербинин П., отв. ред. (2002а) *Армия и общество. Материалы междунар. научн. конференции*. — Тамбов.

- Шербинин П. П. (2002 б) Проституция, французенерия и русская армия в XIX — начале XX в. // *Родина*. — № 7.
- Эйдемиллер З. Г., Юстицкий В. В. (1990). *Семейная психотерапия*. — Л.
- Элиас Н. (2001) *О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. Т. I. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада*. — М.
- Элиасов Л. Е. (1960) *Русский фольклор Восточной Сибири. Ч. II: Народные предания*. — Улан-Удэ
- Энгел Б. А. (1996) Бабушка сторона // *Менталитет и аграрное развитие России (19—20 вв.): Материалы междунар. конференции*. — М.
- Энгельс Ф. (1985) *Происхождение семьи, частной собственности и государства*. — М.
- Энгельштейн Л. (1996) *Ключи счастья. Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX—XX вв.* — М.
- Эткинд А. (1993) *Эрос невозможного. История психоанализа в России*. — СПб.
- Эткинд А. (2001) *Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах*. — М.
- Эткинд А. (2002) Бремя бритого человека, или Внутренняя колонизация России // *Ab Imperio*. — № 1.
- Юзик Ю. (2002) Детский карцер «психологической разгрузки» // *Комсомольская правда*. — 24 июля 2002 // URL: <<http://www.kp.ru/articles/issue22836/paper18911.html>>
- Юнг К. Г. (1995) *Ответ Иову*. — М.
- Юркевич Н. Г. (1970) *Советская семья: Функции и условия стабильности*. — Минск.
- Юрчак А. (2002) Мужская экономика: «Не до глупостей, когда карьеру куешь» // Ушакин, сост. *О муже(Н)ственности...*
- Ющенко М. Д. (1980) Критика буржуазно-реформистских измышлений по вопросам семьи и брака в социалистическом обществе // *Вопросы общественных наук. Вып. 44. Критика буржуазных и ревизионистских концепций в курсе научного коммунизма*. — Киев.
- Якимова Е. В. (1999) *Социальное конструирование реальности: социально-психологические подходы*. — М.
- Якобсон Р. О. (1975) Лингвистика и поэтика // *Структурализм: «за» и «против»*. — М.
- Якубова Ю. (1998) Особистість та сім'я в епоху соціальних трансформацій // *Соціальна політика в Україні та сучасні стратегії адаптації населення*. — Київ.
- Якушкин И. Д. (1951) *Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина*. — М.
- Якушкин И. Д. (1905) *Записки*. — СПб.
- Ярская-Смирнова Е. (2002) Стигма «инвалидной» сексуальности // *Здоровья мышления, Темкина, ред. В поисках сексуальности...*
- Aho J.A. (1994) *This thing of darkness: A sociology of the enemy*. — Seattle.
- Alasuutari P. (1995) *Researching culture. Qualitative method and cultural studies*. — London.
- Altman D. (1982) *The homosexualization of America*. — Boston.

- Althusser L. (1977) *Ideologie und ideologische Staatsapparate*. — Berlin.
- Andrews E.S. (1996) *The financing of pension systems in Central and Eastern Europe: An overview of major trends and their determinants, 1990—1993. Technical paper No. 339*. — Washington, D.C.: World Bank.
- Andrews N. (1994) *Family: A portrait of gay and lesbian America*. New York.
- Andrusz G.D. (1980) Housing Ideals, Structural Constraints and the Emancipation of Women // Brine, Perrie, and Sutton, ed. *Home, School and Leisure...*
- Ariès Ph. (1962) *Centuries of childhood: A social history of family life*. — New York.
- Bakhtin M. (1984) *Problems of Dostoevskii's poetics*. — Minneapolis.
- Bal M. (1997) *Narratology: Introduction to the theory of narrative*. — Toronto.
- Ball A.M. (1994) *And now my soul is hardened: Abandoned children in Soviet Russia, 1918—1930*. — Berkeley.
- Barbalet J.M. (1988) *Citizenship: rights, struggle and class inequality*. — Minneapolis.
- Bar N., ed. (1994) *Labor markets and social policy in Central and Eastern Europe: The transition and beyond*. — Oxford.
- Barthes R. (1964) *Mythen des Alltags*. — Frankfurt/Main.
- Bassin M. (1993). Turner, Solov'ev, and the «frontier hypothesis»: The nationalist signification of open spaces // *Journal of Modern History*. — Vol. 65.
- Blassingame J. (1972) *The slave community: Plantation life in the antebellum South*. — New York.
- Bateson G. (1935) Culture contact and schismogenesis // *Man*. — Vol. 35.
- Bateson G. (1936) *Naven: A survey of the problems suggested by a composite picture of the culture of a New Guinea tribe drawn from three points of view*. — Cambridge.
- Bateson G. (1958) *Naven. Second Edition*. — Stanford
- Bateson G. (1972) *Steps to an ecology of mind*. — New York.
- Benjamin H. (1964) *Transsexualismus, Wesen und Behandlung*. — Nervenarzt. — Vol. 35.
- Benjamin H. (1966) *The transsexuals phenomenon*. — New York.
- Berdahl D. (1999) *Where the world ended: Re-unification and identity in the German borderland*. — Berkeley.
- Bernard Jessie. (1981) The good-provider role: its rise and fall // Kimmel M., Messner M, eds. *Men's lives*. — Boston.
- Bersani L. (1995) *Homos*. — Cambridge.
- Billig M. (1997) The dialogic unconscious: psychoanalysis, discursive psychology and the nature of repression // *British Journal of Social Psychology*. — Vol. 36.
- Blank R. (1994) Does a larger social safety net mean less economic flexibility? // Freeman R.B., ed. *Working under different rules*. — New York.
- Blekher F. (1979) *The Soviet woman in the family and in society*. — New York.
- Bodrova V. (1996) Russian attitudes on sex and youth // *Choices*. — Vol. 25.
- Bogle D. (2001) *Toms, coons, Mammies and bucks: An interpretive history of Blacks in American films*. Continuum Publishing Group, 4th ed.
- Bohnsack R. (1999) *Rekonstruktive Sozialforschung. Einfuehrung in Methodologie und Praxis qualitativer Forschung*. — Opladen.
- Bonnell V.E. (1997) *Iconography of power: Soviet political posters under Lenin and Stalin*. — Berkeley.
- Borchorst A. (1999) Feminist thinking about the welfare state // Ferree M., Lorber J., and B.B. Hess, eds. *Revisioning gender*. — London.
- Bourdieu P. (1982) *Die feinen Unterschiede: Kritik der gesellschaftlichen Urteilskraft*. — Frankfurt am Main.

- Bourdieu Pierre. (1987) *Sozialer Sinn: Kritik der theiretischen Vernunft*. — Frankfurt am Main
- Bourdieu P. (1988) *Homo academicus*. — Stanford.
- Bourdieu P. (1990) *In other words: essays towards a reflexive sociology*. — Stanford.
- Boym S. (1990) *Common places: mythologies of everyday life*. — Cambridge.
- Brine J., Perrie M., and A Sutton, eds., (1980) *Home, school and leisure in the Soviet Union*. — London.
- Bronfenbrenner U. (1968) The changing soviet family // Brown, ed. *The Role and Status of Women...*
- Bronski M. (1995) *The pleasure principle. Sex, backlash, and the struggle for gay freedom*. — New York.
- Brown D., ed. (1968) *The role and status of women in the Soviet Union*. — New York.
- Brown W. (1992) Finding the man in the state // *Feminist Studies*. — Vol. 18. — № 1.
- Browning G. (1985) Soviet politics: where are the women? // Holland B. ed. *Soviet sisterhood: British feminists on women in the USSR*. — London.
- Buchli V. (1997) Khrushchev, modernism, and the fight against petit-bourgeois consciousness in the soviet home // *Journal of Design History*. — Vol. 10. — № 2.
- Buchli V. (1999) *An archaeology of socialism*. — Oxford.
- Bullough V.L. (1994) *Science in the bedroom: a history of sex research*. — New York.
- Butler J. (1990) *Gender trouble: feminism and the subversion of identity*. — New York.
- Butler J. (1997) *The psychic life of power. Theories in subjection*. — Stanford.
- Calhoun A. (1917—1919) *A social history of the American family from colonial times to the present*. — Cleveland. — Vol. 2.
- Carlson A. (1990) *The Swedish experiment in family politics: the myrdals and the inter-war population crisis*. — New Brunswick.
- Chapman T. (1999) «You've got him well trained»: The negotiation of roles in the domestic sphere // Chapman T., Hockey J., eds. *Ideal homes? Social change and domestic life*. — London.
- Chevalier S. (2002) The cultural construction of domestic space in France and Great Britain // *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. — Vol. 27. — № 3.
- Clark S. (2000) *Cold warriors: Manliness on trial in the rhetoric of the West*. — Carbondale.
- Clinton C. (1982) *The plantation mistress: woman's world in the old South*. — New York.
- Cohen A.P. (1985) *The symbolic construction of community*. — Chichester.
- Cohn C. (1993) Wars, wimps, and women: talking gender and thinking war // Cooke M., Woollacott A. (eds.) *Gendering war talk*. — Princeton.
- Cowan R.S. (1989) *More work for mothers*. Second ed. — London.
- Cripps T. (1993) *Slow fade to Black: The Negro in American film, 1900—1942*. — New York.
- Crowley D., Reid, S.E. eds. (2001) *Socialist spaces: sites of everyday life in the eastern bloc*. — Oxford.
- Das Eherecht in der Sowjetunion* (1932) // *Der Weg der Frau*. 1932. Hf. 11.
- Daskalova K. (2000) Women's problems, women's discourses in Bulgaria // Gal and Kligman, eds. *Reproducing Gender...*
- Davis B., Harre R. (1990) Positioning: The discursive production of selves // *Journal of the Theory of Social Behaviour*. — Vol. 20.
- Daly M. (1977) *Beyond God the father: toward a philosophy of women's liberation*. — Boston.

- Deacon B., (1992a) East European welfare: past, present, and future in comparative context // Deacon, ed. *The new Eastern Europe...*
- Deacon B., ed. (1992b) *The new Eastern Europe: Social policy past, present, and future*. — New York.
- Deacon B., Szalai J., eds. (1990) *Social policy in the new Eastern Europe: what future for socialist welfare?* — Avebury.
- Denzin N.K. (1984) Toward a phenomenology of domestic, family violence"= // *American Journal of Sociology*. — Vol. 90, issue 3.
- De Certeau M. (1988) *The practice of everyday life*. — Berkeley.
- De Hart J.S. (2001) Containment at home: gender, sexuality, and national identity in cold war America // Kuznick, Gilber, eds. *Rethinking cold war culture...*
- De Volo L. (1998) Drafting Motherhood // Lorentzen L.A., Turpin J., eds. *The Women and war reader*. — New York.
- Dnipropetrovsk cronyism (1997) // *Transition*. — 21 March 1997.
- Doane M. (1991) The moving image: pathos and the maternal // Landy M., ed. *Imitations of life: a reader on film and television melodrama*. — Detroit.
- Dobrenko E. (1995) Soviet comedy film: or the carnival of authority // *Discourse: Journal for Theoretical Studies in Media and Culture*. — Vol. 17.3, Spring 1995.
- Doherty W. (1997) *The intentional family: how to build family ties in our modern world*. Addison-Wesley Publishing Company.
- Dölling, I., Hann D., Scholz S. (2000) «Birth strike» in the new federal states: is sterilization an act of resistance? // Gal and Kligman, eds. *Reproducing Gender...*
- DuBois W.E.B. (1924) *The gift of Black folk: The Negroes in the making of America*. — Boston.
- Dumon W. (1989) Family and migration // *International migration*. — Vol. 28. — № 2.
- Dunham V. (1976) *In Stalin's time: middle-class values in Soviet fiction*. — Cambridge.
- Dunham V. (1968) The changing image of women in Soviet literature // Brown, ed. *Role and Status...*
- Eberstadt N. (1993) Mortality and the fate of communist states // *Communist Economies and Economic Transformation*. — Vol. 5. — № 4.
- Eduards M. L. (1991) Toward a third way: women's politics and welfare policies in Sweden // *Social Research*. — Vol. 58. — № 3.
- Einhorn B. (1993) *Cinderella goes to market. Citizenship, gender, and women's movements in East Central Europe*. — London.
- Ellis H. (1915) *Studies in psychology of sex*. — New York.
- Ellis H., Sumonds J.A. (1986) *Das Kantrare Geschlechtsgefuht*. — Leipzig.
- Elster J. (1988) Négation active et négation passive // Watzlawick, *L'invention de la réalité...*
- Enloe C.H. (1993) *The morning after: sexual politics at the end of the cold war*. — Berkeley.
- Erikson E. (1950). *Childhood and society*. — New York.
- Esping-Andersen G. (1990) *The three worlds of welfare capitalism*. — Princeton
- Esping-Andersen G., ed. (1996) *Welfare states in transition: national adaptations in global economics*. — London.
- Fairclough, N. (1989) *Language and power*. — New York.
- Farnsworth B. (1990). The soldatka: folklore and court record // *Slavic Review*. — Vol. 49.
- Feldmesserin R., Field M. G. (1968) Workers (and mothers): soviet women today // Brown, ed. *The role and status of women...*

- Ferge Z. (1995) Challenges and constraints in social policy // Gombár C., Hankiss E., Lengyl L. and G. Varnia, eds. *Question marks: the Hungarian government, 1994—1995*. — Budapest.
- Ferge Z. (1997) Women and social transformation in central-eastern Europe: The «old left» and the «new right» // *Czech Sociological Review*. — Vol. 5. — № 2.
- Ferge Z. (1998) *Fejlesztések a Magyar Szegénypolitika Történetéből*. — Budapest.
- Ferge Z., Kolberg J. E., eds. (1992) *Social policy in a changing Europe*. — Frankfurt.
- Field D. (1998) Irreconcilable differences: divorce and conceptions of private life in the Khrushchev era // *Russian Review*. — Vol. 57. — № 4.
- Figes O. (2001) *Natasha's dance. A cultural history of Russia*. — London.
- Filene P. (2001) «Cold war culture» doesn't say it all // Kuznick P., Gilber J. *Rethinking cold war culture...*
- Filtzer D. (1992) *Soviet workers and de-stalinization*. — Cambridge.
- Fitzpatrick M.A., Ritchie L.D. (1944) Communication schemata within the family // *Human Communication Research*. — Vol. 20.
- Fitzpatrick S. (1978) Sex and revolution: an examination of literal and statistical data on the mores of Soviet students in the 1920's. // *Journal of Modern History*. — Vol. 50 (2).
- Fitzpatrick S. (1992) *The Cultural front*. — Ithaca.
- Fitzpatrick S. (1994) *Stalin's peasants: resistance and survival in the Russian village after collectivization*. — Oxford.
- Foucault M. (1976) *Mikrophysik der Macht. Über Strafrecht, Psychiatrie und Medizin*. — Berlin.
- Foucault M. (1980) *Power/knowledge: selected interviews and other Writings*. — New York.
- Foucault M. (1998) *The history of sexuality*. — London. — Vol. 1.
- Fox L. (1994) *Old age security in transitional economies*. Policy Research Working Paper No. 1257. — Washington.
- Fox-Genovese E. (1981) Scarlett O'Hara: the Southern lady as new woman // *American Quarterly*. — Vol. 33, issue 4.
- Fox-Genovese E. (1988) *Within the plantation household*. — Chapel Hill.
- Frank J. D. (1967) *Sanity and survival: psychological aspects of war and peace*. — New York.
- Fraser N. (1989) *Unruly practices: power, discourse, and gender in contemporary social theory*. — Minneapolis.
- Fraser N. (1997) *Justice interruptus: critical reflections on the «postsocialist» condition*. — New York.
- Fraser N., Gordon L. (1994) «Dependency» demystified: inscriptions of power in a keyword of the welfare state // *Social Politics*. — Vol. 1. — № 1.
- Freud S. (1954). *The origins of psychoanalysis. Letters to Wilhelm Fliess*. — New York.
- Funk N., Mueller M., eds. (1993) *Gender politics and post-communism: reflections from Eastern Europe and the former Soviet Union*. — New York.
- Fuszara M. (2000) New gender relations in Poland in the 1990s // Gal and Kligman, eds. *Reproducing gender...*
- Gal, S., Kligman G., eds. (2000) *Reproducing gender: politics, publics, and everyday life after socialism*. — Princeton.
- Gapova E. (2002). *Nation, gender, and class formation in Belarus... and elsewhere in the post-soviet world* // Paper presented at Annual SOYUZ Symposium, University of Michigan Center for Russian and East European Studies.

- Garfinkel H. (1984) *Studies in ethnomethodology*. — Cambridge.
- Gates H.L. Jr. (1988) *The signifying monkey: a theory of African-American literary criticism*. — New York.
- Gay P. (1998) *Freud. A Life for Our Time*. — New York.
- Gedeon P. (1995) Hungary: social policy in transition // *East European Politics and Societies*. — Vol. 9. — № 3.
- Genovese E. (1974) *Roll, Jordan, roll: the world the slaves made*. — New York.
- Gerasimova, È. (2002) Public privacy in the soviet communal apartment // Crowley, Reid, eds. *Socialist spaces...*
- Gerchuk I. (2000) The aesthetics of everyday life in the khrushchev thaw in the USSR (1954—1964) // Reid, Crowley eds., *Style and socialism...*
- Gergen K. (1982) *Toward transformation in social knowledge*. — New York.
- Gergen K.J. *Narrative, Moral Identity and Historical Consciousness: a Social Constructionist Account*. // URL: <<http://maple.lemoyne.edu/~hevern/narpsych.html>>
- Giami A. (2000) Changing relations between medicine, psychology and sexuality: the case of male impotence // *The Journal of Social Medicine*. — Vol. 37.
- Giddens A. (1991) *Modernity and self-identity*. — Cambridge.
- Giddens A. (1998) *The third way. The renewal of social democracy*. — Cambridge.
- Goffman E. (1986) *Frame analysis*. — Boston.
- Goings K. (1994) *Mammy and uncle Mose: Black collectibles and American stereotyping*. — Bloomington.
- Goldman W.Z. (1986) *Alimony and the peasant dvor: the gap between family law and rural life* // Paper delivered at National Convention of the American Association for the Advancement of Slavic Studies. — New Orleans. — November, 1986.
- Goldschneider F., Waite L. (1991) *New families, no families?* — Berkeley.
- Goldstein D. (1996) Domestic porkbarreling in nineteenth-century Russia // Gosילו H., Holmgren B., eds. *Russia. Women. Culture*. — Bloomington.
- Gorbachev M. (1987) *Perestroika, new thinking for our country and the world*. — London.
- Gordon, L. (ed.) (1990) *Women, the state, and welfare*. — Madison.
- Gorsuch A.E. (2000) *Youth in revolutionary Russia: enthusiasts, bohemians, delinquents*. — Bloomington.
- Götting U. (1995) Welfare state development in post-communist Bulgaria, Czech Republic, Hungary, and Slovakia: a review of problems and responses (1989—1993) // Pestoff, ed. *Reforming Social Services...*
- Goven J. (1993) Gender politics in Hungary: autonomy and antifeminism // Funk and Mueller, eds. *Gender politics and post-communism...*
- Goven J. (2000) New parliament, old discourse? The parental leave debate in Hungary // Gal and Kligman, eds. *Reproducing gender...*
- Greskovits B. (1998) *The political economy of protest and patience: East European and Latin American transformations compared*. — New York.
- Guldberg J. (1990) Socialist realism as institutional practice: observations on the interpretation of the works of art of the stalin period // Gunther, ed. *The culture of the Stalin period...*
- Gumperz J.J. (1997) Communicative competence // Coupland, N., Jaworsky A., eds. *Sociolinguistics: a reader*. — New York.
- Gunther H., ed. (1990) *The culture of the Stalin period*. — Basingstoke.
- Haavio-Mannila, E., Rotkirch A. (1998) Generational and gender differences in sexual life in St Petersburg and urban Finland // *Yearbook of Population Research in Finland XXXIV*. — Helsinki.

- Haavio-Mannila, E., Rotkirch A. (2000) Gender polarisation and liberalisation: comparing sexuality in St. Petersburg, Finland and Sweden // *Idäntutkimus — Finnish Review of East European Studies*. — № 3/4.
- Hamby Sh.L., Sugarman D.B. (1999) Acts of psychological aggression against a partner and their relation to physical assault and gender // *Journal of Marriage and the Family*. — Vol. 61. — № 4.
- Hanson P. (1974) *Advertising and socialism: the nature and extent of consumer advertising in the Soviet Union, Poland, Hungary and Yugoslavia*. — Basingstoke.
- Hantrais L., Letablier M.-T. (1996) *Families and family policies in Europe*. — London.
- Haney L. (1997) «But we are still mothers»: gender, and the construction of need in post-socialist Hungary // *Social Politics*. — Vol. 4. — № 2.
- Harle V. (2000) *The enemy with a thousand faces: The tradition of the Other in western political thought and history*. — Westport.
- Hayden D. (1981) *The grand domestic revolution: a history of feminist designs for American homes, neighborhoods, and cities*. — Cambridge.
- Hays S. (1996) *The cultural contradictions of motherhood*. — New Haven.
- Heale D. (2001) *Homosexual desire in revolutionary Russia: the regulation of sexual and gender dissent*. — Chicago.
- Hernes H. M. (1987) *Welfare state and woman power. Essays in state feminism*. — Oslo.
- Hinterhuber E.M. (1999). *Die Soldatenmuetter Sankt Petersburg: Zwischen Neotraditionalismus und neuer Widerstaendigkeit*. — Hamburg.
- Hobson B. (1994) Solo mothers, policy regimes, and the logics of gender // Sainsbury, ed. *Gendering welfare states...*
- Hoch S. (1982) Serfs in imperial Russia: demographic insights // *Journal of Interdisciplinary History*. — Vol. 13.
- Hoch S. L. (1986) *Serfdom and social control in Russia: Petrovskoe, a village in Tambov*. — Chicago.
- Hodnett G., ed. (1974) *Resolutions and decisions of the Communist party of the Soviet Union. Vol. 4: The Khrushchev years 1953—1964*. — Toronto.
- Hoffman E. (1989) *Lost in translation. A life in a new Language*. — New York.
- Holt Å. (1980) Domestic labour and Soviet society // Brine, Perrie, and Sutton, eds. *Home, school and leisure...*
- Hooper C. (2001) *Manly states: masculinities, international relations, and gender politics*. — New York.
- Huntington S. (1957) *The Soldiers and the state*. — Cambridge.
- Isay R. (1993) *Being homosexual. Gay men and their development*. — Harmondsworth.
- Ivanov N. (2000) Lesbians and gays in Russia // *Report to ILGA-Europe*. — 2000. — Vol. 3.
- Jeffords S. (1994) *Hard bodies: Hollywood masculinity in the Reagan era*. — New Brunswick.
- Jordan W. (1995) *White over Black: American attitudes toward the Negro, 1550—1812*. — Omohundro Institute of Early American History.
- Juviler P. (1984) *The family in the soviet system. The Carl Beck papers in Russian and East European Studies*. Paper № 306. — Pittsburgh.
- Kapstein E. B., Mandelbaum M., eds. (1997) *Sustaining transition: the social safety net in postcommunist Europe*. — New York.
- Kay R. (1997) Images of an ideal woman: perceptions of Russian womanhood through the media, education and women's own eyes // Buckley M., ed. *Post-Soviet women: from the Baltic to Central Asia*. — Cambridge.

- Kay R. (2000) *Russian women and their organizations. Gender, discrimination and grassroots women's organizations, 1991—1996*. — Basingstoke.
- Keen S. (1986) *Faces of the enemy: reflections of the hostile imagination*. — San Francisco.
- Kelly C. (2001) *Refining Russia: advice literature, polite culture, and gender from Catherine to Yeltsin*. — Oxford.
- Kelly N., Volkov V. (1998) Directed desires: kul'turnost' and consumption // Kelly C., Shepherd D., eds., *Constructing russian culture*. — Oxford.
- Kelly L., Burton S., Regan L. (1994) Researching women's lives or studying women's oppression? // Maynard M., Purvis J., eds. *Researching women's lives from a feminist perspective*. — London.
- Kennedy D.M. (1997) Culture wars: the sources and uses of enmity in american history // Fiebig-von Hase R., Lehmkuhl U., eds. *Enemy images in American history*. — Providence.
- Kettering K. (1997) «Ever more cosy and comfortable»: Stalinism and the soviet domestic interior, 1928—1938 // *Journal of Design History*. — Vol. 10. — № 2.
- Kimerling B. (1982) Soldiers children, 1719—1856: A study of social engineering in imperial Russia // *Forschungen zur osteuropaische Geschichte*. — № 30.
- Kligman G. (1998) *The politics of duplicity: controlling reproduction in Ceausescu's Romania*. — Berkeley.
- Knijn T., Ungerson C., eds. (1997) Special issue: care work and gender in welfare regimes // *Social Politics*. — Vol. 4. — № 3.
- Kolchin D. (1987) *Unfree labor: American slavery and Russian serfdom*. — Cambridge
- Êin I.S. (1995) *The sexual revolution in Russia. From age of the czars today*. — New York.
- Kornai J., Haggard S., Kaufman R., eds. (2000) *Reforming the state: fiscal and welfare reform in post-socialist countries*. — Cambridge.
- Kuznick P. J., Gilber J., eds. (2001) *Rethinking cold war culture*. — Washington.
- Lapidus G. (1978) *Women in soviet society: equality, development and social change*. — Berkeley.
- Laub D.R., Eicher W. (1989) Penis Constructoin in Female-to-male Transsexuals / Eicher W., ed. *Plastic Surgery in the Sexually Handicapped*. — Berlin
- Ledeneva A. V. (1998) *Russia's economy of favours. Blat, networking and informal exchange*. — Cambridge.
- Lefebvre H. (1999) *Everyday life in the modern world*. — London.
- Leira A. (1992) *Welfare states and working mothers: the Scandinavian experience*. — Cambridge.
- Levinson S.C. (1983) *Pragmatics*. — Cambridge.
- Lewis, J., Astrom G. (1992) Equality, difference, and state welfare: labor market and family policies in Sweden // *Feminist Studies*. — Vol. 18. — № 1.
- Lewis J. (1997) Gender and welfare regimes: further Thoughts // *Social Politics*. — Vol. 4. — № 2.
- Lewis J., ed. (1997) *Lone mothers in European welfare regimes. Shifting policy logics*. — London
- Mace D., Mace V. (1964) *The soviet family*. — London.
- Manderson L., Jolly M. (1997) *Sites of desire/ economics of pleasure: sexualities in Asia and the Pacific*. — Chicago.
- Malia M. (1999) *Russia Under western eyes: from the Bronze horseman to the Lenin mausoleum*. — Cambridge.

- Martin P. (1991) *The unfinished story: Turkish labour migration to western Europe*. — Geneva.
- Matich I. (1996) Remaking the bed: utopia in daily life // Bowlt J., Matich O., eds., (1996) *Laboratory of Dreams*. — Stanford.
- Maynes M.J. (1995) *Taking the hard road. Life course in French and German workers' autobiographies in the era of industrialisation*. — Chapel Hill.
- Mazali R. (1998) Parenting troops: the summons to acquiescence // Lorentzen L.A., Turpin J., eds. *The women and war reader*. — New York.
- McIntyre R.J. (1985) Demographic policy and sexual equality: value conflict and policy appraisal in Hungary and Romania // Wolchik S.L., Meyer A.G., eds. *Women, state and party in eastern Europe*. — Durham.
- McMillen S. (1985) Mother's sacred duty: breast-feeding patterns among middle- and upper-class women in the Antebellum South // *The Journal of Southern History*. — Vol. 51. — № 3.
- Menzel B. (2000) Some reflections on high and popular literature in late and soviet Russia // Песонен П., Хейнонен Ю., ред. *Переломные периоды в русской литературе и культуре*. — Helsinki.
- Meyerowitz J. (2001) Sex, gender, and the cold war language of reform // Kuznick, Gilber, eds. *Rethinking cold war culture...*
- Milanovic B. (1998) *Income, inequality, and poverty during the transition from planned to market economy*. — Washington.
- Miles R. (1991) Die Idee der «Rasse» und Theorien uber Rassismus: Ueberlegungen zur britischen Diskussion // Bielefeld U. Hg. *Das Eigene und das Fremde. Neuer Rassismus in der Alten Welt?* — Hamburg.
- Miller R.L. (2000) *Researching life stories and family histories*. — London.
- Mills C.W. (1954) *The power elite*. — London.
- Mitchell B.R. (1992) *International historical statistics, Europe, 1750—1988*. — New York.
- Mitchell M. (1996) *Gone with the wind*. — New York.
- Molyneux M. (1994) Women's rights and the international context: some reflections on post-communist states // *Millennium: Journal of International Studies*. — Vol. 23. — № 2.
- Moi T. (1994) *Simone de Beauvoir: the making of an intellectual woman*. — Oxford.
- Morgan E. (1975) *American slavery, American freedom: the ordeal of Colonial Virginia*. — New York.
- Mueller-Funk W. (2002) *Die kultur und ihre narrative. eine einfuhrung*. — Wien.
- Murray K. (1985) *Life as fiction* // URL: <<http://home.mira.net/~kmurray/psych/>>
- Myers T., Godin G., Calzavara L. et al. (1993) *The Canadian survey of gay and bisexual men and HIV infection: men's survey*. — Canadian AIDS Society.
- Nelson J. (2000) The politics of pension and health care reforms in Hungary and Poland // Kornai, Haggard, and Kaufman, eds. *Reforming the state...*
- Nepomnyashchy C.T. (1994) Perestroika and the soviet creative unions // Norman J.O., ed. *New perspectives on Russian and soviet artistic culture: selected papers from the Fourth world congress for Soviet and east European studies, Harrogate, 1990*. — New York.
- Neumann I.B. (1999) *Uses of the Other: «the East» in European identity formation*. — Minneapolis.
- Nove A. (1981) *Stalinism and after*. — London.

- Offe C. (1993) The politics of social policy in east European transitions: antecedents, agents, and agenda of reform // *Social Research*. — Vol. 60. — № 4.
- Okolicsanvi K. (1993) Hungary's misused and costly social security system // *RFE/RL Research Report 2*. — № 17.
- Orloff A.S. (1993) Gender and the social rights of citizenship: the comparative analysis of gender relations and welfare states // *American Sociological Review* 58. — № 3: 303—328
- Orloff A.S. (1996) Gender in the welfare state // *Annual Review of Sociology* 22.
- Ortner S. (1996) *Making gender: the politics and erotics of culture*. — Boston.
- Owens A.-M. (2001) Court decided, that the sex change doesn't influence the right to be the father. The 6-year's girl names the father both «daddy» and «mum» // *National Post On-Line*. — Feb. 2, 2001.
- Parkhurst J. (1938) The role of the Black Mammy in the plantation household // *Journal of Negro History*. — Vol. 23, issue 3.
- Parrenas R. S. (2001) *Servants of globalization. Women, migration and domestic work*. — Stanford.
- Pateman C. (1988) The patriarchal welfare state // Gutmann A., ed. *Democracy and the state*. — Princeton.
- Patterson O. (1982) *Slavery and social death: a comparative study*. — Cambridge.
- Patton J. O. (1980) Document: moonlight and magnolias in Southern education: The Black Mammy Memorial Institute // *Journal of Negro History*. — Vol. 65, issue 2.
- Pedersen S. (1993) *Family, dependence, and the origins of the welfare state: Britain and France, 1914—1945*. — Cambridge.
- Pence K. (2001) «You as a woman will understand»: consumption, gender and the relationship between state and citizenry in the GDR's crisis of 17 June 1953 // *German History*. — Vol. 19. — № 2.
- Pestoff V.A., ed. (1995) *Reforming social services in central and eastern Europe: an eleven nation overview*. — Cracow.
- Peterson D. (2000) *Up from bondage: the literatures of Russian and African-American soul*. — Durham.
- Petrova D. (1993) The winding road to emancipation in Bulgaria // Funk, Mueller, eds. *Gender politics and post-communism...*
- Pilkington H. (1996) Introduction // Pilkington H., ed. *Gender, generation and identity in contemporary Russia*. — London.
- Polanyi K. (1957) *The great transformation*. — Boston.
- Possadskaya A. (1993) *Women's studies in Russia: prospects for a feminist agenda*. Paper presented to Fifth interdisciplinary congress on women. — San Jose, Costa Rica. — 22—26 February 1993.
- Poster M. (1988) *Critical theory of the family. A continuum book*. — New York.
- Potter J., Wetherall M. (1981) *Discourse and social psychology: beyond attitudes and behaviour*. — London.
- Raimond J.G. (1979) *The Transsexuals empire: the making of the she-male*. — Boston.
- Rabien L.W. (1993) Romance in the age of electronics // Warhol R.R., Herndl D., eds. *Feminisms: an anthology of literary theory and criticism*. — New Brunswick.
- Ransel D.L. (1988) *Mother of misery: child abandonment in Russia*. — Princeton.
- Ransel D. (2000) *Village mothers: three generations of change in Russia and Tataria*. — Bloomington.
- Read J. (2000) *Disability, the family and society. Listening to mothers*. — Buckingham; Philadelphia.

- Reed I. (1987) The Black person in art: how should s/he be portrayed? // Gates H.L., Jr., ed. *Black American Literature Forum*. — Vol. 21, issue 1—2.
- Reid S.E. (1997) Destalinization and taste // *Journal of Design History*. — Vol. 10. — № 2.
- Reid S.E., Crowley D., eds. (2000) *Style and socialism: modernity and material culture in post-war eastern Europe*. — Oxford.
- Riabova T., Riabov O. (2002) «Unas seksa net»: gender, identity, and anticommunist discourse in Russia // Markarov A.A., ed. *State, politics, and society: issues and problems within post-soviet development*. — Iowa City.
- Rieber R.W., Kelly R.J. (1991) Substance and shadow: images of the enemy // Rieber R.W., ed. *Psychology of war and peace: the image of the enemy*. — New York.
- Ritchie L.D. (1991) Family Communication Patterns // *Communication Research*. — Vol. 18. — № 4.
- Rogin M. (1994) «Democracy and burnt cork»: the end of blackface, the beginning of Civil rights // *Representations*. — Vol. 46.
- Ruttenburg N. (1992) Silence and servitude: bondage and self-invention in Russia and America // *Slavic Review*. — Vol. 51 (4).
- Rotkirch A. (2000) *The Man Question. Loves and Lives in Late 20th century Russia*. — Helsinki.
- Roxin V., Hóos J. (1995) Social services in eleven central and east European countries-comparative aspects // Pestoff, ed., *Reforming social services...*
- Rubchak M. (1996) Christian virgin or pagan goddess: feminism versus the eternally feminine in Ukraine // Marsh R., ed. *Women in Russia and Ukraine*. — Cambridge.
- Rushdy A. (1993) Reading Mammy: the subject of relation in Sherley Anne Williams' *Dessa Rose* // *African American Review*. — Vol. 27. — № 3.
- Rutkowski J.J. (1996) *Changes in the wage structure during economic transition in central and eastern Europe*. World Bank Technical Paper № 340. — Washington.
- Rutkowski J.J. (1998) *Welfare and the labor market in Poland: social policy during economic transition*. World Bank technical paper № 417. — Washington.
- Sajo A. (1996) How the rule of law killed Hungarian welfare reform // *East European Constitutional Review*. — Vol. 5. — № 1.
- Said E.W. (1978) *Orientalism*. — New York.
- Sainsbury D., ed. (1994) *Gendering WELFARE STATES*. — New York.
- Sainsbury D. (1996) *Gender, equality and welfare states*. — Cambridge.
- Sassoon A.S. (1992) Introduction // Sassoon A.S., ed. *Women and the state: the shifting boundaries of public and private*. — London.
- Semyonova Tian-Shanskaia O. (1993) *Village life in late tsarist Russia*. Ed. by D.L. Ransel. — Bloomington.
- Schatz T. (1981) *Hollywood genres*. — New York.
- Schegloff E., Sacks H. (1973) Opening up Closings // *Semiotica*. — Vol. VIII (4).
- Schiffirin D. (1994) *Approaches to discourse*. — Oxford.
- Sebeok Th. A. (1981) Can Animals Lie? // *Animals*. — Vol. 114.
- Shannon C.E. (1948) A mathematical theory of communication // *The Bell System Technical Journal*. — Vol. 27.
- Sharp J.P. (2000) *Condensing the cold war: reader's digest and American identity*. — Minneapolis.
- Shiraev E., Zubok V. (2000) *Anti-Americanism in Russia: from Stalin to Putin*. — New York.
- Shlapentokh V. (1996) Russia: privatization and illegalization of social and political life // *The Washington Quarterly*. — Winter 1996.

- Siim, B. (1988) Towards a Feminist Rethinking of the Welfare State // Jones K.B., Jónasdóttir A.G., eds. *The political interests of gender: developing theory and research with a feminist face*. — London.
- Singhanetra-Renald A. (1992) The mobilization of labour migrants in Thailand: personal links and facilitating networks // Kritz M., Lim L. and Zlotnik H., eds. *International migration systems*. — Oxford.
- Sipos S. (1994) Income transfers: family support and poverty relief // Barr, ed. *Labor markets and social policy...*
- Skocpol T. (1992) *Protecting soldiers and mothers: the political origins of social policy in the United States*. — Cambridge
- Sosnovy, T. (1959) The Soviet housing situation today // *Soviet Studies*. — Vol. 11. — № 1.
- Spiegel J.A., van den Pol R.A., eds. (1993) *Making changes. Family voices on living with disabilities*. — Cambridge.
- Standing G. (1996) Social protection in central and eastern Europe: a tale of slipping anchors and torn safety nets // Esping-Andersen, ed. *Welfare states in transition...*
- Stavney A. (1998) «Mothers of tomorrow»: the new Negro renaissance and the politics of maternal representation // *African American Review*. — Vol. 32, issue 4.
- Steans J. (1998) *Gender and international relations: an introduction*. — New Brunswick.
- Steedman C. (1986) *Landscape for a good woman: the story of two lives*. — London.
- Stets J.E. (1990) Verbal and physical aggression in marriage // *Journal of Marriage and the Family*. — Vol. 52. — № 2.
- Straus M.A. (1979) Measuring intrafamily conflict and violence: the conflict tactics scales // *Journal of Marriage and the Family*. — Vol. 41. — № 1.
- Straus M.A., Sweet S. (1992) Verbal/symbolic aggression in couples: incidence rates and relationships to personal characteristics // *Journal of Marriage and the Family*. — Vol. 54. — № 2.
- Strauss A.L. (1994) *Grundlagen qualitativer Sozialforschung*. — Muenchen.
- Sullivan A. (1995) *Virtually normal. An argument about homosexuality*. — New York.
- Szalai J. (1991) Some Aspects of the Changing Situation of Women in Hungary // *Sigs*. — Vol. 17. — № 1.
- Szalai, J., ed. (1993—1996) Old and New Poverty in Post-1989 Central Europe // *East Central Europe-L'Europe du Centre-Est* 20—23 (Special issue): 3—4.
- Szalai J. (2000) From informal labor to paid occupations: marketization from below in Hungarian women's work // Gal and Kligman, eds. *Reproducing gender...*
- Szelényi I., Manchin R., Juhász P., Magyar B., and B. Martin. (1998) *Socialist entrepreneurs: embourgeoisement in rural Hungary*. — Madison.
- Szémin Z. (1995) The role of NGOs in social welfare services in Hungary // Pestoff, ed. *Reforming social services...*
- Taruskin, R. (1995) Pathetic symphonist // *The New Republic* (212): 6.
- Terras V. (1985) *Handbook of Russian literature*. — New Haven.
- Tertz A. (1960). On Socialist realism // *The Trial Begins and On Socialist Realism*. — New York.
- Titmuss R.M. (1963) *Essays on the welfare state*. — London.
- Tichenor V.J. (1999) Status and income as gendered resources: the case of marital power // *Journal of Marriage and the Family*. — Vol. 61. — № 3.
- Tickner J.A. (2001) *Gendering world politics: issues and approaches in the post-cold war era*. — New York.

- Tololyan K. (1996) Stateless power: diaspora in transnational movement // *Diaspora: a Journal of Transnational Studies*. — Vol. 5. — № 1.
- Turner P. (1994) *Ceramic uncles and celluloid Mammies: Black images and their influence on culture*. — New York.
- Tuttle L. (1986) *Encyclopedia of feminism*. — New York.
- Verdery K. (1996) *What was socialism, and what comes next?* — Ithaca.
- Vinton L. (1993) Poland's social safety net: an overview // *RFE/RL Research Report* 2. — № 17.
- Visson L. (2001) *Wedded strangers: the challenges of Russian-American marriages*. Expanded edition. — New York.
- Vitz P.C. (1988) *Sigmund Freud's Christian unconscious*. — New York.
- Walby S. (1990). *Theorizing patriarchy*. — Oxford.
- Warner M. (1999) *The trouble with normal: sex, politics, and the ethics of queer life*. — New York.
- Watson P. (1995) Explaining rising mortality among men in eastern Europe // *Social Science and Medicine*. — Vol. 41. — № 7.
- Watzlawick P., Beavin J.H., Jackson D. (1967) *Pragmatics of human communication. A study of interactional patterns, pathologies, and paradoxes*. — New York.
- Watzlawick P. (1988a) *L'invention de la réalité. Contributions au constructivisme. Sous la direction de Paul Watzlawick*. — Paris.
- Watzlawick P. (1988b) Les prédictions qui se vérifient d'elles-mêmes // Watzlawick, *L'invention de la réalité...*
- White D. G. (1999) *Aren't i a woman: female slaves in the plantation South*. — New York.
- White H. (1973) *Metahistory: the historical imagination in the nineteenth-century Europe*. — Baltimore.
- Williams R. (1997) Culture is Ordinary // Gray A., McGuigan J. eds., *Studying culture. An introductory reader*. — London; New York.
- Wolff L. (1994) *Inventing eastern Europe: the map of civilization on the mind of the Enlightenment*. — Stanford.
- Woll J. (2000) *Real images: Soviet cinema and the Thaw*. — London.
- Wood Å. (1997) *The baba and the comrade*. — Bloomington.
- Yuval-Davis N. (1997) *Gender and nation*. — London.
- Zdravomyslova E. (1999) Die Konstruktion der 'arbeitenden Mutter' und die Krise der Maennlichkeit. Zur Unterscheidung von Oeffentlichkeit und Privatheit im Kontext der Geschlechterkonstruktion im spaetsowjetischen Russland // Gather, C. et al. Hg. *Geschlechterverhaeltnisse in Russland* (Feministische Studien 1/1999). — Weinheim
- Zdravomyslova E. (2001) Hypocritical sexuality of the late soviet period: sexual knowledge and sexual ignorance // Webber S., Liikainen I., eds. *Education and civic culture in post-communist countries*. — London.
- Zdravomyslova E., Chikadze E. (2000) Scripts of men's' heavy drinking // *Idäntutkimus — The Finnish Review of East European Studies*. — Vol. 2.
- Zdravomyslova E., Khanzhin A. (2001). *(Un)Safe Sex — Arguing Pro and Contra-Contraception in Russia*. Paper presented at the Fifth European sociological association conference «*Vision and Division*». — Helsinki, 2001.
- Zielinska E. (2000) Between ideology, politics and common sense: the discourse of reproductive rights in Poland // Gal and Kligman, eds. *Reproducing gender...*
- Zorkaya N. (1989) *The illustrated history of soviet cinema*. — London.

Избранная библиография: публикации 1990—2002 годов¹

- Абдусаламова Т. А. *Занятость современной дагестанской семьи: (По материалам социол. обследований / Дагест. науч. центр РАН и др. — Махачкала: Юпитер, 1995.*
- Абельцев С. Семейные конфликты и преступления // *Рос. юстиция*. — 1999. — № 5.
- Абельцев С. Н. Социальные детерминанты преступного насилия и криминализация семейных отношений // *Юрид. вестн. Ростов. гос. экон. ун—та*. — Ростов н/Д, 2000. — № 2.
- Аванесов Ю. М. Нравственная культура крестьянской семьи // *Социология: Материалы по спецкурсам*. — М., 1993.
- Авдеев А. А., Троицкая И. А. Контрацепция и аборт в СССР: Тенденции 80-х и перспективы 90—х гг. XX в. // *Проблемы родительства и планирования семьи*. — М., 1992.
- Авдеев А. А., Антонов А. И. (отв. ред.), Ачильдиева Е. Ф. и др. *Жизнедеятельность семьи: тенденции и проблемы / Ин—т социол. АН СССР*. — М.: Наука, 1990.
- Авдеев С. М. Духовные основы русской семьи // *Национальная идея: образование и воспитание*. — Чита, 1998. — Вып.2.
- Аверинцев С. Брак и семья: несвоевременный опыт христианского взгляда на вещи // *Православ. Община*. — 1997. — № 41.
- Адамускина М. Насилие в семье? Нет проблемы // *Кто защищает женщин*. — М., 1996.
- Азарова Е. Г. *Пособия и льготы гражданам с детьми: Комментар. законодательства. Ответы на вопр. граждан*. — М.: Инфра—М — Норма, 1997.
- Аксенова И. В., Крашенинников П. В. (сост.) *Семейное законодательство: Сб. нормат. актов и документов*. — М.: Фирма «СПАРК», 1995.
- Александрова Н. В. Любовь и дружба в русской дворянской культуре рубежа XVIII — XIX вв. (по источникам мемуарного характера) // *Вестн. Челяб. ун—та*. Сер. I: История. — Челябинск, 1999.

¹ Составитель — Сергей Константинович Канн, главный библиограф Отделения Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия).

- Алексеева Л. С. Работа с семьей в учреждениях социального обслуживания: Социально—психологический аспект // *Семья в России*. — 1998. — № 3/4.
- Алексеева Л. С., Меновщиков В. Ю., Осухова Н. Г. *Адресный социальный патронаж семьи и детей: Науч.—метод. пособие*. — М., 2000.
- Алексеева Л. С., Меновщиков В. Ю., Соколова Е. Т., Рюмин В. Н. *Психологическая помощь пострадавшим от семейного насилия: Науч.—метод. пособие*. — М.: ГосНИИ семьи и воспитания, 2000.
- Алексеев Т. В. О концепции семейной политики в Челябинской области // *Дети — молодежь — общество*. — Челябинск, 1995.
- Алимова Т., Буев В., Вакуров П. Стратегии поведения семейных фермерских хозяйств // *Вопр. экономики*. — 1995. — № 1.
- Антокольская М. В. Место семейного права в системе отраслей частного права (по трудам цивилистов России конца XIX — нач. XX в.) // *Государство и право*. — 1995. — № 6.
- Антонов А. И., Борисов В. А. *Кризис семьи и пути его преодоления: Науч. докл. / Ин—т социол. АН СССР. Сектор социал. пробл. семьи*. — М., 1990.
- Антонов А. И. Возродить семейную жизнь // *СоцИс: Соц. исслед.* — 1992. — № 10.
- Антонов А. И., Ачильдиева Е. Ф. Социальные проблемы семьи // *Будущее России и новейшие социологические подходы: Материалы конф., Москва, 10—12 февр. 1997 г.* — М., 1997. — Ч. 2.
- Антонов А. И. *Микросоциология семьи: Методол. исслед. структур и процессов*. — М.: Nota Bene, 1998.
- Антонов А. И., Сорокин С. А. *Судьба семьи в России XXI века: Размышления о семейной политике, о возможности противодействия упадку семьи и депопуляции*. — М., 2000.
- Антонов Б. Семейная хроника сталинских времен // *Разыскания*. — Кемерово, 1993. — Вып. 3.
- Араканцева Т. А. Исследование восприятия подростками внутрисемейной ситуации // *Познание. Общество. Развитие*. — М., 1996.
- Аргудяева Ю. В. Создание семьи у дальневосточных старообрядцев // *Старообрядчество: История, культура, современность*. — М., 2000.
- Аргудяева Ю. В., отв. ред. *Семья и семейный быт в восточных регионах России: Сб. науч. тр.* — Владивосток: Дальнаука, 1997.
- Аристова Н. Г. Представления молодежи добрачного возраста о сексуальных отношениях и их последствиях // *Семья в представлениях современного человека*. — М., 1990.
- Аристова Н. Г., ред. *Детский дом семейного типа: проблемы и решения: Материалы Всесоюз. науч.—практ. конф. «Семейн. детский дом: пробл. теории и практики» (Звенигород, 20—22 дек. 1990 г.) / Ин—т социологии РАН*. — М., 1992. — Вып. 3.
- Аристова Н. Г., ред. *Проблемы сиротства и организация государственной помощи детям, лишившимся родительского попечения: Материалы Всесоюз. науч.—практ. конф. «Семейный детский дом: пробл. теории и практики» (Звенигород, 20—22 дек. 1990 г.) / Ин—т социологии РАН*. — М., 1992.
- Арсентьева А. В., Петрякина А. П. Роль семьи в воспитании подрастающего поколения в современных условиях // *Семья в России*. — М.; Чебоксары, 2001. — № 1.
- Арсеньев В. Р. Этнология и «родство»: в чем проблема? // *Алгебра родства*. — СПб., 1999. — Вып. 3.

- Арсеньев Н. Духовная традиция русской семейной культуры // *Моск. журн.* — 1993. — № 12.
- Артемов О. Ю. Лукавство или самообман?: (О «латеральности» счета родства и о некоторых историко—социологических реконструкциях) // *Алгебра родства*. — СПб., 1999. — Вып. 3.
- Артюхов А. В. Семейная политика на Российском Севере // *Семья в России*. — 1999. — № 1/2.
- Артюхов А. В., Павлов Б. С., Стожаров А. В. *Семья северян: традиционность и новации. (По материалам социол. исслед. семей в городах и поселениях Рос. Севера) / Ин—т экономики УрО РАН*. — Екатеринбург: СВ—96, 1999.
- Артюхов А. В. Государственная семейная политика и ее особенности в России // *СоцИс: Соц. исслед.* — 2002. — № 7.
- Арутюнян М. Ю., Здравомыслова О. М. Формирование демографических представлений у детей и подростков // *Семья в представлениях современного человека*. — М., 1990.
- Архангельский В. Н. *Воспроизводство населения России / НИИ семьи*. — М., 1998.
- Архиреева Т. В. Методика измерения родительских установок и реакций // *Вопр. психологии*. — 2002. — № 5.
- Арьес Ф. *Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / Пер. с фр.* — Екатеринбург: Изд.—во Урал. ун.—та, 1999.
- Асанов Ю. Н. *Родственные объединения адыгов, балкарцев, карачаевцев и осетин в прошлом: (Генезис и пробл. типологии)*. — Нальчик: Эльбрус, 1990.
- Афанасьева Г. М. Цели и методы исследования порядка репродукции аборигенов Северной Сибири // *Этносы и этнические процессы*. — М., 1993.
- Ахмадеев А. А., Ширяева А. А. *Социальная адаптация в контексте семьи: социально—философский анализ / Башк. гос. ун.—т.* — Уфа, 2001.
- Ачильдиева Е. Ф. Городская многодетная семья // *Социол. исслед.* — 1990. — № 9.
- Ачильдиева Е. Ф. Образ семьи в представлениях женщин и мужчин из различных регионов // *Тенденции развития современной семьи*. — М., 1992.
- Ачильдиева Е. Ф., отв. ред. *Общественное мнение о многодетной семье: Материалы Всесоюз. науч.—практ. конф. «Семейный детский дом: пробл. теории и практики» (Звенигород, 20—22 дек. 1990 г.)* — М., 1991.
- Бабаева Л. Семейное предпринимательство // *Человек и труд*. — 1993. — № 9.
- Бадалян Т. М., Карпунина И. Б. Семейно—брачная структура сельского населения Западной Сибири (2-я пол. 40-х — нач. 90-х гг.) // *Гуманит. науки в Сибири. Сер.: Отеч. история*. — Новосибирск, 1996. — № 2.
- Бадалян Т. М. Сельская семья в Сибири: первый год после войны // *Гуманит. науки в Сибири. Сер.: Отеч. история*. — Новосибирск, 1999. — № 2.
- Бадалян Т. М., Ильиных В. А. (отв. ред.), Карпунина И. Б., Мелентьева А. П. *Очерки истории крестьянского двора и семьи в Западной Сибири, конец 1920-х — 1980-е гг.* — Новосибирск, 2001.
- Бадинтэ З. О мужской идентичности // *Филос.—культурол. журнал*. — 2000. — № 1/2.
- Бадыштова И. М. Специфика домохозяйств трудовых мигрантов в России // *СоцИс: Соц. исслед.* — 2002. — № 9.
- Байбурин А. К., Кон И. С., ред. *Этнические стереотипы мужского и женского поведения*. — СПб.: Наука, 1991.

- Банникова Р. В., Катышева Л. А. Семья на Крайнем Севере: социально-демографические аспекты формирования и развития // *Семья в России*. — 1995. — № 3/4.
- Барзгова Е. С., Козловская О. В. Семейная политика: проблема субъекта // *Семья в России*. — 1998. — № 3/4.
- Бархатова Н. М. Семейный бизнес и семьи в бизнесе // *ЭКО: Экономика и орг. пр-м. пр-ва*. — Новосибирск, 1999. — № 2.
- Басаева К. Д., Бикбулатов Н., Бирин В. Н. и др. *Семейный быт народов СССР*. — М.: Наука, 1990.
- Баскакова М. Е. Замужняя женщина: семья или работа? // *Семья в России*. — 1995. — № 3/4.
- Беккер Г. Экономика семьи и макроповедение // *США: Экономика. Политика. Идеология*. — 1994. — № 2.; № 3.
- Белков П. Л. Патрилокальность и патрилинейность // *Алгебра родства*. — СПб., 1999. — Вып. 3.
- Белков П. Л. Система экзогамии // *Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства: Альманах*. — СПб., 1999. — Вып. 4.
- Белова Н. Ф., Дмитричев И. И. *Семейный бюджет: (Стат. аспект)*. — М.: Финансы и статистика, 1990.
- Белоусов В. В. Брачно-семейные отношения в международном частном праве // *Россия в окружающем мире: правовые аспекты*. — М., 2000.
- Беляева Н. Ф. *Дореволюционный быт мордовской крестьянской семьи Заволжья* // Тр. НИИ яз., лит., истории и экономики при СМ Морд. АССР. — Саранск, 1990.
- Бердыев М. С., Ильясов Ф. Н. Когда брачный партнер покупается // *Социол. исслед.* — 1990. — № 8.
- Берто Д., Берто-Вьям И. Наследство и род: трансляция и социальная мобильность на протяжении пяти поколений // *Вопр. социологии*. — 1992. — Т. 1.
- Беспалов Ю. Судебная защита семейных прав и интересов ребенка // *Рос. юстиция*. — 1996. — № 12.
- Беспалов Ю. Ф. *Семейные права ребенка и их защита*. — Владимир, 2001.
- Бессмертный Ю. Л., рук. авт. кол. и отв. ред. *Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени*. — М., 1996.
- Бессмертный Ю. Л., ред. *Человек в мире чувств: Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени*. — М., 2000.
- Бестужева-Лада С. Упразднение семьи // *Власть*. — 1996. — № 10.
- Бжелова А. В. Домашнее воспитание дворянок в первой половине XIX в. // *Педагогика*. — 2001. — № 10.
- Бодрова В. Общественное мнение о разводах // *Вестн. статистики*. — 1991. — № 5.
- Бодрова В. В. Репродуктивное поведение как фактор депопуляции в России // *СоцИс: Соц. исслед.* — 2002. — № 6.
- Бождонова А. Проблемы семьи и женщин. Системный подход // *Человек и труд*. — 1995. — № 1.
- Бойко В. И. Семья: социальная обусловленность демографического воспроизводства // *Гуманит. науки в Сибири*. — Новосибирск, 1999. — № 1.
- Бойков В. З. Человек, семья, население России и система здравоохранения // *Социол. власти*. — 1998. — № 1.

- Бондаренко О. И. *Стиль управления поведением детей в зависимости от потребности профиля родителей* / Науч. ред. Орлов Ю. М.; Моск. мед. акад. им. Сеченова. Каф. пед. и мед. психологии. — М., 2000.
- Бондарская Г. А. Изменение демографического поведения российских семей за 100 лет // *Мир России = Universe of Russia*. — М., 1999. — Т. 8, № 4.
- Бондов С. Н. *Брачный договор: Учеб. пособие для вузов*. — М.: Закон и право, 2000.
- Борисенко М. В. *Семья и двор русских крестьян Западной Сибири конца XVI — сер. XIX в.* — СПб.: Нестор, 1998.
- Борисов А. и др., ред. *XVIII Международный конгресс семьи, Варшава, 14—17 апреля 1994 г. / Пер. с пол.* — Брюссель; Варшава; Москва: Рудомино, 1996.
- Борисов В., Синельников А. Б. Семья и демографические тенденции // *Соц. защита населения: Обзор. информ. Сер.: Соц. помощь семье и детям*. — М., 1995. — Вып. 2.
- Борисов В. А. Желаемое число детей в российских семьях по данным микропереписи населения России 1994 г. // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18: Социол. и политология*. — 1997. — № 2.
- Бородин А. и др., ред. *Семейные хроники*. — М., 2000.
- Бочаров В. В. *Антропология возраста: Науч. исслед.: Учеб. пособие*. — СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2001.
- Брудная Л. И. и др., сост. *Энциклопедия обрядов и обычаев*. — СПб.: Респекс, 1996.
- Буйнова И. Г. Семейная группа как форма воспитания детей, лишенных родительского попечения // *XXVIII Огаревские чтения*. — Саранск, 1999. — Ч. 3.
- Вагабов М. В. *Ислам, женщина, семья*. — Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1994.
- Василенко И. В., Коваленко И. В. Нравственные координаты внутрисемейного сознания // *Проблемы социально-гуманитарного знания*. — Волгоград, 1999.
- Васильева Н. Семья как философская проблема // *Сила первого взгляда*. — М., 1998.
- Васильченко О. А. *Формирование и развитие семьи на Дальнем Востоке (1860—1917 гг.)*. — Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001.
- Васюнина Л. А. *Женщина — семья — общество: Современ. соц.-экон. ситуация*. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1992.
- Вловина М. В. Программа социологического исследования отказа детей от родителей в Республике Мордовия // *XXVIII Огаревские чтения*. — Саранск, 1999. — Ч. 3.
- Ведищев Н. Некоторые вопросы семейного законодательства, касающиеся осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы // *Рус. адвокат*. — М., 1998. — № 6.
- Вербицкая О. М. Крестьянская семья в 20—50-е гг. // *Население России в 1920—1950-е гг.: численность, потери, миграции*. — М., 1994.
- Вилков А. А. Семья и родственные связи как фактор эволюции крестьянского менталитета в современной России // *Пробл. политологии и политической истории*. — Саратов, 1996. — Вып. 6.
- Виноградский В. Г. Крестьянские семейные хроники // *Социол. журн.* — 1998. — № 1/2.
- Вишневский А. Современная семья: идеология и политика // *Свобод. мысль*. — 1993. — № 11.
- Вишневский А. Г., ред. *Эволюция семьи и семейная политика в СССР*. — М.: Наука, 1992.

- Войт О. В. Алкогольная семья: межличностные отношения // Тр. молод. ученых: Сб. науч. работ / Белорус. гос. мед. ун-т. — Минск, 2001.
- Волков А. Семья и домохозяйство // *Вестн. статистики*. — 1991. — № 7.
- Волков А. Г. Эволюция российской семьи в XX в. // *Мир России*. — 1999. — Т. 8, № 4.
- Волков А. Г., Сороко Е. Л. Типология семей и домохозяйств в России: развитие и анализ // *Вопр. статистики*. — 1999. — № 5.
- Волков Г. Н. Этнопедагогика как педагогика национальной школы и семьи // *Магистр*. — 2001. — № 1.
- Воронина З. И. Приемная семья как правовая форма воспитания детей, оставшихся без попечения родителей // *Актуальные проблемы юриспруденции*. — Тюмень, 1996. — Вып. 1.
- Ворончихина Н. А. Семья и родственные связи средневекового купца XIV в. // *Путь в науку*. — Ярославль, 1997. — Вып. 3.
- Воспитательный потенциал семьи и социализация детей // *Педагогика*. — 1999. — № 4.
- Габдрахманов П. Ш. *Средневековые крестьяне и их семьи: Демогр. исслед. фр. деревни в VIII—XI вв. (по дан. грамот)*. — М.: Памятники ист. мысли, 1996.
- Гаврилюк В. В., Трикоз Н. А. Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации (поколенный подход) // *СоцИс: Соц. исслед.* — 2002. — № 1.
- Галкина А. Различные аспекты исследования семейных образов в СМИ и рекламных сообщениях // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18: Социол. и политология*. — 2000. — № 4.
- Ганцкая О. А., Гришаев И. А., ред. *Семья: Традиции и современность*. — М., 1990.
- Гаспарян Ю. А. *Семья на пороге XXI в.: (Социол. пробл.)*. — СПб.: Петрополис, 1999.
- Герасимова Н. В. Семейные ценностные ориентации пожилых людей // *Гуманит. науки и образование: проблемы и перспективы*. — Саранск, 1997.
- Гиренко Н. М. Латеральность и линейность как дифференцирующие признаки социального организма родства // *Алгебра родства*. — СПб., 1999. — Вып. 3.
- Гиренко Н. М. К вопросу о соотношении линий семейно-родственных и общинных структур // *Ранние формы социальной организации: Генезис, функционирование, истор. динамика*. — СПб., 2000.
- Голикова С. В. Ревизские сказки уральских заводов 2-й половины XVIII в. как источник по истории семьи // *Источники по социально-экономической истории Урала дооктябрьского периода*. — Екатеринбург, 1992.
- Голод С. И., Клецин А. А. *Состояние и перспективы развития семьи: Теорет.-типол. анализ. Эмпирич. обоснование*. — СПб., 1994.
- Голод С. И. Современная семья: плюрализм моделей // *Социол. журн.* = J. of sociology. — 1996. — № 3/4.
- Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ. — СПб.: Петрополис, 1998.
- Гончаров Ю. М. Купеческая семья 2-й половины XIX — начала XX в.: (По материалам компьютер. базы данных купеч. семей Зап. Сибири). — М., 1999.
- Горизонтов Л. Закон против счастья. Смешанные браки в истории двух народов // *Родина*. — 1994. — № 12

- Горлач М. Г. Гендерный аспект семейно-ролевого диссонанса // *СоцИс: Соц. исслед.* — 2002. — № 1.
- Градскова Ю. Новая идеология семьи и ее особенности в России // *ОНС: Обществ. науки и современность*. — 1997. — № 2.
- Гранкин А. Ю. *Семейная педагогика в России во 2-й половине XIX — начале XX в.* / Пятигорск. гос. лингв. ун-т. — Пятигорск, 1996.
- Грацианская Н. Н., Кожановский А. Н., ред. *Рождение ребенка в обычаях и обрядах: Страны зарубеж. Европы*. — М.: Наука, 1997.
- Гриценко В. В. Социально-психологический климат вокруг национально-смешанных семей // *Этнические факторы в жизни общества*. — М., 1991.
- Гродецкая А. Г. «Семейное» и «хрестьянское» в «Анне Карениной» // *Мир филологии*. — М., 2000.
- Гурко Т. А. Особенности развития личности подростков в различных типах семей // *СоцИс: Соц. исслед.* — 1996. — № 3.
- Гурко Т. А. Опыты сексуальных отношений, материнства и супружества несовершеннолетних женщин // *СоцИс: Соц. исслед.* — 2002. — № 11.
- Гуров В. Н. *Теория и методика социальной работы школы с семьей* / Ставроп. гос. ун-т. — М.; Ставрополь, 1998.
- Гурская О. А. Роль семьи: взгляды тенденции // «Новые» и «вечные» проблемы философии. — Новосибирск, 2000.
- Данилов А. П., Кириллова А. А. Семья и СМИ: проблемы воспитания и медиаобразования // *Семья в России*. — М.; Чебоксары, 2001. — № 1.
- Дармодехин С. В., Елизаров В. В. Комплексная научная программа «Семья»: опыт междисциплинарных исследований // *Семья в России*. — 1994. — № 2.
- Дармодехин С. В. *Государственная семейная политика: Проблемы теории и практики* / Гос. НИИ семьи и воспитания. — М., 1998.
- Дармодехин С. В. *Семья и государство*. — М.: Гос. НИИ семьи и воспитания, 2001.
- Дашкевич Л. А. Семья государственных крестьян на Урале: (По материалам подворных описей Поташин. волости 1805 г.) // *Государственные крестьяне Урала в эпоху феодализма*. — Екатеринбург, 1992.
- Двойменный И. А., Лелеков В. А. Влияние семьи на преступность несовершеннолетних: (по матер. Центрально-Черноземного региона) // *СоцИс: Соц. исслед.* — 1993. — № 10.
- Девяткина Л. Н. Сельская семья в условиях транзитной экономики // *Право. Бизнес. Население: Матер. Всерос. науч.-практ. конф. (Н. Новгород, 20—22 сент. 2000 г.)*: В 3 ч. — Н. Новгород, 2000. — Ч. 3.
- Дементьева И. Ф. Семья в системе стартовых жизненных условий старшекласников // *СоцИс: Соц. исслед.* — 1995. — № 6.
- Дементьева И. Ф., ред. *Социальные проблемы сиротства*. — М., 1992.
- Демографическое положение России // *Свобод. мысль*. — 1993. — № 2.
- Денисов С. Б. Социология студенческой семьи: На примере исследования, проведенного в Мордовском университете // *Вестн. Морд. ун-та*. — Саранск, 1996. — № 4.
- Денисовский Г. М., Смирнов А. Н. Новые тенденции в адаптации семей бывших офицеров к гражданской жизни // *СоцИс: Соц. исслед.* — 1999. — № 8.
- Дерябина О. М. Психологический анализ современного брачно-семейного законодательства // *Семья в процессе развития*. — М., 1994.

- Джонсон Р. Крестьянское хозяйство и семейные структуры в Костроме: «новые вопросы и старые данные» // *Россия в XX веке.* — М., 1994.
- Дзибель Г. В. О системном подходе к феномену родства // *Кунсткамера.* — СПб., 1995. — Вып. 7.
- Дзупев Х. В., Бесаева Т. З. *Этнография детства у осетин.* — Владикавказ, 1994.
- Дзупев Х. В. *Эволюция осетинской семьи и межсемейных отношений: Этносоциол. анализ.* — М.: РОССПЭН, 2001.
- Диордиева О. Н. Некоторые аспекты семейных дел, подведомственных суду // *Юрист.* — 1999. — № 11.
- Долгов В. М., Вилков А. А. Эволюция крестьянской семьи // *Проблемы политологии и политической истории.* — Саратов, 1996. — Вып. 6.
- Дорохина О. В. Раннее советское брачно-семейное законодательство: мифы и реалии // *Вестн. Моск. ун.—та. Сер. 18: Социол. и политология.* — 1998. — № 4.
- Досекина А. Ф. Влияние традиционных ценностей православия на формирование культуры досуга современной семьи // *IV Иоанновские чтения.* — Самара, 2000.
- Думанов Х. М., Смирнова Я. С. Старые и новые трактовки некоторых брачно-семейных обычаев народов Кавказа // *Этногр. обозрение.* — 1999. — № 4.
- Дымнова Т. И. Зависимость характеристик супружеской семьи от родительской // *Вопр. психологии.* — 1998. — № 2.
- Дьячков В. Л. Труд, хлеб, любовь и космос, или О факторах формирования крестьянской семьи во 2-й половине XIX — начале XX в. // *Социально-демографическая история России XIX—XX вв. Современные методы исследования.* — Тамбов, 1999.
- Евдокимова Е. А. «Мысль семейная» и мысль о любви Л. Н. Толстого // *Начало.* — СПб., 1999. — № 7
- Евдокимова О. В. «Прошедшее время домашним образом»: (Семейные хроники в русской мемуарной литературе) // *Литература и история.* — СПб., 1992.
- Елизаров А. Н. Ценностные ориентации неблагополучных семей // *СоцИс: Соц. исслед.* — 1995. — № 7.
- Елизаров В. В., Зверева Н. В., ред. *Домохозяйство, семья и семейная политика.* — М.: Диалог—МГУ, 1997.
- Елизарова Т. А. Религия и принципы формирования семейных отношений // *Экономика и культура: проблемы взаимодействия.* — М., 1992.
- Ермоченкова С. П., Лакомова Н. В. Досуг подростка как проблема семейного воспитания // *Тенденции развития современной семьи.* — М., 1992.
- Жалимбетова Р. Основные тенденции социально-демографической ситуации в странах Евразийского экономического сообщества // *Центр. Азия и Кавказ.* — Lulea, 2001. — № 1.
- Жарков Е. И. О влиянии развития рынка платных услуг на экономический потенциал семей // *Мониторинг соц.—экон. потенциала семей.* — М., 1998. — Вып. 4.
- Жилкина Т. Семейная политика и формы помощи семье: зарубежный опыт // *Миров. экономика и междунар. отношения.* — 1994. — № 1.
- Жирицкая И. Г. Родительская семья в жизни воспитанника детского дома // *Тенденции развития современной семьи.* — М., 1992.
- Заикина Г. А. НИП «Семья в представлениях современного человека» // *Резюме науч. отчетов по исследов. проектам, выполненным в рамках общестии-*

- тутской программы «Альтернативы социальных преобразований в рос. обществе в 1991—1994 гг.».* — М., 1995.
- Зверев В. А. Годовой круг деторождений в селениях Сибири: влияние природы, экономики и религии (2-я половина XIX — начало XX в.) // *Гуманит. науки в Сибири. Сер.: Отеч. история.* — Новосибирск, 2001. — № 2.
- Зверева Н. В. Экономический подход в исследованиях семьи в современных условиях // *Вестн. Моск. ун.—та. Сер. 6: Экономика.* — 1994. — № 6.
- Зверева Н. В. Семья и воспроизводство человеческого капитала // *Вестн. Моск. ун.—та. Сер. 6: Экономика.* — 1998. — № 5.
- Здравомыслова О. М. О возможности изменения статуса женщины в семье // *Народонаселение.* — 2000. — № 2.
- Здравомыслова О., Арутюнян М. Ю. *Российская семья на европейском фоне.* — М.: Эдиториал УРСС, 1998.
- Зеленцов А., Исакова Л., сост. *Христианская семья и брак: Духов. чтения.* — М.: Воскресение, 1992.
- Зелинская Д. И. и др., сост. *Дети-инвалиды: Правовая защита семей, воспитывающих детей-инвалидов: Сб. нормат. актов.* — М., 1996.
- Зидер Р. *Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII — XX в.)* / Пер. с нем. Овчинцевой Л. А. — М.: ВЛАДОС, 1997.
- Зонов А. В. Семья и образование: проблема социализации подрастающего поколения // *Проблемы развития науч. и культурно-образоват. потенциала в Сибири.* — Новосибирск, 2000. — Вып. 1.
- Зорин Н. В., сост. *Семейная обрядность народов Среднего Поволжья: (Ист.-этногр. очерки).* — Казань: Изд-во Казан. ун.—та, 1990.
- Иванов В. П., Фокин П. П. *Семья у чувашей.* — Чебоксары, 1991.
- Иванов К. Ю. Отношение старообрядцев Томской епархии к семье и браку в конце XIX — начале XX в. // *Современные проблемы гуманит. дисциплин.* — Кемерово, 1996. — Вып. 1.
- Иванова Е. И. Новые тенденции в процессе формирования семьи: молодые поколения в меняющейся России // *Российское общество на рубеже веков: штрихи к портрету.* — М., 2000.
- Иванова Н. П., Рыбинский Е. М., Трофимова В. В. О некоторых социально-психологических проблемах семейных детских домов // *Социальные проблемы сиротства.* — М., 1992.
- Измайлова А. Б. Православная педагогическая мысль о почитании родителей (русские народные традиции воспитания) // *Православная педагогика: традиции и современность.* — Владимир, 2000.
- Измайлова А. Б. *Русская народная педагогика: Воспитание ребенка младенческого возраста* / Владимир. гос. пед. ун.—т. — Владимир, 2001.
- Ильиных В. А., ред. *Крестьянская семья и двор в Сибири в XX в.: проблемы изучения: Сб. науч. ст.* — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1999.
- Исаев Н., Смирнов С. Реабилитационно-образовательный полис для семей из группы риска // *Человек и труд.* — 2001. — № 3.
- Ищенко М. И. Семья русских Сахалина: (Конец XIX — начало XX в.) // *Краевед. бюл.* — Южно-Сахалинск, 1994. — № 1.
- Каган В. Е. Тоталитарное сознание и ребенок: Семейное воспитание // *Вопр. психологии.* — 1992. — № 1/2.
- Кан Дэ К. Брак, семья, семейные отношения и быт якутов и тувинцев: (По данным этносоциол. исследования 1997 г.) // *Народы Российского Севера и Сибири.* — М., 1999.

- Карлсон А. Сквозь десятилетия: тревожный путь семьи. 1945—1990. И дальше, дальше // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18: Социол. и политология*. — 1997. — № 3.
- Карпеченков Н. Г. Роль сельской семьи в воспроизводстве главной производственной силы // *Крестьянское хозяйство: история и современность*. — Волгода, 1992. — Ч. 2.
- Карпунина И. Б. Семейная структура сельского населения Сибири в 1960—1980-х гг.: проблемы изучения // *Крестьянская семья и двор в Сибири в XX в.: проблемы изучения*. — Новосибирск, 1999.
- Карякина Т. Н. Социально—медицинская реабилитация на критических этапах развития семьи // *Сб. трудов молодых ученых и студентов Волгоград. гос. ун-та*. — Волгоград, 1996.
- Келлер А. В. Роль внутрисемейного общения в воспитании детей в немецких семьях Петербургской губ. в нач. XX в. // *«Мир детства» в традиционной культуре народов СССР*. — Л., 1991. — Ч. 1.
- Кеннет Р. Христианские ценности в семье // *Взаимоотношение государства, науки и религии*. — Владимир, 2000.
- Клементьева О. М., Ловцова Н. И., Смирнова Е. Р., Ярская В. Н., ред. *Семья. Дети. Общество: Анализ отношений и образоват. прогр.* — Саратов, 1994.
- Клещин А. А. Внебрачные и альтернативные (немодальные) семьи: формы и содержание // *Рубеж*. — Сыктывкар, 1994. — № 5.
- Клещин А. А. и др., сост. *Аннотированная библиография по проблемам семьи (1981—1990 гг.)*. — М., 1993.
- Климантова Г. Семья в процессе трансформации российского общества // *Социально—экономические проблемы переходного общества: из практики стран СНГ*. — М., 2000.
- Климова С. М. От кризиса семьи в произведениях Л. Толстого к «религии семьи» в творчестве В. Розанова // *Актуальные проблемы социально—гуманитарных наук*. — Воронеж, 2000. — Вып. 20.
- Климичева Ю. Б. Православная семейная газета «Золотые купола»: Становление православной семейной газеты как нового типа издания // *Христианство на Дальнем Востоке: Материалы междунар. науч. конф.: Ч. 1 и 2*. — Владивосток, 2000.
- Козаченко Б. Н. Краткий словарь забытых и вышедших из употребления русских терминов родства, свойства и сватовства // *Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства: Альманах*. — СПб., 1999. — Вып. 4.
- Козлов Ю. А., Фокин В. А., Семенов С. М., Чубик П. С., Дульзон А. А. О фамильной преемственности профессий (на примере студентов Томского политехнического университета) // *СоцИс: Соц. исслед.* — 2002. — № 3.
- Козлова Н. Н. Сцены из частной жизни периода «застоя»: семейная переписка // *Журн. социол. и социал. антропологии*. — СПб., 1999. — Т. II, № 3.
- Козырева И. А. Семья как социокультурная среда формирования личности // *Человек: многомерность дискурсивных практик*. — Сыктывкар, 1998.
- Комарова О. Д. Об этнодемографическом подходе к изучению семьи // *Семья: Традиции и современность*. — М., 1990.
- Кормина Ж. В. Институт крестных родителей в традиционной культуре // *Проблемы социального и гуманитарного знания*. — СПб., 1999. — Вып. 1.
- Корольков А. А. Семья сегодня — норма или отклонение? // *Россия и мир: гуманитарные проблемы*. — СПб., 2001. — Вып. 1.

- Коротаев А. В. О соотношении систем терминов родства и типов социальных систем: опыт количественного кросс—культурного анализа: (К дискуссии между Н. М. Гиренко и О. Ю. Артемовой) // *Алгебра родства*. — СПб., 1999. — Вып. 3.
- Короткова Л. П. Что таит фиктивный брак? // *Государство и право*. — 1993. — № 8.
- Короткова Л. П., Вихров А. П. Семья — только в рамках закона // *Изв. вузов. Правоведение*. — СПб., 1995. — № 5/6.
- Косова О. Ю. «Фактические браки» и семейное право // *Изв. вузов. Правоведение*. — СПб., 1999. — № 3.
- Котов О. В., Рогачев М. Б., Шабаев Ю. П. Состав современной коми семьи // *Труды Ин-та яз., лит. и истории науч. центра УрО АН СССР*. — Сыктывкар, 1991. — Вып. 49.
- Кошелев Я. Р. *Народное творчество Смоленщины: Семейные обряды* (От рождения до свадеб. пира). Легенды и предания. — Смоленск: Смядынь, 1997.
- Кравцова Г. Ф., Плешакова М. В. *Формирование семьи в дальневосточном городе*. — Хабаровск, 1991.
- Краснов Н. Г., Николаева Я. Г. Чувашская семья и современные тенденции изменения ее структуры // *Семья в России*. — М.; Чебоксары, 2001. — № 1.
- Краснова М. Н. Проблема ребенка в современной молодой семье // *Семья в России*. — М.; Чебоксары, 2001. — № 1.
- Краснова О. В. Бабушки в семье // *СоцИс: Соц. исслед.* — 2000. — № 11.
- Краснощекова Е. «Семейное счастье» в контексте русского «романа воспитания» (И. А. Гончаров и Л. Н. Толстой) // *Рус. лит.* — СПб., 1996. — № 2.
- Крещенко И. Н. Семья в социуме: проблемы и перспективы // *Вестн. Ставропол. гос. пед. ун-та. Соц.-гуманит. науки*. — Ставрополь, 1995. — Вып. 3.
- Кривошеина М. А. Семья и среда // *Человек и среда*. — Ижевск, 1992.
- Кризис семьи и депопуляции в России: («Круглый стол») // *СоцИс: Соц. исслед.* — 1999. — № 11.
- Криченко Е. В., Терехин В. А. Психологические аспекты качества семейно—брачных отношений // *Приклад. психология*. — 1999. — № 5.
- Кторова А. *Пращуры и правнуки*. — СПб.: Политехника, 1997.
- Кулаков В. И. Медико—социальные аспекты и организационные аспекты планирования семьи в России // *1-я Нац. конф. «Проблемы планирования семьи в России»*: (Матер. конф.). — М., 1994.
- Курек Н. С. Эмоциональное общение матери и дочери как фактор формирования аддиктивного поведения в подростковом возрасте // *Вопр. психологии*. — 1997. — № 2.
- Кучмаев М. Г. *Традиционное и инновативное в культуре семейных отношений* / Гос. акад. славян. культуры. — М., 1999.
- Ланин Б. Жизнь в антитепии: государство или семья? // *ОНС: Обществ. науки и современность*. — 1995. — № 3.
- Лахова Е. Проблемы семьи и семейной политики в России // *Информ. бюл. Нац. совета по подготовке и проведению междунар. года семьи в РФ*. — М., 1994. — № 1.
- Лахова Е. Ф. и др., ред. *Дети, семья, общество: проблемы духовности: Форум общечеловечности* / Комис. по вопр. женщин, семьи и демографии при Президенте РФ. — М.: Юрид. лит., 1997.

- Лебедева Е. С. Язык семейно-бытовой обрядности: красота и целесообразность // *Рус. яз. в школе.* — 2001. — № 1.
- Лебедь О. Л., Дудина Ю. В., Куликова Е. Н. Имидж семьи в современных русских песнях // *СоцИс: Соц. исслед.* — 2002. — № 3.
- Левин А. И., Левина Л. В., Свинцов Н. Н. Перспективы развития семейно-брачных отношений в зеркале современной западной научной мысли // *Россия и внешний мир.* — М., 2000.
- Левин А. И., Левина Л. В. *Современная семья и ее эволюция в условиях перехода к постиндустриальному обществу.* — Курск, 2001.
- Левкович В. П. Особенности взаимоотношений супругов в семьях предпринимателей // *Соц.-психол. исследования руководства и предпринимательства.* — М., 1999.
- Леушкина Н. А. Постразводные модели семьи и проблемы детей: (Обзор иностр. лит.) // *Тенденции развития современной семьи.* — М., 1992.
- Лисовский В. Т. «Отцы» и «дети»: за диалог в отношениях // *СоцИс: Соц. исслед.* — 2002. — № 7.
- Листова Т. А. (2001) Народный православный обряд создания семьи // *Православная жизнь русских крестьян XIX—XX вв.: Итоги этногр. исслед.* — М., 2001.
- Литвинова А. Л. Семья как ценность культуры // *Социальная динамика и духовная культура.* — Тверь, 1991.
- Лишин О. В. Сфера родительских чувств и ее «действие» // *Мир психологии.* — 1996. — № 1.
- Ловелле Р. П., Рыбьянов М. Книга психологических интервью. Человек вокруг семьи. (Часть 1, теоретическая) // *Журн. прикл. психологии.* — 2001. — № 3.
- Логвиненко О. Л. О кризисном положении семьи в условиях реформирования российской экономики // *Науч. мысль Кавказа.* — Ростов н/Д, 2000. — № 8.
- Лодкина Т. В. Семейный социальный педагог: теория и практика / Моск. гос. открытый пед. ун-т, Вологод. гос. пед. ун-т. — М.; Вологда: Русь, 1997.
- Лукьяненко Л., Степанова Н. Работа с семьями «группы риска» // *Соц. работа.* — 1995. — № 1/7.
- Луныкова Л. Г. О современном уровне жизни семей одиноких матерей // *СоцИс: Соц. исслед.* — 2001. — № 8.
- Лучкина Л. Семьи с детьми в странах Центральной и Восточной Европы // *Мировая экономика и междунар. отношения.* — 1998. — № 11.
- Лучкина Л. Социально-демографическая характеристика семей в странах Центральной и Восточной Европы // *Вестн. науч. информ. Ин-та междунар. экон. и полит. исслед. РАН.* — М., 1998. — № 9.
- Любимова А. Чехов и Толстой: К вопросу о жанре семейного романа // *Молодые исследователи Чехова.* — М., 1998.
- Любимова А. Б. *Статус семьи: проблемы эволюции: Социал.-филос. аспект /* Нижегород. гос. пед. ун-т. — Н. Новгород, 1998.
- Люцидарская А. А. Имя собственное в системе семейных отношений колонистов Сибири: (Томский регион. Нач. XVIII в.) // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий.* — Новосибирск, 1998. — Т. 4.
- Лященко Е. Н. Семейное право по «варварским правдам» // *Межвуз. сб. науч. ст. Междунар. акад. бизнеса и банков. дела. Сер.: Юриспруденция.* — Тольятти, 1998. — № 1.

- Магомедов А. А. Семья на Северном Кавказе / Ставроп. гос. ун-т. — Ставрополь, 1999.
- Магомедов А. А. Соотношение «национальное — религиозное» в семейно-брачной сфере // *Актуальные филос. и методол. проблемы соврем. науч. познания.* — Ставрополь, 2000.
- Майкова З. Ю. и др., ред. *Семья в России: история и современность: Материалы всерос. науч. заоч. конф.* — Тверь, 2001.
- Майфат А. В. «Суррогатное материнство» и иные формы репродуктивной деятельности в новом Семейном кодексе РФ // *Юрид. мир.* — 2000. — № 2.
- Маклакова Н. И. Принципы функционирования семейной системы // *Анализ систем на рубеже тысячелетий: теория и практика* — 1999. — М., 1999.
- Максимова Т. Развод по-русски // *Родина.* — 1998. — № 9.
- Макушина О. П. Причины психологической зависимости от родителей в подростковом возрасте // *Вопр. психологии.* — 2002. — № 5.
- Маликов Л. В. *Эмоциональное развитие подростков, воспитывающихся вне семьи.* — Оренбург, 2000.
- Мальшьева О. Религиозные основы семейно-брачных отношений татарского народа // *Татарстан.* — Казань, 1995. — № 10.
- Маслов А. А. Латеральность: определение понятия и области его применения: (К дискуссии по статье Н. М. Гиренко) // *Алгебра родства.* — СПб., 1999. — Вып. 3.
- Мацковский М. С., Бодрова В. В. Ценность семьи в сознании различных слоев населения // *Семья в представлениях современного человека.* — М., 1990.
- Медков В. М. Стратегия фамилистических исследований в России во 2-й половине 90-х гг. // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18: Социология и политология.* — 1996. — № 3.
- Медкова М. В., Проневская И. В. Имидж семьи в рекламе на телевидении // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18: Социология и политология.* — 2000. — № 4.
- Медкова М. В. Семьи «звезд» шоу-бизнеса (контент-анализ материалов прессы) // *СоцИс: Соц. исслед.* — 2002. — № 1.
- Миненко Н. А., Рабцевич В. В. *Любовь и семья у крестьян в старину: Урал и Сибирь в XVIII—XIX вв.* — Челябинск, 1997.
- Мисюгин В. М. Родство и этносоциальная история // *Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства: Альманах.* — СПб., 1999.
- Митрофанова И. В. «Феномен» семейного бизнеса // *СоцИс: Соц. исслед.* — 1996. — № 10.
- Михайлова С. Ю. Семейные хроники XX столетия: историк об истории своей семьи // *Семья в России (Семья в Чувашской Республике).* — М.; Чебоксары, 2002. — № 1.
- Михеева А. Р. *Сельская семья в Сибири: жизненный цикл и благосостояние /* Отв. ред. Бородкин Ф. М.; Ин-т экономики и организации пром. пр-ва СО РАН. — Новосибирск, 1993.
- Михеева А. Р. Феномен сожительства в сибирской деревне: Новая форма семьи или продолжение традиции // *ЭКО: Экономика и организации пром. пр-ва.* — Новосибирск, 1994. — № 6.
- Михеева А. Р. Некоторые особенности современного процесса формирования семьи // *ЭКО: Экономика и организации пром. пр-ва.* — Новосибирск, 1999. — № 9.
- Молодая семья в XXI веке: Сб. материалов науч.-практ. конф. «Молодая семья в XXI веке».* — М., 2000. — 68 с.

- Мониторинг соц.—экон. потенциала семей. — М., 2000. — Вып.1.
- Мурин Ю. Г., сост. *Иосиф Сталин в объятиях семьи: Из личного арх. Сб. документов.* — Берлин и др.: Родина, 1993.
- Найденова Л. Свои и чужие в «Домострое» // *Родина.* — 1997. — № 6.
- Науменко Г. М., сост. *Этнография детства: Сб. фольклор. и этногр. материалов.* — М.: Беловодье, 1998.
- Научные проекты, выполненные в НИИ семьи в 1992—1994 гг. // *Семья в России.* — 1995. — № 3/4.
- Некрасова О. Семейный портрет в новом интерьере // *Москва.* — 1994. — № 7.
- Нечаева А. М. *Семейное право: Курс лекций.* — М.: Юристъ, 2001.
- Овчарова Л. Н. Социальная структура бедных семей // *Изменение в уровне жизни и социальные проблемы адаптации населения к рынку: Сб. ст.* — М., 1994.
- Осадчая Г. И. Семьи безработных и семейная политика // *СоцИс: Соц. исслед.* — 1997. — № 1.
- Осадчая Г. И. Современная российская семья // *Проблемы женщин и семьи глазами социологов.* — М., 1997.
- Осипович Т. Проблемы пола, брака, семьи и положение женщины в общественных дискуссиях сер. 1920-х гг. // *ОНС: Обществ. науки и современность.* — 1994. — № 1.
- Ослон В. Н., Холмогорова А. Б. Психологическое сопровождение замещающей профессиональной семьи // *Вопр. психологии.* — 2001. — № 4.
- Ощепкова А. П., Этшштейн М. З. *Сибирская семья: особенности развития и формирования нравственной культуры личности: (По материалам исслед. в Томской обл.).* — Томск: Водолей, 1996.
- Павлов Б. С. *Социология: проблема семьи / Академэкоцентр УрО РАН.* — Челябинск, 1992. — Ч. 1.; Ч. 2.
- Павлова И. Б. *Тема семьи и рода у Салтыкова-Шchedрина в литературном контексте эпохи / Ин-т миров. лит. им. Горького РАН.* — М.: Наследие, 1999.
- Панкратова М. *Сельские жители России: Судьбы и семьи в XX в. / РАН. Ин-т социологии.* — М., 1995.
- Панкратова М. Г. Семья в России после распада Советского Союза: преемственность и изменения // *Проблемы женщин и семьи глазами социологов.* — М., 1997.
- Парахонская Г. А. Пожилой человек в семье // *СоцИс: Соц. исслед.* — 2002. — № 6.
- Паршуткин В., Львова Е. Особенности рассмотрения судами дел об усыновлении (удочерении) детей иностранцами // *Рос. юстиция.* — 1998. — № 11.
- Перевалов А. Я. и др., ред. *Здоровье семьи — XXI век: Материалы VI Междунар. науч. конф.* — Пермь; Дубай, 2002.
- Перовский В. А., Полевая М. В. Отчуждение как феномен детско-родительских отношений // *Вопр. психологии.* — 2001. — № 1.
- Петрова Е. В. *Социокультурная адаптация семейских Забайкалья: Этносоциол. анализ / Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.* — Улан-Удэ, 1999.
- Плаксунова Т. А. Концепции социальной защиты семьи в условиях современного рыночного хозяйства // *Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 3: Экономика. Право.* — Волгоград, 1997. — Вып. 2.
- Подгорбунских Н. А. К вопросу о генезисе жанра семейных преданий // *Зауральская генеалогия.* — Курган, 2000.

- Полянский П. Л. Развитие понятия брака в истории советского семейного права // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11: Право.* — 1998. — № 1.
- Попов В. А., отв. ред. *Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства.* Музей антропол. и этногр. им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. — СПб. — Вып. разных лет (с 1995).
- Попова Т. М. Семейное начало в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина и «Тарасе Бульбе» Н. В. Гоголя // *Лит. в шк.* — 1998. — № 1.
- Пороховская М. А. Социально-психологические аспекты взаимодействия человека и животных в семье // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18: Социология и политология.* — 1997. — № 3.
- Похабов В. Ф. *Культурное наследие русских Кузбасса: (Семейно-обрядовый фольклор северо-востока Кемер. обл.) / Кемер. обл. обществ. орг. «Рус. культ. центр» и др.* — М.: Семигор, 2000.
- Правовые основы семьи: Сборник.* — М., 2000.
- Прокофьева Л. М. Демографическая структура бедных семей // *Изменение в уровне жизни и социальные проблемы адаптации населения к рынку: Сб. ст.* — М., 1994.
- Прокофьева Л. М. О работе российско-французского семинара «Брак, развод и семья в XX в.» (Москва, 2—5 февраля 1998 г.) // *Народонаселение.* — 1998. — № 1.
- Прокофьева Л. М., Валетас М. Ф. Отцы и их дети после развода // *СоцИс: Соц. исслед.* — 2002. — № 6.
- Проневская И. В. К вопросу об изучении ценности семьи и родительства с помощью контент-анализа художественной литературы // *Проблемы родительства и планирования семьи.* — М., 1992.
- Проневская И. В. Деформация внутрисемейных отношений: сравнительный анализ фамилистических текстов // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18: Социология и политология.* — 1997. — № 2.
- Проскурина Т. Д. Пушкинская традиция семейного гнезда и «самостоянье человека» в романах Л. Н. Толстого и М. Е. Салтыкова-Шchedрина 1870-х гг. («Анна Каренина» и «Господа Головлевы») // *К Пушкину сквозь время и пространство.* — Белгород, 2000.
- Проскурина Т. Д. Семейные отношения в романах А. С. Пушкина «Евгений Онегин» и Л. Н. Толстого «Анна Каренина» в контексте времени // *Филол. науки.* — 2000. — № 2.
- Пузанов А. Качество жилья в Москве и его связь с ресурсами семей // *Вопр. экономики.* — 1993. — № 7.
- Пушкарева Н. Л. Любовь и брак на Руси // *Наука в России.* — 1992. — № 5/6.
- Пушкарева Н. Л. Семья, женщина, сексуальная этика в православии и католицизме: перспективы сравнительного подхода // *Этногр. обозрение.* — 1995. — № 3.
- Пушкарева Н. Л. Русская семья X—XVII вв. в «новой» и «традиционной» демографической истории // *Этногр. обозрение.* — 1996. — № 3.
- Пушкарева Н. Л. Материнство и материнское воспитание в российских семьях XVIII — нач. XIX в. // *Расы и народы.* — М., 1998. — № 25.
- Пушкина К. В. Роль воспитателей в гармонизации межличностных отношений супругов в современной молодой чувашской семье // *Семья в России (Семья в Чувашской Республике).* — М.; Чебоксары, 2002. — № 1.

- Пчелинцева Н. Д., Соловьева Л. Т. Родственный фактор в практике воспитания у народов Кавказа: традиции и новации // *Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения, 1996—1997 гг.* — СПб., 1998.
- Пчелов Е. В. Матримониальные связи русской княжеской династии с иностранными дворами // *Проблемы политической истории и историографии.* — М., 1994.
- Разумов А. П. Семьи безработных в России: доходы, расходы, бедность, поведение на рынке труда // *Уровень жизни населения регионов России.* — М., 1996. — № 2.
- Разумова И. А. Мотивы фамильной связи и наследственности в семейном фольклоре // *Фольклористика Карелии.* — Петрозаводск, 1998. — Вып. 10.
- Разумова И. А. Семейные реликвии // *Женщина и вещественный мир культуры народов России и Европы.* — СПб., 1999.
- Разумова И. А. Основные направления этнографического и этносоциологического изучения русской семьи (конец XIX — XX в.) // *Гуманит. исследования в Карелии.* — Петрозаводск, 2000.
- Разумова И. А. Рассказы о связи живых и умерших родственников в современном семейном фольклоре // *Народная культура русского Севера.* — Архангельск, 2000. — Вып. 2.
- Райгородский Д. Я., ред.-сост. *Психология семьи: Хрестоматия: Учеб. пособие для фак. психологии и др.* — Самара: Бахрах-М, 2002.
- Римашевская Н. М., Бочкарева В. К., Волкова Г. Н. и др. *Население: уровень жизни и здоровье: Проект «Таганрог IV, 1998 г.»* — М., 2001.
- Римашевская Н. М., ред. *Семейное благосостояние и здоровье: Проект «Таганрог-три с половиной»: В 2 т.* — М.: Инфограф, 1997.
- Римашевская Н. М., ред. *Женщина, мужчина, семья в России: последняя треть XX века: Проект «Таганрог».* — М.: ИСЭПН, 2001.
- Рубинштейн М. М. Кризис семьи как органа воспитания // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18: Социология и политология.* — 1997. — № 3.
- Рыбалка Е. А. *Проблема адюльтера в современной культуре / Сев.-Кавк. науч. центр Высш. шк.* — Ростов н/Д, 2001.
- Рытникова Я. Т. Семейная беседа как жанр повседневного речевого общения // *Жанры речи.* — Саратов, 1997.
- Рычка В. «Аше муж от жены блядеть...» // *Родина.* — 1998. — № 3.
- Рябинина Н. В. К проблеме реформы семьи в первые годы советской власти // *Путь в науку.* — Ярославль, 1995. — Вып. 2.
- Савинов Л. И. *Семья и общество: история, современность и взгляд в будущее.* — Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 1992.
- Саралиева З. Х., ред. *Семья в новых социально-экономических условиях: Материалы междунар. науч.-практ. конф. (2—10 окт. 1997 г.) / Нижегород. гос. ун-т им. Лобачевского и др.: В 2 т.* — Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 1998.
- Сафарова Г. Л., Макаров Н. Н., Чистякова Н. Е. Энтропийная модель семейной структуры населения // *Проблемы прогнозирования.* — 1996. — Вып. 6.
- Свадьбина Т. В. *Семья и российское общество в поиске обновления / Нижегород. гос. пед. ун-т и др.* — Н. Новгород, 2000.
- Седельников С. С. Феноменология развода и эволюция послеразводного поведения // *Филос. и социол. мысль.* — Киев, 1990. — № 11.
- Семашко И. М., Седловская А. Н., ред. *Мужчина и женщина в современном мире: Меняющиеся роли и образы: Материалы конф.: В 2 т.* — М., 1999.

- Семейное право: проблемы и перспективы развития // *Государство и право.* — 1999. — № 9.
- Семейные гарантии // *Соц. защита.* — 1993. — № 5.
- Семенова В. Равенство в нищете: символическое значение «коммуналок» // *Судьбы людей: Россия XX век: Биогр. семей как объект социол. исслед.* — М., 1996.
- Сизоненко Д. В. Учение о Павла Флоренского о семье и роде // *Изв. рус. генеалог. о-ва.* — СПб., 1998. — Вып. 9.
- Силласте Г. Русская семья в республиках России в условиях новой международной ситуации (по материалам Мордовии и Чувашии) // *Исслед. Рос. акад. гос. службы. Сер. 1: Социология.* — 1996. — № 3.
- Силласте Г. Г. Социальная адаптация семей с онкологически больными детьми // *СоцИс: Соц. исслед.* — 1997. — № 1.
- Синельников А. Б. Влияние принципа наследования на социально-экономическое и демографическое развитие // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18: Социология и политология.* — 1997. — № 2.
- Скородумов А. А. Родительская семья и увлеченность нетрадиционными религиями // *Преемственность поколений: диалог культур.* — СПб., 1996. — Вып. 2.
- Скрынник Е. П. Развитие и трансформация функций семьи // *Соц.-полит. развитие России: проблемы, поиски, решения.* — Ижевск, 1996.
- Слущкий Л. Семейный бизнес в системе трудовых отношений переходной экономики // *О-во и экономика.* — 2000. — № 9/10.
- Смирнова Е. Р. *Семья нетипичного ребенка: Социокульт. аспекты.* — Саратов: Изд-во Поволж. фил. Рос. учеб. центра, 1996.
- Смирнова Е. Р. Когда в семье ребенок—инвалид // *СоцИс: Соц. исслед.* — 1997. — № 1.
- Соколова Г. В. Семейная рекреация в социологии 20-х гг. школы С. Г. Струмилина // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18: Социология и политология.* — 1997. — № 2.
- Соколова З. П. Эндогамия и этнос // *Этногр. обозрение.* — 1992. — № 3.
- Соколова Л. А. Особенности межличностных отношений в городской многодетной семье // *Тенденции развития современной семьи.* — М., 1992.
- Солодников В. В. Семья: социологическая и социально-психологическая парадигмы // *СоцИс: Соц. исслед.* — 1994. — № 6.
- Солонин Ю. Н. Женщина в структуре семейного быта: XVIII век // *Феминизм и российская культура.* — СПб., 1995.
- Сорокина А. А. Исторический опыт семейного устройства детей, оставшихся без родительского попечения // *Семья в России.* — 1999. — № 1/2. — С. 120—130.
- Старк В. П., сост. *Дворянская семья: Из истории дворянских фамилий России.* — СПб.: Наб. фонд, 2000.
- Степанова И. Квалификация преступлений из ревности, совершенных в состоянии аффекта // *Законность.* — 1996. — № 10.
- Степанова И. Б. Основные направления совершенствования профилактики преступлений по мотиву ревности // *Преступность как угроза национальной безопасности.* — Ульяновск, 1997.
- Столярова Г. Межэтнические семьи в Татарстане // *Язык и национализм в постсоветских республиках: По материалам междунар. симпозиума, 5—6 марта 1994 г., Чикаго.* — М., 1994.

- Столярова Г. Р., Титова Т. А. Этническая культура как индикатор самосознания в национально-смешанных семьях: (По материалам изучения русско-татарских семей г. Казани) // *Соврем. нац. процессы в Республике Татарстан*. — Казань, 1992. — Вып. 1.
- Сулимова Т. С. Социальное положение семей, изменивших национальное окружение // *Семья в России*. — 1994. — № 1.
- Тадина Н. А. *Алтайская свадебная обрядность (XIX—XX вв.)* / Горн.-Алт. гос. ун-т. — Горно-Алтайск: Юч-Сюмер, 1995.
- Тараданов А. А. *Семейный круг: Результаты социол. исслед. проблем семьи в Урал. регионе в 1993—1999 гг.* — Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2000.
- Тараданов А. А. *Семейное благополучие: от теории к практике* / Челяб. гос. ун-т. — Челябинск, 2002.
- Татарова С. П. Некоторые аспекты процесса воспитания в современной семье: (По результатам исследования семей Советского района г. Улан-Удэ) // *Проблемы истории и культурно-национального строительства в Респ. Бурятия*. — Улан-Удэ, 1998.
- Татьянина А. Г. Ранний Л. Н. Толстой и С. Т. Аксаков: К проблеме жанра семейного романа // *Проблемы литературных жанров: Матер. IX Междунар. науч. конф., посвящ. 120-летию со дня основ. Том. гос. ун-та, 8—10 дек. 1998 г.* — Томск, 1999. — Ч. 1.
- Тиводар С. В. Онтологическое основание «действительного» и «недействительного» брака в семейном праве // *Гуманит. и социал.-экон. науки*. — Ростов н/Д, 2000. — № 2.
- Тимонина И. В. Влияние семьи на выбор профессии // *Соц.-экон. и психолого-педагогические проблемы непрерывного образования*. — Кемерово, 1995.
- Тимофеева А. С. Семейные нравы русского народа в XVI—XVII вв. // *Актуальные проблемы отечественной и всеобщей истории*. — М., 1999. — Вып. 2.
- Титова Т. А. *Этническое самосознание в национально-смешанных семьях*. — Казань: Форт-Диалог, 1999.
- Тончу Е. А замуж выходили по жребью // *Родина*. — 2000. — № 1/2.
- Топилин А. В. Межнациональные семьи и миграция: вопросы взаимовлияния // *СоцИс: Соц. исслед.* — 1995. — № 7.
- Торохтий В. Офицер и его семья: психологические проблемы социальной поддержки // *Соц. работа*. — 1995. — № 1/7.
- Трапезникова Т. М. Формирование личности ребенка в условиях семьи // *Человек: индивидуальность, творчество, жизненный путь*. — СПб., 1998.
- Тумусов Ф. С. Феномен семьи: стратегия развития // *Филос. исслед.* — 2001. — № 1.
- Турецкая Г. В. Деловая активность женщин и семья // *СоцИс: Соц. исслед.* — 2001. — № 2.
- Федянович Т. П. Семья — фактор устойчивости или размывания этнической группы // *Этнос и его подразделения*. — М., 1992. — Ч. 2.
- Филлипова Т. Н. Государственное воздействие на институт семьи: на примере анализа брачно-семейного законодательства 30-х гг. // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18: Социология и политология*. — 1997. — № 2.
- Фомиченко Н. А. Семья как субъект творчества межличностных отношений // *Соц.-полит. процессы в соврем. России*. — Тверь, 1995.
- Форсова В. В. НИП «Семья кадрового военнослужащего» // *Резюме науч. отчетов по исследоват. проектам, выполненным в рамках общегосударств. програм-*

- мы «Альтернативы социальных преобразований в рос. о-ве в 1991—1994 гг.»*. — М., 1995.
- Форсова В. В. Православные семейные ценности // *СоцИс: Соц. исслед.* — 1997. — № 1.
- Фотеева Е. Социальная адаптация после 1917 года: жизненный опыт состоятельных семей // *Судьбы людей: Россия XX век: Биогр. семей как объект социол. исслед.* — М., 1996.
- Фурсова Е. Ф. Старообрядческая рукопись «О родстве» как источник по семейно-брачным отношениям // *Междунар. науч.-практ. конф. «Проблемы этнологии и этнопедагогике» (21—24 апр. 1999 г.)*. — Новосибирск, 1999. — Вып. 8.
- Харгривз З. Учителя и родители: личные противники или общественные союзники? // *Перспективы*. — М.; Париж, 2001. — Т. 30, № 1.
- Хребтукова А. П. Брачный договор как элемент обычного права русских // *Человек и право: Кн. о летн. шк. по юрид. антропологии (г. Звенигород, 22—29 мая 1999 г.)*. — М., 1999.
- Цатурова М. К. Русское семейное право XVI—XVIII вв. — М.: Юрид. лит, 1991.
- Черлин А. Семейная политика (ответ «сторонников прогресса» на программу «консерваторов») // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18: Социология и политология*. — 1996. — № 3.
- Черная Т. К. «Мысль семейная» в романе «Евгений Онегин» // *Вестн. Ставроп. гос. пед. ун-та. Социально-гуманит. науки*. — Ставрополь, 1996. — Вып. 5.
- Чиненный С. А. Почему гусар не мог жениться // *Воен.-ист. журн.* — 2000. — № 2.
- Число и состав семей в Российской Федерации: По данным переписи населения 1989 г.* / Гос. ком. РФ по статистике (Госкомстат России). — М.: Респ. информ.-изд. центр, 1992. — Т. 1, 2.
- Чокич Е. Особенности брачно-семейных процессов и семейной политики государства в 40-е гг. // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18: Социология и политология*. — 1997. — № 3.
- Чухно В. П. Брак и семья как объект историко-социологических исследований. Методология исследования // *Комплексный подход к изучению социал. структуры*. — М., 1991.
- Шестаков Д. А. *Семейная криминология: Семья — конфликт — преступление* / С.-Петербург. гос. ун-т. — СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1996.
- Шимчак Я. Система наук о семье и попытки ее реализации в Институте изучения семьи // *Проблемы обществ. развития*. — М., 1998. — № 3/4.
- Шмидт С. Начните с истории семьи // *Мир образования*. — 1997. — № 7/8.
- Шурыгина И. И. Наркотики, карьера и семья // *Народонаселение*. — 1999. — № 1.
- Щепанская Т. Б. Магия в семейных конфликтах (социорегулирующие функции представлений о колдовстве) // *Проблемы изучения традиций в культуре народов мира*. — М., 1990. — Вып. 2.
- Шукин В. Г. Концепция Дома у ранних славянофилов // *Славянофильство и современность*. — СПб., 1994.
- Энгельштейн Л. «Крейперова соната» Льва Толстого, русский фин-де-сьель и вопросы секса // *Культурологические записки*. — М., 1997. — Вып. 3.
- Юлина Н. С. Женщина, семья и общество. Дискуссии в феминистской мысли США // *Вопр. философии*. — 1994. — № 9.

- Явнова Л. А. Семейные разлады и наследование у русских старожилов Алтая 2-й половины XIX — начала XX в. // *Гуманит. науки в Сибири. Сер.: Культура, наука, образование.* — Новосибирск, 2001. — № 3.
- Яровская Н. И. *Семейные праздники.* — Калининград: Кн. изд-во, 2000.

Кандидатские и докторские диссертации
по семейной тематике, 1990—2002 годы

- Аббасов Ф. Н. оглы. *Семья и корыстная преступность:* Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.-Петерб. юрид. ин-т. — СПб., 1996. — 22 с.
- Азарова Л. Н. *Развитие творческой индивидуальности младшего школьника в условиях семейного и общественного воспитания:* Автореф. дис. ... канд. пед. наук / Ин-т общ. образования. — М., 1997. — 24 с.
- Айварова Н. Г. *Этнопсихологические особенности самоотношения подростков в условиях семейного воспитания: (На прим. марийского этноса):* Автореф. дис. ... канд. психол. наук / Марийск. гос. ун-т. — Казань, 2001. — 22 с.
- Алаас Кэтиринэ. *Формирование основ традиционного семейного воспитания девочек: (На прим. Респ. Саха (Якутия):* Автореф. дис. ... канд. пед. наук / Якут. гос. ун-т им. Аммосова. — Якутск, 1998. — 22 с.
- Анашкина Г. П. *Семья русского населения Ульяновской области: структура и быт:* Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Отд. народов Урала, Музей археол. и этногр. УНЦ РАН. — Уфа, 1998. — 22 с.
- Андреева К. Е. *Формирование положительного отношения к учению на основе взаимодействия семьи и школы в совместной деятельности младших школьников:* Автореф. дис. ... канд. пед. наук / Якут. гос. ун-т им. Аммосова. — Якутск, 2000. — 20 с.
- Антонов Д. Н. *Восстановление истории семей: метод, источники, анализ:* Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Рос. гос. гуманитар. ун-т. — М., 2000. — 23 с.
- Ануфриев С. А. *Организационные основы системы семейной медицины: опыт планирования и внедрения:* Автореф. дис. ... канд. мед. наук / С.-Петерб. мед. акад. последиплом. образования. — СПб., 1998. — 23 с.
- Бабикова Т. И. *Семейная обрядность русских бассейна Нижней Печоры конца XIX — 1-й трети XX в.:* Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Сыктывкар. гос. ун-т. — Сыктывкар, 1998. — 22 с.
- Бабунова Е. С. *Формирование у детей старшего дошкольного возраста интереса к русской семейной традиционной культуре:* Автореф. дис. ... канд. пед. наук / Моск. гос. открытый пед. ун-т. — М., 1996. — 22 с.
- Баз Л. Л. *Особенности развития общения со взрослым у детей первых двух лет жизни в семьях с наличием и отсутствием коммуникационных девиаций у супругов:* Автореф. дис. ... канд. психол. наук / МГУ им. Ломоносова. Фак. психологии. — М., 1996. — 24 с.
- Белюсова Е. А. *Представления и верования, связанные с рождением ребенка: современная городская культура:* Автореф. дис. ... канд. культурол. наук / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ин-т высш. гуманитар. исслед. — М., 1999. — 25 с.
- Беспалов Ю. Ф. *Судебная защита семейных прав ребенка:* Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Рос. правовая акад. — М., 1997. — 23 с.

- Бинеева Н. К. *Проблемная семья: специфика семейно-брачной и половой социализации:* Автореф. дис. ... канд. социол. наук / Рост. гос. пед. ун-т. — Ростов н/Д, 2001. — 22 с.
- Божедонова А. Н. *Семейно-бытовые отношения в условиях реформирования России как фактор социальной политики: (На материалах Респ. Саха (Якутия):* Автореф. дис. ... канд. филос. наук / Ярослав. гос. ун-т. — Ярославль, 1999. — 33 с.
- Бондов С. Н. *Брачный договор (контракт) по семейному праву России:* Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Юрид. ин-т МВД РФ. — М., 1999. — 25 с.
- Борисова И. В. *Особенности самосознания личности детей 10—15 лет из полных и неполных семей:* Автореф. дис. ... канд. психол. наук / Моск. пед. гос. ун-т им. Ленина. — М., 1996. — 16 с.
- Борлакова Б. М. *Формирование у старшеклассников потребности в создании семьи и воспитании детей:* Автореф. дис. ... канд. пед. наук / Карачаево-Черкес. гос. пед. ун-т. — Карачаевск, 1999. — 21 с.
- Бугрова Е. И. *Многочисленные семьи: плюрализм жизненных стратегий:* Автореф. дис. ... канд. филос. наук / Саратов. гос. техн. ун-т. — Саратов, 1999.
- Буренкова Е. В. *Изучение взаимосвязи стиля семейного воспитания, личностных особенностей ребенка и стратегии поведения значимого взрослого:* Автореф. дис. ... канд. психол. наук / Пенз. гос. пед. ун-т им. Белинского. — Самара, 2000. — 22 с.
- Бялик М. А. *Методологические подходы к организации паллиативной помощи детям, неизлечимо больным онкологическими заболеваниями, и их семьям:* Автореф. дис. ... канд. биол. наук / АНО «Первый хоспис для детей с онкол. заболеваниями». — М., 2000. — 24 с.
- Васильева Л. В. *Социально-философский анализ демографического кризиса в России:* Автореф. дис. ... канд. филос. наук / Ставроп. гос. техн. ун-т. — Ставрополь, 1998. — 26 с.
- Вдовина М. В. *Влияние социальных факторов на отказ детей от родителей: социологический анализ:* Автореф. дис. ... канд. социол. наук / Морд. гос. ун-т им. Огарева. — М., 2000. — 26 с.
- Водник В. Д. *Студенческая семья и ее роль в становлении социальной зрелости будущих специалистов:* Автореф. дис. ... канд. филос. наук / Ленингр. гос. пед. ин-т им. Герцена. — Л., 1990. — 17 с.
- Гаспарян Ю. А. *Институт семьи: социологические проблемы обновления и развития:* Автореф. дис. ... д-ра социол. наук / С.-Петерб. гос. ун-т. — СПб., 1998. — 30 с.
- Гончаров Ю. М. *Сибирская купеческая семья 2-й половины XIX — начала XX в.: (По материалам компьютер. базы данных купеч. семей Том. губ.):* Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Алт. гос. ун-т. — Барнаул, 1997. — 27 с.
- Гранкин А. Ю. *Проблемы семейного воспитания в русской демократической педагогике конца XIX — начала XX в.:* Автореф. дис. ... канд. пед. наук / Адыг. гос. ун-т. — Майкоп, 1996. — 24 с.
- Гребенник Л. В. *Экономика семейного хозяйства в аграрном секторе:* Автореф. дис. ... канд. экон. наук / Сиб. НИИ экономики сел. хоз-ва СО РАСХН. — Новосибирск, 1998. — 21 с.: табл.
- Даведьянова Н. С. *Становление и развитие естественнонаучной теории семейного воспитания в России (конец XIX — начало XX в.):* Автореф. дис. ... канд. пед. наук / Владимир. гос. пед. ун-т. — Владимир, 1995. — 14 с.

- Дармодехин С. В. *Государственная семейная политика в современной России*: Автореф. дис. ... д-ра социол. наук / НИИ семьи Мин-ва труда и социал. развития РФ. — М., 1997. — 39 с.
- Дмитриева М. А. *Формирование ценностного отношения к семье у старших школьников*: Автореф. дис. ... канд. пед. наук / Ростов н/Д, 1999. — 23 с.
- Дуканова Е. И. *Содержание, формы и методы обучения учащихся основам семейной экономики*: Автореф. дис. ... канд. пед. наук / Брян. гос. пед. ун-т им. Петровского. — Брянск, 1999. — 19 с.
- Дымнова Т. И. *Психологический анализ зависимости структурно-содержательных особенностей супружеской семьи от родительской*: Автореф. дис. ... канд. психол. наук / Моск. гос. открытый пед. ун-т. — М., 1996. — 22 с.
- Евченко А. Ф. *Семья молодого офицера советских Вооруженных сил: Проблемы становления и укрепления*: Автореф. дис. ... канд. филос. наук / Воен.-полит. акад. им. Ленина. — М., 1991. — 20 с.
- Елизаров А. Н. *Ценностные ориентации семьи как фактор родителско-юношеского конфликта*: Автореф. дис. ... канд. психол. наук / МГУ им. Ломоносова. Фак. психологии. — М., 1995. — 23 с.
- Ерещенко Ю. В. *Психологические особенности проявления самосознания детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста (5—8 лет) из воцерковленных православных семей*: Автореф. дис. ... канд. психол. наук / Моск. гос. пед. ун-т. Каф. пед. психологии. — М., 1997. — 16 с.
- Ермак Г. Г. *Семейный и хозяйственный быт казаков юга Дальнего Востока России (2-я половина XIX — начало XX в.)*: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ин-т ист., археол. и этногр. народов Дальнего Востока ДВО РАН. — Владивосток, 2000. — 24 с.
- Зицер В. *Фактор свободы в становлении взаимоотношений между детьми и родителями*: Автореф. дис. ... канд. пед. наук / Рос. гос. пед. ун-т им. Герцена. — СПб., 1998. — 18 с.
- Зуева Е. А. *Русская купеческая семья в Сибири конца XVIII — 1-й половины XIX в.*: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Новосиб. гос. ун-т. — Новосибирск, 1992. — 20 с.
- Ивченко Е. Г. *Духовные основы русской семьи*: Автореф. дис. ... канд. филос. наук / Ростов. гос. ун-т. — Ростов н/Д, 1996. — 23 с.
- Карацуба Т. К. *Особенности жизненного и профессионального становления единственных детей в семье*: Автореф. дис. ... канд. психол. наук / Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. — М., 1998. — 22 с.
- Ким Л. С. *Семья как форма межнационального взаимодействия: (На прим. народов Сибири, Севера и Дальнего Востока)*: Автореф. дис. ... канд. филос. наук / Том. гос. ун-т. — Томск, 1991. — 20 с.
- Киньябаева Г. А. *Семья и брак у Башкир в 1-й половины XIX в.: (Демогр. анализ материалов ревиз. сказок)*: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Башк. гос. ун-т. — Уфа, 1998. — 23 с.
- Клещин А. А. *История социологии семьи в России (конец XIX в. — 90-е гг. XX в.)*: Автореф. дис. ... канд. социол. наук / С.-Петербург. фил. Ин-та социологии РАН. — СПб., 1999. — 24 с.
- Когаленко О. З. *Антропология христианской семьи*: Автореф. дис. ... канд. филос. наук / Сев.-Кавк. науч. центр высш. шк. — Ростов н/Д, 1999. — 31 с.
- Кожина И. А. *Семья в провинциальном российском городе: социальный энергопотенциал: (Социосинерг. аспект)*: Автореф. дис. ... канд. социол. наук / Таганрог. гос. радиотехн. ун-т. — Новочеркасск, 2000. — 23 с.

- Кузнецова Л. В. *Тенденции сексуального поведения городского населения России на рубеже XIX—XX вв.: (Социол. анализ)*: Автореф. дис. ... канд. социол. наук / Ин-т социологии РАН. С.-Петербург. фил. — СПб., 1999. — 18 с.
- Кузнецова Т. В. *Становление у старшеклассников адекватного образа семьи*: Автореф. дис. ... канд. пед. наук / Брян. гос. пед. ун-т им. Петровского. — Брянск, 1998. — 17 с.
- Кузьмин А. И. *Теоретико-методологические принципы исследования самосохранительной функции семьи*: Автореф. дис. ... д-ра социол. наук / Урал. гос. ун-т им. Горького. — Екатеринбург, 1997. — 48 с.
- Кулигина М. В. *Повторный брак как социально-гигиеническая и медико-демографическая проблема*: Автореф. дис. ... канд. мед. наук / Иванов. НИИ материнства и детства им. Горюкова Минздравмедпрома РФ. — М., 1996. — 22 с.
- Кучмаев М. Г. *Проблемы наследования культурных ценностей семьи в эпоху депопуляции*: Автореф. дис. ... канд. культурол. наук / Гос. акад. славян. культуры. — М., 2000. — 24 с.
- Лебедь О. Л. *Социологический портрет современной семьи: (По материалам уст. нар. культуры)*: Автореф. дис. ... канд. социол. наук / МГУ им. Ломоносова. Социол. фак. — М., 2000. — 23 с.
- Ли В. *Сравнительный анализ семейно-демографической политики в России и Китае*: Автореф. дис. ... канд. социол. наук / МГУ им. Ломоносова, Социол. фак. — М., 1999. — 25 с.
- Маартен М. *Проблема семьи в творчестве Л. Н. Толстого (1850—1870-е гг.)*: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / МГУ им. Ломоносова. — М., 2000. — 27 с.
- Марковичева Е. В. *Традиции семейного воспитания в Древней Руси IX—XIII вв.*: Автореф. дис. ... канд. пед. наук / Моск. гос. открыт. пед. ун-т. — М., 1997. — 16 с.
- Машинская Н. В. *Насилие в семье: (Криминол. и уголовно-правов. аспекты)*: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Юрид. ин-т МВД России. — М., 2001. — 24 с.
- Меншиков В. М. *Организационно-педагогические условия использования семейных династий в профессиональном самоопределении учащейся молодежи*: Автореф. дис. ... канд. пед. наук / Урал. гос. акад. физ. культуры. — Курган, 1999.
- Милорадов Н. А. *Семья в системе факторов профессиональной деятельности офицера: (Социал.-филос. анализ)*: Автореф. дис. ... канд. филос. наук / Гуманит. акад. Вооруженных сил. — М., 1994. — С. 20.
- Митоян А. А. *Потребительское поведение семей: дифференциация, динамика, классификация*: Автореф. дис. ... д-ра экон. наук / Центр экон.-мат. ин-т АН СССР. — М., 1990. — 29 с.
- Николаева Ю. В. *Охрана интересов семьи уголовно-правовыми средствами*: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Юрид. ин-т МВД РФ. — М., 1996. — 19 с.
- Носкова А. В. *Эволюция социального института семьи в России в IX—XVII вв.: историко-социол. анализ*: Автореф. дис. ... канд. социол. наук / МГУ им. Ломоносова. — М., 2001. — 25 с.
- Орлова Н. Х. *Семья как объект социально-философского исследования: (Эволюция семейных отношений на рубеже XX—XXI столетий)*: Автореф. дис. ... канд. филос. наук / Балт. гос. техн. ун-т им. Устинова. — СПб., 2000. — 24 с.
- Павленко А. И. *Философско-педагогическая идея семьи в публицистике В. В. Розанова*: Автореф. дис. ... канд. пед. наук / Елец. гос. пед. ун-т. — Елец, 2000. — 18 с.

- Панкратова М. Г. *Сельская семья в XX в.*: Автореф. дис. ... д-ра социол. наук / Ин-т социол. РАН. — М., 1996. — 72 с.
- Полевая М. В. *Отчуждение как характеристика детско-родительских взаимоотношений*: Автореф. дис. ... канд. психол. наук / Ин-т пед. инноваций. — М., 1998. — 19 с.
- Пушкарева Н. Л. *Женщина в русской семье X — начала XIX в.: динамика социокультурных изменений*: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — М., 1997. — 52 с.
- Разумова И. А. *Современный русский семейный фольклор как этнокультурный феномен (Сев.-Зап. регион)*: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Музей антропологии и географии им. Петра Великого (Кунсткамера). — СПб., 2000. — 45 с.
- Ревин В. П. *Современные проблемы изучения и организации борьбы с преступлениями в сферах семейно-бытовых и молодежно-досуговых отношений*: Дис. ... д-ра юрид. наук в форме науч. докл., выполн. также функции автореф. / Акад. МВД РФ. — М., 1994. — 52 с.
- Рытникова Я. Т. *Семейная беседа: обоснование и риторическая интерпретация жанра*: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Урал. гос. ун-т им. Горького. — Екатеринбург, 1996. — 20 с.
- Татьянина А. Г. *Проза молодого Л. Н. Толстого и проблема семейного романа*: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / МГУ им. Ломоносова. Фил. фак. Каф. истории рус. лит. — М., 2000. — 25 с.
- Тиводар С. И. *Онтология семейного права*: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Сев.-Кавказ. науч. центр высш. школы. — Ростов н/Д, 2000. — 22 с.
- Тищенко Л. А. *Соотношение светского и церковного законодательства России о браке и семье (XIX — начало XX в.)*: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Моск. гор. пед. ун-т. — М., 2001. — 27 с.
- Торохтий В. С. *Психолого-педагогическое обеспечение социальной работы с семьей военнослужащего*: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук / Центр социал. педагогики РАО. — М., 1997. — 38 с.
- Фабрика А. А. *Альтернативные формы семейной жизнедеятельности: (Ист.-социол. анализ)*: Автореф. дис. ... канд. социол. наук / МГУ им. Ломоносова. Социол. фак. — М., 1997. — 25 с.
- Чеховских И. А. *Городские семейные стратегии в неформальной экономике: труд на даче*: Автореф. дис. ... канд. экон. наук / С.-Петербург. гос. ун-т экон. и фин. — СПб., 2000. — 15 с.
- Шапиро А. З. *Специфика развития личности в семейном окружении: (На материале теоретико-психол. анализа соврем. социобиологии)*: Автореф. дис. ... канд. психол. наук / МГУ им. Ломоносова. Фак. психологии. — М., 1995.
- Шмелева М. Н. *Народные традиции в развитии современной городской семьи у русских*: Дис. ... д-ра ист. наук в форме науч. докл. / Ин-т этногр. им. Миклухо-Маклая АН СССР. — М., 1990. — 58 с.
- Янкова З. А. *Семья как базисная подсистема общества*: Автореф. дис. ... д-ра социол. наук / Рос. ин-т культурологии РАН. — М., 1995. — 42 с.
- Ярская-Смирнова Е. Р. *Социокультурный анализ нетипичности*: Автореф. дис. ... д-ра социол. наук / Саратов. гос. техн. ун-т. — Саратов, 1997. — 41 с.

Интернет-сайты о браке и семейной жизни:

- А. Я. Психология — словарь, тесты, тренинги, ссылки, статьи:
<<http://azps.ru/index.html>>
- AskMe: Семейные отношения (вопросы и ответы по актуальным темам):
<<http://www.askme.ru/>>
- Библиотека по правам человека (законодательство):
<<http://www.hro.org/editions/index.htm>>
- 8Я — Клуб многодетных семей: <<http://www.8ya.ru/>>
- Дети.Ру — информация по вопросам семьи и детей (советы, дискуссии, конкурсы): <<http://www.deti.ru/>>
- Дружная семья — сайт для семей и семейных людей; вопросы усыновления:
<<http://family.use.ru/>>
- Женщина и Общество — информационный портал (документы, организации и др.): <<http://www.owl.ru/>>
- Мама.Ру (сообщество родителей): <<http://www.mama.ru/>>
- Материнство (советы специалистов и родительский опыт):
<<http://www.materinstvo.ru/>>
- Мир семьи — Интернет-система по вопросам семьи и семейной политики:
<<http://www.fw.ru/>>
- Моя семья — официальный сайт телепередачи: <<http://www.moya-semya.ru/>>
- Невестушка — женский журнал: <<http://www.nevestushka.ru/lovebrak.htm>>
- Портал для родителей: <<http://www.parenting.ru/>>
- Правовое общество (семейное законодательство, правовые консультации):
<<http://pravo.org.ru/>>
- Православная семья (статьи о православном браке и семье, форум):
<<http://orthofamily.narod.ru/>>
- Практическая психология (общение, сексуальные роли, отношения в паре):
<<http://sputak.narod.ru/>>
- Психология семейных отношений, психология для родителей:
<<http://www.psyservice.ru/default.asp>>
- Психология семейных отношений на Follow.Ru (тексты, ссылки, тесты):
<<http://www.follow.ru/catalog/6>>
- Родительский комитет (некоммерческое партнерство в защиту семьи):
<<http://www.r-komitet.narod.ru/>>
- Российские женщины в XX веке (статус, женские движения, семья):
<<http://www.a-z.ru/women/>>
- 7Я (семья, дети, родители): <<http://www.7ya.ru/>>

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Сексология — сайт И. С. Кона: <<http://www.neuro.net.ru/sexology/>>
- Сексология и сексуальное здоровье: <<http://sexology.hut.ru/>>
- Сексуальная энциклопедия (форум, статьи, иллюстрации):
<<http://sexopedia.ru/>>
- Семья — христианское содружество: <<http://thefamily.dp.ua/>>
- Семья — неполитическая еженедельная газета: <<http://www.semya.ru/>>
- Семья на OnLife.Ru (в проекте «Самоучитель жизни»):
<<http://www.onlife.ru/family.phtml/>>
- Сумасшедшая жизнь (психология семьи, брак, развод):
<<http://crazylife.by.ru/semya/semya.shtml>>
- Харьковский Центр гендерных исследований (журнал, библиотека):
<<http://www.gender.univer.kharkov.ua/>>
- ЮРцентр — законодательство (Семейный кодекс РФ и др. документы):
<<http://base.jurcenter.ru/>>
- WWWomen online (женский портал — рейтинг сайтов, журналы, новости):
<<http://wwwwomen.ru/>>

Сведения об авторах

Бычков Дмитрий Геннадьевич — младший научный сотрудник Алтайской лаборатории социальных и экономических исследований Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук (Барнаул), ассистент кафедры общей психологии Алтайского государственного университета (Барнаул).
Электронная почта: <bychkov@uic.asu.ru>

Бэр Брайан Джеймс (Baer Brian James) — профессор русской литературы и перевода в Кентском государственном университете (Огайо, США). В настоящее время работает над книгой «Культура перевода. Перевод как социальный феномен в советской России» и завершает исследование о гомосексуальности в русской литературе XX века.

Виссон Линн (Visson Lynn) — доктор филологических наук, бывший профессор Колумбийского и других университетов США, в настоящее время — синхронный переводчик ООН. Автор исследования «Чужие и близкие в русско-американских браках» (М., 1999), нескольких учебников по синхронному переводу и ряда книг и статей о сходстве и различиях в культурах Америки и России, опубликованных в обеих странах.
Электронная почта: <visson@un.org>

Воронцов Дмитрий Владимирович — кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры социальной психологии (факультет психологии Ростовского государственного университета, г. Ростов-на-Дону). Также работает клиническим психологом в Южном окружном центре Минздрава России по профилактике и борьбе со СПИДом (г. Ростов-на-Дону). Область научных интересов: гендерные исследования в социальной психологии, психосоциальные аспекты профилактики ВИЧ-инфекции. Защитил первую в отечественной социальной психологии диссертацию по социально-психологическим аспектам гомосексуальности (1999).
Электронная почта: <dvoron@donpac.ru>

Гал Сюзан (Gal Susan) — профессор антропологии Чикагского университета. В течение ряда лет в центре ее исследования находятся вопросы языковой политики и языка политики в Восточной Европе «Language shift: social

determinants of linguistic change in bilingual Austria» (N.Y., 1979). В настоящее время исследует вопросы идеологии языка, лингвистического различия, а также проблемы циркуляции мнений по поводу правдивости средств массовой информации в постсоциалистическом мире.

Гапова Елена Ильинична — директор Центра гендерных исследований Европейского гуманитарного университета (Минск), автор статей по проблемам гендера, нации и класса в посткоммунистическом обществе. Редактор книг (совместно с Альмирой Усмановой) «Антология гендерной теории» (Минск, 2000) «Гендерные истории Восточной Европы» (Минск, 2002) и «Женщины на краю Европы» (Минск, 2003).

Электронная почта: <e.gapova@worldnet.att.net>

Данилова Наталья Юрьевна — научный сотрудник Европейского университета в Санкт-Петербурге, ассоциированный сотрудник Центра независимых социологических исследований (СПб). Автор ряда статей по проблемам формирования мужественности в армии и в условиях боевых действий, концептуализации военной службы в феминистской теории, анализа социальной политики и коллективных действий участников Афганской войны, опубликованных в журналах «Гендерные исследования», «Социологические исследования» и др.

Электронная почта: <nat_dan@eu.spb.ru>

Дворянчикова Ирина Алексеевна — аспирантка кафедры социологии и политологии Самарского государственного университета, специализируется в исследовании семьи, инвалидности, гендерных отношений.

Электронная почта: <irinady99@mail.ru>

Еремеев Ян Михайлович — аспирант, сотрудник кафедры общей психологии, психологии личности и истории психологии психологического факультета Ростовского государственного университета (Ростов-на-Дону). Автор ряда статей по проблемам исторической психологии и культурной антропологии (социальная и религиозная идентичность, повествовательное «Я» и социальные дискурсы, взаимодействие культуры текста и сознания). Область научных интересов: историческая персонология, социальный конструкционизм, история культуры.

Электронная почта: <eyan@mail.ru>

Журженко Татьяна Юрьевна — кандидат философских наук, доцент философского факультета Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина. Автор книг «Бизнесмен: стяжатель, игрок или творец? Становление предпринимательского этоса» (Харьков, 1993) и «Социальное воспроизводство и гендерная политика в Украине» (Харьков, 2001). Опубликовала ряд статей в области гендерных исследований и развития феминизма на Украине, а также о формировании национальной идентичности и языковой политики.

Казьмина Ольга Евгеньевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры этнологии исторического факультета МГУ. Научные интересы: этнос и религия, этническая демография. Соавтор книг «Основы этнодемографии»

(М., 1994), «Религии современного мира» (М., 1998). Преполагает этнологию, этнодемографию, религиоведение.

Электронная почта: <kazmina@hist.msu.ru>

Кей Ребекка (Kay Rebecca) — преподаватель кафедры Исследований Центральной и Восточной Европы в Университете Глазго (Шотландия). Автор книги «Russian Women and their Organisations. Gender, Discrimination and Grass-roots Women's Organisations, 1991—1996» (London, 2000) и соавтор книги (совместно с S. Bridger, K. Pinnick) «No More Heroines? Russia, Women and the Market» (London, 1996). В настоящее время в центре ее исследований находятся вопросы влияния социальных изменений на российских мужчин.

Электронная почта: <r.kay@socsci.gla.ac.uk>

Клигмен Гейл (Kligman Gail) — профессор социологии университета Калифорнии в Лос-Анджелесе (UCLA). Ее работы посвящены вопросам политики, пола и культуры и основаны на материалах обширных полевых исследований в социалистической и постсоциалистической Румынии, а также — на материалах сравнительных исследований в постсоциалистической Восточной Европе. Среди ее недавних проектов — сравнительное исследование нищеты, национальности и пола («Poverty, Ethnicity and Gender in Transitional Societies», совместно с Ivan Szelenyi), историческое исследование трансформации собственности в Румынии («The Transformation of Property and Personhood: Collectivization in Romania, 1949—1962») (совместно с Katherine Verdery) и др.

Клингзайс Катарина (Klingseis Katharina) — переводчица с английского и русского языков, работает над кандидатской диссертацией на тему «Дискривная конструкция идентичности в автобиографических рассказах о миграции русскоязычных жителей Вены» на кафедре славистики Венского университета (Австрия). Сфера интересов: теории дискурса и субъектности, теории миграции и идентичности британской школы культурных исследований.

Электронная почта: <a7816428@unet.univie.ac.at>

Котогорова Валентина Вениаминовна — историк, журналистка, художница. Восстановила пол/гендер в 1998 году. С 1999 года сотрудница петербургского Центра гендерных проблем. Основная сфера интересов — трансгендерные и женские исследования, а также феминистская литература.

Электронная почта: <pegp@mail.wplus.net>

Литовская Мария Аркадьевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XIX века Уральского государственного университета (Екатеринбург). Автор монографии «Феникс поет перед солнцем: Феномен Валентина Катаева» (Екатеринбург, 1999) и ряда статей по проблемам истории советской литературы и культуры.

Электронная почта: <marialiter@mail.ur.ru>

Лукеренко Кирило — работает над докторской диссертацией по международным отношениям в Лондонской школе экономики. Журналист. Работал на

украинском телевидении и в прессе, а также в украинской секции Всемирной службы Би-би-си (Великобритания). Магистр политологии (Центрально-Европейский университет, Будапешт), магистр международных отношений (Лондонская школа экономики, Лондон).

Луныкова Лариса Григорьевна — кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук, сотрудник Московского центра гендерных исследований. Научные интересы: семьи одиноких матерей, соблюдение прав женщин в России конца XX века, жизненные стратегии семей различного типа в условиях социально-экономической трансформации и кризиса в России на рубеже XX—XXI веков. Автор более 30 публикаций, в том числе в таких изданиях, как «Социологические исследования» и «Народонаселение».

Электронная почта: <lunyakova@yandex.ru>

Матханова Евгения Иосифовна — кандидат исторических наук. Научные интересы: история декабристской ссылки в Сибири. Автор многих статей о декабристах в Сибири, о детях и женах декабристов.

Матханова Наталья Петровна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории Сибирского отделения РАН, профессор кафедры истории и политологии Новосибирского государственного технического университета. Научные интересы: история декабристской ссылки в Сибири, история чиновничества и управления в России в XIX веке, сибирская мемуаристика XIX века, женщины в Сибири XIX в. Публикатор и составитель книг «Декабрист А. В. Поджио. Записки, письма» (Иркутск, 1988), «Граф Н. Н. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников» (Новосибирск, 1998), автор монографий «Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В. Я. Руперт, Н. Н. Муравьев-Амурский, М. С. Корсаков» (Новосибирск, 1998), «Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века: Проблемы социальной стратификации» (Новосибирск, 2002).

Электронная почта: <istochnik@history.nsc.ru>

Михель Дмитрий Викторович — доктор философских наук, профессор кафедры Истории российской цивилизации Саратовского государственного университета, профессор кафедры социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета. Автор книг «Тело в западной культуре» (Саратов, 2000), «Воплощенный человек: Западная культура, медицинский контроль и тело» (Саратов, 2000) и других и ряда статей в журнале «Гендерные исследования».

Электронная почта: <dmitrymikhel@hotmail.com>

Мур Элизабет Р. (Moore Elizabeth R.) — преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета (по гранту Фулбрайта). Ее докторская диссертация была посвящена теме идентичности афроамериканцев в работах Ричарда Райта, Ральфа Эллисона и Джейма Болдуина.

Нартова Надежда — аспирантка факультета политических наук и социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге. Область интересов — исследования сексуальности, феминистские исследования, гей-лесбийские исследования.

Электронная почта: <nadich@eu.spb.ru>

Непомнящая Катерина (Nepomnyashchy Catharine Theimer) — профессор русской литературы и культуры, заведующая кафедрой славистики в Барнард-колледже и директор Гарримановского института в Колумбийском университете (Нью-Йорк). Автор книги «Abram Tertz and the Poetics of Crime» (1995); совместно со Славой Ястремски (Slava Yastremski) перевела на англ. язык «Прогулки с Пушкиным» (1993). Является автором многих статей о постсталинской советской и русской литературе и культуре, об истории российской журналистики, о русском балете, телевидении, детективах и Пушкине. В настоящее время — президент Американской ассоциации учителей русского и восточноевропейских языков, член Совета директоров Американской ассоциации развития славянских исследований (AAASS), член Совета Института Кеннана и др.

Орлова Галина Анатольевна — кандидат психологических наук, и.о. доцента кафедры психологии личности Ростовского государственного университета. Публиковалась в журналах «Общественные науки и современность», «Полис», «Критика и семиотика».

Электронная почта: <kir@rnd.runnet.ru>

Подчиненов Алексей Васильевич — доцент кафедры русской литературы Уральского государственного университета (Екатеринбург). Автор книг «Русская литература XX века: проблемы и имена» (Екатеринбург, 1994, совместно с Л. П. Быковым и Т. А. Снигиревой), «Русская идея как художественный феномен» (Екатеринбург, 2001, совместно с Т. А. Снигиревой) и ряда статей по истории русской литературы.

Электронная почта: <podchinyonov@r66.ru>

Прохоров Александр — преподает в Колледже Вильяма и Мэри (штат Виргиния). Автор ряда статей по советской и постсоветской литературе и визуальной культуре, в частности по проблемам национальной и гендерной идентичности. Его статьи были опубликованы в сборниках издательства Дюкского и Северозападного университетов (США).

Электронная почта: <axprok@wm.edu>

Пушкарёва Наталья — ведущий сотрудник Института этнологии и антропологии Российской академии наук, профессор, одна из основательниц женской и гендерной истории в России. Автор семи монографий, редактор нескольких сборников статей по истории женщин в России, истории семьи, частной жизни и сексуальности. Среди ее публикаций: «Женщины Древней Руси» (М., 1989), «Women in Russian History, 10—20 cc.» (New York, 1997), «Частная жизнь русской женщины: невеста, жена любовница» (М., 1997), «Русская женщина: прошлое и современность» (М., 2002).

Разумова Ирина — заведующая кафедрой истории и этнологии Государственной полярной академии в Санкт-Петербурге, доктор исторических наук, специализируется в области фольклористики, этнографии русских и сопредельных этносов, культурантропологии. Занимается сбором современного фольклора Севера и Северо-Запада России. Ее последняя монография «Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История» (М., 2001) посвящена культурным традициям и устной истории российских семей конца XX в.

Рансель Дэвид (Ransel David L.) — директор Института России и Восточной Европы при университете штата Индиана, где он также преподаёт историю. В настоящее время работает над двумя проектами: биографией купца из провинциальной России XVIII века и исследованием по устной истории, в центре которого — вопросы верности основным социальным институтам двух поколений рабочих из промышленных пригородов России. Является автором книг: «The Politics of Catherinian Russia: The Panin Party» (Yale, 1975); «Mothers of Misery: Child Abandonment in Russia» (Princeton, 1988); «Village Mothers: Three Generations of Change in Russia and Tataria» (Indiana, 2000); а также редактором и соредактором следующих сборников научных статей: «The Family in Imperial Russia» (Illinois, 1978); «Imperial Russia: New Histories for the Empire» (соредактор — Дж. Бурбенк (Jane Burbank), Indiana, 1998).

Электронная почта: <ransel@indiana.edu>

Рид Сюзан (Reid Susan) — преподаёт русское и советское изобразительное искусство на кафедре русских и славянских исследований в университете Шеффилда (Англия). Опубликовала ряд работ по советской визуальной культуре от Сталина до 1990-х годов; в центре ее особого внимания — гендерные аспекты хрущевского периода. Совместно с Давидом Краули (David Crowley) отредактировала два сборника научных статей, посвященных пространству в социалистическом обществе («Socialist Spaces: Sites of Everyday Life in the Eastern Bloc», Berg, 2002) и вопросам стиля при социализме («Style and Socialism: Modernity and Material Culture in Post-War Eastern Europe», Berg, 2000).

Рис Нэнси (Ries Nancy) — профессор антропологии Колгейского университета, автор книги «Russian Talk, Culture and Conversation during Perestroika» (Ithaca, 1997). В настоящее время исследует повседневные дискурсы о мафии, власти, деньгах, классовых отношениях и нищете в современной России.

Роткирх Анна (Rotkirch Anna) — доцент, читает курсы по социальной политике и женским исследованиям, является научным сотрудником Центра углубленных исследований при университете Хельсинки. Специализируется на сравнительном исследовании семей, родительства и сексуальности. Автор книги «The Man Question. Loves and Lives in late 20th century Russia» (Helsinki, 2001).

Рябов Олег Вячеславович — доктор философских наук, доцент кафедры философии Ивановского государственного университета. Автор книги «“Магушка-Русь”: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности

России в отечественной и западной историософии» (Москва, 2001), «Русская философия женственности (XI—XX вв.)» (Иваново, 1999), «Женщина и женственность в философии Серебряного века» (Иваново, 1997) и ряда статей по проблеме «гендер и национальная идентичность» в журналах «Общественные науки и современность», «Филологические науки», «Wiener Slawistischer Almanach» и др.

Электронная почта: <olegria@indi.ru>

Рязанцев Сергей Васильевич — кандидат экономических наук, доцент Ставропольского государственного университета.

Савкина Ирина — преподаёт русскую литературу в университете г. Тампере (Финляндия). Является автором многочисленных статей, посвященных в основном изучению русской женской литературы. Этой же проблеме посвящены и две ее монографии: «Провинциалки русской литературы (женская проза 30—40-х гг. XIX века)» (Verlag F. K. Gopfert-Wilhelmshorst, 1998) и «Пишу себя: автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века» (Tampere, 2001).

Снегирева Татьяна Александровна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX века Уральского государственного университета (Екатеринбург). Автор книг «Русская литература XX века: проблемы и имена» (Екатеринбург, 1994, совместно с Л. П. Быковым и А. В. Подчиновым), «А. Т. Твардовский: поэт и его эпоха» (Екатеринбург, 1997), «Русская идея как художественный феномен» (Екатеринбург, 2001, совместно с А. В. Подчиновым) и ряда статей по истории русской литературы XX века.

Созина Елена Константиновна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XIX века Уральского государственного университета (Екатеринбург). Автор книг «Теория символа и практика художественного анализа» (Екатеринбург, 1998) и «Сознание и письмо в русской литературе» (Екатеринбург, 2001) и ряда статей по истории русской литературы.

Электронная почта: <sozina@internethome.ru>

Темкина Анна — доцент факультета политических наук и социологии Европейского университета в С.-Петербурге, содиректор программы гендерных исследований. Автор статей по методологии гендерных исследований, по проблемам современных гендерных отношений в России и сексуальности, опубликованных в журналах «СОЦИС», «Социологический журнал», «Общественные науки и современность», «Гендерные исследования» и пр., в коллективных монографиях (на русском, английском, немецком и финском языках). Под ее редакций (совместно с Е. Здравомысловой) опубликована книга «В поисках сексуальности» (СПб., 2002).

Электронная почта: <temkina@eu.spb.ru>

Утехин Илья Владимирович — кандидат исторических наук, преподаёт на факультете этнологии Европейского университета в Санкт-Петербурге, где читает лекции по семиотике, лингвистике и исследованию повседневности

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

го поведения. Автор монографии «Очерки коммунального быта» (М., 2001).

Ушакин Сергей — кандидат политических наук, докторант кафедры социокультурной антропологии Колумбийского университета (Нью-Йорк). Основные интересы — философия и антропология власти, проблемы и механизмы идентификации. Публиковался в журналах «Вопросы философии», «Общественные науки и современность», «Полис», «Человек», «Ethnos», «Europe-Asia Studies», «Public Culture», «Theory, Culture and Society» и др. Редактор-составитель сборника «О муже(N)ственности» (М., 2002).
Электронная почта: <oushakine@columbia.edu>

Шабурова Ольга — кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии, директор Центра гендерных исследований Уральского гос. университета (Екатеринбург). Области научных интересов — политическая философия, гендерные исследования, философия повседневности, эстетика власти, массовая культура.
Электронная почта: <rosno-eburg@mail.ru>

Щербинин Павел Петрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина. Является руководителем общественной организации «Тамбовский центр гендерных исследований». Ответственный редактор сборников статей и материалов международных конференций «Война и общество» (Тамбов, 1999), «Армия и общество» (Тамбов, 2000), «От мужских и женских к гендерным исследованиям» (Тамбов, 2001). Автор ряда статей в журнале «Родина» по проблемам повседневной жизни россиянок в период войн XIX — начала XX в. и др.
Электронная почта: <pavel_s@svet.tstu.ru>

Эткинд Александр — доцент Европейского университета в Санкт-Петербурге, кандидат психологических наук, Ph.D., автор книг «Эрос невозможного. История психоанализа в России» (СПб., 1993), «Содом и Психея. Очерки интеллектуальной истории Серебряного века» (М., 1996), «Хлыст: секты, литература и революция» (М., 1998), «Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах» (М., 2001).

Ярская-Смирнова Елена Ростиславовна — доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета. Автор книг «Семья нетипичного ребенка» (Саратов, 1996), «Социокультурный анализ нетипичности» (Саратов, 1997), «Одежда для Адама и Евы. Очерки гендерных исследований» (М., 2001) и ряда статей по проблемам культуры, гендерных отношений, семьи, инвалидности, социальной политики и социальной работы, по методологии качественных исследований.
Электронная почта: <socwork@online.ru>

Family Bonds: Models to Assemble Edited by Serguei Oushakine

Looking at Russia's political trajectories across the 1990s, it is not hard to track the discursive prominence of family and kinship in various parts of society. In formal media commentary and in daily life, Russians invoke the topic and terms of *rodstvo* (relatedness) as a primary explanatory tool and symbolic framework for capturing changes and transformations in the country around them. Suffice it to mention the "Yeltsin Family," "Soldiers' Mothers" or the "Solnzevo brotherhood" (*bratva*). In this collection of essays, an international team of scholars demonstrates why — despite all the changes and experiments — family continues to be one of the main social and symbolic institutions. Based on an extensive historical, sociological and cultural material, this book explores incompatible meanings, diverse functions and convoluted configurations that are associated with family.

СЕМЕЙНЫЕ УЗЫ:
МОДЕЛИ ДЛЯ СБОРКИ

Сборник статей. Кн. 2

Редактор *Е. Мохова*
Дизайнер тома *П. Конколович*
Корректоры *И. Окунева, Н. Смирнова,*
Компьютерная верстка *В. Дзядко*

Адрес издательства:

129626, Москва,

а/я 55,

тел.: (095) 976-4788

факс: (095) 977-0828

e-mail: real@nlo.magazine.ru

Интернет: <http://www.nlo.magazine.ru>

Формат 60x90/16

Бумага офсетная № 1

Печ. л. 32,5. Заказ № 182

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Чебоксарская типография № 1»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15